

OF
PRESS

АРХИВЪ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый
І. В. ГЕССЕНОМЪ

XVI

БЕРЛИНЪ 1925

LIBRARY
AUG 31 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

Моя борьба съ епископомъ Гермогеномъ и Иліодоромъ

Изъ воспоминаній сенатора П. П. Стремоухова*).

Въ 1910 году наступилъ седьмой годъ моего управленія Сувалкской губерніею. Я изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ, зналъ каждую деревню, изучилъ насквозь всѣхъ своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ . . . и заскучалъ. Захотѣлось чего-то новаго. Перемѣнить губернію въ Привисленскомъ Краѣ мнѣ не хотѣлось, почему я сдѣлалъ попытку перейти на службу въ Имперію.

Новгородская губернія была вакантна. Я написалъ Столыпину, прося его перевода въ эту губернію, но получилъ отвѣтъ отъ директора департамента общихъ дѣлъ, Арбузова, что министръ очень сожалѣетъ, но не можетъ исполнить мою просьбу, потому что эта губернія обѣщана уже другому лицу. При ближайшемъ свиданіи со мною Арбузовъ пояснилъ, что это была только manière de parler и что желаніе мое перейти во внутреннія губерніи совершенно безнадежно, т. к. министръ находитъ возможнымъ назначать на эти должности только лицъ, знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ.

Такое положеніе меня очень огорчило, т. к. привязывало меня къ Царству Польскому, гдѣ я прослужилъ уже восемнадцать лѣтъ. Хотѣлось въ Россію, а въ особенности въ Петербургъ, частыя поѣздки въ который особенно разохотили меня къ столичной жизни. Поэтому я рѣшился попытаться пойти по другой линіи. Частыя встрѣчи и проводы въ Вержболовѣ Вдовствующей Императрицы, стоявшей во главѣ вѣдомства Императрицы Маріи, давали мнѣ надежду пройти въ Почетные Опекуны. Должность эта была неплатная, если

---

*) Настоящій отрывокъ извлеченъ изъ обширныхъ и имѣющихъ значительный интересъ мемуаровъ сенатора П. П. Стремоухова, въ которыхъ онъ излагаетъ свои воспоминанія о воспитаніи его въ Пажескомъ Корпусѣ, о службѣ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку, чиновникомъ особыхъ порученій при Варшавскомъ Генералъ-Губернаторѣ (I. В. Гурко, гр. П. А. Шуваловѣ и св. кн. А. К. Имеретинскомъ), затѣмъ въ качествѣ Калишскаго вице-губернатора, Сувалкскаго Губернатора (во время революціи 1905 г.) — Саратовскаго (его борьба съ еп. Гермогеномъ и Иліодоромъ и два года неурожая), Костромского (во время торжествъ 300-лѣтія дома Романовыхъ), Варшавскаго — во время войны; засимъ — Директора Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1916 годъ), и, наконецъ, весьма кратковременно — Сенатора. Послѣ сего, въ запискахъ П. П. описывается пребываніе его подъ властью большевиковъ на Кавказѣ въ 1918 году, и, наконецъ, служба его въ учрежденіяхъ «Вооруженныхъ Силъ на Югѣ Россіи», сначала въ качествѣ помощника начальника Минераловодскаго Района, а затѣмъ помощника Главноначальствующаго Сѣвернымъ Кавказомъ, генерала Эрдели. (Гражданское устройство края, катастрофа, эвакуація черезъ Грузію).

не считать выслуженной пенсіи (тысячи три), но какъ указываетъ самое ея названіе, весьма почетная. Мои личныя денежныя дѣла преуспѣвали. Начавшееся послѣ Японской войны оживленіе промышленности почти удвоило мое состояніе, и на получаемые дивиденты, плюсъ пенсію, я могъ, хотя и скромно, жить въ столицѣ. Послѣ Рождества (въ началѣ 1911 г.) я собирался въ Петербургъ, гдѣ и надѣялся устроить свои дѣла.

Глубокою осенью 1910 года вся Царская семья должна была ѣхать за границу, гдѣ Императрицѣ надлежало лѣчиться водами въ Гессенѣ.

Я получилъ телеграмму отъ Столыпина о принятіи мѣръ охраны ж. д. линіи съ указаніемъ, что въ виду болѣзни Императрицы Государь Императоръ строжайше воспретилъ всякія встрѣчи. Какъ надо было понимать послѣднюю фразу? Касалась ли она меня лично? Зрѣло обдумавъ положеніе, я рѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что я все же Государя встрѣтить долженъ, какъ должностное лицо, столь же необходимое и будничное, какъ швейцаръ на вокзалѣ, или кондукторъ при вагонѣ.

На всякій случай, я заказалъ букетъ съ лентами для Императрицы.

Уже въ Вержболовѣ я получилъ отъ министра повторную телеграмму о недопущеніи какихъ бы то ни было встрѣчъ, но, тѣмъ не менѣе, остался при прежней своей точкѣ зрѣнія.

Наконецъ, въ назначенное время, съ точностью до одной секунды, подкатилъ къ станціи Вержболово Императорскій поѣздъ. Государь вышелъ изъ вагона. Я подошелъ къ нему съ рапортомъ. Его Величество привѣтливо со мною поздоровался и заговорилъ о дѣлахъ губерніи, сказавъ при этомъ, что лишь недавно съ большимъ интересомъ прочелъ мой годовой отчетъ. Затѣмъ вышла изъ вагона Императрица съ дѣтьми и, пройдя черезъ вокзалъ, помѣстилась въ другомъ заграничномъ поѣздѣ, стоявшемъ уже на узкой колеѣ. Государь минутъ десять гулялъ со мною по перрону и очень весело и непринужденно со мною бесѣдовалъ. Ободренный его привѣтливостью, я спросилъ его, не могу ли я представиться Императрицѣ и поднести ей нѣсколько цвѣтовъ.

— А вотъ я сейчасъ спрошу, сказалъ Государь и вошелъ въ вагонъ.

Черезъ минуту онъ высунулся изъ окна и сказалъ:

— Императрица васъ проситъ.

Я вошелъ въ вагонъ къ Государынѣ.

Послѣ 1897 года я видѣлъ ее впервые. Съ того времени она нѣсколько похудѣла и удивительно похорошѣла. Въ своемъ розовомъ шелковомъ капотѣ она была очень красива. Императрица просила меня сѣсть и мы нѣсколько минутъ поговорили съ полною непринужденностью.

Впечатлѣнія отъ этой встрѣчи остались у меня самыя отрадныя.

Мнѣ доложили, что поѣздъ сейчасъ отходитъ. Я прошелъ въ вагонъ-салонъ къ Государю и пожелалъ ему счастливаго пути.

Поѣздъ немедленно отошелъ въ сторону Эйдкунена.

Какъ я хорошо поступилъ, что не послушался министра. Вотъ какъ, иногда наши верхи отстраняли отъ Государя возможность видѣть людей, не принадлежавшихъ къ ближайшему его антуражу.

Немного менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца Царская семья возвращалась изъ-за границы. Я вновь получилъ телеграмму отъ министра, воспрещающую всякія встрѣчи. На этотъ разъ я поѣхалъ на встрѣчу Царю уже совершенно

спокойно, такъ какъ за мною былъ прецедентъ и при томъ благопріятный.

Чтобы поѣхать въ Вержболово по желѣзной дорогѣ, мнѣ приходилось ѣхать черезъ нѣсколько губерній. По Сувалкской до Гродно, отъ Гродно до Ландварово по Гродненской и Виленской, отъ названной станціи опять по Виленской, затѣмъ по Ковенской и, наконецъ, я оказывался опять въ Сувалкской. Такое «кругосвѣтное путешествіе» облегчалось для меня всегда любезно предоставляемымъ мнѣ управленіемъ дороги вагономъ.

Пріѣзжаю я на этотъ разъ въ Ковно, чтобы наблюсти оттуда за мѣрами охраны ж. д. пути, какъ начальникъ станціи докладываетъ мнѣ, что черезъ нѣсколько минутъ пріѣдетъ въ Ковно экстреннымъ поѣздомъ генералъ-губернаторъ.

Что сей сонъ значилъ?

Подходитъ генералъ-губернаторскій поѣздъ. Вхожу въ вагонъ къ Скалону. Генералъ красный, сконфуженный. Принимаетъ меня въ своемъ купэ съ глазу на глазъ, и говоритъ:

— Не знаю какъ быть. Я получилъ Вашу телеграмму о проѣздѣ Государя, заказалъ поѣздъ и уже собирался ѣхать, какъ получилъ отъ Столыпина телеграмму о воспрещеніи всякихъ встрѣчъ. Я уже раскачался ѣхать, вотъ и пріѣхалъ, и не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ.

— Я думаю, что ничего плохого изъ этого не выйдетъ, отвѣтилъ я, и разсказалъ, какъ было со мною при проѣздѣ Государя за границу. Скалонъ успокоился и повѣдалъ мнѣ, что везетъ пять букетовъ для Императрицы и великихъ княженъ, и что было бы глупо не довезти ихъ до назначенія.

Во время этого разговора вошелъ адъютантъ и подалъ Скалону шифрованную депешу.

Мы быстро ее расшифровали.

Въ ней было изложено повторное и категорическое указаніе министра, съ ссылкою на Высочайшую волю, никакихъ встрѣчъ не дѣлать. По разсчету времени было ясно, что кто-то успѣлъ телеграфировать изъ Варшавы въ Петербургъ о выѣздѣ Скалона въ Вержболово, и полученная телеграмма реагировала на этотъ фактъ.

Такая постановка дѣла несомнѣнно осложняла положеніе.

— Я поѣду назадъ, сказалъ Скалонъ.

Я началъ противъ этого возражать, указывая генералу на примѣръ со мною и высказывая мнѣніе, что присутствіе старшаго начальника мѣстности, въ которой имѣетъ хотя бы и временное пребываніе Государь и за которую онъ несетъ отвѣтственность, не есть встрѣча, а только исполненіе своей прямой служебной обязанности, что повернуть съ пути на глазахъ всѣхъ было бы умаленіемъ своего достоинства и послужило бы источникомъ самыхъ неблагопріятныхъ для него толкованій, что, наконецъ, совершенно недопустимо, чтобы Государь не принялъ своего генералъ-адъютанта.

Скалону видимо очень хотѣлось видѣть Государя и, какъ надо полагать, имъ руководило желаніе говорить съ Царемъ по поводу сенаторской ревизіи, ставившей его въ весьма тяжелое положеніе, изъ котораго, такъ или иначе, надо было выйти.

Наконецъ, Скалонъ сдался на мои доводы и мы двинулись къ Вержболову.

Скалонъ высказался вскользь, что появленіе насъ двоихъ на вокзалѣ уже есть встрѣча. На это я отвѣтилъ, что встрѣча можетъ ограничиться и его особою, но что я прошу его доложить Государю и о моемъ присутствіи; я

совершенно увѣренъ, что Царь приметъ и меня, но что быть на станціи и не быть принятымъ было бы для меня тоже очень непріятно, такъ какъ уронило бы мое служебное достоинство.

Такъ мы и порѣшили.

Въ ожиданіи прибытія Царскаго поѣзда мы расположились въ т. наз. директорскихъ комнатахъ. Когда подошелъ Императорскій поѣздъ, я вышелъ на платформу и просилъ перваго вышедшаго изъ вагона, инспектора царскихъ поѣздовъ, доложить Его Величеству о присутствіи на станціи Варшавскаго генералъ - губернатора, послѣ чего вернулся въ директорскія комнаты.

Минутъ черезъ пять вошелъ флигель - адъютанъ и доложилъ, что Государь Императоръ проситъ генералъ - адъютанта Скалона къ себѣ въ вагонъ. Скалонъ сейчасъ же вышелъ за нимъ.

Прошло минутъ десять. Меня не приглашаютъ. Еще десять минутъ.

Я начинаю волноваться.

Проходитъ еще десять минутъ.

Я явственно слышу, какъ съ южной стороны вокзала (узкоколейнаго) по коридору на сѣверную (ширококолейную) проходитъ толпа людей. Изъ полуоткрытаго окна я слышу, какъ Государь здоровается съ конвойцами. Наконецъ раздается свистокъ локомотива и Царскій поѣздъ медленно отходитъ отъ станціи.

Я былъ крайне взволнованъ. Было совершенно ясно, что генералъ - губернаторъ не исполнилъ своего обѣщанія обо мнѣ доложить, или, что было - бы гораздо хуже, Государь не захотѣлъ меня принять. Съ завтрашняго дня я сдѣлаюсь притчей во языцѣхъ всѣхъ досужихъ языковъ, а въ особенности моихъ недоброжелателей.

Черезъ двѣ, три минуты входитъ Скалонъ.

— Знаете, П. П., Его Величество чудно меня принялъ, я переговорилъ съ нимъ, и все нужное устроилъ.

— Далеко не все, Ваше Высокопревосходительство, вы изволили забыть ваше обѣщаніе обо мнѣ доложить и я, начальникъ губерніи, остался здѣсь въ комнатѣ въ самомъ глупѣйшемъ положеніи.

Скалонъ вспыхнулъ.

— Ради Бога, простите меня, П. П., я такъ радъ былъ видѣть Государя, что все забылъ.

Скалонъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и поцѣловалъ.

Мнѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ пожать протянутую мнѣ руку.

Вспомнились мнѣ слова моего покойнаго тестя: не дай Богъ тебѣ служить при дворѣ. При твоемъ самолюбіи ты зачахнешь черезъ три мѣсяца *).

Приблизительно черезъ недѣлю мнѣ пришлось съѣздить въ Варшаву по какому - то дѣлу. Я собирался побывать и у генералъ - губернатора. Не помню уже по какому поводу Ячевскій — въ то время Петроковскій губернаторъ, а ранѣе того Директоръ Канцеляріи Генералъ - Губернатора и очень близкій Скалону человѣкъ — сказалъ мнѣ:

*) Мой тесть, генералъ - адъютантъ А. М. Салтыковъ, много лѣтъ былъ начальникомъ военно - походной канцеляріи Императора Александра II.

— Скалонъ разсказывалъ мнѣ о той досадной исторіи, которая случилась съ вами въ Вержболовѣ: онъ говорилъ, что употреблялъ всѣ усилія, чтобы Государь васъ принялъ, но ничего не могъ сдѣлать.

— Что-о-о-о?

— Ну да, я передаю вамъ его слова.

— Ну такъ онъ сочиняетъ, вспылилъ я, и я могу это доказать, потому что онъ извинялся передо мною въ присутствіи свидѣтелей, что забылъ доложить обо мнѣ.

— Я вамъ передаю только то, что отъ него слышалъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ уже совершенно нехорошо. Я понимаю, что онъ могъ потеряться отъ радости, увидѣвъ Государя, могъ по старости меня забыть, но давать теперь этому инциденту, въ оправданіе себѣ, толкованіе явно неблагопріятное для моего служебнаго положенія, уже положительно дурно.

— П. П., ради Бога, не волнуйтесь.

— Волноваться я не буду, но сегодня-же уѣзжаю въ Сувалки и прекращаю со Скалономъ всякія личныя отношенія. Если хотите, можете ему это передать.

Такъ я и поступилъ.

Я вполнѣ благожелательно отношусь къ Скалону. Считаю, что онъ много сдѣлалъ для успокоенія Края и тѣмъ самымъ для русской государственности, утверждаю, что онъ былъ всегда большимъ джентельменомъ, и я затрудняюсь объяснить его образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ. Самое вѣроятное то, что, сознавая свой грѣхъ относительно меня, въ томъ, что онъ не доложилъ обо мнѣ Государю, онъ пытался дать ему въ средѣ окружающихъ объясненіе, его оправдывающее, не давая себѣ отчета, что это объясненіе составляетъ еще большій проступокъ относительно меня, или же малодушно думая, что все это до меня не дойдетъ.

Этотъ инцидентъ еще болѣе укрѣпилъ мое желаніе сдѣлаться почетнымъ опекуномъ.

Странная судьба меня преслѣдовала. Во всякомъ мѣстѣ служенія (а я ихъ перемѣнилъ много) первый же день начинался съ какой-нибудь непріятности. Будучи очень мягкимъ и во всякомъ случаѣ не задирчивымъ человѣкомъ, я со всякимъ начальствомъ всегда былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ и съ большею частью изъ моихъ начальниковъ расходился, и всегда потому, что они мнѣ дѣлали какую-нибудь непріятность, ничѣмъ мною не заслуженную; съ подчиненными же и обществомъ у меня всегда устанавливались наилучшія отношенія.

2-го Января 1911 года я устроилъ охоту для пріѣхавшаго въ Сувалки моего друга и товарища по Пажескому корпусу, А. Ф. Ефимовича, тогда адъютанта В. К. Павла Александровича и крупнаго маіоратиста Сувалкской губерніи.

По возвращеніи домой у меня былъ ужинъ, къ которому было приглашено еще нѣсколько друзей.

Охота въ тотъ день была, хотя и не удачная, но веселая, ужинъ отличный, а вино еще лучше. Настроеніе было самое праздничное.

Уже въ первомъ часу докладываютъ мнѣ, что правитель канцеляріи желаетъ меня видѣть.

Я весь день и даже ночь всегда былъ въ распоряженіи службы, но время, проводимое за столомъ, жена моя ревниво оберегала, т. к. это было единственное время, когда я отдыхалъ, а также и то, въ теченіе котораго мы съ нею видѣлись. Поэтому жена моя даже рассердилась.

— Что у него такое можетъ быть, сказалъ я, позвать его сюда.

Входитъ мой, всегда мрачнаго вида, правитель канцеляріи, Н. Ф. Хвалько.

— Что у васъ такой мрачный видъ? Выпейте лучше съ нами вина.

— Вы выпейте, а мнѣ, кажется, радоваться нечему — прочтите.

Разворачиваю телеграмму.

«Министръ проситъ васъ принять ..... губернію и немедленно отвѣтить». Затѣмъ подпись директора департамента общихъ дѣлъ, Арбузова.

Названіе губерніи было зашифровано.

— Ну и отлично, сказалъ я, куда угодно — надоѣла мнѣ ваша Скалонія.

— Лишь бы не въ Саратовъ, замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ, спасибо тамъ съ Гермогеномъ и Иліодоромъ возиться.

Послали за шифромъ.

Расшифровываемъ.

Такъ и есть, Саратовская!

Бѣдная жена моя чуть не въ слезы.

Между моими друзьями началось обсужденіе вопроса, принимать ли мнѣ сдѣланное министромъ предложеніе или отъ него отказаться. Одни говорили, что брать Саратовъ послѣ того, какъ такой крѣпкій человѣкъ, какъ графъ С. С. Татищевъ, сломалъ себѣ тамъ шею въ борьбѣ съ Гермогеномъ и Иліодоромъ — безуміе, а другіе находили, что отказываться отъ поста, связаннаго съ такими трудностями, значило на всегда поставить крестъ на всякое свое движеніе по службѣ.

Я разрубилъ этотъ узелъ старой поговоркой: «На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся», но надѣялся обезпечить себя нѣкоторыми гарантіями, а потому телеграфировалъ, что завтра же выѣзжаю въ Петербургъ для переговоровъ съ министромъ.

По пути въ Петербургъ я думалъ: какъ это странно — полгода тому назадъ Столыпинъ не находилъ возможнымъ дать мнѣ незначительную Новгородскую губернію, а теперь предлагаетъ мнѣ едва ли не самую трудную, огромную Саратовскую губернію, къ тому же еще осложненную скандальными выходками іеромонаха Иліодора и поддерживающаго его епископа Гермогена. Тогда мнѣ говорили, что министръ не находитъ возможнымъ назначать во внутреннія губерніи Имперіи губернаторами лицъ, не знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ... съ того времени это дѣло не стало мнѣ болѣе извѣстнымъ...

Долженъ объяснить, что пріѣзжимъ губернаторамъ не такъ легко было добраться до министра. Для этого надо было заявиться въ его канцеляріи и ждать аудіенціи не менѣе недѣли.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я позвонилъ по телефону къ директору департамента общихъ дѣлъ, А. А. Арбузову.

Министръ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ, — отвѣтилъ Арбузовъ, — и приметъ васъ во всякое время».

Вотъ оно, — подумалъ я, — какъ принимаютъ людей, когда въ нихъ нуждаются; это надо учесть.

Въ 2 часа я былъ у министра.

Столыпинъ принялъ меня очаровательно, и вотъ какой разговоръ произошелъ между нами.

— Ну, что, вы согласны.

— Объ этомъ надо потолковать. Я знаю, что С. С. Татищевъ былъ вынужденъ оставить губернію изъ-за невыносимой обстановки, созданной ему Гермогеномъ и Иліодоромъ. Я полагаю, что меня ожидаетъ то же самое.

— Ваше положеніе будетъ легче. Иліодоръ сосланъ во Флорищеву пустынь, Владимірской губерніи, ну, а безъ него, Гермогенъ не такъ страшенъ.

— Пожалуй, что и такъ, но вы знаете, что я совершенно незнакомъ съ земскимъ дѣломъ и никогда не имѣлъ дѣла съ дворянствомъ. Саратовская губернія буйная и едва ли не самая трудная во всей Имперіи.

— Нѣтъ, это вторая. Самая тяжелая Екатеринославская.

— Пусть будетъ вторая, но, тѣмъ не менѣе, я не могу не опасаться, что не сумѣю справиться.

— Вы справитесь . . . Во всякомъ случаѣ, я прошу васъ принять мое предложеніе. Если Вы откажетесь, я буду поставленъ въ очень тяжелое положеніе. У меня былъ кромѣ васъ только одинъ кандидатъ, кн. Щербатовъ (полтавскій губернскій предводитель дворянства, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ), но онъ отказался, что же я буду дѣлать?

— Ваше Высокопревосходительство, я охотно исполню ваше желаніе, но я прошу васъ войти и въ мое положеніе. Если Вы предлагаете мнѣ Саратовъ, то, очевидно, у меня хорошая служебная репутація. Въ маленькой губерніи, какъ, напримѣръ, Новгородская, я бы ее поддержалъ, ну, а въ такомъ casse cou, какъ Саратовская, я рискую потерять то, что накапливалъ болѣе десятка лѣтъ. Я совершенно въ себѣ не увѣренъ. Теперь вы меня туда приглашаете, а потомъ разочаруетесь, да я и самъ могу признать себя не на высотѣ положенія.

— Тогда Васъ всегда можно будетъ перевести въ другую губернію.

— Вотъ на это-то я и не согласенъ. Всѣ будутъ говорить, а вотъ Стремоуховъ съ Саратовской губерніею и не справился, такъ его и перевели въ какую-нибудь Калужскую.

— Чего же Вы хотите?

— Ранѣе всего, я хочу вселить въ Васъ сознаніе, что я вовсе не стремлюсь въ Саратовъ, считая себя для него неподготовленнымъ, опасаюсь надѣлать рядъ ошибокъ и, въ концѣ концовъ, получать отъ Васъ же непріятныя бумажки; отъ этого я хочу быть гарантированнымъ.

— То-есть?

— Если Вы будете мною недовольны, или я самъ собою буду неудовлетворенъ, и вамъ объ этомъ откровенно напишу, то по этому поводу, между нами не должно происходить никакихъ непріятностей, Вы просто устроите меня въ Петербургѣ, соотвѣтственно моему служебному стажу.

— А именно?

— Я восьмой годъ губернаторствую; недавно назначенный сенаторомъ, виленскій губернаторъ, гр. Паленъ, служилъ менѣе меня.

Столыпинъ улыбнулся.

— Обѣщаю. Но все-таки Вы послужите саратовскимъ губернаторомъ?

— Все-таки дайте еще подумать.

— Вы завтра будете на выходѣ во дворцѣ?

— Не собирался.

— Я скажу Арбузову, что бы Вамъ прислали входной билетъ. Завтра Вы дадите мнѣ окончательный отвѣтъ, и я завтра же доложу о немъ Государю. Онъ очень интересуется Саратовомъ.

— Слушаюсь.

Отъ министра я поѣхалъ къ Арбузову.

Боже, какая разница въ пріемѣ маленькаго сувалкскаго губернатора и предполагаемаго саратовскаго.

— Вы согласились?

— Я еще думаю, и завтра дамъ окончательный отвѣтъ министру.

— О чемъ тамъ думать? Столыпинъ предлагаетъ Вамъ губернію, изъ которой былъ непосредственно назначенъ министромъ, вѣдь это, такъ сказать, лейбъ-губернія, вѣдь въ министерствѣ уже на васъ «ставятъ».

— Я до сихъ поръ пробовалъ себя лишь на гладкой скачкѣ, ну, а теперь мнѣ предлагаютъ скачку съ препятствіями, на которой каменною стѣнкою Гермогенъ, а ирландскимъ банкетомъ Иліодоръ, тутъ не долго и шею себѣ сломать.

— Qui ne risque rien, ne gagne rien... Смотрите, еще буду къ Вамъ съ докладомъ ѣздить.

— Или спишете съ круга!

6-го, я поѣхалъ во дворецъ и далъ Столыпину свое согласіе. Министру это доставило, повидимому, большое удовольствіе, и онъ, улыбаясь, мнѣ сказалъ: «Я уже доложилъ Государю о Вашемъ согласіи».

— Пожалуйста, — прибавилъ онъ, — кончайте скорѣе ваши сувалкскія дѣла и пріѣзжайте опять въ Петербургъ, тогда и переговоримъ о дѣлахъ губерніи.

Послѣ выхода, я съ остальными придворными чинами пошелъ закусывать. Наложилъ я себѣ на тарелку какого-то паштета и полилъ его малиноваго цвѣта соусомъ Кумберлэндъ, какъ меня кто-то толкнулъ подъ руку. Паштетъ оказался на полу, а соусъ разлился по груди моего камергерскаго, шитаго золотомъ, мундира.

— Ради Бога, простите, — сказалъ мнѣ господинъ въ придворномъ мундирѣ, — чѣмъ мнѣ загладить мою вину!

Я узналъ въ немъ директора Императорскихъ театровъ Теляковскаго, съ которымъ, впрочемъ, не былъ знакомъ.

— Очень просто. Я пріѣзжій губернаторъ, никогда не могъ я получить билета на Шаляпина. Сегодня идетъ «Борисъ Годуновъ», дайте мнѣ возможность его услышать.

Будетъ исполнено.

И, дѣйствительно, къ 5 часамъ вечера мнѣ былъ доставленъ билетъ второго ряда.

Спектакль этотъ оказался совершенно исключительнымъ. Въ первый разъ, послѣ революціонныхъ лѣтъ, Царь посѣтилъ театръ. Большой свѣтъ и высшая гражданская и военная бюрократія была объ этомъ освѣдомлена и поэтому и безъ того красивый залъ Маріинскаго театра былъ особенно блестящимъ. Получился импровизированный спектакль-гала.

Государь былъ мнѣ все время отлично виденъ.

Шаляпинъ былъ безподобенъ, и я право не знаю, кто болѣе въ этотъ вечеръ приковывалъ мое вниманіе — театральный или настоящій Царь. Въ особенности поразителенъ былъ Шаляпинъ, когда онъ, направляясь на цар-

ское вѣнчаніе, идетъ въ Успенскій соборъ, черезъ Красную площадь. Онъ съ необыкновеннымъ талантомъ и проникновеніемъ соединялъ въ исполненіи своей роли два противоположныхъ элемента: предъ вами могучій, сильный человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ уже обреченъ на гибель.

Послѣ третьяго дѣйствія, гдѣ на сценѣ изображена боярская дума, занавѣсъ опустился, вдругъ неожиданно, черезъ минуты двѣ, взвился.

Обращенная къ Императорской ложѣ толпа бояръ, на колѣняхъ, имѣя во главѣ Шаляпина, запѣла «Боже, Царя храни» подъ аккомпаниментъ могучаго, идеальнаго оркестра Маріинскаго театра, руководимаго волшебною палочкой Направника.

Ко всей этой сценѣ умъ не могъ подойти сразу по пути критики и анализа и всѣми присутствовавшими овладѣли нервы. Красиво это было до жути, мурашки буквально забѣгали у меня по спинѣ. «Боже, Царя храни» было трижды повторено и подхвачено публикою. Такого исполненія гимна я никогда болѣе въ моей жизни не слышалъ.

Государь подошелъ къ барьеру ложи и наклоненіемъ головы отвѣчалъ на восторженныя привѣтствія публики.

Говорили потомъ, что депутація отъ хористовъ, принятая Государемъ въ ложѣ, попросила прибавки содержанія... Говорили, что Государь вообще былъ недоволенъ всею этой манифестаціей, а въ особенности тѣмъ, что артисты стояли на колѣняхъ.

Лѣвая печать и оппозиціонные круги долго не могли простить Шаляпину его монархическаго выступленія. Нынѣ (1922 г.) въ кровавой Совдепіи онъ искупилъ свой грѣхъ передъ красными.

Въ Петербургѣ я пробылъ всего только еще одинъ день и успѣлъ посѣтить лишь своего отца и, состоявшаго тогда членомъ Государственнаго Совѣта отъ земства Тульской губерніи, шурина моего, Салтыкова.

Мой старикъ отецъ былъ крайне обрадованъ моимъ блестящимъ назначеніемъ. Салтыковъ же сообщилъ мнѣ довольно пикантную исторію.

Будущій митрополитъ Питиримъ состоялъ въ то время тульскимъ епархіальнымъ архіереемъ и былъ съ Салтыковымъ, какъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, въ хорошихъ отношеніяхъ. Однажды, въ дружеской бесѣдѣ у него сорвалось признаніе, что саратовскій епископъ Гермогенъ — скопецъ, и что этимъ обстоятельствомъ можно объяснить нѣкоторыя странности его характера. Въ молодости, не будучи въ состояніи справиться со своими плотскими страстями, Гермогенъ самъ совершилъ надъ собою операцію оскопленія. Не знаю, насколько эти свѣдѣнія были вѣрны, во всякомъ случаѣ, во внѣшности Гермогена не было ничего скопческаго: у него была борода, правда не особенно пышная, усы, и голосъ у него былъ совершенно нормальный. Вообще Питиримъ въ бесѣдѣ съ Салтыковымъ относился къ Гермогену довольно отрицательно.

24-го января состоялся Высочайшій указъ о назначеніи меня саратовскимъ губернаторомъ, и я вновь пріѣхалъ въ столицу около 23 февраля.

Еще находясь въ Сувалкахъ, я получилъ отъ Гермогена телеграмму, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Привѣтствую въ Вашемъ Превосходительствѣ назначеніе къ намъ, въ Саратовъ, русскаго человѣка. Да ниспошлетъ Господь благословеніе свое на ваши труды въ борьбѣ съ крамолою и жидами».

Слава Богу, подумалъ я, что послѣ двухлѣтней войны съ губернаторомъ, изъ которой епископъ вышелъ побѣдителемъ, такъ какъ графъ Татищевъ ушелъ съ поля сраженія, онъ все же ищетъ сближенія со мною. Избытокъ темперамента, вложенный въ послѣднее слово телеграммы, впрочемъ, меня нѣсколько смутилъ.

Я, конечно, отвѣтилъ Гермогену, что надѣюсь на совмѣстную дружную работу и на его святыя молитвы.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я засталъ правительственную атмосферу довольно сгущенной.

Въ это самое время, Столыпинъ проводилъ законъ объ учрежденіи земства въ Западномъ краѣ. Законъ этотъ не находилъ сочувствія ни въ Государственной Думѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ. Тогда Столыпинъ рѣшился на крайнее средство: распустить обѣ законодательныя палаты на три дня, и въ этотъ промежутокъ времени провести проектъ, въ порядкѣ 87 статьи Основныхъ Законовъ.

Эта мѣра врядъ ли вызывалась дѣйствительною необходимостью. Такой исключительный пріемъ оправдывался бы, если нужный правительству законъ вызывался общегосударственными интересами, напримѣръ, неутвержденіемъ бюджета, или отказомъ въ увеличеніи контингента новобранцевъ или средствъ для укрѣпленія обороны. Введеніе или невведеніе земства въ Западномъ краѣ, какъ бы ни была полезна эта мѣра, имѣло только мѣстное значеніе, а роспускъ палатъ взволновалъ всю Россію. Образомъ дѣйствій Столыпина въ равной степени были недовольны и правые, и лѣвые. Лѣвые потому, что видѣли въ немъ недостаточное уваженіе къ народному представительству, а правые тѣмъ, что въ конечномъ итогѣ пренебрежительное отношеніе къ обѣимъ палатамъ все же падало на Государя, такъ какъ общество наше не пріучилось къ конституціонному мышленію, отдѣлявшему монарха отъ его правительства, да и самъ Государь не стоялъ на такой точкѣ зрѣнія. Многіе правые члены Государственнаго Совѣта громко высказывали свое неудовольствіе. В. Ф. Тренову и П. Н. Дурново было предложено выѣхать въ заграничный отпускъ; первый вышелъ въ отставку, а второй подчинился приказанію. Такое отношеніе къ Дурново, за пять лѣтъ передъ тѣмъ спасшему Россію отъ напора революціи, крайне волновало правыхъ, клеймившихъ Столыпина именемъ Бориса Годунова и сравнивавшихъ Государя съ Федоромъ Іоанновичемъ. Какъ нарочно, въ то время на сценѣ шла драма гр. Толстого «Царь Федоръ Іоанновичъ», возбуждая въ обществѣ такія историческія воспоминанія и вызывая воображеніе на столь опасныя сопоставленія.

Говорили, что Государь, согласившійся на роспускъ палатъ, теперь былъ очень этимъ недоволенъ и сталъ относиться замѣтно холоднѣе къ Столыпину. Такъ или иначе, премьеръ почелъ необходимымъ поставить передъ Государемъ вопросъ о довѣріи, но опредѣленнаго отвѣта изъ Царскаго Села не получилъ.

Такія обстоятельства очень осложняли мое положеніе. Иное дѣло ѣхать въ трудную Саратовскую губернію, будучи ставленникомъ стоящаго у власти министра, или при другомъ лицѣ, занявшемъ эту должность, не говоря

уже о томъ, что всѣ обѣщанія, данныя мнѣ Столыпинымъ, съ его уходомъ потеряли всякую цѣну. Возможность ухода министра, конечно, внесла и въ департаменты нѣкоторую нервность, и трудно было заручиться какими-нибудь директивами.

Однако, этимъ не ограничились мои затрудненія. Я получилъ цѣлый рядъ писемъ отъ управлявшаго Саратовской губерніею, вице-губернатора П. М. Боярскаго, въ которыхъ онъ жаловался мнѣ на два репримманда, полученныхъ имъ отъ министра. Первый касался его образа дѣйствій относительно Гермогена; въ этомъ образѣ дѣйствій Столыпинъ усмотрѣлъ отстутствіе формъ внѣшняго уваженія, которыя должны были быть проявлены относительно высшаго духовнаго лица, а второй — вызывался нѣсколько рѣзкимъ тономъ, который онъ принялъ относительно одного земскаго начальника, мѣстнаго дворянина, на что губернскій предводитель дворянства Ознобишинъ ѣздилъ жаловаться министру въ Петербургъ. Боярскій очень обидѣлся на Столыпина и, приложивъ къ одному изъ писемъ прошеніе объ отставкѣ, просилъ меня передать его Столыпину, въ свою очередь, тоже поставивъ вопросъ о довѣріи.

Такая исторія меня очень разстроила. Боярскій прослужилъ уже года три въ Саратовской губерніи, конечно, долженъ былъ знать мѣстныя обстоятельства и не только могъ быть мнѣ полезнымъ, но являлся прямо необходимымъ. Что бы я сталъ дѣлать съ новымъ вице-губернаторомъ, столь же неосвѣдомленнымъ въ дѣлахъ губерніи, какъ я самъ. Поэтому, я рѣшилъ, по мѣрѣ возможности, смягчить остроту вопроса съ Боярскимъ, на что я находилъ достаточно основаній уже въ одной возможности оставленія своего поста Столыпинымъ. Какой смыслъ былъ для Боярскаго оставлять службу, когда обидѣвшій его министръ и самъ висѣлъ на волоскѣ и могъ быть каждый день уволенъ. Тѣмъ не менѣе, все это было довольно тягостно. За дальностью разстоянія, обмѣняться мнѣніями съ Боярскимъ я не могъ, и мнѣ приходилось дѣйствовать за человѣка, съ которымъ я даже не былъ знакомъ.

Въ ожиданіи пріема у Столыпина, я посѣтилъ другихъ министровъ. Болѣе другихъ меня интересовалъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, В. К. Саблеръ. Относительно Иліодора Саблеръ завѣрилъ меня, что онъ прочно засаженъ во Флорищеву пустынь и что Гермогенъ безъ Иліодора не будетъ причинять мнѣ особенныхъ хлопотъ. В. К. просилъ меня держать его въ курсѣ всѣхъ возможныхъ недоразумѣній съ владыкою путемъ частныхъ писемъ, и обѣщалъ мнѣ всякое содѣйствіе въ случаѣ, если бы, противъ чаянія, у меня все-таки возникли столкновенія съ строптивымъ святителемъ. Саблеръ находилъ, что мой предмѣстникъ, гр. Татищевъ, сразу сталъ съ епископомъ и Иліодоромъ на слишкомъ оффиціальную и холодную почву, и что съ ними болѣе мягкими пріемами, пожалуй, можно было бы поладить.

Посѣтилъ я такъ же, по совѣту Салтыкова, епископа Питирима. Мнѣ было бы полезно, по тактическимъ соображеніямъ, выслушать, хотя бы отъ одного изъ святителей, отрицательное мнѣніе о Гермогенѣ. Впослѣдствіи, въ случаѣ столкновенія съ послѣднимъ, мнѣ удобно было бы опереться на авторитетное мнѣніе. Однако, Питиримъ оказался не глупѣе меня. Когда я его посѣтилъ и сталъ его разспрашивать о Гермогенѣ, то рѣшительно ничего не могъ отъ него добиться.

Наконецъ, наступилъ день моего пріема у министра. Всѣ въ городѣ говорили, что Столыпинъ уходитъ. Въ пріемной министра насъ представляющихся собралось человѣкъ двадцать. Когда министръ принялъ уже трехъ или

четырехъ представлявшихся, пріѣхалъ министръ земледѣлія и землеустройства, А. В. Кривошеинъ, и прямо прошелъ въ кабинетъ къ Столыпину. Послѣ болѣе чѣмъ получасовой бесѣды, онъ вышелъ изъ кабинета и на вопросъ одного изъ присутствовавшихъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, закусилъ удила, не могъ уговорить . . .

Для меня стало ясно, что Столыпинъ уходитъ.

Мнѣ крайне нужно было говорить съ нимъ по вопросамъ, касавшимся управленія губерніею и имѣвшимъ для меня чрезвычайно важное значеніе, но какой смыслъ былъ говорить съ министромъ наканунѣ его отставки?

Наступила моя очередь.

Долженъ отдать справедливость Петру Аркадіевичу, что онъ велъ себя съ полнымъ самообладаніемъ и разрѣшилъ всѣ мои вопросы, какъ будто бы собирался еще долго сидѣть въ своемъ креслѣ.

Первый вопросъ мною былъ поставленъ объ Иліодорѣ, можно ли было имѣть увѣренность, что онъ надолго изъятъ изъ Саратовской губерніи. На этотъ вопросъ министръ отвѣтилъ утвердительно.

— А не проститъ его Государь? — спросилъ я.

— Нѣтъ. На этотъ разъ Государь разсердился и сказалъ, что пора положить конецъ его безобразіямъ; съ этой стороны Вы можете быть спокойны.

— Хорошо, но на какой ногѣ мнѣ быть съ Гермогеномъ?

— Я думаю, что Вы съ нимъ поладите: безъ Иліодора, онъ, во всякомъ случаѣ, будетъ смирнѣе. Но прошу Васъ соблюдать съ нимъ всѣ внѣшнія формы. Можно писать епископу все, что угодно, можно съ нимъ воевать, но формы нужно соблюдать. Разъ Вы формы нарушите, то онъ всегда окажется въ выигрышномъ положеніи. Вице - губернаторъ не сумѣлъ этого сдѣлать, и я былъ вынужденъ поставить ему это на видъ.

По иниціативѣ министра, вопросъ о Боярскомъ выплывалъ на сцену, и я не могъ его замолчать.

— Да, Боярскій писалъ мнѣ объ этомъ. Онъ очень обиженъ Вашими письмами, какъ по этому дѣлу, такъ и по столкновенію его съ земскимъ начальникомъ, и просилъ меня выяснить, какъ Вы вообще къ нему относитесь; если Вы ему не довѣряете, то онъ уполномочилъ меня передать Вамъ его прошеніе объ отставкѣ . . .

— Какая нелѣпость! Если всякій вице - губернаторъ станетъ подавать прошеніе объ отставкѣ, когда министръ будетъ указывать ему на его промахи, то управлять вѣдомствомъ станетъ невозможнымъ. Если хочетъ уходить, то пусть уходитъ, это его частное дѣло.

— Вамъ это легко говорить, а мнѣ ѣхать въ новую губернію, да еще съ новымъ вице - губернаторомъ, повѣрьте, не сладко.

— Дѣлайте, какъ хотите. Можете передать мнѣ его прошеніе объ отставкѣ, и я дамъ ему ходъ или оставьте его при себѣ.

Я предпочитаю послѣднее. Тѣмъ не менѣе, не передавъ Вамъ его прошенія, я долженъ отвѣтить ему, довѣряете ли Вы ему, въ смыслѣ его полезности на службѣ?

Столыпинъ улыбнулся и сказалъ:

- Говорите ему все, что хотите, мнѣ рѣшительно все равно. Это онъ Татищева разыгрываетъ. Кстати о послѣднемъ. Я очень уважалъ и цѣнилъ графа Сергѣя Сергѣевича, но радъ нѣкоторой перемѣнѣ курса въ Саратовѣ.

Татищевъ смѣнилъ меня въ этой губерніи, когда она горѣла огнями революціи, и съ большою энергіею и мужествомъ привелъ ее въ порядокъ. Дѣло было не въ однихъ мужикахъ, но и въ земскихъ либералахъ, которыхъ онъ обвѣялъ такимъ холодомъ, что ихъ теперь не видно и не слышно. Но, остудивъ ихъ, онъ и самъ замерзъ. Поза, принятая имъ, вполнѣ соотвѣтствовала обстановкѣ 1906—1907 года, теперь нужно другое, а онъ изъ анабіоза выйти не можетъ. Въ этомъ отношеніи я на Васъ очень разсчитываю... Именно терпимость Вашего характера и остановила на Васъ мой выборъ. Нельзя все время подчеркивать грань «вы и «мы», не только нельзя отталкивать общества, но надо итти ему на встрѣчу. Нельзя стоять все время на почвѣ своего права, права репрессивнаго и ограничивающаго, а надо понять людей, пользоваться ихъ добрыми качествами, эксплоатировать дурныя, а главное не мѣшать жить. Саратовцевъ я хорошо знаю: они очень строптивы; силою съ ними ничего не сдѣлаешь, а ласкою все, что угодно. Губерніею нельзя командовать, ею надо управлять... Ну, простите, больше времени я дать Вамъ не могу, желаю Вамъ счастья и успѣха.

Дня черезъ три я былъ принятъ Государемъ.

— Съ Крайняго Запада на Востокъ, — съ такими словами встрѣтилъ меня Государь.

— Да, Ваше Величество, — сказалъ я, — не ожидалъ я этого и, правду сказать, побаиваюсь.

— Чего?

— Прослуживъ восемнадцать лѣтъ въ Привислинскомъ Краѣ, я не знакомъ ни съ дворянствомъ, ни съ земскимъ дѣломъ, да не знаю и вообще чисто русской жизни.

— Я совершенно увѣренъ въ Васъ, вы справитесь.

— Очень благодарю Ваше Величество за доброе обо мнѣ мнѣніе, но я самъ въ себѣ далеко не увѣренъ и заранѣе прошу снисхожденія, если не оправдаю возложенныхъ на меня ожиданій, къ тому - же еще и Иліодоръ...

— Да уже его нѣтъ, онъ сосланъ въ дальній монастырь.

— На долго - ли, Ваше Величество? Царево сердце милостиво, будетъ очень просить, Вы его простите.

— Нѣтъ, больше не прощу, будьте спокойны.

— А Гермогенъ? Ваше Величество.

— Это другое дѣло, безъ Иліодора онъ будетъ смирнѣе, но Васъ я тоже прошу быть помягче и всячески щадить въ немъ его высокій духовный санъ; если онъ въ чемъ - нибудь и погрѣшитъ, то это падаетъ на него, но совершенно недопустима какая - то драка между губернаторомъ и архіереемъ, на общую потѣху всѣхъ враговъ порядка.

— Разумѣется, Ваше Величество.

— Ну такъ, вотъ я на Васъ и разсчитываю, а теперь желаю Вамъ успѣха, — сказалъ Государь, протягивая мнѣ руку.

На этомъ аудіенція и закончилась.

На слѣдующій день я поѣхалъ къ Курлову, занимавшему тогда должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціей.

Слова министра и оберъ - прокурора и обѣщаніе Государя успокоили меня въ томъ отношеніи, что Иліодоръ прощенъ не будетъ и легально въ

Саратовъ не вернется, но я опасался его побѣга изъ Флорищевой Пустыни и по этому предмету хотѣлъ переговорить съ Курловымъ. Допуская возможность побѣга, я хотѣлъ просить Курлова, чтобы полицейскій приставъ, на котораго было возложено окарауливаніе Иліодора въ такомъ случаѣ непосредственно телеграфировалъ мнѣ въ Саратовъ, дабы я могъ своевременно принять соотвѣтствующія мѣры. Въ порядкѣ-же службы приставъ долженъ былъ телеграфировать исправнику, исправникъ владимірскому губернатору, а послѣдній могъ и не догадаться извѣстить меня, а потому телеграфировалъ-бы въ Петербургъ. При такихъ условіяхъ, полученныя мною свѣдѣнія были бы слишкомъ запоздалыми.

Курловъ принялъ меня съ большою важностью, развалясь въ креслѣ и пыхтя огромною сигарою. Между нами произошелъ слѣдующій краткій разговоръ:

— Я пришелъ просить, Ваше Превосходительство, въ случаѣ побѣга Иліодора...

— Иліодоръ крѣпко засаженъ и убѣжать не можетъ.

— Охотно вѣрю, тѣмъ не менѣе, если-бы онъ бѣжалъ, то я прошу...

— Повторяю Вамъ, онъ не убѣжитъ...

— Но если онъ убѣжитъ...

— Если товарищъ министра, завѣдывающій полиціею, говоритъ Вашему Превосходительству, что Иліодоръ не убѣжитъ, то онъ не убѣжитъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ съ Вами больше говорить не о чемъ, имѣю честь кланяться.

Дня черезъ три, въ самый день моего отъѣзда, я зашелъ съ Салтыковымъ въ Учетный банкъ, гдѣ мы встрѣтили Алексѣя Борисовича Нейдгарта, шурина Столыпина.

— Ну что, Петръ Аркадіевичъ остается? — спросилъ его Салтыковъ.

— Гдѣ тамъ, — отвѣтилъ Нейдгартъ, — на дняхъ его похороны по первому разряду, уже Танѣева пригласили въ Царское ризы шить... на покойника... (Танѣевъ въ то время былъ главноуправляющимъ собственной Е. В. канцеляріей, и на него обычно возлагалась обязанность писать рескрипты уходившимъ сановникамъ. Подъ словами «ризы шить» Нейдгартъ очевидно понималъ составленіе рескрипта).

Мало утѣшительнымъ показалось мнѣ это извѣстіе, слава Богу, что хоть Боярскаго удержалъ на мѣстѣ.

Кстати отмѣчу, что въ Учетный банкъ я заходилъ для того, чтобы отдать приказъ открыть мнѣ, подъ мои бумаги, кредитъ на значительную сумму въ одномъ изъ саратовскихъ банковъ. Я зналъ, что въ провинціи это сразу сдѣлается извѣстнымъ, и я этимъ думалъ парализовать возможность часто появлявшейся у насъ легенды: «вотъ, безъ штановъ пріѣхалъ, а теперь шесть вагоновъ вещей увезъ».

Да, отмѣчу еще послѣднюю шутку, которую сыгралъ со мною мой тезка.

Какъ разъ въ «Новомъ Времени» въ это время появилось объявленіе:

«Жена, родные и знакомые съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ о смерти камергера Высочайшаго Двора, Петра Петровича Стремоухова».

Въ Саратовѣ эта телеграмма произвела большой переполохъ: не успѣлъ новый губернаторъ пріѣхать и уже умеръ. Мѣстныя газеты хотѣли уже написать сочувственный некрологъ, какъ кто-то догадался запросить сначала

Петербургъ. Отвѣтная телеграмма успокоила волненіе. Долженъ отмѣтить, что саратовская пресса (тамъ выходило три газеты) отнеслась вообще сочувственно къ моему назначенію. Въ то время происходило въ Саратовѣ земское собраніе и многіе изъ присутствовавшихъ подѣлились полученными обо мнѣ благопріятными свѣдѣніями. Многимъ въ этомъ отношеніи я былъ обязанъ бывшему прокурору Варшавской судебной палаты, Чебышеву, тогда старшему предсѣдателю Саратовской судебной палаты, и управляющему отдѣленіемъ государственнаго банка, Танкову, знавшему меня по Калишу, гдѣ онъ занималъ ту - же должность.

Наконецъ, 9 - го марта мы сѣли съ женою въ вагонъ, любезно предоставленный мнѣ управленіемъ Рязано - Уральской ж. д., и покатили въ Саратовъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я просилъ Салтыкова срочно держать меня въ курсѣ относительно оставленія своего поста Столыпинымъ и его возможномъ замѣстителѣ.

Резюмируя свои петербургскія впечатлѣнія, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Столыпинъ, очевидно, уйдетъ. Это большая потеря для Россіи; кругомъ не было видно человѣка, который по своему государственному размаху могъ бы даже близко къ нему подойти; еще большей потерей это было для меня. Всякій новый министръ будетъ относиться ко мнѣ какъ къ рядовому губернатору, а Столыпинъ, конечно, смотрѣлъ бы снисходительно на возможныя съ моей стороны ошибки. Ну что дѣлать, жилъ до сихъ поръ безъ опеки, проживу и далѣе. Общей политики, разумѣется, буду держаться той, которую указалъ мнѣ Петръ Аркадіевичъ. Если онъ даже и уйдетъ изъ министровъ, то все - же онъ умный человѣкъ, да и губернію знаетъ. Къ тому же примирительная политика отвѣчала не только требованіямъ времени, но и моему личному складу.

Въ бытность мою въ Петербургѣ, я ознакомился съ всеподданнѣйшими отчетами моихъ предмѣстниковъ и составилъ себѣ о губерніи кое какое общее понятіе.

Саратовская губернія была одною изъ обширнѣйшихъ губерній въ Имперіи. Съ сѣвера на югъ она тянулась около 700 верстъ, а въ ширину раскинулась на 400. Я полагаю, что площадью она была немногимъ меньше Бельгіи и, во всякомъ случаѣ, больше какого-нибудь Вюртенберга. Что бы охарактеризовать размѣры губерніи, скажу, что на сѣверѣ ея, въ Кузнецкомъ уѣздѣ, водились лоси и глухари и росла клюква, а на югѣ, въ Царицынскихъ степяхъ, бродили сайги (родъ антилопъ) и дрофы, вызрѣвалъ чудесный виноградъ и пахали на верблюдахъ. Со своими изгибами Волга протекала по губерніи около 800 верстъ. Населеніе губерніи достигало почти четырехъ милліоновъ; въ губернскомъ городѣ — 250 000, а въ Царицынѣ — 150 000 человѣкъ. Въ преобладающей массѣ населеніе было великорусское; въ Хвалынскомъ уѣздѣ проживали татары, кое - гдѣ была мордва, а въ Камышинскомъ уѣздѣ расположились обширныя нѣмецкія колоніи; кое - гдѣ были вкраплены немногія станицы Астраханскаго казачьяго войска. Промышленность въ губерніи была развита менѣе значительно, а подавляющая часть населенія занималась земледѣліемъ. Нѣкоторыя помѣщичьи латифундіи были громадны и исчислялись десятками тысячъ десятинъ, напримѣръ Баланда — графовъ Шереметевыхъ, Зубриловка — князей Голицыныхъ - Прозоровскихъ, имѣнія графа Орлова-Денисова, Нарышкиныхъ, графа Воронцова - Дашкова. Однако огромная часть

земли была уже во владѣніи крестьянъ. Послѣ революціи 1905 года, съ особою силою отразившейся на Саратовской губерніи, помѣщичьи владѣнія съ каждымъ годомъ, при посредствѣ Крестьянскаго банка, таяли, и путемъ естественной эволюціи вся земля, несомнѣнно, десятка черезъ три лѣтъ, безо всякихъ потрясеній, перешла бы въ крестьянскія руки. Все же, къ моему времени помѣщики были еще богаты и мѣстное дворянское представительство представляло еще изъ себя силу, съ которою надо было считаться. Губернскимъ предводителемъ дворянства состоялъ Владиміръ Ниловичъ Ознобишинъ. Человѣкъ это былъ очень хорошій, добрый въ частной жизни, но, какъ предводитель, несносный, помѣшанный на престижѣ представляемаго имъ сословія и проникнутый идеологіей Союза Русскаго Народа, съ организаціями котораго въ губерніи онъ состоялъ въ самомъ тѣсномъ контактѣ. Большую роль въ мѣстномъ дворянствѣ игралъ и помѣщикъ Панчулидзевъ, состоявшій секретаремъ Объединеннаго дворянства. Человѣкъ это былъ умный, но чрезвычайно непріятный. Земство Саратовской губерніи считалось весьма работоспособнымъ и передовымъ. Во главѣ его стоялъ предсѣдатель губернской управы К. Н. Гриммъ, пользовавшійся репутаціею умнаго и покладистаго человѣка. Принадлежалъ онъ къ партіи Октябристовъ.

Въ средней и западной части губерніи почву составлялъ глубокій плодородный черноземъ, но особыя климатическія условія часто поражали губернію неурожаемъ, и это сильно отражалось на экономикѣ губерніи и психикѣ ея населенія. Крестьянство отличалось буйнымъ нравомъ, особенно население мѣстностей, прилегающихъ къ Волгѣ. Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ и легенды о Пугачевѣ далеко еще не вывѣтрились изъ народной памяти. Саратовская губернія имѣла громкое революціонное прошлое. Чернышевскій и Каракозовъ были саратовцами, Спиридонова и «Бабушка русской революціи», Брешко-Брешковская, усердно въ ней работали. Тутъ же подвизался и сидѣлъ въ тюрьмѣ знаменитый нынѣ Миноръ.

Приблизительно съ такимъ багажомъ освѣдомленности, я выѣзжалъ въ Саратовскую губернію.

11 марта, въ 10 часовъ утра, мы пріѣхали въ Саратовъ. На вокзалѣ я былъ встрѣченъ вице - губернаторомъ, котораго я принялъ въ вагонѣ.

— Ну, что Столыпинъ? — было его первымъ вопросомъ.

- Уходитъ.

Ну, значитъ, я могу служить.

Вице - губернаторъ сообщилъ мнѣ, что въ парадныхъ комнатахъ меня ожидаетъ депутація отъ города съ головою Коробковымъ.

При самомъ входѣ въ парадныя комнаты, полиціймейстеръ передалъ мнѣ срочную телеграмму. Это была депеша отъ Салтыкова, условленной фразой извѣщавшаго меня въ самой категорической формѣ, что Столыпинъ остается на своемъ посту.

Городской голова сказалъ мнѣ привѣтственную рѣчь, въ которой выражалъ надежду, что во мнѣ городъ увидитъ второго Столыпина, который теперь, къ скорби всего благомыслящаго русскаго общества, а въ особенности саратовцевъ оставляетъ свой постъ. Я не могу припомнить теперь точно выраженій рѣчи Коробкова, но интересенъ былъ тотъ оттѣнокъ, который придавался уходу Столыпина. Въ этомъ событіи видѣли результатъ давленія справа. Быть можетъ, это и было такъ на самомъ дѣлѣ, но курьезно было

именно то, что непарламентскій образъ дѣйствій Столыпина, выразившійся въ роспускѣ Думы, сразу былъ забытъ съ того момента, что въ Петрѣ Аркадіевичѣ можно было усмотрѣть жертву давленія правыхъ.

На рѣчь головы, пользуясь телеграммою Салтыкова, я могъ отвѣтить завѣреніемъ, что Столыпинъ остается у власти, что произвело на депутацію весьма пріятное впечатлѣніе, на лицѣ же вице - губернатора отразилось крайнее недоумѣніе.

Съ вокзала мы съ женою проѣхали въ соборъ, гдѣ ожидало меня духовенство, совершившее краткое молебствіе.

Изъ собора я поѣхалъ въ губернаторскій домъ, который поразилъ меня, послѣ сувалкскаго домика, своимъ великолѣпіемъ. Была двухсвѣтная танцовальная зала, столовая человѣкъ на сто и не менѣе двадцати господскихъ комнатъ, довольно безвкусно, но богато меблированныхъ.

Вообще я долженъ отмѣтить нѣкоторую пышность и величавость саратовскаго губернаторскаго быта, повидимому, установленнаго рядомъ моихъ предшественниковъ.

Когда я ѣхалъ по городу, впереди на одиночкѣ съ пристяжкою скакалъ полиціймейстеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника, а сзади на простой одиночкѣ ѣхалъ приставъ.

Съ перваго дня я отмѣнилъ этотъ церемоніалъ, показавшійся мнѣ ужасною азіатчиною; къ тому же онъ нарушалъ весь мой стиль. У меня была шорная пара тонконогихъ, кровныхъ, энглизированныхъ венгерскихъ кобылъ, кучеръ въ ливреѣ и цилиндрѣ, бритый и, несмотря на то, что онъ былъ воронежскій мужикъ, обладавшій профилемъ чистокровнаго англичанина.

Всю ненужную торжественность я понемногу упразднилъ. Когда я въ первый разъ, съ тросточкою, прошелся одинъ по главной «Нѣмецкой» ул., то это не только взволновало весь городъ, но даже вызвало лестную для меня замѣтку въ мѣстной газетѣ.

Упраздняя пышность, я думалъ, что дѣйствую хорошо. Нынѣ у меня возникаетъ сомнѣніе въ этомъ... Опрощеніе хорошо въ средѣ вполнѣ культурной, ну а при нашей дикости, пышность и недоступность, быть можетъ, и дѣйствовали на воображеніе.

Обѣжавъ губернаторскій домъ, и поговоривъ о самыхъ срочныхъ дѣлахъ съ Боярскимъ, которому я объяснилъ противорѣчіе моихъ словъ относительно ухода Столыпина, сказанныхъ ему и городской депутаціи, и успокоивъ его въ смыслѣ отношенія къ нему министра, я считалъ, что поступилъ въ его дѣлѣ правильно, удержавъ его, во - первыхъ, отъ шага, о которомъ онъ несомнѣнно впослѣдствіи бы пожалѣлъ, и, во - вторыхъ, сохранивъ для службы этого вполнѣ полезнаго человѣка *).

Затѣмъ поѣхалъ съ визитомъ къ епископу Гермогену.

Когда я спускался по лѣстницѣ, швейцаръ подалъ мнѣ длиннѣйшую шифрованную телеграмму, подписанную Курловымъ. Я послалъ ее для расшифрованія правителю канцеляріи, а самъ поѣхалъ къ Гермогену.

Владыка былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, съ довольно рѣдкою, сѣдѣющей бородкою, нервный и не обладающій свойственной или, вѣрнѣе, выработанной владыками, величавостью. Черные, острые глаза его

---

*) Передъ Февральской революціей П. М. Боярскій былъ губернаторомъ въ Казани, гдѣ пользовался общимъ расположеніемъ.

все время бѣгали по сторонамъ и оставляли непріятное впечатлѣніе. Въ общемъ, во внѣшности его было что - то еврейское, я не хочу этимъ сказать библейское . . .

Отъ Гермогена я проѣхалъ къ губернскому предводителю дворянства Ознобишину, старшему предсѣдателю судебной палаты Чебышеву, къ сожалѣнію, оставившему Саратовъ — онъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ, — къ начальнику дивизіи Болотову и къ вице - губернатору.

Когда я вернулся домой, то не прошло и пяти минутъ, какъ пріѣхалъ Гермогенъ съ отвѣтнымъ визитомъ, пожелавшій познакомиться и съ моею женою.

Провожая епископа въ прихожей, я наткнулся на правителя канцеляріи Шульца, подавшаго мнѣ расшифрованную депешу:

По отъѣздѣ епископа, я ее прочелъ.

Вотъ, что она вкратцѣ сообщала:

«8-го числа іеромонахъ Иліодоръ бѣжалъ изъ Флорищевой пустыни. По всей вѣроятности, онъ направляется въ Царицынъ. Благоволите принять мѣры къ недопущенію его въ городъ и выѣхать лично на мѣсто для устраненія возможныхъ недоразумѣній. За министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лейтенантъ Курловъ».

Вотъ тебѣ разъ!

Вспомнились мнѣ его слова: «Когда товарищъ министра, завѣдывающій полиціею, говоритъ Вашему Превосходительству, что Иліодоръ не убѣжитъ, то онъ не убѣжитъ!».

Всѣ мои предположенія и надежды рухнули разомъ. Вѣдь я и бралъ - то Саратовскую губернію только въ виду отсутствія Иліодора, при его - же наличности я на это ни за что - бы не пошелъ.

Каково мнѣ было, не зная никого и ничего, не вступивъ даже, какъ слѣдуетъ, въ должность, сразу скакать въ Царицынъ, гдѣ неизвѣстно, что меня и ожидало.

Выѣхать въ тотъ - же день я не могъ. Еще по распоряженію моему изъ Петербурга на 12 число былъ мною назначенъ пріемъ всѣхъ должностныхъ лицъ губерніи. Въ числѣ представлявшихся долженъ былъ быть и весь окружный судъ; мнѣ сказалъ вице - губернаторъ, что прибыли ближайшіе уѣздные предводители дворянства и предсѣдатели управъ. Человѣкъ вообще могло набраться около полутораста, и пренебречь ими изъ - за какого - то Иліодора я нашелъ невозможнымъ. Къ тому - же торопиться въ Царицынъ не было основаній: если Иліодоръ уже 8 - го числа бѣжалъ изъ Флорищевой пустыни, то 11 числа онъ долженъ былъ уже быть гдѣ - нибудь между Ртищевымъ и Царицынымъ и опередить его у меня не было бы ни малѣйшей возможности. Поэтому я могъ только передать телеграмму Курлова царицынскимъ полиціймейстеру и исправнику, а такъ - же начальникамъ жандармскихъ управленій ж. д. для соотвѣтствующихъ распоряженій.

Однако, тревогамъ этого дня не суждено было окончиться. Вечеромъ пріѣхалъ полиціймейстеръ и доложилъ, что только что убитъ семинаристомъ ректоръ духовной семинаріи, архимандритъ X. (имя я его забылъ).

Вотъ они, прелести Саратовской губерніи,.начинаются! — подумалъ я и невольно пожалѣлъ о своихъ, тихихъ, милыхъ Сувалкахъ.

Пришлось ѣхать въ семинарію... Окровавленный лежалъ несчастный убитый архимандритъ, какъ говорили мнѣ, прекрасный человѣкъ.

12 числа состоялся общій пріемъ. Мнѣ впервые пришлось выступать передъ такой большой аудиторіей должностныхъ лицъ, общественныхъ дѣятелей и представителей печати. Большой залъ губернаторскаго дома былъ набитъ биткомъ. Кого тутъ только не было: соборное духовенство, католическій епископъ, суперъ-интендентъ протестантскихъ церквей, муллы, раввины, представители старообрядческой общины, судьи, генералы, ректоръ университета, директора среднихъ учебныхъ заведеній, атаманы станицъ (Астраханскаго войска), желѣзнодорожники, пароходовладѣльцы, консулы, банкиры, дамы патронессы, предводители дворянства, земцы и даже президіумъ мѣстнаго отдѣла Императорскаго общества правильной охоты, поднесшій мнѣ званіе своего почетнаго предсѣдателя и соотвѣтствующій нагрудный знакъ. Сказанная мною привѣтственная рѣчь, въ которой я указалъ на то, что особенно горжусь быть начальникомъ Саратовской губерніи, гдѣ все крупно, и размѣры ея, и размахъ дѣятельности, и богатство, и даже упадающія на нее бѣдствія, какъ по промыслу Божію, такъ и по злой волѣ людей, произвела, какъ мнѣ говорили потомъ, наилучшее впечатлѣніе.

Долженъ отмѣтить, что у саратовцевъ въ высшей степени былъ развитъ свой мѣстный патріотизмъ. Они считали свою губернію первой въ Россіи, себя людьми самыми крупными, и, какъ это ни странно, въ сферу этого преувеличенія вносили и личность своего губернатора. Саратовскій губернаторъ не могъ, по ихъ мнѣнію, быть «кто-то тамъ, такъ себѣ», нѣтъ, это была величина. Имъ особенно льстило, что съ должности саратовскаго губернатора Столыпинъ былъ назначенъ прямо министромъ и весьма скоро послѣ того и Премьеромъ. Если Столыпинъ выбралъ меня для Саратова, то и я что-то большое. Саратовцы могли надѣлать много хлопотъ своему губернатору, но престижъ его оберегали, какъ свой собственный. И на этой стрункѣ саратовскаго патріотизма можно было разыграть не одну административную симфонію.

Послѣ пріема представляющихся, я вновь поѣхалъ къ Гермогену, чтобы переговорить съ нимъ о бѣгствѣ Иліодора и о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало бы предпринять на случай его прибытія въ Царицынъ.

Чувствовалось, что владыка уже зналъ о бѣгствѣ іеромонаха и его планахъ, но скрывалъ это довольно удачно.

Во время моего посѣщенія владыки, правитель канцеляріи привезъ мнѣ только что полученную телеграмму отъ царицынскаго полиціймейстера, извѣщавшаго, что Иліодоръ уже находится на Французскомъ заводѣ близъ Царицына и что мѣры къ недопущенію его въ городъ, а въ особенности въ монастырь, приняты.

Я подѣлился съ Гермогеномъ полученными свѣдѣніями, и онъ сообщилъ мнѣ, что тоже поѣдетъ въ Царицынъ. Тогда я сталъ уговаривать его ѣхать вмѣстѣ съ мною и совмѣстными усиліями убѣдить іеромонаха добровольно вернуться на мѣсто ссылки. Владыка обѣщалъ мнѣ всякое свое содѣйствіе, объяснивъ, что именно съ этою цѣлью и собирается въ Царицынъ, но ѣхать со мною отказался, говоря, что вліяніе его будетъ сильнѣе, если онъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, а не подъ видимымъ давленіемъ свѣтской вла-

сти. Ни мои просьбы, ни перспектива ѣхать въ удобномъ директорскомъ вагонѣ не разубѣдили Гермогена.

Съ собою я захватилъ правителя канцеляріи Ш. и начальника губернскаго жандармскаго управленія, полковника Семигановскаго. Оба были мнѣ крайне нужны, какъ знавшіе всю предшествующую исторію Гермогена и Иліодора.

На этихъ двухъ лицахъ я остановлю на нѣсколько минутъ вниманіе читателя.

Ш. происходилъ изъ мѣстныхъ нѣмцевъ - колонистовъ и получилъ университетское образованіе. Онъ состоялъ уже помощникомъ правителя канцеляріи въ бытность губернаторомъ Столыпина и правителемъ канцеляріи при Татищевѣ. Зналъ онъ дѣло превосходно, работоспособности былъ изумительной... но былъ совершенно равнодушенъ къ дѣлу. Насколько мой сувалкскій Хвалько клалъ душу свою въ работу и любилъ губернатора (не меня лично, а именно губернатора), настолько въ Ш. я чувствовалъ не только равнодушіе, но даже и нѣкоторое недоброжелательство. На все онъ говорилъ «слушаюсь», и выполнялъ всякую работу быстро и превосходно, но мнѣ казалось, что если - бы я приказалъ ему написать величайшую глупость, за которую меня - бы выгнали со службы, то онъ сдѣлалъ - бы это съ особеннымъ удовольствіемъ и представилъ - бы мнѣ къ подписи на веленевой бумагѣ.

Мнѣ кажется, что такое характерное отношеніе къ губернатору этихъ двухъ правителей канцеляріи объяснялось слѣдующимъ. Какъ Хвалько, такъ и Ш. по происхожденію своему принадлежали къ податнымъ сословіямъ. Окончившій образованіе въ уѣздномъ училищѣ, Хвалько, дослужившись до должности правителя канцеляріи, считалъ себя на верху возможныхъ для него достиженій, былъ доволенъ своей судьбою и безо всякаго завистливаго чувства обслуживалъ своего начальника. Напротивъ того, Ш., получившій высшее образованіе, былъ неудовлетворенъ въ своемъ честолюбіи и относился ко мнѣ съ чувствомъ пролетарія къ своему хозяину. «Почему ты, а не я! Вѣдь я - же образованнѣе, а, значитъ, и умнѣе тебя».

Какъ бы то ни было, въ теченіе двухъ лѣтъ, я все время чувствовалъ около себя недоброжелателя, но не считалъ себя въ правѣ его отпустить, такъ какъ работалъ онъ безукоризненно.

Полковникъ Семигановскій былъ наилучшимъ изъ жандармскихъ офицеровъ, встрѣченныхъ на моемъ жизненномъ пути. Онъ былъ всегда уравновѣшенъ, тактиченъ, не мѣшался въ сферу, ему не присущую, и, занимая должность начальника районнаго охраннаго отдѣленія, былъ весьма освѣдомленъ въ партійной революціонной работѣ не только въ Саратовской, но и окружающихъ ее губерніяхъ.

До Царицына мнѣ пришлось ѣхать около трехъ дней, проѣхавъ по ж. д. черезъ части Тамбовской и Воронежской губерній и Области Войска Донского.

Долженъ здѣсь представить читателю маленькіе кроки моего будущаго театра военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ Иліодоромъ.

Въ самомъ городѣ Иліодоръ выстроилъ себѣ огромный монастырь, окруженный хозяйственными постройками на подобіе сплошной стѣны. Церковь и монастырскія постройки были самой грубой, если можно такъ выразиться, бутафорской работы.

Верстахъ въ пяти за городомъ стоялъ, такъ называемый, Французскій заводъ, производившій крупныя металлургическія работы. (Впослѣдствіи онъ былъ пріобрѣтенъ извѣстнымъ Виккерсомъ и обращенъ въ пушечный). Заводъ этотъ представлялъ цѣлый городокъ съ пятью, шестью тысячами жителей, изъ которыхъ большая часть, а въ особенности женщины, были ярыми поклонниками Иліодора.

Подъѣзжая къ Царицыну, мы получили свѣдѣнія, что Иліодоръ на одной изъ промежуточныхъ станцій былъ опознанъ и предъявленъ начальнику жандармскаго отдѣленія ж. д. Не знаю, какими именно пріемами, Иліодоръ уговорилъ этого офицера, но фактъ, что, несмотря на мое запрещеніе, іеромонахъ былъ пропущенъ далѣе. (Впослѣдствіи этотъ жандармскій офицеръ былъ куда-то переведенъ, а вскорѣ послѣ того получилъ и повышеніе по службѣ) . . .

Когда мы пріѣхали въ Царицынъ, то полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что Иліодоръ съ французскаго завода ушелъ и, несмотря на всѣ принятыя мѣры, уже водворился въ монастырѣ, куда онъ проникъ въ женскомъ платьѣ, и собралъ толпу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вчера онъ говорилъ проповѣдь, въ которой сообщалъ, что Государь находится въ рукахъ жидомасоновъ-министровъ, изъ которыхъ самый опасный самъ Столыпинъ, что министровъ слѣдуетъ драть розгами, а Столыпина обязательно по средамъ и пятницамъ, чтобы онъ помнилъ постные дни и чтобы выбить изъ него масонскій духъ.

Кромѣ приведенной ранѣе телеграммы Курлова, я не имѣлъ никакихъ указаній, но мнѣ казалось, что ранѣе всего надо было потребовать отъ Иліодора немедленнаго возвращенія въ мѣсто ссылки и въ случаѣ неповиновенія арестовать.

Я послалъ полиціймейстера въ монастырь и приказалъ Иліодору немедленно ко мнѣ явиться.

Вскорѣ полиціймейстеръ, Василевскій, вернулся и доложилъ, что Иліодоръ просилъ мнѣ передать, что онъ не подумаетъ ко мнѣ являться, а что, если я интересуюсь его видѣть, то я могу и самъ пожаловать къ нему въ монастырь. Это была уже прямая дерзость и на нее слѣдовало соотвѣтственно реагировать.

Въ тотъ-же день, за наступленіемъ поздняго времени, ничего уже предпринять было невозможно.

На слѣдующій день приставъ съ нарядомъ стражниковъ вошелъ въ монастырскую ограду. Иліодора въ кельѣ не оказалось. Онъ служилъ молебенъ и находился въ алтарѣ. Приставъ, конечно, въ алтарь войти не рѣшился, но со стражниками остался въ церкви, ничего не предпринимая и выжидая болѣе благопріятной обстановки для ареста.

Иліодоръ, стоя на амвонѣ, съ возможностью ежеминутно уйти въ алтарь, произнесъ громовую проповѣдь противъ царскихъ опричниковъ, дерзнувшихъ кощунственно своимъ присутствіемъ нарушить святость монастыря и церкви, и заявилъ, что отнынѣ онъ изъ алтаря выходить не будетъ и перестанетъ принимать пищу и питье, пока гоненія противъ него не прекратятся.

Многочисленная толпа слушала проповѣдь, поддакивая Иліодору въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, женщины плакали и умоляли «батюшку» не обрекать себя на голодную смерть.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорилъ Иліодоръ, — мнѣ ничего кромѣ смерти не остается.

Когда толпа было доведена уже до состоянія бѣлаго каленія, Иліодоръ сказалъ, что только она, толпа, можетъ спасти его и, тѣмъ самымъ, приуготовать себѣ мѣсто въ царствіи небесномъ. Надо послать телеграмму Государю и просить оставить его, Иліодора, въ Царицынѣ, а до полученія отвѣта онъ, все равно, ни пить, ни ѣсть не будетъ. Откуда - то появился листъ бумаги съ заранѣе заготовленнымъ текстомъ телеграммы, который моментально былъ покрытъ сотнями подписей присутствовавшихъ, отсутствовавшихъ и никогда не существовавшихъ поклонниковъ іеромонаха.

— А теперь, — сказалъ Иліодоръ, указывая на стражниковъ, — этихъ фараоновъ изъ дома Божія надо выгнать.

Моментально толпа набросилась на стражниковъ, вырвала у нихъ шашки, сорвала револьверы, а самихъ стражниковъ, сильно помявъ, выбросила за стѣны монастыря. Особенно неистовствовали женщины.

Телеграмма Государю была отправлена. По произведенному разслѣдованію едва одна десятая часть подписей была дѣйствительна, остальныя оказались апокрифическими.

Что мнѣ надо было дѣлать?

Ранѣе всего, я протелеграфировалъ Столыпину самымъ подробнымъ образомъ о всемъ происшедшемъ въ Царицынѣ, включая и рѣчь Иліодора, находившаго нужнымъ сѣчь министра по средамъ и пятницамъ. Затѣмъ я выяснилъ наличность въ городѣ государственной стражи. Результатъ оказался плачевнымъ: съ такимъ количествомъ стражи отрытою силою взять Иліодора было невозможно. Кромѣ того, меня тревожилъ вопросъ, можно ли, съ точки зрѣнія закона, произвести арестъ въ алтарѣ. Приглашенный на совѣщаніе товарищъ прокурора не могъ дать мнѣ положительнаго отвѣта, но склонялся къ мысли, что это не допустимо; съ житейской точки зрѣнія это казалось и мнѣ несомнѣннымъ *).

Произведенною развѣдкою было установлено, что изъ алтаря былъ прямой ходъ въ келью Иліодора, въ которой онъ преблагополучно и пребывалъ, при малѣйшихъ подозрительныхъ признакахъ, переходя въ алтарь.

Не зная достаточно личныхъ свойствъ мѣстныхъ чиновъ полиціи, я завелъ въ монастырѣ особыхъ агентовъ, даже принадлежавшихъ къ мѣстной интеллигенціи, которые передавали мнѣ въ точности рѣчи Иліодора. Вскорѣ изъ сопоставленія этихъ сообщеній и донесеній полиціи я убѣдился въ полной добросовѣстности послѣдней.

Находя, при создавшихся условіяхъ, почти невозможнымъ изъятіе Иліодора изъ монастыря, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Гермогена, памятуя его обѣщаніе, всемѣрно мнѣ помочь привести къ повиновенію строптиваго монаха.

Наконецъ, дня три спустя послѣ меня, пріѣхалъ и владыка. Онъ остановился у своего пріятеля, директора реальнаго училища (фамилію его я забылъ), и не повидавшись со мною, прямо проѣхалъ въ монастырь.

Такое начало не предвѣщало ничего хорошаго.

*) При арестѣ всегда можно ожидать сопротивленія, поэтому, понятно, что арестующій долженъ быть вооруженъ. По канонамъ — въ алтарь входить съ оружіемъ запрещено.

Вскорѣ мои агенты доложили мнѣ слѣдующее.

Святитель былъ встрѣченъ Иліодоромъ у вратъ церкви. Они облобызались и затѣмъ прошли въ алтарь, гдѣ пробыли около часа. Затѣмъ оба совершили молебствіе, послѣ котораго владыка сказалъ слово, въ которомъ высказалъ жалобы на несправедливое преслѣдованіе достопочтеннаго брата Иліодора правительствомъ, выражалъ радость тому, что іеромонахъ разбилъ оковы своей темницы и теперь находится въ средѣ вѣрующей и любящей его братіи и народа православнаго. Епископъ призывалъ присутствовавшихъ сплотиться около іеромонаха и грудью защищать его отъ возможности какого бы то ни было надъ нимъ насилія.

Вотъ какъ епископъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное представителю правительственной власти!

Тѣмъ не менѣе, забравъ свои нервы въ руки, я поѣхалъ къ владыкѣ, и говорилъ съ нимъ, будто бы ничего не знаю о его выступленіи въ монастырѣ.

Гермогенъ принялъ меня съ обычною ласковостью и сказалъ, чтобы я потерпѣлъ, что іеромонаха надо оставить въ покоѣ, а что самое цѣлесообразное ожидать результата ходатайства передъ Царемъ всего народа объ его помилованіи.

Стало уже окончательно ясно, что на архіерея мнѣ разсчитывать болѣе нечего.

Тѣмъ временемъ моя агентура установила, что въ монастырскомъ зданіи собралось болѣе пяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли при себѣ оружіе, количество же накопленной мною стражи не превышало ста пятидесяти человѣкъ.

Изъ Петербурга, тѣмъ временемъ, никакихъ извѣстій не приходило. Наконецъ, числа 22-го, совершенно неожиданно для меня, пріѣхалъ, командированный Курловымъ, вице - директоръ департамента, Н. П. Харламовъ.

— Ну, что, — спросилъ я его, — чего они отъ меня хотятъ?

— Право, не знаю, —отвѣтилъ онъ. — Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, Ваши телеграммы еще не были получены, а меня командировалъ Курловъ въ помощь Вамъ, въ томъ предположеніи, что Вамъ, какъ едва вступившему въ должность, будетъ очень трудно.

— Трудно - то, трудно, но при чемъ Вы - то тутъ? Вѣдь всякое рѣшеніе я могу принять только на свою голову, и за все, какъ начальникъ губерніи, буду отвѣчать одинъ, ссылаться же на васъ я не могу.

— Совершенно съ Вами согласенъ, и я самъ, въ сущности, не знаю, для чего я здѣсь.

Долженъ отмѣтить, что несмотря на всю фальшивость нашихъ взаимоотношеній, Харламовъ принялъ правильную ligne de conduite и нисколько мнѣ не мѣшалъ. Это былъ вообще разумный и порядочный человѣкъ.

Во время продолжительныхъ разговоровъ между нами, Харламовъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что хотя Столыпинъ и остался на своемъ посту, но все же его положеніе сильно пошатнулось, въ особенности въ Царскомъ Селѣ, гдѣ ему не могли простить вовлеченіе Государя въ совершенно ненужный роспускъ Думы и Государственнаго Совѣта и принятіе репрессивныхъ мѣръ противъ правыхъ его членовъ. По словамъ Харламова, открытую агитацію вели правые, ловко натравленные на это лѣвыми кругами.

Иліодоръ ежедневно служилъ обѣдни и говорилъ проповѣди. По поводу пріѣзда Харламова онъ разразился, приблизительно, слѣдующимъ: «Отовсюду воронье слетается, пріѣхали губернаторъ, жандармы, главный сыщикъ изъ Петербурга — и никого - то я не боюсь. Прогоню новаго губернатора, какъ я прогналъ Ирода - Татищева, а если онъ сунется ко мнѣ, то я защищу свой монастырь, какъ преподобный Авраамій Палицынъ Троицко - Сергіевскую Лавру отъ поляковъ, вѣдь не выдадите меня честной народъ православный?»

— Не выдадимъ батюшка, — ревѣла ему въ отвѣтъ толпа.

Моя агентура донесла мнѣ, что Иліодоръ постоянно носитъ на себѣ запасные дары и, если полиція попробуетъ его арестовать, разсыплетъ ихъ, чтобы обвинить ее въ кощунствѣ.

Числа около 22-го я получилъ отъ Гермогена письмо слѣдующаго содержанія:

«Предполагая при участіи духовенства и свѣтскихъ лицъ обсудить вопросъ, какъ поступить далѣе въ дѣлѣ съ достоуважаемымъ батюшкою Иліодоромъ, прошу Ваше Превосходительство пожаловать на означенное засѣданіе сегодня вечеромъ, въ 6 часовъ».

Я конечно рѣшилъ не ѣхать. Обсуждать было нечего. Иліодоръ долженъ былъ покориться и отдаться гражданской власти. Кромѣ того, я не могъ не опасаться возможности рѣзкихъ выходокъ со стороны Гермогена, по моему, или высшихъ властей адресу. Промолчать мнѣ было неудобно, а отвѣчать тѣмъ же, было бы не тактично и шло бы наперекоръ, выраженной мнѣ Государемъ воли. Я даже склонялся къ мысли, что Гермогенъ нарочно создавалъ такое совѣщаніе, чтобы какъ - нибудь спровоцировать меня на какую-нибудь неосторожность и тѣмъ скомпрометировать.

Такое же приглашеніе получили и царицынскіе полиціймейстеръ и исправникъ.

Отвѣтивъ епископу, что я по нездоровью не могу принять его приглашенія, я разрѣшилъ вышеназваннымъ должностнымъ лицамъ отправиться на совѣщаніе, внимательно все выслушивать, но на всѣ вопросы отмалчиваться, ссылаясь на отсутствіе указаній со стороны начальства.

На слѣдующій день оба протоколярно доложили мнѣ рѣчь Гермогена, изъ которой я приведу одинъ абзацъ:

«Сюда, въ Царицынъ, наѣхали всѣ власти съ губернаторомъ во главѣ. Святой монастырь окруженъ полиціею, какъ разбойничье гнѣздо, и нашего достоуважаемаго батюшку Иліодора оскорбляютъ какъ какого - нибудь преступника . . . и не подымется ничья рука, чтобы отмстить за него . . . Вотъ, когда извѣстную революціонерку, Марусю Спиридонову оскорбилъ приставъ, то нашлись же люди, которые за нее отмстили, а нашего батюшку оскорбляютъ безнаказанно».

Выводъ изъ этой фразы предоставляю сдѣлать читателю.

Обо всемъ этомъ я сообщилъ срочными телеграммами министру и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

На слѣдующій день полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что на квартирѣ у епископа въ реальномъ училищѣ вновь состоится многолюдное собраніе и что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ немъ будетъ участвовать и Иліодоръ, который проберется для этого тайкомъ изъ монастыря.

Я приказалъ полиціймейстеру поставить заставы и по возможности арестовать іеромонаха при прослѣдованіи въ реальное училище.

— А, какъ быть, — спросилъ полиціймейстеръ, — если онъ, минуя заставы, все - таки окажется въ училищѣ?

— Арестуйте его тамъ.

— Ваше Превосходительство, это невозможно. Я увѣренъ, что онъ ни на минуту не отойдетъ отъ Его Преосвященства и что при попыткѣ ареста владыка за него ухватится и придется его отдирать силою. Какъ бы при этомъ невольно, а можетъ быть и при провокаціи съ его стороны, не оскорбить архіерея, а вѣдь въ такомъ случаѣ худо будетъ.

— Вы правы. Однако же это техническія затрудненія, надо обдумать, какъ ихъ преодолѣть.

— Трудновато, Ваше Превосходительство.

— А вотъ, Вы какъ поступите. Поѣзжайте на совѣщаніе, захватите съ собою нѣсколько переодѣтыхъ городовыхъ и агентовъ и сами весь вечеръ ведите себя не только смирно, но даже предупредительно. Когда совѣщаніе кончится и уже всѣ будутъ выходить по лѣстницѣ, постарайтесь протиснуться между владыкою и Иліодоромъ. Агентовъ поставьте на лѣстницѣ и, когда вы съ ними поравняетесь, рѣзко толкните іеромонаха въ руки агентовъ, а сами, въ самой почтительной позѣ, загородите его отъ епископа, а агенты пусть уже волочатъ Иліодора въ приготовленныя сани и везутъ на вокзалъ; тамъ будетъ ожидать вагонъ съ локомотивомъ подъ парами и мы увеземъ его, куда слѣдуетъ.

— Ваше Превосходительство, какъ я его толкну, вѣдь онъ духовное лицо.

— Въ моихъ глазахъ это бунтовщикъ и больше ничего.

— Вы отдаете мнѣ такое категорическое приказаніе?

При этихъ словахъ полиціймейстеръ обвелъ присутствовавшихъ глазами, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели.

— Да, это категорическое приказаніе.

— Слушаюсь. Будетъ исполнено.

Этого приказанія не пришлось приводить въ исполненіе, можетъ быть, на мое счастіе. Иліодоръ на совѣщаніе не пріѣхалъ.

Въ слѣдующую за тѣмъ ночь я получилъ сразу двѣ телеграммы. Первую отъ Саблера, который сообщалъ мнѣ указъ Синода, приказывающій Иліодору немедленно отправиться на мѣсто ссылки съ обращеніемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою, въ случаѣ неповиновенія Иліодора, привести указъ Синода въ исполненіе административными мѣрами. Вторая телеграмма была отъ Курлова, подписавшаго «За министра» и предлагавшаго къ немедленному и неуклонному исполненію просьбы Синода. Копія синодскаго указа одновременно и непосредственно была сообщена оберъ - прокуроромъ и Гермогену.

Въ виду сего, на слѣдующій день я написалъ письмо Гермогену, прося его увѣдомить, для соотвѣтствующихъ распоряженій, гдѣ и когда, въ тотъ же день, Иліодоръ будетъ переданъ администраціи.

На это письмо, посланное съ нарочнымъ, епископъ мнѣ не отвѣтилъ, а поѣхалъ въ монастырь.

Монастырь былъ переполненъ народомъ. Я уже давно принялъ мѣры къ недопущенію въ него новыхъ посѣтителей, но ранѣе проникшая въ него толпа не выходила, ночуя въ монастырскихъ зданіяхъ и самой церкви. По полученнымъ свѣдѣніямъ, санитарныя условія въ монастырѣ стали уже со-

верденно нестерпимыми. Одно время я останавливался на мысли не допускать туда пищи и тѣмъ вынудить поклонниковъ Иліодора оставить монастырь, но потомъ отказался отъ нея. Иліодоръ, имѣвшій громадное, исключительное вліяніе на толпу, сумѣлъ бы привести ее къ голодовкѣ, и я создалъ бы, себѣ на голову, толпу мучениковъ.

Полицейскій офицеръ попытался было не пропустить и епископа въ монастырь, но, не получивъ на это спеціальнаго указанія, не рѣшился выполнить своего первоначальнаго намѣренія.

Полученіе Гермогеномъ и Иліодоромъ указа Синода произвело на нихъ впечатлѣніе совершенно противное ожидавшемуся. Оба рѣшили Синоду не подчиняться. Епископъ и іеромонахъ произнесли проповѣди самаго возмутительнаго, анархическаго характера, отвергающія всякую власть, какъ духовную, такъ и свѣтскую, причемъ члены Синода, оберъ-прокуроръ, министры и я подвергались самымъ тяжелымъ и грубымъ оскорбленіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иліодоръ заявилъ, что онъ снимаетъ съ себя клятву голодовки, такъ какъ не «стоитъ», де, себя мучить изъ-за такихъ дрянныхъ людей, какъ нынѣшняя свѣтская власть и іерархи церкви. Народъ принялъ это заявленіе восторженно.

— Кушай, батюшка, кушай на здоровье, — вопила толпа.

Едва недѣлю передъ тѣмъ, этотъ человѣкъ всенародно клялся голодать, пока не получитъ прощенія, а теперь, по случаю своего новаго осужденія наиболѣе компетентною духовною властью, отъ исполненія клятвы отказался. Отсутствіе логики въ поступкахъ и наглое клятвопреступленіе исчезали въ сознаніи толпы отъ гипнотизирующаго краснорѣчія этого наглаго авантюриста.

Въ своей проповѣди Гермогенъ призывалъ паству къ защитѣ батюшки Иліодора, до послѣдней капли крови.

Толпа была нафанатизирована до крайняго предѣла. Женщины рыдали, со многими сдѣлались истерики, а мужчины, грубые и сильные царицынскіе босяки, потрясали кулаками и клялись сокрушить всякаго, кто посмѣетъ попытаться дотронуться до іеромонаха.

Съ того времени Гермогенъ почти не выходилъ изъ монастыря и вмѣстѣ съ Иліодоромъ день и ночь доводили многочисленную толпу до бѣлаго каленія.

О создавшейся обстановкѣ я телеграфировалъ Саблеру и министру, на что вновь получилъ телеграмму отъ Курлова, предлагавшаго, невзирая ни на что, арестовать Иліодора.

Въ одной изъ очередныхъ проповѣдей Гермогенъ заявилъ, что не допуститъ ареста Иліодора, и что онъ встанетъ между нимъ и слугами сатаны и не дастъ имъ дотронуться до святого человѣка, ограждая его Святымъ Крестомъ... пусть только дерзнутъ къ нему прикоснуться.

Положеніе мое было самое отчаянное. Нельзя было оставлять Иліодора безнаказаннымъ, но страшно было и рисковать столкновеніемъ чисто физическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кощунственнымъ съ лицомъ, облеченнымъ въ санъ святителя. Къ тому же съ полутораста стражниками нельзя было и думать взять монастырь открытою силою. Я могъ вызвать войска и сдѣлать это при ихъ содѣйствіи, но сколько бы это стоило крови и, притомъ, крови невинныхъ жертвъ преступнаго, гипнотизирующаго воздѣйствія шарлатана монаха и потакавшаго ему изувѣрнаго іерарха.

Полагая, что я недостаточно ярко изобразилъ создавшуюся обстановку, я вновь все вышеизложенное изложилъ въ длиннѣйшей шифрованной депешѣ министру, указывая на всѣ тягостныя послѣдствія попытки ареста Иліодора. На эту телеграмму я получилъ отвѣтъ, опять таки отъ Курлова, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Предлагаю къ неуклонному и немедленному исполненію. Прикажите наряду полиціи ночью войти въ монастырь, схватить Иліодора. Заготовьте сани и шубу и по Волгѣ отправьте его въ Х.»

Неисполнимость приведеннаго распоряженія била въ глаза. Какъ будто бы нарядъ полиціи могъ войти въ монастырь и взять Иліодора, какъ барана. Ворота запирались на ночь. Вездѣ были поставлены караулы, какъ въ осажденной крѣпости, съ дубинами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. При малѣйшей тревогѣ, вся собравшаяся въ обители толпа всколыхнулась бы, какъ одинъ человѣкъ. Съ колокольни забили бы въ набатъ и много тысячъ поклонниковъ Иліодора, находившихся еще внѣ стѣнъ монастыря, потекли бы къ мѣсту происшествія, имѣя во главѣ епископа Гермогена со Святымъ Крестомъ въ рукахъ. Полиціи, въ лучшемъ случаѣ, пришлось бы позорно ретироваться, а въ худшемъ случаѣ, быть избитой или даже перебитой. Пришлось бы вызывать войска. Представляю читателю самому нарисовать себѣ дальнѣйшую картину.

Приведеніе въ исполненіе распоряженія Курлова привело бы къ кровавымъ событіямъ въ Царицынѣ, слухъ о которыхъ, преувеличенный и разукрашенный стоустою молвою, облетѣлъ бы всю Имперію и едва ли не всю Европу, къ вящшему удовлетворенію враговъ правительства и Россіи.

Кто могъ быть заинтересованъ въ этомъ?

Меня давно уже угнетала мысль, почему на всѣ мои депеши я не получаю отвѣта отъ самого Столыпина, а всѣ телеграммы отъ министра подписаны за него, Курловымъ. Я зналъ, что Столыпинъ очень интересовался дѣломъ Иліодора, почему такое равнодушіе казалось мнѣ совершенно непонятнымъ. Признаюсь, что иногда посѣщали меня недобрыя мысли: посадилъ - де меня въ эту грязную исторію, а теперь и ухомъ не ведешь! Однако, зная характеръ Петра Аркадьевича, его всегдашнюю готовность брать на себя иниціативу и отвѣтственность, я отметалъ эти мысли. Но гдѣ же тогда причина его молчанія? И вотъ я пришелъ къ заключенію, что просто онъ не тѣмъ занятъ. Послѣдствія его образа дѣйствій относительно Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, начавшаяся противъ него интрига, борьба за власть и упроченіе своего положенія въ Царскомъ Селѣ захватили все его вниманіе и всѣ остальныя дѣла, какъ текущія, онъ передалъ, по принадлежности, своимъ товарищамъ, а потому и царицынскій эпизодъ, отошелъ въ вѣдѣніе Курлова, который даже и не посвящаетъ въ него министра . . . Словомъ, мнѣ думалось, что Столыпинъ просто ничего не знаетъ.

Къ чему привело бы точное исполненіе мною требованія Курлова? Къ громадному скандалу. Кровавыя событія въ Царицынѣ были бы на руку всѣмъ недоброжелателямъ Столыпина, и справа, и слѣва и, пользуясь ими, министру могъ быть нанесенъ послѣдній ударъ.

Никто бы не сталъ разбирать, распоряженія ли Курлова или министра вызвали царицынскія событія, отвѣтственность за все несъ министръ, къ тому же ставшій мишенью для всѣхъ стрѣлъ оппозиціи.

Каково же было бы мое личное положеніе во всей этой исторіи?

Конечно, я могъ всегда сослаться на то, что совершившіяся событія являются прямымъ послѣдствіемъ точнаго исполненія данныхъ мнѣ Курловымъ указаній, но это было бы плохой защитою. Для обвинителей являлось бы всегда оружіемъ, выставляемая въ такихъ и основательно забываемая во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, самостоятельность губернаторовъ, вытекающая изъ природы губернаторской власти. У начальства же всегда являлась возможность, отстаивая правильность данныхъ имъ указаній, обвинять меня въ неумѣломъ ихъ выполненіи: кабы дѣло было исполнено «съ тактомъ», то все бы и кончилось хорошо, ну, а вотъ, губернаторъ не сумѣлъ этого сдѣлать, значитъ, онъ и виноватъ.

По силѣ всѣхъ этихъ соображеній, я рѣшился на крайнее средство, совершенно выходившее изъ всѣхъ обычаевъ и установленныхъ іерархическихъ отношеній. Я написалъ въ Петербургъ слѣдующую, приблизительно, шифрованную телеграмму:

«Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Петру Аркадьевичу Столыпину, въ собственныя руки.

Въ теченіе десяти дней я доношу Вашему Превосходительству о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Царицынѣ. Всѣ отвѣты на мои телеграммы я получаю не отъ Васъ, а отъ «За министра Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ - лейтенанта Курлова», предъявляющаго ко мнѣ требованія, исполненіе которыхъ приведетъ къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Царицынскій монастырь захваченъ толпою нафанатизированныхъ и вооруженныхъ поклонниковъ Иліодора въ пять, шесть тысячъ человѣкъ, предводительствуемой сумасшедшимъ и преступнымъ монахомъ и, покрывающимъ его святостью своего сана, епископомъ. Предварительно принятія мною мѣръ къ штурму православными войсками и полиціею православнаго монастыря, защищаемаго епископомъ православной церкви, съ неизбѣжными кровавыми жертвами съ обѣихъ сторонъ, исчисляемыми сотнями людей и тоже неизбѣжнымъ святотатствомъ, случая безпримѣрнаго въ исторіи Россійскаго государства, прошу испросить на сіе предварительное Его Императорскаго Величества соизволеніе».

Телеграмма эта была отправлена 24 марта, часовъ около 7 вечера.

Съ волненіемъ ожидалъ я отвѣта.

Тревожило меня, ранѣе всего, рѣшеніе дѣла по существу, а затѣмъ и моя личная отвѣтственность.

Телеграммы «За министра» были юридически равносильны телеграммамъ самого министра. Я отказывался ихъ исполнять безъ предварительной санкціи Государя. Это было выраженіемъ недовѣрія подчиненнаго къ самому министру, еслибы онъ захотѣлъ телеграммы своего товарища покрыть своимъ именемъ, что только и было бы въ порядкѣ вещей. Кромѣ того, редакція моей телеграммы прямо намекала на допускаемую мною возможность, что всѣ полученныя мною распоряженія шли помимо министра и безъ его вѣдома. Это было уже прямое обвиненіе противъ всемогущаго товарища министра, завѣдывающаго полиціей. Я, очевидно, ставилъ все свое настоящее и служебное будущее на карту.

Ночью въ 5 часовъ меня разбудили.

Это была телеграмма отъ Столыпина.

Вотъ ея содержаніе:

«Прошу Ваше Превосходительство прекратить всякія дѣйствія противъ монастыря и Иліодора и отбыть въ Саратовъ.

Столыпинъ».

Читатель пойметъ, какъ я былъ счастливъ.

Во - первыхъ, отпадала перспектива дѣйствій противъ монастыря, послѣдствія которыхъ, каковы бы они ни были, всегда тяжелымъ камнемъ легли бы на мою совѣсть, во - вторыхъ, у меня было сознаніе, что я правильно разобрался въ сложной конъюнктурѣ современныхъ обстоятельствъ, въ - третьихъ, я несомнѣнно оказалъ услугу государственному человѣку, сохраненіе котораго у власти я считалъ величайшимъ благомъ родины, въ - четвертыхъ, я проявилъ смѣлость и самостоятельность, давшая мнѣ большое нравственное удовлетвореніе, въ - пятыхъ, я могъ спокойно вернуться въ Саратовъ изъ опротивѣвшаго и измучившаго меня Царицына.

Прошу читателя повѣрить, что я мало спалъ эти десять ночей, и что такіе эпизоды не легко даются, и что, кромѣ «ничего не дѣлавшихъ помпадуровъ», не многія должностныя лица переживали такіе дни и ночи.

На слѣдующій день, въ праздникъ Благовѣщенія, въ 1 часъ дня я уѣзжалъ изъ Царицына.

По свойственной Саратовской губерніи торжественности, меня провожала цѣлая толпа должностныхъ лицъ и нотаблей. Вдругъ, черезъ толпу провожавшихъ, протискивается монашекъ, съ низкимъ поклономъ подаетъ мнѣ просфору и говоритъ:

— Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыка, прислалъ Вашему Превосходительству сію просфору, съ пожеланіемъ счастливаго пути.

Я и всѣ присутствующіе поняли всю язвительность, заключающуюся въ этихъ словахъ.

— Передайте Его Преосвященству, — сказалъ я, — что я столь же искренно желаю ему счастливо оставаться.

Пріѣхавшій приставъ доложилъ мнѣ, что епископъ Гермогенъ, по случаю моего отъѣзда, произнесъ въ монастырѣ слово, въ которомъ сравнивалъ Иліодора съ пташками, выпускаемыми въ праздникъ Благовѣщенія добрыми христіанами на волю, а потомъ служилъ Литургію. Затѣмъ Гермогенъ и Иліодоръ съ сонмомъ духовенства, вызваннаго епископомъ, совершили въ бѣлыхъ ризахъ крестный ходъ кругомъ монастыря.

Сѣвъ въ вагонъ, я по обычаю своему, попытался проанализировать совершившіяся событія.

Напоминаю ихъ читателю.

Курловъ отказалъ мнѣ въ просьбѣ непосредственнаго сообщенія о предполагавшемся мною побѣгѣ Иліодора, что дало бы мнѣ возможность предотвратить проникновеніе Иліодора въ монастырь, каковое обстоятельство измѣнило бы весь ходъ событій. Иліодоръ несомнѣнно не особенно крѣпко былъ окарауленъ, если смогъ бѣжать. Жандармскій желѣзно - дорожный офицеръ пропустилъ іеромонаха въ Царицынъ, несмотря на полученное отъ меня запрещеніе. Телеграммы Курлова вызывали меня на образъ дѣйствій, о которыхъ закричала бы вся Россія и послѣдствія которыхъ могли бы свалить министра. При первой же телеграммѣ, полученной отъ меня непосред-

ственно министромъ, всѣ дѣйствія противъ монастыря и Иліодора были имъ прекращены. Прибавьте къ этому, что упомянутый выше жандармскій офицеръ, непосредственно подчиненный Курлову, вскорѣ получилъ повышеніе по службѣ и что при ближайшемъ свиданіи со мною (въ маѣ) Столыпинъ встрѣтилъ меня фразою: «Искренно благодарю васъ за вашъ образъ дѣйствій въ Царицынѣ».

Предоставляю читателю сдѣлать выводы самому. Скажу лишь, что, когда послѣ убійства Столыпина, Гучковъ въ Государственной Думѣ сказалъ рѣчь, обвинявшую Курлова въ преступной небрежности въ охранѣ министра (обвиненіе, кстати сказать, никогда не бывшее опровергнутымъ), то я ей нисколько не удивился. По всей видимости, кто-то подготовлялъ Столыпину гражданскую смерть уже въ Царицынѣ.

Какъ могъ усидѣть на мѣстѣ Курловъ послѣ царицынскихъ событій, несомнѣнно указывающихъ на то, что товарищъ министра, въ такомъ важномъ дѣлѣ, дѣйствовалъ помимо своего патрона, не держа его даже въ курсѣ происходившаго, такъ какъ лишь только министръ былъ освѣдомленъ о положеніи вещей, то онъ немедленно отмѣнилъ всѣ распоряженія своего товарища, — совершенно непонятно.

Здѣсь, увы, мы прикасаемся уже къ тайнамъ Царскосельскаго Дворца, столь ужасно отразившимся на гибели Царской семьи, династіи и Россіи: Курловъ умѣлъ находить поддержки. Нѣсколько дней спустя мнѣ была доставлена фотографическая группа, изображающая епископа Гермогена, Иліодора и... Распутина. Въ 1916—17 годахъ Курловъ и Распутинъ, Протопоповъ и д-ръ Бадмаевъ составляли одну компанію...

По возвращеніи моемъ въ Саратовъ, мнѣ ранѣе всего пришлось приняться за визиты всѣмъ лицамъ, посѣтившимъ меня на слѣдующій день по водвореніи моемъ въ губернаторскомъ домѣ. При этомъ произошелъ одинъ эпизодъ, довольно ярко характеризующій взаимоотношеніе вѣдомствъ въ послѣдніе годы императорской Россіи.

Въ числѣ саратовскихъ учрежденій была и Судебная Палата. Нужно здѣсь отмѣтить, что только отношенія между гражданскими и военными властями были опредѣленно очерчены въ законѣ и, поэтому, никогда не вызывали недоразумѣній; взаимоотношенія же между другими вѣдомствами, основывались на обычаѣ, тактѣ, прецедентахъ и тому подобныхъ условностяхъ. Между прочимъ, особенно тонкими были взаимоотношенія между губернаторомъ и Судебною Палатою. Послѣдняя имѣла сферою дѣятельности нѣсколько губерній, старшій предсѣдатель ея могъ носить званіе сенатора и, поэтому, имѣлъ нѣкоторое основаніе считать себя выше губернатора, съ которымъ онъ состоялъ въ одномъ классѣ должности, но который не могъ быть сенаторомъ. Однако, съ другой стороны, по закону, губернаторъ признавался представителемъ «Высшей Власти въ губерніи», что проявлялось, напримѣръ, въ томъ, что въ Царскіе дни, послѣ Богослуженія, онъ подходилъ первымъ ко Кресту, даже если бы присутствующій здѣсь же старшій предсѣдатель носилъ званіе сенатора.

Какъ слѣдовало мнѣ поступить при представленіи должностныхъ лицъ? Всѣмъ служащимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ были посланы повѣстки съ приглашеніемъ пожаловать въ губернаторскій домъ, а относительно Судебной Палаты я остановился на слѣдующей формѣ. Кстати, отмѣчу,

что щадить самолюбіе палатскихъ у меня были особыя соображенія. Я лишь недавно былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, не имѣлъ ленты и былъ чрезвычайно моложавъ. Чины же Судебной Палаты были и въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣли звѣзды и по большей части были старики.

Вернувшись въ Саратовъ, я поѣхалъ къ исправлявшему должность старшаго предсѣдателя, предсѣдателю департамента, Потулову, и сказалъ ему, что посѣщу палату самъ и прошу его указать мнѣ время, когда я могу найти всѣхъ въ сборѣ.

Мы сговорились на опредѣленномъ днѣ и часѣ.

Въ условленное время, надѣвъ мундиръ и ордена, я поѣхалъ въ Палату. Я ожидалъ, что члены ея будутъ собраны въ одной изъ залъ и будутъ мнѣ представлены in corpore. Однако, вышло иначе. Потуловъ сталъ водить меня изъ одной камеры въ другую, гдѣ члены, въ пиджакахъ, занимались своими дѣлами. На мою деликатность, мнѣ не отвѣтили тѣмъ же.

Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ непремѣнныхъ членовъ сообщилъ мнѣ, что въ клубѣ слышалъ разговоръ, что палатскіе очень возмущены тѣмъ, что я, сдѣлавъ многочисленные визиты, не посѣтилъ никого изъ нихъ. Я просилъ его передать, кому слѣдовало, что я имъ коллективный визитъ уже сдѣлалъ, несмотря на то, что, въ сущности, могъ ихъ всѣхъ пригласить къ себѣ, что я сдѣлаю визиты всѣмъ, до послѣдняго молодого слѣдователя, но что ни у одного изъ членовъ палаты моей ноги не будетъ.

До меня доходили слухи, что вся эта исторія волновала общество, кто былъ за, кто противъ меня. Вскорѣ старшимъ предсѣдателемъ былъ назначенъ бывшій здѣсь же прокуроромъ палаты, Миндеръ, а на мѣсто послѣдняго Карчевскій. Въ отношеніи моего столкновенія съ палатою Миндеръ не «проявилъ никакихъ поступковъ», пользуясь, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, для него весьма удобнымъ, что все это случилось до вступленія его въ должность.

Я рѣшилъ ждать . . .

Проходили недѣли и инцидентъ съ палатою не находилъ себѣ разрѣшенія.

Нѣсколько забѣгая впередъ, скажу, чѣмъ онъ кончился.

Въ маѣ я ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ, между прочимъ, побывалъ у своего дяди, сенатора А. М. Стремоухова, и разсказалъ ему о моемъ случаѣ съ палатою. А. М. очень возмутился и обѣщалъ позондировать почву въ министерствѣ. Кстати, долженъ отмѣтить, что дядя былъ лицомъ, весьма близкимъ къ тогдашнему министру юстиціи, И. Г. Щегловитову.

Дня черезъ три, А. М. сообщилъ мнѣ, что обычно губернаторы поступали въ дѣлѣ съ визитами съ палатою такъ же, какъ и я, но это ставилось имъ въ министерствѣ юстиціи въ плюсъ, какъ проявленіе особаго вниманія къ судебному вѣдомству, и, что въ министерствѣ юстиціи имѣется прецедентъ по поводу столкновенія губернатора съ палатою на визитной почвѣ.

Харьковскій губернаторъ И. М. Оболенскій (впослѣдствіи финляндскій генералъ-губернаторъ), вступивъ въ должность, пригласилъ къ себѣ на пріемъ и палату. Палата, считая себя не губернскимъ учрежденіемъ, на пріемъ не поѣхала. Тогда Оболенскій пожаловался министру юстиціи. Министръ, юридически обслѣдовавъ вопросъ, рѣшилъ его въ пользу губернатора и отдалъ распоряженіе палатѣ in corpore въ мундирахъ пожаловать къ губернатору.

Такой прецедентъ былъ мнѣ на руку. Дядя, выражая увѣренность, что и въ данномъ случаѣ, дѣло будетъ рѣшено министромъ въ мою пользу, нахо-

дилъ, однако, болѣе цѣлесообразнымъ инцидента не обострять. Въ министерствѣ онъ получилъ свѣдѣнія, что Миндеръ на дняхъ ожидается въ столицу, и А. М. надѣялся найти съ нимъ вмѣстѣ какое-нибудь компромиссное рѣшеніе, удовлетворяющее обѣ стороны. Если же, паче чаянія, это не было бы достигнуто, то обѣщалъ мнѣ свою поддержку у министра.

По возвращеніи моемъ, а въ скоромъ времени и старшаго предсѣдателя въ Саратовъ, мы оба, по случаю какого-то Царскаго дня, были въ соборѣ. По окончаніи Богослуженія, Миндеръ сказалъ мнѣ, что по случаю Царскаго дня, всѣ члены палаты, находившіеся въ соборѣ, желали бы принести мнѣ свои поздравленія, и спросилъ меня, когда я могу ихъ принять. Я отвѣтилъ, что изъ церкви ѣду прямо домой и радъ видѣть у себя палату. Вскорѣ, человѣкъ пятнадцать членовъ палаты въ мундирахъ и орденахъ пожаловали ко мнѣ. На слѣдующій день я былъ у всѣхъ съ отвѣтнымъ визитомъ. Этимъ инцидентъ благополучно закончился.

Кстати еще два слова о Судебной Палатѣ.

Въ предшествующей главѣ я приводилъ, что губернаторъ участвовалъ на засѣданіяхъ Судебной Палаты, по вопросу о преданіи суду чиновъ администраціи, къ которымъ были предъявлены иски по убыткамъ, понесеннымъ частными лицами отъ ихъ дѣйствій по службѣ.

Припоминаю одно изъ такихъ дѣлъ, довольно курьезное.

Въ холерное время, въ одномъ изъ уѣздовъ Тамбовской губерніи, кажется, Кирсановскомъ, было доставлено на базаръ 30 000 тысячъ недозрѣлыхъ арбузовъ, быстро раскупавшихся населеніемъ. Мѣстный исправникъ усмотрѣлъ въ этомъ большую санитарную опасность и рѣшилъ арбузы уничтожить. Для сего, онъ вызвалъ конную сотню стражниковъ, которымъ и приказалъ изрубить арбузы шашками. При русской страсти къ уничтоженію, я представляю себѣ картину сотни стражниковъ, рубящихъ арбузы: корки летятъ по всему базару, а кровавый сокъ разливается по улицамъ — чисто Мамаево побоище!

Оцѣнивая арбузы около трехъ копѣекъ за штуку, владѣльцы арбузовъ предъявили къ исправнику искъ, что-то около тысячи рублей.

По закону уничтоженіе съѣстныхъ продуктовъ, опасныхъ для здоровья, принадлежало власти санитарно-исполнительной комиссіи, а не единолично исправнику.

Однако, принимая во вниманіе, что народъ уже началъ растаскивать арбузы, что уѣзднаго врача на мѣстѣ не было, а потому не было и возможности собрать своевременно комиссію, что исправникъ, хотя и совершилъ превышеніе власти, но направленное исключительно на благо населенія, палата постановила дѣло производствомъ прекратить.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ Царицына мнѣ однажды доложили, что ко мнѣ пожаловали Гермогенъ и Иліодоръ.

Если бы Иліодоръ прибылъ одинъ, я его, разумѣется бы, не принялъ, но не принять епископа и сопровождающее его лицо я не могъ. О чемъ было мнѣ говорить съ ними?

Царицынскій инцидентъ, въ сущности, не былъ ликвидированъ, Иліодоръ оставался тѣмъ же бѣглымъ монахомъ, подлежавшимъ аресту и водворенію къ мѣсту ссылки. Однако, прекращеніе «воздѣйствія» на монастырь указывало на новыя теченія въ этомъ вопросѣ въ Петербургѣ. На сдѣланные за-

просы и къ министру, и къ оберъ-прокурору, я никакихъ отвѣтовъ не получалъ. Можно ли было арестовать Иліодора, пришедшаго ко мнѣ въ домъ и несомнѣнно нашедшаго гостепріимство въ домѣ епископа?

Я вышелъ къ своимъ посѣтителямъ.

Здѣсь я впервые увидѣлъ знаменитаго іеромонаха. Это былъ человѣкъ, средняго роста, довольно благообразный, худощавый, и совершенно незначительной внѣшности. Ничто не указывало въ его наружности ни на большой умъ, ни на сильную волю.

По обычаю, я подошелъ къ владыкѣ подъ благословеніе и поцѣловалъ руку лица, призывавшаго мстителей за поруганіе Иліодора. Таковы были противорѣчія многогранныхъ губернаторскихъ отношеній того времени...

Иліодоръ велъ себя весьма скромно. Гермогенъ попытался заговорить со мною о царицынскихъ событіяхъ, но я перевелъ разговоръ на другія темы. Скоро бесѣда, совершенно неклеившаяся, пресѣклась, и оба посѣтителя меня оставили.

Очень скоро послѣ того наступила Страстная недѣля. Въ Великую Пятницу я отправился въ соборъ на Богослуженіе, гдѣ, по традиціи, вмѣстѣ съ другими высшими представителями власти я долженъ былъ выносить Плащеницу.

Во время Богослуженія архіерей стоялъ на амвонѣ посреди церкви, а многочисленное духовенство шпалерами выстроилось отъ алтаря до возвышенія. Вышелъ соборный протоіерей и сказалъ проповѣдь слѣдующаго содержанія.

Она настолько врѣзалась въ мою память, что мнѣ кажется, что я передаю ее дословно.

«Дорогіе братья и сестры во Христѣ! Предъ нами здѣсь лежитъ святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божьяго, проведшаго свою земную жизнь въ борьбѣ со зломъ. Но и Богочеловѣкъ не могъ раздавить главу змія. И послѣ Него многіе боролись со зломъ, но всѣ были побѣждены. Что было не подъ силу Сыну Божьему, то тѣмъ болѣе не подъ силу людямъ. Еще недавно мы всѣ были свидѣтелями, какъ лучшій изъ насъ началъ священную борьбу со зломъ и подвергся тѣмъ же гоненіямъ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Такъ же его заключили въ темницу, такъ же его гнали, такъ же поносили и заушали, такъ же глумились надъ нимъ. Правда, тѣлесно его не распяли, но духовно его предали распятію. Не тѣ же ли гонители существуютъ и нынѣ, какъ прежніе Ироды и Каіаффы? Да, Ироды, для которыхъ мертво слово Божіе. Не такъ ли давно на этомъ мѣстѣ (указывая на меня) стоялъ одинъ изъ такихъ хулителей вѣры. Правда, это былъ человѣкъ, совершенно лишенный нравственнаго чувства. Вы всѣ помните, конечно, какъ все наше духовенство обратилось къ нему съ просьбою запретить къ представленію на сценѣ кощунственную пьесу Андреева «Анатема». И что же онъ отвѣтилъ ему? — «Я не могу этого сдѣлать, пьеса разрѣшена спеціальной драматической цензурою» *). Такъ пускай хулятъ и оскверняютъ самаго Бога, пускай вырываютъ изъ сердецъ православныхъ чистую вѣру, но да здравствуетъ строка министерскаго циркуляра... Для этихъ людей ми-

*) Долженъ отмѣтить, что графъ С. С. Татищевъ, на котораго указывалъ протоіерей не только не былъ «человѣкомъ лишеннымъ всякихъ нравственныхъ чувствъ», но напротивъ того отличался высокою безукоризненностью. Для театральныхъ пьесъ существовала особая цензура и какой-же это былъ-бы порядокъ, если-бы губернаторъ запрещалъ то, что дозволяла компетентная власть?

нистръ выше Бога... Да, говорю я, братія, тѣ же у насъ гонители Ироды и не лучше ихъ новые Пилаты, только и умѣющіе умывать свои руки...»

При послѣднихъ словахъ взоры протоіерея и всѣхъ присутствовавшихъ обратились на меня. Я невольно взглянулъ на Гермогена; его выразительные глаза засвѣтились особымъ огонькомъ...

Конечно, все это дѣлалось съ его соизволенія и даже, болѣе того, по его указкѣ.

Что было мнѣ дѣлать?

Повернуться и выйти. Это было бы демонстраціею въ самой церкви. Пришлось покориться судьбѣ, подходить къ кресту и цѣловать руку...

Вернувшись домой, я обо всемъ отписалъ Саблеру. Скоро я получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ, въ которомъ онъ просилъ меня вооружиться терпѣніемъ.

Тѣмъ временемъ, вернувшійся въ Царицынъ Иліодоръ въ полной мѣрѣ развилъ свою сумасбродную дѣятельность.

Совершалась она подъ флагомъ борьбы съ революціею, «затѣянной жидами, поддерживаемыми всею интеллигенціею и продавшимися имъ чиновниками, губернаторами, министрами, а въ особенности, Столыпинымъ».

На дворѣ монастыря іеромонахъ соорудилъ картоннаго пятисаженнаго дракона — «гидру революціи». По окончаніи проповѣди, онъ пронзалъ ее копьемъ, на подобіе Георгія Побѣдоносца и отрубалъ одну голову, которая за ночь вырастала.

Въ галлереѣ монастыря, по которой молящіеся проходили въ церковь, былъ повѣшенъ портретъ Льва Толстого. Иліодоръ остановился около него и требовалъ, чтобы всѣ проходившіе плевали въ лицо писателя. Подъ конецъ такой дикой операціи, пѣна слюны цѣлою лужею стекала съ портрета на полъ.

Затѣмъ онъ сталъ строить во дворѣ холмъ и прорылъ его многими ходами съ подземными галлереями, дабы укрываться въ нихъ въ случаѣ гоненій, какъ древніе христіане въ катакомбахъ. Все это сооруженіе создавалось безъ соблюденія какихъ бы то ни было строительныхъ правилъ и грозило развалиться и раздавить многочисленныхъ богомольцевъ. Прибывшаго въ монастырь городского архитектора Иліодоръ выгналъ.

Обо всемъ этомъ я писалъ Гермогену, министру и въ синодъ. Всѣ оставались глухи.

По поводу избіенія стражи въ монастырѣ, по приказу Иліодора, подтвержденнаго многочисленными свидѣтелями, прокурорскій надзоръ началъ было дѣло, но, по указанію изъ Петербурга, оно было прекращено.

Осмѣлѣвшій и окончательно обнаглѣвшій отъ безнаказанности, Иліодоръ предпринялъ тогда цѣлое паломничество по Волгѣ, въ цѣляхъ ниспроверженія крамолы.

Онъ или, вѣрнѣе, его поклонники наняли большой пароходъ. На пароходъ нагрузилась безшабашная орава поклонниковъ, а еще болѣе поклонницъ, до тысячи человѣкъ. Вся эта толпа, предводительствуемая Иліодоромъ съ «квачомъ» (огромная кисть), высаживаясь въ попутныхъ городахъ, бродила по улицамъ съ пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ, срывала вывѣски съ трактировъ, ресторановъ, увеселительныхъ заведеній и редакцій газетъ и мазала при посредствѣ «квача» дегтемъ ворота лицъ неугодныхъ, а также и физіономіи прохожихъ, не достаточно почтительно относившихся къ шествію.

Своевременно предупрежденный, я не допустилъ высадки Иліодоровской орды въ попутныхъ городахъ губерніи, но въ Самарѣ и Нижнемъ Новгородѣ, Иліодоръ былъ встрѣченъ торжественно. Самарскій губернаторъ встрѣтилъ его на пристани, а нижегородскій — не побрезговалъ даже пригласить Иліодора отобѣдать.

По возвращеніи въ Царицынъ Иліодоръ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ предавалъ меня проклятію.

Это проклятіе произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Кто бы онъ ни былъ въ душѣ, Иліодоръ формально былъ іеромонахомъ, духовнымъ лицомъ, почему духъ мой былъ угнетенъ.

Я написалъ объ этомъ Саблеру. Владиміръ Карловичъ отвѣтилъ мнѣ очень теплымъ письмомъ, разъясняющимъ, что единоличное проклятіе даже духовнаго лица, по канонамъ, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, а право проклятія, не примѣнявшееся уже столѣтіе, принадлежитъ только Святѣйшему Синоду.

Но, тѣмъ не менѣе . . .

Народъ и интеллигенція, да признаться и я самъ, перестали что - либо понимать въ безнаказанности Иліодора. Интеллигенція возмущалась нарушеніемъ всѣхъ правовыхъ нормъ, а народъ недоумѣвалъ, почему Иліодоръ можетъ безнаказанно ругать губернатора, министровъ и самый Синодъ.

Тутъ есть что - то непонятное.

Объясненіе, однако, нашлось.

Въ народъ проникъ слухъ, вскорѣ ставшій въ темныхъ массахъ увѣренностью, что Иліодоръ незаконный братъ Государя, отъ отца, чисто русской крови. Этотъ омерзительный слухъ, очевидно, былъ пущенъ самимъ Иліодоромъ. На родинѣ Емельки Пугачева зарождался новый самозванецъ . . . Кто могъ бы угадать всѣ дальнѣйшія возможности нашей страны «неограниченныхъ возможностей»?

Всему этому надо было положить конецъ, во что бы то ни стало.

Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ и все повѣдать Столыпину, такъ какъ пришелъ къ убѣжденію, что переписка все равно ни къ чему не приводитъ.

Поблагодаривъ меня за царицынское «сидѣнье», министръ внимательно выслушалъ меня и развелъ руками.

— Неужели вы думаете, П. П., — сказалъ онъ, — что я ничего въ этомъ дѣлѣ не предпринималъ. Всѣ ваши сообщенія я докладывалъ Государю, но онъ отмалчивается.

— Но, В. В., дѣло такъ далѣе итти не можетъ.

— Согласенъ съ вами, но у меня столько борьбы на всѣ фронты, что на этомъ дѣлѣ я не могу сосредоточить всѣ свои силы, у меня есть достиженія и поважнѣе.

— Кто знаетъ, Петръ Аркадьевичъ, что важнѣе . . . Вамъ извѣстно, что правая печать все время трубитъ въ пользу Иліодора. Писатель Родіоновъ (кажется, членъ Госуд. Думы), пріѣзжавшій спеціально въ Царицынъ для ознакомленія съ положеніемъ, издалъ цѣлую книжку въ его защиту. Отъ вашего имени пріѣзжалъ ко мнѣ раскаявшійся извѣстный революціонеръ Тихомировъ, съ цѣлью меня интервьюировать объ Иліодорѣ, и я право не знаю, какую онъ приметъ позицію . . .

— Вотъ, вы и сами указываете, какой я растравлю муравейникъ, если примусь за Иліодора. И безъ того меня травятъ справа, даже болѣе, чѣмъ

слѣва. Всѣ эти голоса проникаютъ до Государя... Ужасно то, что въ исходныхъ своихъ положеніяхъ Иліодоръ правъ, жиды дѣлаютъ революцію, интеллигенція, какъ Панургово стадо, идетъ за ними, пресса также; да развѣ Толстой, подвергнутый имъ оплеванію, не первый апостолъ анархизма, но пріемы, которыми онъ дѣйствуетъ, и эта безнаказанность все губятъ и даютъ полное основаніе оппозиціи говорить, что она права.

Столыпинъ задумался.

— П. П., вы способны на самопожертвованіе?

— Если нужно, то да.

— Я знаю, что Государю и донынѣ непріятно, что Татищевъ оставилъ службу изъ-за Гермогена и Иліодора. Онъ расположенъ къ вамъ. Уходъ второго губернатора изъ-за этихъ авантюристовъ произведетъ на него впечатлѣніе. Вы получите аудіенцію у Государя. Скажите ему всю правду, скажите ему самозванство Иліодора, пусть онъ услышитъ это отъ васъ. Настаивайте на высылкѣ и заточеніи Иліодора, а если онъ васъ не послушаетъ, скажите, что при наличности Иліодора болѣе не можете управлять губерніей и просите объ увольненіи.

— Хорошо.

— Но хватитъ ли у васъ на это духа? Я знаю многихъ лицъ, которыя шли къ Государю, чтобы выложить ему «правду-матку», а потомъ подъ обаяніемъ его личности «языкъ прилипалъ къ гортани» и ничего не выходило. Начать и не докончить, еще хуже выйдетъ.

— Думаю и надѣюсь, что у меня хватитъ пороху.

Столыпинъ пожалъ мнѣ руку.

— Я думаю, что онъ васъ не отпуститъ, ну, а если бы даже и отпустилъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что-нибудь другое для васъ придумаю.

— Да, кстати, — вспомнилъ я. — Я имѣю опредѣленныя указанія, что Гермогенъ и Иліодоръ дѣйствуютъ въ тѣсномъ единеніи съ Распутинымъ. Какъ доказательство этому, я представлю вамъ группу этой честной компаніи.

— Это усложняетъ положеніе, — замѣтилъ Столыпинъ.

Я раскланялся и вышелъ.

На третій день послѣ этого мнѣ была назначена аудіенція въ Царскомъ Селѣ.

Наканунѣ аудіенціи вдругъ ко мнѣ въ номеръ гостиницы «Франція» раздался звонокъ по телефону.

— Кто у аппарата?

— На фотографической группѣ три лица. Говорите только о двухъ вашихъ, третьяго не касайтесь.

— Да кто говоритъ?

Я услышалъ, какъ трубку повѣсили на аппаратъ, и разговоръ прекратился.

Таинственный голосъ, очевидно, принадлежалъ Столыпину.

Я переговорилъ съ женою. Она благословила меня на рѣшительный разговоръ съ Государемъ, каковы бы ни были его послѣдствія.

Государь принялъ меня съ обычною милостивою улыбкою. Послѣ незначительнаго разговора о нѣкоторыхъ дѣлахъ губерніи, между нами произошелъ слѣдующій діалогъ.

Для меня онъ былъ настолько значителенъ, что основательно врѣзался въ мою память, и я привожу его дословно.

— Ваше Величество, мнѣ нужно еще доложить Вамъ объ Иліодорѣ.

Я замѣтилъ, какъ у Государя задергался мускулъ на щекѣ.

— Тутъ говорить не о чемъ. Я его простилъ.

— Пусть такъ, В. В., (я впервые узналъ о прощеніи Иліодора), но послѣ Вашего прощенія, вмѣсто того, чтобы быть благодарнымъ, онъ продолжаетъ свои безобразія.

— Я все знаю и простилъ его.

— Ваше Величество не можете всего знать. Я нарочно пріѣхалъ для доклада въ Петербургъ, и обо всемъ только третьяго дня доложилъ министру.

— Да я и не хочу ничего знать, все это мелочи.

— Не мелочи . . . позвольте, В. В., вамъ доложить . . .

— Я уже сказалъ вамъ, Стремоуховъ, что этотъ разговоръ конченъ . . .

— Ваше Величество, я не исполнилъ бы своего долга, еслибы не доложилъ Вамъ, что этотъ негодяй не дорожитъ даже честью Вашей семьи, а слѣдовательно и Вашей . . .

Государь вспыхнулъ.

— Вашъ докладъ конченъ.

— Слушаюсь. Но разъ Вамъ не угодно меня выслушать, значитъ Ваше Величество мнѣ не вѣрите, а потому прошу меня освободить отъ должности саратовскаго губернатора, иначе мнѣ служить не честно.

Послѣдняя моя фраза была не слишкомъ складна, но я очень взволновался. «Истину царямъ съ улыбкой говорить» — умѣетъ не всякій. Мнѣ же было не до улыбокъ. Сознаюсь, что тяжелая слеза скатилась у меня по щекѣ.

Лицо Государя сразу сдѣлалось добрымъ и ласковымъ.

— Я вамъ вѣрю, Стремоуховъ, знаю васъ, но чего вы хотите?

— Не служить болѣе, В. В.; какая польза отъ моей службы, другой, можетъ быть, сдѣлаетъ то, чего я не сумѣлъ сдѣлать, убѣдить Васъ; если я на это не способенъ, то не считаю уже честнымъ пользоваться положеніемъ губернатора . . .

— Ну, ну, успокойтесь . . . Я знаю, что вы — честный человѣкъ.

Государь протянулъ мнѣ руку съ ласковою улыбкою и чарующимъ, исключительно свойственнымъ ему, выраженіемъ глазъ, тоже улыбающихся добротой и чуть - чуть ироніей, и тихонько подтолкнулъ меня къ двери.

Я вышелъ.

Бывшіе въ пріемной, дежурный флигель - адъютантъ гр. А. Н. Граббе и командиръ конвоя кн. Трубецкой, вѣроятно, замѣтили мое волненіе.

Дня черезъ три, Салтыковъ сообщилъ мнѣ, что въ кулуарахъ Государственнаго Совѣта разошлось извѣстіе, что Государь «разнесъ» саратовскаго губернатора.

Прямо съ Высочайшей аудіенціи, я проѣхалъ къ Столыпину и разсказлъ ему о происшедшемъ съ Государемъ разговорѣ.

— Завтра я буду у Его Величества, — сказалъ мнѣ министръ, — и сообщу вамъ о его рѣшеніи.

На слѣдующій день я былъ вызванъ Столыпинымъ къ телефону.

— Ну, что? — спросилъ я.

— Государь приказалъ вамъ передать, что повелѣваетъ (Столыпинъ проскандировалъ послѣднее слово) вамъ продолжать службу въ Саратовѣ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Соблюдать долгъ вѣрноподданнаго — повиноваться.

— А Иліодоръ?

— По этому поводу Государь мнѣ ничего не сказалъ.

Предоставляю читателю самому разобраться во всемъ этомъ эпизодѣ и сдѣлать свои выводы.

Признаюсь, что какъ ни тяжела была для меня вся эта сцена съ Государемъ, какъ она ни взволновала меня, но она составляетъ, можетъ быть, наиболѣе достопамятную страницу моей службы. Говорить съ Государемъ съ такою настойчивостью, не у всякаго хватило бы рѣшимости. Я думаю, что съ моей стороны это не тщеславіе, а лишь сознаніе удовлетворенности отъ исполненнаго долга, и если образъ дѣйствій Царя во всемъ этомъ дѣлѣ, какъ государственнаго человѣка, можетъ быть, и былъ ошибоченъ, съ этого момента, помимо его великаго для меня престижа, какъ помазанника Божія, онъ сталъ мнѣ безконечно милъ и дорогъ: я понялъ его безграничную доброту, являющуюся основнымъ двигателемъ его поступковъ и жертвой которой онъ раньше всего былъ самъ.

Сильно, едва ли не на полъ года, забѣгая впередъ, мнѣ хочется здѣсь, для полноты впечатлѣнія, разсказать все о дальнѣйшемъ «дѣйствѣ» Гермогена и Иліодора.

Въ началѣ лѣта того же года, я предпринялъ путешествіе въ сѣверные, Поволжскіе уѣзды губерніи, Вольскій и Хвалынскій. Въ послѣднемъ я посѣтилъ знаменитый раскольничій, по современной терминологіи, старообрядческій Черемшанскій монастырь. За послѣдній десятокъ лѣтъ его не посѣщалъ, кажется, ни одинъ изъ представителей власти. Ѣхать туда надо было верстъ не то сорокъ, не то шестьдесятъ на лошадяхъ отъ города Хвалынска, глухой лѣсной дорогой. Ѣхалъ я туда не по своей иниціативѣ, а по приглашенію старообрядческаго епископа Мелетія. Со времени указа о вѣротерпимости, старообрядческая іерархія пріобрѣла уже всѣ права гражданства. Приведенное, какъ будто не соотвѣтствующее опредѣленіе, пожалуй, наиболѣе отвѣчало положенію вещей, это дѣйствительно было только «гражданское» признаніе, такъ какъ духовныя наши власти все еще крайне недоброжелательно относились къ старообрядцамъ. Въ то время какъ наше духовенство свободно и по внѣшности даже пріязненно сносилось съ духовенствомъ иныхъ исповѣданій, оно и знать не хотѣло о новомъ положеніи старообрядцевъ. Не даромъ говорятъ, что наиболѣе острыми всегда бываютъ ссоры между близкими родственниками. Долженъ откровенно сознаться, что у меня, напротивъ, было къ старообрядцамъ особое влеченіе. Во мнѣ всегда вызывала большое уваженіе стойкость старообрядцевъ, несмотря на преслѣдованія, въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и сохраненіе ими стараго уклада русскаго быта.

Меня озабочивалъ вопросъ, какъ мнѣ быть съ Мелетіемъ? Какъ его величать? Давать ли ему титулъ Преосвященства? Цѣловать ли ему руку? Я, право, не понималъ, почему римско-католическаго епископа я долженъ былъ титуловать «Вашимъ Преосвященствомъ», а неизмѣримо ближе стоящаго къ православной церкви старообрядческаго епископа лишать этого зва-

нія. Тѣмъ не менѣе, опираясь на дѣловыя справки и прецеденты, я этотъ вопросъ, а равно и о цѣлованіи руки, рѣшилъ отрицательно.

Послѣ пріятнаго путешествія по лѣсной дорогѣ, мы съ исправникомъ подъѣхали къ монастырю. Уже издали насъ встрѣчалъ звонъ колоколовъ. У высокаго тына, я вышелъ изъ экипажа и пѣшкомъ вошелъ во дворъ. Здѣсь встрѣтилъ меня игуменъ и повелъ въ церковь, старую, деревянную, приземистую, далеко не красивой архитектуры. На паперти стоялъ епископъ Мелетій, въ присвоенныхъ его званію одѣяніяхъ, а на встрѣчу мнѣ шпалерами вытянулось десять схимниковъ въ клобукахъ - колпаками и одѣяніяхъ, покрытыхъ изображеніями орудій пытокъ Христа Спасителя и Адамовыми головами. Все это были столѣтніе старцы, съ длинными сѣдыми бородами, нависшими надъ потухшими глазами бровями, подобные иконамъ древняго византійскаго письма, уже давно обрекшіе себя на обѣтъ молчанія и строжайшій аскетизмъ. При моемъ приближеніи они всѣ опустились на колѣни и поклонились мнѣ большимъ поклономъ.

Признаюсь, что ото всей этой, повѣявшей глубокою стариной, картины, мурашки пробѣжали у меня по спинѣ и меня охватило какое - то невольное благоговѣніе.

Когда я приблизился къ епископу, то послѣдній сказалъ мнѣ слово, приблизительно слѣдующаго содержанія:

— «Много, много лѣтъ въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ мы хоронили нашу святую вѣру. Много гоненій мы претерпѣли. Когда власти появлялись у насъ, то это имѣло причиною, либо принятіе противъ насъ новыхъ суровыхъ мѣръ, либо поводомъ поборовъ. Потомъ въ болѣе уже терпимое время насъ посѣщали просто изъ любопытства . . . За что мы все это терпѣли, вѣдомо одному Господу Богу, которому мы поклоняемся по вѣрѣ отцовъ и праотцовъ нашихъ. Власть свѣтскую мы всегда уважали и безпрекословно исполняли всѣ ея требованія, Русь святую любили и любимъ всѣмъ сердцемъ, не разбирая, кто старой, кто новой вѣры. Въ Царѣ, какого бы онъ обряда ни держался, всегда признавали помазанника Божія . . . Но Богъ съ нимъ, съ прошлымъ, оно миновало и забыто . . . По волѣ нынѣ благополучно царствующаго Императора, мы получили свободу вѣры и ея оказательства. Да будетъ благословенно его царство отнынѣ и во вѣкъ. Въ васъ, Ваше Превосходительство, мы срѣтаемъ представителя Царя, даровавшаго намъ свободу. Въ лицѣ этихъ схимниковъ, въ совокупности прожившихъ, можетъ быть, тысячу лѣтъ, испытавшихъ жестокія прошлыя гоненія и нынѣ узрѣвшихъ свѣтлую радость, мы привѣтствуемъ Ваше Превосходительство. Позвольте поднести вамъ для цѣлованія этотъ старинный крестъ, до котораго до нынѣ не прикоснулись уста лица, исповѣдывающаго новую вѣру, и благословить васъ сей старинною же иконою Святаго Ильи, покровителя нашего».

Съ чувствомъ особаго благоговѣнія поцѣловалъ я крестъ и поднесенную мнѣ, икону.

Святой Илья, морщинистый и строгій, черный - пречерный, смотрѣлъ на меня изъ своего серебрянаго оклада проницательными глазами.

— А теперь, Ваше Превосходительство, благоволите войти въ храмъ и помолиться вмѣстѣ съ нами за Русь святую и благого Царя ея.

Послѣ Богослуженія, мы прошли въ скромныя хоромы владыки, угостившаго меня столь же скромною, простою, но вкусною, мужицкою трапезою.

Тутъ былъ медъ, всевозможныя грибы, капуста, сушеная рыба, варенье на меду и т. п.

Подъ чарующимъ впечатлѣніемъ Черемшанской обители, я вернулся въ Саратовъ.

Недѣли черезъ три, въ одномъ изъ окрестныхъ большихъ селеній, населенномъ исключительно старообрядцами, по случаю храмового праздника, состоялся многолюдный крестный ходъ, съ образами, хоругвями и т. д.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Гермогена очень рѣзкое письмо, въ которомъ онъ обвинялъ мѣстную полицію въ совершенно недопустимомъ, по мнѣнію епископа, попустительствѣ оказательства старообрядцами своего ложнаго вѣроученія, и въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ требовалъ прекращенія такого безобразія.

По разсмотрѣніи дѣла, выяснилось, что какъ дѣйствія старообрядцевъ упомянутаго селенія, такъ и полицейской власти, были совершенно законны. Въ предѣлахъ моей канцеляріи находился указъ Сената, преподанный къ общему руководству, по жалобѣ старообрядцевъ на тобольскаго губернатора, запретившаго имъ совершить крестный ходъ внѣ ограды церкви. Сенатъ разъяснилъ, что со времени указа о вѣротерпимости (17 октября 1905 года) всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ разрѣшается свободное отправленіе своего культа не только въ церквахъ и молельняхъ, но и на улицахъ и площадяхъ. Единственнымъ основаніемъ къ запрещенію такихъ религіозныхъ демонстрацій, по толкованію Сената, было, если бы таковыя могли послужить поводомъ къ возбужденію неудовольствія части населенія, исповѣдывающей другую религію, и возможности на этой почвѣ безпорядковъ. Очевидно, что при сплошномъ населеніи данной мѣстности лицами, принадлежащими къ одной религіи, какъ въ данномъ случаѣ, нельзя было ожидать безпорядковъ изъ-за крестнаго хода, устроеннаго старообрядцами, а слѣдовательно, дѣйствія полиціи были совершенно правильными. Напротивъ того, запрещеніе крестнаго хода было бы незаконнымъ, могло бы послужить предметомъ обжалованія и, въ виду обязательности примѣненія вышеупомянутаго указа Сената, привести къ заслуженному взысканію съ виновныхъ.

Не вдаваясь ни въ какія разсужденія, я препроводилъ къ епископу копію упомянутаго указа, упомянувъ только объ обязанности его выполненія для должностныхъ лицъ и, закончивъ, по обыкновенію, письмо, призывомъ на себя «святыхъ молитвъ» его преосвященства.

Вскорѣ послѣ того мнѣ былъ доставленъ номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», въ передовой статьѣ котораго, принадлежавшей, по полученнымъ свѣдѣніямъ, перу епископа Гермогена, меня громили по всѣмъ пунктамъ.

Статья начиналась приблизительно такъ:

. . . «Мы, конечно, не можемъ воспретить либеральствующему губернатору ѣздить по раскольничьимъ *) монастырямъ и цѣловать руки самозваннымъ епископамъ, но мы не можемъ не поднять голоса, голоса церкви, когда, по попустительству властей, творятся явно, на глазахъ всѣхъ безобразія, оскорбляющія лучшія чувства православнаго вѣрующаго русскаго народа . . .» и т. д., въ томъ же духѣ.

Такая выходка противъ губернатора на страницахъ оффиціальнаго изданія (что бы сказали, если бы я написалъ что-либо подобное противъ епи-

*) Кстати сказать, этотъ терминъ былъ уничтоженъ закономъ.

скопа въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»?), такое пренебреженіе къ указаніямъ высшей власти, были совершенно нестерпимы. Я сообщилъ обо всемъ этомъ В. К. Саблеру, который частной, короткой запискою увѣдомилъ меня, что вопросъ переданъ имъ на разсмотрѣніе Св. Синода, откуда послѣдуетъ саратовскому епархіальному архіерею надлежащее разъясненіе.

Въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ я долженъ отмѣтить нѣкоторую неполноту ихъ: цѣлый и довольно важный моментъ совершенно изгладился изъ моей памяти. Я отлично помню, что іеромонахъ Иліодоръ былъ лишенъ Св. Синодомъ носимаго имъ сана, а впослѣдствіи и просто разстриженъ. Но, когда именно произошло первое событіе, а, точно, и второе, я положительно не могу возстановить въ своей памяти. Запамятовалъ я и то, что именно лѣтомъ 1912 года продѣлывалъ Иліодоръ. Очевидно, не сидѣлъ смирно, но что дѣлалъ, исчезло изъ моихъ воспоминаній. Объясняю я себѣ это тѣмъ, что я былъ поглощенъ наступившими новыми заботами, а именно, постигшимъ губернію неурожаемъ...

Однако, епископъ Гермогенъ въ это время не дремалъ и продолжалъ свое дѣло ненасытнаго и фанатическаго честолюбія.

Читатель помнитъ, вѣроятно, святотатственное ограбленіе Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери. Драгоцѣнныя украшенія этого образа были похищены, а сама святая икона расщеплена и выброшена въ нечистое мѣсто.

Со времени совершенія этого кощунственнаго преступленія Россію постигли большія бѣдствія: революція 1905 года, неудачная японская война, таинственная болѣзнь наслѣдника. Народная молва приписывала всѣ эти несчастія исчезновенію святой, чудотворной иконы.

Въ нѣкоторыхъ деталяхъ послѣдующаго эпизода мнѣ тоже измѣняетъ память. Да не поставитъ мнѣ этого читатель въ упрекъ, тѣмъ болѣе, что онѣ ни въ какой степени не отразятся на ходѣ далѣе излагаемыхъ мною событій.

Кажется мнѣ, что похищеніе иконы было совершено нѣкіимъ бѣглымъ каторжникомъ Кораблевымъ, а пособникомъ ему въ этомъ дѣлѣ былъ Чайкинъ. Можетъ быть, дѣло стояло какъ разъ наоборотъ. Иниціаторомъ былъ Чайкинъ, а пособникомъ Кораблевъ. Участи иниціатора я не помню, но пособникъ, Чайкинъ или Кораблевъ, буду называть его Чайкинымъ, въ описываемое мною время, отбывалъ свое наказаніе въ саратовскомъ арестантскомъ отдѣленіи.

Однажды Чайкинъ пожелалъ видѣться съ епископомъ Гермогеномъ. Свиданіе было разрѣшено тюремнымъ начальствомъ, вопреки тюремной инструкціи, не въ пріемной, а съ глазу на глазъ. Такія свиданія участились. Когда это дошло до меня, то я захотѣлъ было эти свиданія запретить, но, правду сказать, не хватило на это духа. Вѣдь, если какому - нибудь ничтожному повѣренному разрѣшаются свиданія съ своими подзащитными безъ свидѣтелей, то какъ же запретить это пастырю господствующей Церкви, который, быть можетъ, хочетъ спасти душу раскаивающагося злодѣя. Если на это не было спеціальнаго указанія въ тюремной инструкціи, то не можетъ же инструкція предвидѣть всѣ случайности.

Вскорѣ, вѣроятно, по болтливости самого Чайкина, стало извѣстно, что онъ сообщилъ владыкѣ о томъ, что икона Казанской Божіей Матери вовсе не уничтожена, но находится въ одномъ отдаленномъ старообрядческомъ скиту, и что онъ, Чайкинъ, берется ее оттуда изъять, при условіи предоставленія ему временной свободы, а затѣмъ и полнаго помилованія.

Судебнымъ дѣломъ объ ограбленіи иконы съ непреложностью было установлено ея уничтоженіе. Слѣдовательно, сообщенія арестанта были вымышленными. Однако, епископъ Гермогенъ вѣрилъ имъ или хотѣлъ имъ вѣрить.

Между тѣмъ, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, полк. Семигановскій, обладавшій обширною агентурою, донесъ мнѣ, что у одного «спеціалиста» пишется икона Божіей Матери, поддѣлываемая подъ Казанскую. Передать ее по принадлежности еще невозможно, такъ какъ для принятія вида «старины» требуется время и время довольно продолжительное.

Эти свѣдѣнія были доставлены Семигановскому вполнѣ достовѣрнымъ по его мнѣнію лицомъ, не желавшимъ или не могшимъ сообщить ни мастера, ни мѣста поддѣлки иконы. Однако, нѣкоторая связь между Чайкинымъ и темными лицами, занимавшимися поддѣлкою иконъ, была установлена.

Въ свою очередь, я то же поинтересовался Чайкинымъ, но не находилъ возможнымъ сдѣлать это открыто. При очередномъ посѣщеніи тюрьмы, начальникъ ея указалъ мнѣ условнымъ знакомъ на интересовавшаго меня арестанта. Это былъ высокій, красивый, франтоватый, даже въ арестантской одеждѣ, человѣкъ. (Такой совершенно опредѣленный типъ, какъ это ни странно, существуетъ). Вѣроятно, я все-таки слишкомъ внимательно въ него всмотрѣлся, и онъ это замѣтилъ: губы Чайкина скривились едва сдерживаемой улыбкою удальства и хитрости.

Какова была во всемъ этомъ дѣлѣ роль Гермогена? Вѣрилъ онъ Чайкину или не вѣрить? При особомъ складѣ психики Гермогена, допускаю и первое. Во всякомъ случаѣ, повидимому, эти соображенія отпадали въ его сознаніи передъ фактомъ огромной важности, «Обрѣтенія» исчезнувшей, къ горю всей Россіи, Святой и Чудотворной иконы.

Какое счастіе было бы найти эту икону! Вернуть ее народу и глубоко растроганному Царю. Вѣдь, вся вѣрующая Россія, съ Царскою семьею, во главѣ съ самимъ помазанникомъ Божіимъ, склонятся во прахъ передъ этою святынею и вернувшимъ ее народу святителемъ.

Говорили, что Гермогенъ охотно подписывалъ свое имя «Ермогенъ» какъ приснопамятный патріархъ.

Дѣйствовалъ ли епископъ, вѣря или нѣтъ, я не знаю; и да проститъ мнѣ Господь мои сомнѣнія, вызываемыя исключительно благоговѣніемъ къ святынѣ Казанской . . .

Я видѣлъ во всемъ этомъ, во всякомъ случаѣ, только продѣлку хитраго арестанта и рѣшилъ положить конецъ его затѣѣ.

Вѣдь, если бы икона была въ самомъ дѣлѣ «обрѣтена», я-то бы зналъ, что это результатъ самаго наглаго мошенничества и легковѣрія, а каково-то было бы мнѣ увидѣть весь ужасъ благоговѣйнаго преклоненія всего русскаго народа передъ ловкою поддѣлкою, и своимъ молчаливымъ присутствіемъ способствовать кощунству, въ которое былъ бы вовлеченъ самъ Государь.

Я потребовалъ перемѣщенія Чайкина въ одну изъ московскихъ тюремъ, сообщивъ обо всемъ моему товарищу, московскому губернатору В. Ф. Джун-

ковскому, которымъ всякія свиданія съ Чайкинымъ были воспрещены. Попытки въ этомъ отношеніи Гермогена остались безплодными. Все это, черезъ Вел. Кн. Елисавету Феодоровну, было доведено до свѣдѣнія Государя.

Такъ была закончена исторія новаго и кощунственнаго явленія Святой Казанской Иконы Божіей Матери.

Черезъ нѣкоторое время епископъ Гермогенъ былъ вызванъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ. Съ того времени онъ вышелъ изъ сферы моего непосредственнаго наблюденія.

До меня доходили слухи, что тамъ онъ всталъ въ весьма рѣзкую оппозицію къ другимъ членамъ Синода по вопросу объ учрежденіи у насъ духовнаго сана діакониссъ. Проектъ этотъ принадлежалъ иниціативѣ Вел. Кн. Елисаветы Феодоровны. По поводу института діакониссъ я не имѣю никакого собственнаго мнѣнія, а потому на этомъ вопросѣ останавливаться не буду.

Не помню точно, черезъ сколько времени, примѣрно черезъ полгода, я вновь посѣтилъ Петербургъ. На одной изъ промежуточныхъ станцій въ столичной газетѣ я прочелъ, что епископъ Гермогенъ устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ Синода, отставленъ отъ саратовской епархіи и сосланъ въ Жировицкій монастырь гродненской епархіи, пребывавшій же въ столицѣ Иліодоръ куда - то исчезъ.

Уже въ Петербургѣ я узналъ о причинахъ постигшей Иліодора опалы.

Я видѣлъ въ то время многихъ лицъ, стоявшихъ близко къ синодскимъ кругамъ и бывшихъ со мною, какъ съ саратовскимъ губернаторомъ, тоже близкимъ къ ходу событій во всей Гермогено - Иліодоровской эпопеѣ, вполнѣ откровенными. И вотъ, что они мнѣ разсказали.

Гермогенъ и Иліодоръ поссорились съ Григоріемъ Распутинымъ. Какія были тому причины, осталось невыясненнымъ. Нѣкоторые приписывали ее борьбѣ за вліяніе въ Царскомъ Селѣ, другіе болѣе чистому желанію обезвредить развратнаго старца. Гермогенъ написалъ Царю письмо, изобличающее старца. Письмо это было принято холодно и вызвало даже рѣзкое указаніе епископу не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Тогда Гермогенъ и Иліодоръ рѣшили оскопить Григорія.

Попытка эта не удалась и растерзанный «старецъ» успѣлъ отъ нихъ убѣжать въ Царское Село... Затѣмъ послѣдовала опала Гермогена и разстриженіе Иліодора.

Послѣдній долго скрывался въ окраинахъ столицы, главнымъ образомъ, у доктора «Тибетской медицины» Бадмаева, а затѣмъ бѣжалъ на Донъ въ станицу, къ которой былъ приписанъ, какъ казакъ. Съ этого времени онъ сталъ дѣйствовать уже подъ своимъ прежнимъ именемъ Иліодора Труфанова. Вскорѣ онъ отрекся отъ всѣхъ своихъ «правыхъ» тенденцій, проклялъ всякую власть, духовную и свѣтскую, уже съ «лѣвой» точки зрѣнія, сталъ проповѣдывать анархическую сторону ученія Толстого, портретъ котораго еще недавно подвергалъ оплеванію. Преслѣдуемый полиціею, онъ вскорѣ бѣжалъ въ Швецію, а затѣмъ въ Соединенные Штаты, гдѣ вошелъ въ контактъ съ революціонными кругами. Говорили, что онъ дѣлалъ, тутъ же переводимыя на англійскій языкъ, сообщенія въ разныхъ music hall, гдѣ обливалъ помоями всю русскую жизнь, правительство, Царскую семью, а въ

особенности Императрицу. Написанныя Распутину Государыней письма, какъ-то попавшія въ его руки, тутъ же демонстрировались публикѣ.

Письма эти впослѣдствіи были просмотрѣны однимъ близкимъ мнѣ лицомъ и, по его завѣренію, не заключали въ себѣ ничего компрометирующаго честь Царицы, какъ Государыни и женщины. Это были просто письма нервной женщины къ человѣку, который въ ея представленіи —къ чему, впрочемъ, у нея было достаточно основаній *)—былъ единственнымъ источникомъ поддержанія здоровья и даже самой жизни ея страждущаго, единственнаго и обожаемаго сына.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, Гермогенъ получилъ вновь епископскую кафедру, на этотъ разъ въ Тобольскѣ. Пребываніе его тамъ совпало съ прибытіемъ туда въ ссылку Царской семьи, къ которой, какъ я слышалъ, онъ отнесся наилучшимъ образомъ.

Мнѣ говорили, что въ первые дни революціи онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ. И мученически погибъ отъ руки большевиковъ.

Что такое были Гермогенъ и Иліодоръ?

Попытаюсь въ этомъ разобраться.

Я полагаю, что Иліодоръ былъ только опаснымъ авантюристомъ, мечтавшимъ выдвинуться и сыграть крупную роль для удовлетворенія своего ненасытнаго честолюбія. Никакихъ убѣжденій ни лѣвыхъ, ни правыхъ, у него никогда не было. Служить Богу, либо чорту ему было совершенно безразлично, лишь бы добиться своихъ ближайшихъ цѣлей.

Натура Гермогена гораздо сложнѣе. Это тоже былъ человѣкъ, снѣдаемый безумнымъ честолюбіемъ, мечты котораго не останавливались на митрѣ митрополита — ему мерещился патріархъ всея Руси, ѣдущій на конѣ, ведомомъ подъ уздцы тишайшимъ Царемъ Московскимъ. Но я думаю, что безграничное честолюбіе имѣло двигателемъ не одно личное чувство, но и пламенную вѣру и, если и не возвышенное, то превыспреннее понятіе о задачахъ православной церкви, передъ которой должно преклониться все: и народъ, и свѣтская власть, и самъ Царь. Воспаленное воображеніе его ненормальнаго, можетъ быть, физическаго состоянія, неограниченное никакими сдерживающими центрами, могло уронить его до грани преступленія и вознести до подвига великаго мученичества. Въ средніе вѣка онъ могъ бы быть великимъ инквизиторомъ, могъ бы быть Григоріемъ VII, съ наслажденіемъ призывающимъ въ Каноссу кающагося, босоногаго и покрытаго власяницею императора, но могъ онъ и, какъ Савонарола, съ блаженствомъ и восторгомъ сгорѣть на кострѣ.

Софія-Парижъ. 1922—24 г.

*) Способность Распутина останавливать кровотеченіе у наслѣдника, страдавшаго гемофиліею, и вообще его гипнотически врачующее вліяніе подтверждается многими свидѣтельствами.

Революціонное общество
по личнымъ воспоминаніямъ*
В. А. Ауэрбаха

ЧАСТЬ II
Въ большевицкой Россіи

Глава I
ВЪ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ, УПРАВЛЯЕМОМЪ КОММУНИСТАМИ

Ружейные выстрѣлы, пулеметная трескотня и буханіе орудій еще слышались въ нѣкоторыхъ районахъ Петрограда, пока не было «ликвидировано» сопротивленіе юнкеровъ Владимірскаго и Константиновскаго военныхъ училищъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалось нѣкоторое волненіе въ связи съ наступленіемъ войскъ генерала Краснова, но въ общемъ послѣ 25 октября наступила какая-то тишина. Для круга лицъ, близкихъ къ Временному Правительству, къ которому принадлежалъ и я, стало тише уже потому, что утратилась освѣдомленность: ставъ рядовыми обывателями, мы узнавали о событіяхъ post factum изъ газетъ, а о намѣреніяхъ побѣдителей ничего не знали. Впослѣдствіи нѣкоторыя организаціи учредили особую информаціонную службу и вслѣдствіе этого черезъ нѣкоторое время освѣдомленность была въ нѣкоторой мѣрѣ возстановлена, но сперва мы питались исключительно газетами, слухами, толками и случайными свѣдѣніями. Но кажется, что и для населенія въ цѣломъ стало тише: послѣ періодически повторяющихся каждые два мѣсяца разрядовъ всегда становилось тише, а на этотъ разъ въ особенности. Часть населенія праздновала побѣду, другая — полагала, что всякая развязка лучше затяжного кризиса, третья —, отупѣвъ отъ безпокойнаго житья въ «свободной Россіи», впала въ равнодушное безразличіе. «Буржуазія» отказывала большевикамъ въ признаніи ихъ въ качествѣ носителей государственной власти и по возможности не исполняла ихъ распоряженій. Таково-же было поведеніе и части «революціонной демократіи». Та многочисленная часть «буржуазіи», что высмѣивала опубликованный за нѣсколько дней до переворота списокъ большевицкихъ министровъ, иронически отнеслась и къ побѣдѣ коммунистовъ, положительно отказываясь вѣрить въ продолжительность

---

* Продолженіе. См. Арх. Рус. Рев. т. XIV.

ихъ господства. Одни полагались на вѣрность Временному Правительству части войска — отчаянному сопротивленію юнкеровъ не придавалось практическаго значенія, но на натискъ арміи генерала Краснова и вообще на реакцію нѣкоторыхъ фронтовыхъ частей возлагались надежды и тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ явственнѣе обнаруживалась немощность облѣнившагося и распустившагося столичнаго гарнизона и неподготовленность рабочей красной гвардіи, — другіе считали, что неопытные въ государственномъ управленіи большевицкіе вожди, не могущіе къ тому-же полагаться на службу за совѣсть арміи чиновниковъ, быстро запутавшись въ дѣлахъ и въ особенности по снабженію населенія продовольствіемъ и другими предметами первой необходимости, будутъ вскорѣ-же смѣщены населеніемъ, третьи предсказывали быстрое паденіе экстремистовъ, исходя изъ историческихъ примѣровъ и не останавливаясь даже на причинахъ, которыя могли-бы сбросить гастролеровъ власти — я помню, какъ мой большой пріятель, умный, разносторонне образованный и дѣльный человѣкъ, стоявшій во главѣ одного изъ крупнѣйшихъ военныхъ управленій, генералъ и профессоръ, меня пытался убѣдить, ссылаясь на парижскую коммуну, что больше 42 дней большевики еще не продержатся, и я записываю это воспоминаніе, считая характернымъ то созерцательное и академическое отношеніе къ событіямъ, что нерѣдко проявлялось со стороны представителей «буржуазіи».

Надежда на немедленное отвоеваніе Петрограда исчезла вскорѣ по ликвидаціи красновскаго наступленія и, какъ извѣстно, дальнѣйшія операціи завоевательнаго характера были перенесены на периферію страны, но попытки организаціи военныхъ выступленій возникали и въ центрѣ Россіи, и даже въ самомъ Петроградѣ.

Въ столицѣ надежды возлагались больше всего на Петровскую бригаду (Преображенскій и Семеновскій полки) и на Гвардейскій Флотскій экипажъ, среди солдатъ которыхъ велась пропаганда. Члены конспиративнаго кружка появлялись въ казармахъ, устраивая солдатскіе митинги, но, будучи широко извѣстными лицами, прибѣгали къ гриму и назывались вымышленными именами. Они-же распространяли среди солдатъ печатныя брошюрки, освѣщавшія разныя соціальные и политическіе вопросы въ удобопонятной формѣ. Я также приложилъ свою руку къ составленію этихъ брошюрокъ, познакомившись съ однимъ изъ виднѣйшихъ партизанъ.

«Прошу къ аппарату инженера Ауэрбаха» — именованіе меня инженеромъ было необыкновеннымъ, а слово «аппаратъ» вмѣсто «телефонъ» прямо-таки меня перенесло въ какой-то другой міръ (къ концу японской войны я былъ на Дальнемъ Востокѣ, и тогда тамъ тоже называли телеграфъ и телефонъ — аппаратами) — «Я — Ауэрбахъ. Кто говоритъ?» — «Членъ комитета Новороссійскаго Общества (Юзовка) инженеръ Ф.; у Васъ вчера было засѣданіе Совѣта Союза металлургическихъ заводовъ, на которое я почему-то не получилъ приглашенія; прошу мнѣ сообщить причины и дать по канцеляріи соотвѣтственныя распоряженія!» — Вѣроятно поспѣшный и начальническій тонъ бывшаго (всего нѣсколько дней назадъ) Верховнаго Комиссара Арміи Максимиліана Максимиліановича Филоненко на этомъ не прервался-бы, если-бы вмѣсто отвѣта я ему не заявилъ, что прошу его пріѣхать ко мнѣ въ Союзъ для объясненій, что онъ и сдѣлалъ немедленно. Мнѣ было еще не извѣстно новое положеніе Филоненко и даже непонятно, какимъ образомъ Верховный Комиссаръ Арміи могъ оказаться представителемъ Металлургическихъ Заводовъ, желѣзныхъ и камен. угол. рудниковъ Новороссійскаго Общества въ нашемъ союзѣ, но Филоненко мнѣ представилъ необходимыя объясненія; все разрѣшилось къ наилучшему, и въ послѣднихъ засѣданіяхъ за большимъ овальнымъ столомъ въ нарядномъ залѣ среди большей части сѣдовласыхъ членовъ Совѣта находился и юный, вновь явленный «промышленникъ». Обыкновенно скучавшій на засѣданіяхъ, онъ очень оживлялся,

когда рѣчь заходила о мѣрахъ военной охраны заводовъ и рудниковъ: едва заговорили о продвиженiи въ Донецкiй бассейнъ кавалерiйскаго корпуса ген. Бискупскаго, какъ его нервное лицо загорѣлось пламенемъ восторга и изъ его устъ посыпались соображенiя о дислокацiи войскъ, о мѣрахъ къ изоляцiи солдатъ отъ рабочихъ влiянiй, о преимуществахъ концентрацiи болѣе крупныхъ отрядовъ всего въ нѣсколькихъ пунктахъ по сравненiю съ распыленiемъ по всей территорiи бассейна и др., и вообще въ такихъ случаяхъ Ф. бойко говорилъ, напоминая ученика, вытащившаго на экзаменѣ хорошiй билетъ.

Впослѣдствiи я довольно хорошо сошелся съ Ф. и скажу, что меня кое что въ немъ очень подкупало и рѣшительно къ нему располагало.

Небольшого роста, худощавый человѣкъ казался состоящимъ изъ однихъ костей, мускуловъ и, главное, нервовъ, при чемъ скорыя и рѣшительныя движенiя его лица говорили о несомнѣнно пылкомъ порывистомъ темпераментѣ, которымъ повидимому онъ обязанъ примѣси еврейской крови. Я помню, какъ много позже въ Парижѣ онъ ко мнѣ приходилъ: когда послѣ сильныхъ и быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ ударовъ въ дверь я, сидя къ ней спиной, едва успѣвалъ повернуть голову, Ф. уже былъ посреди комнаты. Онъ появлялся всегда молодцевато, съ отмѣнной бодростью, изяществомъ костюма и особенно позъ и манеръ. Во время бесѣды онъ иногда угасалъ, но съ тѣмъ, чтобы опять вспыхнуть и огнемъ загорѣться, какъ только представлялся къ тому поводъ. Онъ всегда наблюдалъ за собой, нерѣдко пользуясь находящимся въ комнатѣ зеркаломъ. Вѣроятно, онъ, какъ актеръ, тщательно изучалъ свою внѣшность, позы и манеры, въ уединенiи репетируя передъ зеркаломъ, и во всякомъ случаѣ каждое его движенiе говорило о рисовкѣ и самолюбованiи. Любовь его къ себѣ, могущая приводить Ф. къ героическимъ актамъ, — цѣнное свойство его природы, но ею не ограничиваются яркiя черты его характера: я особенно отмѣтилъ-бы его романтизмъ, который проявлялся не только въ интимной жизни, но нисколько не меньше въ политической дѣятельности — онъ положительно поэтъ революцiоннаго дѣйства.

Если для иного поэта воспѣваемая героиня бываетъ лишь предлогомъ для романтическихъ переживанiй, одной изъ составныхъ частей той среды, что вызываетъ въ его душѣ сладкiя эмоцiи, то революцiя или въ равной мѣрѣ контръ-революцiя была для Ф. лишь условiемъ, поэтической обстановкою, въ которой могъ пылко расцвѣтать его политическiй романтизмъ. Героизмъ, жизнь среди опасностей, игра со смертью, подвигъ, охмѣляющiя и зажигательныя рѣчи, таинственность и конспирацiя, опьяняющiй успѣхъ или провалъ, бѣшенная гонка на автомобилѣ или сумасшедшiй перелетъ на аэропланѣ, безумная вылазка въ непрiятельскiй лагерь съ переодѣванiями, гримомъ, безстрашная авантюра — все это было не средствомъ достиженiя тѣхъ или иныхъ политическихъ результатовъ, а почти самодовлѣющей цѣлью. Конечно, людямъ такого рода не должно занимать руководящихъ положенiй, но ихъ сотрудничество съ людьми, обладающими твердой и цѣльной системой, можетъ быть очень и очень цѣннымъ.

Ф. несомнѣнно прекрасный ораторъ, онъ быстро орiентируется въ вопросѣ и въ обстановкѣ, находчивъ, остроуменъ, очень ясно формулируетъ мысли и говоритъ убѣжденно и увлекательно. Должно отмѣтить его способность приводить сложнѣйшiй вопросъ къ элементарнымъ формуламъ, вродѣ какъ дважды два—четыре. Отрывокъ его бесѣды съ генераломъ Корниловымъ* во время наступленiя на Пе-

* Привожу со словъ Ф., не ручаясь за точность, но въ правильности передачи общаго смысла увѣренъ.

4*

троградъ можетъ служить иллюстраціей: «Въ настоящее время въ Россіи имѣются три силы», говорилъ Ф. генералу — «Временное Правительство, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и Верховное Командованіе. Союзъ двухъ силъ изъ трехъ побѣждаетъ третью. Вы не можете идти съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ противъ Временнаго Правительства, а потому Вамъ нужно идти съ нимъ противъ Совѣта, а если противъ Васъ будутъ и Правительство, и Совѣтъ, то Вы погибнете». Передавая это мнѣ, Ф. добавилъ: «къ сожалѣнію, генералъ не повѣрилъ мнѣ, что два больше одного». Разумѣется, соображеніями, приводимыми къ примитиву, нельзя было убѣдить Корнилова, но ораторъ можетъ въ подходящемъ случаѣ ими увлечь многочисленную толпу. Какъ извѣстно, Ф., не пожелавъ остаться съ обреченнымъ имъ на гибель генераломъ, въ дальнѣйшемъ связалъ свою судьбу съ Керенскимъ, занявши враждебную Корнилову позицію, что впослѣдствіи стоило Ф. немало непріятностей. Когда лѣтомъ 1919 года я изъ Парижа рѣшилъ ѣхать обратно въ Россію, то сталъ уговаривать Ф. тоже отправиться работать въ Добр. Армію, имѣя въ виду его несомнѣнныя дарованія, которыя онъ могъ-бы приложить къ пропагандѣ и развѣдкѣ; при одной мысли о живой работѣ послѣ Парижской бездѣятельности огонь загорался въ глазахъ Ф., вскорѣ однако потухавшій: что-то его озабочивало. Узнавъ, что Ф. имѣетъ основаніе опасаться ареста при высадкѣ на берегъ въ виду отрицательнаго отношенія, проявленнаго имъ въ свое время къ Корнилову, а вмѣстѣ съ тѣмъ полагая, что Ф. будетъ на совѣсть работать въ пользу Добр. Арміи, я предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ, беря на себя заботу объ обезпеченіи ему свободы: Ф. согласился, и мы записались въ очередь на корабль, отходящій изъ Марселя въ Новороссійскъ. Однако, передъ отъѣздомъ Ф. перемѣнилъ намѣренія, получивъ телеграмму изъ Екатеринодара отъ своего брата, бывшаго въ то время Начальникомъ Эксплоатаціоннаго отдѣла Управленія путей сообщенія и впослѣдствіи умершаго отъ сыпного тифа во время эвакуаціи Ростова, что пріѣздъ его въ Добр. Армію не безопасенъ. Смѣлый, даже безстрашный человѣкъ въ моменты героическаго воодушевленія при романтической обстановкѣ, оказался болѣе чѣмъ осторожнымъ, когда въ отсутствіи пафоса представилась опасность лишенія свободы, быть можетъ, даже только на короткое время.

Послѣ отступленія, сдѣланнаго для нѣкотораго охарактеризованія этой личности, типичной для эпохи Керенскаго, вернемся къ причинамъ, отъ которыхъ вслѣдъ за октябрьскимъ переворотомъ ожидали избавленія отъ большевицкаго правленія и нѣкоторые даже — крутой реакціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣ легкой побѣды, дальнѣйшій путь показался большевицкимъ вождямъ гораздо труднѣе и сложнѣе: нужно было реализировать обѣщанія — свобода, земля, хлѣбъ и немедленное окончаніе войны, но прежде всего нужно было закрѣпить власть и подчинить себѣ правительственный аппаратъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между управляющими и управляемыми вмѣсто промежуточнаго слоя оказалась пустота: какъ извѣстно, чиновники центральныхъ учрежденій, въ своемъ большинствѣ или по крайней мѣрѣ въ своей лучшей части, отказались служить большевикамъ (нѣкоторые прекратили работу, а другіе ее продолжали, игнорируя однако большевицкихъ комиссаровъ и въ томъ числѣ товарищи министровъ — Н. Н. Савинъ, М. В. Бернацкій и др.), что имѣло не демонстративный характеръ, а исходило изъ глубокаго сознанія несовмѣстимости такого служенія съ элементарными требованіями національной совѣсти, а порою и изъ увѣренности въ недолговременности большевицкаго господства. Многихъ изъ чиновниковъ морально и матеріально поддержала помощь, оказанная банковскими и промышленными общественными организаціями. Хотя эта помощь достигала нѣсколькихъ милліоновъ

(точной цифры нынѣ не помню), но разумѣется на долго хватить ея не могло. Любопытно при этомъ, что объ этой помощи было хорошо извѣстно совѣтскому правительству, и повидимому даже въ его руки попалъ списокъ отпущенныхъ организаціями суммъ, но особыхъ послѣдствій, кромѣ временнаго ареста нѣкоторыхъ посредниковъ изъ числа чиновниковъ по распредѣленію пособій, это не имѣло: вѣроятно большевики чувствовали себя не очень увѣренно, а ихъ вниманіе было, главнымъ образомъ, направлено на укрѣпленіе своей власти надъ войсками и на защиту себя отъ атакъ военнаго характера.

Вообще можно сказать, что въ первое время послѣ переворота большевики вели себя вяло и дѣйствія ихъ отличались большой осторожностью и нерѣшительностью. Въ общихъ чертахъ порядки оставались тѣми-же, какъ и при Временномъ Правительствѣ, и казалось, что произошелъ не переворотъ, а смѣна кабинета.

Вернувшись въ концѣ августа изъ Крыма, я ѣздилъ въ Харьковъ въ концѣ сентября и потомъ — уже при большевикахъ въ срединѣ ноября: никакихъ видимыхъ перемѣнъ на желѣзныхъ дорогахъ не наблюдалось, я ѣхалъ въ казенномъ спальномъ вагонѣ 1 класса, проводникъ не пускалъ въ вагонъ никого, кромѣ билетныхъ пассажировъ, одновременно со мной ѣхало два знакомыхъ юнкера, не подвергаясь никакимъ непріятностямъ въ пути.

Въ жизни промышленности еще при Временномъ Правительствѣ развился такой безпорядокъ, что уже нельзя было замѣтить послѣ октябрьскаго переворота рѣзкаго перелома, а многочисленные относящіеся къ рабочимъ декреты въ сущности санкціонировали установившійся кавардакъ, и только отъ статистики не ускользаетъ вліяніе событій: такъ выплавка чугуна на южно-русскихъ заводахъ, въ сентябрѣ 1917 года еще достигавшая 11,1 мил. пудовъ, падаетъ въ октябрѣ до 9,6, ноябрѣ 6,7 и въ декабрѣ до 5,3 мил. пудовъ.

Дѣятельность союзовъ послѣ большевицкаго переворота не только не ослабѣваетъ, а напротивъ пріобрѣтаетъ особенно оживленный характеръ: владѣніе и управленіе промышленностью остается въ тѣхъ-же рукахъ, но предоставленные сами себѣ промышленники проявляютъ особенную склонность къ сплоченію и солидаризаціи дѣйствій. То-же въ частности проявилось и на XLII съѣздѣ горнопромышленниковъ въ Харьковѣ, бывшемъ въ концѣ ноября и въ началѣ декабря: до тѣхъ поръ выборы въ Совѣтъ Съѣзда производились не по принципу представительства интересовъ, а на основаніи личныхъ симпатій къ тѣмъ или другимъ лицамъ, что понижало авторитетность Совѣта, вызывая постоянныя нареканія; всѣ понимали это, но сговориться никакъ не могли; между тѣмъ подъ вліяніемъ переживаемыхъ потрясеній выборы протекли по напередъ составленной схемѣ съ проведеніемъ въ Совѣтъ лицъ по заранѣе составленному списку; пропорціональность интересовъ позволила отодвинуть на второй планъ тяжеловѣсный Совѣтъ (72 члена), передавъ значительную часть функцій подвижному и дѣятельному комитету (6 членовъ и 5 замѣстителей), составленному изъ предсѣдателя и изъ пяти членовъ, представителей пяти промышленныхъ союзовъ: Углесоюзъ, Горносоюзъ, Антрацитосоюзъ, Cометаллъ и Рудосоюзъ.

Любопытно, что публичность засѣданій Съѣзда нисколько не мѣшала проявленіямъ жестокой критики «революціонной демократіи» и совѣтскаго правительства, обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ избирательной кампаніей (въ Учредительное Собраніе) и съ поддержкою контръ-революціонной прессы и пр. (послѣдній вопросъ обсуждался при закрытыхъ дверяхъ, черезъ которыя все-же проникали посторонніе).

Во время моего пребыванія въ Харьковѣ мнѣ пришлось повстрѣчаться съ Канадской Военной Миссіей, пріѣхавшей за желѣзнодорожными матеріалами, нуж-

ными для задуманной ими постройки сѣти переносныхъ узко-колейныхъ желѣзныхъ дорогъ, долженствующихъ обслуживать фронтъ наряду съ разваливающейся желѣзно-дорожной сѣтью русскаго нормальнаго типа. Можетъ показаться страннымъ, но эти господа не теряли надежды на возстановленіе боеспособности арміи; даже, напротивъ, они считали, что разъ на мѣсто прогнившей деспотической царской власти встала власть народная, разъ на смѣну старцамъ-генераламъ явились молодые и талантливые вожди, то тѣмъ болѣе должно разсчитывать на успѣхъ и окончательную побѣду: «мы американцы» — пояснили они — «цѣнимъ не старость, стажъ и происхожденіе, а волю, энергію и природныя дарованія; по нашему убѣжденію нѣтъ въ Россіи большаго человѣка, какъ Мураловъ (большевицкій главнокомандующій московскимъ военнымъ округомъ), а имѣя такого военноначальника, Вы можете быть спокойны за судьбы Россіи». Разумѣется, изъ проектовъ и суетъ Канадской Военной Миссіи ничего не вышло.

Этими спасителями Россіи, однако, дѣло не ограничилось. При мнѣ въ Харьковъ пріѣзжали, также для спасенія Россіи, Украинскіе Министры: Ещенко — Министръ Путей Сообщенія и профессоръ Ганицкій — Товарищъ Министра Торговли и Промышленности. Въ кабинетѣ предсѣдателя Порайоннаго Комитета, помѣщавшагося въ зданіи Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ, они созвали совѣщаніе изъ начальствующихъ на желѣзныхъ дорогахъ Харьковскаго узла лицъ (я присутствовалъ съ любезнаго разрѣшенія Предсѣдателя Комитета А. В. Лукашевича изъ любопытства), которымъ развили свой планъ дѣйствій. Собственно, планъ развивалъ молодой, стройный, экспансивный и склонный къ героическимъ позамъ Ещенко, а перевалившій за сорокъ, отяжелѣвшій, небольшого роста, мохнатый съ черной бородой, покрывающей почти все лицо, и горбатымъ носомъ, хитрый хохолъ Ганицкій предпочиталъ чаще помалкивать. Планъ ихъ заключался въ прекращеніи хлѣбныхъ перевозокъ на сѣверъ, что, по ихъ мнѣнію, должно было вызвать въ Петроградѣ и Москвѣ возстанія противъ совѣтской власти. Потрясенные этимъ планомъ, путейскіе инженеры попробовали возражать, а одинъ старый инженеръ при мысли о голодѣ, связанномъ съ этими планомъ, въ родномъ для него Петроградѣ, разрыдавшись, вышелъ изъ комнаты. Ещенко упрекалъ инженеровъ въ «слюняйствѣ» въ то время, какъ Правительство готово «отвѣчать головой». Инженеры не сдавались, порою оказывая даже отчаянное сопротивленіе, но потерявшій терпѣніе Ещенко сказалъ, что такова воля «Правительства», и онъ требуетъ исполненія его распоряженій. Я хотѣлъ-бы еще отмѣтить, что Министры говорили о «южной» и «Сѣверной Россіи», а не «Украйнѣ» и «Великороссіи», и притомъ не только Ещенко, но и Ганицкій говорили только по русски, тогда какъ послѣ подписанія мирнаго договора съ нѣмцами «хитрый хохолъ» заговорилъ на «украинской мовѣ».

Итакъ, министры приказали и уѣхали, но слѣда отъ ихъ пріѣзда не осталось: въ Харьковѣ рѣшительно не признавали власти Украинскаго Правительства.

Пробывъ недѣли двѣ—три въ Харьковѣ, я поѣхалъ обратно въ Петроградъ. Условія путешествія по россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ были уже значительно хуже: къ этому времени нѣкогда беззавѣтно храбрыя войска уже настолько успѣли проникнуться большевицкимъ лозунгомъ о немедленномъ окончаніи войны, что, рѣшительно не пожелавъ «сражаться для капиталистовъ», цѣлыми потоками понеслись къ роднымъ очагамъ, другіе, тоже въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ мѣшками за спиной, устремились въ большіе города и, особенно, въ столицы сбывать по высокимъ цѣнамъ предметы продовольствія, проповѣдуя по пути высокіе принципы «коммунизма» и вовсе не подозрѣвая о крылатомъ словечкѣ «демократизація спекуляціи», которымъ буржуазія назвала пріобщеніе широкихъ массъ населенія къ торговлѣ самаго дурного тона.

Вмѣстѣ со служащимъ въ нашемъ союзѣ инженеромъ К. мы съ трудомъ втиснулись въ купэ II класса и уже не выходили изъ него въ теченіе двухъ съ половиной сутокъ, пока не пріѣхали въ Москву. Въ нашемъ купэ, разсчитанномъ на 4 пассажира, помѣщалось 22, изъ коихъ двѣ женщины и трое ребятъ; сидѣли всюду: на нижнихъ и на поднятыхъ верхнихъ полкахъ, на столикѣ, на полу. Въ коридорѣ было сплошное море тѣлъ. Выйти на станцію черезъ коридоръ было не возможно, а окно въ нашемъ купэ было завинчено; «товарищи» выломали изящную ясеневую рамку, окружавшую окно, но дѣло не подвинулось, ковыряли штыками шурупы, но тоже безуспѣшно; одни рѣшили было разбить зеркальное стекло, но другіе объяснили, что «будетъ дюже холодно». Черезъ сутки дѣти стали сильно страдать отъ жажды, почему передали въ коридоръ чайникъ, которымъ одинъ изъ «товарищей-солдатъ» ухитрился при помощи веревки черезъ окно въ противоположной части коридора (единственное открывавшееся) зачерпнуть снѣгу. Но, какъ мало воды получается изъ снѣгу! Мы съ моимъ спутникомъ рѣшили отказаться и отъ снѣга, дабы не имѣть надобности въ уборной, куда пройти невозможно. Нашему примѣру послѣдовали и прочіе путешественники нашего купэ, кромѣ одной старой женщины и молодого солдата. Послѣ долгихъ страданій женщина не выдержала и бросилась въ коридоръ, но «потерпи тетенька!» отвѣчала ей груда тѣлъ; я взялся ее проводить, посыпалась безсовѣстная ругань (свобода слова!), но, не обращая на нее вниманіе, я то одному, то другому приказывалъ — «а ну-ка подсоби тетенькѣ, подвинься маленько, чего разлегся, а вы вдвоемъ передайте женщину на рукахъ» и т. д. и наконецъ «тетеньку» доставили въ уборную, а за нею я шелъ, наступая на ноги, руки, а можетъ быть и животы лежавшихъ и скрюченно сидѣвшихъ на полу тѣлъ, провожаемый злобными взглядами и глухимъ ворчаніемъ, а когда одинъ изъ товарищей замѣтилъ, «глянь, со старухой въ нужникъ пошелъ, видно помоложе не нашелъ», то груда тѣлъ такъ захохотала, что старушка было побоялась войти въ уборную, но я пострался ей объяснить, что это такъ солдаты языками чешутъ, но что на самомъ дѣлѣ она внѣ подозрѣній, и тетенька согласилась; я ее покараулилъ и тѣмъ-же порядкомъ проводилъ обратно, но товарищи заявили, что въ другой разъ больше никого не пустятъ и дѣйствительно не пустили и молодого солдата. Уже за Тулой ему стало такъ нехорошо, что товарищи сжалились и пропустили, но было уже поздно . . . впослѣдствіи одинъ врачъ мнѣ объяснилъ, что его постигнулъ параличъ мочевого пузыря, который вѣроятно ему стоилъ жизни.

Въ теченіе первой ночи, конечно, мы и глазъ не смыкали и тѣмъ болѣе, что въ купэ отношеніе другъ къ другу было волчьимъ, но потомъ всѣ примирились со своимъ положеніемъ, привыкли другъ къ другу, вмѣстѣ помогали, чѣмъ могли, дѣтямъ, общность человѣческой ласки къ малюткамъ сближала, появилось любопытство къ окружающимъ, разспросы, завязались разговоры, а въ результатѣ мягкость въ обращеніи, предупредительность, какое-то взаимное пониманіе . . . и волки стали человѣками.

Къ наступленію второй ночи нѣсколько бородатыхъ коридорныхъ пассажировъ потребовали смѣниться съ молодыми солдатами изъ нашего купэ. Озлобленныя жертвы неравенства — мы сидѣли на мягкихъ диванахъ, а они на полу въ коридорѣ — съ мѣста въ карьеръ стали высыпать трафаретныя революціонныя сужденія, при чемъ попутно попадали камушки и въ огородъ двухъ мѣщанокъ-женщинъ, при которыхъ были дѣти, и больше всего въ нашъ, но камушки были мелкіе и не острые, почему свободно можно было не обращать на нихъ вниманія, но какъ только, хотя и въ самыхъ неестественныхъ позахъ, мы начинали дремать, такъ метаніе камней усиливалось: нужно было что-нибудь предпринимать. «Вы откуда?» — «Каалуцкіе.» —

«А вы?» – «Тульскіе.» – «Какого уѣзда?» – «Чернскіе.» – «Алябьево знаете?» (Это наше бывшее родовое имѣніе, въ которомъ я еще въ юности бывалъ съ отцомъ.) – «Ну какъ-же, мы-же Никольскіе.» – «Графа Толстого?» – «Такъ и есть самаго грахва.» Изъ дальнѣйшаго разговора выяснялось, что помѣщичья земля еще не захвачена, изъ-за спора между сосѣдними деревнями (можетъ-быть свѣдѣнія ѣхавшаго съ фронта товарища были устарѣлыми, но для меня это было неважно). Сталкиваясь съ людьми и особенно во время моихъ многочисленныхъ путешествій, я охотно вступалъ съ ними въ разговоръ, развивая не явно тенденціозныя, а просто трезвыя мысли, и на этотъ разъ я постарался направить бесѣду на соціально-политическія темы и, замѣтивъ, что спящіе со мною революціонеры – крестьяне, сосредоточился на земельномъ вопросѣ. Разумѣется, ничего новаго я имъ не сказалъ, но ими нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія были приняты, какъ откровенія. Между прочимъ, высказавшись противъ сохраненія при нѣкоторыхъ условіяхъ крупной земельной собственности, я тѣмъ не менѣе отмѣтилъ, что вырѣзать помѣщиковъ – жестоко, а палить ихъ усадьбы и гумна – нелѣпо, расказавъ, какъ должна въ человѣческомъ, а не въ звѣриномъ обществѣ вестись борьба противъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ и особенно тѣхъ, что сами не занимаются хозяйствомъ, взявъ за образецъ извѣстную австралійскую систему прогрессивныхъ и, для не живущихъ на своей землѣ, исключительныхъ налоговъ.

Обо всемъ этомъ я имъ разсказывалъ не меньше получаса, но вниманіе ни на минуту не покидало революціонеровъ, они разспрашивали, я объяснялъ имъ подробности, а когда я кончилъ, то они благодарили за мою импровизированную лекцію.

Атмосфера въ купэ вновь оказалась дружелюбной, и я, сидя на краю дивана и изогнувшись подобно мѣсяцу, сталъ дремать въ то время, какъ революціонеры продолжали обсуждать слышанное. Сперва сквозь дремоту до меня доносились возмущенія по адресу глашатаевъ захватческихъ идей и сожалѣнія, что имъ никто не объяснялъ «австрійскаго способа», и я погрузился въ небытіе, невзирая на тѣсноту, неестественность позы, духоту и, главное, громкіе голоса разсуждающихъ. Сколько времени я отсутствовалъ, я не знаю – думаю, что съ полъ-часа или часъ –, но мои революціонеры бдили, и когда вновь я сталъ слегка различать звуки, то слышалъ, что «калуцкій» говорилъ, что я «противъ народа», что я «буржуй», и не должно-ли даже меня «куда представить», но чернскій возразилъ, что, конечно, должно, чтобы вся земля – народу, что я больно хитро говорилъ, но, что я – ничего – «должно нашъ чернскій, коли грахва знаетъ» . . . Кажется, на этомъ бородачи замолкли, а можетъ быть я опять ихъ больше не слышалъ, переставъ ощущать свое бытіе . . .

Я много разъ обращалъ вниманіе на то, какъ легко прививать нашимъ мужикамъ желаемыя мысли, они очень легко ихъ схватываютъ и впитываютъ, но также легко онѣ испаряются или вытѣсняются тѣмъ комплексомъ идей, что глубоко засѣлъ въ ихъ душу.

Къ вечеру второго дня въ нашемъ купэ стало до такой степени душно, что можно было наблюдать всѣ признаки отравленія углекислотой и другими газами (я съ этими признаками хорошо познакомился, работая на рудникахъ): учащенное біеніе сердца, красныя пятна на щекахъ, стукъ въ вискахъ, головокруженіе и отдышка. Несмотря на свое здоровье, а также привычку къ спертой рудничной атмосферѣ, я положительно задыхался.

Послѣ двухдневнаго путешествія въ такихъ условіяхъ всѣ такъ утомились, что спали всю ночь мертвымъ сномъ. Я, однако, нѣсколько разъ просыпался отъ громкаго храпѣнія, подъ самымъ моимъ ухомъ «красы и гордости русской революціи» –

здоровеннаго товарища-матроса, граціозно склонившаго свою буйную голову на мое плечо, и отъ того, что порою во снѣ онъ меня обнималъ и ощупывалъ.

Утромъ въ Москвѣ я пересѣлъ въ другой поѣздъ, въ которомъ оказался вагонъ международнаго общества, уплативъ не малую дань проводнику.

Въ Петроградѣ я нашелъ жизнь спокойной и привольной, а нѣкоторые даже съ пріятной улыбкой заявили, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Никто не охранялъ ни нашей жизни, ни нашего жилища и имущества, и по истинѣ удивительно, что насъ не рѣзали и не грабили: поразительно велика въ народѣ сила инерціи!

Разумѣется благополучіе жизни, о которомъ я говорю, надо понимать относительно, но все же въ то время еще было возможно ночью ходить и ѣздить по городу — мы съ женой не разъ, возвращаясь съ Васильевскаго Острова на Кирочную, проѣзжали въ часа 2 ночи по совершенно пустыннымъ Сенатской и Дворцовой площадямъ и по Марсову полю въ хорошихъ шубахъ, и никогда не были раздѣты или ограблены — можно было доставать продовольствіе, не было организованнаго преслѣдованія и угнетенія буржуазіи, выходили буржуазныя газеты, шпіонажъ еще не былъ возведенъ въ систему и т. д., и т. д.,

Что поражало въ то время — это страсть къ развлеченіямъ и зрѣлищамъ: кромѣ старыхъ театровъ и кинематографовъ открылось много новыхъ, особенно миніатюръ, въ которыхъ безпрепятственно высмѣивались большевики, условія революціонной жизни, а въ одной пьесѣ появлялся на сценѣ городовой, очевидно въ расчетѣ на оваціи, и дѣйствительно неизмѣнно раздавались шумные аплодисменты и восторженныя восклицанія. Объ этомъ я передаю съ чужихъ словъ, такъ какъ съ начала революціи развлеченія меня нисколько не привлекали, и я нигдѣ не бывалъ, да и некогда было. Только въ ночь подъ Новый Годъ (1918) я былъ съ женой во вновь открытомъ ночномъ ресторанѣ «Perles», для котораго его владѣлецъ снялъ дворецъ Великой Княгини Ольги Александровны на Сергіевской улицѣ, скупивши также великокняжескіе винные погреба. Столовая ресторана была устроена въ большомъ концертномъ залѣ, а внутренніе покои служили въ качествѣ фойе. Въ нихъ все сохранилось такъ, какъ было, и публикѣ былъ открытъ доступъ всюду — даже въ такія мѣста какъ интимный будуаръ В. Княгини, спальня, ванная и пр. Я помню испытанное мною оскорбленіе и, конечно, не за то, что простые смертные проникли въ помѣщеніе, занимавшееся царской семьей, а за проникновеніе равнодушныхъ или любопытныхъ взоровъ пришедшихъ съ улицы людей въ тѣ мѣста, гдѣ протекала интимная жизнь женщины, гдѣ такъ часто она оставалась одна и куда допускались только близкія ей лица. Революція позволила производящему обыскъ пьяному солдату въ грязныхъ сапожищахъ и въ военной шинели войти въ спальню моей жены, рыться въ предметахъ ея интимнаго туалета и та-же революція впустила «буржуевъ» въ интимые покои другой женщины — Великой Княгини.

Въ эту ночь съ улицы дворецъ казался мрачнымъ, нежилымъ, какъ будто умершимъ, но только черныя занавѣсы стыдливо скрывали отъ улицы тысячи электрическихъ лампочекъ, заливавшихъ свѣтомъ бальныя (декольте) дамскія платья, брилліанты въ пышныхъ прическахъ и на тонкихъ кружевахъ, безукоризненные смокинги и лакированные полуботинки мужчинъ, эстраду съ «пикантными» танцовщицами, дизезками и шансонетками, крахмальное бѣлье и ливреи прислуги и наконецъ бѣлоснѣжныя скатерти, великокняжескій фарфоръ и дорогія вина. — Чѣмъ отличается «буржуазія» отъ переполняющей театры и кинематографы «революціонной демократіи»?

Часа въ три ночи, когда подъ вліяніемъ выпитаго вина, оживленной бесѣды и легкаго жанра танцевъ, пѣнія и музыки гости уже позабыли о непрочности замковъ

въ дверяхъ, отдѣляющихъ ихъ отъ большевицкаго міра, послышались какіе-то странные звуки изъ перваго этажа; сперва, даже не всѣ слышатъ, но звуки становятся все явственнѣе и они все рѣзче напоминаютъ о чемъ-то непріятномъ, но несомнѣнно существующемъ, а одновременно «буржуйская» иллюзія, созданная ночнымъ ресторанномъ, покрывается все болѣе и болѣе густой дымкой. Метръ-д'отель успокаиваетъ, что это въ прихожей швейцары поссорились, что все будетъ сейчасъ улажено, но звуки становятся все громче, уже почти можно различить слова, какъ распахивается дверь и въ роскошный, нарядный, освѣщенный a giorno залъ шумливо вламывается кучка людей, въ которой различаются нарядные лакеи и отбивающійся отъ нихъ ободранный съ пьяной и испитой рожей хулиганъ, вскрикивающій: «довольно Вы попили нашей кровушки» . . . а за дверью шумъ еще усиливается, по залу проносится какая-то жуть, нѣкоторыя дамы вскакиваютъ съ мѣстъ . . . но, неожиданно для всѣхъ, тотъ-же хулиганъ, расшаркиваясь, на французскомъ языкѣ извиняется за причиненный испугъ . . . — это былъ загримированный артистъ французскаго театра — Мильтокъ — тотъ самый, что какихъ-нибудь десять минутъ назадъ съ эстрады смѣшилъ публику своими разсказами.

Можетъ быть, даже жаль, что это былъ не настоящій большевикъ-хулиганъ!

Только крайнимъ легкомысліемъ можно объяснить то, что многіе смотрѣли на переворотъ, почти какъ на смѣну кабинета, и, иронизируя большевицкую власть, ждали, что скоро она какъ-то сама собой падетъ. Въ оправданіе должно все же сказать, что въ то время дѣйствительно трудно было представить, чтобы могли найтись такіе сумасшедшіе люди, которые рискнули-бы взаправду продѣлать коммунистическій экспериментъ на необъятномъ пространствѣ Россіи со 180 милліоннымъ населеніемъ, и даже позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы сами большевицкіе вожди увѣрены были въ достаточной своей волѣ и рѣшительности къ проведенію этого безумнаго замысла.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ почти два мѣсяца спустя послѣ переворота — 14 декабря въ Петроградѣ были національизированы частные коммерческіе банки (даже за нѣкоторыми исключеніями) и то съ поразительной осторожностью и даже нерѣшительностью: входы банковъ были заняты войсками, доступъ публики былъ прекращенъ и была объявлена лишь провѣрка счетовъ, а въ провинціи банки продолжали дѣйствовать, какъ и ранѣе, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ главѣ 3-ей я отмѣчу еще большую нерѣшительность въ отношеніи національзаціи промышленности, которой народные комисары прямо-таки боялись.

Глава II

СРЕДИ МНОГОВЛАСТІЯ

Совѣтъ и Управленіе дѣлами Союза представителей металлургической и желѣзодѣлательной промышленности («Сометаллъ») находились въ Петроградѣ, т. е. тамъ, гдѣ правительство и правленія крупнѣйшихъ банковъ и металлургическихъ обществъ, а подавляющее большинство заводовъ, всѣ желѣзные и всѣ принадлежащіе металлургическимъ обществамъ каменно-угольные рудники (насколько помню, съ 59% добычи донецкаго каменнаго угля) — на Югѣ России. Послѣ октябрьскаго переворота прервалась связь съ правительствомъ, а послѣ національзаціи банковъ, и съ

этими послѣдними, почему естественно было-бы перебраться правленіямъ обществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Союзу, на югъ Россіи — въ Харьковъ, гдѣ находились правленія рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, анологичные «Сометаллу» другіе промышленные союзы — «Углесоюзъ», «Антрацитосоюзъ» и пр., — Совѣтъ Съѣзда Горнопромышленниковъ, «Монотопъ» (Управленіе Государственной монополіей минеральнаго топлива) и гдѣ впослѣдствіи образовалась областная власть — правительство республики «Кривдонбаса», т. е. Криворожскаго и Донецкаго бассейновъ, вмѣшивавшаяся въ промышленную жизнь гораздо болѣе центральнаго петроградскаго правительства, но вѣдь никто не вѣрилъ въ долгое пребываніе большевиковъ у власти, а на короткое время перебираться не стоило, къ тому-же для представительства Союза въ Монотопѣ, въ Совѣтѣ Съѣзда горнопромышленниковъ, въ Углесоюзѣ и въ областныхъ учрежденіяхъ былъ у насъ въ Харьковѣ свой уполномоченный — П. С. Сергѣевъ съ его замѣстителемъ С. Ф. Коржицкимъ и съ цѣлымъ штатомъ служащихъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду оторванности находившагося въ Петроградѣ Союза отъ Юга Россіи при уже совершенно испортившихся средствахъ сообщенія, мнѣ постоянно приходилось туда ѣздить. Только въ началѣ декабря я оттуда вернулся въ столицу, но вслѣдствіе появленія новыхъ запросовъ мнѣ опять пришлось въ серединѣ января съѣздить въ Харьковъ, откуда я возвратился уже только въ концѣ февраля.

На этотъ разъ особенно была тяжела посадка въ Москвѣ. Бѣгущіе съ фронта противники аннексій и контрибуцій, равно какъ и шнырявшіе взадъ и впередъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ мѣшками за спиной борцы со спекуляціей десятками тысячъ заполонили и изгадили великолѣпный Курскій вокзалъ, беря съ бою каждый отходящій поѣздъ, невзирая на то, что для успокоенія путешественниковъ, штурмующихъ вагоны, было приказано стрѣлять вдоль поѣзда изъ поставленныхъ у конца его пулеметовъ. Не повѣривъ предупрежденіямъ носильщика, я обратился къ дежурному по станціи, отъ котораго услышалъ: «ежедневно мы убираемъ трупы людей, попавшихъ подъ колеса при подачи поѣзда и убитыхъ при посадкѣ; сегодня уже подобрано 18 труповъ.»

Послѣдовавъ совѣту носильщика, я сѣлъ въ поѣздъ, когда онъ еще стоялъ на запасныхъ путяхъ за пять часовъ до его отхода, конечно уплативъ за это, что слѣдуетъ. Когда пришло время подавать поѣздъ къ станціи и вагонъ былъ уже биткомъ набитъ, онъ былъ окруженъ вооруженными солдатами, потребовавшими его очищенія подъ страхомъ разстрѣла: «Не выйдемъ! Стрѣляйте! Товарищи, держитесь крѣпко! Всѣхъ не перебьютъ!» — было отвѣтомъ, но минуты черезъ двѣ готовность умереть за занятыя мѣста вдругъ исчезла, вагонъ мгновенно опустѣлъ, а поѣздъ потянулся къ станціи. Добѣжавъ до станціи, я все же уѣхалъ съ этимъ самымъ поѣздомъ.

Возвращаясь изъ Харькова, я всегда обѣщалъ себѣ больше туда не ѣздить — такъ были тяжелы переѣзды — но проходилъ мѣсяцъ, и меня опять тянула бившая тамъ ключомъ жизнь — по сравненію съ Харьковомъ Петроградъ казался тихимъ, заброшеннымъ кладбищемъ — хотя эта жизнь среди обезумѣвшихъ людей, наполненнѧ непрерывными терзаніями, во истину была едва выносимымъ, проклятымъ кошмаромъ.

Былъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго въ Харьковѣ находилось семь самостоятельныхъ органовъ власти: 1. исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ, 2. Совѣтъ народныхъ комиссаровъ республики Кривдонбаса, 3. Военно-революціонный комитетъ, 4. штабъ по борьбѣ съ контръ-революціей (прототипъ «чека»), 5. штабъ южной арміи (Антонова), 6. «семерка» (источники ея власти выяснить не удалось), 7.... (не могу припомнить). Каждая изъ этихъ «государственныхъ

властей» заявляла о своей самостоятельности, отказываясь признавать независимость остальныхъ шести. Всѣ граждане приглашались повиноваться безпрекословно и подъ страхомъ разстрѣла именно такому-то органу, не исполняя распоряженій остальныхъ. Семь «государственныхъ властей» вели между собой борьбу, при случаѣ даже разстрѣливая агентовъ конкурента или подвернувшагося подъ руку обывателя. Но если война съ Германіей не мѣшала брататься русскимъ солдатамъ съ нѣмецкими, то съ междоусобной борьбою благополучно совмѣщалось почти братское взаимопониманіе и порою сотрудничество.

Взаимное пониманіе и солидарность, какъ и междоусобная борьба, имѣли, какъ это ни страннымъ можетъ показаться, одни и тѣ-же источники: всѣ хотѣли властвовать, грабить награбленное и издѣваться надъ «буржуазіей» и всѣ видѣли (или дѣлали видъ, что видѣли) передъ собою общаго для нихъ всѣхъ врага — мифическую контръ-революцію.

Когда въ февралѣ 1918 года были арестованы и куда-то увезены Предсѣдатель Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ Южной Россіи Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, его товарищъ А. И. Фенинъ и Управляющій дѣлами Совѣта Б. Н. Соколовъ, то я вмѣстѣ съ П. С. Сергѣевымъ отправились нарочно отъ имени Профессіональнаго Союза Инженеровъ Южно-Русской горнозаводской промышленности (трое арестованныхъ и мы оба — горные инженеры), а не отъ имени Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ (капиталистовъ), хлопотать за нашихъ товарищей въ штабъ по борьбѣ съ контръреволюціей. Штабъ помѣщался въ лучшей части города на Садово-Куликовской улицѣ близъ Пушкинской — въ роскошномъ одноэтажномъ особнякѣ Рыжева. Войдя черезъ массивную дубовую дверь, мы увидѣли передъ собою широкую мраморную, всего въ нѣсколько ступеней лѣстницу, у подножія которой лежало два пулемета, направленныхъ къ входной двери, и около нихъ человѣка четыре солдатъ, а на площадкѣ вверху ея увѣшанный пулеметными лентами матросъ возился съ третьимъ пулеметомъ, поворачивая его на бѣлоснѣжныхъ и полированныхъ мраморныхъ плиткахъ. Сбоку отъ главной лѣстницы, тоже мраморный, но узкій маршъ велъ въ какое-то полуподвальное помѣщеніе. Съ площадки вверху главной лѣстницы дверь en face вела въ кабинетъ начальника штаба, а налѣво — въ большой бѣлый залъ съ дорогимъ паркетомъ и лѣпными украшеніями на стѣнахъ.

Никто не обращалъ на насъ никакого вниманія, почему П. С. Сергѣевъ освѣдомился у матроса, не поцарапаетъ-ли онъ мраморъ, поварачивая на немъ пулеметъ. Услышавъ голосъ, матросъ выпрямился, спросилъ, что намъ нужно, и указалъ рукою на открытую дверь, ведущую въ залъ. Ремингтонъ на простомъ крашеномъ столѣ нарушалъ строгость обстановки зала, въ который поминутно входили какіе-то люди, всѣ одѣтые въ военную форму, тихо, почти шопотомъ при встрѣчи другъ съ другомъ озабоченно говорили и опять исчезали. Походивъ взадъ и впередъ по прекрасному паркету, мы, наконецъ, направились къ проходившему молодому тоже въ военной формѣ человѣку съ интеллигентнымъ лицомъ. Пославъ какого-то солдата къ старшему адъютанту, чтобы доложить о насъ начальнику штаба, а потомъ, осмотрѣвъ насъ съ головы до ногъ и спросивъ, кто мы такіе, точно спохватившись, онъ обратился къ намъ съ укоромъ, какъ это мы могли сюда явиться; но это былъ не начальственный окрикъ за чрезмѣрную, граничащую съ нахальствомъ смѣлость, а скорѣе tendre reproche, почти любовное сожалѣніе, что мы оказались въ такомъ вертепѣ, и вольно-опредѣляющійся изъ студентовъ принялся намъ разсказывать, изъ кого состоитъ этотъ «штабъ»: все это сбродъ, подонки общества, ничего не имѣющіе общаго ни съ соціализмомъ и коммунизмомъ, ни вообще съ какими-бы то ни было идеями, къ общечеловѣческому благополучію относящимися. По его мнѣ-

нію, появленіе въ «Штабъ» такихъ несомнѣнныхъ «буржуевъ», какъ мы, не безопасно, почему совѣтовалъ поскорѣе удалиться.

Какой-то военный, подойдя къ намъ, пригласилъ насъ къ начальнику штаба — Войцеховскому. По правую руку отъ двери, ведущей съ мраморной площадки и черезъ которую мы вошли, за дорогимъ, насколько помню — краснаго дерева, столомъ въ солидномъ креслѣ сидѣлъ лѣтъ 32, несомнѣнно штатскій человѣкъ съ бритыми усами и бородой, въ темнокоричневомъ костюмѣ съ отложнымъ стоячимъ воротничкомъ, съ четырьмя большими наружными карманами, верхніе изъ которыхъ соединены тонкой цѣпочкой, просунутой черезъ петлицу застегнутой на все пуговицы куртки. Длинный овалъ лица, тонкія губы, серьезные, чуть грустные глаза, прямой узкій носъ, казалось, говорили, что въ этомъ человѣкѣ не должно ожидать грубости, а сдержанныя движенія и манера говорить подавленнымъ голосомъ, при нервной подвижности лица и при характерныхъ круто спускавшихся отъ носа и глазъ складкахъ, позволяли предполагать въ немъ съ трудомъ скрываемый темпераментъ.

По правую руку отъ него, наискось, около стола вытягивалась по военному стройная фигура старшаго адъютанта — грузинскаго князя. Подчеркнутый шикъ его военнаго платья при нѣсколько дѣланной граціи его движеній и слишкомъ частомъ сдвиганіи каблуковъ съ побрякиваніемъ шпорами напоминали о предшествующей службѣ въ армейской кавалеріи, о которой намъ еще раньше сказалъ вольноопредѣляющійся изъ студентовъ. Бодрый, почти смѣющійся видъ этого молодцеватаго, красиваго и упитаннаго юноши положительно свидѣтельствовалъ о томъ, какъ онъ радуется своимъ успѣхамъ по службѣ (!) и въ средѣ вѣроятно не особенно прихотливыхъ женщинъ и какъ онъ доволенъ широкимъ размахомъ веселыхъ кутежей, о которыхъ потомъ мы не мало слышали въ городѣ.

Въ то время, какъ начальникъ штаба и старшій адъютантъ оживленно обмѣнивались въ полъ-голоса короткими фразами, прямо передо мною изъ подъ задернутой, толстой, штофной занавѣси, отдѣлявшей вмѣстѣ съ аркой рабочій кабинетъ отъ какой-то другой комнаты, появился средняго роста, коренастый, подпоясанный кожанымъ ремнемъ съ заткнутыми за нимъ двумя большими револьверами Нагана, обмотанный черезъ плечи пулеметными лентами, въ высокихъ до колѣнъ сапогахъ матросъ Васильевъ, буйная голова котораго стоила жизни многимъ и очень многимъ людямъ. Быстрыми шагами онъ подошелъ къ стоящему въ глубинѣ комнаты по лѣвую руку отъ меня дивану, на которомъ сбился чехолъ. Не поправляя его, онъ положительно плюхнулся на диванъ, чехолъ съ трескомъ лопнулъ, что вызвало небрежную улыбку на лицѣ героя, а чрезъ образовавшуюся въ чехлѣ щель стало видно оторвавшуюся отъ дивана шелковую ткань. Осмотрѣвъ насъ, матросъ одобрительно окинулъ взглядомъ стоявшій налѣво отъ него откупоренный ящикъ съ шампанскимъ и другой съ ручными гранатами, но остановилъ свое вниманіе на третьемъ, ближайшимъ къ нему, изъ котораго досталъ нѣсколько сигаръ, одну изъ нихъ закуривъ, а остальныя уронивъ на полъ. Вѣроятно замѣтивъ по моему лицу, что его поведеніе производитъ желаемый эфектъ, онъ, вставъ съ дивана, направился къ ящику съ ручными гранатами. Взявъ одну изъ нихъ въ руку и повернувшись опять лицомъ ко мнѣ, онъ сталъ заносить гранату надъ своимъ плечомъ, потомъ выпрямляя руку, по направленію ко мнѣ, какъ будто онъ хотѣлъ въ меня швырнуть гранату. Это упражненіе онъ повторялъ нѣсколько разъ, пока я отъ него не отвернулся.

Вскорѣ докладъ адъютанта закончился и начальникъ штаба по борьбѣ съ контръреволюціей, вставъ съ кресла, очень вѣжливо къ намъ обратился, спросивъ, что намъ угодно. Внимательно насъ выслушавши, опять въ полъ-голоса, что придавало бесѣдѣ какую-то интимность, объяснилъ намъ, что наши товарищи схвачены по

ордеру военныхъ властей, а именно штаба командующаго южной арміей Антонова (какая освѣдомленность о дѣйствіяхъ конкурирующей власти!), что онъ (начальникъ штаба по борьбѣ съ контръ-революціей) сдѣлаетъ все возможное для ихъ скорѣйшаго освобожденія, но что для этого необходимо намъ прежде всего добиться перечисленія арестованныхъ «за нимъ», къ чему у насъ имѣюся основанія, такъ какъ наши товарищи подлежатъ не военной, а политической юрисдикціи.

Едва онъ это объяснилъ, какъ изъ-за штофной занавѣси, куда вернулся матросъ Васильевъ, раздался пронзительный женскій визгъ и тихій, но грубый уговаривающій мужской голосъ ... Лицо начальника штаба брезгливо передернулось, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ разговоръ съ нами въ тѣхъ-же ровныхъ тонахъ. Переговоривъ съ нимъ также о продѣлкахъ «анархистовъ», о чемъ я разскажу нѣсколько позже, и распрощавшись по европейски (безъ рукопожатія), мы вышли опять на площадку мраморной лѣстницы, гдѣ застали десятка два толпившихся солдатъ съ винтовками.

Въ это время черезъ парадную дверь входятъ нѣсколько вооруженныхъ солдатъ, конвоируя большого роста, очень крѣпкаго, атлетическаго вида мужчину въ пиджачной парѣ, сапогахъ и картузѣ, всѣ вмѣстѣ поднимаются по лѣстницѣ и, повстрѣчавъ какого-то военнаго, замѣтившаго: «ахъ, арестовали? хорошо!» мужчина въ пиджакѣ сталъ сразу объяснять ему, что обыскъ и арестъ онъ производилъ на законномъ основаніи, имѣя на то ордеръ отъ ... (названія органа государственной власти я не разслышалъ), протягивая при этихъ словахъ руку съ какой-то запиской. Отвѣтилъ-ли что-нибудь военный, сказавшій: «ахъ, арестовали? хорошо!», или нѣтъ, я не слышалъ, но мужчину въ пиджакѣ, невзирая на его словесные протесты, повели внизъ по узкой лѣстницѣ въ полуподвальное помѣщеніе, оттуда послышался глухой звукъ выстрѣла. Въ то-же время изъ бѣлой залы на площадку вынесли ящикъ съ консервами въ жестяныхъ банкахъ, которые было приказано каждому изъ солдатъ взять по одной. Было объяснено солдатамъ, что они назначаются на усмиреніе кого-то; они какъ-то столпились, что-то между собой говорили, потомъ одинъ изъ нихъ громко, бодро и увѣренно сказалъ — «ну нехай, пойдемъ», и пошли...

«Безъ имени святого всѣ двѣнадцать вдаль.
Ко всему готовы, ничего не жаль,»

а за ними вышли на улицу и мы, насмотрѣвшись на своеобразную жизнь этого богатаго особняка.

Кромѣ семи государственныхъ властей большевицкаго типа, должно еще отмѣтить существованіе и кое-какихъ независимыхъ отъ нихъ органовъ государственнаго управленія: 1. комиссаръ украинской Большой Рады Скрыпникъ, но дѣятельности его въ качествѣ представителя украинской государственной власти было невозможно уловить, такъ какъ онъ, будучи большевикомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ какой-то совѣтскій комиссарскій постъ (насколько помню, онъ былъ комиссаромъ финансовъ южно-русскаго района), и 2. управленіе созданной Временнымъ Правительствомъ и позабытой петроградскими народными комиссарами государственной монополіи торговли минеральнымъ топливомъ («Монотопъ») и Донецкій Комитетъ, объединявшій управленіе по добычѣ минеральнаго топлива, по транспорту и продовольствію промышленнаго Юга, во главѣ которыхъ попрежнему стояли Иванъ Григорьевичъ Сергѣевъ, въ качествѣ главно-уполномоченнаго Особаго Совѣщанія по топливу, Г. Рожицкій — его замѣститель и совѣтъ и комитетъ при немъ, состоявшіе на половину изъ представителей горнопромышленниковъ и на половину изъ представителей горно-рабочихъ (вождей профессіональнаго союза «Горнотрудъ» — мень-

шевиковъ Сандомирскаго, Айгорна, Цукугельна и др.; насколько помню, Сандомирскій — помощникъ присяжнаго повѣреннаго, а Айгорнъ — инженеръ-технологъ); однако, на очень бурномъ, скорѣе напоминающемъ митингъ, засѣданіи Совѣта въ присутствіи и съ участіемъ въ преніяхъ неизвѣстно откуда пришедшихъ и переполнившихъ залъ сотенъ людей было рѣшено, послѣ горячей схватки между меньшевицкими и большевицкими ораторами, примѣнить такъ называвшійся «демократическій паритетъ», согласно которому $2/3$ мѣстъ въ совѣтѣ получали рабочіе и $1/3$ предприниматели; послѣдніе, ограничившись декларацией, въ преніяхъ участія не принимали, предоставивъ меньшевикамъ защищать буржуазное равноправіе, тѣмъ болѣе, что побѣда большевиковъ представлялась очевидной, и въ связи съ этимъ напередъ было заготовлено заявленіе о выходѣ промышленной фракціи изъ состава Совѣта и Комитета, которое своевременно и было подано.

Если власть комиссара, сохранившагося отъ эпохи Временнаго Правительства Украинской Рады, не ощущалась, а существованіе забытыхъ органовъ того же Временнаго Правительства — и то временно, распространялось только на нѣкоторыя хозяйственныя отношенія, то была еще одна «власть», дѣятельность которой самымъ непосредственнымъ и чувствительнымъ образомъ затрогивала жизнь и собственность харьковскихъ жителей — это власть «анархистовъ».

Между харьковскими большевиками начала 1918 года и «анархистами» въ ихъ практической дѣятельности гораздо больше общаго, чѣмъ ихъ различающаго, но тѣмъ не менѣе, разумѣется, невозможно отнести власть анархистовъ къ числу «государственныхъ властей», даже въ ковычкахъ; «государственныхъ властей» въ Харьковѣ было все же, не 8, а 7, хотя отъ этого было вовсе не легче харьковскимъ жителямъ: дѣятельность «государственныхъ властей» въ ея существенной части, какъ и дѣятельность «власти анархистовъ», одинаково заключалась въ тѣхъ-же самыхъ занятіяхъ — въ грабежѣ, насиліяхъ и убійствахъ —, но «государственныя власти» сверхъ того управляли (какъ? — другое дѣло) органами продовольствія, финансовъ, регулированія труда, транспорта и пр., вообще признавая, хотя-бы нерѣдко лишь теоретически, государственность, тогда какъ «анархисты» только грабили, насиловали и убивали.

Дѣйства «анархистовъ» происходили въ такомъ порядкѣ: подъѣзжали къ какому-нибудь, впрочемъ, вѣроятно, напередъ облюбованному дому автомобили и автокаміоны; прежде всего водружали на его стѣнахъ, вмѣсто когда-то красовавшихся въ высоко торжественные дни трехцвѣтныхъ флаговъ, черныя знамена торжествующей анархіи, послѣ чего начиналась «очистка» дома, при чемъ изгоняемымъ хозяевамъ не разрѣшалось взять съ собой даже смѣны бѣлья. Болѣе цѣнные предметы искусства вывозились въ какой-то, впрочемъ едва-ли кому-нибудь извѣстный, анархическій музей, а прочіе предметы болѣе непосредственнымъ путемъ поступали въ личную собственность лицъ, исповѣдывавшихъ высокіе идеалы анархизма. По окончаніи очистки, входъ въ домъ объявлялся открытымъ, черныя знамена увозились, а находившейся при этомъ на улицѣ публикѣ рекомендовалось выбрать что кому понравится изъ не интересующихъ «идейныхъ анархистовъ», оставленныхъ ими предметовъ домашняго хозяйства: дырявую кадку, шляпную картонку, переносную лѣстницу и пр. Я лично ежедневно наблюдалъ за очисткою особняка Шабельскаго — этого, если можно такъ выразиться, жилого-музея — которая производилась «идейными анархистами» въ теченіе, пожалуй, двухъ—трехъ недѣль, а заканчивалась сочувствующими имъ по открытіи свободнаго входа еще въ теченіе доброй недѣли.

Больше всего шума надѣлала въ Харьковѣ произведенная «анархистами» облава многоэтажнаго дома на Мироносицкой улицѣ. Я лично не видѣлъ этого дѣйства, но

помню издерганный, полупомѣшанный видъ осунувшагося за одну ночь моего сотрудника по «Cометаллу» инженера С. Ф. Коржицкаго, когда черезъ два–три дня, нѣсколько придя въ себя, онъ разсказалъ о томъ, какъ въ сосѣдней квартирѣ насиловали жену и дочь квартирохозяина на его глазахъ, а его самого за оказанное сопротивленіе тутъ-же разстрѣляли, какъ Коржицкій ждалъ того-же въ отношеніи членовъ его семьи . . . (по необъяснимой случайности его квартира была пропущена) . . . и о многомъ другомъ, чѣмъ я не могу загромождать моихъ записокъ; поставивъ себѣ за правило не записывать происшествій съ чужихъ словъ, я все же упоминаю о разсказѣ С. Ф. Коржицкаго, такъ какъ именно по этому поводу мы съ П. С. Сергѣевымъ и говорили объ анархистахъ съ начальникомъ штаба по борьбѣ съ контръ-революціей.

Разсказавъ ему объ облавѣ и сопровождавшихъ ее насиліяхъ и убійствахъ, мы замѣтили, что начальникъ штаба, считая себя все же однимъ изъ носителей государственной власти, обязанъ принять мѣры борьбы съ анархистами и охраны гражданъ отъ злодѣйствъ.

– Да, я знаю объ этой облавѣ . . ., но что-же мы можемъ сдѣлать, когда анархисты неуловимы: вѣдь я-же не знаю напередъ, какой изъ домовъ они намѣтятъ.

– Слѣдовательно, анархисты могутъ безпрепятственно продолжать?

– Нѣтъ, если къ вамъ придутъ, то вы позвоните ко мнѣ по телефону № 101, а если меня въ то время тутъ не будетъ, то по № 104 въ мою канцелярію.

Намъ не понравилось это ограниченіе – къ вамъ, – для котораго мы не подали никакого повода, но интереснѣе, чѣмъ именно онъ закончилъ свои совѣты.

– Но вы дѣйствительно пришлете военный отрядъ, если вамъ позвонить по телефону? – Послѣ паузы – нѣсколько порывистый отвѣтъ:

– Знаете: вы лучше сами ихъ убивайте!

– Чѣмъ?

– Вѣдь у всѣхъ у васъ имѣются револьверы!

– Да, но убивая анархистовъ, мы этимъ самымъ выдадимъ наличіе ихъ у насъ, когда вами-же запрещено храненіе и ношеніе ихъ подъ страхомъ разстрѣла на мѣстѣ нахожденія! – Сорвалось у насъ съ языка, но начальникъ штаба нашей проговоркой не воспользовался.

– Нѣтъ! Анархистовъ намъ не жаль. Мы даже вамъ будемъ благодарны за каждаго убитаго изъ нихъ, и я вамъ обѣщаю, что въ такихъ случаяхъ за револьверы мы васъ не разстрѣляемъ. Но все же съ оружіемъ вы не попадайтесь!

Вѣроятно, какъ и многихъ другихъ, меня интересовали вопросы: изъ какихъ элементовъ состояли кружки анархистовъ и при томъ въ отдѣльности – вожди и рядовые сотрудники? какова mentalité тѣхъ и другихъ? какова ихъ внутренняя организація? была-ли и въ какой мѣрѣ связь между анархическими кружками Харькова, Москвы и Петрограда?

Я слишкомъ мало зналъ и еще меньше помню, чтобы позволить себѣ отвѣчать на эти вопросы. Отмѣчу только поражавшее меня среди видѣнныхъ мною въ Харьковѣ «анархистовъ» преобладаніе людей среднихъ надъ простолюдинами: люди въ сѣрыхъ шинеляхъ были похожи скорѣе на вольноопредѣляющихся II разряда или писарей, а въ штатскомъ платьѣ – на наборщиковъ, семинаристовъ, слушательницъ курсовъ для повивальныхъ бабокъ, можетъ быть, студентовъ, курсистокъ и пр.; простыхъ-же съ открытыми лицами людей я не помню. Говорили о томъ, что среди «анархистовъ» имѣется много бывшихъ агентовъ полиціи, въ чемъ нѣкоторые видѣли исходящую изъ тактическаго принципа, «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», провокацію населенія къ контръ-революціи. Быть можетъ, среди «анархистовъ» и были люди, пре-

слѣдовавшіе такія цѣли, но, думается, все же, на основаніи видѣннаго, слышаннаго и прочитаннаго въ анархическихъ газетахъ и прокламаціяхъ, что кромѣ того были въ ихъ средѣ фанатики, а больше всего безпринципные и развращенные люди, принадлежавшіе къ подонкамъ общества.

Анархизмъ въ теченіе революціи проявился въ самыхъ разнообразныхъ формахъ — анархизмъ кружковъ, анархизмъ широкихъ массъ населенія и наконецъ анархизмъ «зеленыхъ», все совершенно разныя явленія во всѣ періоды революціи, — и несомнѣнно онъ привлечетъ самое серьезное вниманіе его будущихъ изслѣдователей. Что-же касается жившихъ въ Харьковѣ современниковъ развитія дѣятельности анархистовъ, то если-бы не особливая методичность, съ которой анархисты грабили, не исключительная жестокость, съ которой они насиловали женщинъ и убивали мужчинъ, не подавляюще дѣйствовавшія, наконецъ, на людскую психику черныя знамена, то, пожалуй, о нихъ такъ много въ Харьковѣ не говорили-бы, ибо гораздо меньшее количество людей и имущества, и наконецъ государственныхъ интересовъ пострадало отъ налетовъ лицъ, называвшихъ себя «идейными анархистами» (кстати, какъ на столбцахъ издававшейся ими газеты «Анархистъ», такъ и въ личныхъ разговорахъ со своими жертвами, они не разъ убѣдительно просили ихъ не смѣшивать съ безсознательными анархистами, разбойниками, грабителями, ворами и прочей «сволочью»), чѣмъ отъ дѣйствій такъ называвшейся «организованной демократіи», которыя въ своемъ существѣ, конечно, были глубоко анархическими.

Вѣдь кто-же, какъ не «организованные» рудничные и заводскіе рабочіе, домогались путемъ угрозъ, грабежей и убійствъ, безпрестаннаго поднятія заработной платы, уменьшенія продолжительности рабочаго времени и интенсивности труда, кто-же, какъ не они, уничтожили трудовую дисциплину, безъ которой гибли рудники, заводы, желѣзныя дороги, трамваи и пр., кто-же лишалъ возможности исполнять свои обязанности техническій и административный персоналъ, изгонялъ, арестовывалъ или убивалъ инженеровъ?!

Только за короткое время моего пребыванія въ Харьковѣ пострадали на рудникахъ слѣдующіе инженеры: 1. убитъ горный инженеръ Андреевъ на рудникѣ Екатериновскаго Горнопр. Общества, 2. облитъ смолой и сожженъ инженеръ Фишкинъ на Берестовскомъ рудникѣ Пастухова, 3. убитъ горный инженеръ Звѣревъ на рудникѣ въ Макѣевкѣ, 4. убитъ инженеръ Стаковскій на Ремовскомъ антрацитовомъ рудникѣ, 5. убитъ горный инженеръ Р. И. Параковъ на Берестово-Богодуховскомъ рудникѣ, 6. убитъ инженеръ Гриневичъ на рудникѣ Франко-Русскаго Общества, 7. убитъ горный инженеръ Муравинъ на Боково-Хрустальскомъ рудникѣ, 8. раненъ инженеръ Шишманъ въ Макѣевкѣ, 9. убитъ инженеръ Печукъ на рудникѣ Русскій Антрацитъ и, вѣроятно, убиты многіе другіе инженеры, о которыхъ до меня не дошли свѣдѣнія, о количествѣ-же подвергшихся аресту, грабежу, издѣвательствамъ и пр. и говорить не приходится. При этомъ достойно вниманія то обстоятельство, что многіе изъ инженеровъ пострадали вовсе не изъ мести или вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго рабочимъ въ отношеніи ихъ требованій, а нерѣдко только потому, что они выполняли тогда или раньше распорядительныя функціи: въ видѣ примѣра отмѣчу, что два или три прибывшихъ въ Харьковъ рабочихъ каменно-угольнаго рудника П. А. Карпова получили отъ Харьковскаго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ ордеръ и въ свое распоряженіе автомобиль для ареста горнаго инженера А. В. Мономахова, который дѣйствительно и былъ арестованъ на Сумской улицѣ въ то время, когда послѣ завтрака онъ выходилъ изъ ресторана, при чемъ единственнымъ пунктомъ для обвиненія было то, что онъ состоялъ управляющимъ выше упомянутымъ рудникомъ: прошло уже полъ-года, что А. В. Мо-

Ломаховъ сдалъ управленіе рудникомъ, но тѣмъ не менѣе лишь съ большимъ трудомъ его удалось освободить.

Чтобы разсказать хотя-бы малую часть относящихся къ разрушительной дѣятельности «организованной демократіи» фактовъ, о которыхъ такъ много извѣстно каждому изъ насъ — промышленныхъ дѣятелей, пришлось-бы исписать вѣроятно сотни страницъ, но это рѣшительно вывело-бы меня изъ рамокъ моихъ записокъ, къ тому-же въ интересахъ достовѣрности при писаніи «на память» я предпочитаю по возможности ограничиваться тѣмъ, чему я былъ свидѣтелемъ, хотя-бы это было болѣе блѣднымъ.

При наличіи семи «государственныхъ властей» и «кружковъ идейныхъ анархистовъ» жизнь въ Харьковѣ была полна превратностей; беззащитность чувствовалась особенно сильно въ то время, когда обезумѣвшіе низы населенія готовились, какъ говорили на митингѣ на кладбищѣ, къ устройству «Варламеевой (Варфоломеевской) ночи», намѣреваясь перерѣзать «всѣхъ буржуевъ», и отъ постоянныхъ арестовъ, обысковъ, грабежей, убійствъ, насилій ошалѣвшіе люди метались въ тщетныхъ поискахъ защиты, хватались, какъ за соломинку, за каждый слухъ о возстаніи какого-то пѣхотнаго полка, обѣщавшаго водворить порядокъ и спокойствіе, о прибытіи посланныхъ Украинской Радой войскъ, о приближеніи германскаго отряда, предназначеннаго для спасенія харьковскихъ жителей отъ ада, котораго, какъ казалось, больше невозможно выносить. Возстаніе пѣхотнаго полка дѣйствительно имѣло мѣсто, но потомъ враждовавшія «демократіи» какъ-то сговорились. Украинскія войска дѣйствительно прибыли и при томъ въ полномъ порядкѣ, хорошо одѣтыя, сытыя, съ внѣшними признаками дисциплины, но со станціи въ городъ не пошли, а потомъ куда-то сгинули. Германскому отряду, конечно, было неоткуда появиться, но какой-то нѣмецъ изъ военно-плѣнныхъ, хотя и по секрету (!), но съ увѣренностью сказалъ своимъ знакомымъ, что такого-то числа придутъ германскія войска, что ему объ этомъ сообщено, т. к. онъ назначенъ консуломъ, и приказано черезъ него всѣмъ германскимъ офицерамъ образовать изъ военно-плѣнныхъ воинскіе отряды для немедленнаго присоединенія къ имѣющимъ прибыть войскамъ, и все это немедленно разнеслось по городу, и всѣ этому повѣрили: обезумѣвшая отъ ужасовъ «буржуазія» потому, что, забывъ все, кромѣ животной боязни за свою жизнь и имущество, страшно стремилась къ избавленію отъ давившаго ее кошмара какой угодно цѣной, а низы населенія потому, что въ то время не могли еще вѣрить въ безнаказанность попиранія ими того, что лежитъ въ глубинѣ сознанія человѣка и что называется правомъ или нравственностью, хотя-бы до сихъ поръ наукѣ не удалось это понятіе удовлетворительнымъ образомъ опредѣлить; но любопытнѣе всего то, что повѣрили этому и всѣ «государственныя власти» и «идейные анархисты» и настолько повѣрили, что къ назначенному дню на автомобиляхъ все и вся перевезли въ приготовленные поѣзда и собрались эвакуироваться — все это происходило на глазахъ населенія.

Разумѣется, германскіе отряды не пришли, а «государственныя власти» продолжали упражнять свои таланты и энергію управленія, какъ продолжала неистовствовать и «демократія».

Единственнымъ средствомъ защиты была самоохрана, которая была поставлена серьезнѣе, чѣмъ въ Петроградѣ, хотя при меньшей плотности населенія (малоэтажные дома съ малымъ количествомъ жителей, особняки, сады и полисадники) достигнуть дѣйствительныхъ результатовъ было труднѣе: вѣроятно, лучшіе результаты объясняются тѣмъ, что жизнь въ Петроградѣ гораздо покойнѣе, чѣмъ въ Харьковѣ. Охрана была не только внутри домовъ, но и внѣшняя; организація охраны распро-

странялась не на одинъ домъ, а на цѣлый кварталъ; для наружной стражи имѣлось иногда квартальное помѣщеніе, въ которомъ составъ дежурныхъ могъ отогрѣваться, отдохнуть и покурить, оставляя на улицѣ лишь часовыхъ. По звону въ колоколъ у квартальнаго помѣщенія или по гудку должно было являться все занесенное на сей предметъ въ списки мужское населеніе квартала, кромѣ лицъ, считавшихся большевиками. Дежурства были очень частыми (кажется, два раза въ недѣлю) и потому изнурительными: невзирая на безсонную ночь, днемъ «буржуазія» работала. Я, въ качествѣ пріѣзжаго, на дежурства не назначался, но не разъ выходилъ на гудокъ. Организація охраны принесла много пользы: безъ нея грабители явившимся на ихъ звонокъ хозяевамъ или прислугѣ заявляли, что командированы такой-то «властью» для производства обыска; двери имъ, конечно, открывались, и они уносили то, что хотѣли; охрана провѣряла ордеръ на арестъ или обыскъ, а присутствуя при обыскѣ, препятствовала грабежу (конечно, все это въ тѣхъ случаяхъ, когда являлись обыскивать или арестовывать немногочисленныя банды).

Въ знаменитую «Варламееву ночь» привлечено было къ фактической охранѣ все мужское населеніе, которое съ вечера вышло на улицу, не побоявшись взять съ собой припрятанное оружіе. Я жилъ у моего брата на Технологической улицѣ (въ районѣ Пушкинской), и въ томъ-же домѣ квартировали три французскихъ офицера — они тоже явились по мобилизаціи, прихвативъ съ собой, кромѣ оружія, сандвичи и красное вино. Въ сосѣднемъ кварталѣ ухитрились вооружится даже пулеметомъ, купленнымъ въ тотъ день за 15 рублей у солдатъ одной изъ воинскихъ частей харьковскаго гарнизона. Настроеніе у «буржуазіи» было взвинченное, но не отчаянное: передъ перспективой быть по одиночкѣ перерѣзанными по домамъ укрѣпилась солидарность при дѣйствительной готовности оказать сопротивленіе. Если нѣкоторыя женщины нервничали, метались, дѣлали какія-то нелѣпыя приготовленія, то все же мужчины вели себя съ достоинствомъ. «Штабъ» нашего квартала попарно распредѣлилъ половину всего личнаго состава, указавъ каждой парѣ участокъ (въ саженъ 50) улицы, порученный ея бдительности, а другая половина оставлена была въ видѣ резерва въ квартальномъ сторожевомъ помѣщеніи. Не одинъ часъ мы ходили взадъ и впередъ по порученному каждому изъ насъ участку, но непріятель не показывался, напротивъ, даже замѣчалась какая-то необыкновенная тишина. Вдругъ, глубокой ночью съ противоположнаго низменнаго конца Пушкинской показываются два зловѣщихъ огненныхъ глаза автомобиля, фырканіе котораго такъ явственно доносится до насъ по длинной, но пустынной, улицѣ: «начинается» — подумали многіе. Прозвучалъ нашъ сигнальный рожокъ, черезъ нѣсколько мгновеній автомобиль доносится до нашей поперечной (Технологической) улицы, и почти всѣ изъ насъ, безъ всякой команды, устремились навстрѣчу автомобилю съ самыми воинственными намѣреніями (къ счастію, однако, никто не выстрѣлилъ)... Автомобиль принужденъ былъ остановиться. Сидящіе въ немъ вооруженные солдаты объяснили, что ѣдутъ производить арестъ, предъявивъ намъ ордеръ одной изъ «государственныхъ властей». Подлежащее аресту лицо жило не въ нашемъ кварталѣ и къ тому-же дома не находилось: мы болѣе не препятствовали, и автомобиль понесся дальше. Это было маленькое происшествіе за всю ночь. Въ качествѣ добровольца, въ 5 часовъ утра я отправился спать. Итакъ, «Варламеева ночь» не состоялась. Почему? Я не знаю, но можетъ быть именно потому, что угрожаемое населеніе проявило готовность защищаться.

Глава III

ВЪ ПОИСКАХЪ МИРА СЪ «КАПИТАЛИСТАМИ»

Однажды во время пребыванія моего въ Харьковѣ въ началѣ 1918 года въ помѣщеніи Харьковскаго отдѣленія нашего союза «Сометаллъ» появляется молодой человѣкъ—личный секретарь Савельева, заявляющій, что народный комиссаръ хотѣлъ-бы повидаться съ руководителями союза. Въ то время среди промышленной общественности еще было принято, не признавая совѣтскаго правительства, его игнорировать, къ нему не обращаться (хлопоты за пострадавшихъ товарищей, подобно описаннымъ выше, — не въ счетъ: по такому поводу можно обратиться и къ явнымъ разбойникамъ), его требованій не исполнять иначе, какъ подъ угрозой насилія, и на его зовъ не являться.

— До одиннадцати утра мы обыкновенно бываемъ въ помѣщеніи союза — отвѣтили мы съ П. С. Сергѣевымъ (нашъ харьковскій уполномоченный), и молодой человѣкъ удалился. На слѣдующій-же день утромъ намъ доложили, что къ намъ желаетъ войти Савельевъ. Вотъ въ какой приблизительно формѣ велся разговоръ.

— Вы меня извините: можетъ быть вы заняты, и я вамъ помѣшалъ? — тихимъ голосомъ и застѣнчиво сказалъ средняго роста человѣкъ, умѣренная полнота котораго придавала мягкость и даже медлительность его движеніямъ. До октябрьскаго переворота онъ служилъ въ управленіи Главнокомандующаго по оборонѣ (П. I. Пальчинскаго) въ качествѣ, кажется, завѣдующаго статистическимъ отдѣломъ и подобно людямъ эпохи Керенскаго брилъ усы и бороду и носилъ почти военнаго образца однобортную съ большими карманами куртку, застегнутую на всѣ пуговицы. Эти куртки продолжали носить и послѣ переворота, измѣняя свой внѣшній обликъ распространеннымъ среди большевиковъ выбриваніемъ волосъ въ той части головы, гдѣ она переходитъ въ шею, съ образованіемъ такимъ образомъ уступа отпущенныхъ на затылкѣ волосъ. Эта своеобразная прическа, заимствованная матросами — «красой и гордостью русской революціи» — у ихъ британскихъ товарищей, потомъ была усвоена вообще большевицкимъ людомъ и принята, въ частности, и Савельевымъ.

На выраженныя опасенія намъ помѣшать мы изъявили готовность его слушать.

— Я пріѣхалъ по порученію совѣта народныхъ комиссаровъ по дѣламъ тяжелой и въ особенности металлургической промышленности, т. к. каменноугольной ближе займется Б. Собственно я хотѣлъ-бы сперва познакомиться съ металлургической промышленностью, такъ какъ я знаю о ней скорѣе по статистическимъ цифрамъ, чѣмъ непосредственно, и надѣюсь, что лица, многіе годы ею руководившія, мнѣ въ этомъ помогутъ.

— Чѣмъ вы состоите въ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ?

— Предсѣдателемъ вновь организованнаго высшаго совѣта народнаго хозяйства, но вѣроятно временно.

— Кто-же будетъ назначенъ въ качествѣ постояннаго предсѣдателя?

— Вѣроятно Лурье (Ларинъ*), а я можетъ-быть останусь его замѣстителемъ, впрочемъ все это неокончательно разрѣшено.

— Вы пріѣхали съ готовымъ планомъ дѣйствій? Можетъ быть, съ планомъ націонализаціи промышленности? — при этихъ словахъ Савельевъ слегка усмѣхнулся.

— Нѣтъ, вопросъ о націонализаціи промышленности очень сложенъ, и мы еще не приняли никакого рѣшенія. Раньше, чѣмъ на нее рѣшаться, необходимо взвѣ-

* См. Архивъ Рус. Рев. т. XIV, стр. 13.

сить всѣ обстоятельства, всѣ могущія встрѣтиться затрудненія, а для этого я прежде всего хотѣлъ-бы посовѣтоваться съ ея руководителями — мнѣ говорили, что въ настоящее время въ Харьковѣ съѣхались директоры металлургическихъ заводовъ. Не могу-ли я съ ними переговорить? —

Подкупающему своей скромностью и учтивостью Савельеву мы отвѣтили согласіемъ, предложивъ ему пріѣхать на ближайшее изъ происходившихъ въ то время совѣщаній директоровъ заводовъ.

Всего металлургическихъ заводовъ на Югѣ Россіи 18, хотя не всѣ они были представлены, но просили разрѣшенія присутствовать также и представители угольной промышленности, почему вошедшій въ комнату засѣданій Савельевъ нашелъ десятка три лицъ — кажется, всѣ инженеры.

То-же умственное развитіе, та-же культура въ этомъ съ нѣжной организаціей человѣкѣ, какъ и въ насъ, и разница лишь въ неодинаковомъ пониманіи общественнаго строя, условій общественнаго труда, нужныхъ для благоденствія родины, для преуспѣнія народнаго хозяйства. Видимой искренностью заботы о благополучіи промышленности съ почти любовнымъ къ ней отношеніемъ и неподдѣльнымъ, какъ казалось, уваженіемъ къ ея творцамъ и руководителямъ при обычныхъ для него скромности и застѣнчивости въ своей рѣчи, Савельевъ несомненно подкупалъ симпатіи присутствующихъ.

Между прочимъ, а повидимому въ этомъ была главнѣшая цѣль его обращенія, онъ указалъ на то, что промышленность создана и развивается благодаря талантамъ, знаніямъ, энергіи и труду, кои въ совокупности представляются наиболѣе полно правленіями промышленныхъ обществъ, администраціей заводовъ и ихъ техническимъ персоналомъ; вопросъ о сохраненіи или объ отчужденіи правъ собственности на заводы будетъ разрѣшенъ послѣ тщательнаго обсужденія и при томъ, какъ онъ думаетъ, національзація можетъ быть проведена только при условіи сохраненія на мѣстахъ всѣхъ нынѣшнихъ руководителей металлургической промышленности, при чемъ онъ особенно разсчитываетъ на продолженіе дѣятельности объединяющихъ и регулирующихъ ее органовъ — «Продометы», въ качествѣ центральнаго торговаго аппарата для распредѣленія и «Сометалла» для руководства производствомъ.

Изъ рѣчи Савельева вытекало, какъ это и слѣдовало ожидать, что вопросъ о проведеніи или непроведеніи національзаціи — чисто техническаго порядка, ограничивающійся лишь преимуществами той или иной формы финансированія предпріятій — правительственной или частной*, а центръ тяжести вопроса лежитъ лишь въ необходимости сохраненія одухотворяющихъ промышленность силъ: вотъ на этотъ вопросъ онъ и хотѣлъ получить отвѣтъ. Если-бы этотъ вопросъ былъ предложенъ въ мартѣ 1917 года, т. е. въ то время, когда онъ предсталъ-бы въ обнаженномъ видѣ, то несомнѣнно отвѣтъ былъ-бы опредѣленнымъ и отрицательнымъ, но въ началѣ 1918 года, когда уже былъ введенъ рабочій контроль надъ заводскимъ управленіемъ, когда хозяевами положенія безъ того уже были не владѣльцы, а рабочія массы, разлагавшія необходимый и выработанный десятилѣтіями порядокъ, разрушавшія заводы и производство и терроризировавшія администрацію, то многимъ казалось, что національзація не только неизбѣжна, но что даже она внесетъ какое-то равновѣсіе въ промышленную жизнь, устранитъ борьбу между управленіемъ — «лакеями капиталистовъ» — и рабочими и вернетъ порядокъ, столь необходимый для производ-

* Устраненію изъ угла зрѣнія частнаго предпринимательскаго капитала, какъ одного изъ главнѣйшихъ элементовъ промышленности, способствовало то обстоятельство, что съ мобилизаціей всей промышленности для работы «на оборону» задача финансированія постройки новыхъ заводовъ и производства главнымъ образомъ легла на государство.

ства. Къ тому-же многіе думали, что все это временно, что все-равно совѣтское правительство не справится съ національизированными заводами и что національизація позволитъ безболѣзненно пережить смутное время и перенести промышленность въ цѣлости въ лучшія времена.

Зная, что такая психологія — общая для всѣхъ директоровъ заводовъ, я предпочелъ, не давая отвѣта на вопросъ, интересовавшій Савельева больше другихъ, сосредоточить вниманіе народнаго комиссара и другихъ присутствовавшихъ на томъ, что съ національизаціей связано окончательное упраздненіе свободы приложенія инициативы, возбуждающей энергію борьбы за существованіе, окончательное превращеніе всѣхъ работниковъ промышленности отъ мала до велика въ чиновниковъ, хуже, въ паразитовъ государства; указавъ, что нынѣ нужно думать не объ отчужденіи предпринимательскихъ барышей, которыхъ нѣтъ, не объ устраненіи произвола эксплоататоровъ-заводчиковъ, потерявшихъ всякую распорядительную власть, а о возвращеніи рабочихъ къ труду, къ подчиненію требованіямъ администраціи безъ всякаго вмѣшательства въ ея распоряженія, и что это нужно для спасенія промышленности, какъ одного изъ важнѣйшихъ элементовъ государственнаго хозяйства.

Для насъ, промышленныхъ дѣятелей, всѣ эти соображенія не только не были новы, но скорѣе даже звучали банальностью — въ другихъ условіяхъ было-бы даже неловко высказывать такого рода прописныя истины, но на Савельева они положительно произвели впечатлѣніе, онъ обсуждалъ каждое изъ соображеній, со многими соглашался, благодарилъ за освѣщеніе дѣла и т. д., понявъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что на сотрудничество надежды не велики.

Правда, послѣ меня одно лицо высказывалось въ томъ направленіи, что при создавшихся условіяхъ національизація въ нѣкоторомъ смыслѣ даже желательна для владѣльцевъ, избавляя ихъ отъ убытковъ и администрацію отъ террора рабочихъ массъ, что инженеры, положившіе всѣ свои силы на пользу промышленности, съ нею настолько сроднились, что не оставятъ ея и въ случаѣ измѣненія общихъ условій; лишь-бы сохранить въ цѣлости заводское оборудованіе*, но повидимому и эта болѣе гибкая психологія не воодушевляла Савельева къ національизаціи, т. к. въ такомъ образѣ мышленія отражалось не болѣе, какъ признаніе неизбѣжности національизаціи для преходящего смутнаго времени.

Мы обратили вниманіе Савельева также на то, что пока народные комиссары обсуждаютъ вопросъ о національизаціи промышленности, фактически уже началась національизація или соціализація (національизаціей называли отчужденіе въ пользу государства, а соціализаціей въ пользу рабочихъ, хотя эта терминологія въ строгости не выдерживалась, тѣмъ болѣе, что въ сознаніи массъ то и другое понятіе одинаково выражало грабительское, направленное въ ихъ пользу дѣйствіе): по постановленію рабочихъ митинговъ или мѣстныхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ были соціализованы нѣкоторые каменноугольные рудники, а декретомъ совѣта народныхъ комиссаровъ національизованы заводы и рудники Русско-Бельгійскаго Металлургическаго Общества, при чемъ было арестовано правленіе этого общества и въ томъ числѣ французскій гражданинъ Г. Понселе, а на каменно-угольныхъ рудникахъ рабочими арестованы или убиты управляющіе и инженеры и обыкновенно сверхъ того ограблены ихъ квартиры, хотя этого вида грабежъ тоже назывался національизаціей или соціализаціей (у одного инженера на рудникѣ національизировали висѣвшую въ шкафу форменную тужурку за ненахожденіемъ другихъ предметовъ, какъ

* Это та самая психологія, которая приводила моряковъ къ службѣ большевикамъ, во имя спасенія кораблей, и сухопутныхъ офицеровъ —, во имя сохраненія арміи и ея матеріальной части.

это и было указанно въ соотвѣтственномъ актѣ); независимо отъ случаевъ сепаративныхъ національзацій и соціализацій совѣтъ республики Кривдонбаса обсуждалъ вопросъ объ общей національзаціи рудниковъ Донецкаго бассейна.

На сообщеніе наше о постановленіи совѣта народныхъ комиссаровъ о національзаціи предпріятій Русско-Бельгійскаго Общества Савельевъ отозвался незнаніемъ, будучи, видимо, смущенъ этимъ извѣстіемъ. Самочинную національзацію нѣкоторыхъ рудниковъ онъ опредѣленно осудилъ; о предположеніяхъ-же совѣта республики Кривдонбаса сказалъ, что онъ еще не поспѣлъ войти въ сношенія съ заправилами этой новой республики, что такой принципіальный, общій для Россіи и важный по своимъ послѣдствіямъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ, конечно, только центральной властью и что онъ постарается немедленно пріостановить проведеніе всѣхъ мѣръ отчужденія промышленныхъ предпріятій у ихъ владѣльцевъ до принятія центральной властью авторитетнаго рѣшенія.

Въ то самое время, когда смиренный Савельевъ собирался угомонить необузданныхъ національзаторовъ Кривдонбаса, засѣдавшій тогда совѣтъ республики принималъ резолюцію объ отчужденіи всей каменно-угольной промышленности, которое казалось имъ столь-же легкимъ, какъ и желательнымъ. Насколько мнѣ извѣстно, вожди республики приняли Савельева съ отмѣнной независимостью и отличнымъ пренебреженіемъ, а въ совѣтѣ республики его даже не пожелали дослушать. Ему, вѣроятно, показалось не по пути съ вождями Кривдонбаса, и онъ выѣхалъ обратно въ Петроградъ.

По поводу ареста нѣкоторыхъ дѣятелей горно-заводского Юга мнѣ пришлось быть у президента республики Кривдонбаса – Артема Сергѣева (Харькову положительно везло на Сергѣевыхъ, что часто вызывало путаницу: Артемъ Сергѣевъ – президентъ республики, большевикъ, Иванъ Сергѣевъ – уполномоченный по топливу, назначенный еще Временнымъ Правительствомъ, меньшевикъ и Павелъ Сергѣевъ – уполномоченный Союза металлургическихъ заводовъ, безпартійный, но очень правыхъ убѣжденій: Сергѣевы во всѣхъ роляхъ и на всѣ вкусы). Бывшій рабочій, кажется, кожевеннаго завода, не случайно сталъ президентомъ; къ сожалѣнію, я уже позабылъ его curriculun vitae, нѣкоторыя страницы котораго должны относиться къ Сибири, но помню, что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе положительно недюжиннаго и недурно образованнаго человѣка. По внѣшнему виду я бы скорѣе принялъ его не за рабочаго, а за средней руки сибирскаго золотопромышленника въ дорогѣ по тайгѣ: изъ подъ разстегнутой кожаной куртки видна неподходящая къ штанамъ жилетка и перекинутый черезъ шею шнуръ отъ часовъ, на ногахъ высокіе выше колѣна сапоги съ ремешками на икрахъ; ходитъ онъ спокойно, ровно и большими шагами, хотя роста онъ малаго; говоритъ просто, но вразумительно; вытянутое съ черной бородкой клиномъ и средними усами неподвижное лицо съ большими, въ высшей степени проницательными, заглядывающими въ душу глазами, но заглядывающими съ задѣвающимъ равнодушіемъ; когда ему надо что-нибудь прочесть, то онъ надѣваетъ на носъ и за уши очки съ такой медлительностью, какъ люди, научившіеся, недѣлями трясясь полулежа – по сибирски – въ тарантасѣ, презирать суетливость. На мой вопросъ о намѣреніяхъ совѣта республики національзировать угольную промышленность онъ спокойно махнулъ рукой и равнодушно замѣтилъ: «болтаютъ»... «посмотримъ» – и только!

Если у «дѣятелей» Кривдонбаса (за исключеніемъ, можетъ быть, Артема Сергѣева) не возникало никакихъ сомнѣній, самые сложные вопросы имъ казались простыми и ясными и для разрѣшенія ихъ, какъ имъ вѣроятно представлялось, нужна только воля, то осторожность и даже боязливость были характерными для

первыхъ мѣсяцевъ правленія народныхъ комиссаровъ; захватъ банковъ въ Петроградѣ былъ объясненъ необходимостью произвести контроль, въ провинціи-же банки продолжали дѣйствовать на прежнихъ основаніяхъ (въ Харьковѣ, какъ кажется, и въ другихъ городахъ, были назначены комиссары надъ банками, но они мало вмѣшивались въ дѣла), нерѣшительность въ отношеніи національзаціи промышленности, какъ увидимъ, проявлялъ не одинъ Савельевъ, но и болѣе отвѣтственные большевицкіе руководители. Боясь, что національзація оптомъ лишитъ заводы умѣлаго руководства, совѣтское правительство нападало въ розницу и при томъ въ мягкихъ и соблазнительныхъ формахъ: правленію общества предлагалось работать подъ контролемъ назначаемаго для сего комиссара или рабочей контрольной комиссіи или наконецъ принять въ свой составъ представителей рабочихъ. Въ случаѣ отказа правленіе арестовывалось, а предпріятіе «секвестровалось» или «національзовалось» (примѣнялся и тотъ, и другой терминъ при одинаковыхъ однако послѣдствіяхъ), что вѣроятно должно было склонять еще не атакованныя правленія къ большей сговорчивости. Вѣроятно, въ предвидѣніи соглашеній между правленіями однородныхъ по производству и по географическому мѣстоположенію предпріятій и для большей неожиданности вылазокъ на промышленность ударъ наносился то на Югѣ Россіи, то на Уралѣ, то въ центрѣ. Первымъ на Югѣ Россіи былъ національзированъ заводъ Русско-Бельгійскаго Общества. Только много позже была декретирована общая національзація.

Имѣлся въ виду еще другой способъ обойти руководителей промышленности, заключавшійся въ организаціи трестовъ при непремѣнномъ ихъ личномъ участіи. Проведенію такого плана въ отношеніи металлургической промышленности, съ которой и было начато, благопріятствовало, какъ казалось, то обстоятельство, что каждый изъ заводовъ представляетъ очень крупную хозяйственную единицу, а число ихъ невелико (18 на Югѣ, при 23 во всей Европейской Россіи, не включая Урала) и что при акціонерной формѣ владѣнія съ крупными, коллективными капиталами предприниматель, какъ личность, отсутствовалъ*, а руководство принадлежало наемнымъ членамъ правленія изъ числа, обыкновенно, не крупныхъ акціонеровъ. Въ качествѣ-же торговаго аппарата предполагалось использовать «Продамету». Всѣ попытки въ этомъ направленіи успѣха не имѣли, а впослѣдствіи всѣ заводы, какъ и Продамета, были совѣтскимъ правительствомъ объявлены національзованными.

Если національзація совѣтскимъ правительствомъ понималась, какъ принудительное и безвозмездное отчужденіе правъ собственности на заводы и рудники въ пользу государства, къ которому въ такомъ случаѣ переходило-бы и такъ называемое «организаціонное право», то рабочіе иногда видѣли въ національзаціи, какъ и въ предшествовавшемъ ей рабочемъ контролѣ, средство личнаго и немедленнаго обогащенія за счетъ промышленнаго капитала и избавленія ихъ отъ принужденія къ работѣ и къ соблюденію порядка. Въ соотвѣтствіи съ такой «идеологіей» работы прекращались, а рабочіе приступали къ распродажѣ произведенныхъ ранѣе и находящихся въ складахъ товаровъ (особенно ясно я помню распродажу складовъ Константиновскаго Мет. Завода), запасенныхъ матеріаловъ, мелкихъ предметовъ оборудованія, домашнихъ вещей дирекціи и старшихъ служащихъ, при чемъ коляски, автомобили и пр. средства передвиженія поступали въ распоряженіе мѣстныхъ вождей или просто удалыхъ, любившихъ лихо покататься въ пьяномъ видѣ и въ женскомъ обществѣ рабочихъ.

---

* Съ точки зрѣнія предпринимательскаго права я допускаю неточность въ терминологіи, но это для простоты изложенія.

Весьма примѣчательно то, что въ подавляющемъ числѣ случаевъ инициатива въ захватѣ предпріятій принадлежала пріѣзжимъ и рѣже мѣстнымъ энергичнымъ группамъ лицъ, увлекавшимъ за собой массы. Послѣднія-же нерѣдко проявляли столько инерции и даже сопротивленія, что потребовалось много времени для повсемѣстнаго проведенія экспропріации предпріятій. Такъ, невзирая на упомянутое выше рѣшеніе Совѣта республики Кривдонбаса, южно-русскіе рудники и заводы многіе мѣсяцы оставались во владѣніи промышленниковъ. Повидимому экспропріація вовсе не отвѣчала правосознанію рабочихъ массъ и, чтобы побудить ихъ на дѣйствіе, почитавшееся ими за грабежъ, нужно было «поработать» надъ пробужденіемъ подлыхъ инстинктовъ для заглушенія голоса совѣсти и благоразумія.

Порядокъ проведенія національизации и устанавливающаяся послѣ сего конструкція управленія были весьма различными въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, состава рабочихъ и руководившихъ ими органовъ, свойствъ характера лицъ администраціи и пр. Они были наиболѣе дикими и хаотическими на рудникахъ, гдѣ, вообще говоря, уровень развитія рабочихъ низокъ; на заводахъ-же наблюдалось больше планомѣрности и мягкости въ формахъ. Въ этомъ отношеніи особенно примѣчательно Брянское Металлургическое Общество: Александровскимъ заводомъ продолжалъ управлять Директоръ Гор. Инж. Н. Н. Гогоцкій, хотя и въ тѣсномъ единеніи съ рабочей контрольной комиссіей, въ числѣ членовъ которой были также и инженеры, а для Брянскаго завода того-же общества было организовано коалиціонное правленіе, состоявшее изъ представителей бывшаго правленія, рабочихъ и совѣтскаго правительства.

Когда промышленныя предпріятія Донецко-Криворожскаго района еще оставались въ собственности владѣльцевъ (за некоторыми исключеніями), атмосфера харьковской «революціонной демократіи» уже дошла до точки кипѣнія, конкретнѣе — до точки національизации. Національизировать собирались все и вся: фабрики, гостиницы, парикмахерскія, газеты, типографіи, говорили о національизации зубныхъ врачей и женщинъ, и рѣшили, какъ это ни нелѣпо, также національизовать Совѣтъ Съѣзда Горнопромышленниковъ Южной Россіи. До тѣхъ поръ довольно скромные, а съ того дня «революціонные служащіе» ввели въ комнаты Предсѣдателя Совѣта Съѣзда какихъ-то солдатъ и объявили президіумъ — Предсѣдателя Н. Ф. фонъ-Дитмара, Товарища Предсѣдателя А. И. Фенина* и управляющаго дѣлами Б. Н. Соколова — арестованными, а Совѣтъ Съѣзда со всѣми его учрежденіями и недвижимостью національизованными. Президіумъ былъ увезенъ и помѣщенъ въ вагонъ «на седьмомъ тупикѣ», куда помѣщали по революціонной традиции обреченныхъ на смерть**. Тѣ изъ начальниковъ отдѣловъ, что не пожелали присоединиться къ возставшимъ, были удалены, касса была захвачена, а на входныхъ дверяхъ великолѣпнаго зданія на Сумской былъ вывѣшенъ плакатъ — «Революціонный Комитетъ Служащихъ Совѣта Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи».

Узнавъ объ этомъ, члены Совѣта Съѣзда, въ числѣ около 30 человѣкъ (всего числилось около 70), попробовали было собраться на экстренное засѣданіе Совѣта въ своемъ большомъ залѣ, но были удалены. Собравшіеся рѣшили перейти въ находившееся по близости помѣщеніе «Углесоюза» (не напоминаетъ-ли это «jeu de pommes»?) и, признавъ нелѣпостью національизацію общественнаго органа промышлен-

---

* Насколько помню, А. И. Фенина въ то время тамъ не оказалось; но послѣ непродолжительнаго укрывательства онъ по собственной инициативѣ отдался въ «руки правосудія».

** Черезъ нѣкоторое время ихъ вытребовалъ къ себѣ на ст. Никитовку командующій Южной Арміей Антоновъ, а впослѣдствіи ихъ освободили.

никовъ. выбрали вмѣсто арестованнаго новый временный составъ президіума — Предсѣдателемъ автора этихъ записокъ, Товарищемъ Предсѣдателя А. В. Мономахова и управляющимъ дѣлами М. П. Базкевича, о чемъ и было сообщено въ газеты.

Въ этомъ скорѣе сказалось «боевое» настроеніе собравшихся членовъ Совѣта, чѣмъ практичность и продуманность плана дѣйствій, а публикація въ газетахъ едва даже не стоила ареста второго (временнаго) состава президіума: за насъ вступилось по собственному почину Правленіе Профессіональнаго Союза «Металлистъ», къ которому я въ то время имѣлъ нѣкоторыя отношенія и о которомъ я буду говорить впослѣдствіи. Такъ или иначе, Совѣтъ Съѣзда продолжалъ собираться, пока не растаялъ вслѣдствіе ареста однихъ, бѣгства другихъ и скрыванія третьихъ.

Радости побѣды «Революціоннаго Комитета Служащихъ Совѣта Съѣзда» смѣнились разочарованіями. Кассовая наличность оказалась незначительной, въ банкѣ не хотѣли покрывать чековъ, подписанныхъ «Революціоннымъ Комитетомъ», желѣзными дорогами не выдавались повагонные сборы, на которые раньше содержался Совѣтъ Съѣзда съ его многочисленнымъ составомъ служащихъ, но главное, на рудникахъ и заводахъ «Революціонный Комитетъ» не получилъ признанія, и нелѣпость національзаціи общественнаго органа промышленниковъ начала пониматься самими «революціонными служащими», но уже слишкомъ поздно, т. к. фактически личный составъ Совѣта Съѣзда къ тому времени уже успѣлъ растаять. Къ томуже какія-то другія «революціонныя организаціи» съ полнымъ пренебреженіемъ къ «правамъ» первыхъ захватчиковъ стали для себя занимать помѣщенія Совѣта Съѣзда, а въ большомъ залѣ безпрерывно засѣдали какія-то толпища.

Національзація Совѣта Съѣзда неожиданнымъ образомъ отразилась и на Профессіональномъ Союзѣ Инженеровъ Южно-Русской горно-заводской Промышленности. Канцелярія Союза Инженеровъ помѣщалась въ зданіи Совѣта Съѣзда, но съ національзаціей послѣдняго ей также пришлось выѣхать. Въ теченіе нѣсколькихъ дней на имя Союза продолжали приносить корреспонденцію по старому адресу, которую, какъ потомъ оказалось, «революціонеры», размѣстившіеся въ канцеляріи Союза, вскрывали и выбрасывали, но среди писемъ попалось извѣщеніе Азовско-Донского Банка о поступленіи на текущій счетъ Союза 300,000 рублей отъ члена правленія одного изъ горнопромышленныхъ обществъ — этого было достаточно для компрометаціи Союза въ отношеніи контръ-революціонности. Созданному во время революціи Союзу, который прилагательное «профессіональный» должно было поставить въ одинъ рядъ съ революціонными союзами рабочихъ и служащихъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ это и естественно инженерамъ, жившимъ въ самой гущѣ революціоннаго котла и ощущавшимъ непосредственно и лучше другихъ категорій интеллигентныхъ тружениковъ то, что несетъ революція промышленности, народному хозяйству и наконецъ всей Россіи, было не по пути съ «революціонной демократіей», и его отношеніе къ происходящему въ основныхъ чертахъ было тѣмъ-же, что у промышленниковъ, чему способствовало и то обстоятельство, что, при преобладающей на Югѣ Россіи акціонерной формѣ предпріятій, они были представлены тѣми-же инженерами. Между промышленными организаціями и Союзомъ инженеровъ, въ которомъ часто фигурировали тѣ-же самыя лица, установилось полное согласіе при взаимной поддержкѣ: инженеры стояли на стражѣ правъ предпринимателей, принимая на себя главную тяжесть сыпавшихся ударовъ, а промышленники субсидировали Союзъ и устанавливали страхованія отъ террористическихъ актовъ, фонды для лицъ заводской и рудничной администраціи, т. е. въ подавляющемъ числѣ случаевъ для инженеровъ. Субсидіи, выдаваемыя Союзу. шли на поддержаніе ограбленныхъ инженеровъ, бѣжавшихъ въ города ихъ семей, на содержаніе инженеровъ, потерявшихъ

связь со своими хозяевами или бѣжавшихъ отъ преслѣдованій «революціонныхъ рабочихъ», и слѣдовательно вообще на цѣли, квалифицировавшіяся въ то время контръ-революціонными. Къ числу такихъ субсидій относились и тѣ 300,000 рублей, что были внесены на текущій счетъ Союза при посредствѣ члена правленія одного изъ промышленныхъ обществъ. О томъ, что извѣщеніе о 300,000 рублей попало въ руки «революціонеровъ», стало извѣстно при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Къ моему брату, какъ къ Товарищу Управляющаго Харьковскимъ Отдѣленіемъ Азовско-Донского банка (въ то время онъ замѣщалъ Управляющаго), вошелъ въ служебный кабинетъ какой-то человѣкъ, отрекомендовавшійся «слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ» Александровскимъ и потребовавшій наложить арестъ на суммы Союза Инженеровъ. На выраженное братомъ недоумѣніе по поводу того, что накладывается арестъ на суммы, принадлежащія не занимающемуся торговыми операціями союзу, Александровскій объяснилъ, что онъ напалъ на слѣдъ контръ-революціоннаго замысла, не скрывъ и того, какимъ образомъ ему это удалось. На предупрежденіе брата о невозможности накладывать арестъ безъ письменнаго о томъ распоряженія, слѣдователь отвѣтилъ, что сейчасъ онъ очень торопится, такъ какъ его ждетъ автомобиль, въ которомъ онъ поѣдетъ арестовывать цѣлый рядъ лицъ изъ состава Союза Инженеровъ, а когда братъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы союзъ, созданный для защиты профессіональныхъ интересовъ инженеровъ, занимался политикой, то, задѣтый недовѣріемъ, слѣдователь показалъ брату списокъ подлежащихъ аресту лицъ. Среди десятка все знакомыхъ именъ братъ увидѣлъ и мое, и, что еще лучше, и свое собственное — надо сказать, что мой братъ по образованію горный инженеръ и состоялъ секретаремъ этого самаго союза инженеровъ, о чемъ, конечно, слѣдователь не подозрѣвалъ, обратившись къ управляющему банкомъ. На этотъ разъ, не проявивъ ничѣмъ своего недоумѣнія по поводу болтливости неопытнаго «слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ», а поговоривъ еще немного съ милымъ гостемъ и вѣжливо его проводивъ, братъ позвонилъ по телефону своей женѣ, прося ее предупредить всѣхъ перечисленныхъ въ спискѣ, что было исполнено и сравнительно легко, — оставалось на свободѣ уже немного — нѣкоторые были уже арестованы другими властями и по другимъ поводамъ. По причинѣ, оставшейся намъ неизвѣстной, насъ съ братомъ не арестовали. Слѣдователь былъ у брата въ банкѣ утромъ, но я узналъ объ этомъ къ вечеру. На слѣдующее утро я отправился къ дому, гдѣ жилъ временно исполнявшій обязанности Предсѣдателя Союза Инженеровъ П. С. Сергѣевъ, имя котораго я упоминалъ уже раньше. У подъѣзда я увидѣлъ грузовикъ, на который были уже погружены нѣкоторыя вещи Павла Сергѣевича, а, выйдя на лѣстницу, я встрѣтилъ горничную, которая мнѣ объяснила, что Павелъ Сергѣевичъ вчера же бѣжалъ въ какую-то отдаленную деревню къ надежному крестьянину, что, не заставъ его, пришедшіе его арестовать люди производятъ обыскъ — вотъ почему и грузовикъ съ сундуками, коврами, подушками и пр.! Обыскъ производился еще дня 2 или 3, а Павла Сергѣевича я уже не видѣлъ больше до возвращенія моего въ Харьковъ, уже въ апрѣлѣ.

Если большевики, протягивая «капиталистамъ» пальму мира, за пазухой держали ножъ, то больше искренности было проявлено меньшевицкимъ профессіональнымъ союзомъ «Металлистъ» въ поискахъ соглашенія съ промышленниками.

Еще въ октябрѣ 1917 года «Металлистъ» предложилъ «Сометаллу» заключить коллективный договоръ, препроводивъ выработанный профессіональнымъ союзомъ текстъ, но договоръ былъ заключенъ только въ концѣ февраля 1918 года.

Русская дореволюціонная юрисдикція не знала коллективныхъ договоровъ, т. е. договоровъ, заключенныхъ между союзами предпринимателей и профессіональными рабочими союзами, или при болѣе широкомъ опредѣленіи, между предпринимателемъ или группою предпринимателей и группою рабочихъ; не легализовало ихъ и законодательство Временнаго Правительства, но освятило ихъ новое пониманіе взаимоотношеній капитала и труда, вызванное развитіемъ профессіональныхъ объединеній, а главное, быть можетъ, появленіемъ революціоннаго правосознанія, совершенно не согласнаго съ поблекшими нормами положительнаго права.

Какъ извѣстно, важнѣйшая особенность договоровъ этого рода, среди другихъ извѣстныхъ въ гражданскомъ оборотѣ, заключается въ томъ, что существенныя, вытекающія изъ договора права пріобрѣтаются не заключившими договоръ сторонами, а третьими лицами, равно какъ существенныя вытекающія изъ договора обязанности возлагаются не на стороны, а на третьихъ лицъ, въ чемъ общая черта съ договорами, служащими предметомъ изученія международнаго права, при чемъ дѣйствіе договора распространяется (по крайней мѣрѣ практически) не только на третьихъ лицъ, входящихъ въ составъ промышленныхъ и рабочихъ союзовъ, но и на внѣ ихъ стоящихъ. Устанавливая общія для цѣлой отрасли промышленности или для цѣлаго района нормы, коллективный договоръ несомнѣнно вторгается въ область публичнаго права, а договаривающіеся союзы выполняютъ, вступая въ соглашеніе, а впослѣдствіи и въ силу соглашенія, функціи публичной власти.

Каковы были общія условія, съ которыми встрѣчались попытки насажденія коллективныхъ соглашеній въ русскую промышленную жизнь, и отношеніе къ коллективному договору, какъ къ новой формѣ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности труда и капитала, со стороны разныхъ заинтересованныхъ въ немъ группъ населенія?

Это новое правовое понятіе было импортировано въ Россію защитниками послѣдовательной борьбы пролетаріата за развитіе его правъ и его благосостоянія — меньшевистскими вождями, но какъ разъ именно въ то время, когда меньше всего могла быть понятой сложная глубокая сущность этого понятія, и когда общія условія меньше всего способствовали усвоенію его промышленной жизнью.

Коллективный договоръ — мирный исходъ планомѣрной борьбы между организованными трудомъ и капиталомъ. Непремѣнное слѣдствіе его заключенія — затвердѣваніе отношеній между трудомъ и капиталомъ на обусловленный срокъ. Если для фазиса борьбы характерно движеніе, то фазисъ жизни съ момента подписанія договора и за все время его дѣйствія можетъ быть опредѣленъ, какъ стояніе на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока вновь не начнется борьба. Такимъ образомъ, многолѣтняя планомѣрная борьба естественно разбивается на двухъ-фазные періоды, при чемъ фазисъ собственно борьбы и фазисъ мирной передышки попеременно смѣняются. Съ устраненіемъ одного изъ фазисовъ коллективный договоръ теряетъ всякій смыслъ: безъ предварительной планомѣрной борьбы или по крайней мѣрѣ угрозы этой борьбы коллективный договоръ не достижимъ, а безъ мира, слѣдующаго за его заключеніемъ, онъ мертворожденъ. Къ тому же непремѣнной предпосылкою договора, покоящагося на авторитетѣ сторонъ, т. е. союзовъ, должна быть организованность капитала и труда и строжайшая дисциплина элементовъ, образующихъ союзы, или иначе сказать, примѣненіе въ промышленной жизни коллективныхъ договоровъ требуетъ многолѣтне развиваемой профессіональной культуры. Для усвоенія массами глубокой сущности понятія о коллективномъ договорѣ необходимо участіе ихъ въ планомѣрно проведенномъ двухъ-фазисномъ періодѣ борьбы.

Профессіональныя объединенія промышленниковъ для борьбы съ рабочими совершенно отсутствовали въ началѣ революціи, но, разумѣется, имъ было гораздо легче возникнуть и развиться благодаря меньшему количеству участниковъ и высшему уровню общественной культурности ихъ представителей. Тѣмъ не менѣе, какъ указывалось выше,* союзная дисциплина оставляла желать лучшаго.

Въ условіяхъ внутренняго для страны мира ни промышленники, ни, что еще важнѣе, рабочіе не ознакомились на опытѣ съ планомѣрной борьбою, завершаемой заключеніемъ коллективнаго договора, и съ проведеніемъ его въ жизнь, и такимъ образомъ отсутствовало соціальное воспитаніе въ формахъ высокой общественной культуры. Въ условіяхъ же революціонной жизни съ ея непрерывными «завоеваніями» естественно отсутствовали фазисы мирной передышки, и въ силу этого, какъ уже указывалось, коллективный договоръ неукоснительно обрекался на мертворожденность, онъ становился въ прямомъ своемъ назначеніи безсмысленнымъ.

Говорившіе о чудѣ превращенія въ теченіе трехъ дней толпищъ царскихъ рабовъ въ культурный народъ, «умѣренные» соціалисты принялись насаждать послѣднее слово изъ книгъ по рабочему вопросу, бросивъ въ толпу, въ качествѣ новаго радостнаго сюрприза революціи, идею о коллективномъ договорѣ. Послѣ нѣкотораго недоумѣнія въ преподнесенную толпѣ пустую бонбоньерку она вложила безподобные революціонные конфеты — «ничего не дѣлать и много получать».

Первые изъ заключенныхъ коллективныхъ договоровъ исключительно или преимущественно и заключались въ уменьшеніяхъ количества работы и въ увеличеніяхъ заработныхъ платъ. Особенно въ этомъ отношеніи типично майское соглашеніе «Горнотруда» съ горнопромышленниками Юга Россіи, на которое мнѣ уже приходилось ссылаться. Въ формѣ коллективнаго договора и за счетъ промышленниковъ и, въ конечномъ результатѣ — государства меньшевистскіе вожди дѣлали рабочимъ развращающіе ихъ подарки въ цѣляхъ укрѣпленія своей популярности.

Послѣ первыхъ опытовъ идея коллективнаго договора была массами понята — нужно ли говорить — при данныхъ условіяхъ превратно и тривіально и, распространившись по всей Россіи, повсемѣстно вызвала раздраженіе.

Отношеніе промышленниковъ было различно: въ то время, какъ одни видѣли въ соглашеніяхъ средство относительно спокойно перейти черезъ смуту къ лучшему времени, въ быстрое наступленіе котораго они вѣрили, другіе находили, что коллективный договоръ — недостойная комедія, связывающая промышленниковъ, но ничѣмъ не связывающая рабочихъ, имѣя въ виду, что ихъ вожди признаются ими въ той мѣрѣ, что дѣлаютъ за чужой счетъ подарки, но не предъявляютъ къ нимъ никакихъ требованій. Которое изъ этихъ двухъ мнѣній преобладало, сказать невозможно, но фактъ заключенія большого количества договоровъ даетъ право предполагать, что во всякомъ случаѣ на дѣлѣ преобладала склонность промышленниковъ идти по теченію. Практика примѣненія коллективныхъ соглашеній давала самые различные результаты: по крайней мѣрѣ приходилось слышать самые противорѣчивые отзывы отъ представителей заводовъ того же района и той же отрасли промышленности.

Въ состоящемъ изъ членовъ правленій металл. обществъ Совѣтѣ нашего союза («Сометаллъ») отношеніе къ коллективному договору было отрицательнымъ, и вышеупомянутое октябрьское предложеніе «Металлиста» было оставлено безъ детальнаго разсмотрѣнія и безъ отвѣта. Напротивъ, въ январѣ 1918 года на имѣвшемъ мѣсто въ Харьковѣ совѣщаніи директоровъ заводовъ я встрѣтился съ единодуш-

* См. Архивъ Русск. Рев. т. XIV, стр. 33, сл.

нымъ съ ихъ стороны желаніемъ приступить къ переговорамъ съ «Металлистомъ», представители котораго очень того домогались, въ то время какъ со стороны рабочихъ массъ сыпались ничѣмъ не прикрытыя угрозы. Справедливости ради долженъ отмѣтить, что когда мною были представлены телеграфныя сообщенія съ заводовъ о поведеніи требовавшихъ коллективнаго договора рабочихъ, то смущенное ими Правленіе «Металлиста» командировало своихъ сочленовъ на заводы для антитеррористической пропаганды, а выѣхавшія на мѣста лица порою дѣйствовали съ отвагою, невзирая на возмущенье уже противъ нихъ разгорячившихся головъ.

Коллективный договоръ между «Cометалломъ» и «Металлистомъ» прямо и непосредственно затрогивалъ интересы 18 южно-русскихъ металлургическихъ заводовъ со 130.000 рабочихъ, но фактически долженъ былъ отразиться и на желѣзныхъ и марганцевыхъ рудникахъ, подавляющая часть коихъ въ рукахъ металлургическихъ обществъ съ 60,000 рабочихъ, и на каменноугольныхъ рудникахъ съ 230,000 рабочихъ, имѣя въ виду, что значительная часть добычи каменнаго угля приходилась на долю металлургическихъ обществъ, а нѣкоторые изъ заводовъ, находясь въ Донецкомъ бассейнѣ, составляли вмѣстѣ съ рудниками одно хозяйственно-административное цѣлое.

При такихъ условіяхъ интересовавшій всю горную и горно-заводскую промышленность вопросъ о коллективномъ договорѣ между «Cометалломъ» и «Металлистомъ» подвергся также обсужденію и въ Комитетѣ Совѣта Съѣзда, гдѣ также было проявлено единодушное желаніе къ приступу къ переговорамъ упомянутыми выше двумя союзами.

Изъ двукратныхъ переговоровъ по прямому телеграфному проводу съ Совѣтомъ нашего Союза въ Петроградѣ (заднимъ числомъ трудно вѣрится, что промышленники могли добиться при большевикахъ разговора по прямому проводу!) я узналъ, что и онъ, тверже другихъ стоявшій на непримиримой въ отношеніи коллективнаго договора позиціи, склонялся къ его заключенію.

Въ октябрѣ, одновременно какъ и «Cометаллу», «Металлистъ» предложилъ заключить коллективный договоръ такъ же южно-русскимъ металлообрабатывающимъ заводамъ съ 15,000 человѣкъ рабочихъ и тремъ «обсофазамъ» (Екатеринославскому, Харьковскому и Ростовскому обществамъ фабрикантовъ и заводчиковъ), которые приняли это приглашеніе, но, разумѣется, безъ участія «Cометалла» никакого соглашенія состояться не могло.

Такимъ образомъ, къ концу января имѣлось согласіе приступить къ переговорамъ со стороны рабочихъ, объединенныхъ «Металлистомъ», и всѣхъ предпріятій, на рабочихъ коихъ «Металлистъ» распространялъ практически или теоретически свое вліяніе, при чемъ «Металлистъ» получилъ также «мандатъ» для защиты интересовъ «Союза служащихъ горно-заводской промышленности».

Переговоры начались въ большомъ залѣ еще въ то время не націонализованнаго Совѣта Съѣзда, при чемъ неожиданно для насъ явился въ сопровожденіи своихъ чиновниковъ вновь назначенный комиссаромъ труда Лугановскій, до тѣхъ поръ состоявшій комиссаромъ продовольствія и нынѣ совмѣщавшій эту должность съ новой. Человѣкъ — довольно хорошаго роста, плечистый, крѣпкій, мускулистый, одѣтъ обычнымъ для революціонной эпохи образомъ, съ зачесанными назадъ волосами и бритыми усами и бородой, съ остро окаймленными, нѣсколько выпуклыми губами. Съ большимъ лбомъ скуластое, энергичное и даже съ нѣкоторой доброжелательностью лицо. Говорили, что до революціи онъ служилъ приказчикомъ въ мануфактурномъ магазинѣ, но надо отдать ему справедливость, что держалъ онъ себя съ отмѣннымъ достоинствомъ и говорилъ, какъ вполнѣ интеллигентный чело-

вѣкъ. При ясномъ и звучномъ голосѣ и пылкости темперамента онъ видимо сдерживалъ свои жесты и рѣчь такимъ образомъ, что чувствовалась въ немъ какая-то глубокая грусть, но зато когда онъ разгорался, то его голосъ пріобрѣталъ металлическій оттѣнокъ, и судорожно сжатые кулаки тяжело опускались на столъ – онъ всегда говорилъ стоя.

Безъ всякаго съ нашей стороны согласія онъ занялъ предсѣдательское мѣсто и произнесъ рѣчь, содержанія которой я не помню.

Отъ имени представителей промышленности я заявилъ, что мы явились вести переговоры съ профессіональнымъ рабочимъ союзомъ «Металлистъ», а не съ совѣтскимъ правительствомъ, а что содѣйствіе послѣдняго для спокойнаго и нормальнаго хода нашей работы могло бы выразиться въ принятіи мѣръ противъ террористическихъ актовъ, коимъ подвергаются со стороны рабочихъ лица заводской и рудничной администраціи.

Не отвѣтивъ на наше заявленіе, Лугановскій предложилъ выдать всему составу «промышленной фракціи согласительной комиссіи» удостовѣренія въ томъ, что на время веденія переговоровъ мы не подлежимъ аресту, но отъ этого любезнаго предложенія мы отказались.

По желанію представителей «Металлиста», на слѣдующій день состоялось «частное совѣщаніе» съ ними въ одной изъ комнатъ Совѣта Съѣзда, въ теченіе котораго было рѣшено переговоры продолжить, устранивъ непрошенное руководство совѣтской власти.

Какъ разъ въ теченіе этого совѣщанія въ Совѣтъ Съѣзда явились солдаты для его національзаціи и для ареста его президіума (см. выше), при чемъ вошедшій въ нашу комнату офицеръ съ отрядомъ солдатъ арестовалъ и всѣхъ насъ, т. е. «промышленную» и «рабочую» фракціи. Конечно, рабочая фракція была арестована по недоразумѣнію и только въ виду нахожденія ея вмѣстѣ съ нами въ помѣщеніи Съѣзда, но тѣмъ не менѣе оказавшіеся на минуту въ положеніи «буржуевъ» рабочіе чрезвычайно возмутились актомъ произвола и насилія. Черезъ полъ-часа мы были освобождены, но все же «рабочая фракція» подала какой-то власти энергично составленный протестъ, не допуская въ своемъ заявленіи никакой разницы между собой и нами. Мы же, разумѣется, никакъ на арестъ не реагировали – не искать же намъ права у большевиковъ! Страннымъ можетъ показаться, но этотъ случай расположилъ къ намъ рабочихъ представителей, и съ того момента какъ-то растаялъ бывшій между нами ледъ.

На слѣдующее наше засѣданіе, состоявшееся уже не въ Совѣтѣ Съѣзда, а въ Харьковскомъ «Обсофазѣ», Лугановскій уже не явился, а прислалъ какого-то ничтожнаго молодого человѣка, который съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ сообщилъ, что онъ для «информаціи». Когда началось засѣданіе, то онъ усѣлся на пустое предсѣдательское кресло, аккуратно записывалъ имена говорившихъ и, почувствовавъ себя такимъ образомъ предсѣдателемъ, попробовалъ было что-то сказать, но ни «промышленная», ни «рабочая» фракціи, точно сговорившись, не обратили на него никакого вниманія: онъ посидѣлъ еще немного, незамѣтно ретировался и больше не показывался. Предсѣдательское кресло оставалось не занятымъ до самаго окончанія длившихся около мѣсяца переговоровъ. Я въ первый разъ въ жизни засѣдалъ въ составѣ 15–25 человѣкъ безъ предсѣдателя, но долженъ сказать, что никогда не видѣлъ большаго порядка, какъ въ данномъ случаѣ: разумѣется, причина не въ отсутствіи предсѣдателя, а въ дисциплинѣ, господствовавшей въ обѣихъ фракціяхъ, и въ проявляемой съ обѣихъ сторонъ крайней сдержанности. Можно особенно удивляться корректности и долготерпѣнію «рабочей» фракціи, тѣмъ болѣе, что въ

началѣ нашей совмѣстной работы мы не разъ въ знакъ протеста срывали засѣданіе: причиною этому были чаще всего аресты кого-нибудь изъ членовъ «промышленной фракціи» или даже вообще кого-нибудь изъ нашей среды, тогда какъ «рабочая фракція» была рѣшительно неповинна въ этихъ арестахъ и даже напротивъ по собственному почину хлопотала объ освобожденіи задержанныхъ. Чуть было насъ не рассорилъ въ самомъ началѣ Лугановскій, давшій знать, что въ случаѣ проявленія несговорчивости съ нашей стороны, коллективный договоръ будетъ «декретированъ» (такая нелѣпость съ точки зрѣнія права!) и притомъ, конечно, въ редакціи «Металлиста», но и тутъ спасъ положеніе тактъ со стороны рабочихъ.

«Рабочая фракція» была представлена Правленіемъ Союза «Металлистъ» во главѣ съ предсѣдателемъ Г. Фаеръ, двумя юрисконсультами Союза — Г. Рубинштейномъ и Г. Трахтенбергомъ — и гастролирующими депутатами съ заводовъ. Въ работахъ нашей «согласительной комиссіи» руководство «рабочей фракціи» принадлежало пользующемуся широкой, въ особенности на югѣ Россіи, извѣстностью — Я. Л. Рубинштейну.

Богатый, съ коммерческой, какъ говорили, жилкой человѣкъ и домовладѣлецъ, присяжный повѣренный, Яковъ Львовичъ равнымъ, тайнымъ, свободнымъ и прямымъ голосованіемъ былъ избранъ предсѣдателемъ Харьковской Городской Думы по спискамъ меньшевиковъ-интернаціоналистовъ. Въ свое время меня изрядно смущало противорѣчіе между имущественнымъ и партійнымъ его положеніемъ, а его «интернаціонализмъ» меня прямо-таки коробилъ, но нынѣ я рѣдко вспоминаю съ такимъ удовольствіемъ о согласной, хотя во вражескихъ лагеряхъ, работѣ, какъ — съ Яковомъ Львовичемъ, и объясняю я завоеваніе имъ моихъ самыхъ опредѣленныхъ симпатій исключительными умственными его дарованіями, при неизмѣнной и безукоризненной корректности, ясностью пониманія отстаиваемыхъ имъ интересовъ при уваженіи къ интересамъ противника, смѣлостью и твердостью его требованій при несомнѣнномъ чувствѣ мѣры въ настойчивости. Этотъ человѣкъ навѣрное любилъ и понималъ жизнь, и это придавало ему подкупавшія окружающихъ бодрость и нѣкоторое благодушіе. Небольшого роста, упитанному, съ выпуклымъ животикомъ и круглымъ лицомъ, человѣку по своему внѣшнему облику меньше всего подходило выступать въ качествѣ защитника интересовъ неимущихъ и угнетенныхъ пролетаріевъ, но во время диспутовъ съ нимъ забывались не только его животикъ, но и образы неимущихъ и угнетенныхъ — все вниманіе сосредоточивалось только на нахожденіи общихъ интересовъ и на разграниченіи противоположныхъ.

Другой изъ юрисконсультовъ «Металлиста» — доцентъ Харьковскаго Коммерческаго Института Трахтенбергъ — гораздо менѣе пріятный человѣкъ. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ какой-нибудь партіи, но о немъ мнѣ говорили въ Харьковѣ, какъ о марксистѣ довольно крайняго направленія. Какъ въ индивидуальности, я въ немъ ничего интереснаго не обнаружилъ, но, мнѣ кажется, онъ достоинъ все же нѣкотораго вниманія, какъ представитель довольно распространеннаго въ Россіи типа среди еврейской марксистски настроенной интеллигенціи.

Ненависть возвышается надъ всей сущностью человѣка, ненависть, не какъ слѣдствіе, а какъ причина, ненависть, какъ источникъ наслажденія, ненависть, какъ двигатель къ развитію личности и къ дѣятельности. При остромъ умѣ и при сильной волѣ, или при одномъ изъ этихъ свойствъ, изъ этого типа людей выходили революціонные вожди или тѣ второстепенные, но доставлявшіе населенію столько страданій, комиссары, которые такъ часто представляли на мѣстахъ революціонную власть, но въ отсутствіи этихъ качествъ люди этого типа безъ яркости въ дѣяніяхъ тѣмъ не менѣе всюду съ собой вносили ненависть, а слѣдовательно раздоръ и раз-

ложеніе. Къ такимъ людямъ, какъ мнѣ казалось, принадлежалъ и Трахтенбергъ, и принеся съ собой въ согласительную комиссію злобу, онъ возстановилъ бы стороны другъ противъ друга и привелъ бы ихъ къ разрыву. Послѣ первыхъ его выступленій я указалъ на это рабочимъ, отнесшимся къ моему предостереженію съ полной доброжелательностью и, постепенно стушевываясь, Трахтенбергъ пересталъ даже посѣщать засѣданія.

Перехожу къ рабочимъ, участвовавшимъ въ нашей «согласительной комиссіи», и перехожу съ удовольствіемъ, такъ какъ у меня сохранились о нихъ самыя пріятныя воспоминанія: среди нихъ я вижу хорошихъ, честныхъ людей, въ глубинѣ сердца которыхъ непочатые запасы любви ко всему человѣческому, искренняго стремленія къ свѣтлой правдѣ, отличающей нетронутыя натуры доброты, всепрощенія и доходящаго до экзальтаціи довѣрія, разъ только окажется поводъ для его зарожденія. Это не только не тѣ революціонной эпохи звѣри, отъ которыхъ столь многіе пострадали и за которыми связанные съ ними кошмарныя воспоминанія не позволяютъ многимъ видѣть подлиннаго русскаго народа такимъ, какъ онъ есть, а хорошіе люди, изъ коихъ будутъ выходить въ новой Россіи ея лучшіе граждане. И это не изъ ряда вонъ рѣдкое исключеніе: за мою жизнь я видѣлъ десятки, если не сотни тысячъ рабочихъ и немало я встрѣчалъ среди нихъ хорошихъ, честныхъ людей — отмѣчаю это въ виду того озлобленія, которое такъ часто наблюдается въ отношеніи всѣхъ рабочихъ.

Предсѣдатель Правленія «Металлиста» Фаеръ — изъ совершенно обрусѣвшей семьи прибалтійскихъ нѣмцевъ, квалифицированный рабочій Таганрогскаго металлургическаго завода, меньшевикъ, развитой и начитанный человѣкъ, тридцатилѣтняго возраста, невзирая на многократныя при царскомъ правительствѣ сидѣнія въ тюрьмѣ и на ссылку въ Сибирь, сохранилъ мягкій, почти сентиментальный характеръ. Это не фанатикъ, а доискивающійся правды человѣкъ, со склонностью проникать вглубь вопроса при чрезвычайной любознательности и безъ всякой самоувѣренности, столь свойственной «грядущему хаму» — этому распространенному въ эпоху революціи типу обнаглѣвшаго невѣжды. Со свойственной его натурѣ объективностью Фаеръ не видѣлъ въ насъ «капиталистовъ-кровопійцъ», уважая въ насъ право защищать наши классовые интересы, какъ рабочіе защищаютъ свои; когда же онъ убѣдился изъ хода диспутовъ, что фактически при данныхъ условіяхъ мы даже защищаемъ интересы промышленности, а не промышленниковъ, то, признавъ въ насъ направленную къ общественному благу силу, глубоко къ намъ расположился: мы положительно этимъ пріобрѣли въ его глазахъ авторитетъ и завоевали къ себѣ его довѣріе.

Фамиліи другихъ рабочихъ — дѣятелей «Металлиста», къ сожалѣнію, я большей частью позабылъ, но внѣшній обликъ и душевныя свойства нѣкоторыхъ изъ нихъ еще держатся въ моей памяти. Среди нихъ преобладали меньшевики Рубцовъ, Алферовъ, но были и другихъ партій. Особо отмѣчу анархиста-синдикалиста, привезшаго свою соціальную религію изъ С. А. Ш., гдѣ онъ долгое время работалъ. Отдѣлявшее мою mentalité отъ его религіи огромное пространство нисколько не мѣшало намъ говорить между собой на общемъ для насъ языкѣ — этотъ языкъ находился въ стремленіи къ общему благу — и я объясняю это природнымъ умомъ, широтой кругозора и глубиной развитія много видѣвшаго и много читавшаго человѣка, къ тому же поражавшаго своимъ спокойнымъ достоинствомъ и какой-то внутренней гармоніей. Изъ такихъ людей будутъ выходить хорошіе граждане новой Россіи! — Онъ — анархистъ, но общественный человѣкъ и не только потому, что синдикалистъ, а не анархистъ, а еще потому, что вся глубокая сущность этого вдумчиваго и уравновѣшеннаго человѣка рвется къ общему благу.

Кромѣ членовъ Правленія «Металлиста», порою присутствовали гастролировавшіе представители рабочихъ съ мѣстъ. Бывали толковые люди, а порою появлялся банальный революціонный стрекотунъ, засыпающій обличающими, негодующими и требующими трафаретными изъ революціоннаго лексикона словечками, и въ такихъ случаяхъ изъ «рабочей фракціи» съ улыбкой на устахъ мнѣ дѣлали знаки, чтобы я не обращалъ вниманія, а иногда даже усмиряли своего разбушевавшагося «товарища», шепча ему что-то на ухо.

«Промышленная фракція» «согласительной комиссіи» состояла изъ находившихся въ Харьковѣ членовъ правленій и директоровъ металлургическихъ заводовъ, представителей Союза металлообрабатывающихъ заводовъ, харьковскаго и екатеринославскаго обсофазовъ (обществъ фабрикантовъ и заводчиковъ), стараго президіума Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, пока онъ не былъ арестованъ, и служебнаго персонала «Сометалла». Руководство подготовительными работами «промышленной фракціи», равно какъ и оффиціальныя выступленія въ согласительной комиссіи, лежали на мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя фракціи. Среди членовъ «фракціи» царили миръ и согласіе при строгой дисциплинѣ, установленной съ общаго согласія spicker'омъ, какъ меня звали, и все это облегчало нашъ большой трудъ, о которомъ я вспоминаю съ удовольствіемъ.

Далекій отъ желанія излагать содержаніе «коллективнаго договора» и перипетіи его выработки въ «согласительной комиссіи» — это меня завело бы въ детали, могущія заинтересовать только спеціалистовъ — я остановлюсь лишь на его основныхъ характерныхъ для революціонной эпохи принципахъ, изъ за которыхъ велась борьба и притомъ велась не только въ данномъ случаѣ, но и вообще во всей странѣ, между рабочими и работодателями:

1. Право предпринимателя по своему усмотрѣнію пускать предпріятіе (или его часть) въ ходъ или его останавливать стало оспариваться рабочими, желавшими, чтобы остановка производства или всякое въ немъ измѣненіе производились не иначе, какъ съ согласія рабочихъ (профессіональнаго союза).

2. Право найма и увольненія рабочихъ, по мнѣнію ихъ, должно принадлежать не предпринимателю, а рабочимъ (профес. союзу).

3. Право предпринимателя налагать дисциплинарныя взысканія должно перейти къ профессіональному союзу.

4. Сдѣльныя работы не допускаются.

5. Поденныя платы увеличиваются, при чемъ основаніемъ для установленія ихъ размѣровъ должны служить не хозяйственныя условія, въ которыхъ находится производство, а потребности рабочихъ.

6. Поденныя платы во всѣхъ предпріятіяхъ одинаковы.

7. Однимъ и тѣмъ же фактомъ (коллективными договорами) устанавливаются отношенія между предпринимателями, съ одной стороны, и рабочими и служащами, съ другой, при чемъ размѣръ жалованья устанавливался бы этимъ актомъ для всѣхъ, а не индивидуальнымъ соглашеніемъ.

Такимъ образомъ, главный ударъ былъ направленъ противъ принадлежности такъ называемаго организаціоннаго права предпринимателю (п. п. 1, 2, 3 и косвенно 7), каковое должно было быть отчуждено въ пользу профессіональныхъ союзовъ. Формально по пункту 1 организаціонное право отчуждается на половину, но фактически и по этому пункту отчужденіе было бы полнымъ, такъ какъ, разумѣется, нельзя предвидѣть такого случая, чтобы рабочіе признали нужнымъ закрыть одну изъ мастерскихъ или весь заводъ, а предприниматель, напротивъ, желалъ бы продолжать производство. Съ проведеніемъ въ жизнь п. 7, т. е. со сліяніемъ служа-

щихъ и рабочихъ въ одно цѣлое, при полномъ ихъ отмежеванiи отъ предпринимателя, аппаратъ управленія, уходя изъ подъ власти предпринимателя, попадалъ бы подъ вліяніе рабочихъ (професс. союза рабочихъ). Пунктъ 4, также нанося ущербъ организаціонному праву предпринимателя, главнымъ образомъ преслѣдовалъ уменьшеніе напряженности труда, коей сдѣльная плата, напротивъ, конечно, способствуетъ; разумѣется, этотъ пунктъ совершенно демагогическаго характера. Установленіе размѣра заработныхъ платъ на основѣ размѣра потребностей рабочихъ съ гуманитарной точки зрѣнія можетъ быть оправдано, но съ народно-хозяйственной, разумѣется, нѣтъ; къ тому же практически размѣръ потребностей рабочихъ, благодаря ихъ безбрежности, не можетъ служить основаніемъ, а по мѣрѣ развитія революціи хозяйство страны настолько расшатывалось, что не могло быть рѣчи о достаточномъ удовлетвореніи даже такъ называемыхъ первыхъ потребностей.

Если большевики продолжали «углублять революцію», то меньшевики стремились «закрѣпить завоеванія революціи». Къ этой цѣли было направлено все ихъ законодательное творчество, о которомъ я писалъ въ главѣ 2, ч. 1; того же они хотѣли добиться и при помощи коллективныхъ договоровъ. Насколько, въ ожиданіи скорой реакціи, меньшевики торопились окопаться, настолько промышленники хотѣли перейти черезъ мнимо короткое смутное время, не потерявъ принципіальныхъ позицій.

Сравнительно легко идя на матеріальныя жертвы, мы согласились на увеличеніе заработныхъ платъ, не принимая, однако, выдвигаемаго рабочими принципа ихъ установленія. Слѣдуя отъ одного составленнаго «Металлистомъ» проекта коллективнаго договора къ другому мы сумѣли доказать для каждой частности въ отдѣльности, что передача предпринимателями организаціоннаго права была бы губительна для самой промышленности, въ успѣхѣ которой заинтересованы рабочіе такъ же, какъ и работодатели. Оставляя управленіе за предпринимателемъ, мы соглашались на участіе профессіональнаго союза въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, что ближайшимъ образомъ касались рабочихъ. Вопросы о правѣ найма и увольненія рабочихъ, и о распространеніи дѣйствія коллективнаго договора и на служащихъ были поставлены нами ультимативно — рабочіе подчинились; мы согласились на рекомендацію проф. союзомъ кандидатовъ на вакантныя мѣста, но въ такой формѣ, что это не связывало администраціи заводовъ. Домогательства рабочихъ къ упраздненію задѣльныхъ платъ разбились о нашу аргументацію, и онѣ были сохранены, но мы согласились на установленіе размѣровъ задѣльныхъ платъ по соглашенію съ профессіональнымъ союзомъ. Равно мы согласились на выработку по соглашенію съ «рабочей фракціей» правилъ внутренняго распорядка, что благополучно и выполнили. Мы согласились также на организацію мѣстныхъ комиссій изъ представителей обѣихъ сторонъ для урегулированія всѣхъ могущихъ возникнуть разногласій и центральной — въ Харьковѣ въ качествѣ руководящей и апелляціонной инстанціи.

Такимъ образомъ, въ лицѣ профессіональнаго союза рабочій пріобщился къ выработкѣ тарифовъ, правилъ внутренняго распорядка и получилъ право рекомендаціи кандидатовъ на вакантныя мѣста, т. е. рабочій уже становился не только орудіемъ, но и субъектомъ производства, участвуя въ его организаціи; правда, въ очень узкихъ предѣлахъ, мало стѣсняя свободу заводской администраціи въ отношеніи управленія предпріятіемъ, но тѣмъ не менѣе, хотя бы слабое участіе рабочаго въ разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ организаціей производства, открывало возможность для профессіональнаго воспитанія рабочихъ массъ.

Промышленники были довольны заключеніемъ коллективнаго договора въ такомъ видѣ: принципіальныя позиціи, за которыя они крѣпко держались, сданы не

были и между тѣмъ крупнѣйшій профессіональный союзъ рабочихъ — «Металлистъ» — изъ вражескаго лагеря перешелъ въ дружескій. Дѣятели же «Металлиста» ликовали, невзирая на отсутствіе этихъ принципіальныхъ пріобрѣтеній: въ самомъ фактѣ заключенія договора заключалось признаніе объединенными металлургическими заводами профессіональнаго союза, а по содержанію договоръ отводилъ видное мѣсто союзу въ дѣлѣ урегулированія отношеній рабочихъ и администраціи каждаго изъ заводовъ. Со стороны одного представителя промышленности мнѣ пришлось слышать мнѣніе, что именно въ укрѣпленіи нами авторитета профессіональнаго союза рабочихъ и заключалось наше пораженіе и побѣда рабочихъ, ибо мы согласились собственными руками содѣйствовать организаціи нашего въ промышленной жизни врага — рабочихъ, т. е., что при стратегической побѣдѣ мы потерпѣли тактическое пораженіе, но я лично думаю, что профессіональное объединеніе рабочихъ, какъ въ то время, такъ и въ особенности въ будущемъ — фактъ неизбѣжный, и борьба съ нимъ значила бы безполезное, почти донъ-кихотское расточеніе силъ, напротивъ, признаніе профессіональнаго объединенія и содѣйствіе руководителямъ союзовъ къ укрѣпленію авторитета послѣднихъ въ рабочей средѣ создавали бы благопріятныя для спокойной промышленной работы традиціи. Кромѣ того, я думаю, что въ контактѣ организованныхъ рабочихъ и организованныхъ промышленниковъ зарождается эмбріонъ сотрудничества классовъ въ государственномъ строительствѣ новой Россіи.

По причинѣ послѣдовавшихъ политическихъ событій практика примѣненія коллективнаго договора была очень короткой; для нѣкоторыхъ заводовъ онъ остался мертвой буквой, но на нѣкоторыхъ изъ нихъ, по свидѣтельству мѣстной администраціи, онъ оказалъ умиротворяющее вліяніе. Во всякомъ случаѣ за время полуторамѣсячныхъ переговоровъ «Металлистъ» по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовалъ, а не противодѣйствовалъ заводской администраціи.

Подписавши договоръ, стороны, оставшіяся довольными другъ другомъ, дружески и даже съ нѣкоторой сердечностью распрощались. Я сейчасъ же, часовъ въ 8 вечера, прямо изъ залы засѣданія, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ «Металлиста» Фаеромъ и моимъ курьеромъ отправился на вокзалъ для слѣдованія въ Петроградъ. На вокзалѣ дѣлалось что-то невообразимое: весь каменный полъ огромнаго харьковскаго вокзала былъ занятъ тѣлами, здоровыми, больными, а можетъ быть и мертвыми — очевидно всѣ хотѣли куда-то ѣхать, но поѣзда въ то время уже ходили рѣдко и безпорядочно. Фаеръ насъ всѣхъ троихъ устроилъ въ какой-то особый и очень хорошій вагонъ (II класса спальный) съ семью купе, изъ коихъ занято было всего одно, кромѣ нашего. Утромъ нашъ вагонъ прицѣпили къ какому-то пассажирскому наполненному выше всякой мѣры поѣзду. Дальше Курска поѣздъ не шелъ, тамъ вся публика вышла и опять размѣстилась на полу и на платформахъ вокзала, а нашъ вагонъ, которымъ Фаеръ уже окончательно завладѣлъ, былъ прицѣпленъ по его настоянію къ какому-то товарному поѣзду «особаго назначенія», и мы довольно скоро доѣхали до Орла, причемъ въ нашемъ вагонѣ, кромѣ Фаера, моего курьера и меня, никого уже не было. Утромъ, подъѣзжая къ Орлу, мы увидѣли стоящій у платформы и готовящійся къ отбытію поѣздъ въ составѣ красавца-пассажирскаго паровоза, вагонъ-салона и платформы съ погруженнымъ на него автомобилемъ. Въ качествѣ уже владѣльца отдѣльнаго вагона, Фаеръ сумѣлъ внушить «викжельскимъ людямъ» съ красными кантами такое къ себѣ уваженіе, что нашъ вагонъ былъ немедленно прицѣпленъ къ этому поѣзду, и мы покатили со скоростью, временами доходившей до 90 верстъ въ часъ. Днемъ мы были уже въ Москвѣ. Уже передъ самымъ отходомъ мы узнали, что это поѣздъ командующаго южной арміей Анто-

нова, того самаго Антонова, который наводилъ такой ужасъ на населеніе и приводилъ въ трепетъ всѣхъ попадавшихся на его дорогѣ. Онъ ѣхалъ въ Москву съ докладомъ къ народнымъ комиссарамъ.

Въ нашемъ вагонѣ попрежнему мы ѣхали всего втроемъ. На удивленіе моего курьера — бывшаго жандармскаго вахмистра, хорошаго, преданнаго, честнаго, благочестиваго, но совсѣмъ простого человѣка, привязаннаго къ внѣшнему государственному порядку и считавшаго установленное дѣленіе человѣческаго общества на ступени незыблемымъ — я называлъ Фаера по имени и отчеству, разговаривалъ съ нимъ какъ съ равнымъ и съ интересомъ и не безъ любопытства, что не могло ускользнуть отъ вниманія моего курьера. Меня не только удивляли начитанность и широкій кругозоръ фразернаго токаря (Фаера), но и интересовала вся система мышленія этого человѣка, вся его душевная сущность. Отличавшее его отсутствіе банальной и упрямой предвзятости, при искренней вдумчивости, дѣйствительно дѣлало интереснымъ разговоръ пришедшихъ съ разныхъ полюсовъ общества созерцанія людей. Если въ «согласительной комиссіи» наша точка зрѣнія на промышленные и вообще народо-хозяйственные вопросы послужила завоеванію уваженія и симпатій «рабочей фракціи», то я видѣлъ, какъ въ душу Фаера западаютъ мои совершенно чуждыя его образу мышленія сужденія. Порою спохватываясь, онъ шутилъ — въ каждой шуткѣ есть доля правды, а на этотъ разъ и очень много — что если бы мы проѣхали вмѣстѣ еще нѣсколько дней, то изъ послѣдовательнаго соціалиста-демократа онъ превратился бы въ человѣка съ совсѣмъ инымъ порядкомъ мыслей. Натура его гораздо глубже и развитіе его гораздо шире, чѣмъ у тѣхъ солдатъ, съ которыми я бесѣдовалъ мѣсяца два назадъ тоже въ пути изъ Харькова въ Петроградъ, а потому и установившаяся духовная связь съ нимъ оказалась несравненно прочнѣе и длительнѣе, чѣмъ со спутниками въ сѣрыхъ шинеляхъ. Въ минуту экспансивности онъ мнѣ признавался, что въ первый разъ въ его жизни онъ видитъ такъ близко человѣка той категоріи, къ которой я принадлежу, и что, если бы онъ и ему подобные знали, что среди насъ много такихъ людей, какъ я, то не было бы той розни, того раздраженія, что вызвали революцію. Не льстили моего слуха эти слова, а звучали глубокимъ укоромъ: не въ первый разъ я подумалъ о пропасти, отдѣлявшей «насъ» отъ «нихъ», о привычномъ для «насъ» третированіи «ихъ» въ качествѣ почти неодушевленныхъ предметовъ, а если бы не революція, то и сейчасъ я не разговаривалъ бы съ Фаеромъ, такъ какъ это было въ «особомъ» вагонѣ II класса, прицѣпляемомъ то къ товарному поѣзду, то къ поѣзду большевицкаго «главкома» Антонова. И раньше, и особенно, когда былъ совсѣмъ молодымъ инженеромъ, я порой разговаривалъ съ рабочими съ нѣкоторой ласковостью и иногда веселостью, но позволялъ ли я имъ становиться на одну со мной плоскость? и не боялся ли я при этомъ того, чтобы они не положили и «ноги на столъ»? А почему при измѣнившихся условіяхъ я уже этого не боялся, а Фаеръ всѣмъ своимъ поведеніемъ доказалъ, что онъ пуще всего остерегается положить «ноги на столъ» и даже больше, чтобы во мнѣ не возникло къ тому опасеній?

По пріѣздѣ въ Петроградъ Фаеръ черезъ нѣсколько дней вернулся на югъ Россіи, и я уже больше никогда его не видѣлъ. Болѣе полугода спустя, когда я былъ въ Кіевѣ товарищемъ министра торговли и промышленности, профессіональный союзъ «Металлистъ» подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, крутого И. А. Кистяковскаго, арестовавшаго правленіе союза. Къ тому времени составъ правленія измѣнился, а Фаеръ почему-то былъ не въ Харьковѣ, а на Таганрогскомъ металлургическомъ заводѣ. Мнѣ передавали, что, узнавъ объ арестѣ состава Правленія, Фаеръ убѣждалъ своихъ не арестованныхъ товарищей, что

очевидно я объ этомъ не знаю, что необходимо мнѣ телеграфировать, лучше даже поѣхать ко мнѣ въ Кіевъ, и что, разумѣется, я заступлюсь: прошло болѣе полугода, а вѣра не пала, невзирая на то, что я сталъ членомъ «буржуазнаго» и непопулярнаго правительства Лизогуба.

Доѣхавъ до Москвы, мы наняли на Курскомъ вокзалѣ какого-то человѣка перенести наши чемоданы до Николаевскаго (извозчиковъ тамъ не было) и тамъ съ трудомъ втиснулись въ вагонъ третьяго класса отходящаго на Петроградъ поѣзда. Ѣхали мы немногимъ болѣе сутокъ, но дорога была очень тяжела.

На полу во всѣхъ проходахъ, на скамьяхъ, полкахъ, столахъ, скрючившись сидѣли люди, тѣсно было настолько, что положительно нельзя было шевельнуться, отчего ноги отекали до разбуханія; къ тому же пассажиры, находившіеся на площадкѣ и на ступенькахъ, не позволяли закрывать двери — «все же немного изъ вагона на насъ тепло несетъ» — почему при сильномъ на дворѣ морозѣ морозило и въ вагонѣ, что особенно отзывалось на разбухшихъ ногахъ. Проѣхавъ Бологое, я уже перестал чувствовать свои ноги — они стали какъ деревянныя.

Коллективный договоръ былъ въ Харьковѣ заключенъ между «Сометалломъ» и областнымъ отдѣленіемъ «Металлиста», почему онъ еще подлежалъ утвержденію Центральнымъ Всероссійскимъ Правленіемъ профессіональнаго союза, а въ соотвѣтствіи съ этимъ я также выговорилъ вступленіе договора въ силу лишь по утвержденіи его совѣтомъ нашего «Сометалла». Фактически Центральное Правленіе его даже не видѣло, а приведенный Фаеромъ къ намъ въ «Сометаллъ» предсѣдатель Центральнаго Правленія «Металлиста», товарищъ Ивановъ, подписалъ его, не прочтя. Совѣтъ же «Сометалла», по разсмотрѣніи, его одобрилъ и утвердилъ.

Глава IV

ВОКРУГЪ ХАОСА

Прошли всѣ положенные созерцателями революціи сроки, а большевики не только не «падали», но напротивъ все тверже чувствовали почву подъ ногами. За четырехъ-пятимѣсячное господство они успѣли широко развить начатое при Временномъ Правительствѣ дѣло разложенія стараго государства и приступить къ конституированію новыхъ органовъ публичной власти, при чемъ въ ихъ работѣ стали уже принимать участіе и многіе изъ тѣхъ, что еще такъ недавно «саботировали».

Послѣ полуторамѣсячной угарной жизни въ Харьковѣ хорошо было отдохнуть среди кладбищенской тишины Петрограда, но что тамъ дѣлать и можно ли оставаться? На первыхъ порахъ управлявшіе капиталистическимъ государствомъ большевики уже стали проводить въ жизнь коммунистическую программу, сперва ощупью и боязливо, а потомъ все рѣшительнѣе и смѣлѣе, начиная съ Петрограда и затѣмъ распространяя на всю страну. Слѣдовательно, въ перспективѣ — или сотрудничество съ большевиками, или бездѣйствіе.

Мнѣ предлагали принять участіе въ организаціи взрыванія петроградскаго порта, задуманнаго французами для созданія затрудненій наступающимъ на Петроградъ нѣмцамъ, но и это дѣло мнѣ не подходило: я не вѣрилъ въ возможность возстановленія боеспособности арміи, а въ такомъ случаѣ уничтоженіе русскихъ цѣнностей мнѣ представлялось въ данномъ случаѣ по военнымъ соображеніямъ выгоднымъ, быть можетъ, для Франціи, но ни въ какихъ видахъ не для Россіи; между тѣмъ я не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто ставилъ «дружбу» съ французами выше интересовъ Родины.

Дѣлать въ Петроградѣ мнѣ было нечего, и я рѣшилъ выѣхать обратно на югъ Россіи, гдѣ были металлургическіе заводы, съ которыми я былъ связанъ моей дѣятельностью въ «Сометаллѣ», гдѣ находились рудники и главнѣйшіе заводы общества, въ которомъ я состоялъ членомъ Правленія. Къ тому же большевики неодобрительно относились къ моему нежеланію имъ платить налоги, а равно къ нѣкоторымъ моимъ отношеніямъ съ однимъ изъ петроградскихъ банковъ: все это вмѣстѣ взятое не обѣщало мнѣ даже тихаго житья въ Петроградѣ, а подходящей для меня работы, и тѣмъ болѣе, ждать не приходилось. Итакъ, я рѣшилъ выѣхать изъ Петрограда, но оказалось, что это не такъ просто, ибо въ ожиданіи прихода нѣмцевъ, Совѣтское Правительство предприняло эвакуацію, и для выѣзда требовалось особое разрѣшеніе.

Комиссаромъ по эвакуаціи Петрограда былъ назначенъ предсѣдатель Центральнаго Правленія «Металлиста» тов. Ивановъ, подъ канцелярію котораго отвели часть Маріинскаго дворца (зданіе Государств. Совѣта), куда я и отправился. Войдя черезъ лѣвую съ площади дверь, я повстрѣчалъ стараго въ сѣрой дворцовой курткѣ швейцара, котораго я зналъ, бывая иногда на заутренѣ подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ дворцовой церкви. Старикъ обрадовался посѣщенію нетоварища, возвращавшаго его къ прошедшимъ временамъ. Цѣпью одинъ за другимъ, какъ живые, прошли черезъ его сознаніе тѣни минувшаго, знатные и блестящіе сановники; ушелъ онъ мыслями въ безвозвратное, замолкъ, скатилась слеза ...

— А, впрочемъ, баринъ, пожалуйте! — взмахнулъ онъ рукой и пояснилъ — Неловко можетъ быть мнѣ, коли съ Вами увидятъ! — Поднялся я по знакомой уютной, съ какой-то интимностью лѣстницѣ во второй этажъ, долго блуждалъ тамъ, встрѣчая тысячи совѣтскихъ барышень; помню, проходилъ черезъ Екатерининскій залъ, гдѣ за овальнымъ столомъ засѣдалъ совѣтъ петроградской коммуны. Наконецъ указали мнѣ дверь въ кабинетъ товарища Иванова. Въ большой комнатѣ со стѣнами, украшенными портретами предсѣдателей Государственнаго Совѣта и въ томъ числѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, за солиднымъ и роскошнымъ письменнымъ столомъ хозяина не оказалось, и я подошелъ къ его личному секретарю, сидѣвшему за маленькимъ столикомъ въ противоположномъ концѣ комнаты. При видѣ меня молодой человѣкъ всталъ съ мѣста, обратившись ко мнѣ съ изысканной учтивостью и предложивъ сѣсть въ покойное кресло. Черезъ нѣкоторое время распахивается дверь, быстрыми шагами входитъ мастеровой, толстый мужчина въ пиджакѣ и въ высокихъ сапогахъ — комиссаръ Ивановъ — а за нимъ толпа просителей. Онъ меня не узналъ, почему — я ему пояснилъ, зачѣмъ и куда мнѣ нужно ѣхать — отказалъ; его забрасывали просьбами десятки голосовъ, и я отошелъ въ сторону; выгнавъ всѣхъ просителей изъ комнаты, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ членъ президіума совѣта комиссаровъ петроградской коммуны, что онъ торопится на засѣданіе для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, что ему некогда, но на мое замѣчаніе, что мнѣ все-таки надо ѣхать, неожиданно взялъ перо и, что-то наскоро написавъ, протянулъ мнѣ записку. Выйдя изъ комнаты и прочитавъ записку, я убѣдился въ томъ, что онъ дѣйствительно меня не узналъ (можетъ быть, и къ лучшему), а чтобъ отъ меня отвязаться, записалъ въ безпорядкѣ и безъ смысла нѣкоторыя запавшія въ его память мои слова, приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: «Внѣ очереди! Оказать содѣйствіе по проѣзду въ Харьковъ Члену Профессіональнаго Донецко-Криворожскаго согласительнаго бюро, В. А. Ауэрбаху.» То же фантастическое званіе было означено и въ самомъ разрѣшительномъ на выѣздъ свидѣтельствѣ, которымъ также предписывалось всѣмъ властямъ оказать мнѣ содѣйствіе. Такъ я и поѣхалъ въ качествѣ «Члена профессіональнаго Донецко-Криворожскаго Согласительнаго Бюро» съ документомъ, составленнымъ на бланкѣ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, за

подписью самого товарища Иванова, положительно недоумѣвая, какъ это могли мнѣ выдать такую бумагу.

Я вкратцѣ опишу мое путешествіе изъ Петрограда въ Харьковъ, длившееся съ невѣроятнымъ маршрутомъ 24 дня, такъ какъ въ дорогѣ пришлось быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ событій и повстрѣчать немало личностей, если не всегда самихъ по себѣ интересныхъ, то во всякомъ случаѣ характерныхъ для того времени.

Выѣхалъ я 22 марта/4 апрѣля вмѣстѣ со своимъ секретаремъ Наркисомъ Кирилловичемъ Брицкимъ и горнымъ инженеромъ И. И. Л., управляющимъ крупнымъ каменно-угольнымъ дѣломъ въ Донецкомъ бассейнѣ. Въ то время ходилъ между Петроградомъ и Москвою вагонъ Международнаго Общества, но не по Николаевской ж. д., а черезъ Вологду, доходя окружнымъ путемъ до назначенія въ 2 сутокъ.

Въ Москвѣ нужно было вновь хлопотать о разрѣшеніи на дальнѣйшій проѣздъ, однако, съ бумажкой за подписью тов. Иванова мнѣ было это нетрудно; черезъ 2 дня я уже имѣлъ разрѣшеніе отъ мѣстныхъ «властей» и билеты. Взявъ послѣдніе на вокзалѣ, я долженъ былъ, какъ было условлено съ моими спутниками, ихъ вызвать по телефону на вокзалъ, но оказалось, что образцовая московская телефонная сѣть уже поспѣла разстроиться, никто ее не ремонтировалъ, многіе абоненты могли еще вызывать центральную, но къ нимъ уже нельзя было дозвониться. Изъ за этого мы пропустили поѣздъ, но все къ лучшему. Это былъ послѣдній, вышедшій въ Харьковъ поѣздъ. Я видѣлъ, какъ съ этимъ поѣздомъ выѣхала бойкая женщина въ сибирской папахѣ, въ сѣрой шинели и большихъ сапогахъ, съ наганомъ за кушакомъ, называвшая себя громко и съ хвастовствомъ любовницей Антонова и везшая къ нему вагонъ съ ручными гранатами, пулеметами и еще чѣмъ-то. Но на вокзалѣ говорили, что и этотъ поѣздъ дальше Курска не пошелъ. Слѣдующій поѣздъ пустили уже только до Орла: вокзальный комиссаръ объяснилъ, что на Курскъ идутъ нѣмцы и что, вѣроятно, придется дня два пережидать въ Орлѣ, пока нѣмцевъ не отгонятъ (какъ теперь извѣстно, въ Курскѣ никогда нѣмцы не были, а дальше Орла поѣздовъ не пускали, потому что всѣ станціи были забиты безпорядочно бѣгущими подъ натискомъ германскихъ войскъ большевиками). Въ тотъ день нашъ знакомый говорилъ по телефону съ Харьковомъ, гдѣ ничего о нѣмцахъ не знали (это было, кажется, за нѣсколько часовъ до занятія его германцами, которое явилось для населенія полной неожиданностью, какъ мнѣ потомъ разсказывали). Въ связи со всѣми этими свѣдѣніями мы рѣшили, измѣнивъ маршрутъ, поѣхать черезъ Рязань, Воронежъ, чтобъ подъѣхать къ Харькову съ востока.

На Рязанскомъ вокзалѣ я встрѣтилъ проводника спальнаго вагона межд. о-ва, отъ котораго узналъ, что его вагонъ долженъ былъ слѣдовать «резервомъ» въ Ростовъ для починки и слѣдовательно пустымъ. Проводникъ согласился за нѣкоторое вознагражденіе впустить насъ въ вагонъ, какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ.

Сперва дорога была почти пріятной, а на станціяхъ было сравнительно спокойно, но въ Воронежѣ уже станція оказалась переполненной солдатами, бѣжавшими съ курскаго направленія черезъ Касторную. Говорили они, что Курскъ сданъ уже, но такъ какъ видъ у нихъ былъ сконфуженный, то мы этому не совсѣмъ довѣряли (впослѣдствіи оказалось, что мы были правы), почему обратились къ станціонному начальству: поѣзда дальше Касторной въ западномъ направленіи не шли, и мы рѣшили ѣхать до Лисокъ. Тамъ на станціи мы уже застали полный кавардакъ: всѣ пути были забиты воинскими поѣздами, кромѣ двухъ главныхъ; на вокзалѣ было тѣсно до крайности, въ буфетѣ все было начисто уничтожено, толпища солдатъ имѣли не сконфуженный, а озлобленный до ярости видъ. На одномъ изъ двухъ главныхъ путей стоялъ нашъ поѣздъ, а на другой вошелъ, остановившись передъ нами, санитарный

поѣздъ имени одной изъ Великихъ Княгинь. На стѣнкахъ вагоновъ были развѣш ны парусиновые плакаты съ надписью «Смерть буржуямъ!», а лежавшіе на койкахъ и вышедшіе на площадки больные и раненые слали намъ угрожающіе жесты и скверную брань, какъ будто это мы «буржуи» привели давившихъ ихъ нѣмцевъ.

Въ Лискахъ, какъ и на другихъ узловыхъ станціяхъ (Миллерово, Лихая и Звѣрево), поѣзда въ западномъ направленіи не шли, а станціонное начальство намъ говорило, что на двухколейныхъ линіяхъ убѣгающіе отъ «германо-гайдамацкихъ бандъ» большевики пускали поѣзда по обѣимъ колеямъ въ одномъ и томъ же направленіи. За невозможностью продвигаться на западъ, мы ѣхали тѣмъ же поѣздомъ все дальше и дальше на югъ къ Ростову. Въ Миллерово въ нашъ вагонъ вошелъ отрядъ вооруженныхъ людей подъ предводительствомъ какого-то комиссара изъ мастеровыхъ. Войдя въ наше купе, онъ строго спросилъ, съ подозрительностью насъ осматривая, откуда, куда и зачѣмъ ѣдемъ, нѣтъ ли оружія и пр., но наши отвѣты его повидимому не удовлетворили, почему онъ потребовалъ наши «документы». Увидѣвши въ заголовкѣ протянутой мною бумаги «совѣтъ народныхъ комиссаровъ», печать петроградской трудовой коммуны и прочтя мое новое и безподобное званіе Члена Профессіональнаго Донецко-Криворожскаго Согласительнаго Бюро, нашъ строгій комиссаръ досадливо замѣтилъ:

— Хуже нѣтъ такихъ документовъ! Вотъ и разбери, чи листократы, чи бѣглые каторжные?!

— Такъ кто жъ мы будемъ — листократы или бѣглые каторжные? — засмѣялись мы, а съ нами во весь ротъ и комиссаръ, строгое лицо котораго сразу превратилось въ добродушное и хорошее. Онъ махнулъ только рукой и пошелъ дальше.

Въ Новочеркасскъ мы пріѣхали вечеромъ. На путяхъ стояли поѣзда, нагруженные орудіями, пулеметами, снарядами, воинскими частями: вокзалъ имѣлъ видъ крѣпости, по ту сторону вокзала стояли орудія и пулеметы, дулами направленные на Ермаковскій спускъ, откуда ждали непріятеля — «кадетъ, калединцевъ и прочую сволочь» — городъ былъ въ рукахъ повстанцевъ. Сперва нашего поѣзда не хотѣли дальше пропускать, до производства тщательнаго обыска, но черезъ 10 минутъ неожиданно приказали немедленно отправляться, ибо поѣздъ могъ помѣшать военнымъ операціямъ на станціи.

На Дону въ борьбѣ между красными и бѣлыми казаками игралъ замѣтную роль донской артиллерійскій офицеръ Голубовъ, подъ командой коего, между прочимъ, былъ взятъ Новочеркасскъ въ февралѣ 1918 года. Этого Голубова я встрѣчалъ дважды въ моей жизни. Во второй разъ, приблизительно, — въ 1912 году, когда я былъ профессоромъ Политехникума, а Голубовъ студентомъ, въ первый же разъ — въ 1906 году, на Дальнемъ Востокѣ. Выйдя въ запасъ въ чинѣ поручика казачьей конной артиллеріи, Голубовъ поступилъ сперва рабочимъ, а потомъ сдѣлался горнымъ десятникомъ каменноугольнаго рудника Удзимихэ Китайско-Восточной ж. д., гдѣ я состоялъ въ то время Начальникомъ Горнаго Отдѣла, въ вѣдѣніи котораго среди другихъ рудниковъ былъ и Удзимихэ. Помню, что Голубовъ очень дружилъ съ атаманомъ отряда хунгузовъ (китайскихъ разбойниковъ) и что онъ участвовалъ въ составленіи подложныхъ документовъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, горнымъ штейгеромъ, котораго онъ впослѣдствіи выдалъ. Голубовъ — человѣкъ активный, боевой и вмѣстѣ съ тѣмъ примитивной, грубой организаціи.

Выйдя въ Ростовѣ изъ вагона, мы рѣшительно не знали, куда дѣваться, тѣмъ болѣе, что была уже ночь. По телефону съ вокзала говорить не разрѣшали. Бродя по улицамъ, случайно увидѣли доску на дверяхъ съ наименованіемъ «Продаметы» — на полу между столами конторы мы и заночевали.

Узнавши утромъ на вокзалѣ, что поѣзда на Таганрогъ не идутъ (мы стремились все время на западъ, хотя неукоснительно продвигались все дальше и дальше на югъ), мы рѣшили ѣхать моремъ на Бердянскъ или Геническъ, а оттуда поѣздомъ или на лошадяхъ въ Харьковъ.

Въ порту ничего утѣшительнаго мы тоже не узнали. Никакихъ пароходовъ нѣтъ, а пойдетъ только паровая баржа, но въ какомъ направленіи, еще неизвѣстно, такъ какъ въ революціонномъ портовомъ комитетѣ разногласія. Въ Маріуполѣ объявилась какая-то «пятерка», претендующая на суверенное господство надъ всѣми азовскими портами, тогда какъ въ Керчи или въ Севастополѣ (сейчасъ уже не помню) какая-то «девятка» признала «пятерку» самочинной и нарушающей цѣлостность управленія «девяткою» всѣми портами Чернаго и Азовскаго морей. Часть членовъ революціоннаго портоваго комитета, увѣренная въ побѣдѣ «девятки», высокій авторитетъ которой, по ея мнѣнію, не могъ вызывать ни въ комъ сомнѣній, находила нужнымъ дать паровой баржѣ назначеніе на Маріуполь и Бердянскъ, другая же часть, проявляя больше пессимизма, опасалась, что, разъ попавши въ Маріуполь, баржа попадетъ подъ вліяніе — «пятерки» и больше ужъ не вернется, и потому предпочитала направить баржу въ Ейскъ, гдѣ никакой опасности захвата не ожидали. Таковы были оффиціальныя объясненія, но, насколько можно было понять, были и болѣе глубокія причины безпокойствъ, возникавшихъ у комитета и лежавшихъ повидимому въ томъ, что флотъ былъ соціализованъ и фрахты поступали въ пользу револ.-порт. комитетовъ, состоявшихъ преимущественно изъ шкиперовъ, а при такихъ условіяхъ, разумѣется, нужно было съ чрезвычайной осмотрительностью выпускать судно изъ порта. Повидимому Ейскъ пересоціализацій не производилъ, а потому на отправкѣ туда баржи, пожалуй, всѣ члены сошлись бы, но зато въ этотъ «свободный портъ» ходили суда со всѣхъ «несвободныхъ портовъ» и, слѣдовательно, при большой конкуренціи тамъ дѣлать было нечего. Положеніе осложнялось тѣмъ еще, что приверженцы ейскаго направленія какъ будто подозрѣвали защитниковъ маріуполь-бердянскаго курса въ томъ, что они куплены маріупольской «пятеркой», почему первые были особенно склонны къ отстаиванію своихъ «принциповъ».

Казалось, что выхода нѣтъ изъ этого чрезвычайно запутаннаго въ экономическомъ, политическомъ и психологическомъ отношеніяхъ положенія, но на третій день судовая команда насъ успокоила, заявивъ, что сегодня же рѣшеніе будетъ непремѣнно принято, такъ какъ стоявшая на парахъ въ ожиданіи своей судьбы баржа израсходовала уже столько угля, что остатка едва хватитъ, чтобы дойти до ближайшаго порта, а въ Ростовѣ его почему-то купить нельзя (вѣроятно, не на что было, не собравши фрахта), и оказалось, что команда тонко понимала обстановку спора. Рѣшеніе было принято и притомъ баржу направили не въ Ейскъ и не въ Бердянскъ, а въ Таганрогъ; это не устраивало ни ту, ни другую части комитета, но при создавшихся послѣ трехдневнаго спора условіяхъ, когда угля уже почти не оставалось, такое рѣшеніе дѣйствительно стало единственно возможнымъ.

Всѣ три дня мы по очереди дежурили въ порту, чтобы не пропустить выхода баржи въ море. Три дня пришлось дожидаться возможности выѣхать изъ Ростова, но эти три дня нельзя считать потерянными для насъ безъ всякой пользы, такъ какъ мы видѣли то, что, быть можетъ, больше не придется увидѣть.

Вечеромъ, кажется, 13 апрѣля, послѣ того, какъ было принято рѣшеніе направить паровую баржу и когда мы шли по центральной части Садовой улицы, неожиданно началась ружейная и пулеметная стрѣльба. Намъ нужно было пройти въ Правленіе Сулинскихъ заводовъ, гдѣ нашлись походныя кровати и гдѣ намъ разрѣшили ночевать. Оно помѣщалось на Садовой за Государственнымъ банкомъ по

направленію къ Нахичевани, но дальше Государственнаго банка пройти было невозможно. Мы пытались обойти оказавшуюся непроходимой часть Садовой, но и смежныя улицы оказались занятыми какими-то вооруженными винтовками и пулеметами людьми. До глубокой ночи мы тщетно бродили въ поискахъ свободнаго пути къ Сулинскому Правленію, но нигдѣ не пропускали, все время трещали пулеметы и тикали ружья — въ 2 часа ночи мы принуждены были опять пойти ночевать въ «Продамету» на Никольскую. Сперва въ городѣ никто не зналъ, въ чемъ дѣло, но къ ночи мы узнали, что осаждаются милиціонные участки анархистами, въ виду предпринятаго милиціей ихъ преслѣдованія. Видѣнные нами наступающіе анархисты были большей частью въ военной формѣ и съ военнымъ снаряженіемъ. Вооруженныхъ схватокъ между отдѣльными группами «вооруженнаго народа» и при отсутствіи общепризнанной и авторитетной власти, разумѣется, было множество по всей Россіи, но этотъ эпизодъ намъ показался любопытнымъ, потому что въ немъ сказалась мощь и организованность анархистовъ при слабости или попустительности носителей «государственной власти». На улицахъ мы слышали мнѣнія, что у большевиковъ были свои счеты съ городской милиціей*, а потому и не препятствовали выступленію анархистовъ. Какими бы ни были мотивы, фактъ былъ на лицо: «государственная власть» бездѣйствовала.

Когда въ этотъ день я съ И. И. Л. былъ еще въ порту и отъ бездѣлья обходилъ стоявшія у берега суда, то ко мнѣ обратился бравый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, безъ фуражки и безъ пальто въ холщевой рубашкѣ. Ѣдетъ онъ изъ Пензы въ Керчь и, дожидаясь парохода, живетъ въ матросскомъ кубрикѣ одной изъ стоящихъ въ порту баржъ. Онъ — «кадетъ», но проситъ объ этомъ никому не говорить — иначе разстрѣляютъ. — Неужели могутъ разстрѣлять такого маленькаго мальчика и при томъ только за то, что онъ носитъ кадетскую форму?

— Какъ кто? я самъ видѣлъ — и онъ намъ разсказалъ, какъ разстрѣливали маленькихъ мальчиковъ только за красный околышъ, за кушакъ съ кадетской бляхой. Преслѣдованіе кадетъ было тѣмъ болѣе безпощаднымъ, что «революціонный народъ» ихъ часто смѣшивалъ съ членами партіи к.-д., а между тѣмъ ихъ было легче обнаруживать, чѣмъ послѣднихъ. У бѣднаго мальчика не было другого платья, кромѣ кадетскаго, а потому онъ и выходилъ изъ кубрика въ одной парусиновой рубашечкѣ. Теперь онъ досталъ нитокъ и черную тряпку, обтянетъ ею околышъ, споретъ петлицы, и тогда будетъ не такъ опасно. Погоны все же не выброшены, а припрятаны въ карманѣ. Отъ предложенныхъ ему денегъ онъ отказался, но согласился ѣхать съ нами въ Бердянскъ — парохода въ Керчь нѣтъ, а въ Бердянскѣ, можетъ быть, окажется, къ тому же вмѣстѣ ѣхать веселѣе. Баржа отходитъ въ 7 час. утра. Мы обѣщали за Володей зайти за полъ-часа.

На пристани мы узнали, что для выѣзда изъ Ростова нужно особое разрѣшеніе. Повели насъ въ какую-то канцелярію. Разсмотрѣвъ данный мнѣ въ Петроградѣ тов. Ивановымъ документъ, «барышня» отказалась намъ написать разрѣшеніе на томъ основаніи, что согласно документа мы ѣдемъ въ Харьковъ и, слѣдовательно, вообще намъ нечего дѣлать ни въ Таганрогѣ, ни въ Ростовѣ даже.

— Но что же намъ съ собой дѣлать, если въ Таганрогъ не пускаютъ и въ Ростовѣ оставаться нельзя?

— Поѣзжайте въ Харьковъ черезъ Звѣрево.

— Но отъ Звѣрева поѣзда на Харьковъ не идутъ!

---

* Она была организована Городской Управой, выбранной при Врем. Правительствѣ.

— Поѣзжайте въ Звѣрево и тамъ дожидайтесь, когда пойдутъ?! А впрочемъ обратитесь къ комиссару! —

Комиссара не оказалось, между тѣмъ утромъ баржа уходитъ. Мы уговорили барышню дать намъ бланкъ и заполнить его съ тѣмъ, чтобы мы могли его сами дать комиссару на подпись, если онъ «въ принципѣ» согласится на нашъ выѣздъ изъ Ростова. Получивъ заполненный бланкъ, мы обратились къ хранителю печатей, который, не замѣтивъ отсутствія подписи комиссара, стукнулъ по подушечкѣ, а потомъ по бланку. Комиссара мы такъ и не дождались, отсутствіе же его подписи было обнаружено уже только въ Таганрогѣ, но при наличіи круглой печати, пользовавшейся такимъ уваженіемъ «революціонной демократіи», особаго значенія этому придано не было, намъ выдали разрѣшеніе на слѣдующій этапъ и дальше мы уже получали разрѣшенія безпрепятственно.

Утромъ мы устроились на палубѣ баржи, но отошла она только въ полдень. День былъ тихій, утренній туманъ уже разсѣялся, и оставалась лишь чуть замѣтная мгла надъ морскою гладью. На кормѣ ровно и мирно постукивала машина, и баржа, почти не волнуя моря, медленно отмѣривала положенные ей четыре узла въ часъ. И небо, и море, и эта почти прозрачная мгла — все было сѣро и тихо, очень тихо. И все особенно казалось сѣро и тихо послѣ оставленныхъ на берегу злобы и вражды, стрѣльбы и крови. Мы точно растворились въ этомъ сѣромъ и тихомъ, и намъ стало какъ-то спокойно-спокойно.

Заварили мы чай, достали провизію, но Володя отказывался, отговариваясь тѣмъ, что сытъ. Съ трудомъ объяснили ему, что онъ не можетъ быть сытъ, когда мы уже больше шести часовъ на баржѣ, но, въ концѣ концовъ согласившись, онъ намъ объяснилъ, что привыкъ не ѣсть. Отецъ его — офицеръ, мать — сестра милосердія военнаго времени — пропали безъ вѣсти, а когда большевики закрыли пензенскій корпусъ, въ которомъ онъ учился, мальчикъ оказался выброшеннымъ на улицу. Имѣя ножъ и наборъ красокъ, онъ сталъ готовить игрушки, отъ продажи которыхъ не только жилъ, но прикопилъ нѣсколько десятковъ рублей для проѣзда въ Феодосію, гдѣ жилъ его дядя — табачный фабрикантъ. Извѣстій отъ дяди онъ не имѣлъ, но все же пустился въ путь. Поѣздъ, съ которымъ онъ ѣхалъ, былъ уже въ 7 верстахъ отъ Харькова, но попавъ подъ огонь «германо-гайдамацкихъ бандъ», вернулся въ Воронежъ, откуда мальчикъ пробрался въ Ростовъ. У него оставалось въ карманѣ всего 11 рублей: онъ разсчитывалъ за 7 рублей доѣхать до Керчи, а оттуда пѣшкомъ пройти въ Феодосію. По его мнѣнію, ѣда совершенно необходима именно во время пѣшаго путешествія, и для этого онъ предназначалъ остальные 4 рубля. Отказываясь отъ чая, передъ этимъ онъ уже два дня ничего не ѣлъ. А какимъ онъ выглядѣлъ бравымъ и бодрымъ мальчишкой!

Въ Таганрогъ мы пришли поздно вечеромъ. Провизіи у насъ не оставалось и мы хотѣли было отправиться ужинать въ городъ, нужно было и гдѣ-нибудь переночевать, но оказалось, что ночью воспрещалось передвиженіе по улицамъ. Къ тому же мы услышали, что готовится къ отходу въ Маріуполь военный корабль-траллеръ. Пришлось остаться въ порту. Просидѣли часа два на каменной портовой набережной, а становилось очень холодно.

— Ахъ ты милый! Да ты жъ замерзнешь! Пойдемъ ко мнѣ, погрѣешься! — обратился къ Володѣ большой, плечистый человѣкъ съ горбатымъ носомъ, при окладистой русой бородѣ и гордой осанкѣ, придававшей ему какую-то строгость и степенность, хотя голосъ его звучалъ необыкновенной добротой. Володя за нимъ послѣдовалъ на баржу въ матросскій кубрикъ. По просьбѣ Володи старый рыбакъ-матросъ согласился и насъ принять, прося только, чтобы мы прошли не сразу, а по

одиночкѣ. Далъ онъ намъ чаю, а Володю и накормилъ. Тепло и, невзирая на всю неприглядность матросскаго помѣщенія, уютно показалось намъ у старика. Долго и мирно мы съ нимъ разговаривали, просто и умно онъ обо всемъ отзывался. Съ Володей онъ обращался иронически, какъ со взрослымъ и даже спрашивалъ: «Вы офицеръ?» или «Вы женаты?». Володя сперва при такихъ вопросахъ запинался и краснѣлъ, а потомъ, инстинктивно почувствовавъ доброту старика, какъ-то сразу его полюбилъ, увидѣвъ въ его насмѣшкахъ теплую отеческую ласку.

Указавъ каждому изъ насъ мѣсто на выстроенныхъ въ три этажа парахъ, Володѣ старикъ сказалъ: «а вы, молодой человѣкъ, и на табуреткѣ посидѣть можете, а коли, разоспавшись, прислониться пожелаете, то вотъ» и онъ шлепнулъ ладонью по какой-то проходящей черезъ кубрикъ стойкѣ. Володя покорно сѣлъ на табуретку, а старикъ развернулъ тюфякъ, вытащилъ изъ подъ наръ сундучокъ, брякнулъ замкомъ, досталъ простыни, сшитое изъ лоскутковъ ватное одѣяло, подушку, постелилъ и, выпрямивъ спину, приказалъ Володѣ — «ну теперь раздѣвайся!». Володя сопротивлялся, видя, что старикъ, доставъ для него лучшее, что у него было, самъ ляжетъ просто на доскахъ, но тщетно: отказомъ онъ обидѣлъ бы старика. Едва Володя скинулъ платье и сапоги, какъ старикъ взялъ его какъ ребенка на руки, бережно положилъ, прикрылъ одѣяломъ, подтыкавъ его со всѣхъ сторонъ — «а теперь спи!» — погрозилъ онъ ему пальцемъ.

Едва мы всѣ заснули, какъ какой-то мастеровой попросилъ стараго матроса разрѣшить ему тоже переночевать въ кубрикѣ. Спать ему, очевидно, не хотѣлось, и онъ затѣялъ съ нами разговоръ. Принявъ насъ въ потемкахъ за мастеровыхъ, никакъ не могъ согласиться съ нашимъ намѣреніемъ пробраться въ Бердянскъ — «говорю вамъ, ѣзжайте въ Ейскъ! — тамъ — прохвесіональный союзъ и всенепремѣнно найдете работенку въ депѣ!» — «У насъ родные въ Бердянскѣ!» — «Да тамъ нечего дѣлать: все жъ лучше въ Ейскъ ѣзжайте!»

Часовъ въ 5 утра на военномъ суднѣ стало замѣчаться движеніе и, собравшись, мы стали выходить. «Съ Богомъ! Бывайте здоровы!» пожелалъ намъ старый матросъ. «Такъ куда ѣдете? въ Бердянскъ? Все равно въ Ейскъ переберетесь, потому тамъ въ депѣ работенку найдете!» — пробормоталъ сквозь сонъ мастеровой.

«Какъ можно, вольныхъ да на военный корабль!» — не хотѣли насъ принять, но потомъ, вспомнивъ, что судно «національзировано», впустили, предупредивъ, что кормить не будутъ, хотя бы мы нѣсколько дней пробыли въ морѣ. Провизіи у насъ не было, но не оставаться же изъ за этого. На фуражкахъ команды развѣвались георгіевскія ленты, офицеровъ не было, командный составъ выборный, причемъ командиръ, исполнявшій также и штурманскія обязанности, — изъ флотскихъ кондукторовъ.

Отшвартовались и быстро понеслись въ открытое море. Оно было мелкое, а траллеръ сидѣлъ глубоко: непремѣнно нужно было идти каналомъ. Вдругъ что-то заскрипѣло, изъ рубки слышно «стопъ!», «назадъ», «полнымъ ходомъ назадъ!», потомъ опять «стопъ», «впередъ» и т. д., но мы все стояли на мѣстѣ и такъ стояли до вечернихъ сумерекъ, невзирая на суету на кораблѣ, разныя команды, которыхъ никто не слушалъ, перебранки, сигнализаціи на берегъ, присланную помощь — маленькій безсильный портовый катерокъ и пр. и пр.

Днемъ подошелъ къ борту баркасъ, съ котораго къ намъ пересѣло нѣсколько матросовъ, восторженно привѣтствованныхъ тѣми, что уже находились на кораблѣ. Это были ихъ безъ вѣсти пропавшіе боевые товарищи. Для защиты отъ «германо-гайдамацкихъ бандъ» южнаго района Донецкаго бассейна былъ выдвинутъ матросскій отрядъ подъ предводительствомъ лихого большевицкаго полководца, фами-

лiи котораго не помню; немного позже мы съ нимъ повстрѣчались, познакомились довольно близко, прозвавъ его Пугачевымъ. Отрядъ, численностью въ 700 человѣкъ, потерпѣвъ рѣшительное пораженiе, распался, причемъ оставшiеся въ живыхъ бѣжали группами и въ одиночку. И тѣ, съ которыми мы вышли въ море, и тѣ, что подошли на баркасѣ, принадлежали къ одному и тому же отряду «Пугачева», но лишь въ разное время прибыли въ Таганрогъ. Радостныя встрѣчи, перечисленiе убитыхъ товарищей, разсказы о совершенныхъ подвигахъ героизма и объ обстоятельствахъ бѣгства, все это привело матросовъ въ такой пьяный экстазъ, что со стороны было ясно, что съ мели мы снимемся нескоро, и тѣмъ болѣе, что море продолжало спадать, и мы сидѣли въ мели уже тремя футами и при томъ кормой, поломавши при неумѣломъ маневрированiи винтъ. Мы попросили, чтобы насъ отправили на берегъ: часть матросовъ встрѣтила нашу просьбу недоброжелательно и почти грубо, другая же, изъ вновь прибывшихъ матросовъ, повидимому впервые насъ замѣтивъ и возмутившись тому, что мы могли оказаться на военномъ кораблѣ, распорядилась насъ немедленно высадить, и мы опять оказались на каменной набережной Таганрогскаго порта.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ пошелъ узнавать, не отходитъ ли какое нибудь судно, а я — поискать провизiи, т. к. сутки прошли, какъ мы ничего не ѣли. Нигдѣ нѣтъ хлѣба, ни провизiи. Подошелъ къ стоявшему на портовомъ пути воинскому поѣзду — то прибыла отступающая большевицкая артиллерiя. Въ одномъ изъ вагоновъ бородатый рослый солдатъ убираетъ лошадей.

— Землякъ, гдѣ бы тутъ хлѣба достать?

— Надо идтить въ городъ: тутъ нигдѣ не найдешь: Да и то — бишь сейчас лавки уже позаперты. А ты давно не ѣлъ?

— Со вчерашняго дня.

— Ну погоди! — и солдатъ полѣзъ за какимъ-то сверткомъ. Я предвкушалъ удовольствiе купить «солдатскаго (почему-то) чернаго хлѣба», но постигло двойное разочарованiе: Онъ досталъ изъ тряпки ломоть сухого пшеничнаго хлѣба — «вотъ все, что у меня есть» — и ни за что не захотѣлъ брать съ меня платы — «что ты родимый, нешто я его купилъ!» Чтобы не обидѣть добраго человѣка, я откусилъ, хотя съ трудомъ, кусокъ замерзшаго хлѣба, а «остальное» сказалъ «отнесу своимъ». — «Бывай здоровъ!» Но «мои» не захотѣли ѣсть: слишкомъ чувствовалось, что онъ лежалъ среди конскаго навоза.

Вечеромъ долженъ былъ отойти, еще неизвѣстно куда, минный заградитель передѣланный изъ плоскодоннаго, колеснаго пассажирскаго парохода: мы рѣшили съ нимъ ѣхать. Въ каютъ-кампанiи, приспособленной для помѣщенiя минъ, были убраны койки и мебель. Кромѣ того, были двѣ каюты, изъ которыхъ одна тоже совсѣмъ пустая, а въ другой была койка, короткiй диванчикъ и столъ. Для заболѣвшаго нашего спутника — И. И. Л. — мы сумѣли выговорить эту каюту; онъ улегся, а мы отправились въ городъ, конечно, пѣшкомъ.

Въ городѣ было сравнительно тихо. Я разговаривалъ по телефону съ директоромъ Таганрогскаго металлургическаго завода, что въ 7 верстахъ отъ города, зашелъ къ одному родственнику, который тоже говорилъ, что въ городѣ относительно тихо, отправился въ ресторанъ лучшей гостиницы вмѣстѣ съ Н. К. Брицкимъ и Володей, а потомъ и въ кафе, гдѣ, между прочимъ, видѣли любопытную пару, пьющую за столикомъ кофе: молодую съ округленными формами женщину въ сѣрой солдатской рубахѣ, такихъ же брюкахъ, высокихъ сапогахъ, сибирской папахѣ, стянутую въ поясѣ кожанымъ ремнемъ и черезъ плечи пулеметными лентами, и съ ней такъ же одѣтаго и такъ же снаряженнаго мальчугана лѣтъ двѣнадцати; у обоихъ въ рукахъ винтовки съ привернутыми штыками.

Гостиница была реквизирована подъ 7 эвакуированныхъ изъ разныхъ городовъ и съѣхавшихся въ Таганрогъ совдеповъ: всюду пили и ѣли въ изобиліи и бойко стукали на пишущихъ машинкахъ.

По возвращеніи на пароходъ, узнавъ, что онъ скоро отходитъ въ Ейскъ*, мы усѣлись въ рубкѣ за столъ на узкій диванчикъ, прикрѣпленный къ стѣнкѣ. Въ рубкѣ уже находилось нѣсколько другихъ пассажировъ.

Черезъ нѣкоторое время входитъ въ рубку матросъ, а за нимъ десятокъ его товарищей, съ шумомъ поставивъ къ ногамъ винтовки.

— Миръ честной компаніи — шаркнувъ каблуками, снявши фуражку съ георгіевскими лентами и наклонивши голову, сказалъ коренастый, средняго роста, крѣпкій, здоровый, съ сангвиничнымъ и грубымъ лицомъ, усатый брюнетъ. На груди его висѣло четыре георгіевскихъ креста и боцманская дудка.

— Позвольте представиться: бѣглый каторжный и георгіевскій кавалеръ, одинъ изъ зачинщиковъ бунта на Потемкинѣ, бѣжалъ въ Румынію; черезъ два года, не вынеся жизни на чужбинѣ, вернулся въ Россію, отдавшись въ руки царскаго правительства, Высочайше былъ помилованъ съ замѣною смертной казни каторжными работами на 20 лѣтъ, бѣжалъ изъ каторги, но пойманъ, съ объявленіемъ войны, припадая къ стопамъ Его Императорскаго Величества, молилъ дать мнѣ возможность пролить мою кровь за родину, за боевыя отличія получилъ георгіевскіе кресты всѣхъ четырехъ степеней, а про теперешнія мои дѣла еще рано разсказывать, прошу любить и жаловать! — Это и былъ Пугачевъ. По его командѣ матросы оставили въ углу винтовки и вышли изъ рубки, съ нимъ же остался только его помощникъ — тоже съ георгіевскими крестами на груди, и женщина въ косынкѣ, восторженно слѣдившая глазами за каждымъ его движеніемъ.

«Что вы замолкли? Пожалуйста, меня не стѣсняйтесь и разговаривайте» — обратился «Пугачевъ» къ пассажирамъ, все время, однако, переводя глаза съ одного на другого, а когда замѣчалъ, что пассажиры начинаютъ обмѣниваться фразами, то жаждя стать опять центромъ вниманія, начиналъ громко разсказывать своему помощнику и женщинѣ про свои подвиги во время службы, какъ монархіи, такъ и анархіи. Володя принесъ намъ чайникъ съ кипяткомъ, мы принялись пить чай, но сахара у насъ не оказалось. Хлопнулъ въ ладони «Пугачевъ» и выросшему, какъ изъ земли, матросу приказалъ достать на берегу сахару. Едва прошло 3—4 минуты, какъ вернувшійся матросъ высыпалъ на столъ больше фунта бѣлаго пиленаго рафинада, а подошедшій къ столу «Пугачевъ», будто защищая его отъ нашихъ нападеній, зло усмѣхнулся. — Ни, ни — не трогать! теперь мы будемъ съ сахаромъ, а вы пейте въ холостую! — Выпивши чаю «въ холостую», мы потянулись за портъсигарами, но они оказались пусты. Опять хлопокъ въ ладоши, и на столѣ появляются коробки съ дорогими папиросами. Взявъ одну, онъ какъ будто нечаянно роняетъ на полъ, а, закуривъ другую, замѣчаетъ: «ужъ какъ небось покурить хочется!» Невдалекѣ отъ меня лежала деревянная картонка, въ которой я надѣялся найти папиросы. Потянувшись за ней, я какъ то неловко ее взялъ, картонка упала на полъ, все содержимое высыпалось. Мой спутникъ, подбѣжавъ, положилъ на столъ бумажный свертокъ и потомъ принялся укладывать вещи обратно въ картонку, а «Пугачевъ», схвативъ свертокъ и увидѣвъ тамъ штемпеля и круглыя печати Союза Металлургическихъ Заводовъ, вызвалъ своихъ матросовъ и объявилъ насъ арестованными. — Вчера тоже такъ одинъ молодчикъ обронилъ изъ кармана бумагу, нагнулся

---

* Переѣзжая черезъ Азовское море въ Ейскъ, мы удалялись отъ нашей цѣли, но мы надѣялись, какъ на счастливую случайность, найти тамъ судно на Бердянскъ или Маріуполь.

ее поднять, но я — быстрѣе его, схватилъ и вижу — карта Россіи (не изъ путеводителя ли?) — очевидно шпіонъ, приказалъ ребятамъ вывести въ расходъ.

Испытующе посмотрѣлъ на меня и на пассажировъ: они отзывались одобрительно, довольные тѣмъ, что въ моемъ лицѣ уже найденъ громоотводъ для «пугачевскаго» сумасбродства и, слѣдовательно, отведена съ ихъ головъ грозившая имъ опасность, а въ глазахъ женщины — его спутницы — сіяетъ восторгъ.

— По какому праву у васъ могутъ быть печати, да еще круглыя?! Таковыя могутъ быть только у представителей совѣтской власти! Вы навѣрное не понимаете, какая это важная вещь, вы не знаете, какое я придаю значеніе печатямъ и какова ваша отвѣтственность?! — Про себя: — Что-то подозрительно! Да еще въ пути имѣетъ съ собой печати! — Опять ко мнѣ: — Вы имѣете документы, дающіе вамъ право хранить печати?

— Нѣтъ.

— А кто вы такой?

Я молча протянулъ бумагу тов. Иванова: онъ долго ее разсматриваетъ вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, сличаетъ мое безподобное званіе съ текстомъ печатей, къ счастью прочесть не можетъ гравированныхъ наизнанку словъ, и такъ какъ въ это время нашъ пароходъ уже отошелъ отъ берега, то «Пугачевъ» объявляетъ дознаніе прерваннымъ впредь «до установленія личности» по прибытіи въ портъ.

Вѣроятно, все это было главнымъ образомъ театральностью для позированія передъ публикой и передъ его экзальтированной поклонницей, но въ этой шуткѣ могла оказаться и маленькая доля правды.

По прибытіи въ Ейскъ «Пугачевъ» съ его компаніей получилъ какія-то свѣдѣнія: они сдѣлались совсѣмъ тихими и на насъ вниманія уже не обращали. Мы узнали, что черезъ нѣсколько часовъ нашъ «минный заградитель» отправляется въ Маріуполь, что насъ очень устраивало. Въ Ейскѣ было тихо, но мы слышали какіе-то смутные разговоры о приближеніи добровольцевъ. Закупивъ на базарѣ въ изобиліи прекраснаго бѣлаго хлѣба, яицъ, птицы, ветчины и пр., мы все это на извозчикѣ свезли на пароходъ.

Рано утромъ я вышелъ на палубу, какъ разъ въ то время, когда кубанскій берегъ Азовскаго моря уже окончательно скрылся, а донской еще не показывался. Судно мѣрно и плавно покачивалось на плоскихъ и широкихъ волнахъ. Ночью прикрывавшій море, какъ пуховымъ одѣяломъ, туманъ освѣщался задорно-веселыми лучами едва показавшаго свою макушку солнца. Надъ моремъ тихо, тихо и на суднѣ, но солнышко разбудитъ, начнется новый день, а можетъ быть и новая жизнь. Лучше или хуже она старой? Но гдѣ-то тамъ, еще далеко — будетъ новая жизнь.

«Пугачевъ» и его матросы держали себя незамѣтно, а при подходѣ къ берегу они даже совсѣмъ исчезли изъ виду. Во время высадки, узнавая ихъ по лицамъ, мы ихъ видѣли уже въ штатскомъ платьи, а оружіе ихъ повидимому было куда-то припрятано. Въ городѣ было совсѣмъ тихо, чинно и даже не попадалось «революціонныхъ» автомобилей. Потомъ мы узнали, что въ Маріуполѣ дня за три до нашего пріѣзда произошелъ мѣстный анти-большевицкій переворотъ. Произведенъ онъ былъ «фронтовиками» (вернувшимися съ фронта солдатами), вызванными къ этому жестокостями, грабежами и разгулами мѣстнаго большевицкаго комиссара, но произошелъ онъ совершенно неожиданно, какъ для побѣжденныхъ, такъ и для побѣдителей. Вотъ какъ намъ объ этомъ разсказывали: въ то время, какъ въ циркѣ происходилъ митингъ, во дворѣ, окружавшемъ циркъ, находились «для порядка» въ разныхъ пунктахъ до 30 большевицкихъ солдатъ; по какому поводу не помню,

одинъ изъ нихъ набросился на офицера-фронтовика, офицеръ выхватилъ у солдата винтовку, другіе четыре солдата попробовали стрѣлять, но нѣсколько солдатъ-фронтовиковъ отняли винтовки и у нихъ; имѣя же въ рукахъ 5 винтовокъ, послѣ кратковременной перестрѣлки, они обезоружили остальныхъ 25 большевиковъ, а выпуская съ митинга публику, отобрали и припрятанное у нея оружіе; черезъ полчаса въ рукахъ фронтовиковъ оказался уже пулеметъ, къ вечеру въ ихъ власти находился уже весь городъ, при чемъ ненавистные тираны были арестованы, впрочемъ, за исключеніемъ главнаго изъ нихъ, который успѣлъ бѣжать.

Но что же дальше? Благодарное фронтовикамъ населеніе признало за ними всю полноту власти, но они сами не знали, что съ ней дѣлать. Я какъ то былъ на собраніи гражданъ мужского пола, созванномъ фронтовиками въ томъ же циркѣ, и вынесъ впечатлѣніе въ совершенно обывательскомъ характерѣ этого возстанія: вся его идея заключалась въ устраненіи безчинствовавшихъ и безпокоившихъ комиссаровъ, но не имѣла абсолютно ничего творческаго. Дѣйствительно, вслѣдъ за переворотомъ въ городѣ установился внѣшній порядокъ, тишина и благопристойность, но сами побѣдители терзались вопросомъ — а что же дальше? — и не находя отвѣта, готовы были сдать власть каждому, кто сумѣлъ бы на него отвѣтить. Такъ они и поступили и даже забѣжавъ впередъ: услышавъ о продвиженіи австрійскихъ войскъ по Второй Екатерининской жел.-дор. линіи, они отправили къ нимъ на десятый день послѣ своей побѣды надъ большевиками депутацію съ предложеніемъ принять городъ подъ свое покровительство, на что, однако, австрійцы согласились лишь нѣсколько дней спустя.

За маріупольскими фронтовиками должно зачислить еще одну заслугу передъ населеніемъ города, но въ ней сказалась не больше какъ готовность къ самозащитѣ.

Въ Маріуполѣ мы прожили цѣлую недѣлю, помѣщаясь у нашихъ знакомыхъ въ ихъ просторномъ особнякѣ, стоящемъ на краю господствовавшей надъ портомъ и открытымъ моремъ возвышенности. 24 апрѣля, проснувшись и отдернувши занавѣску выходившаго на море окна, я увидѣлъ какое-то странное окружавшее Маріуполь кольцо: то были суда эскадры извѣстной въ то время на югѣ Россіи своими жестокостями анархистки Маруси Никифоровой. Давно уже передавались разсказы о чудесныхъ подвигахъ вышедшей изъ сельскихъ учительницъ анархистки и садистки, но это было новостью: Маруся во главѣ пиратской эскадры осаждаетъ Маріуполь, требуя внесенія до вечерней зари 6-ти милліонной контрибуціи подъ страхомъ снесенія города съ лица земли. Собраніе гражданъ постановило удовлетворить ея требованіе, прося лишь срока для сбора столь большой для города суммы, фронтовики же въ видѣ компенсаціи за терпѣливое ожиданіе предложили снабдить эскадру углемъ и продовольствіемъ. Предложеніе было принято адмираломъ въ юбкѣ и первымъ подошелъ къ берегу флагманскій корабль. Едва были сброшены концы и спущенъ трапъ, какъ фронтовики потребовали сдачи, подъ страхомъ разстрѣла корабля, изъ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи шестидюймовыхъ орудій. Всѣмъ обезпечивалось сохраненіе жизни ... и Маруся со своимъ штабомъ сдалась безъ выстрѣла. Мы видѣли, какъ ихъ вели изъ порта въ городъ. Что съ ней дальше стало, я не знаю, такъ какъ въ тотъ же день мы выѣхали изъ Маріуполя.

Судовъ, отходящихъ въ Бердянскъ, не было, движеніе по желѣзной дорогѣ совсѣмъ остановилось, почему мы рѣшили ѣхать по направленію къ Екатеринославу на лошадяхъ, прилично зная мѣстность и напередъ составивъ примѣрный маршрутъ; но новое затрудненіе — никто не захотѣлъ насъ везти. Наконецъ, найдя на базарѣ пріѣхавшаго изъ колоніи грека-крестьянина, уговорили его взять насъ съ собою. Оставивъ въ Маріуполѣ у нашихъ знакомыхъ Володю, деньги и наши че-

моданы, мы усѣлись втроемъ — четвертый возница — на плохенькую линейку, и не менѣе плохенькая лошадка насъ потянула, преимущественно шагомъ, по уваламъ и степямъ Екатеринославской губерніи.

Мы проѣзжали черезъ греческія, нѣмецкія и еврейскія земледѣльческія колоніи и русскія села, преимущественно въ двуконныхъ фурахъ. Отъ зари до зари продвигались на 100 верстъ, а порою тряслись и ночью.

Съ утра покрытые росою зеленые всходы выпрямляются подъ весенними лучами солнца, какъ будто съ гордымъ сознаніемъ творимаго ими важнаго дѣла — они хлѣбъ дадутъ человѣчеству — молодыя, нетронутыя, какъ улыбка ребенка, почки распускаются, говоря — смотрите на насъ и радуйтесь нашей свѣжести и чистотѣ, радуйтесь солнцу, міръ озаряющему, хвалите творца природы совершенной, славьте Бога, миръ міру давшаго ...

— А это что за канава и насыпи свѣжей земли?

— То наши греки защищали колонію отъ большевиковъ. Дважды отбили, такъ въ колонію и не пустили.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, грекъ продолжаетъ, объѣзжая три или четыре уже оплывшихъ земляныхъ кучки:

— Тутъ нѣмцы-колонисты поймали и убили комиссаровъ-конокрадовъ, тутъ же и схоронили.

Далеко слышна канонада: то — между Розовкой и Волновахой австрійцы, не неся урона, укладываютъ на зеленые всходы тысячу пятьсотъ тѣлъ храбро и безсмысленно шедшихъ на смерть матросовъ и рабочихъ, защищавшихъ подступы къ Донецкому бассейну.

Вотъ изъ оврага волками на насъ смотрятъ какихъ-то два оборванныхъ, босыхъ человѣка. Вотъ на той дорогѣ кучка австрійцевъ-военнопленныхъ пробирается къ своимъ.

Подхлестываетъ грекъ лошаденку: «Какъ бы плохо не было! смотрите!» — на горизонтѣ видна колымага съ десяткомъ какихъ то людей ...

Подъ высоко стоящимъ солнцемъ весело стрекочутъ не знающія вражды и войны птицы, радуясь свѣту, радуясь жизни. Переѣзжая при станціи Розовой Вторую Екатерининскую линію, мы повстрѣчали австрійскія войска. Мрачный у нихъ видъ — хорошо ли, что такъ глубоко зашли? — недалеко на востокъ къ Волновахѣ бой съ большевиками.

Въ Розовой мы хотѣли переночевать. Люди, боясь другъ друга, не хотѣли къ себѣ впускать какихъ-то странныхъ, не въ пору путешествующихъ. Однако, нашелся старикъ-еврей, знавшій еще въ шестидесятыхъ годахъ моего отца, когда онъ строилъ первый на югѣ Россіи большой, принадлежавшій «Французской компаніи» рудникъ въ Кураховкѣ.

Слѣдующую ночь мы провели въ Гуляй-Полѣ — въ столицѣ анархиста и разбойника Махно. Поздно вечеромъ, уже почти въ центрѣ этого большого, похожаго на городъ по своему устройству села насъ встрѣчаетъ недоумѣнными вопросами патруль вполнѣ «буржуазнаго» вида въ фетровыхъ шляпахъ и касторовыхъ пальто — откуда? что за фантазія путешествовать въ такомъ хаосѣ и въ такое время, когда всѣ воюютъ, хотя толкомъ даже никто не знаетъ противъ кого, съ кѣмъ и за что? какъ могли насъ пропустить окружавшіе село махновцы? какъ насъ не задержала обывательская стража? — Патруль проводилъ насъ тѣмъ не менѣе въ лучшую гостиницу, гдѣ мы прекрасно поужинали и выспались.

Гуляй-Поле, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желѣзной дороги и занятое главными силами Махно, было нарочито обойдено австрійцами. Махно же,

въ своихъ разсчетахъ не допускавшій этого, при первомъ появленіи австрійскихъ войскъ на станціи, спѣшно вышелъ со своими соратниками изъ села, побросавъ въ немъ много военнаго имущества, въ томъ числѣ и нѣсколько орудій. Предоставленное само себѣ населеніе зажиточнаго торговаго села образовало милицію для поддержанія внутренняго порядка и для отраженія возможныхъ натисковъ со стороны Махно, пославъ вмѣстѣ съ тѣмъ гонцовъ къ австрійцамъ, прося помощи, но австрійцы не торопились, а Махно почему-то и что-то выжидалъ. Храбрые обыватели полагали, что Махно боится ихъ пушекъ, но судя по тому, что мы свободно проникли въ село и безпрепятственно выѣхали изъ него на слѣдующее утро, получивъ письменные пропуски, какъ отъ обывательскаго комитета, такъ равно на окраинѣ села, куда ходилъ для этого мой спутникъ Наркисъ Кирилловичъ, и изъ «штаба» Махно, — позволительно думать, что причины были какія-то иныя.

Поздно вечеромъ 27-го апрѣля, поднявшись на водораздѣлъ, мы увидѣли вдали залитую электрическимъ свѣтомъ станцію Синельниково, откуда оставалось до Екатеринослава уже только всего 50 верстъ.

Едва мы вошли въ вокзалъ, какъ намъ бросился въ глаза плакатъ — «Bahnhofskommendant» — прошли по широкому коридору въ буфетъ — нигдѣ ни одного представителя «революціонной демократіи», нѣтъ толпищъ, ожидающихъ поѣзда, мирно сидятъ кое-гдѣ за покрытыми салфетками столами пассажиры и нѣсколько германскихъ унтеръ-офицеровъ; — вышли на платформу — тамъ мѣрно шагаютъ въ шлемахъ и съ винтовками въ рукахъ мрачные часовые ...

Вотъ онѣ — «германо-гайдамацкія банды!»

Съ французами

Владимира Майбородова

Rouge, blanc, bleu — les français sont de mauvais gueux. —

Швейцарская поговорка.

Осенью 1918 г. опять настали тревожные дни въ Одессѣ. Отдохнувшіе подъ защитою нѣмецкихъ войскъ, жители жадно ловили и передавали другъ другу всякаго рода слухи. Газеты сообщали о событіяхъ, которыя развертывались со сказочной быстротой. Крушеніе Германской и Австрійской Имперій отразилось и на насъ. Огромный край Россійской Имперіи – Украина, гдѣ находили себѣ пріютъ всѣ бѣжавшіе отъ большевиковъ и беззаботно, по сравненію съ обитателями Великороссіи, жили «граждане» Великой Украины, погружался въ состояніе анархіи, т. е. переходилъ подъ власть Петлюры.

Наконецъ, и въ Одессѣ петлюровцы «захватили власть». Произошло это автоматически, безъ особыхъ осложненій для города, но торжество побѣдителей было недолговременно; въ скоромъ времени добровольцы Гришина-Алмазова, подъ прикрытіемъ прибывшихъ въ портъ съ Салоникскаго фронта французовъ, выбили ихъ изъ города, и надъ Одессой послѣ долгаго отсутствія сталъ опять развѣваться русскій національной флагъ, а съ нимъ рядомъ тѣ-же цвѣта, но въ другомъ порядкѣ, – союзнаго французскаго флага.

Всѣ вздохнули свободно. Слава Богу, гроза миновала. Правда, при нѣмцахъ было спокойно, хорошо, даже очень хорошо, но на сердцѣ у каждаго было тогда что-то такое, что портило настроеніе. Люди праваго направленія скорбѣли о томъ, что живутъ-де они уже не въ Россіи, а въ какой-то Украинѣ, гдѣ распоряжаются нѣмцы; новые порядки, хотя и никѣмъ не заводились, а все шло по старому, т. е. какъ до революціи, но тѣмъ не менѣе измѣна союзникамъ, расчлененіе Россіи по нѣмецкому плану и т. д. – портили настроеніе. Лѣвые при гетманѣ, пользуясь полнымъ порядкомъ, тосковали объ утратѣ завоеваній революціи.

Тяготѣніе къ большевикамъ проявлялось ими открыто и, не столько приходъ французовъ, сколько крушеніе Германской и Австрійской Имперій и уходъ нѣмцевъ радовали ихъ. Съ приходомъ французовъ, по городу замелькали красныя шапки (шешіа) зуавовъ, небесно-голубыя шинели и рогатые шлыки пѣхоты. Зазвучала французская рѣчь; во всѣхъ кафе, ресторанахъ и другихъ мѣстахъ увеселеній замелькали кепи французскихъ офицеровъ; начались знакомства, разговоры, привѣтствія, – однимъ словомъ «альянсъ» полный.

Скоро за французами стали приходить греки. Но на нихъ какъ-то мало обращали вниманія; первую роль во всемъ играли французы; греки оставались въ тѣни, хотя количество ихъ все время увеличивалось. Почти каждый день приходили все новые и новые транспорты, войска выгружались, проходили на вокзалъ, двигались походнымъ порядкомъ по улицамъ города и своимъ видомъ успокаивали жителей, начинавшихъ было задумываться надъ непрочностью своего положенія при видѣ безобразящихъ по улицамъ пьяныхъ «пью-пью» и «зу-зу», т. е. пѣхоты и зуавовъ.

Прошло нѣсколько недѣль. За это время установилась «русская» власть на смѣну украинской. Стали назначаться должностныя лица на болѣе или менѣе отвѣтственныя мѣста, формироваться учрежденія и воинскія части. Однимъ словомъ, обычная картина, слѣдующая за «переходомъ власти» въ новыя руки.

Херсонскій губернаторъ предложилъ мнѣ занять мѣсто начальника уѣзда въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, въ которомъ еще орудовали петлюровцы, но куда должны были выступить французы. Я изъявилъ свое согласіе и сталъ ожидать. Совмѣстное дѣйствіе съ французами мнѣ улыбалось и казалось заманчивымъ. Предстояла возможность поближе ознакомиться съ нашими союзниками и побыть съ ними въ обстановкѣ весьма интересной.

Однажды вечеромъ, когда я уже былъ въ постели, зазвонилъ телефонъ. На мой вопросъ, сдѣланный въ тонѣ, по всей вѣроятности, не особенно любезномъ — «кто у телефона?» — получилъ отвѣтъ: «Херсонскій губернаторъ». Губернаторъ съ первыхъ словъ предложилъ мнѣ завтра быть къ 7 часамъ утра у него на квартирѣ, чтобы, получивши тамъ соотвѣтствующія инструкціи и предписанія, отправиться въ 8 часовъ утра на вокзалъ и вмѣстѣ съ французами ѣхать на станцію Колосовку, гдѣ будетъ находиться передовой французскій отрядъ, при которомъ я долженъ буду состоять въ качествѣ представителя гражданской власти до тѣхъ поръ, пока не представится возможность двинуться въ предназначенный для моей службы уѣздъ. Пожелавъ спокойной ночи, я повѣсилъ трубку и улегся въ постель. Различныя мысли тѣснились въ головѣ: что-то будетъ завтра, какія будутъ инструкціи отъ начальства и какъ примутъ меня французы.

На утро, съ небольшимъ количествомъ самыхъ необходимыхъ вещей, въ назначенный часъ я былъ у губернатора.

Почти одновременно со мною туда-же явились еще два незнакомыхъ мнѣ лица, одѣтыхъ въ военную форму, но безъ погонъ. Оказалось, что это тоже представитель гражданской власти и его помощникъ при другомъ французскомъ отрядѣ, направляющемся на станцію Раздѣльную. Къ намъ вышелъ губернаторъ; въ рукахъ у него были заготовленныя для насъ удостовѣренія, которыя мы должны были предъявить французамъ. Передавъ намъ эти удостовѣренія, онъ пожелалъ намъ счастливаго пути и попросилъ насъ сейчасъ-же ѣхать на Одессу-Товарную, гдѣ происходитъ погрузка войскъ, предупредивъ, что мы должны будемъ прибыть съ французскими войсками на указанныя намъ станціи, что за нами остаются еще петлюровскіе отряды, съ которыми французы ведутъ переговоры, но что въ скоромъ времени петлюровцы уйдутъ. Про обѣщанныя вчера инструкціи о томъ, въ чемъ-же именно заключаются наши обязанности — ни слова. Я напомнилъ объ этомъ. — «Какія тамъ теперь инструкціи», получилъ я въ отвѣтъ, и, какъ-бы желая смягчить рѣзкость своихъ словъ, онъ добавилъ — «Вы безъ всякихъ инструкцій поймете, что надо дѣлать. Телеграфируйте только мнѣ каждый день и копію Вашей телеграммы отправляйте также помощнику военнаго губернатора по гражданской части А. И. Пильцу. Мы Вамъ сообщимъ,

если что надо будетъ. А теперь до свиданья, счастливаго пути.» И пожавъ намъ руки, и проводивъ до порога, губернаторъ возвратился къ себѣ, — мы стали спускаться по лѣстницѣ.

Ѣдучи по дорогѣ къ Одессѣ-Товарной, я былъ настроенъ не такъ весело, какъ во время своего пути изъ дому къ губернатору: «петлюровцы», или, какъ я ихъ всегда называлъ, — «песиголовцы», испортили мое настроеніе. То обстоятельство, что регулярная армія, побѣдившая нѣмцевъ, вмѣсто рѣшительныхъ приказаній и дѣйствій, ведетъ какіе-то переговоры съ бандами, нарушившими законы божескіе и человѣческіе, занимавшимися грабежами и убійствами, ничѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ не отличавшимися отъ большевиковъ, возбуждало у меня сомнѣнія, и мнѣ невольно казалось, что добра отъ этого не будетъ. Ну, да что Богъ дастъ, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ? Съ такими мыслями я подходилъ къ станціи. Весь станціонный дворъ былъ занятъ войсками: стояли пѣхота, пушки и зарядные ящики артиллеріи, двуколки съ походными кухнями, всюду бѣгали французскіе солдаты, отдавали распоряженія и что-то исполняли. Картина обычная при погрузкѣ войскъ. Все это дѣлалось въ полномъ порядкѣ — не слышно было никакого крика, ругани, столь принятой въ обиходѣ нашихъ войскъ, никакихъ замѣчаній, все шло само по себѣ. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ на перронъ, грузилась кавалерія; вводили по очереди хорошенькихъ арабскихъ лошадокъ африканскихъ охотниковъ и устанавливали ихъ по мѣстамъ. За всѣмъ этимъ молча, съ трубкою въ зубахъ, съ краснымъ какъ фонарь носомъ, съ надвинутымъ на него кепи, въ холодной шинели, несмотря на большой морозъ, стоялъ старый офицеръ, какъ оказалось, подполковникъ Жэ — командиръ всего отряда. Видно, что онъ весь закоченѣлъ и ему такъ же холодно, какъ и солдатамъ, ожидающимъ очереди погрузки; мнѣ казалось, ему было-бы гораздо удобнѣе отправиться въ свой вагонъ и укрыться тамъ отъ пронизывающаго тѣло холода. Но, какъ я узналъ потомъ, онъ считалъ своимъ долгомъ оставаться на избранномъ для наблюденія мѣстѣ до того времени, когда послѣдній солдатъ его отряда вошелъ въ вагонъ. Тогда только онъ, наконецъ, вошелъ въ поѣздъ и, надѣвъ шубу изъ козьяго мѣха наружу, сталъ отогрѣвать свои закоченѣвшие отъ продолжительнаго, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, стоянія на морозѣ члены.

При моемъ появленіи на перронѣ, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ русскій офицеръ и спросилъ, что мнѣ здѣсь нужно; получивъ отвѣтъ, указалъ на молчаливую фигуру полковника. Я подошелъ къ нему, представился и предъявилъ ему свое удостовѣреніе.

Пробормотавъ что-то себѣ подъ носъ, не вынимая трубки изо рта, полковникъ Жэ кивнулъ головой и продолжалъ молча наблюдать за погрузкой. Я отошелъ въ сторону и, видя, что мнѣ дѣлать нечего, отправился искать офицерскій вагонъ, куда и поспѣшилъ укрыться отъ все усиливающагося мороза. Устроившись въ уголкѣ, я задремалъ, но вскорѣ былъ разбуженъ стоявшимъ предо мною русскимъ офицеромъ, который заявилъ мнѣ, что это вагонъ для начальника французскаго отряда и его штаба, и просилъ меня оставить мое мѣсто. Я молча протянулъ ему свой «мандатъ», и мы познакомились; оказалось, что это былъ одинъ изъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ отряду въ качествѣ переводчиковъ, и что онъ уже состоитъ при немъ нѣсколько недѣль. Я сталъ разспрашивать его о французскихъ порядкахъ, объ отношеніяхъ къ нашимъ офицерамъ и т. д.; на все получались самые удовлетворительные отвѣты. Командиръ Жэ—старый африканскій служака, не дуракъ выпить, любитель поухаживать, очень внимателенъ по отношенію къ русскимъ офицерамъ. Остальная компанія офицеровъ въ томъ-же духѣ; кор-

мятъ великолѣпно; пьютъ еще того лучше; всѣ веселы и беззаботны. Очень довольны, что пришли въ Россію, и думаютъ двигаться дальше по направленію къ Кіеву. Однимъ словомъ — настроеніе очень бодрое и всѣ довольны, что на ихъ долю выпало счастье быть первыми при возстановленіи порядка въ Россіи. Нашъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ группы офицеровъ во главѣ съ полковникомъ. Оказывается, что погрузка уже кончилась, что первый поѣздъ, съ маленькой пушкой и пулеметами на открытой платформѣ впереди, отошелъ уже для очищенія пути, такъ какъ по полученнымъ свѣдѣніямъ могло быть оказано сопротивленіе со стороны петлюровцевъ, и что скоро двинемся и мы. И дѣйствительно, пока съ шумомъ и смѣхомъ офицеры занимали мѣста, устраивались поудобнѣе, поѣздъ медленно двинулся, и мы покатили по линіи Одесса-Бахмачъ къ станціи Колосовка, гдѣ мы должны были расположиться на неопредѣленный срокъ.

Первое время ухо мое съ трудомъ улавливало знакомыя французскія слова въ слишкомъ быстромъ и непривычномъ произношеніи французскихъ офицеровъ; многія слова совсѣмъ не были знакомы и только съ большимъ напряженіемъ можно было понять, о чемъ говорятъ кругомъ. Какъ оказалось, все привлекало вниманіе иностранцевъ. Особенно поражались они комфортабельностью нашихъ вагоновъ. Обыкновенный вагонъ II класса, носившій на себѣ слѣды завоеваній революціи, казался имъ верхомъ удобства и комфорта. Падавшій все время снѣгъ, какъ нарочно, создавалъ картину, которую, очевидно, уже давно ѣхавшіе къ намъ французы рисовали себѣ въ своемъ воображеніи.

Первый вопросъ, съ которымъ обратился ко мнѣ полковникъ Жэ, былъ о томъ, — много-ли тамъ, куда мы ѣдемъ, медвѣдей. Мнѣ стоило большого труда увѣрить, что въ этихъ мѣстахъ про медвѣдей никто не слыхалъ, но что зайцевъ тамъ порядочно. Видно было, какое разочарованіе отразилось на его лицѣ, когда онъ услыхалъ это отъ меня. Когда-же я объяснилъ, что и снѣгъ, покрывающій все кругомъ толстымъ слоемъ, здѣсь также явленіе незаурядное, что это, очевидно, судьба нарочно устроила имъ такую картину зимняго ландшафта, чтобы сдѣлать иллюзію похода французовъ въ Россію въ 1812 году, онъ отнесся съ недовѣріемъ къ моимъ словамъ, рѣшивъ, очевидно, что я или плохо знакомъ съ условіями русской дѣйствительности, или умышленно искажаю истину, желая похвастаться, что у насъ все такъ же, какъ и въ Европѣ. Предложивъ еще нѣсколько вопросовъ о томъ, есть-ли на станціи Колосовка дрова, подходящія квартиры для людей, конюшни для лошадей и т. п., что касалось удобствъ предполагаемой стоянки, и, не получивъ отъ меня необходимыхъ свѣдѣній, полковникъ довольно раздражительнымъ тономъ спросилъ меня — «да были-ли Вы когда нибудь на этой станціи?» — и былъ очень недоволенъ, что я тамъ абсолютно никогда не былъ и удовлетворить его познанія въ интересовавшей его области не могу. — «Очень жаль» — высказалъ свою мысль разочарованнымъ тономъ полковникъ, — «я ожидалъ, что мнѣ дадутъ такого человѣка, который все знаетъ и своимъ вліяніемъ будетъ намъ полезенъ.» Я не сталъ увѣрять его въ томъ, что для представителя гражданской власти нужны другія познанія мѣстныхъ условій, быта, законовъ и обычаевъ, чѣмъ та узкая область, о которой говоритъ полковникъ и сталъ присматриваться къ офицерамъ штаба полка (état major du régiment), съ которыми мнѣ потомъ пришлось прожить въ самой тѣсной обстановкѣ много мѣсяцевъ.

Особенно выдѣлялся среди нихъ офицеръ высокаго роста, худой съ черною бородкой, — всѣмъ своимъ видомъ и фигурой удивительно похожій на Донъ Ки-

хота, но отличавшійся своею экспансивностью, живостью, веселіемъ и добродушіемъ, — это былъ лейтенантъ Шевалье-де-Шантепи, офицеръ связи.

Своимъ обращеніемъ, постоянными вопросами, на которые онъ совсѣмъ и не стремился получить отвѣтъ, онъ выражалъ свою любовь ко всему русскому и къ намъ съ русскимъ переводчикомъ офицеромъ въ томъ числѣ. Видно было, что онъ страшно счастливъ, что онъ въ Россіи, что для него это праздникъ и величайшая радость. Его шумная веселость и мелькавшая, чуть-ли не одновременно во всѣхъ углахъ вагона, фигура симпатичнаго лейтенанта наполняла вагонъ и заражала всѣхъ своимъ настроеніемъ.

Красавецъ докторъ Віолетъ сидѣлъ рядомъ со мной и только молча и любовно поглядывалъ на меня. Взаимная симпатія у насъ возникла съ перваго взгляда и не покидала насъ до самаго конца, къ сожалѣнію такого трагическаго и неожиданнаго для всѣхъ и въ особенности для браваго доктора.

Среди другихъ выдѣлялся еще третій офицеръ, небольшого роста съ длинными рыжими усами, съ постоянными шутками на устахъ, — адъютантъ полковника — лейтенантъ Жене. Выслужившійся изъ нижнихъ чиновъ, награжденный всевозможными знаками отличія, до почетнаго легіона включительно, уроженецъ той-же деревни, откуда былъ родомъ и командиръ — его сослуживецъ и спутникъ по скитаніямъ въ Африкѣ — лейтенантъ чувствовалъ себя хозянномъ положенія и правой рукой командира.

Имъ немедленно былъ организованъ обѣдъ, распредѣлены между всѣми порціи консервовъ и всего, что было въ запасѣ. За ѣдой начались непринужденные разговоры. Физіономія полковника расплылась въ широкую улыбку; шутки, смѣхъ и веселье охватили всѣхъ присутствующихъ. Центромъ вниманія и заботъ оказался я. Всѣ угощали меня наперебой, въ то же самое время стараясь объяснить мнѣ неслыханныя мною названія обыкновенныхъ предметовъ: — «вотъ это — обезьяна — singe», — говорилъ Шантепи, предлагая мнѣ коробку съ мясными консервами; — «а это — пинаръ», говорилъ Жене, протягивая мнѣ налитый до краевъ стаканъ краснаго вина.

Нашъ русскій офицеръ чувствовалъ себя за обѣдомъ, какъ рыба въ водѣ, — пинаръ, оніонъ и другіе техническіе термины были уже знакомы ему не только по названію, но онъ, очевидно, понялъ и оцѣнилъ и всю заманчивую ихъ сущность и воздавалъ имъ должное. Обѣдъ былъ конченъ, мы закурили трубки и стали обмѣниваться дружескими фразами. Никто изъ присутствующихъ, при всемъ желаніи выговорить мою фамилію, не могъ этого сдѣлать; узнавъ мое имя, всѣ стали называть меня просто Владиміръ, — подъ этимъ названіемъ я былъ извѣстенъ до самаго послѣдняго дня.

Пуская клубами дымъ и потягивая уже не простой пинаръ, а pinar de luxe, т. е. отличное бордо, спутники мои постепенно оставили разговоры и дружно начали пѣть хоромъ; бравурные, веселые мотивы пикантныхъ французскихъ пѣсенокъ, вмѣстѣ съ выпитымъ виномъ, подымали настроеніе. Il est cocu, le chef de gare, il est cocu, il est cocu, — пѣла компанія слова знакомой мнѣ, по описаніямъ французскаго фронта, пѣсенки. У каждаго изъ офицеровъ былъ свой любимый мотивъ, который онъ и затягивалъ увѣреннымъ голосомъ. Que je suis beau sergent fourrier, — былъ любимый номеръ нашего доктора; эта совершенно неприличная по своему содержанію, но замѣчательно красивая по мелодіи пѣсенка не сходила съ его губъ въ теченіе цѣлаго дня. И теперь, лишь только утихли слова пѣсни, воспѣвавшей бѣднаго начальника станціи, докторъ увѣреннымъ тономъ началъ свой любимый мотивъ: Que je suis beau sergent fourrier,

que je suis sergent fourrier, пѣлъ онъ; — J'aime savoir ou fourre le pied, j'aime savoir ou fourre le pied, — подхватилъ хоръ. И веселые звуки молодыхъ голосовъ, смѣшиваясь со стукомъ колесъ быстро идущаго поѣзда, наполняли душу радостью и бодростью.

Было такъ хорошо и пріятно среди шумнаго и молодого веселья и беззаботности. Забылись всѣ ужасы революціи и недавней петлюровщины. Присутствіе вѣрныхъ союзниковъ было неоспоримымъ доказательствомъ того, что все уже кончено, что съ ихъ помощью и содѣйствіемъ мы возстановимъ порядокъ и опять Россія займетъ подобающее ей мѣсто среди другихъ народовъ.

Особенно пріятно было чувствовать, что французы, наши вѣрные союзники, для которыхъ мы понесли столько жертвъ, не оставили насъ въ бѣдѣ; по первому нашему зову пришли къ намъ на помощь и охотно и радостно идутъ на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, лишь-бы заплатить намъ свой долгъ.

Задумавшись объ этомъ, я совершенно не обратилъ вниманія, что вмѣсто незнакомыхъ мнѣ мотивовъ французскихъ пѣсенъ, русскій капитанъ, пріятнымъ теноромъ выводилъ слова старой студенческой пѣсни — «отъ зари до зари — лишь зажгутъ фонари — то студенты толпами шатаются, они пьютъ и поютъ, и еще кое чѣмъ занимаются», — а французы дружнымъ хоромъ подхватывали: «веригу ли ди ля ля, веригу ли ди ля ля»... И казалось, что я опять переживаю прошедшіе студенческіе годы и нахожусь гдѣ нибудь на студенческомъ вечерѣ въ родной семьѣ своихъ студентовъ. Красныя зуавскія фески и необычные мундиры, казалось, для шутки и «веселости» надѣты подвыпившими студентами - коллегами. Общее веселье достигло апогея, когда тотъ-же капитанъ-переводчикъ запѣлъ слова малорусской пѣсни «гречаники». — «И твій батько и мій батько, вони були козаки, посидали середь хаты, тай напились якъ быки,» — выговаривалъ онъ, а остальные французы дружнымъ хоромъ подхватывали: «гопъ мои гречаники, гопъ мои мили» и т. д. «Гопъ, гопъ, гопъ,» — басомъ ухалъ бравый докторъ. Шантепи не выдержалъ и тутъ-же между диванчиками вагона пустился въ присядку. Такъ за короткій срокъ своего пребыванія въ Одессѣ научились французы веселиться по русскому. Полковникъ, откинувшись на спинку дивана, глядя на долговязую фигуру своего офицера, дрыгающаго ногами въ припадкѣ неудержимаго веселья и танцующаго русскаго «казачка», беззвучно хохоталъ, и отъ смѣха на его красный носъ катились слезы. Его адъютантъ Жене, не разставаясь со стаканомъ «пинаръ де люксъ», въ которомъ онъ мочилъ свои длиные усы, приговаривалъ «Карашо, карашо, ахъ карашо.»

Такъ проходило время. Наступилъ вечеръ, понемногу все стихло. Мы стали укладываться. Лежа рядомъ на диванчикѣ, мы съ докторомъ объяснялись въ любви.

— Ахъ, какъ я люблю Васъ, M-r Владимиръ, и все Русское! Какъ всѣ Вы милы, — говорилъ онъ. — Какъ все у Васъ хорошо. Я пробылъ у Васъ въ Одессѣ всего лишь три недѣли, но за это время я понялъ, что не любить Россію и русскихъ нельзя. Сколько у Васъ благородства. Весь укладъ Вашей жизни другой, чѣмъ у насъ. Насъ всѣ такъ радушно принимаютъ, оказываютъ намъ столько вниманія, заботъ. Повѣрьте, что дома мы бы не получили такого пріема и не испытали-бы такого отношенія, — продолжалъ онъ. — А Ваши женщины, — для нихъ можно съ ума сойти. Если я когда нибудь женюсь, я женюсь только на русской. Жизнь съ нею будетъ раемъ. Въ русской женщинѣ столько граціи, нѣжности и поэзіи, что она воплощаетъ въ себѣ весь міръ; и сколько у Васъ такихъ милыхъ дамъ и барышень. Тамъ въ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ стоитъ нашъ полкъ, въ ка-

ждой семьѣ одна лучше другой, всѣ наши офицеры уже влюблены и всѣ хотятъ жениться на русскихъ. Я такъ радъ, что попалъ въ Россію, мнѣ такъ бы хотѣлось остаться здѣсь подольше, чтобы увидѣть все поближе, научиться русскому языку и сумѣть понять душу такого великаго самоотверженнаго народа. —

Бѣдный докторъ и не чувствовалъ, какъ онъ близокъ къ выполненію своего желанія, что въ Россіи онъ останется навсегда.

— Ну, а что Вы скажете о большевикахъ? — спросилъ я его. — Какъ представляютъ себѣ ихъ французы? —

— Что такое большевики? — переспросилъ докторъ. — Большевки — это боши, — отвѣтилъ онъ. — Какъ пытались они задушить насъ на фронтѣ газами, разбить Парижъ изъ длинной Берты, такъ и теперь они дѣйствуютъ большевиками. Большевизмъ это тотъ-же удушливый газъ, который боши пустили на русскій народъ. О, это мы всѣ отлично понимаемъ. Борьба съ большевиками — продолженіе войны; поэтому то всѣ наши такъ охотно и пришли въ Россію. Какъ Вы видите, здѣсь столько молодежи, у всѣхъ у нихъ дома родные и близкіе, и всѣмъ бы имъ хотѣлось домой, но они видятъ — война еще не кончена, перенесена только на другой фронтъ. Мы, вѣдь, столько понесли жертвъ, намъ было такъ трудно, поэтому-то, чтобы покончить съ этимъ навсегда, мы должны довести дѣло до конца и уничтожить все зло, сдѣланное бошами. Боши — это такіе жестокіе, и мы ихъ такъ ненавидимъ, что будемъ бороться до конца, до полной побѣды. —

Мало по малу докторъ умолкъ, а потомъ и совсѣмъ заснулъ. Я дремалъ, стараясь не поддаваться сну. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ раздастся выстрѣлъ, произойдетъ нападеніе или что нибудь въ этомъ родѣ, со стороны петлюровцевъ, кишащихъ въ этомъ раіонѣ. Мнѣ были памятны ихъ дѣйствія передъ приходомъ французовъ и безцѣльная, жестокая перестрѣлка на улицахъ Одессы въ день прибытія союзнаго дессанта. Но, слава Богу, все было тихо, поѣздъ плавно катился по рельсамъ, вагоны покачивались и со всѣхъ дивановъ слышалось мирное похрапываніе спящихъ. На станціяхъ поѣздъ останавливался, кто-то ходилъ подъ окнами, разговаривалъ.

На одной изъ станцій я вышелъ и разговорился съ дежурнымъ по станціи. Онъ сообщилъ мнѣ, что передовой поѣздъ продвигается впередъ безъ препятствій, всѣ станціи по телефону сообщаютъ о готовности принять его, такъ какъ петлюровцевъ нѣтъ, — ушли въ сторону отъ полотна ж. д., въ глубь уѣзда. Я невольно спросилъ: «Ну, а у Васъ они были?» — «Какъ-же, — еще недавно стояли здѣсь, и только передъ Вашимъ приходомъ удрали.» — «Какъ-же Вамъ было съ ними?» — «Охъ, да и не спрашивайте. Это такая-же . . ., какъ и большевики, — кто хуже — и не знаю. Оба хуже», — добавилъ онъ улыбаясь. «Ну, да теперь конецъ — союзники пришли — всѣмъ имъ крышка. А то, знаете, просто обидно: большевики, петлюровцы — все грабятъ, реквизируютъ, разстрѣливаютъ, кто за кого — сами не знаютъ. А нѣмцы пришли — все къ себѣ домой тащатъ, какъ воры на пожарѣ. Пока они тутъ были, сколько добра увезли къ себѣ въ Германію, хлѣба, скота, свиней, гусей, — ничѣмъ не брезгали, все тащили. Аккуратный народъ, чисто работали».

Я вошелъ въ вагонъ, улегся на свое мѣсто и заснулъ. Проснулся уже, когда было свѣтло. Поѣздъ стоялъ, всѣ поднимались, зѣвая и потягиваясь; быстро выпили горячаго кофе и вышли на станцію. Оказывается, мы уже были на станціи Колосовкѣ. Цѣль нашего путешествія была достигнута, надо было выгру-

жаться и устраиваться. Полковникъ Жэ обратился ко мнѣ и предложилъ весьма сухимъ тономъ передать начальнику станціи, что онъ желаетъ быть устроеннымъ на квартирѣ лучше, чѣмъ начальникъ станціи. — «Понимаете-ли Вы, — я хочу быть помѣщенъ лучше, чѣмъ онъ,» — повторилъ полковникъ, указывая глазами на начальника станціи, молча стоявшаго тутъ-же. — «Скажите ему это.» — Такой тонъ меня удивилъ. Я понималъ желаніе полковника, но рѣзкая форма, въ которой оно было выражено, показалась мнѣ странной. Я передалъ начальнику станціи желаніе командира, но совершенно въ другой формѣ.

— Полковникъ увѣренъ, — говорилъ я, — что Вы, какъ начальникъ станціи, хорошо пріймете гостей и устроите ихъ соотвѣтственнымъ образомъ по квартирамъ. Они, вѣдь, совершили большой переходъ и устали послѣ войны, и я надѣюсь, что Вы дадите имъ хорошія квартиры. —

— Какъ-же, помилуйте, — мы уже все это устроили. Г. полковника разрѣшите просить ко мнѣ, а для другихъ г. г. офицеровъ найдутся мѣста у станціонныхъ служащихъ; только пусть извинятъ насъ, ради Бога, — мы здѣсь живемъ въ глуши, плохо и не можемъ имъ доставить большихъ удобствъ. —

Я передалъ слова начальника станціи полковнику и добавилъ, что то, что онъ мнѣ говорилъ въ началѣ, мною было выражено въ другой формѣ, что такая форма напрасно-бы обидѣла человѣка, который съ полною готовностью по собственному почину сдѣлалъ то, что отъ него требовали обстоятельства. На что полковникъ что то буркнулъ себѣ подъ носъ и сказалъ: — «я хочу, чтобы мэры всѣхъ окрестныхъ селъ явились сегодня-же ко мнѣ.»

Началась выгрузка. Скоро по всей станціи замельками фигуры зуавовъ, всюду ихъ встрѣчали, какъ дорогихъ гостей. Полковникъ Жэ со своимъ штабомъ и мною обошли всѣ помѣщенія и, видя, какъ принимаютъ людей, довольный отправился въ свою комнату устраиваться, а я пошелъ выполнять его распоряженіе о вызовѣ «мэровъ» сосѣднихъ селъ.

Какъ оказалось, ближайшая къ станціи волость состояла изъ нѣмецкихъ колоній. Такимъ образомъ предстояло на первыхъ-же шагахъ представить командиру «мэра» изъ ненавистныхъ ему бошей. Этому-то бошу я и послалъ съ нарочнымъ бумагу слѣдующаго содержанія: «предлагаю Вамъ по полученіи сего немедленно явиться на ст. Колосовку для полученія соотвѣтствующихъ распоряженій отъ командира отряда союзныхъ французскихъ войскъ. Копію настоящаго предписанія переслать въ передаточномъ порядкѣ въ ближайшія сосѣднія волости и предложить имъ немедленно исполнить то же самое.»

Отправивъ это предписаніе, я пошелъ съ лейтенантомъ Жене, который оказался распорядителемъ офицерской столовой (chef de popote), посмотрѣть, какъ устроился поваръ и какъ готовятъ обѣдъ. На запасныхъ путяхъ стоялъ вагонъ, въ которомъ помѣщалась столовая для ж. д. служащихъ, тамъ мы нашли во всеоружіи нашего повара Эка, который, устроившись, какъ дома, орудовалъ во всю. Ему помогала хозяйка столовой съ сестрой, съ которой они вели оживленный разговоръ, несмотря на то, что обѣ стороны владѣли только своимъ роднымъ языкомъ. Лейтенантъ Жене принялъ самое горячее участіе въ разговорѣ, пересыпая свои фразы словомъ «карашо» и подмигивая дамамъ, приходившимъ въ восторгъ отъ галантности кавалера. Скоро обѣдъ былъ готовъ, и къ нему собралась вся компанія. У всѣхъ были довольныя лица. Всѣ наперебой разсказывали, какъ они устроились, гдѣ кто размѣстился, у кого какіе хозяева. Особенно были рады тѣ, которые устроились по сосѣдству съ барышнями телеграфистками.

Экъ отличился на славу и подалъ намъ отличный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, которому всѣ оказали должное.

Соотвѣтствующее количество пипара и другихъ винъ оказало свое вліяніе, — опять начались безконечные разговоры и только, когда начало смеркаться, всѣ разошлись по домамъ.

Штабъ, въ томъ числѣ и я, остались жить въ вагонѣ. Каждый занялъ отдѣльное купе и устроился, какъ могъ. Прійдя къ себѣ, я немного разобралъ свои вещи, привелъ себя въ порядокъ, поговорилъ то съ однимъ — то съ другимъ и не замѣтилъ, какъ наступилъ вечеръ, и насъ опять позвали въ «попотъ» на ужинъ. Повторилась та же картина, что и за обѣдомъ, только на первое, вмѣсто закуски, подали бульонъ. Опять безконечные разговоры, передача впечатлѣній, вино, куренье и пѣсни. Пѣли всѣ весело, радостно и беззаботно. Полковникъ былъ доволенъ. Людей устроили, самъ расположился дѣйствительно лучше, чѣмъ начальникъ станціи, такъ какъ тотъ предоставилъ полковнику лучшую часть своей квартиры, — дрова и все, что нужно, оказалось въ изобиліи. Не прибыли только «мэры»; но про нихъ онъ совершенно забылъ. Досидѣвъ до полуночи, мы разошлись и спокойные, и довольные. Скоро всѣ уснули мертвымъ сномъ. Такъ незамѣтно прошелъ первый день.

Утромъ чуть свѣтъ кто-то робко постучался въ мою дверь, и послѣ моего приглашенія войти, въ купе вошло четыре или пять человѣкъ. Бритыя физіономіи, упитанный видъ, хорошее платье, все указывало на то, что это нѣмцы-колонисты. — «Мы къ Вамъ, господинъ начальникъ; прежде чѣмъ являться къ господину французскому командиру, мы хотѣли поговорить съ Вами. Какъ намъ быть?» Смущенный и нерѣшительный видъ былъ какъ-то несвойственъ обычно всюду чувствующимъ себя увѣренно и держащимъ себя съ достоинствомъ нѣмцамъ-колонистамъ.

— Въ чемъ дѣло, господа, — спросилъ я ихъ, — у Васъ что нибудь случилось? —

— Дѣло въ томъ, господинъ начальникъ, что мы — нѣмцы, и не знаемъ, какъ къ намъ отнесется командиръ французскихъ войскъ. Не будетъ-ли онъ насъ считать за германцевъ? Можетъ быть, Вы знаете что нибудь про это? Мы хотѣли Васъ просить доложить, что мы русскіе подданные и добросовѣстно выполняли всегда наши обязанности по отношенію къ отечеству — Россіи. И теперь мы готовы съ радостью выполнять всѣ требованія нашихъ союзниковъ.

По своей службѣ я зналъ отлично нѣмцевъ-колонистовъ. Видѣлъ ихъ и въ мирное время и внимательно наблюдалъ за ними во время войны. И могу сказать, что, если въ мирное время на меня, пріѣхавшаго на Югъ Россіи изъ центра, нѣмецкія колоніи производили впечатлѣніе государства въ государствѣ и первое время колонисты казались элементомъ чуждымъ и не сроднившимся съ русскимъ народомъ, то во время войны я на дѣлѣ убѣдился не только въ ихъ лояльности, но видѣлъ ихъ горячую любовь къ Россіи, преданность и вѣрность. Если въ мирное время нѣмцы позволяли себѣ уклоняться отъ отбытія воинской повинности, уѣзжая въ Америку или поступая въ народные учителя, то послѣ объявленія войны уклоненій отъ призыва въ войска почти не было. Не было также и дезертировъ изъ войскъ. Наоборотъ — всѣ въ высшей степени добросовѣстно являлись на службу и, какъ говорили мнѣ многіе офицеры, были отличными солдатами. Изъ жителей тѣхъ колоній, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло, поступившихъ въ войска, процентъ георгіевскихъ кавалеровъ былъ огромный. Оставшіеся дома всѣ военныя тяготы несли весьма добросовѣстно. Поставка въ войска лошадей, повозокъ, упряжи, сдача правительству хлѣба и другія обя-

зательныя повиности, возникшія вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, исполнялись примѣрно. Мало того, добровольныя денежныя пожертвованія на нужды войны, открытіе лазаретовъ, изготовленіе и отправка на фронтъ подарковъ, — все это указывало на то, что они вполнѣ пріобщились къ русской государственности и стали въ полномъ смыслѣ слова русскими подданными. Поэтому я сталъ успокаивать прибывшихъ, оказавшихся членами волостной земской управы въ полномъ составѣ съ предсѣдателемъ во главѣ.

— Вы, вѣдь, какъ и всѣ наши нѣмцы, происходите въ большинствѣ отъ выходцевъ изъ Эльзаса и Лотарингіи? — сказалъ я имъ. Поэтому вамъ надо съ первыхъ словъ объяснить это французамъ и выразить свою радость по поводу освобожденія этихъ странъ въ настоящее время. А затѣмъ, я увѣренъ, такъ какъ я хорошо Васъ знаю, что полковникъ на дѣлѣ убѣдится въ вашей полной лояльности, и все будетъ отлично.

Нѣмцы, поблагодаривъ меня за совѣтъ, ушли. Черезъ нѣсколько времени меня позвали къ полковнику Жэ.

— Вы знаете, тутъ есть боши, — заявилъ онъ мнѣ, когда я вошелъ въ дамскую комнату, занятую подъ канцелярію, гдѣ сидѣлъ полковникъ въ ожиданіи меня. Очевидно, это обстоятельство значительно смутило и внесло нѣкоторую тревогу въ душу полковника. — Я этого совершенно не ожидалъ и не былъ объ этомъ предупрежденъ, — говорилъ онъ. — Скажите мнѣ про нихъ все, что Вы знаете. —

Я объяснилъ ему, что на Югѣ Россіи болѣе ста лѣтъ тому назадъ были устроены колоніи изъ нѣмцевъ, болгаръ, сербовъ, грековъ и другихъ. Что за это время они сошлись съ Россіей, стали русскими подданными, принимали участіе въ войнахъ, которыя вела Россія, въ томъ числѣ и въ послѣдней Германской и т. п., что поведеніе изъ всегда было очень хорошее и что они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ русскихъ подданныхъ не русской національности. Да и происходятъ то они, вѣдь, отъ выходцевъ изъ Эльзаса и Лотарингіи.

— Какъ изъ Эльзаса? — переспросилъ меня недовѣрчиво полковникъ.

— Да, изъ Эльзаса и Лотарингіи, — и въ подтвержденіе своихъ словъ, я указалъ ему на картѣ на колонію по имени «Эльзасъ». — Вотъ Эльзасъ, вотъ Страсбургъ, а вотъ Ландау, — показывалъ я ему, — да и фамиліи у нихъ часто совершенно не нѣмецкія, напримѣръ Шевалье, Бартле и т. д., — продолжалъ я. Полковникъ былъ пораженъ и пріятно удивленъ.

— Я думаю, они намъ очень благодарны, что мы освободили отъ нѣмцевъ Эльзасъ и Лотарингію? — спросилъ меня полковникъ.

— Да, конечно, — отвѣчалъ я ему, — но, я думаю, что они будутъ болѣе Вамъ благодарны, если Вы ихъ освободите отъ большевиковъ и анархіи.

— Попросите сюда господина мэра и всѣхъ, кто съ нимъ, — сказалъ полковникъ своему адъютанту, и черезъ минуту комната наполнилась прибывшими. Переступая порогъ, предсѣдатель волостной управы надѣлъ на шею знакъ волостного старшины; старосты тоже прикрѣпили на груди свои знаки и приняли офиціальный видъ, съ какимъ обыкновенно они являлись по начальству при «старомъ режимѣ».

Предсѣдатель волостной управы выступилъ впередъ и, вторично поклонившись полковнику Жэ, произнесъ маленькую рѣчь, въ которой поздравлялъ его съ благополучнымъ прибытіемъ и выражалъ надежду на то, что французы установятъ здѣсь миръ и порядокъ и тѣмъ дадутъ возможность населенію заниматься мирнымъ трудомъ.

Полковникъ поблагодарилъ его за высказанныя пожеланія и первымъ дѣломъ спросилъ: — А правда-ли, что Ваши предки вышли изъ Эльзаса и Лотарингіи? — Очевидно, у него въ этомъ было сомнѣніе, и онъ рѣшился прежде всего провѣрить это.

— По большей части — да. Но есть и такіе, которые происходятъ отъ лицъ, вышедшихъ изъ самой Германіи, — добросовѣстно пояснилъ предсѣдатель.

— Но Вы русскіе подданные? Вы служили въ войскахъ? Вы были на войнѣ съ Германіей? — Продолжалъ задавать вопросы недовѣрчивый полковникъ.

Получивъ на все это утвердительные отвѣты, полковникъ успокоился и сталъ привѣтливо улыбаться. Физіономіи колонистовъ тоже прояснились и утратили строго оффиціальное выраженіе.

— А мой тѣтъ бришелъ изъ Эльзасъ, — сказалъ одинъ изъ старостъ — типичный колонистъ съ бритой физіономіей, произносящій «т», вмѣсто «д», какъ это обыкновенно дѣлается нашими нѣмцами.

— Та, и мой доже, — подтвердилъ другой.

Услыша это, полковникъ торжественнымъ тономъ объяснилъ присутствующимъ, что въ настоящее время Эльзасъ и Лотарингія освобождены отъ нѣмцевъ и присоединены къ Французской республикѣ.

Секретарь волостной управы, очевидно, вспомнивъ мое наставленіе, въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ изъявилъ живѣйшую радость по поводу этого событія. Полковникъ поблагодарилъ, и пріемъ мэровъ окончился. Пожавъ всѣмъ руку, полковникъ погрузился въ чтеніе служебныхъ бумагъ, а пріѣхавшіе нѣмцы вышли въ сосѣднюю комнату. Я вышелъ за ними. Нѣмцы окружили меня и стали выражать свое удовольствіе, что вышло все такъ хорошо, что они очень безпокоились и волновались, и что теперь имъ очень пріятно, что французы ничего не имѣютъ противъ нихъ и не считаютъ ихъ своими врагами.

Я спросилъ волостного писаря (или, какъ по новому именовался, секретаря волостной Управы), когда имъ получено мое предисаніе и посланы-ли копіи съ него въ сосѣднія волости. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что предписаніе пришло вчера поздно вечеромъ и что въ ту-же ночь сняты были копіи и отправлены въ разныя стороны во всѣ волости.

— Мы такъ давно не получали приказаній и не выполняли распоряженій настоящаго начальства, что для насъ было большою радостью исполнить Ваше распоряженіе, господинъ начальникъ, — добавилъ онъ.

Поговоривъ еще съ ними нѣкоторое время и выяснивъ настроеніе сосѣднихъ русскихъ селъ, я узналъ, что населеніе въ подавляющемъ большинствѣ устало отъ анархіи, что оно жаждетъ порядка и законности и что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода настоящей власти, такъ какъ преступный элементъ, надѣясь на безнаказанность, широко пользуется полученной свободой для совершенія всякихъ преступленій, и что мирнымъ жителямъ житья отъ нихъ нѣтъ.

— Этотъ Керенскій только шарлатанамъ далъ свободу, — говорили нѣмцы, — а намъ отъ этой свободы житья нѣтъ. Когда пришли германцы, то они трохи нагнали страху, и всѣ товарищи попрятались и сидѣли тихо, а при Петлюрѣ всѣ опять начали свои дѣла.

— Вѣдь сами посудите, изъ всѣхъ тюремъ, арестантскихъ ротъ и каторги вернулись арестанты и говорятъ, что теперь имъ свобода. Положимъ и вѣрно, что свобода: вѣдь, у насъ нѣтъ ни мировыхъ судей, ни слѣдователя, ни полиціи, — можно дѣлать все, что хочешь, и никто къ отвѣту не потребуетъ. Мы уже устроили при волости свою самооборону и своими силами держимъ порядокъ.

Иначе нельзя, — добавили они, какъ-бы извиняясь, и затѣмъ спросили меня: — А не потребуютъ-ли французы, чтобы мы сдали оружіе, какое у насъ есть и не запретятъ-ли имѣть свою оборону въ колоніяхъ? —

Я успокоилъ ихъ, что до прибытія властей судебныхъ и полицейскихъ они не должны ничего измѣнять въ своей организаціи, что оружіе у нихъ тоже отбирать не будутъ, но, что они обо всемъ происходящемъ должны доносить мнѣ и что отъ меня будутъ получать соотвѣтствующія распоряженія и указанія.

На смѣну нѣмцамъ стали появляться старосты и старшины съ писарями изъ другихъ сосѣднихъ волостей.

Всѣхъ ихъ я представлялъ полковнику, который спрашивалъ каждаго, на какомъ разстояніи отъ станціи Колосовки находится ихъ село, сколько въ немъ жителей и т. д. — вопросы, которые предлагаются офицерами, производящими развѣдку, а затѣмъ, пожавъ руку, отпускалъ домой. Я же всѣмъ имъ добавлялъ, что пришедшія французскія войска наши союзники и пришли къ намъ помочь установить порядокъ и законъ. Старосты молча вздыхали, охали и говорили: — «Якъ би то Богъ давъ! Хай имъ Богъ помогае!» — чесали затылки и, помявшись, шопотомъ спрашивали меня: — «А, чи не можно-бъ було послать до насъ у село солдатъ — душъ изъ пьять, шобъ арештувать де-кого, бо у насъ е таки, шо усимъ житья не даютъ» — и что если-бы этихъ людей удалить изъ села, то было-бы всѣмъ безопаснѣе и спокойнѣе. Я ихъ успокаивалъ тѣмъ, что скоро прибудетъ полиція и судебная власть и будетъ поддерживать порядокъ и производить разслѣдованія, и что все будетъ хорошо.

Старосты кивали одобрительно головами и, добавивъ — «а пока що, будемо звертаться до Вашей милости, якъ буде треба,» — уѣзжали домой разсказывать своимъ односельцамъ о прибывшихъ французахъ.

Такъ проходило время.

Прошло незамѣтно нѣсколько дней. Французскій полковникъ Жэ, видя, что окрестное населеніе совершенно спокойно, что относятся къ французамъ очень привѣтливо, что никакихъ недоразумѣній и осложненій не возникаетъ, сталъ довѣрчивѣе и менѣе офиціаленъ. Выразилось это, во первыхъ, въ томъ, что онъ пересталъ приглашать къ себѣ въ то время, когда я представлялъ ему мэровъ, — Смоленскаго. Смоленскій былъ солдатъ ихъ полка; послѣ 1905 года онъ бѣжалъ изъ Россіи, поступилъ въ иностранный легіонъ и, владѣя двумя языками — французскимъ и русскимъ, явился какъ-бы цензоромъ моихъ переводовъ командиру и внимательно слушалъ все, что я говорилъ пріѣзжающимъ людямъ.

Кромѣ того, полковникъ Жэ сталъ не читая ставить свою печать на отправляемыя мною по начальству каждый вечеръ телеграммы, тогда какъ первое время требовалъ перевода ихъ на французскій языкъ и внимательно вчитывался въ каждую фразу.

Прошло еще нѣсколько дней. Жизнь установилась и вошла въ норму. Каждый день изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ пріѣзжали крестьянскія должностныя лица, по мѣрѣ того, какъ до нихъ доходили, посылаемыя въ передаточномъ порядкѣ мои предписанія о прибытіи. За ними потянулись частныя лица; отсутствіе на мѣстахъ властей побуждало ихъ къ этому. Въ скоромъ времени пріемная командира отряда обратилась въ камеру земскаго начальника, такъ какъ съ утра до вечера въ ней толпились старосты, писаря и просители. Полковникъ скоро устранился отъ разговоровъ съ пріѣзжающими, передавъ это дѣло всецѣло мнѣ. Онъ лишь пріятно улыбался посѣтителямъ, пожималъ имъ руки и, покровительственно похлопывая меня по плечу, говорилъ — ça va bien, ça va bien, m-r

Wladimir, — а затѣмъ погружался въ чтеніе и подписываніе своихъ бумагъ. Я-же долженъ былъ выслушивать безконечныя жалобы, главнымъ образомъ заключавшіяся въ нарушеніи правъ собственности; успокаивалъ жалобщиковъ, обѣщая произвести строгое разслѣдованіе, когда прибудутъ на мѣста чины полиціи, и т. д.

Всѣ пріѣзжавшіе интересовались, когда-же установится настоящій порядокъ, прежніе — слѣдователь, мировой судья и другія мѣстныя власти. Вздыхали о прошломъ и съ умиленіемъ вспоминали о «старомъ режимѣ», когда не только жизнь, но и имущество каждаго пользовались неприкосновенностью. Яростно ругали Керенскаго, Петлюру, Центральную Раду, называя ихъ «злодіями», погубившими Россію, и говорили, что теперь они знаютъ, кого надо слушать и какъ надо себя вести, и просили лишь дать имъ «помочи», такъ какъ безъ посторонней «помочи» самимъ въ деревнѣ установить порядка нельзя, а если помощь будетъ вѣрная, то тогда мы со всѣми справимся легко, такъ какъ людей, которые ведутъ себя плохо, немного и всѣ они отлично извѣстны. Видно было, что всѣ жаждутъ порядка и спокойствія, — одинъ приходъ небольшого регулярнаго отряда войскъ внесъ успокоеніе, прекратились самоуправства, грабежи и насилія. Преступный элементъ присмирѣлъ и со страхомъ ожидалъ наказаній за свои подвиги. Благонамѣренная часть деревни успокоилась, подняла голову и возвысила свой голосъ. Сельскія общества стали устраивать у себя самооборону, постановлять общественные приговоры, въ которыхъ просили подвергнуть наказанію наиболѣе преступныхъ лицъ; былъ даже случай, когда въ одномъ приговорѣ сельскій судъ просилъ разстрѣлять нѣсколько человѣкъ своихъ односельцевъ. Сельскія власти стали сами прекращать самоуправства и задерживать попавшихся на мѣстахъ преступленія. Меня завалили всякими приговорами, прошеніями, протоколами. Все это приходилось разсматривать, разрабатывать по возможности сейчасъ-же и, въ случаяхъ особенно важныхъ, отправлять на распоряженіе губернатора, откуда никакихъ извѣстій не получалось.

Несмотря на то, что я каждый день посылалъ самыя подробныя телеграммы о томъ, что происходитъ на Колосовкѣ, и просилъ о скорѣйшемъ командированіи на мѣста властей судебныхъ и полицейскихъ и по временамъ запрашивалъ указаній по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, отъ губернатора никакихъ распоряженій не было. Я былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ.

Въ это время линія ж. д. ожила. Какъ-то, послѣ долгихъ переговоровъ по телефону съ Николаевомъ, пустили первый этапный поѣздъ изъ Одессы на Николаевъ. И затѣмъ, когда онъ благополучно прибылъ на мѣсто, открыли регулярное пассажирское сообщеніе между этими городами. Появились и на Колосовкѣ пассажиры, ѣдущіе и пріѣзжающіе изъ этихъ двухъ городовъ, стали привозить всякія новости, передавать слухи и т. д. Стало веселѣе, оживленнѣе. Время летѣло быстро — съ утра пріемъ посѣтителей, обѣдъ, опять пріемъ, ужинъ, разговоры съ пріѣзжающими съ поѣздомъ въ 11 ч. вечера изъ Одессы пассажирами, — и день законченъ.

Среди посѣтителей стали появляться не только жалобщики и просители, но и лица, желающія посмотрѣть французовъ, опредѣлить курсъ и попробовать почву. Такіе посѣтители не удовлетворялись разговорами со мною, а обязательно желали лично обратиться къ полковнику и отъ него услышать то, что ихъ интересовало.

Какъ то разъ явилось два типа, нервно настроенныхъ и рѣзко потребовавшихъ отъ нашего русскаго офицера, который ихъ первый принялъ, чтобы допустили

ихъ къ самому начальнику отряда, такъ какъ къ нему у нихъ есть личное дѣло. Просьбу ихъ исполнили. Войдя въ комнату, офицеръ доложилъ это полковнику Жэ, который попросилъ меня быть переводчикомъ и приготовился внимательно слушать, ожидая услышать какую нибудь серьезную жалобу.

Каждый изъ пришедшихъ старался первымъ начать разсказывать о своихъ дѣлахъ. Пришлось установить порядокъ, — младшаго я попросилъ замолчать; а того, который выглядѣлъ постарше и солиднѣй, спросилъ, въ чемъ его дѣло и что онъ хочетъ отъ полковника. Видъ его не внушалъ довѣрія; бѣгающіе изъ стороны въ сторону глаза, избѣгающіе смотрѣть на Васъ прямо, судорожное движеніе рукъ, которыя онъ не зналъ куда дѣть, и вообще какая-то нервность и ехидство во всей фигурѣ указывали на то, что пальца ему въ ротъ не клади.

На повторенный мною вопросъ онъ замялся, какъ-то хихикнулъ, а затѣмъ, оправившись, сталъ говорить, что у него собственно жалобы никакой нѣтъ, а пріѣхалъ онъ къ полковнику съ порученіемъ отъ всего села узнать, по какимъ законамъ теперь надо жить? Я сейчасъ-же попросилъ его предъявить свои полномочія. — Есть-ли у Васъ копія мірского приговора въ томъ, что Вы посланы всѣмъ обществомъ? — спросилъ я его и получилъ отрицательный отвѣтъ. Мой вопросъ смутилъ его. Уже менѣе развязнымъ тономъ онъ сталъ говорить о томъ, что онъ желаетъ знать, по какимъ законамъ надо теперь жить — по законамъ стараго режима — царскимъ, временнаго правительства, центральной рады, гетмана, Петлюры или новымъ-добровольческимъ? Выговоривъ все это, онъ успокоился, почувствовалъ себя увѣренно и, побѣдоносно посматривая на полковника, имѣлъ видъ побѣдителя. — Ну-ка, разрѣши загадку, — говорилъ онъ всей своей фигурой. Полковникъ переспросилъ меня еще разъ, когда я ему перевелъ все, что говорилъ пришедшій крестьянинъ, и затѣмъ сказалъ: — я тутъ ничего не понимаю. Скажите-же мнѣ, какая-же разница между всѣми этими законами? И по какимъ законамъ дѣйствительно надо имъ поступать? — Я объяснилъ кратко полковнику, что разница между законами стараго режима и всѣми изданными впослѣдствіи такая-же, какъ и между Инператорской могущественной Россіей и Россіей теперешней, раздираемой междоусобіемъ и анархіей.

— Такъ какъ-же Вы думаете отвѣтить этому философу? — спросилъ меня полковникъ. — Мы не можемъ посовѣтовать ему жить по законамъ Царя, — насъ обвинятъ въ реставраціи, — добавилъ онъ. Я отвѣтилъ, что вопросъ этотъ заданъ не съ практической цѣлью, по моему мнѣнію, а исключительно изъ желанія вывѣдать направленіе французовъ, чтобы потомъ на этой почвѣ вести агитацію противъ нихъ.

— Ну, тогда отвѣчайте ему, какъ знаете, — заявилъ полковникъ.

— Господинъ полковникъ передаетъ Вамъ, что французскіе войска пришли сюда для установленія порядка и безопасности жителей, и что всѣхъ, кто будетъ этому противиться, они будутъ привлекать къ отвѣту по своимъ законамъ французской республики. А въ русскіе законы онъ не вмѣшивается и совѣтуетъ Вамъ, пока-что, жить по закону Моисееву.

— Какъ по Моисееву закону? — съ недоумѣніемъ спросилъ прибывшій, не ожидавшій такого отвѣта.

— Очень просто, — соблюдайте, пока что, десять заповѣдей Моисея, а главнымъ образомъ тѣ, въ которыхъ говорится — не укради и не убій, — а затѣмъ, впослѣдствіи надлежащія власти разъяснятъ, какими еще законами надо будетъ руководствоваться. —

Свой отвѣтъ я перевелъ полковнику, тотъ молча кивнулъ головой, сдѣлавъ особо официальное лицо, и сухимъ тономъ спросилъ, указывая на другого: — а этотъ гражданинъ, что желаетъ? —

Первый посѣтитель, видя, что съ нимъ уже покончено, отошелъ въ сторону, что-то бормоча себѣ подъ носъ. — Це, значитъ, такъ по Моисееву закону кажите. — Видъ у него былъ сконфуженный; ясно было, что номеръ его не удался и ему нечего будетъ дома разсказывать про французовъ и про то, что они хотятъ. Видя такую неудачу своего «товарища», второй проситель, заикаясь и путаясь, началъ говорить о томъ, что онъ, наблюдая неправедный и нехристіанскій образъ жизни ихъ мѣстнаго священника, рѣшилъ обличить его въ этомъ и на дняхъ пришелъ къ нему въ домъ. — Якъ се такъ, казавъ я батюшци, що Вы наробили зъ дерева богивъ, та кланяетеся имъ и усимъ людямъ кажете то це Богъ, а у святому-же писаню сказано «не сотвори себѣ кумира». А еще саме главно Ісусъ Христосъ казавъ ученикамъ своимъ, коли на ныхъ зишла благодать Духа Святого, — даромъ получили, та и даромъ давайте, — а Вы же за всяку требу гроши правите — и за крещене, и за вѣнчане, и за похороны. Де же тутъ правда? Ви даромъ даете?

— Ну, а что-же батюшка Вамъ отвѣтилъ? — спросилъ я.

— Шо отвитивъ? — повторилъ онъ мой вопросъ возмущеннымъ тономъ. — По морди отвитивъ, — добавилъ онъ.

— А Вы, — что, — продолжалъ спрашивать я его.

— Мусивъ тикате, бо винъ дуже здорови. —

Я все перевелъ полковнику, тотъ улыбнулся и, сказавъ — mais il a raison ce curé — объявилъ, что разрѣшеніе такихъ жалобъ его не касается и ушелъ изъ комнаты.

— Полковникъ говоритъ, что Вы не довели дѣло обличенія вашего священника до конца, очевидно, Вы еще сами плохо знаете св. писаніе, такъ какъ тамъ вѣдь сказано, что, если тебя ударитъ кто по одной щекѣ, то подставь ему и другую.

— Ви скажите полковнику — хай винъ підставляе, а я трохи на ногахъ устоявъ одъ одного разу, — такъ уже бильшъ не хочу.

Аудіенція была окончена. За обѣдомъ полковникъ со смѣхомъ разсказывалъ, съ какими жалобами и вопросами являлись къ нему сегодня и какъ M. Wladimir разрѣшилъ ихъ. — Такъ что теперь мы должны жить здѣсь по заповѣдямъ Моисея, — и затѣмъ, обращаясь къ молодымъ офицерамъ, добавилъ: — смотрите, Вы, кажется, собираетесь нарушить одну изъ нихъ: все время сидите съ барышнями — телеграфистками, особенно Женс.

Познакомились мы и съ петлюровцами. «Petluriens», какъ ихъ называли французы, при нашемъ приближеніи исчезли, какъ дымъ, но въ одномъ изъ селъ или мѣстечекъ задержалась какая-то покинутая рота, командиръ которой, не зная, что ему дѣлать и куда дѣваться, рѣшилъ оставаться на мѣстѣ и ожидать.

Когда стало извѣстно о его существованіи, то, по порученію полковника, я вызвалъ его по телефону и предложилъ ему немедленно явиться на станцію Колосовку. Въ тотъ-же день онъ былъ у насъ и былъ страшно доволенъ, когда ему сказали, что самое лучшее — людей распустить по домамъ. Всѣ его «казаки» были набраны изъ сосѣднихъ волостей принудительнымъ порядкомъ и, получивъ разрѣшеніе, моментально разошлись по домамъ. Такимъ образомъ, вся территорія на разстояніи 100 верстъ отъ Одессы была совершенно свободна отъ петлюровцевъ и большевиковъ. Населеніе съ напряженіемъ ожидало установленія законнаго порядка, но онъ не приходилъ, такъ какъ присутствіе французскаго военнаго отряда, удерживая преступный элементъ отъ попытокъ престу-

пленій, являлось гарантіей лишь безопасности, но не могло собой замѣнить гражданскихъ властей, присутствіе которыхъ ощущалось все болѣе и болѣе необходимымъ и которыя, несмотря на мои непрекращающіяся о томъ просьбы, на мѣста не высылались.

Видя все это, не имѣя абсолютно никакихъ указаній свыше и не получая отъ своего начальства никакого отвѣта на мои бумаги и ежедневныя телеграммы, я рѣшилъ поѣхать въ Одессу и попросилъ на это разрѣшеніе полковника Жэ.

— Пожалуйста, поѣзжайте, — разрѣшилъ онъ, — я тоже считаю нужнымъ поспѣшить съ присылкой на мѣста должностныхъ лицъ, такъ какъ здѣсь все тихо и благополучно, а безъ властей не можетъ быть порядка, — я объ этомъ тоже буду писать своему начальству. Только пріѣзжайте поскорѣй, — мы всѣ такъ привыкли къ Вамъ, и намъ безъ Васъ будетъ скучно.

Вечеромъ, по случаю моего отъѣзда, пили шампанское, давали мнѣ всякіе совѣты — какъ надо повеселиться въ Одессѣ, и всѣ просили исполнить различныя порученія. Ко мнѣ присоединились два или три офицера, и на слѣдующій день мы выѣхали въ Одессу. Передъ отъѣздомъ адъютантъ снабдилъ меня удостовѣреніемъ, въ которомъ говорилось, что совѣтникъ по гражданскимъ дѣламъ при начальникѣ отряда полковникѣ Жэ ѣдетъ въ отпускъ въ Одессу и что всѣхъ просятъ ѣдущему оказывать полное содѣйствіе.

Пріѣхавъ въ Одессу, я обратилъ вниманіе на то, что жизнь города не только совершенно вошла въ норму, но стала еще болѣе кипучей. По улицамъ двигались густыми толпами пѣшеходы, экипажи, носились автомобили, бѣгалъ трамвай. Магазины были завалены товарами, какъ вновь привезенными изъ за границы, такъ и вытащенными изъ укромныхъ мѣстъ, куда они были припрятаны. Всѣ успокоились и увѣренно ждали лучшихъ временъ, думая, что французы прочно обосновались въ Одессѣ и помогутъ возстановить порядокъ въ Россіи.

Первымъ дѣломъ я отправился къ губернатору, который встрѣтилъ меня весьма привѣтливо и сказалъ, что онъ очень радъ, что у насъ идетъ все хорошо, что къ сожалѣнію на Раздѣльной совсѣмъ не то, — а вотъ у Васъ всѣ довольны, Вы сумѣли угодить и помѣщикамъ, и крестьянамъ, французамъ и нѣмцамъ. — Когда-же я доложилъ ему о необходимости прибытія на мѣста властей и на полное отсутствіе у меня какихъ нибудь указаній, какъ дѣйствовать и поступать, онъ отвѣтилъ — побывайте у А. И. Пильца, можетъ онъ Вамъ дастъ такія указанія и распорядится о выѣздѣ на мѣста властей, я же тутъ ничего не могу подѣлать. Поступайте такъ, какъ Вы это дѣлали до сихъ поръ; больше я Вамъ ничего не могу посовѣтовать. — Я откланялся и отправился къ А. И. П. — помощнику по гражданской части военнаго генералъ-губернатора Гришина-Алмазова.

Дождавшись своей очереди, я вошелъ въ кабинетъ. Навстрѣчу мнѣ поднялся худой, высокаго роста генералъ, одѣтый въ гражданскую форму Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Я представился, назвавъ свое имя и занимаемую должность. — Очень радъ съ первыхъ словъ нашего знакомства выразить Вамъ свою благодарность за Ваши умѣлыя и тактичныя дѣйствія; какъ французы, такъ и населеніе, Вами очень довольны, — я тоже самое. Каждый день аккуратно я получаю Ваши телеграммы и отлично Вами освѣдомленъ. Отъ лица службы благодарю Васъ.

Я поблагодарилъ за лестное мнѣніе и подробно доложилъ все то, что говорилъ Херсонскому губернатору.

— Подождите, пока мы еще ничего не можемъ подѣлать. Вотъ пойдутъ французы впередъ, тогда мы разошлемъ чиновниковъ, теперь мы уже подготовляемъ

кадры. Такъ же, какъ и губернаторъ, онъ въ дальнѣйшемъ посовѣтовалъ мнѣ поступать такъ, какъ я это дѣлалъ до сихъ поръ, говоря, что собственно ни въ какихъ указаніяхъ я не нуждаюсь, а въ каждомъ случаѣ соображу самъ, какъ дѣйствовать.

Пробывъ два или три дня въ Одессѣ, я, выполнивъ всѣ данныя мнѣ офицерами порученія, поѣхалъ на Колосовку. Тамъ все шло попрежнему, никакихъ перемѣнъ не было. Опять быстро замелькали дни, похожіе одинъ на другой по своему содержанію: пріемъ посѣтителей съ утра, обѣдъ, опять посѣтители, ужинъ, поѣзда изъ Одессы и Николаева, — вотъ обычное содержаніе каждаго дня. Но станція оживилась — нахлынули спекулянты, пріѣзжающіе изъ Одессы за хлѣбомъ, птицей и другими предметами продовольствія; юркіе евреи старались соблазнить французскихъ офицеровъ, — тѣ сначала обращались съ ними вѣжливо, а потомъ стали гнать ихъ во всю. Этихъ офицеровъ поражала назойливость пристающихъ къ нимъ евреевъ, желающихъ главнымъ образомъ поскорѣй отправить въ Одессу всякіе грузы.

— Теперь мы знаемъ что такое еврей — говорили офицеры.

— Les juifs allemands c'est affreux — восклицали они.

И въ спорахъ между собою ругали другъ-друга, говоря — tu es plus juif, que moi.

Пассажиры, ѣдущіе изъ Одессы и Николаева, тоже доставляли не мало хлопотъ: то у нихъ не было документовъ, удостовѣрявшихъ ихъ личности, то возникали съ ихъ стороны какія то претензіи. И со всѣмъ этимъ они являлись ко мнѣ.

Какъ-то разъ, рано утромъ, послѣ прихода поѣзда изъ Одессы, пришли два скромно одѣтыхъ господина и стали жаловаться на то, что, несмотря на имѣющіеся у нихъ билеты, ихъ выгнали вмѣстѣ съ другими изъ вагона ѣдующіе въ томъ-же вагонѣ сербы, и на ихъ мѣсто стали пускать за плату евреевъ спекулянтовъ.

Когда они это говорили, ко мнѣ подошли два одѣтыхъ въ форму сербскихъ офицера, какъ оказалось бывшихъ военныхъ австріяка, поступившихъ въ сербскіе добровольцы и, отстранивъ властнымъ жестомъ жалобщиковъ, на ломанномъ французскомъ языкѣ, стали увѣрять, что эти господа жалующіеся, никто иные какъ спекулянты, самовольно забрались въ ихъ вагонъ, откуда ихъ и попросили удалиться. Оба жалобщика, понявъ отлично, что говорили наши новые союзники, молча вынули свои бумажники и предъявили мнѣ свои удостовѣренія, изъ которыхъ было видно, что они морскіе офицеры — капитаны I ранга, ѣдутъ въ свои экипажи въ Николаевъ. Я, также молча, протянулъ эти удостовѣренія бравымъ добровольцамъ, которые, прочитавъ ихъ, страшно сконфузились и немедленно исчезли.

Погода все время стояла холодная, очень часто шелъ снѣгъ, и всюду навалило огромные сугробы; крѣпчавшіе морозы и снѣжный ландшафтъ создавали впечатлѣніе настоящей русской зимы. Полковникъ Жэ чувствалъ себя маленькимъ Наполеономъ среди снѣговъ Россіи и только посмѣивался, говоря, что я ихъ увѣрялъ, что у насъ на Югѣ Россіи совсѣмъ не такъ холодно. — Я не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день на насъ нападутъ медвѣди, такъ какъ ихъ M. Wladimir, очевидно, также не замѣтилъ, — острилъ полковникъ. Офицеры и солдаты переносили стужу, доходившую иногда до 15° и даже больше по Реомюру съ сильнымъ степнымъ вѣтромъ, очень легко; одѣтые въ легкія шинели, они прыгали и рѣзвились на морозѣ, какъ дѣти, — швырялись комьями снѣга, потирая покраснѣвшія отъ холода руки. Смѣхъ и пѣсни, все время раздававшіеся изъ теплушекъ, въ которыхъ они помѣщались, указывали на то, что они чувствовали

себя тамъ отлично. Хорошая пища и вино способствовали ихъ хорошему настроенію. Мѣстные жители были ими очень довольны и выражали имъ вниманіе свое по мѣрѣ силъ и возможности. Однажды изъ сосѣднихъ колоній прибыло нѣсколько подводъ, нагруженныхъ колбасами, окороками, саломъ и другими «свинствами». Это нѣмцы-колонисты привезли французскимъ солдатамъ гостинца. Все это было распредѣлено между всѣми ротами поровну. Взаимному удовольствію не было конца; радовались солдаты и офицеры, кушая отличную нѣмецкую ветчину, а еще болѣе радовались пріѣхавшіе нѣмцы, которыхъ соотвѣтствующимъ образомъ угостили и накачали пинаромъ и оніономъ. Особенно понравился имъ послѣдній, — крѣпкая виноградная водка произвела на нихъ неотразимое впечатлѣніе. Одинъ изъ старостъ попросилъ даже дать ему съ собой бутылку, такъ какъ онъ «пальной челофекъ» и ему надо — «лѣчиться», — а въ аптекѣ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ. — «Этотъ самогонка, — говорилъ онъ, — очень хорошій и на немъ мнѣ аптекарь сдѣлаетъ лѣкарство». Мы долго вспоминали невинную хитрость «больного» старосты.

Слухъ о пришедшихъ французахъ распространился по селамъ и деревнямъ очень быстро и далеко. Чуть не за полтораста верстъ изъ глуби Ананьевскаго и Тираспольскаго уѣздовъ, изъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовали петлюровцы, пріѣзжали старосты и писаря за инструкціями и просили насъ двигаться впередъ къ нимъ. Но мы оставались на томъ-же мѣстѣ неподвижно.

Я счелъ нужнымъ просить полковника разрѣшить мнѣ взять нѣсколько человѣкъ солдатъ и поѣздить съ ними по окрестнымъ селамъ. Съ одной стороны, мнѣ хотѣлось выяснить на мѣстахъ настроеніе населенія, такъ какъ пріѣзжающія по вызову на станцію сельскія власти и отдѣльныя лица отражали собой лишь настроеніе одной части «деревни», а мнѣ хотѣлось знать, что думаетъ вся деревня — вообще, въ цѣломъ; а съ другой стороны, я зналъ, что неподвижное сидѣніе на одномъ мѣстѣ безусловно не можетъ импонировать населенію, такъ какъ будирующій элементъ будетъ всячески стараться отмѣтить то обстоятельство, что французы дальше станціи «никуда носа не показываютъ». Полковнику эта идея понравилась, и онъ приказалъ одному изъ офицеровъ сопровождать меня съ небольшимъ отрядомъ въ моихъ поѣздкахъ.

Первое село, куда мы рѣшили поѣхать, это была ближайшая нѣмецкая колонія не то Рорштатъ, не то Вормъ. Я предупредилъ старосту, что завтра мы будемъ у нихъ.

На слѣдующій день часовъ въ 9 утра мы тронулись въ путь. Кромѣ меня и офицеровъ, поѣхало человѣкъ десять конныхъ зуавовъ. Былъ яркій солнечный день и небольшой морозъ. Наши лошади шли дружно и охотно. Настроеніе у насъ было радостное; такъ пріятно было проѣхаться верхомъ по хорошей дорогѣ послѣ долгаго сидѣнія на мѣстѣ. Оживленно разговаривая и мѣняя аллюры, мы не замѣтили, какъ прошли большую часть пути.

Неожиданно на горизонтѣ показался небольшой конный отрядъ, который на рысяхъ стройными рядами быстро шелъ намъ на встрѣчу. Французскій офицеръ тревожно посмотрѣлъ на меня, задерживая ходъ своей лошади. Солдаты стали переглядываться. — Petlouriens — отвѣтилъ я ему и самъ быстро поѣхалъ впередъ, будучи увѣренъ, что это нѣмцы выѣхали намъ на встрѣчу, желая показать свое вниманіе. Я не ошибся, — ѣхавшій впереди всадникъ, увидя меня, пошелъ карьеромъ на встрѣчу и, осадивъ на полномъ ходу превосходнаго рыжаго жеребца, посѣдланнаго кавалерійскимъ сѣдломъ, поздравилъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ и затѣмъ добавилъ на отличномъ русскомъ языкѣ, —

имѣю честь представить Вамъ конный отрядъ нашей самообороны. — Я пропустилъ отрядъ мимо себя, поздоровавшись съ ними; на что они дружно — по военному отвѣтили — «здравья желаемъ, Ваше Превосходительство». Подъѣхавшіе французы, съ восторгомъ смотрѣли на отличныхъ нѣмецкихъ лошадей, здоровыхъ и хорошо одѣтыхъ людей, ловко сидѣвшихъ въ сѣдлѣ.

Мы двинулись впередъ, начальникъ обороны поѣхалъ рядомъ со мною, а отрядъ его — сзади ѣдущихъ съ нами конныхъ зуавовъ. Скоро мы были въ колоніи. Населеніе многолюдной колоніи все вышло намъ на встрѣчу и привѣтливо, и радостно кланялось намъ при нашемъ приближеніи. Мы скоро подъѣхали къ большому зданію, какъ оказалось впослѣдствіи, школѣ для глухонѣмыхъ, около которой насъ ожидали мѣстныя власти.

Предсѣдатель Волостной Управы, со знакомъ волостного старшины, привѣтствовалъ насъ небольшою рѣчью и благодарилъ за честь, которую имъ оказали своимъ посѣщеніемъ. Мѣстный пасторъ, на хорошемъ французскомъ языкѣ, также говорилъ привѣтственную рѣчь, обращаясь къ французамъ. Тѣ были страшно поражены, услыхавъ родной языкъ въ глубинѣ русскихъ степей. Насъ попросили въ домъ. Завѣдующій школой счелъ долгомъ показать намъ свою школу, проведя по всѣмъ ея классамъ, и затѣмъ привелъ въ свою квартиру, гдѣ стоялъ накрытый столъ. За обѣдомъ мѣстные жители разсказывали намъ, сколько имъ пришлось пережить во время революціи отъ большевиковъ и какъ ихъ быстро успокоили пришедшіе нѣмцы; а затѣмъ опять то же повторилось при уходѣ нѣмцевъ и прибытіи петлюровцевъ, которые абсолютно отъ большевиковъ ничѣмъ не отличаются, и при которыхъ, чувствуя себя безотвѣтственнымъ, преступный элементъ дѣйствуетъ не стѣсняясь, и что только, благодаря учрежденной самооборонѣ, они смогли защитить себя и свое имущество отъ полнаго разграбленія. За разговорами время проходило быстро, стало смеркаться, и мы поспѣшили домой. Поблагодаривъ за любезный пріемъ, мы взобрались на нашихъ коней и двинулись въ обратный путь. Зуавовъ угостили на славу; покачиваясь отъ выпитаго вина, они обмѣнивались впечатлѣніями отъ посѣщенія колоніи, удивляясь ея благоустройству и богатству жителей.

Пріѣхали мы, когда уже было темно и всѣ сидѣли въ попотѣ. Когда мы появились тамъ, полковникъ, здороваясь съ нами, сказалъ: — а я уже безпокоился. не напали-ли на васъ медвѣди. — Ѣздившій со мною офицеръ подробно разсказалъ ему о своихъ впечатлѣніяхъ отъ поѣздки, особенно поразила его привѣтственная рѣчь пастора и радушный пріемъ.

— Когда-же мы поѣдемъ еще куда-нибудь? — спросилъ онъ меня, окончивъ свой докладъ.

— Очень скоро, — отвѣчалъ я ему. — Послѣзавтра поѣдемъ въ Мостовое. Я назвалъ ему большое торговое село, находившееся верстахъ въ 18 отъ нашей станціи. — Только туда надо взять побольше людей, — добавилъ я, — такъ какъ не знаю, какъ насъ тамъ встрѣтятъ.

Полковникъ тутъ-же распорядился, чтобы все было готово къ нашей поѣздкѣ, и приказалъ взять съ собою взводъ «chasseurs d'Afrique». Проведя слѣдующій день въ обычныхъ занятіяхъ, мы улеглись пораньше спать, чтобы какъ слѣдуетъ отдохнуть передъ предстоящей поѣздкой въ с. Мостовое.

Проснувшись рано утромъ и наскоро выпивъ кофе, мы сѣли на поданныхъ намъ лошадей и отправились на ферму, находящуюся приблизительно въ верстѣ отъ станціи. Тамъ стоялъ эскадронъ кавалеріи. Отъ этого эскадрона былъ назначенъ взводъ для поѣздки съ нами въ Мостовое.

Командиръ эскадрона и два офицера ожидали насъ съ завтракомъ, послѣ котораго мы пустились въ путь. Съ нами поѣхалъ одинъ ихъ офицеровъ эскадрона и русскій переводчикъ при этомъ эскадронѣ, царскосельскій гусаръ князь Гагаринъ, молодой человѣкъ съ не дѣйствующей отъ раненія рукой. Погода испортилась, дулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Лошади все время скользили по обледенѣвшей дорогѣ. Мы пошли напрямикъ полемъ и скоро достигли небольшой деревушки, гдѣ сдѣлали привалъ, зайдя погрѣться въ хату старосты. Старосты не было дома — уѣхалъ по дѣламъ въ Мостовое. Принимали насъ женщины. Меня и князя онѣ приняли тоже за французовъ и удивлялись, какъ мы чисто говоримъ по русски.

— Мы, французы, вѣдь, Ваши союзники и потому должны были учиться говорить по вашему, — подшутилъ надъ ними князь.

— Вотъ, спасибо Вамъ, что Вы такіе добрые, — говорила жена старосты, — и по нашему научились и къ намъ пришли.

— Дастъ Богъ, и порядокъ у насъ заведете, а то ужъ очень плохо у насъ стало жить, — такъ плохо, что хуже нѣтъ. Вотъ, были у насъ нѣмцы — хорошо было, тихо, да удрали домой, говорятъ, у нихъ тоже свобода вышла, они и бросили насъ. Мы уже и боимся, что и Вы тоже насъ покините и домой пойдете, а теперь скоро весна, пахать и сѣять надо; а если Вы уйдете, то лучше за это и не браться. Мой мужъ хотѣлъ ѣхать завтра на Колосовку — спросить Вашего полковника, можно-ли будетъ сѣять въ этомъ году, надо-бы было яровой пшеницы купить, да боимся — кто его знаетъ, что будетъ. Говорятъ, что или большевики опять прійдутъ, или Петлюра, — кто ихъ знаетъ.

— А много у Васъ земли? — спросилъ я ее.

— Да десятинъ семь будетъ.

— Ну, а у пановъ берете еще землю? — спрашивалъ я.

— Брали съ половины раньше, а теперь перестали — и своей довольно. Все равно хлѣба не продавать, а реквизируютъ, а для себя намъ и этого довольно. Много у насъ земли пустой стоитъ, — продолжала она, — помѣщики не сѣютъ, а наши тоже не берутъ.

Около хаты, куда мы вышли, собралась вся деревня. Всѣ съ любопытствомъ разглядывали и пересмѣивались съ солдатами. Когда мы вышли на дворъ, всѣ моментально сняли шапки и стали низко кланяться; я поздоровался съ ними. Какой-то старикъ сталъ благодарить насъ за то, что мы пришли къ нимъ.

— Вы же наши союзники и спасители, — говорилъ онъ, — какъ Вы пришли, у насъ стало тихо — а то одинъ другого боимся. Жить нельзя, — такого надѣлали съ той революціей.

Мы попрощались и двинулись дальше. Проѣхавъ верстъ десять, мы наконецъ достигли Мостового. Это оказалось большое торговое мѣстечко съ значительнымъ количествомъ еврейскаго населенія. Разспрашивая по дорогѣ, гдѣ волостное правленіе, мы ѣхали по улицамъ мѣстечка, сопровождаемые любопытными взглядами мѣстныхъ жителей. Въ волостномъ правленіи было много народу, — нашъ неожиданный пріѣздъ ихъ очень удивилъ. — «Французы пріѣхали» — говорили они съ довольными лицами. Къ волости сталъ собираться народъ, и скоро большая толпа собралась на площади. Офицеры эскадрона и князь Гагаринъ вышли на крыльцо къ солдатамъ, опасаясь враждебныхъ намѣреній со стороны населенія и желая послушать, что говорятъ собравшіеся. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, они, успокоенные, вошли въ комнату, гдѣ мы сидѣли, и сообщили, что настроеніе жителей самое благожелательное.

Въ это время должностныя лица вытащили на свѣтъ Божій разнаго рода предписанія и распоряженія петлюровскихъ властей и просили меня ознакомиться съ ними. Это были распоряженія, касающіяся мобилизацій, реквизицій, отобранія земель отъ помѣщиковъ, приглашенія на какіе-то съѣзды и т. д. — Мы, — говорили должностныя лица, — ничего не исполнили изъ этихъ предписаній, люди не хотятъ слушаться петлюровцевъ. Всѣмъ уже надоѣла свобода — порядка хотятъ люди. При нѣмцахъ было тихо, а петлюровцы опять хотятъ все перевернуть; вотъ, слава Богу, Вы пришли, и всѣ спокойны теперь. На весну сѣять скоро надо, а то все боялись за работу браться.

Присутствующіе кивали одобрительно головами и подавали различнаго рода реплики, выражающія сочувствіе говорившему, какъ это дѣлается обыкновенно на сельскихъ сходахъ.

— Ну, а какъ Вамъ было при нѣмцахъ? — спросилъ я.

— Хорошо, — отвѣчали они. — Хорошимъ людямъ хорошо было, а вотъ тимъ шо треба нимци заглядали «пидъ хвистъ», — сказалъ кто-то. Всѣ засмѣялись. — А щожь, такъ и треба, — добавилъ говорящій, — безъ цього не буде порядку.

Затѣмъ стали разспрашивать о томъ, когда-же пріѣдетъ начальство? Безъ него, говорили они, никакъ нельзя: нуженъ мировой судья, слѣдователи, полиція. Затѣмъ, тутъ-же кто-то изъ присутствующихъ сообщилъ, что изъ Ананьева, гдѣ находятся петлюровцы, пріѣхали люди, ѣздившіе туда на съѣздъ крестьянъ, и разсказываютъ, что петлюровцы, такъ же какъ и большевики, учатъ ихъ отбирать землю у помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, грабить скотъ и другое имущество и что черезъ ихъ мѣстечко проходитъ телеграфная линія, по которой петлюровцы передаютъ свои распоряженія. Однимъ словомъ, видно было, что, какъ большевики, такъ и петлюровцы, сочувствіемъ сельскаго населенія не пользуются и при малѣйшей надеждѣ на то, что власти ихъ будетъ положенъ предѣлъ, населеніе испытываетъ чувство живѣйшей радости. Изъ разспросовъ я узналъ, что нѣкоторые помѣщики живутъ до сихъ поръ по своимъ усадьбамъ. Мѣстные крестьяне ихъ никого не трогали, но боялись за чужихъ, теперь же — съ приходомъ французовъ — никто изъ чужихъ не посмѣетъ производить никакихъ насилій. Также много разсказывали про дѣйствія мѣстныхъ евреевъ, которые, какъ они говорили, «прямо показились» послѣ революціи, особенно при Керенскомъ, при нѣмцахъ-же ихъ успокоили.

Изъ волости мы, напутствуемые самыми теплыми пожеланіями и привѣтствуемые глубокими поклонами, отправились на телеграфъ, гдѣ дѣйствительно оказалось, что штабы петлюровскихъ войскъ сносились изъ Ананьева чуть-ли не съ Одессой. Забравъ копіи всѣхъ телеграммъ и прервавъ сообщеніе, мы поѣхали домой. Телеграфные чиновники были очень довольны тѣмъ, что у нихъ прекратилась связь съ петлюровцами. — Мы очень боялись отвѣтственности, — говорили они, за ихъ дѣйствія, но въ то же самое время ничего не могли подѣлать, — власти никакой нѣтъ, петлюровцы командуютъ, мы должны подчиниться.

Въ такомъ родѣ я сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, и всюду насъ принимало населеніе радостно и привѣтливо. Видно было, что дѣйствительно всѣ жадно ждутъ порядка, всѣмъ хотѣлось заниматься своими дѣлами и жить мирною жизнью. Побывалъ я и въ нѣсколькихъ усадьбахъ. Тамъ тоже наступило успокоеніе, ждали весны, чтобы приступить къ полевымъ работамъ, надѣясь на то, что съ помощью французовъ, порядокъ будетъ прочно установленъ. Всѣ вѣрили, что анархіи уже конецъ, и ни у кого въ мысляхъ не было, что въ одинъ прекрасный день французы неожиданно для всѣхъ уйдутъ.

Совершенно неожиданно съ поѣздомъ изъ Одессы прибылъ какой-то пожилой господинъ, который сталъ разыскивать полковника Жэ, и, когда ему указали его канцелярію, то отправился прямо къ нему и, побывъ тамъ нѣкоторое время, вышелъ и обратился ко мнѣ, говоря, что онъ присланъ Херсонскимъ губернаторомъ замѣнить меня при французскомъ командованіи и что я долженъ сейчасъ-же ѣхать въ Одессу къ губернатору, который имѣетъ на меня какіе-то виды. Я былъ очень удивленъ такимъ распоряженіемъ, да еще переданнымъ на словахъ, такъ какъ никакого письменнаго предписанія прибывшимъ привезено не было.

Я отвѣтилъ, что я обыкновенно по вечерамъ посылаю губернатору телеграмму и что я сообщу губернатору о его прибытіи и запрошу о себѣ. Это очень не понравилось пріѣхавшему, который очевидно хотѣлъ какъ можно скорѣе приступить къ своимъ обязанностямъ и избавиться отъ меня. Видя это, я успокоилъ его тѣмъ, что онъ можетъ немедленно считать себя исполняющимъ обязанности при французскомъ командованіи и идти къ полковнику въ кабинетъ говорить и представлять просителей. Онъ такъ и сдѣлалъ и, появившись къ ужину вмѣстѣ съ полковникомъ Жэ, имѣлъ очень сконфуженный видъ, — не зная почти французскаго языка, онъ не могъ лично безъ переводчика говорить съ полковникомъ, да и порядокъ управленія мѣстнымъ краемъ ему не былъ знакомъ, такъ какъ раньше онъ служилъ въ Царствѣ Польскомъ.

Полковникъ имѣлъ видъ сумрачный. Послѣ ужина онъ пригласилъ меня къ себѣ и заявилъ, что онъ не хочетъ отпускать меня отъ себя. Поблагодаривъ за вниманіе, я отвѣтилъ, что долженъ ѣхать, и сказалъ, что, если онъ хочетъ имѣть меня при себѣ, то пусть напишетъ объ этомъ по начальству. — Я увѣренъ, что Генералъ-губернаторъ Ваше желаніе исполнитъ и меня опять пришлетъ къ Вамъ.

Въ то же самое время въ Вознесенскѣ, находящемся отъ насъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, и въ его окрестностяхъ царствовали петлюровцы. Пріѣзжающіе оттуда разсказывали ужасныя вещи про ихъ дѣйствія: произволъ и насиліе у петлюровцевъ были такіе, какъ у большевиковъ. Особенно свирѣпствовалъ какой-то желѣзнодорожникъ, кажется, машинистъ изъ Вознесенска по фамиліи Казубскій. Поэтому населеніе вознесенскаго раіона было очень заинтересовано въ скорѣйшемъ приходѣ туда французовъ, и къ нимъ постоянно являлись не только частныя лица, но и представители гражданскаго самоуправленія и сельскія власти узнать, когда-же наконецъ мы двинемся впередъ. Они весьма резонно указывали на то обстоятельство, что прочно занимать линію ж. д. Одесса-Николаевъ можно только тому, кто владѣетъ Вознесенскомъ, такъ какъ тамъ находится водопроводъ, дающій воду для всей линіи. — Закроютъ воду — и поѣзда Ваши станутъ, — говорили они.

Находившіеся въ Вознесенскѣ петлюровцы по отношенію къ французамъ вели себя сдержанно. Полковникъ Жэ пытался вступить съ ними въ сношеніе по поводу открытія ж. д. сообщенія съ Вознесенскомъ, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ тамъ, собственно говоря, дѣйствовали отдѣльныя банды, съ которыми установить какіе нибудь договоры было очень трудно.

Въ одинъ прекрасный день по телефону изъ Вознесенска запросили разрѣшенія командира отряда прибыть на станцію Колосовку начальнику кавалерійской дивизіи войскъ У. Н. Р. — то есть петлюровцевъ. Командиръ страшно переполошился, но далъ свое согласіе, указавъ, какое количество человѣкъ можетъ пріѣхать съ начальникомъ дивизіи. Приняли мѣры охраны, разставили пулеметы, установили по пути пушки, собрали людей и стали ждать.

Въ скоромъ времени пришелъ паровозъ и съ нимъ классный вагонъ, изъ котораго сначала вынесли желто-голубой флагъ огромныхъ размѣровъ, затѣмъ вышло нѣсколько человѣкъ, обвѣшанныхъ по товарищески оружіемъ, и наконецъ появился «начальникъ дивизіи». Стоявшій рядомъ со мною штабсъ-ротмистръ Астраханскаго полка Л.. не разсчитавъ своего голоса, обращаясь ко мнѣ слишкомъ громко, сказалъ: — Ахъ, сукинъ сынъ, да, вѣдь, это нашего полка ротмистръ! — и назвалъ его фамилію. Тотъ, услыхавъ свое имя, обернулся, встрѣтился глазами съ говорившимъ и страшно сконфузился, но, затѣмъ оправившись, подошелъ къ нему и протянулъ руку со словами: — Какая неожиданная встрѣча!

Старые однополчане обмѣнялись, къ великому удивленію стоявшихъ на перронѣ французовъ, рукопожатіемъ и стали оживленно разговаривать, но ихъ разговоръ прервалъ адъютантъ Женэ, позвавъ «начальника дивизіи» къ полковнику. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ и присутствовалъ все время при разговорѣ. Изъ этого разговора я убѣдился, что на петлюровцевъ уже напираютъ большевики, и они хотятъ попробовать войти въ сношенія съ французами, чтобы въ случаѣ нужды имѣть у нихъ защиту отъ большевиковъ. Полковникъ Жэ былъ въ полной увѣренности, что имѣетъ дѣло съ настоящимъ начальникомъ дивизіи и потому слушалъ ротмистра съ довѣріемъ и вниманіемъ. Я не утерпѣлъ и тутъже сказалъ, что это просто ротмистръ Астраханскаго полка, никакой дивизіи у него подъ начальствомъ нѣтъ и что было-бы хорошо выяснить, какое количество людей находится у него подъ командой. Когда полковникъ задалъ ему черезъ переводчика подобные вопросы, то «начальникъ дивизіи» страшно переконфузился и старался объяснить, что дивизія его находится въ періодѣ формированія, что пока людей у него немного, но при ихъ содѣйствіи онъ борется и весьма успѣшно съ анархіей. На это полковникъ посовѣтовалъ ему продолжать борьбу съ анархіей, но не дѣлать ее самому, такъ какъ у насъ имѣются точныя данныя обо всемъ томъ, что происходитъ въ Вознесенскѣ. Прощаясь съ нимъ, полковникъ, назвавъ его «mon capitain», ушелъ къ себѣ, а сконфуженный ротмистръ поплелся въ свой вагонъ, около котораго стояли пріѣхавшіе съ нимъ люди и развѣвался желто-синій флагъ. Лишь подойдя къ своимъ, ротмистръ немного оправился и, поднявъ голову, вошелъ въ вагонъ. Поѣздъ тронулся и, какъ-бы для поднятія престижа петлюровской депутаціи, на площадкѣ появился типъ дѣйствительно съ разбойничьей рожей. «Казубскій!» — раздалось со всѣхъ сторонъ. Желѣзнодорожники узнали своего бывшаго сослуживца, пользующагося въ настоящее время такою извѣстностью въ Вознесенскѣ и его окрестностяхъ.

На слѣдующій день я собрался уѣзжать. Шумно пообѣдавъ въ «попотѣ» и выпивъ по случаю моего отъѣзда болѣе, чѣмъ обыкновенно, въ томъ числѣ и нѣсколько бутылокъ шампанскаго, мы, во главѣ съ полковникомъ Жэ, снимались компаніей на станціи, при чемъ меня одѣли въ зуавскую шешія и куртку, мѣхомъ наружу, а мою шубу надѣлъ мой пріятель докторъ. Въ такомъ видѣ мы увѣковѣчили свое пребываніе на ст. Колосовка. Нѣсколько офицеровъ и докторъ, воспользовавшись добродушнымъ настроеніемъ полковника, попросились въ отпускъ и поѣхали со мною въ Одессу. Прощаніе со всѣми было трогательно. Полковникъ многозначительно сказалъ, что мы еще увидимся, а адъютантъ Женэ добавилъ: «и вмѣстѣ поѣдемъ въ Кіевъ.»

Губернаторъ, къ которому я явился сейчасъ-же по прибытіи, сконфузился при видѣ меня и, какъ-бы извиняясь, сталъ говорить, что онъ прислалъ мнѣ на смѣну Ивана Ивановича потому, что я навѣрно уже очень соскучился на глухой

станціи, что я буду нуженъ ему здѣсь, что уже пора приступать къ формированію кадровъ администраціи того уѣзда, гдѣ я буду начальникомъ, и т. д. и какъ-бы случайно добавилъ, — «очень ужъ меня просили дать какое нибудь мѣсто этому С... и.»

Я отправился домой и сталъ отдыхать. Изъ канцеляріи губернатора меня не безпокоили, жалованія мнѣ никакого не заплатили и, очевидно, про меня совсѣмъ забыли.

Мое возвращеніе въ Одессу обратило на себя вниманіе землевладѣльцевъ мѣстности, прилегающей къ Колосовкѣ. Успокоеніе, наступившее въ этомъ районѣ уѣзда, они относили къ результатамъ моей дѣятельности и поэтому стали выражать свое желаніе, чтобы я опять ѣхалъ туда. Я рекомендовалъ имъ по этому поводу обратиться къ губернатору. Черезъ нѣсколько дней меня вызвали изъ канцеляріи къ губернатору. Явившись къ нему въ назначенное время, я услыхалъ отъ него, что онъ отнюдь не считаетъ мою дѣятельность оконченной, а лишь только временно прерванной для заслуженнаго мною отдыха — и что на дняхъ онъ отдастъ приказъ о назначеніи меня на должность начальника уѣзда, и тогда мнѣ прійдется опять показать свою энергію и опытъ.

Въ это время я, живя въ Одессѣ, видѣлъ, что несмотря на то, что городъ былъ наполненъ иностранными войсками, что приступили къ формированію русскихъ воинскихъ частей, происходитъ что-то неладное, порядка, который былъ при нѣмцахъ, не было: по вечерамъ раздавалась по улицамъ стрѣльба, никто за этимъ не наблюдалъ и не старался этого прекратить. Были также постоянные случаи ограбленія на улицахъ прохожихъ, налеты на квартиры и т. д. Однимъ словомъ, чувствовалась слабость власти. О движеніи французовъ впередъ ничего не было слышно. Были заняты ими лишь Одесса, Николаевъ и Херсонъ, и станціи Колосовка и Раздѣльная, — дальше дѣйствовали петлюровцы, а за ними большевики. Такимъ образомъ, небольшой лишь клочокъ земли пользовался защитою иностранныхъ войскъ, которыя все время увеличивались въ своемъ числѣ. Изъ газетъ видно было, что французское командованіе вступило, пока что, на путь «переговоровъ». Пріѣзжали отъ петлюровскихъ властей какіе-то представители, министры, члены директоріи и т. д. Всѣхъ ихъ принималъ генералъ д'Ансельмъ и о чемъ-то съ ними договаривался.

Въ это время, пріѣзжающіе по линіи ж. д. Кіевъ-Одесса мои знакомые мнѣ разсказывали, что на Бирзулѣ и другихъ станціяхъ ж. д. вывѣшено объявленіе, въ которомъ говорится, что въ раіонѣ Колосовки, совмѣстно съ имперіалистическими французскими войсками, дѣйствуетъ наемникъ помѣщиковъ и капиталистовъ Майбородовъ, который является врагомъ Украинской Народной Республики, и что каждый долженъ его арестовать и немедленно доставить въ распоряженіе украинскихъ властей для сужденія по законамъ военнаго времени.

Такъ оцѣнили петлюровцы мою дѣятельность въ Колосовкѣ. Объ этомъ я хотѣлъ довести до свѣдѣнія французскаго командованія и съ этой цѣлью отправился въ ихъ штабъ. Въ штабѣ дежурный офицеръ, которому я подробно разсказалъ свое дѣло, рекомендовалъ мнѣ лично побывать у генерала Д'Ансельма, къ которому какъ разъ являются петлюровскія власти для какихъ-то переговоровъ. — «Генералу будетъ интересно услышать отъ Васъ о двуличности петлюровцевъ», говорилъ онъ. Въ тотъ-же день я отправился къ генералу Д'Ансельму. Въ обсерваторномъ переулкѣ, въ роскошномъ особнякѣ барона Масса помѣщался генералъ. Допустили меня къ нему безъ всякихъ затрудненій. Въ пріемной меня встрѣтилъ молодой офицеръ, которому пришлось подробно разсказать

свое дѣло; выслушавъ, офицеръ попросилъ меня подождать, а самъ пошелъ докладывать генералу. Я остался одинъ въ большомъ залѣ. Роскошная обстановка какимъ-то чудомъ уцѣлѣла въ неприкосновенности, несмотря на предшествующее владычество большевиковъ. Все было въ полномъ порядкѣ, полы, натертые воскомъ, блестѣли и въ комнатахъ было тепло и уютно. Меня попросили въ кабинетъ къ генералу. При входѣ, на встрѣчу мнѣ поднялся пожилой, красивый генералъ; сѣдые усы, прямой носъ, привѣтливые и живые глаза привлекали невольно вниманіе. Я представился, генералъ заявилъ, что очень радъ поговорить съ лицомъ, проведшимъ все время на фронтѣ съ полковникомъ Жэ, что отъ меня онъ надѣется услышать много интереснаго. Я началъ излагать ему, что побудило меня явиться къ нему, генералъ перебилъ меня и сказалъ, что офицеръ доложилъ ему объ этомъ подробно, съ моихъ словъ онъ повторилъ все, что я говорилъ дежурному офицеру. — «Такъ-ли я понялъ,» — задалъ онъ мнѣ вопросъ. И на мой отвѣтъ, что все передано генералу совершенно правильно и точно, генералъ возмущеннымъ тономъ сказалъ, что мы положимъ этому предѣлъ, и попросилъ меня побывать въ штабѣ, гдѣ будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры. Я поблагодарилъ и, поднявшись, хотѣлъ откланяться.

— Подождите немного, — сказалъ генералъ, — и разскажите мнѣ про Колосовку. Какъ тамъ помѣщается и чувствуетъ себя отрядъ нашихъ войскъ?

Я снова сѣлъ и началъ подробно разсказывать обо всемъ, начиная со дня нашего прибытія на мѣсто. Описалъ подробно отношеніе населенія къ прибывшимъ войскамъ, надежды, которыя возлагаются всѣми на французовъ, и сталъ указывать на то обстоятельство, что такъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ нельзя, въ концѣ концовъ надо устанавливать на мѣстахъ законную власть, — что безъ этого порядка быть не можетъ. Затѣмъ я передалъ генералу о томъ, что, какъ намъ извѣстно со словъ представителей городскихъ самоуправленій города Вознесенска, населеніе этого города жаждетъ избавиться отъ царящей тамъ, благодаря присутствію петлюровцевъ, анархіи, — съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода французскихъ войскъ — и доложилъ, что въ Вознесенскѣ находится водопроводъ, питающій водой линію ж. д. между Одессой и Николаевымъ, и что также находится артиллерійскій складъ съ огромными запасами снарядовъ.

Генералъ Д'Ансельмъ, внимательно меня выслушавъ, сказалъ мнѣ: — «Вы правы — надо обязательно занять Вознесенскъ; плохо лишь то, что онъ стоитъ на другой сторонѣ Буга, — у отряда въ тылу будетъ большая рѣка».

Поблагодаривъ меня за сообщенныя ему свѣдѣнія, генералъ попросилъ меня въ случаѣ надобности обращаться къ нему лично.

Черезъ нѣсколько дней въ французскомъ Штабѣ мнѣ выдали удостовѣреніе, въ которомъ говорилось, что такой-то, состоящій въ качествѣ совѣтника при полковникѣ Жэ, направляется въ его распоряженіе и что всѣ власти французскихъ и «союзныхъ» войскъ должны мнѣ оказывать полное содѣйствіе и защиту.

Все это время меня нѣсколько разъ приглашали къ Херсонскому губернатору на какія-то совѣщанія, которыя ничего не давали и кончались обыкновенно разговорами о текущихъ событіяхъ. Стали поговаривать о нерѣшительности французовъ, о ихъ медлительности, о томъ, что они только занимаются переговорами и въ то же время не позволяютъ организовываться, не позволяютъ ни мобилизаціи, ни назначенія должностныхъ лицъ и т. д. Наконецъ, послѣ того, какъ на посту военнаго Генералъ-Губернатора Генералъ Санниковъ смѣнилъ генерала Гришина-Алмазова, началось что-то похожее на устройство губернскихъ властей. Получилось извѣщеніе изъ ставки объ утвержденіи Генераломъ

Деникинымъ въ должности начальника губерніи С. Г. Пищевича, — тотъ отдалъ приказы о назначеніи начальниковъ уѣздовъ, въ томъ числѣ и меня, и предложилъ приступить къ формированію канцелярій и уѣздной стражи. Мнѣ на должность помощника начальника уѣзда онъ назначилъ смѣнившаго меня при французахъ И. И. С...и.

Пока мы занимались своимъ дѣламъ, событія шли своимъ чередомъ.

По городу стали ходить какіе то темные слухи, передавались сплетни и о томъ, что французовъ обрабатываютъ большевики, называли имена артистокъ, которыя приняли на себя за огромныя деньги эту задачу. Имя Изы Кремеръ, съ которой не разлучался генералъ Д'Ансельмъ, было у всѣхъ на устахъ. Смерть Вѣры Холодной, очень загадочная по своей обстановкѣ, также давала не мало пищи языкамъ. Таинственное исчезновеніе дочери профессора Ускова и т. п. происшествія, о которыхъ говорилъ городъ, давали основаніе предполагать, что дѣйствительно происходитъ что-то непонятное, — но никто не думалъ, что трагическій конецъ такъ близокъ.

Особенно нелестной репутаціей пользовался начальникъ штаба генерала Д'Ансельма полковникъ Фрейденбергъ. Про него говорили, что онъ спекулируетъ во всю, торгуетъ казеннымъ шеколадомъ и другими вещами и, какъ еврей по происхожденію, особенно близокъ къ одесситамъ спекулянтамъ той-же національности.

Французскіе солдаты вели себя на улицѣ плохо, ходили небрежно одѣтыми, очень часто пьяные, на главныхъ улицахъ приставали къ прохожимъ женщинамъ среди бѣла дня. Все это заставляло обывателей задумываться надъ прочностью своего положенія, и болѣе благоразумные, запасаясь валютой и устраивая свои дѣла, стали уѣзжать изъ Одессы. Въ то-же время стало извѣстно, что большевики приближаются, успѣшно ликвидируютъ остатки «войскъ У. Н. Р.» т. е. петлюровцевъ, и не сегодня-завтра войдутъ въ соприкосновеніе съ союзниками, т. е. съ французами и греками. Такъ и случилось въ Херсонѣ и Николаевѣ, — начались военныя дѣйствія, говорили, что французовъ и грековъ побили, что они должны были уходить на суда, съ которыхъ потомъ обстрѣливали городъ, отъ чего очень сильно пострадали мирные жители, и т. д. Стало какъ-то жутко, и въ Одессѣ ночная стрѣльба не способствовала успокоенію обывателей. Такое положеніе дѣлъ побудило французское командованіе быть мягче и приступить къ формированію русскихъ частей. Ожидали мобилизаціи. Затѣмъ появился проектъ созданія какихъ-то смѣшанныхъ франко-русскихъ отрядовъ, но изъ этого ничего не вышло.

Въ это время отъ полковника Жэ пришла къ губернатору бумага, въ которой онъ, указывая на нежелательность перемѣны личнаго состава прикомандированныхъ къ нему лицъ, просилъ распоряженія о возвращеніи меня на прежнее мѣсто. Сообщивъ мнѣ объ этомъ, губернаторъ просилъ меня выѣхать къ полковнику Жэ какъ можно скорѣе, такъ какъ французы рѣшили двигаться дальше и занять Вознесенскъ, гдѣ очевидно и будетъ наша стоянка, пока не перейдемъ въ полное наступленіе для очистки отъ большевиковъ всей Украины. Мнѣ какъ-то не хотѣлось уѣзжать въ такое тревожное время изъ дому, но дѣлать было нечего. Отдавъ распоряженіе своему секретарю и начальнику уѣздной земской стражи о томъ, чтобы они были готовы по моему вызову прибыть въ Вознесенскъ, гдѣ мы вступимъ въ исполненіе нашихъ обязанностей, такъ какъ французы должны занять этотъ городъ, я, не зная, на сколько времени уѣзжаю изъ дому, сталъ приготовляться въ путь и имѣлъ неосторожность взять съ собою вещей въ количествѣ,

необходимомъ для болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія. Поѣздъ на Колосовку отходилъ вечеромъ. Пріѣхавъ на вокзалъ, я отправился къ французскому комиссару станціи, съ которымъ уже былъ знакомъ раньше, и попросилъ меня устроить въ поѣздѣ, идущемъ на Колосовку. Комиссаръ вопросительно посмотрѣлъ на меня и сказалъ, что поѣздъ идетъ всего лишь до Березовки, гдѣ въ настоящее время находится отрядъ полковника Жэ. Я былъ удивленъ такимъ неожиданнымъ перемѣщеніемъ, но ничего не спросилъ и отправился въ указанный мнѣ вагонъ. Поѣздъ двинулся; въ вагонѣ со мною ѣхало нѣсколько русскихъ офицеровъ, одинъ греческій и еще французскій солдатъ, который очень быстро напился пьянъ, сталъ орать пѣсни, а затѣмъ, успокоившись, заснулъ и наполнялъ весь вагонъ своимъ храпомъ. Пока онъ былъ еще трезвъ, онъ успѣлъ объяснить намъ, что везетъ съ собою вагонъ взрывчатыхъ веществъ для подрыва желѣзно-дорожнаго моста. Офицеръ грекъ и русскіе ѣхали къ своимъ частямъ. Оказалось, по ихъ разсказамъ, что на фронтѣ, кромѣ французовъ, уже находятся греки и вновь сформированныя добровольческія части.

На утро мы были на Березовкѣ. Я отправился отыскивать поѣздъ полковника Жэ и скоро нашелъ его на главномъ пути. Въ вагонѣ еще спали; лишь въ столовой, стоя около таза съ водою, фыркалъ и плескался лейтенантъ Жене. Увидѣвъ меня, онъ радостно засмѣялся и, не успѣвъ поздороваться, сталъ разсказывать мѣстныя новости, которыя были неутѣшительнаго характера. Оказалось, что отряду было предложено занять Вознесенскъ, но этого сдѣлать не удалось, такъ какъ пришли большевики, выгнали оттуда моментально петлюровцевъ, которые частью разбѣжались, а частью явились къ французамъ; тѣ ихъ разоружили и отправили въ Одессу. Когда французы стали подходить къ Вознесенску, то большевики обстрѣляли поѣздъ; французы не рѣшились итти дальше и остановились, большевики взорвали путь позади французскихъ поѣздовъ, отрѣзавъ такимъ образомъ отступленіе, и хотѣли было атаковать французовъ, но, встрѣченные огнемъ, бѣжали въ городъ и, думая, что французы будутъ ихъ преслѣдовать, готовились, какъ это я узналъ впослѣдствіи, уходить изъ Вознесенска, — но французы вмѣсто преслѣдованія большевиковъ, исправивъ взорванный путь, отошли обратно на Колосовку.

Въ это время подъ Николаевомъ появился атаманъ Григорьевъ, который рѣшилъ итти на Одессу по линіи ж. д., поэтому, желая вывести отрядъ изъ подъ угрожающихъ ему съ двухъ сторонъ — съ сѣвера и востока — ударовъ, такъ какъ въ Колосовкѣ соединялись двѣ линіи, полковникъ Жэ рѣшилъ отойти на Березовку. Такъ разсказывалъ мнѣ Жене.

Скоро офицеры проснулись и, увидѣвъ меня, стали шумно выражать свое удовольствіе по поводу моего пріѣзда и наперебой разсказывать о происшедшемъ; больше всѣхъ радовался моему пріѣзду докторъ. Изъ разсказовъ я узналъ, что вчера тутъ-же на Березовкѣ шальной пулей раненъ въ голову одинъ молодой русскій офицеръ — переводчикъ, котораго повезли въ Одессу, — рана безусловно смертоносна. Также раненъ въ ногу помошникъ повара, ночью во время сна.

Замѣнявшій меня при французахъ И. И. С., отойдя со мною въ сторону, сталъ разсказывать, что положеніе здѣсь болѣе серьезно, чѣмъ думаютъ объ этомъ французы, такъ какъ они уже выпустили инициативу изъ своихъ рукъ и вмѣсто того, чтобы гнать большевиковъ, какъ дѣлали это нѣмцы, ожидаютъ ихъ наступленія, а обороняться отъ нападенія гораздо труднѣе, чѣмъ нападать самому. И. И., узнавши, что я пріѣхалъ ему на смѣну, былъ очень доволенъ, говоря, что уже надоѣло валяться въ вагонѣ и хочется отдохнуть немного въ Одессѣ, тѣмъ

болѣе, что дома жена его страшно тоскуетъ. При освобожденіи Одессы отъ петлюровцевъ у него было убито два сына мальчика, пошедшихъ добровольцами.

Я пошелъ являться къ полковнику Жэ, который, выразивъ при видѣ меня живѣйшее удовольствіе, сообщилъ мнѣ, что меня прислали немного поздно, такъ какъ его батальонъ сегодня уходитъ въ Одессу, а здѣсь остаются греки; по его мнѣнію, я долженъ былъ оставаться при греческомъ командованіи и дѣйствовать такъ, какъ я дѣйствовалъ при французскомъ. Разсказавъ мнѣ подробно о нападеніи большевиковъ и о томъ, что въ будущемъ оно можетъ повториться, онъ совѣтовалъ мнѣ быть осторожнымъ, такъ какъ лишь вчера смертельно ранили въ голову прапорщика Илецкаго, который ходилъ безъ каски по станціонной платформѣ.

Скоро мы отправились обѣдать. За обѣдомъ было шумно и оживленно, какъ всегда. Полковникъ объявилъ, что сегодня, лишь только прійдетъ смѣна, они уходятъ въ Одессу на отдыхъ. Всѣ были этому очень рады. Русскій переводчикъ капитанъ Ш. и И. И. все время, къ вящшему удовольствію французовъ, пикировались между собою. Они, какъ оказывается, не поладили изъ за первенства. Каждый считалъ себя болѣе близкимъ къ полковнику Жэ, и на этой почвѣ у нихъ были постоянныя недоразумѣнія. За обѣдомъ я узналъ, что въ составѣ отряда, кромѣ батальона французовъ, значительно порѣдѣвшаго, такъ какъ много людей ушло домой по демобилизаціи, было два батальона грековъ, артиллерійская батарея, три танка и нѣсколько ротъ русскихъ добровольцевъ. Танковъ я еще никогда не видѣлъ въ натурѣ, за исключеніемъ кинематографа, и выразилъ свое желаніе посмотрѣть ихъ. Докторъ предложилъ мнѣ повести меня показать ихъ. — Я кстати Васъ познакомлю съ артиллерійскимъ капитаномъ, съ которымъ рекомендую Вамъ поселиться вмѣстѣ въ вагонѣ, онъ Васъ и кормить будетъ. Вамъ съ нимъ будетъ очень хорошо, это тоже мой большой другъ, — добавилъ онъ, считая очевидно такимъ-же и меня.

Послѣ обѣда я пошелъ къ доктору, гдѣ онъ угощалъ меня чернымъ кофе съ коньякомъ и разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Я думалъ, что намъ будетъ совсѣмъ плохо подъ Вознесенскомъ, — говорилъ онъ, — и прійдется уходить пѣшкомъ, такъ какъ захватили путь. Я уже одѣлся, взялъ въ карманъ Вашу карточку (мы съ нимъ обмѣнялись фотографіями), но путь исправили и мы ушли благополучно. Лучше бы было, если-бы Вы тоже поѣхали съ нами сегодня въ Одессу, а то тутъ будетъ опять что нибудь. Знаете, на дняхъ пріѣхалъ къ намъ младшій врачъ, который жилъ у Вашего брата, онъ такъ много разсказывалъ про Вашу семью, что когда Вы пріѣдете домой, то поведите меня къ нимъ. Этому доктору ужасно не хотѣлось уѣзжать изъ Одессы, онъ до сихъ поръ ходитъ грустный.

Въ это время подъ окномъ вагона неожиданно грянулъ пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, а затѣмъ пошла непрерывная пальба изъ четырехъ орудій расположенной тутъ-же батареи. Я былъ удивленъ, докторъ пожалъ плечами, поднялся и предложилъ мнѣ пойти на батарею. Тамъ онъ познакомилъ меня съ капитаномъ, наблюдавшимъ за стрѣльбой. Капитанъ сообщилъ, что большевики повели наступленіе на нашу позицію, расположенную передъ станціей Березовкой на сѣверной сторонѣ, но что отъ огня его орудій они несутъ большой уронъ и навѣрно скоро прекратятъ наступленіе. Пальба продолжалась еще нѣкоторое время, а затѣмъ по телефону сообщили, что большевики побѣжали. На память о происшедшемъ капитанъ предложилъ мнѣ мѣдную гильзу изъ выпущеннаго снаряда. Поговоривъ нѣкоторое время съ артиллерійскимъ капитаномъ и по-

лучивъ его приглашеніе къ нему въ вагонъ, мы съ докторомъ двинулись дальше по направленію къ стоящимъ подъ горою танкамъ. Къ намъ присоединился Ив. Ив. и сталъ разсказывать о томъ, какъ вчера работали танки, когда показались большевики.

— Жаль только, что полковникъ приказалъ открыть огонь съ предѣльной дистанціи, не подпустилъ ихъ поближе, много-бы ихъ положили, а то они сейчасъ-же разбѣжались и почти никто не пострадалъ.

Когда мы подошли поближе, то увидѣли три или четыре маленькихъ танка, около которыхъ хлопотали люди, прочищая маленькія пушечки и перетирая тряпками и смазывая, гдѣ надо, части механизма. Солдаты при танкахъ заявили, что имъ навѣрное прійдется поработать и сегодня, но будетъ очень нехорошо, если опять прикажутъ открыть огонь съ такой дистанціи, когда ничего нельзя подѣлать. Надо подпустить непріятеля совсѣмъ близко и тогда уже стрѣлять, — это отобьетъ охоту у нападающихъ, а то такъ только роняется авторитетъ танка; разогнать можно и изъ пушекъ, если по нападающимъ стрѣльнуть раза два, — говорили они, — вѣдь, это все мальчишки идутъ, а не настоящіе обстрѣлянные солдаты.

Посмотрѣвъ танки, мы двинулись по домамъ, такъ какъ я собирался перебираться на новое мѣсто къ артиллерійскому капитану, а докторъ и Ив. Ив. готовились къ предстоящему отъѣзду.

Не успѣли мы отойти на нѣсколько шаговъ отъ танковъ, какъ вдали ухнула пушка, черезъ нѣсколько секундъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ взвился столбъ пыли отъ упавшаго снаряда... Разрыва не было. За первымъ прилетѣлъ второй и закопался уже гораздо ближе. Затѣмъ выстрѣлы посыпались одинъ за другимъ, и столбы поднимающейся пыли указывали, что снаряды падаютъ совсѣмъ близко отъ насъ. Мы остановились. Иванъ Ивановичъ послѣ каждаго выстрѣла стремился бѣжать къ мѣсту паденія снаряда, желая его разсмотрѣть поближе. Мы съ докторомъ удерживали его, что было такъ же трудно, какъ заставить смирно лежать на мѣстѣ охотничью собаку, стремящуюся послѣ неудачнаго выстрѣла бѣжать за раненой дичью.

Видя наше поведеніе, солдаты батарей стали кричать намъ — abritez vous, abritez vous, vous êtez fous. — Мы полѣзли подъ стоящій вблизи поѣздъ, гдѣ подъ сосѣднимъ вагономъ съ машинистомъ во главѣ сидѣла кондукторская бригада и ругательски ругалась по адресу большевиковъ. Сидя подъ вагономъ и чувствуя себя какъ-бы въ безопасности, я оглядывался кругомъ, — всюду видны были люди, старающіеся использовать какое нибудь прикрытіе. Неподалеку, подъ стѣнкой какого-то станціоннаго зданія расположился санитарный отрядъ Краснаго Креста, сестры милосердія и санитары сидѣли на корточкахъ; не знаю откуда взявшіеся польскіе офицеры, стоя на мѣстѣ, совершенно безопасномъ, дѣлали видъ, что они совсѣмъ не боятся огня, хотя нервныя движенія указывали на ихъ волненіе; тамъ и сямъ подъ вагонами сидѣли люди въ штатскомъ и въ военной формѣ. Снаряды продолжали сыпаться все чаще и чаще, но къ нашему счастью ни одного разрыва не было и, несмотря на то, что всѣ желѣзнодорожные пути были густо заставлены поѣздными составами, ни одинъ снарядъ не попалъ ни въ вагоны, ни въ станціонныя зданія.

На французской батареѣ было тихо, но видны были какія-то приготовленія: офицеръ что-то вычислялъ и соображалъ; дѣлалъ онъ это совершенно хладнокровно, несмотря на то, что противникъ, зная, очевидно, точно мѣсто нахожденія батареи, засыпалъ насъ снарядами. Окончивши свои вычисленія, онъ ско-

мандовалъ «feu». Одно за другимъ грянули два орудія, стоявшія рядомъ съ нами, а затѣмъ черезъ нѣсколько секундъ два другихъ, стоявшихъ дальше подъ горой, — и такъ чередуясь между собою, обѣ пары орудій открыли бѣглый огонь, заглушая звуки отдаленныхъ большевистскихъ выстрѣловъ. Скоро дождь падающихъ около насъ снарядовъ сталъ гораздо рѣже, а черезъ нѣкоторое время и совершенно прекратился. Какъ оказалось, нашъ бравый капитанъ взялъ вѣрный прицѣлъ, удачными попаданіями перебилъ прислугу и подбилъ непріятельскія пушки, заставивъ ихъ умолкнуть.

Когда все стихло, всѣ съ облегченнымъ сердцемъ стали оставлять свои мѣста. У всѣхъ видъ былъ радостный и довольный. Такъ, послѣ набѣжавшей тучки, застигнутые дождемъ выходятъ изъ своихъ укромныхъ мѣстъ, радуясь тому, что имъ удалось спрятаться отъ неожиданной непогоды.

Нашъ Иванъ Ивановичъ бѣгалъ отъ одного мѣста паденія снаряда къ другому и палкою расковыривалъ взрытую землю, стараясь нащупать неразорвавшійся снарядъ.

Въ это время подъ горой что-то зашумѣло. Оказывается, заработали танки и, пустивъ въ ходъ моторы, какъ какія то гигантскія черепахи, поползли на сѣверовостокъ отъ станціи, — это вдали показались пѣхотныя большевистскія цѣпи, желавшія съ этой стороны обойти станцію. Скоро они скрылись изъ глазъ.

Мы пошли на станцію, тамъ царило необычное оживленіе, — всѣ офицеры стояли кучкой на платформѣ и что-то оживленно говорили между собой; это они разсуждали объ атакѣ большевиковъ, которую тѣ послѣ артиллерійской подготовки повели на станцію Березовку съ указанныхъ выше направленій. Затѣмъ полковникъ Жз и командиръ 1-го батальона маіоръ Жеро полѣзли на крышу вагона и что-то долго разсматривали въ бинокль. Это они наблюдали за движеніемъ танковъ, идущихъ навстрѣчу наступающимъ большевикамъ.

Скоро выяснилось, что при видѣ танковъ большевики бѣжали, и нападеніе ихъ было пріостановлено.

Въ то же время на позиціяхъ, которыя были приготовлены на сѣверъ отъ станціи по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, все время шла оживленная перестрѣлка. Тамъ въ окопахъ были расположены греки и французы, а гдѣ то — кажется, со стороны мѣстечка Березовки — были расположены русскія роты. Съ этими частями перестрѣливались залегшіе большевики. Начало темнѣть, перестрѣлка становилась все оживленнѣй и оживленнѣй. На станцію стали приносить раненыхъ, стало какъ-то больше народа на перронѣ, начали появляться фигуры греческихъ солдатъ и офицеровъ, которые что-то кричали, кого-то ругали. Станціонные служителя, какіе-то штатскіе съ блѣдными лицами передавали слухи, говорили, что м. Березовку заняли большевики, кого-то уже тамъ разстрѣляли и т. д. Намъ не сидѣлось на мѣстѣ, мы съ Иваномъ Ивановичемъ то входили въ вагонъ, то выходили на станцію, то стояли гдѣ нибудь въ сторонѣ, соображая, что дѣлать въ дальнѣйшемъ. — «Кепске — проше пана» — говорилъ Иванъ Ивановичъ мнѣ, вспоминая польскій языкъ. — «Цо то бендзе, цо то бендзе», — острилъ онъ, — «а я на всякій случай здѣсь для насъ съ Вами подводу держу. Приказалъ стражникамъ задержать одного подводчика, можетъ какъ нибудь вывеземъ наши вещи, а то видно, что плохо будетъ.» — Дѣйствительно за станціоннымъ домомъ стояла парная повозка, на которой сидѣлъ мужикъ съ опущенной головой и тихо просилъ стоящихъ стражниковъ: — «та пустить мене до дому.» — «Намъ не приказано — отвѣтилъ ему стражникъ — будетъ время, пустимъ.» — Мы вынесли изъ вагона наши вещи и положили ихъ на подводу, нашъ

мужикъ повеселѣлъ, — «а чи скоро будемъ їхать?» — спросилъ онъ. — «Скоро, скоро,» — отвѣтилъ я ему, не зная совершенно ничего о томъ, что будетъ дальше.

Войдя на станцію, мы увидѣли всѣхъ нашихъ офицеровъ, стоящихъ у стола и наскоро закусывающихъ.

— M. Wladimir — закричалъ мнѣ Жене, — иди ѣсть, а то сегодня намъ большевики не дадутъ поужинать.

Во время ѣды шли оживленные разговоры, говорили, что большевики стрѣляютъ безъ остановки по нашимъ, сидящимъ въ окопахъ. Дѣйствительно все время слышалась непрерывная, частая ружейная перестрѣлка. Закусивши, я вышелъ опять на перронъ, гдѣ солдатъ было все больше и больше, они какъ-то толкались безъ дѣла въ полномъ снаряженіи. Я спросилъ лейтенанта Шантепи, — откуда они и что это значитъ? Онъ при мнѣ задалъ такой-же вопросъ нѣкоторымъ зуавамъ. — «Раненаго принесли» — отвѣтили они. Подъ видомъ сопровожденія раненыхъ были просто ушедшіе съ позицій, особенно много было грековъ. На это обратили вниманіе и, найдя какого-то офицера, Шантепи сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отвелъ своихъ людей на прежнія мѣста. Шантепи кричалъ и горячился, греческій офицеръ безпомощно развелъ руками, а въ это время на перронѣ и вблизи станціи солдатъ появлялось все больше и больше. Маіоръ Жеро, подойдя къ полковнику, сказалъ, что греки уже отправляютъ свои обозы, и дѣйствительно къ станціи приближались вьючные мулы. Полковника позвали къ телефону. Оказывается, его пригласилъ генералъ Д'Ансельмъ. Поговоривъ по телефону, полковникъ Жэ сообщилъ, что приказано держаться до послѣдней возможности. Мнѣ стало какъ-то жутко. Я ощупалъ свой револьверъ, отстегнулъ крышку кобуры и пересчиталъ, сколько имѣется въ запасѣ патроновъ.

— А у меня даже револьвера нѣтъ, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, — нечѣмъ будетъ и застрѣлиться, если насъ захватятъ большевики.

Мы оба были увѣрены, что прійдется принять участіе въ отраженіи нападенія большевиковъ на станцію. Стрѣльба стала слышаться все ближе и ближе. Вдругъ кто то изъ русскихъ офицеровъ — переводчиковъ, прибѣжавъ на станцію, крикнулъ: — «Большевики занимаютъ передніе вагоны!» Станція была забита поѣздными составами, которые нельзя было увести, такъ какъ было недостаточно воды для всѣхъ паровозовъ, большевики уже нѣсколько дней закрыли воду въ Вознесенскѣ, и воду доставляли на станцію въ цистернахъ изъ Одессы.

Сообщеніе прибѣжавшаго офицера подтвердилось. Маіоръ Жеро вызвалъ роту пулеметчиковъ и, расположивъ ее передъ самой станціей, открылъ огонь по вагонамъ.

Ко мнѣ подошелъ лейтенантъ Шантепи и сказалъ мнѣ: — не теряйте меня изъ виду, мы сейчасъ уходимъ. — Я передалъ это Ивану Ивановичу, и мы съ нимъ устремились вслѣдъ за Шантепи къ зданію станціи, тамъ съ оконъ снимали пулеметы и всѣ постепенно выходили. Иванъ Ивановичъ, крикнувъ мнѣ, что онъ пойдетъ отправить подводу съ вещами, потащилъ за собою Шантепи, а я остался съ лейтенантомъ Жене, который, хватая со стола бумаги, совалъ ихъ въ горящую печку, я помогалъ ему въ этомъ. Когда все было окончено, я обратилъ вниманіе, что въ зданіи никого не было; лишь въ сосѣдней комнатѣ сидѣлъ желѣзно-дорожный служащій, блѣдный, съ дрожащей челюстью, и смотрѣлъ въ одну точку.

— Идемъ — крикнулъ мнѣ Жене и направился къ выходу.

— Вы забыли бинокль — сказалъ я, схвативъ со стола большой военный бинокль и передавая ему.

— Это не мой, мой на мнѣ. Берите себѣ, пригодится въ дорогѣ. — Я взялъ

и вышелъ на перронъ. Пулеметчики, прекративъ огонь, уже ушли; мы, видя себя послѣдними, побѣжали и скоро нагнали молча идущихъ солдатъ.

— Compagnie hors rang? — спрашивалъ Жене. Ему отвѣтили, что впереди, и мы ускорили шаги и скоро догнали нашъ штабъ полка, идущій во главѣ команды писарей и другихъ составляющихъ Compagnie hors rang 1 R. M. d'Afrique; не было только полковника и доктора.

Станція Березовка расположена въ глубокой долинѣ, идущей съ сѣвера на югъ. Съ востока на западъ эту долину замыкаютъ довольно высокіе холмы. По этой-то долинѣ и проходитъ линія желѣзной дороги Одесса-Бахмачъ. Приблизительно въ верстѣ или больше на югъ отъ станціи долину эту пересѣкаетъ подъ прямымъ угломъ небольшая болотистая рѣчка, черезъ которую перекинутъ желѣзно-дорожный мостъ; приближаясь къ рѣкѣ, мѣстность значительно понижается и вслѣдствіе этого линія желѣзной дороги проходитъ по все поднимающейся насыпи. Такимъ образомъ, идя на югъ, мы съ каждымъ шагомъ впередъ скрывались все глубже и глубже за насыпью, и скоро съ нашей лѣвой стороны были совершенно закрыты ею, съ правой-же стороны, разстилалась широкая степь, на которой ничего не было видно и все было спокойно. Почувствовавъ себя въ безопасности отъ выстрѣловъ и не видя за собой преслѣдованія, мы пріободрились, — всѣмъ стало легче, начали разговаривать въ полъ голоса. Кто закурилъ, но сейчасъ-же потушилъ папиросу, послѣ окрика лейтенанта Жене. Сзади все было тихо. Мы шли быстро и скоро нагнали подводу съ нашими вещами, которую сопровождали два пѣшихъ стражника. Подвода поѣхала за нами. Черезъ нѣсколько времени показался желѣзно-дорожный мостъ, взошла луна и своимъ блѣднымъ свѣтомъ освѣтила окрестности. Мы поднялись на насыпь, по обѣ стороны которой разстилалась широкая, пустынная долина, и лишь по насыпи желѣзной дороги видна была растянувшаяся колонна отступающихъ войскъ. Солдаты шли въ полномъ снаряженіи, а греки вели въ поводу вьючныхъ муловъ и маленькихъ хорошенькихъ осликовъ. Скоро передовые вступили на мостъ и стали переходить черезъ него. Съ насыпи я видѣлъ нашу подводу, которая въ нерѣшительности оставновилась на берегу рѣчки, — переправы не было. На мосту началось какое-то замѣшательство, послышались крики и ругань, — ругались французы, греки цокали и что-то кричали въ отвѣтъ, чего никто не понималъ. Подойдя ближе, мы увидѣли, что на мосту, не приспособленномъ для ѣзды и пѣшеходовъ, нѣтъ сплошной деревянной настилки, а доски лежатъ съ промежутками. По мосту греки повели своихъ муловъ и ословъ, вьюченныхъ пулеметами и другимъ военнымъ имуществомъ. Эти несчастныя животныя попадали ногами въ промежутки между досками, падали, калѣчились и не могли подняться. Скоро мостъ былъ забитъ такими упавшими мулами, и, только лавируя между ними, можно было пройти по нему.

Перейдя на другой берегъ рѣки, мы остановились около моста и стали смотрѣть въ сторону Березовки, — тамъ была полная тишина. Черезъ мостъ проходили послѣдніе люди, и скоро никого не осталось на той сторонѣ. Мы съ Шантепи продолжали стоять и задумчиво смотрѣть. Наши спускались съ насыпи и взяли направленіе на востокъ. За мостомъ на другомъ берегу мелькнуло нѣсколько огоньковъ и раздались выстрѣлы — это по насъ выпалили подошедшіе къ мосту развѣдчики. Мы моментально скрылись за насыпью и скоро присоединились къ своимъ. Будучи увѣрены, что большевики отрѣзали намъ отступленіе на югъ, занявъ слѣдующую за Березовкою станцію, мы рѣшили описать по степи дугу и выйти на линію желѣзной дороги южнѣе.

Роты французовъ и грековъ расходились въ юго-восточномъ направленіи по различнымъ полевымъ дорожкамъ. На наше счастье теплый весенній день смѣнился ясной морозной ночью, и оттаявшая за день подъ горячими лучами солнца степь стала твердой какъ камень, и намъ можно было итти легко и свободно. На ходу всѣ громко разговаривали, курили и смѣялись, чувствуя, что опасность миновала. Мы ожидали услышать звуки отъ взрыва моста, но ничего не было слышно, очевидно вагонъ со взрывчатыми веществами остался на Березовкѣ. На перекресткѣ двухъ полевыхъ дорогъ мы встрѣтились съ батальономъ грековъ, которые на ходу не переставали что-то кричать, волноваться, цокать; вся дорога ихъ отступленія была усѣяна бросаемыми ими предметами снаряженія, — валялись каски, одѣяла, патронташи и т. д. Очевидно, не втянутымъ въ походную жизнь солдатамъ тяжело было нести полное походное снаряженіе, и они себя постепенно облегчали.

При видѣ насъ, изъ рядовъ по русски кто-то сталъ кричать намъ — стойте, Ваше Высокоблагородіе; мы съ Иванъ Ивановичемъ пошли на крикъ и увидѣли одного изъ двухъ стражниковъ, бывшихъ съ нашими вещами. Онъ сталъ просить освободить его отъ грековъ, которые захватили его въ степи, отняли винтовку, дали раза два по шеѣ и приказали вести въ Одессу. Подошелъ греческій переводчикъ, это былъ какой-то юноша почти мальчикъ, типа служащихъ въ Одесскихъ банкирскихъ конторахъ; онъ объяснилъ намъ, что они взяли этого человѣка какъ проводника и не знаютъ, кто онъ, не будучи увѣрены, что это не большевикъ. Мы сообщили, что это полицейскій стражникъ, сопровождавшій наши вещи. Греки просили оставить его у нихъ, говоря, что они могутъ безъ проводника заблудиться въ степи. Мы имъ это разрѣшили и разошлись. Греки стали удаляться, но еще долго слышался ихъ крикъ и цоканье. Иванъ Ивановичъ, въ которомъ заговорила греческая кровь, тоже началъ волноваться и ругать громко грековъ, которые посмѣли самовольно захватить нашего проводника. На встрѣчу намъ попался всадникъ: это былъ русскій офицеръ изъ эскадрона, который, какъ говорилъ онъ, разсыпанъ по степи, чтобы указывать направленіе отступающимъ; много, говорилъ онъ, идетъ одиночныхъ грековъ и никакъ не могутъ сообразить направленіе.

Скоро насъ опять кто-то окликнулъ по русски, — это былъ нашъ стражникъ, который ухитрился скрыться отъ грековъ.

— Ужъ очень народъ горячій, — говорилъ онъ, — идутъ и кричатъ все время, ихъ за версту слышно, съ ними прямо на большевиковъ наскочишь.

Иванъ Ивановичъ сталъ разспрашивать, что стало съ нашей подводой. Стражникъ отвѣтилъ, что другой стражникъ съ подводчикомъ отправились искать бродъ, но не знаетъ, удалось-ли имъ это, такъ какъ его увели греки.

Нашъ быстрый ходъ постепенно замедлялся и перешелъ въ болѣе медленный.

Вскорѣ лейтенантъ Жене устроилъ привалъ, — всѣ сѣли и стали говорить. Вспомнили объ отсутствующихъ.

Гдѣ-то нашъ полковникъ и докторъ? спросилъ я, будучи увѣренъ, что они идутъ съ другими ротами.

— Докторъ остался съ ранеными на Березовкѣ, — отвѣтилъ мнѣ лейтенантъ Жене, — я это знаю, онъ говорилъ мнѣ самъ, что не можетъ оставить ихъ однихъ въ рукахъ непріятеля.

Мы вопросительно посмотрѣли съ Иваномъ Ивановичемъ другъ на друга, остальные офицеры спокойно курили, очевидно, не придавая этому обстоятельству значенія. Они еще не знали, что значитъ попасть къ большевикамъ.

— Ну, а полковникъ? — спрашивалъ я.

— О, онъ навѣрное застрѣлился самъ, — отвѣтилъ мнѣ лейтенантъ Шантепи. Остальные молча согласились съ этимъ, такъ какъ всѣ они думали, что самолюбіе стараго офицера, продѣлавшаго всю войну съ «бошами», не позволитъ ему перенести такое позорное пораженіе, нанесенное его отряду какой-то бандой. Какъбы желая придать больше значенія силамъ большевиковъ, офицеры стали разсказывать, какъ храбро шли они на окопы, въ которыхъ сидѣли греки и рота французовъ. Шли во весь ростъ и почти не стрѣляя, и даже не нагибая головы; греки открыли огонь по нимъ, когда они еще были очень далеко, а когда подошли на ружейный выстрѣлъ, то стали выскакивать изъ окоповъ и бѣжать на станцію, поэтому французы, видя себя покинутыми греками и будучи въ очень небольшомъ числѣ, давъ нѣсколько залповъ, оставили позицію и ушли на станцію. Лейтенантъ Жене вспомнилъ, что въ поѣздѣ, кромѣ всѣхъ вещей, остался большевикамъ большой запасъ только что присланныхъ изъ Одессы для столовой винъ и всякой провизіи.

Отдохнувъ немного, мы двинулись дальше. Съ приближеніемъ утра итти было все тяжелѣе, силы наши все уменьшались, въ то же время подулъ теплый вѣтерокъ, — степь стала мягче, и на каблуки стала приставать земля: приходилось останавливаться, поднимать по очереди ноги и сбивать землю. Прошли мимо какого-то хутора, расположеннаго близъ степного пруда, разлившагося отъ весенней воды, спустились въ балку, потомъ опять поднялись на возвышенность и, считая, что мы достаточно удалены отъ линіи желѣзной дороги, повернули на югъ, а затѣмъ, пройдя значительное разстояніе, взяли направленіе на юго-западъ, разсчитывая такимъ образомъ выйти на линію желѣзной дороги. Такъ шли всю ночь, по временамъ дѣлая привалы, которые, правду говоря, мало возстановляли наши силы. Казалось, конца не будетъ нашему пути. Привыкнувъ проходить большія разстоянія по степи на охотѣ, я чувствовалъ себя ужъ не такъ плохо, но бѣдный Иванъ Ивановичъ совсѣмъ выбился изъ силъ и все просилъ сказать лейтенанту Жене, чтобы тотъ сдѣлалъ привалъ, а когда я говорилъ объ этомъ, то сейчасъ-же заявлялъ, что онъ еще не усталъ и можетъ двигаться дальше.

Подъ утро мы услыхали вдали лай собакъ, а затѣмъ мелькнули огоньки. Мѣстность стала понижаться, внизу показалось какое-то село. Кто-то увидѣлъ дымъ паровоза, значитъ, мы были у линіи желѣзной дороги. Что это за село было передъ нами — никто на зналъ.

Не доходя нѣсколькихъ сотъ шаговъ до села, мы остановились и зашли въ оврагъ. Жене предложилъ мнѣ взять двухъ зуавовъ и пойти въ деревню узнать, гдѣ мы и нѣтъ ли какихъ войскъ въ селѣ.

— Если будетъ не благолучно — свисните и бѣгите къ намъ. А если все спокойно — пришлите одного зуава за нами.

Я пошелъ впередъ; спустившись къ селу, мы остановились у первой хаты. Я подошелъ къ окну, въ которомъ горѣлъ огонь, и заглянулъ туда: двѣ женщины хлопотали, приготовляясь печь хлѣбъ, — одна мѣсила тѣсто, а другая возилась около печи. Я постучалъ въ окно и затѣмъ вошелъ въ хату; при моемъ приходѣ обѣ женщины съ удивленіемъ посмотрѣли на меня. Я поздоровался и спросилъ ихъ — что это за село?

— Славяно-Сербка, — отвѣчали онѣ.

— А гдѣ живетъ староста? — продолжалъ разспрашивать я. Оказалось, что староста живетъ недалеко; — за нимъ сейчасъ-же послали мальчика. Явился староста; я сталъ разспрашивать — нѣтъ-ли кого въ селѣ. Онъ отвѣтилъ, что ночью

пришли какіе-то люди, обозы и т. д. — Не то греки, не то французы — никто не знаетъ. Я послалъ зуава къ Жене, который черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ хату; за нимъ вошли другіе офицеры; солдаты набились въ сѣни и ушли въ сосѣдніе дома. Стало разсвѣтать. Мы отдыхали, хозяйка поставила на столъ нарѣзанный хлѣбъ, мы попросили воды и, утоливъ жажду, скоро покончили вкусный бѣлый хлѣбъ.

Въ это время Шантепи успѣлъ побывать на станціи и выяснилъ, что съ ближайшей станціи съ сѣвера скоро прійдетъ поѣздъ и съ нимъ пріѣдетъ полковникъ Жэ, который отступилъ съ первымъ батальономъ. Теплая комната и отдыхъ разморили насъ; всѣ сидѣли и дремали отъ усталости. Просидѣвъ такъ съ часъ времени, мы поднялись, поблагодаривъ хозяйку за гостепріимство и угощеніе, причемъ она категорически отказалась отъ денегъ. Мы пошли на станцію.

Проходя по селу, мы увидѣли стоящіе на площади обозы, — это изъ Одессы на фронтъ шли воинскіе грузы. Толпились греческіе солдаты, мелькали красныя шапки зуавовъ. Станціонное зданіе было сплошь забито солдатами и офицерами. Въ буфетѣ кипѣлъ самоваръ и къ нему стояла очередь русскихъ офицеровъ, желавшихъ выпить горячаго чайку послѣ тяжелой ночи: это былъ нашъ эскадронъ, тоже отступившій вмѣстѣ съ нами.

Скоро подошелъ поѣздъ, изъ котораго вышелъ полковникъ Жэ. Видъ его былъ сконфуженный. Мы выражали ему наше удовольствіе, что видимъ его живымъ. Онъ сейчасъ-же отдалъ приказъ всѣмъ французамъ грузиться въ пришедшій поѣздъ и задержать на станціи всѣхъ грековъ, такъ какъ послѣдовало распоряженіе намъ итти въ Одессу, а грекамъ на фронтъ изъ Одессы идутъ подкрѣпленія. Мы сѣли въ вагоны, и поѣздъ скоро двинулся.

Изъ разсказовъ полковника мы узнали, что большевикамъ оставили богатую добычу. Танки, пушки, военное снаряженіе, даже лошади эскадрона chasseurs d'Afrique, — все было брошено. Жене опять вспомнилъ про свои запасы вина и провизіи, полученные для «попотъ». Но дѣлать было нечего. Появились откуда-то консервы, которыми мы и закусили вмѣстѣ съ галетами. По дорогѣ намъ попадались эшелоны съ греческими войсками, идущими изъ Одессы.

Часамъ къ четыремъ дня мы пришли на Одессу-Товарную. Извозчиковъ не было, трамвай не ходилъ, и мы должны были добираться домой пѣшкомъ. Въ городѣ шла нормальная жизнь и какъ-то было странно послѣ всего пережитаго идти по улицамъ мирнаго города въ неподходящемъ для города костюмѣ съ ноющими отъ усталости ногами и горящимъ отъ вѣтра лицомъ. Нѣкоторые прохожіе съ любопытствомъ на насъ оглядывались; мы могли бы разсказать имъ много интереснаго. Распростившись и поздравивъ другъ друга съ избавленіемъ отъ опасности, мы разстались съ Иваномъ Ивановичемъ, — каждый пошелъ по своей дорогѣ.

Катастрофа подъ Березовкой въ Одессѣ не произвела почти никакого впечатлѣнія, такъ какъ въ мѣстныхъ газетахъ про нее ничего не писали, а немногочисленные участники изъ русскихъ, бывшіе очевидцами позорнаго бѣгства иностранныхъ войскъ отъ наступавшихъ бандъ Григорьева, не могли оповѣстить широкую публику, поэтому въ городѣ все шло по старому. Огромное количество иностранныхъ войскъ, наводнившихъ городъ, невольно успокаивало даже тѣхъ, въ чью душу успѣло закрасться нѣкоторое сомнѣніе въ прочности своего положенія и недовѣрія къ охранѣ французами города. Я говорю именно французами потому, что, хотя грековъ было и очень много, но они находились въ полномъ ихъ подчиненіи. Даже дома, несмотря на то, что я подробно раз-

сказалъ о случившемся и высказалъ свое предположеніе о томъ, что французы въ одинъ прекрасный день могутъ оставить Одессу такъ же легко, какъ они это сдѣлали подъ Березовкой, мнѣ пришлось выслушать упрекъ въ томъ, что я сѣю панику, и лишь сестра жены моего брата упорно твердила, что разъ высшее французское командованіе спуталось съ еврейскими артистками Изой Креммеръ, Вѣрой Холодной и другими, то добра отъ этого не будетъ, — евреи поставятъ на своемъ и сдадутъ большевикамъ Одессу, покинувъ ее на произволъ судьбы.

Наше начальство, которому мы съ Иваномъ Ивановичемъ подробно доложили о событіяхъ подъ Березовкой, было также довольно спокойно и отнюдь не предугадывало грядущихъ событій. Въ концѣ концовъ и мы, видя общее спокойствіе, тоже пришли къ заключенію, что авось все будетъ благополучно и урокъ, полученный французами подъ Березовкой, послужитъ имъ на пользу.

Наши пріятели изъ 1-го африканскаго полка понемногу оправились отъ пережитыхъ волненій, успокоились и ждали, что имъ опять прійдется идти на фронтъ и проучить большевиковъ за ихъ дерзость — обратившихъ въ бѣгство ихъ, побѣдившихъ непобѣдимыхъ бошей.

Потерявъ всѣ свои вещи на Березовкѣ и выскочивъ оттуда, въ чемъ были одѣты, они чувствовали себя стѣсненными въ костюмахъ и никуда не показывались изъ артиллерійскаго училища, гдѣ они были расквартированы. И. И. С., капитанъ Ш. и я, пользовавшіеся ихъ вниманіемъ и гостепріимствомъ, рѣшили имъ дать реваншъ и пригласили ихъ поужинать съ нами въ ресторанъ, но они заявили категорически, что не могутъ всѣ оставить своихъ казармъ. Не желая оставить нашу затѣю невыполненной, мы рѣшили устроить ужинъ въ мѣстѣ расположенія полка и, получивъ разрѣшеніе коменданта, воспользовались для этого столовой училища, пригласивъ всѣхъ офицеровъ штаба полка на ужинъ.

Ужинъ прошелъ оживленно. Лишь воспоминаніе о погибшемъ докторѣ Віолетъ, который, какъ передали, былъ разстрѣлянъ большевиками тотчасъ по занятіи ими станціи, огорчало всѣхъ.

Изъ общихъ разговоровъ и рѣчей, которыя произносились присутствующими офицерами, видно было, что они далеко не отказались отъ тѣхъ желаній, которыя высказывали во время нашего путешествія на Колосовку. Они были увѣрены, что борьба съ большевиками будетъ вестись до конца, и лишь думали, что опытъ Березовки укажетъ начальству, что это дѣло серьезное и браться за него надо осторожнѣй. — Нельзя было — говорили они — выдвигать такъ далеко такой маленькій отрядъ войскъ и подвергать его напрасному риску, жертвой чего сдѣлался бѣдный докторъ и многіе другіе, и ронять авторитетъ арміи. — И проникнутые полнымъ довѣріемъ къ своему начальству, они были увѣрены, что начальство это дастъ большевикамъ соотвѣтствующій урокъ, направивъ на фронтъ должное количество войскъ изъ Одессы. Возможности ухода изъ Одессы они не только не ожидали, но это даже имъ и въ голову не приходило; нельзя оставить не смытымъ позоръ, нанесенный французскому оружію кучкой бандитовъ. Это окончательно разсѣяло наши опасенія, и мы, возвращаясь домой, говорили о возможности нашего скораго отъѣзда въ Вознесенскъ и о предстоящей дѣятельности въ качествѣ административныхъ лицъ. Въ Вознесенскѣ находились дочери Ивана Ивановича, и онъ особенно стремился туда.

Прошло нѣсколько дней. Несмотря на то, что фронтъ еще болѣе приблизился къ Одессѣ, въ городѣ было спокойно; лишь разнорѣчивые о происходящемъ въ высшемъ управленіи слухи смущали умы обывателей. Газеты были полны всякихъ сообщеній, говорящихъ о формированіи франко-русскихъ бри-

гадъ, предстоящей мобилизаціи, возведеніи укрѣпленій кругомъ Одессы и т. д. Но на дѣлѣ ничего этого не дѣлалось — все это лишь было на бумагѣ.

Въ то же время на политическомъ горизонтѣ появились новыя личности. Неизвѣстно откуда выплылъ и сталъ играть большую роль въ административной жизни Одессы именовавшій себя французскимъ консуломъ г. Эно. Женатый на русской еврейкѣ, онъ сталъ особенно популяренъ въ коммерческихъ кругахъ города. Желающіе выѣхать изъ Одессы лишь при содѣйствіи его супруги получали визы; для этого въ одномъ изъ номеровъ Лондонской гостиницы была устроена чуть-ли не настоящая канцелярія. Былъ установленъ «твердый» курсъ на визы въ нѣсколько тысячъ рублей, сколько именно — теперь не помню. Участіе въ дѣлѣ управленія областью г-жи Эно было настолько велико, что бывшій въ тѣ дни въ Одессѣ поэтъ Мятлевъ, поставленный создавшимися условіями въ безвыходное положеніе, написалъ слѣдующее четверостишіе:

Сижу я безъ подштанниковъ —
Теперь мнѣ все равно:
Одессой правитъ Санниковъ,
Или М-ме Эно!!!

И дѣйствительно, русскія власти были въ полной зависимости отъ французовъ, а тѣ въ свою очередь, не имѣя возможности разобраться въ мѣстныхъ условіяхъ, вслѣдствіе отсутствія у нихъ соотвѣтствующихъ знаній и опыта, попадали подъ различное вліяніе той или другой партіи и въ послѣднее время всецѣло находились подъ вліяніемъ еврейскихъ круговъ Одессы, сочувствовавшихъ большевикамъ и боявшихся утерять «завоеванія революціи». Въ Одессу въ это время наѣхало масса бѣженцевъ изъ Кіева и другихъ мѣстъ, успѣвшихъ выбраться оттуда при отходѣ петлюровцевъ передъ большевиками. Путешествія этихъ бѣженцевъ были полны всякаго рода приключеній. Прибылъ тоже бывшій Гетманскій губерніальный староста Волыни Андро и, какъ человѣкъ большой энергіи и силы воли, пытался войти въ сношеніе съ французскимъ командованіемъ и оказать на него соотвѣтствующее вліяніе. Опять заговорили о созданіи украинской національной власти въ видѣ какой-то директоріи, такъ какъ добровольческая власть оказалась слабой и неспособной къ организаціонной работѣ. Около Андро сгруппировались земельные собственники, или, какъ ихъ стали называть, «хлиборобы». Появились надежды на твердость власти и на прочность положенія. Генералъ Д'Ансельмъ, до котораго очевидно дошли слухи о всевозможныхъ разговорахъ по городу, въ одинъ прекрасный день на страницахъ мѣстныхъ газетъ и въ спеціальныхъ объявленіяхъ, расклеенныхъ по городу, сообщилъ населенію, что Одесса ни въ коемъ случаѣ сдана большевикамъ не будетъ, что въ его распоряженіи имѣется достаточное количество военной силы для ея обороны. И дѣйствительно весь городъ былъ наполненъ войсками всѣхъ видовъ — были даже негры и тонкинцы. — Въ порту стояли неразгруженные транспорты, на пристани строились спеціальные холодильники для мороженаго мяса для продовольствія войскъ, дѣлались всевозможныя приготовленія для длительнаго пребыванія арміи на Югѣ Россіи.

Я въ это время былъ тоже занятъ — приходилось организовывать администрацію, писалъ приказы о назначеніи различныхъ должностныхъ лицъ, собравъ свѣдѣнія объ ихъ предшествующей службѣ и дѣятельности, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ при губернаторѣ и т. д.

Не помню, въ какой именно день, утромъ у меня возникло сомнѣніе по одному изъ вопросовъ, касающемуся уѣздной стражи, и для разрѣшенія этого вопроса я отправился на Спиридоновскую улицу, гдѣ помѣщалась канцелярія начальника губерніи.

Въ канцеляріи по обыкновенію была масса народу. Пробравшись черезъ нее, я отыскалъ полковника Э. — инспектора стражи губерніи и обратился къ нему съ интересующимъ меня вопросомъ. Полковникъ удивленно посмотрѣлъ на меня и спросилъ меня голосомъ, въ которомъ ясно слышалось подавляемое раздраженіе:

— Вы, очевидно, ничего не знаете: французы уходятъ — надо немедленно готовиться къ эвакуаціи.

Меня какъ обухомъ ударило по головѣ. Я ничего не сказалъ и вышелъ. Собравшись съ мыслями, я отыскалъ правителя канцеляріи и спросилъ его, какія существуютъ распоряженія по поводу эвакуаціи. Онъ разъяснилъ мнѣ, что требуется немедленно составить списки на полученіе служащими жалованія за шесть мѣсяцевъ впередъ и каждый желающій эвакуироваться долженъ сообщить, куда онъ желаетъ ѣхать — въ Бессарабію или на Кавказъ. Все это необходимо сдѣлать сейчасъ-же. Вызвавъ начальника уѣздной стражи и попросивъ его озаботиться о всемъ необходимомъ, я посѣтилъ кабинетъ начальника губерніи, который только что прибылъ; тамъ уже были другіе чины губернской администраціи. Видъ у всѣхъ былъ угнетенный и встревоженный. Всѣ разспрашивали губернатора, что значитъ такое неожиданное рѣшеніе французовъ, почему все это произошло? Губернаторъ только пожималъ плечами и отвѣчалъ: — Ничего не извѣстно, никто ничего не понимаетъ, почему это произошло. Еще вчера на совѣщаніи при Д'Ансельмѣ никому и въ голову не приходило о могущей быть эвакуаціи. Получены какія то распоряженія.

Назначивъ намъ время собраться всѣмъ на слѣдующій день для полученія денегъ и билетовъ на выѣздъ, губернаторъ уѣхалъ по своимъ дѣлалъ, а мы, поговоривъ еще немного, разошлись по домамъ устраивать свои дѣла и готовиться къ отъѣзду.

Мы съ Иванъ Ивановичемъ рѣшили побывать у нашихъ французовъ въ полку и попросить ихъ взять насъ съ собою. Пріѣхавъ въ артиллерійское училище, мы всѣхъ нашихъ пріятелей застали за завтракомъ. Усадивъ насъ за столъ, они принялись любезно угощать насъ. Мы сейчасъ-же изложили имъ цѣль нашего прибытія, и полковникъ Жэ съ любезной улыбкой сообщилъ намъ, что понятно не можетъ быть никакого сомнѣнія, — мы можемъ ѣхать съ ними, при чемъ добавилъ, что его полкъ будетъ уходить послѣднимъ и что у насъ есть достаточно времени приготовиться, такъ какъ сначала должны пройти всѣ войска съ фронта, а потомъ уже оставимъ городъ и мы. Мы поблагодарили и попросили разрѣшенія по окончаніи своихъ дѣлъ перебраться къ нимъ въ казарму, такъ какъ въ городѣ нельзя было узнать точно время ухода полка. Обезпечивъ себѣ отступленіе, мы отправились домой. Въ городѣ уже было извѣстно объ уходѣ французовъ. Вѣсть эта произвела на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе; всѣ смотрѣли сумрачно и выглядѣли какъ-бы постарѣвшими и осунувшимися. На языкѣ у всѣхъ только и было — на чемъ ѣхать. Всѣ старались получить заграничный паспортъ и визу. Полученіе этого сопряжено было съ большими хлопотами, поэтому почти всѣ были въ разгонѣ. Впопыхахъ разсказывали другъ другу новости о томъ, что министерство Клемансо пало и новый кабинетъ, являясь противникомъ интервенціи, отдалъ распоряженіе объ оставленіи французскими войсками Одессы. Говорили объ измѣнѣ, о соглашеніи французскаго командованія съ большеви-

ками, о сдачѣ города, о томъ, что соглашеніе куплено цѣною многихъ милліоновъ и что состоялось оно при непосредственномъ участіи Изы Креммеръ, очаровавшей генерала Д'Ансельма и т. д.

Мой планъ ухода съ французами дома одобрили и стали помогать мнѣ собираться въ дорогу. Приготовивъ необходимыя вещи, я почувствовалъ всю тяжесть оставленія родного дома на неопредѣленное время; будучи совершенно спокоенъ за себя, я въ тоже время тревожился за судьбу своихъ близкихъ, не имѣющихъ возможности выѣхать изъ Одессы. Оставаться съ ними мнѣ было очень рисковано и безполезно, такъ какъ я все равно ничѣмъ не могъ помочь имъ. а взять своихъ съ собою не представлялось никакой возможности.

Получивъ отъ начальника губерніи свое жалованіе и билеты на желѣзную дорогу по линіи Аккерманъ-Одесса, я почувствовалъ себя свободнѣе, такъ какъ всѣ мои служебныя обязанности окончились, и я могъ думать лишь о себѣ, такъ какъ никто изъ служащихъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда не собирался эвакуироваться. Послѣднее свиданіе съ начальникомъ губерніи было назначено послѣ обѣда часовъ въ пять. Я поторопился на Спиридоновскую улицу въ канцелярію, но тамъ уже было все пусто. Какой-то человѣкъ подметалъ полъ и, увидѣвъ меня, сказалъ, что всѣ уѣхали на пароходъ и что тамъ можно видѣть начальника губерніи. Я пошелъ домой. По дорогѣ уже было неспокойно — раздавались револьверные выстрѣлы. У воротъ домовъ толпились люди, ловящіе и передающіе другъ другу всякіе слухи. На углу Почтовой и Преображенской улицъ какой-то худосочнаго вида мальчикъ лѣтъ 17 громкимъ голосомъ говорилъ о томъ, что надо немедленно взять заложниковъ отъ буржуазіи и потомъ примѣнить въ городѣ терроръ. Я прошелъ мимо, ораторъ оглянулся на меня и замолчалъ. Въ раіонѣ Александровскаго парка было тихо и лишь вдали были слышны выстрѣлы.

Наконецъ, день отъѣзда насталъ. За мною долженъ былъ заѣхать по дорогѣ Иванъ Ивановичъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Сергіевское училище. Я ожидалъ его съ нетерпѣніемъ, назначенный часъ наступилъ и прошелъ, его-же не было, — время уходило. Я вышелъ на улицу, нигдѣ не было ни одного извощика. Какъ быть? Безъ вещей ѣхать нельзя, — а самому до училища ихъ не дотащить. Положеніе создавалось очень непріятное. Я уже думалъ о томъ, что прійдется изъ чемодана выбрать самое необходимое и, положивъ въ сумку, идти пѣшкомъ. Въ это время совершенно неожиданно показалась нагруженная какими то сундуками французская повозка съ двумя зуавами. Повозка эта остановилась рядомъ съ нашимъ домомъ и стала разгружаться. Оказалось, что это привезли чьи то вещи изъ артиллерійскаго училища и что повозка принадлежитъ тому полку, съ которымъ я долженъ двигаться. Объяснивъ солдату свое желаніе ѣхать съ нимъ въ полкъ, я получилъ его согласіе лишь послѣ того, какъ онъ увидѣлъ на моемъ удостовѣреніи печать полка. Быстро вынесъ я свой чемоданчикъ, взвалилъ его на двуколку и, попрощавшись со всѣми своими, двинулся въ путь. Въ это время раздался стукъ колесъ извозчичьей пролетки, — это пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ, который тоже погрузилъ свои вещи вмѣстѣ со мною, и мы тронулись. Сильные мулы легко потащили пустую повозку, и мы скоро были въ училищѣ. По дорогѣ все было спокойно, городъ имѣлъ видъ пустынный и вымершій.

Въ училищѣ, гдѣ стоялъ полкъ и другія части французской арміи, все было спокойно, — никакихъ приготовленій къ уходу еще не было замѣтно. Наши знакомые офицеры разсказали намъ, что французскія войска уходятъ дня черезъ три, такъ какъ достигнуто полное соглашеніе съ большевиками о сдачѣ города: сначала должны оставить городъ всѣ русскія части, поляки, греки и бѣженцы,

а французы уйдутъ лишь тогда, когда уже никого изъ другихъ войскъ не будетъ и въ городъ вступитъ красная армія.

Мы расположились въ комнатѣ вмѣстѣ съ нашими офицерами, съ которыми помѣщались въ одномъ вагонѣ на Колосовкѣ и рѣшили запастись терпѣніемъ. Я сталъ говорить по телефону, — первымъ дѣломъ сообщилъ домой о всемъ, что узналъ отъ французовъ, и пообѣщалъ побывать дома до отъѣзда, если въ городѣ будетъ тихо. Затѣмъ соединился со своимъ знакомымъ В. и узналъ, что они рѣшили ѣхать изъ Одессы на своихъ лошадяхъ и автомобиляхъ, — въ ихъ распоряженіи было два выѣзда и двѣ машины, — выѣзжать они должны были завтра и слѣдовать мимо Сергіевскаго училища. Я пообѣщалъ ихъ встрѣтить по дорогѣ. Многіе другіе знакомые уѣзжали на пароходахъ, попасть на которые можно было лишь за большія деньги.

За обѣдомъ разсказывали, что всѣ войска съ фронта уже подходили къ городу и завтра начнутъ двигаться по направленію на Овидіополь, что въ городѣ уже неспокойно, — происходятъ налеты и грабежи на улицахъ, что французы поддерживаютъ порядокъ и что ихъ не трогаютъ, тогда какъ грековъ подстрѣливаютъ изъ за угла. Говорили о томъ, какъ сильно упалъ на биржѣ рубль и что одинъ франкъ уже стоитъ 12 рублей. Это обстоятельство было очень непріятно французскимъ офицерамъ, такъ какъ свое жалованіе они получали въ русской валютѣ по курсу, установленному для нихъ распоряженіемъ соотвѣтствующаго начальства. На это мы не преминули указать, что при приходѣ нѣмцевъ ими былъ установленъ твердый курсъ на марку и никакія биржевыя ухищренія не могли измѣнить отношенія ея къ рублю, тогда какъ наши союзники французы за все время пребыванія въ Россіи спокойно слѣдили за паденіемъ рубля и не устанавливали никакого опредѣленнаго твердаго курса для франка, лишь примѣняя свой курсъ для уплаты русскими рублями жалованія войскамъ. Поэтому всѣ спѣшили покупать на свободныя русскія деньги всякія вещи и для этого отправились въ городъ. Мы остались дома и коротали время въ разговорахъ. Стало смеркаться, на дворѣ училища какъ-то зашевелились, стали проводить лошадей, муловъ, провозить повозки, что-то выносить изъ помѣщеній и грузить на двуколки. Я еще нѣсколько разъ говорилъ по телефону съ домомъ, и былъ очень огорченъ судьбой своихъ близкихъ, остающихся въ такой опасности. Въ это время одинъ изъ офицеровъ позвалъ меня пойти съ нимъ опросить арестованныхъ не въ далекѣ отъ училища большевиковъ. Прійдя въ помѣщеніе, гдѣ были расположены зуавы, въ углу комнаты мы увидѣли группу человѣкъ въ шесть, сидящую на нарахъ, и между ними одного взрослаго съ внѣшностью портоваго босяка — это былъ ихъ предводитель; всѣхъ ихъ задержали зуавы въ то время, когда они стрѣляли по прохожимъ и бросали бомбы, очевидно желая вызвать въ городѣ панику. Пойманные на мѣстѣ преступленія, они очевидно не сомнѣвались въ своей судьбѣ и ожидали для себя печальнаго конца, — всѣ они сидя кучкой плакали и дрожали мелкой дрожью и не могли говорить отъ волненія и лишь съ большимъ трудомъ старшій изъ нихъ смогъ выговорить, что они ни въ чемъ не виноваты, такъ какъ они бѣдные люди и поэтому, когда стали раздавать изъ артиллерійскаго склада оружіе, то они взяли и себѣ, и ихъ съ этимъ оружіемъ арестовали зуавы. Какая участь постигла ихъ, — я не знаю, — думаю, что при уходѣ французы просто отпустили ихъ на свободу. За ужиномъ мы узнали отъ командира полка, что нашъ полкъ уходитъ завтра, такъ какъ большевики уже подошли къ Одессѣ, и что отношеніе ихъ къ французамъ дружелюбное, ихъ развѣдчики мирно разговаривали съ зуавами, и тѣ угощали ихъ пинаромъ.

Поужинавъ, мы стали устраиваться на ночевку, при чемъ свободныхъ кроватей для насъ съ Иваномъ Ивановичемъ не было. Меня это обстоятельство не смутило, изъ бурки и шинели я соорудилъ себѣ постель и улегся. Иванъ Ивановичъ никакъ не могъ примириться съ мыслью спать на полу и отправился на поиски. Въ сосѣдней комнатѣ онъ обнаружилъ чью-то свободную кровать, на которой и улегся. Часовъ въ 12 ночи явился ко мнѣ сердитый и ругаясь сталъ разсказывать, что явился какой-то молодой офицеръ, который былъ въ командировкѣ въ штабѣ дивизіи и теперь при отступленіи откомандированъ обратно въ полкъ; онъ потребовалъ себѣ кровать, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ ему ее уступить. — Хамы, — горячился Иванъ Ивановичъ, — парикмахеры, а не офицеры. Развѣ-бы у насъ въ полку допустили наши офицеры, чтобы ихъ гости спали на полу въ то время, когда всѣ молодые люди лежатъ въ постеляхъ. Сейчасъ бы ушелъ отъ нихъ домой, если-бы не ночь.

Дѣлать было нечего, разостлавъ свой полушубокъ рядомъ со мною, Иванъ Ивановичъ улегся. Внизу слышалось пѣніе, игралъ грамофонъ. Спать не хотѣлось, и мы молча лежали, иногда лишь обмѣниваясь короткими фразами. Ночь прошла быстро. На разсвѣтѣ мы поднялись и, выйдя на дворъ училища, увидѣли, что все находится въ движеніи, приготовляясь къ выступленію, мимо же училища идетъ потокъ людей и экипажей. Это отступали войска и бѣженцы на Овидіополь. Проходили части русскія, греческія, польскіе легіоны, обозы, извозчики, повозки, автомобили, шли пѣшкомъ — полное переселеніе народовъ. Скоро посреди двора училища появился начальникъ училища генералъ Бореусъ, который сталъ наблюдать за погрузкой, недалеко отъ него сталъ нашъ командиръ полковникъ Жэ. Я въ это время сообщилъ домой по телефону о томъ, что мы уходимъ сегодня и что уже нѣтъ никакой возможности побывать дома, а затѣмъ позвонилъ на квартиру В., откуда мнѣ сообщила прислуга, что всѣ уже уѣхали, но что только сейчасъ пріѣзжалъ экипажъ со старой барыней, которая впопыхахъ при отъѣздѣ забыла свои документы и должна была возвратиться за ними и что будто панича Мишу по дорогѣ арестовали.

Я вышелъ на дорогу, по которой проходили отступающіе, думая, что удастся увидѣть своихъ знакомыхъ, но простоявъ у воротъ долгое время и ничего не дождавшись, пошелъ обратно. Проходя мимо нашего полковника Жэ, я слышалъ, какъ его просила пожилая француженка-гувернантка взять ее съ собою изъ Одессы, такъ какъ она не можетъ выѣхать иначе, а оставаться съ большевиками ей невозможно. Она умоляла его разрѣшить ей помѣститься на одну изъ пустыхъ полковыхъ повозокъ, но полковникъ заявилъ ей категорически, что это запрещено, и былъ неумолимъ, несмотря на слезы и плачъ бѣдной женщины, которая, не добившись ничего, ушла вся въ слезахъ.

Передъ подъѣздомъ флигеля, гдѣ мы помѣщались, стояли двуколки, на которыя грузили вещи офицеровъ и казенное имущество. Мы вынесли свои чемоданчики и обратились къ адъютанту Жене съ просьбой указать, куда мы можетъ положить свои вещи. Взглянувъ на наши чемоданы, кстати сказать бывшіе очень незначительныхъ размѣровъ, Жене пожалъ плечами и заявилъ, что такого багажа намъ брать съ собою нельзя, — у него разсчитано каждое кило и онъ не можетъ перегружать своего обоза.

Иванъ Ивановичъ молча взялъ свой чемоданъ и, подозвавъ стоявшаго случайно извозчика, погрузилъ на него чемоданъ и, попрощавшись со мною, заявилъ:
-- Ну ихъ къ чорту! Съ такими союзниками далеко не уйдешь. Ѣду домой. —
Я остался одинъ. Видя такую сцену, одинъ изъ поваровъ, бывшій съ нами на

Колосовкѣ, подошелъ ко мнѣ и, взявъ мои вещи, уложилъ ихъ на своей повозкѣ, говоря, что здѣсь бы хватило мѣста и для вещей господина С.. Жене въ это время продолжалъ спорить съ русскимъ переводчикомъ ротмистромъ Л., котораго онъ тоже упрекалъ въ томъ, что онъ беретъ съ собой слишкомъ много вещей, ставя себя въ примѣръ.

Ротмистръ на это отвѣтилъ, что это потому, что Жене возвращается къ себѣ домой и дома найдетъ все необходимое, а не уходитъ изъ дома, не зная, что его ожидаетъ впереди. — Кромѣ того, добавилъ ротмистръ, — всѣ ваши вещи остались большевикамъ на Березовкѣ. — Вообще поведеніе Жене и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ съ того времени, какъ рѣшено было уходить ихъ Одессы, совершенно измѣнилось къ худшему.

Когда все было погружено, запрягли муловъ, и повозки наши тронулись къ воротамъ и скоро влились въ общій потокъ отходившихъ войскъ. Мы, постоявъ еще немного и видя, что изъ воинскихъ частей уже никого нѣтъ, а идутъ лишь экипажи и подводы частныхъ лицъ, двинулись впередъ. Первымъ шелъ Жене, указывая направленіе, а за нимъ въ рядъ всѣ офицеры штаба полка, затѣмъ двигалась рота (compagnie hors rang). Скоро прошли тюрьму и, свернувъ съ большой дороги, идущей на Маріинское, пошли полевыми дорожками по направленію къ стрѣльбищному полю. Дорога эта, по которой я ѣздилъ безчисленное число разъ, была мнѣ отлично знакома. По ней я впервые въ 1904 году ѣхалъ къ мѣсту своей службы въ Аккерманскій уѣздъ, а теперь впервые шелъ пѣшкомъ въ такой необычной обстановкѣ. Степь зеленѣла, покрытая свѣжей травкой, жаворонки звенѣли и вѣялъ пріятный весенній вѣтерокъ. Мы шли быстро. Навстрѣчу намъ попался знакомый артиллерійскій офицеръ, который тащилъ на плечахъ свои вещи, — рѣшилъ возвратиться домой, не можетъ оставить свою семью, — и скоро городъ скрылся съ нашихъ глазъ.

Къ вечеру мы добрались до Маріинскаго. Это огромная нѣмецкая колонія, называвшаяся по нѣмецки Gross Libenthal. Тамъ уже расположились на ночлегъ части, вышедшія раньше насъ изъ Одессы. Мы прошли все село и, выйдя на Овидіопольскую дорогу, стали располагаться на ночлегъ въ полѣ подъ самымъ селомъ. Для офицеровъ полка разбили палатки, а для людей подѣлали прикрытія изъ повозокъ и брезентовъ. Начинало смеркаться. Отъ нечего дѣлать мы ходили по бивуаку, заходили въ село. Мѣстные нѣмцы съ сокрушеніемъ качали головами и говорили намъ шопотомъ, что когда германцы уходили отъ нихъ передъ приходомъ французовъ, то говорили, что все равно тѣ долго не будутъ, — такъ и вышло, теперь французы уходятъ, и неизвѣстно, что будетъ. Разсказывали, какъ добровольцы захватили большевиковъ подъ самымъ Маріинскомъ, когда тѣ пытались напасть на отступающихъ. Въ Маріинское все время подтягивались подводы и экипажи бѣженцевъ, ѣдущіе изъ Одессы разными путями. Почти всѣмъ имъ пришлось извѣдать встрѣчи съ отдѣльными бандами большевиковъ, которыя грабили уѣзжающихъ. Бродя такимъ образомъ безъ дѣла по Маріинскому, я невдалекѣ отъ нашей стоянки увидѣлъ группу солдатъ, одѣтыхъ во французскую форму; было ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ, по своему виду они, несмотря на французскую форму, отличались отъ французовъ и были больше похожи на нашихъ. Я подошелъ поближе и услышалъ русскую рѣчь. Ближайшаго изъ нихъ я спросилъ — что это значитъ? почему они одѣты во французскую форму? Онъ отвѣтилъ, что здѣсь всѣ русскіе, поступившіе въ иностранный легіонъ; ихъ подъ шумокъ происходящихъ событій успѣли законтрактовать въ Одессѣ наши союзники, пришедшіе къ намъ на помочь, и теперь спѣшили увести съ собою.

Замѣтивъ, что я разговариваю съ солдатами, ко мнѣ подошелъ унтеръ-офицеръ французъ и заявилъ, что разговаривать съ ними не дозволяется. Я не преминулъ выразить по этому поводу свое удивленіе. Послѣ этого французы вызвали караулъ изъ черныхъ и поставили его кругомъ группы русскихъ, охраняя ихъ отъ всякаго соприкосновенія съ мѣстными жителями.

За ужиномъ я не удержался отъ того, чтобы спросить нашихъ офицеровъ, — что это значитъ, что они, прійдя къ намъ на помощь противъ большевиковъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать добровольческую армію — увеличиваютъ свой иностранный легіонъ? Офицеры смутились и стали отрицать это. Я имъ указалъ на расположенную недалеко отъ насъ группу, какъ на вещественное доказательство. — Это чехо-словаки, возразили они мнѣ. Я не сталъ спорить и лишь отвѣтилъ, — что я говорилъ съ этими «чехо-словаками».

На утро, части, ночевавшія въ Маріинскомъ, стали выходить изъ села и двигаться въ Овидіополь. Мы стояли на мѣстѣ и пропускали всѣхъ и, когда всѣ вышли изъ села, двинулись и мы, но, пройдя верстъ пять, опять останавились и подъ прикрытіемъ желѣзно-дорожной насыпи должны были стоять до полученія распоряженія. Такимъ образомъ мы составляли аріергардъ отступающихъ войскъ, почему приняли всѣ мѣры предосторожности — выставили сторожевое охраненіе, разставили пулеметы и расположились здѣсь на ночлегъ.

Вдали по линіи желѣзной дороги горѣли какіе-то склады, — это отступающіе греки поджигали желѣзно-дорожное имущество. Ночь прошла спокойно. Люди, бывшіе въ сторожевомъ охраненіи, разсказывали, что съ ними переговаривались большевики, которые идутъ за нами слѣдомъ.

На слѣдующій день мы двинулись дальше, и къ часамъ двумъ дня вдали показался днѣстровскій лиманъ, и мы вошли въ Овидіополь.

Въ Овидіополѣ была масса войскъ, всѣ дома были заняты. Намъ указали раіонъ города, гдѣ долженъ былъ расположиться нашъ полкъ. При нашемъ приходѣ оттуда выходили группы русскихъ добровольцевъ и двигались на Бугасъ, тамъ была переправа на Бессарабскую сторону. Нельзя сказать, чтобы они особенно дружелюбно смотрѣли на французовъ. Французскіе офицеры избѣгали встрѣчаться съ ними взглядами и какъ-то конфузились и стѣснялись ихъ. Какъ сейчасъ помню, изъ того дома, въ которомъ была отведена для насъ квартира, вышло три нашихъ офицера, каждому изъ нихъ было лѣтъ по пятидесяти, — длинныя бороды, грубыя солдатскія шинели, мѣшки за плечами и подвѣшенные къ нимъ чайники, дѣлали ихъ удивительно похожими на странниковъ-богомольцевъ и только винтовки за плечами портили это сходство. Я показалъ на эту группу нашему офицеру, лейтенанту Шантепи, тотъ глубоко вздохнулъ и ничего не сказалъ.

Скоро мы устроились, я пошелъ посмотрѣть на Овидіополь, въ которомъ уже довольно давно не былъ. Къ моему удивленію недалеко отъ городской управы стояла въ конномъ строю казачья сотня. По большей части это были все офицеры различныхъ казачьихъ войскъ, между ними я нашелъ своего знакомаго, есаула А...а, женатаго на К. А. В...ъ, съ которымъ я говорилъ по телефону передъ отъѣздомъ. Онъ ничего не зналъ о своихъ, и я сообщилъ ему, что они должны прибыть сюда-же. Въ это время къ сотнѣ подъѣхалъ командиръ ея, полковникъ, и объявилъ, что румыны всѣхъ разоружаютъ и что всѣхъ отправляютъ въ лагерь, поэтому сотню вести, какъ отдѣльную часть, нѣтъ смысла, и каждый можетъ перейти туда подъ видомъ бѣженца. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ казаки разбрелись по Овидіополю и продавали мѣстнымъ жителямъ своихъ лошадей и сѣдла.

Скоро мы и есаулъ А. узнали, что В. уже въ Овидіополѣ и расположились недалеко отъ насъ. Мы отправились къ нимъ и нашли ихъ въ домѣ мѣстнаго церковнаго старосты. При входѣ во дворъ мы увидѣли всѣхъ въ сборѣ, хлопотавшихъ около лошадей и автомобилей. Самъ В. старикъ лѣтъ за 60 и всѣ мужчины были одѣты въ форму греческихъ солдатъ, — я не могъ не разсмѣяться при видѣ такой метаморфозы. Оказывается, по дорогѣ греческіе офицеры взяли ихъ подъ свое покровительство, и всѣ они вмѣстѣ съ греческимъ полкомъ пришли въ Овидіополь и надѣются подъ видомъ грековъ переѣхать въ Бессарабію. Только греческая форма спасла ихъ отъ «реквизиціи» — т. е. грабежа поляками лошадей и автомобилей. Поляки работали во всю и не постѣснялись даже ограбить своего компатріота графа Стиборъ-Мархоцкаго, имѣніе котораго находилось неподалеку отъ Овидіополя.

Въ Овидіополѣ мы должны были простоять нѣсколько дней, такъ какъ часть войскъ отправлялась на Бугасъ, а другая грузилась на шаланды и переправлялась непосредственно въ Аккерманъ. Тутъ только можно было видѣть, какое огромное количество войскъ и всякаго рода военнаго имущества было привезено союзниками въ Одессу. И все это теперь уходило обратно, не достигнувъ цѣли, заставляя всѣхъ думать о томъ, что значитъ это поспѣшное отступленіе и отъ какой грозной силы бѣжитъ эта масса войскъ.

Въ городѣ не хватало провіанта для людей и поэтому французы посылали въ сосѣднія села покупать скотъ; при посланныхъ находились русскіе переводчики. Въ селѣ Колаглеѣ, верстахъ въ семи, мѣстные большевики убили русскаго переводчика поручика Круссера, а въ другомъ мѣстѣ весь отрядъ захватили въ плѣнъ и отправили въ Одессу. Нашъ переводчикъ по счастью для него былъ одѣтъ во французскую форму, его тоже выдали за француза, и такимъ образомъ онъ спасся отъ неминуемаго разстрѣла. По дорогѣ онъ съѣлъ свой паспортъ и по прибытіи въ Одессу уже не имѣлъ при себѣ никакихъ документовъ. Всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ опросили, а затѣмъ отправили на стоящій на рейдѣ французскій миноносецъ и оттуда черезъ Константинополь въ ихъ полкъ. Такимъ образомъ они присоединились къ намъ въ Аккерманѣ. Мы ихъ конечно уже считали погибшими и были несказанно удивлены ихъ пріѣзду.

Такъ большевики держали себя по отношенію къ французамъ. Не то было съ греками, — всѣхъ случайно задержавшихся и отставшихъ грековъ они убивали, поэтому поляковъ и грековъ въ первую голову стали переправлять на другую сторону лимана въ Аккерманъ.

Переправа шла медленно, такъ какъ перевозочныхъ средствъ было немного, и должна была продолжаться много дней. Нашъ полкъ былъ назначенъ въ послѣднюю очередь. Мы были расположены на самомъ концѣ города и выставили сторожевое охраненіе. Скоро подошли большевики и вступили въ мирные разговоры съ французскими солдатами. Послѣ приближенія большевиковъ переправа пошла быстрѣе, такъ какъ они начали требовать очищенія херсонской губерніи и ухода въ Бессарабію, поэтому много автомобилей и повозокъ, которые вначалѣ должны были быть переправлены на баржахъ, отправили на Бугасъ, гдѣ они застревали въ сыпучихъ пескахъ.

Вообще переправа на Бугасѣ была сопряжена съ большими трудностями и непріятностями, такъ какъ тамъ румынскія власти производили разоруженіе русскихъ частей и реквизицію имущества, въ этомъ отношеніи не отставали и французы, стараясь на перебой захватить что нибудь — автомобиль или лошадей. Все это быстро стало извѣстно въ Овидіополѣ, и поэтому всѣ русскіе бѣ-

женцы старались во чтобы то ни стало избѣжать Бугаса и попасть на баржи; сдѣлать это было очень трудно, и единственная къ тому возможность была пробраться въ Аккерманъ съ воинскими частями въ формѣ французовъ или грековъ.

Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что французы въ этомъ отношеніи были гораздо хуже грековъ, — въ то время какъ греки и охотно и любезно принимали русскихъ бѣженцевъ въ свои части, одѣвали ихъ въ свою форму и перевозили въ Аккерманъ, французы отличались своей строгостью, точно исполняя распоряженіе начальства, и слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не проникъ изъ не имѣющихъ права на баржи и пароходы, дѣлая исключеніе лишь для дамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода въ Овидіополь наши офицеры рѣшили съѣздить посмотрѣть Аккерманъ и пригласили меня съ собою. Прослуживши въ аккерманскомъ уѣздѣ съ 1904 по 1906 годъ, я хорошо зналъ городъ, и у меня тамъ было много знакомыхъ, поэтому мнѣ было интересно побывать въ Аккерманѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Компаніей въ нѣсколько человѣкъ мы пошли на пристань и стали размѣщаться по лодкамъ. Въ это время ко мнѣ подошелъ дежурный на пристани французскій офицеръ нашего-же полка, съ которымъ мы были вмѣстѣ на Колосовкѣ и вмѣстѣ бѣжали изъ подъ Березовки, и заявилъ, что мнѣ нельзя ѣхать на ту сторону, такъ какъ приказано русскихъ никого не пускать. Я не сталъ ему возражать, а молча вынулъ изъ своего бумажника выданное когда-то мнѣ изъ Штаба Д'Ансельма удостовѣреніе о томъ, что я слѣдую въ распоряженіе командира 1 Африканскаго маршевого полка и всѣ власти войскъ французскихъ и союзныхъ обязаны оказывать помощь и покровительство, и визитную карточку генерала Д'Ансельма, которую онъ прислалъ мнѣ послѣ моего къ нему визита, и предъявилъ ихъ строгому лейтенанту и безпрепятственно усѣлся въ лодку. Лейтенантъ Шантепи сталъ ругать лейтенанта за ненужный формализмъ; тотъ оправдывался категорическимъ приказаніемъ начальства.

Мы отчалили. Погода была отличная; спокойный лиманъ, голубое небо, легкій весенній вѣтерокъ дѣлали переѣздъ очень пріятнымъ. Я невольно вспоминалъ, сколько разъ приходилось мнѣ переправляться черезъ тотъ-же лиманъ за время моей службы въ Бессарабіи и какъ сильно измѣнились обстоятельства съ того времени.

Скоро мы причалили и вышли на берегъ. Наши офицеры стремились въ главную квартиру, которая была расположена въ помѣщеніи уѣздной Земской Управы, я повелъ ихъ туда, и скоро мы пришли на мѣсто. Войдя въ помѣщеніе огромнаго зданія Управы, которое я зналъ отлично въ прежніе годы, я былъ пораженъ его видомъ, такъ оно было опустошено и загажено. Впослѣдствіи я узналъ, что это надѣлали румыны, увезя къ себѣ большую часть обстановки и имущества земства. Офицеры ушли по своимъ дѣламъ, а я пошелъ бродить по городу. Мы условились встрѣтиться на берегу.

Выйдя на улицу, я отправился по знакомымъ мнѣ мѣстамъ къ центру города. Тутъ я обратилъ вниманіе на то, что всѣ русскія вывѣски были сняты и замѣнены румынскими, на улицахъ-же всюду раздавалась русская рѣчь и не было слышно ни одного румынскаго слова, румынскихъ войскъ и полиціи почти не было видно. Я зашелъ въ помѣщеніе уѣзднаго съѣзда, въ которомъ меня поразила та-же картина, что и въ Земской Управѣ — опустошеніе и грязь.

Скоро я вышелъ къ базарной площади. Одѣтъ я былъ во французскую форму, и на меня, какъ и на другихъ французовъ, съ любопытствомъ оглядывались мѣстные жители. Французскіе солдаты на лоткахъ покупали всякія вещи и вели

оживленный разговоръ. Я съ кѣмъ то заговорилъ по русски, публика была очень удивлена этимъ, и скоро около меня собралась большая толпа; я сталъ разспрашивать о румынскихъ порядкахъ. Всѣ единодушно стали ругать румынъ, которые пришли сначала помогать русскимъ противъ большевиковъ, а потомъ объявили Бессарабію присоединенной къ Румыніи. Особенно возмущался пожилой крестьянинъ молдаванинъ въ большой сѣрой шапкѣ — «Пришелъ какой-то цыганъ и каже шо онъ мени братъ», — говорилъ онъ съ особымъ молдаванскимъ акцентомъ, глухо выговаривая букву «л», — «а какой онъ мнѣ братъ, когда я русскій человѣкъ.» Такъ за короткій срокъ своего пребыванія румыны своимъ неумѣлымъ и нетактичнымъ поведеніемъ обрусили скорѣе молдаванское населеніе, чѣмъ русское правительсто за сто лѣтъ своего управленія, такъ: въ прежнія времена молдаване, даже знавшіе по русски, демонстративно отвѣчали на своемъ языкѣ «нушти русешти» и только послѣ того, какъ бывало обратишься съ вопросомъ по молдавански, переходили на русскій языкъ.

Вообще, какъ на херсонскомъ берегу предметомъ разговоровъ и общей ненависти были большевики, такъ на бессарабскомъ берегу такой-же популярностью пользовались румыны. Жители той и другой мѣстности съ нетерпѣніемъ ожидали — херсонцы прихода румынъ для освобожденія отъ большевиковъ, а бессарабцы большевиковъ для освобожденія отъ румынъ. Большевиковъ еще въ Аккерманѣ почти не знали и разсказамъ про ихъ подвиги и систему управленія не вѣрили, но за то отлично видѣли и чувствовали на себѣ любостяжательность румынъ, которые увозили къ себѣ все цѣнное и развели страшное взяточничество. Кромѣ того стѣснительные законы, издаваемые для управленія оккупируемой страной, не могли не раздражать мѣстнаго населенія.

Побродивъ по городу, я зашелъ навѣстить своихъ добрыхъ знакомыхъ, у которыхъ не былъ уже нѣсколько лѣтъ. Когда я вошелъ къ нимъ въ домъ, удивленію при видѣ меня, облаченнаго во французскую форму, не было границъ. Начались безконечные разспросы и разговоры; я разсказывалъ про наши обстоятельства и разспрашивалъ про аккерманскую жизнь. Настроеніе у моихъ знакомыхъ было очень подавленное. Приходъ румынъ чувствительно отразился на всѣхъ русскихъ, ожидавшихъ румынъ съ нетерпѣніемъ и видѣвшихъ въ нихъ освободителей отъ большевиковъ.

Матерьяльное благополучіе почти всѣхъ русскихъ было разрушено: чиновники были уволены отъ службы и выброшены буквально на улицу, землевладѣльцы потеряли свои земли по новому аграрному закону, крестьяне разочаровались въ возможности устраивать «аграрные безпорядки» и, не вѣря аграрнымъ законамъ, отказались по большей части отъ принятія помѣщичьихъ земель, учебныя заведенія были закрыты и дѣти болтались безъ дѣла. Всѣ терпѣли большую нужду и не знали, изъ какихъ источниковъ черпать средства къ жизни. Къ этому присоединилась боль отъ оскорбленія русскаго національнаго чувства и достоинства, поэтому всѣ съ озлобленіемъ говорили о румынахъ и, когда я заговорилъ о большевикахъ, то мнѣ отвѣчали на это, что еще неизвѣстно, что хуже.

Въ Аккерманѣ уже было извѣстно, что происходитъ на Бугасѣ съ бѣженцами и добровольцами, какъ ихъ всѣхъ задерживаютъ румыны на открытомъ воздухѣ или въ холодныхъ дачахъ безъ провіанта, поэтому, когда я собрался уѣзжать обратно въ Овидіополь, меня стали уговаривать этого не дѣлать. Имѣя уже опытъ со своимъ офицеромъ, который не хотѣлъ пропустить меня, я пришелъ къ заключенію, что мои знакомые правы и рѣшилъ остаться. Я пошелъ на пристань, чтобы попросить кого нибудь изъ нашихъ офицеровъ передать въ штабъ

полка, что я буду ожидать ихъ въ Аккерманѣ и попросить привезти мой чемоданъ. На пристани я встрѣтилъ двухъ молодыхъ людей В......ъ, которые привезли часть своего багажа, они говорили, что лошади и автомобили пошли на Бугасъ, а дамы завтра въ авто-каретахъ греческаго лазарета прiѣдутъ въ Аккерманъ.

На слѣдующiй день, выйдя на улицу, я увидѣлъ, что весь городъ запруженъ войсками. Французы, поляки, греки мелькали по всѣмъ улицамъ, только не было видно русской формы. Но за то сколько знакомыхъ русскихъ встрѣтилъ я одѣтыхъ въ форму зуавовъ, польскихъ легiонеровъ и греческихъ солдатъ. Нельзя было смотрѣть на эти фигуры безъ улыбки. Также невольно смѣялись, при видѣ меня, одѣтаго во французскую форму и рогатую шапку пирожкомъ, мои старые знакомые по Аккерману, которыхъ я встрѣчалъ на улицѣ.

Городъ разбили на секторы по нацiональностямъ расположенныхъ въ нихъ войскъ, и всюду реквизировали помѣщенiя. По всѣмъ признакамъ видно было, что въ Аккерманѣ войска должны будутъ пробыть нѣкоторое время, а не двигаться сейчас-же дальше. Насъ всѣхъ это очень интересовало, такъ какъ мы на основанiи этого старались понять, что значитъ поспѣшный уходъ французовъ изъ Одессы.

Нѣкоторыя воинскiя части занимали сосѣднiя села и проходили черезъ Аккерманъ, не останавливаясь, при чемъ всѣ онѣ направлялись на сѣверъ отъ Аккермана и располагались по линiи Днѣстра. Было что-то похоже на то, что Днѣстръ будетъ служить линiей обороны — на долго-ли? возникалъ у насъ всѣхъ вопросъ.

Цѣлый день прошелъ въ поискахъ помѣщенiй для моихъ знакомыхъ В. и другихъ бѣженцевъ. Отыскать что-либо было очень трудно, такъ какъ почти все было занято войсками, а тамъ, гдѣ было свободное мѣсто, хозяева выставляли требованiе объ уплатѣ за квартиру обязательно царскими деньгами, которыхъ у бѣженцевъ конечно не было. Такое безсердечiе русскихъ къ своимъ-же русскимъ бѣженцамъ очень сильно возмутило насъ. Мы еще тогда не видѣли въ какой тяжелой степени нужды находились мѣстные жители, благодаря румынской оккупацiи, выбросившей на улицу всѣхъ служащихъ чиновниковъ и лишившихъ доходовъ землевладѣльцевъ.

Видя, что дѣйствуя такимъ образомъ мы ничего не найдемъ, мы просто заняли помѣщенiя для кого было нужно, пользуясь нашей иностранной формой. Моментально были найдены комнаты съ обстановкой и всѣмъ, чѣмъ нужно. Къ вечеру прiѣхали наши знакомыя дамы, весь день они провели лежа на койкахъ въ лазаретныхъ кареткахъ съ опущенными шторами, дабы скрыться отъ нескромныхъ взоровъ французовъ и румынъ, задерживающихъ бѣженцевъ. При выгрузкѣ ихъ подошелъ румынскiй полицейскiй, который сталъ говорить о томъ, что женщинъ нельзя пропускать въ городъ, но знакомый греческiй офицеръ сталъ что-то объяснять ему и угощать папиросами, а я на молдаванскомъ языкѣ, выругавъ его соотвѣтствующимъ образомъ, послалъ къ чорту. Пораженный тѣмъ, что отъ француза онъ слышитъ знакомыя слова родной рѣчи, полицейскiй успокоился, и дамы благополучно выгрузились и отправились на квартиру устраиваться. Черезъ день началъ переправляться и нашъ полкъ и скоро весь былъ на бессарабскомъ берегу, оставивъ херсонскiй берегъ въ полное распоряженiе большевиковъ. Съ противуположнымъ берегомъ прекратилось всякое сообщенiе, и мы лишь въ бинокль старались разсмотрѣть, что происходитъ въ Овидiополѣ.

Наши офицеры, прибывъ въ Аккерманъ, размѣстились по квартирамъ, устроили «попотъ» и канцелярiю и стали входить въ мѣстную жизнь. Шантепи по се-

крету сообщилъ мнѣ, что, хотя войска и ушли изъ Россіи, но интервенція не окончена, что всѣ свѣдѣнія о паденіи министерства Клемансо ложны, что войска перемѣнили лишь временно позицію и стали по Днѣстру и что по всей вѣроятности мы опять скоро будемъ въ Одессѣ.

Мое положеніе при французахъ было не нормально, и я пробовалъ выяснить, могу ли я сохранять свое званіе, которое имѣлъ въ Херсонской губерніи, но это оказалось невозможнымъ, и послѣ многихъ переговоровъ съ командиромъ полка Жэ и начальникомъ Штаба дивизіи мнѣ удалось зачислиться въ штабъ полка въ качествѣ переводчика. Всѣ офицеры, начиная съ командира полка, были довольны этимъ обстоятельствомъ и поздравляли меня. Я былъ тоже очень доволенъ, такъ какъ офиціальное положеніе при французахъ спасло меня отъ недоразумѣній съ румынами, которые вылавливали бѣженцевъ и отправляли въ Тульчу.

Наступала Пасха. Мѣстные жители готовились къ праздникамъ, и всѣ жаловались на дороговизну, которая для бѣженцевъ еще осложнялась тѣмъ, что почти у всѣхъ были только украинскія деньги, которыя здѣсь не ходили, а ходили лишь царскія и одесскія городскія, на украинскія же былъ установленъ мѣстными евреями курсъ по 25 р. одесскихъ за 50 карбованцевъ; такимъ образомъ намъ за все приходилось платить вдвое дороже.

Я получилъ реквизиціонный билетъ и жилъ на квартирѣ у своихъ друзей, обѣдать и ужинать ходилъ въ полковой «попотъ». Занятій у меня почти никакихъ не было. По утру лишь заходилъ въ канцелярію полка и принималъ участіе въ общихъ разговорахъ на мѣстныя темы. Наши офицеры постепенно демобилизовались и уѣзжали домой. Полковникъ Жэ тоже уѣзжалъ, такъ какъ за «баталію подъ Березовкой» у него отобрали полкъ, и къ намъ долженъ былъ пріѣхать новый командиръ. Уѣзжалъ также лейтенантъ Шантепи и ветеринаръ Сиро, съ которыми я находился въ наиболѣе пріятельскихъ отношеніяхъ.

Новый командиръ подполковникъ Локань оказался очень симпатичнымъ человѣкомъ, весьма деликатнымъ и воспитаннымъ. Ко мнѣ и другимъ русскимъ переводчикамъ былъ особенно внимателенъ и любезно выразилъ желаніе заниматься по русски, и я предложилъ ему свои услуги. У него оказался учебникъ русскаго языка, и онъ началъ усердно заучивать русскія слова и фразы. Къ Россіи онъ чувствавалъ большую любовь, и все русское ему очень нравилось, онъ все время выражалъ свое сожалѣніе, что ему не приходится побывать въ Россіи, хотя въ Бессарабіи онъ видѣлъ, несмотря на присутствіе румынъ, неотдѣлимую часть Россіи, и былъ увѣренъ, что присутствіе румынъ временно. Французовъ вообще поразило то, что въ Аккерманѣ и его уѣздѣ все населеніе, которое имъ пришлось видѣть, было чисто русское, и они не скрывали своего возмущенія по поводу румынскихъ претензій на Бессарабію. Отношеніе къ оккупантамъ съ ихъ стороны, выражаясь мягко, было «ироническое», и симпатіи къ нимъ они ничѣмъ не проявляли, ограничиваясь чисто офиціальными отношеніями. Съ русскимъ-же населеніемъ завелись знакомства, пріемы, взаимныя прогулки и т. п. Отъ мѣстныхъ жителей они узнавали про поведеніе и политику румынскихъ властей и, возмущаясь этимъ, писали объ этомъ домой.

Большевики съ другой стороны лимана по отношенію къ французамъ вели себя тихо. Къ нимъ иногда ночью переѣзжали русскіе, которые стремились возвратиться въ Одессу. Но къ сожалѣнію никто съ той стороны къ намъ не пріѣзжалъ, и мы, несмотря на всѣ наши старанія, не могли ничего узнать, что дѣлается въ Одессѣ. Послѣ Пасхи уѣхалъ въ Одессу мой знакомый, живущій по

сосѣдству съ моимъ братомъ; его я просилъ передать своимъ о моей судьбѣ и былъ спокоенъ въ томъ отношеніи, что наши не будутъ безпокоиться обо мнѣ.

Потянулись однообразные дни въ Аккерманѣ, особыхъ развлеченій здѣсь не было, читать было нечего, потому что газетъ почти не приходило. Мѣстная пресса подъ румынскимъ владычествомъ совсѣмъ заглохла, и выходящія газеты на румынскомъ и русскомъ языкахъ не удовлетворили-бы пожалуй читателя и въ 17 вѣкѣ, — до того онѣ были скудны и неясны по своему содержанію. При этомъ значительная часть каждаго номера заполнялась офиціальными распоряженіями и сообщеніями о дѣйствіяхъ различныхъ должностныхъ лицъ. Обращенія къ населенію, исходящія отъ начальника уѣзда, именовались не иначе какъ «манифесты». Мѣстное населеніе, привыкшее къ тому, что у насъ манифесты издавались лишь Государемъ Императоромъ въ случаяхъ особо важныхъ, относилось къ такимъ проявленіямъ власти румынъ съ полнымъ недоумѣніемъ, думая, что если префекту предоставлено право издавать манифесты, то значитъ ему принадлежатъ и другія прерогативы верховной власти по отношенію мѣстнаго населенія. При чемъ съ одной стороны, напыщенность, а съ другой, страшное взяточничество и произволъ румынскихъ чиновниковъ возбуждали со стороны мѣстнаго населенія полное къ нимъ презрѣніе. Никто изъ мѣстныхъ жителей, а особенно молдаване, никогда не называли ихъ иначе какъ «цигане». На пребываніе ихъ въ Бессарабіи смотрѣли, какъ на явленіе чисто временнаго характера, и мирились съ ними лишь въ силу необходимости. Когда-же пришли французы, то населеніе не могло не замѣтить, что французское командованіе играетъ первую роль, а румыны отошли на второй планъ, поэтому со всѣми претензіями очень часто стали обращаться къ французамъ и, когда ихъ посылали къ румынскимъ властямъ, то категорически заявляли, что къ нимъ нѣтъ смысла ходить, такъ какъ, какая правда можетъ быть у «цыганъ».

Кромѣ должностныхъ лицъ, прибывшихъ изъ Румыніи на смѣну русскимъ, въ Бессарабію нахлынула масса музыкантовъ, которые съ наступленіемъ теплыхъ дней съ утра до вечера наполняли звуками своихъ скрипокъ положительно весь городъ. Въ одномъ скверѣ, гдѣ прежде лишь по вечерамъ игралъ оркестръ музыки, теперь цѣлый день гремѣло четыре оркестра румынъ, заглушая одинъ другой.

Мои знакомые В.....ъ познакомились съ греческимъ генераломъ Негропонтисомъ, который взялъ ихъ подъ свое покровительство и, такъ какъ Румыны не давали возможности всѣмъ русскимъ бѣженцамъ оставаться въ Аккерманѣ и отправляли въ Тульчу, то они рѣшили ѣхать въ деревню, куда переѣзжалъ генералъ Негропонтисъ.

Время тянулось въ Аккерманѣ очень однообразно и медленно, никто не зналъ, что будетъ дальше. Войска стояли на позиціи отъ Чернаго Моря до Бендеръ по линіи Днѣстра. Русскія части были разоружены и отправлены въ Тульчу, туда же были отправлены и гражданскіе бѣженцы. Лишь съ отрядомъ броневиковъ произошло осложненіе, такъ какъ тѣ не пожелали сдать своихъ бронированныхъ автомобилей, и французы ничего не могли съ ними подѣлать. Конфликтъ съ броневиками произошелъ на моихъ глазахъ и показалъ мнѣ, что французы совершенно перестали считаться съ добровольческой арміей.

Въ томъ домѣ, гдѣ жилъ я, была отведена комната полковнику гвардіи, фамиліи и его въ настоящее время не помню, командиру отряда броневыхъ машинъ, и онъ подробно разсказывалъ, какъ все происходило. Еще въ то время, когда отрядъ находился въ Овидіополѣ, онъ замѣтилъ какое-то странное отношеніе къ нему французовъ, оттягивавшихъ время переправы машинъ на Бесса-

рабскую сторону. Убѣдившись въ томъ, что это дѣлается умышленно и что его могутъ оставить на берегу въ рукахъ большевиковъ, онъ самовольно погрузилъ на шаланды свои машины, пригрозивъ въ случаѣ нужды открыть огонь, и переѣхалъ въ Аккерманъ, гдѣ, поставивъ въ боевомъ порядкѣ машины около крѣпости, ожидалъ дальнѣйшаго. Французское командованіе предложило ему немедленно сдать всѣ машины румынамъ и личному составу отправиться въ Тульчу. Полковникъ отказался. Въ это время къ нему пріѣхали польскіе офицеры, которые предложили передать броневики польской дивизіи. Такое предложеніе конечно не было принято. Румыны и французы категорически потребовали сдачи машинъ, но опять получили отказъ. Командира вызвали къ генералу Д'Ансельму, полковникъ поѣхалъ, но аудіенція затянулась тамъ слишкомъ долго, офицеры отряда пришли къ тому заключенію, что ихъ командира арестовали и всѣмъ отрядомъ двинулись на выручку. Подойдя къ главной квартирѣ французскихъ войскъ, потребовали освобожденія полковника и, когда французы освободили его, то оставили Аккерманъ и всей колонной въ боевомъ порядкѣ ушли къ польской дивизіи на Ст. Казачье, гдѣ съ ними стали нести службу, пообѣщавъ передать машины полякамъ, если на то будетъ получено согласіе Главнокомандующаго генерала Деникина. Тамъ еще разъ французы пытались отобрать машины, обстрѣляли отряды, ранили нѣсколькихъ офицеровъ и, видя, что тѣ все-таки машинъ не сдаютъ, очевидно боясь скандала, оставили броневики въ покоѣ. Впослѣдствіи они были отправлены въ Добровольческую Армію.

По приходѣ въ Бессарабію французы продолжали производить пріемъ желающихъ поступить въ иностранный легіонъ. Многіе молодые русскіе офицеры, бывшіе при французахъ, уѣхали въ Африку. Среди-же мѣстнаго населенія распространился слухъ, что съ будущаго года румыны произведутъ призывъ новобранцевъ, поэтому очень многіе, зная порядки, царящіе въ румынской арміи, предпочли уѣхать служить въ французскихъ войскахъ, чѣмъ идти на службу къ румынамъ. Я какъ-то разговорился съ однимъ, записавшимся въ интеръ-легіонъ, и онъ мнѣ разсказалъ, что кромѣ обычныхъ недостатковъ, свойственныхъ арміи маленькаго бѣднаго государства, т. е. плохого питанія и обмундированія солдатъ и очень строгаго и жестокаго отношенія командного состава, румыны отличаются страшной національной нетерпимостью и солдатъ другихъ національностей называютъ не иначе, какъ болгаръ — магарацами, сербовъ — волами, а русскихъ — свиньями. Эти обстоятельства значительно способствовали тому, что предпріятіе французовъ по вербовкѣ людей въ иностранный легіонъ имѣло полный успѣхъ. Пользуясь той безопасностью и неприкосновенностью, которую получали лица, принятыя въ иностранный легіонъ, большевистскіе комиссары, желающіе выбраться изъ устроеннаго ими въ Россіи коммунистическаго рая, смогли благополучно выбраться за границу. Такъ общее вниманіе въ Аккерманѣ привлекалъ молодой человѣкъ еврей, одѣтый въ шикарный костюмъ и отличные желтые сапоги, привезшій съ собою не менѣе шикарную, но совершенно не интеллигентную дѣвицу, который оказался волонтеромъ, записавшимся въ ино-легіонъ. Когда-же я сталъ разспрашивать его, какъ онъ рѣшился подписать контрактъ на пять лѣтъ, онъ только разсмѣялся.

— Вы наивный человѣкъ, мнѣ важно было выбраться изъ Россіи, а у меня уже готовъ паспортъ. Какъ только французы двинутся, я ихъ брошу и поѣду въ Швейцарію.

Наша мирная жизнь въ Аккерманѣ ничѣмъ не нарушалась, никакихъ столкновеній съ большевиками у насъ не происходило. Кое гдѣ иногда на Днѣстрѣ

часовые обмѣнивались выстрѣлами. Однажды только въ Бендерахъ большевики, переправившись черезъ Днѣстръ, напали на французовъ и даже захватили въ плѣнъ бригаднаго генерала, но скоро ихъ налетъ былъ ликвидированъ французскими стрѣлками, подоспѣвшими на выручку, — генералъ былъ освобожденъ и большевики сброшены въ Днѣстръ.

Какъ-то на улицахъ Аккермана появился украинскій офицеръ и нѣсколько человѣкъ солдатъ. Это породило безконечные разговоры и вызвало всевозможныя догадки. Оказалось, что это былъ полковникъ Аркасъ, который не то предполагалъ отправиться съ депутаціей къ большевикамъ, не то ожидалъ возстанія крестьянъ; онъ выслалъ развѣдчиковъ на ту сторону, но очевидно не дождался никакихъ благопріятныхъ для себя результатовъ и такъ же неожиданно исчезъ изъ Аккермана, какъ и пріѣхалъ.

Имѣя большое количество знакомыхъ въ Бессарабіи, я къ сожалѣнію не имѣлъ никакой возможности съ ними списаться, такъ какъ по всей Бессарабіи почта не ходила и никому не представлялось возможности обмѣниваться письмами. Вообще стѣсненія, которыя испытывали мѣстныя жители отъ румынъ, были чрезвычайно велики, такъ — никто не имѣлъ возможности отлучаться съ мѣста своего жительства безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія; вся жизнь въ Бессарабіи замерла и прекратился «естественный обмѣнъ веществъ», за то развилась на этой почвѣ спекуляція, которая очень сильно удорожила жизнь. На нашихъ глазахъ цѣны все росли и росли, а доходы прекращались, и большинство русскихъ находились въ безвыходномъ матеріальномъ положеніи. Поэтому всѣ старались какъ только возможно сократить свои расходы и отыскать какой нибудь заработокъ. Страдала больше интеллигенція, которая почти совершенно не имѣла никакой возможности найти приложеніе своимъ силамъ. Лишь нѣкоторымъ удалось найти занятія въ коопераціи, которая въ Бессарабіи, какъ и всюду въ Россіи, передъ революціей сдѣлала огромные успѣхи. Такое безысходное положеніе русскихъ людей сдѣлало то, что когда, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по оставленіи французами Одессы, румыны предложили желающимъ уѣхать къ Деникину, нашлось много желающихъ, а впослѣдствіи, когда была освобождена добровольцами Одесса, туда уѣхали отъ румынскихъ порядковъ даже многіе коренные бессарабцы чисто «молдавскихъ кровей».

Французы, сидя почти безъ всякаго дѣла, все время проводили въ гуляньи по городу и въ ухаживаніи за мѣстными барышнями, и скоро всѣ гимназистки старшихъ классовъ, оставшіяся тоже безъ дѣла вслѣдствіе закрытія румынами учебныхъ заведеній, цѣлые дни проводили съ молодыми офицерами на бульварѣ, болтая на французскомъ діалектѣ. Отъ молодежи не отставали и старые полковники, и нашъ новый командиръ завелъ романъ съ одной поповной, который для него кончился довольно печально. Отъ такого общенія съ русскими дамами и дѣвицами симпатіи французовъ къ румынамъ не могли увеличиться, такъ какъ въ своихъ разговорахъ эти собесѣдницы разсказывали обо всемъ, что продѣлываютъ румынскія власти; французы этимъ искренне возмущались и открыто говорили, что оккупація Бессарабіи румынами явленіе чисто временнаго характера и что Франція никогда не дастъ своего согласія на присоединеніе Румыніей Бессарабіи. Насколько они были правы, показало дальнѣйшее.

Надежды наши на обратный переходъ союзными войсками Днѣстра постепенно ослабѣвали, такъ какъ видно было, что къ этому не дѣлается никакихъ приготовленій. Приходилось думать о томъ, что въ одинъ прекрасный день французы уйдутъ изъ Бессарабіи, какъ они ушли изъ Одессы. И это тревожило всѣхъ

мѣстныхъ жителей, потому что они уже знали, что съ уходомъ французовъ румыны опять начнутъ примѣнять свои методы управленія, отъ которыхъ они, стѣсняясь французовъ, немного отстали и которые заключаются главнымъ образомъ въ двухъ пріемахъ: взяточничествѣ и битьѣ. Берутъ они со всякаго, у котораго хоть что либо можно взять, и бьютъ тоже всякаго безъ разбора, кто не можетъ ничего дать. Румынское слово «батай» скоро стало извѣстно всѣмъ бессарабцамъ. Мы же, находящіеся на службѣ въ французскихъ войскахъ, задумывались о томъ, что дѣлать дальше? Какъ выбраться изъ Румыніи и пробраться въ Добровольческую Армію?

Наконецъ, послѣ того какъ во Франціи было приступлено къ полной демобилизаціи, стало извѣстно и у насъ въ полку о томъ, что нашъ полкъ будетъ переформированъ въ 17 Стрѣлковый Алжирскій полкъ и перейдетъ для этого въ Румынію, а затѣмъ отправится на оккупацію въ Болгарію. Съ другими частями, находящимися также въ Бессарабіи, предполагалось поступить такъ же. Такимъ образомъ всякая надежда на обратный походъ въ Россію у насъ пропала.

Полковникъ Локанъ, который чувствовалъ ко мнѣ большую симпатію и проявлялъ ее при всякомъ удобномъ случаѣ, сообщилъ мнѣ послѣ того, какъ получилъ извѣщеніе о назначеніи его на должность командира «17 R. T. A.», что, если я пожелаю, то могу ѣхать съ нимъ въ Болгарію въ качествѣ переводчика. Я понятно согласился и поблагодарилъ любезнаго полковника, но объяснилъ ему, что болгарскаго языка не знаю. – Это ничего, – сказалъ полковникъ, – какъ нибудь справимся.

Черезъ нѣсколько дней мы начали грузиться на ж. д. и, распрощавшись со своими знакомыми, двинулись черезъ Рени и Галацъ въ Браиловъ, гдѣ должно было происходить переформированіе.

Живя въ Аккерманѣ въ домѣ своихъ друзей и зная, что Одесса, гдѣ остались всѣ родные, находится лишь въ 40 верстахъ, я какъ-то не чувствовалъ себя особенно оторваннымъ отъ семьи. Теперь-же, когда мы двинулись дальше, стало какъ-то особенно грустно.

Ѣхали мы съ полнымъ удобствомъ и возможнымъ комфортомъ. У каждаго изъ насъ было отдѣльное купе и для «попотъ» отведенъ вагонъ, гдѣ мы и проводили большую часть дня. На нѣкоторыхъ станціяхъ мы подолгу стояли, и наши офицеры, научившись кое какъ объясняться по русски, вступали въ разговоры съ мѣстными жителями и старались разспрашивать про отношенія къ нимъ румынъ. Всѣ отзывались самымъ отрицательнымъ образомъ и ругали ихъ самымъ откровеннымъ образомъ. По линіи желѣзной дороги русскіе служащіе были замѣнены румынами, а оставшіеся безъ дѣла русскіе сидѣли на станціяхъ въ ожиданіи отправки въ Россію и «продавались», т. е. распродавали свой домашній скарбъ и рухлядь для того, чтобы не умереть съ голоду. Картины эти производили сильное впечатлѣніе на французовъ, и они возмущались этимъ вполнѣ искренно. Въ Рени мы задержались дольше чѣмъ на другихъ станціяхъ; тутъ, хотя это совсѣмъ близко отъ границы съ Румыніей, всюду былъ слышенъ русскій языкъ; я обратилъ на это вниманіе нашихъ офицеровъ, и они отвѣчали, что теперь своими глазами убѣдились въ неосновательности румынскихъ притязаній на Бессарабію. Скоро мы переѣхали границу и очутились въ Румыніи.

Въ Галацѣ мы сразу почувствовали себя въ другомъ государствѣ, всюду слышна была румынская рѣчь, замелькали черномазыя физіономіи, по вагонамъ стали шмыгать разные ж. д. служащіе, и въ нашемъ поѣздѣ обнаружилась пропажа многихъ вещей. Даже у меня изъ купе ухитрились украсть мой пробковый шлемъ, только передъ поѣздкою полученный мною изъ интендантства.

Отъ Галаца до Рени поѣздъ шелъ по болотистой долинѣ, пересѣкаемой разными каналами, потоками, и французы развлекались тѣмъ, что, выскакивая изъ вагоновъ, били камнями лягушекъ и, радостные отъ удачной охоты, уносили въ вагоны цѣлыя гирлянды крупныхъ лягушекъ.

Въ Браиловъ мы прибыли часа въ два дня и приступили къ разгрузкѣ. Въ городѣ уже было нѣсколько батальоновъ вновь сформированнаго полка и теперь съ нашимъ прибытіемъ пришелъ штабъ полка и послѣдніе батальоны. Съ вокзала мы отправились въ городъ къ командиру 1 батальона, который, ожидая насъ, приготовилъ для всѣхъ насъ квартиры, и мы скоро размѣстились по отведеннымъ для насъ комнатамъ. Мнѣ досталась очень хорошая комната въ домѣ богатаго торговца хлѣбомъ, румынскаго еврея. Хозяева были очень любезны, и я устроился очень удобно. Здѣсь мнѣ пригодились мои слабыя познанія въ молдавскомъ языкѣ, которому я немного научился въ Бессарабіи, и я могъ довольно свободно объясняться съ мѣстными жителями. Вся интеллигенція здѣсь говорила на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Городокъ оказался небольшимъ, но очень чистенькимъ и уютнымъ; по своей распланировкѣ напоминалъ Одессу. Какъ мнѣ потомъ объяснили румыны, построенъ онъ по плану того-же архитектора, который составлялъ планъ Одессы, такъ какъ въ прежнія времена Браиловъ былъ лишь сильной турецкой крѣпостью, которую взяли отъ турокъ русскія войска, и городъ возникъ сравнительно недавно. Во время германской войны онъ былъ оккупированъ нѣмцами и у жителей сохранилась масса воспоминаній о пребываніи непрошенныхъ гостей.

Къ вечеру мы всѣ собрались въ попотѣ, которая была помѣщена въ квартирѣ одного крупнаго коммерсанта по фамиліи Скардели. Хозяинъ и хозяйка дома оказались очень милыми людьми и уступили для попотъ свою столовую. Столъ былъ сервированъ, какъ для званныхъ гостей, и нашъ поваръ Экъ, удобно устроившись въ отличной кухнѣ, приготовилъ намъ отличной обѣдъ. Наши хозяева обѣдали вмѣстѣ съ нами и разсказывали намъ про городъ. Послѣ обѣда мы отправились осматривать Браиловъ и скоро обошли почти весь городъ.

У себя на родинѣ румыны производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ въ Бессарабіи; здѣсь они очень внимательны, любезны, веселы и безпечны. Такими они были и въ Бессарабіи первое время послѣ прихода, а затѣмъ совершенно измѣнили свою политику и поведеніе въ отношеніи мѣстныхъ жителей и возбудили противъ себя положительно всѣхъ.

По приходѣ въ Браиловъ, полкъ нашъ былъ окончательно переформированъ и сталъ именоваться 17 R. T. A. Такимъ образомъ онъ уже былъ не зуавскимъ, а стрѣлковымъ, и офицеры надѣли новыя кепи съ голубыми околышами.

Дѣла здѣсь мнѣ почти никакого не было, и мы съ полковникомъ и еще съ двумя или тремя офицерами, проводили все время въ прогулкахъ по городу и окрестностямъ, гдѣ всюду остались слѣды отъ пребыванія нѣмцевъ въ видѣ разрушенныхъ зданій; особенно пострадала прилегающая къ городу дачная мѣстность.

Я нѣсколько разъ ѣздилъ въ Галацъ, гдѣ отыскалъ своихъ знакомыхъ В....ъ, которые все время неотступно слѣдовали за греческимъ генераломъ Негропонтисомъ и наконецъ добрались до Галаца, гдѣ и поселились на квартирѣ у русскихъ сектантовъ, которыхъ очень много въ Галацѣ и которые тамъ главнымъ образомъ занимаются извозчичьимъ промысломъ.

Сектанты эти приняли русскихъ бѣженцевъ очень хорошо и помогали имъ, чѣмъ могли. Одинъ изъ нихъ возилъ меня все время по городу и ни за что не

хотѣлъ взять денегъ. Онъ мнѣ много разсказывалъ про Россію, такъ какъ сравнительно недавно пріѣхалъ оттуда: ему захотѣлось послѣ революціи уѣхать изъ Румыніи къ себѣ домой въ Орелъ, куда онъ и попалъ при большевикахъ. Большевики произвели на него настолько сильное впечатлѣніе, что онъ всю дорогу разсказывалъ мнѣ про ихъ порядки, которые они завели въ Орлѣ. — «Все жиды орудуютъ» — разсказывалъ онъ. И изъ его словъ я ясно увидѣлъ, какой сильный антисемитизмъ распространился среди простого народа, даже тѣхъ губерній, гдѣ евреи не имѣли права жительства и гдѣ населеніе относилось къ случайно заѣхавшимъ туда евреямъ совершенно индиферентно. Особенно возмущали его преслѣдованія ими русскаго духовенства и издѣвательства надъ религіей.

Въ Галацѣ была сосредоточена масса войскъ — грековъ и французовъ; отсюда они должны были постепенно уходить — греки къ себѣ домой, а французы въ Болгарію на оккупацію. Для перевозки французскихъ войскъ были назначены русскіе пароходы, зафрахтованные французами. Намъ предстояло тоже грузиться на эти пароходы и плыть въ Варну.

Дни нашего пребыванія въ Браиловѣ мелькали очень быстро и скоро наступилъ назначенный срокъ для нашей погрузки. Наканунѣ дня отѣзда получилось распоряженіе о томъ, что отъѣздъ нашъ откладывается по случаю наступленія 14 Іюля, дня «взятія Бастиліи», который долженъ быть торжественно отпразднованъ всѣми войсками, въ томъ числѣ и французскимъ гарнизономъ города Браилова, поэтому мы вмѣсто погрузки стали спѣшно готовиться къ празднику.

Полковникъ разработалъ подробно планъ и порядокъ торжества. Такъ какъ это было первое празднованіе послѣ заключенія мира, къ нему готовились по всей Франціи особенно тщательно. Всѣ газеты были полны описаніями предстоящихъ торжествъ въ Парижѣ, куда были собраны всѣ знамена и представители отъ всѣхъ полковъ французской арміи.

Кто то изъ офицеровъ получилъ номеръ журнала Illustration, тамъ по случаю предстоящихъ торжествъ въ краскахъ на большомъ листѣ были отпечатаны національные флаги всѣхъ государствъ, въ союзѣ съ Франціей возставшихъ противъ Германіи. Отсутствовалъ лишь Русскій флагъ; я обратилъ на это вниманіе нашихъ офицеровъ, и мы много говорили по поводу участія Россіи въ міровой войнѣ. Всѣ боевые офицеры отлично понимали, какую великую услугу оказала Россія Франціи и высказали свои предположенія о продажности прессы.

Наканунѣ праздника по городу прошли вечеромъ съ горящими факелами войска, а въ самый день торжества былъ устроенъ парадъ, на которомъ особенно выдѣлялись своими бурнусами африканскіе кавалеристы и красными мундирами ихъ офицеры. Послѣ парада былъ устроенъ парадный обѣдъ. Отпраздновавъ такимъ образомъ 14 Іюля, мы покинули Браиловъ и двинулись въ Галацъ, гдѣ ожидали парохода «Императоръ Александръ III» и «Новороссія». Погрузка произошла безъ особенныхъ хлопотъ и довольно быстро. У насъ все-таки было достаточно времени, чтобы навѣстить своихъ знакомыхъ и погулять по городу.

Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ русскихъ, которыхъ зналъ по Одессѣ. Они ожидали погрузки для того, чтобы ѣхать въ Добровольческую армію. Отъ нихъ я узналъ, что съ большевиками ведется упорная борьба, которая принимаетъ удачный характеръ, и что есть надежда на скорое занятіе Одессы. Французовъ они всѣ ругали, говорили о томъ, что Д'Ансельмъ и Фрейденбергъ преданы суду и что разбирательство дѣла освѣтитъ всѣ ихъ поступки.

Я распрощался со своими друзьями В. Они мнѣ разсказывали, что нашъ общій знакомый поручикъ Х., бывшій при греческомъ генералѣ Негропонтисѣ, получилъ командировку къ Колчаку, и генералъ Негропонтисъ подробно сообщалъ генералу Колчаку о поведеніи французовъ въ Одессѣ и о томъ, что греки стремились своими силами помочь Россіи, но подъ давленіемъ французовъ не могли этого сдѣлать, такъ какъ тѣ не только не позволили привести большаго количества войскъ, но заставили оставить городъ.

Къ вечеру погрузка закончилась и мы были на борту «Императора Александра III», надъ которымъ гордо развѣвался русскій національной флагъ. Капитанъ и вся команда были русскіе, но для наблюденія за ними былъ назначенъ французскій комиссаръ, лейтенантъ Ж., и нѣсколько матросовъ. Было особенно пріятно попасть на русскій пароходъ послѣ долгаго пребыванія среди иностранцевъ. Въ числѣ помощниковъ капитана я нашелъ знакомаго — сына нашего уѣзднаго предводителя; старшій механикъ оказался братомъ моего знакомаго чиновника государственнаго банка. Среди матросовъ преобладала интеллигенція. — студенты, офицеры и т. д., выброшенные революціей на улицу, попали въ концѣ концовъ на пароходъ въ качествѣ простыхъ матросовъ. Свои обязанности они исполняли старательно и добросовѣстно, но матросы-профессіоналы, настроенные большевистски, относились къ нимъ недоброжелательно и недружелюбно.

Во время обѣда мы, т. е. штабъ нашего полка, усѣлись за стрѣлковый столъ, на почетномъ мѣстѣ котораго уже сидѣлъ капитанъ парохода. Узнавъ, что я русскій, да еще при томъ изъ Одессы, капитанъ сталъ разсказывать намъ, что тамъ происходитъ. Свѣдѣнія у него были самыя свѣжія, такъ какъ они ежедневно получали радіо и могли слѣдить за ходомъ борьбы между большевиками и добровольцами. Послѣ обѣда я пошелъ бродить по пароходу, нашелъ своихъ знакомыхъ и вмѣстѣ съ ними долго сидѣлъ въ каютѣ симпатичнаго старшаго механика; туда-же пришелъ и Ратко Дмитріевъ, такъ называли на пароходѣ радіотелеграфиста. Отъ него я узналъ, что дѣла большевиковъ плохи, что есть надежда на скорое оставленіе ими Одессы, которая въ настоящее время переживаетъ всѣ прелести большевистскаго режима.

Зашелъ разговоръ о французахъ и объ ихъ отношеніи къ русскимъ. Всѣ говорили о томъ, что поведеніе ихъ совершенно измѣнилось, что ведутъ себя они не какъ союзники и не стараются скрыть своего недоброжелательнаго отношенія къ русскимъ и Россіи.

— У насъ на пароходѣ устроила 14 Іюля банкетъ французская колонія въ Галацѣ. — разсказывали они мнѣ, — и по этому случаю пароходъ былъ украшенъ флагами всѣхъ союзныхъ государствъ, лишь русскій флагъ отсутствовалъ. Но мы заставили поднять его.

— Хорошее дѣло! — думалъ я. — И это на борту русскаго парохода «Императоръ Александръ III.», — хотя бы изъ уваженія къ памяти этого Государя, заключившаго союзъ съ Франціей, отнеслись съ должнымъ вниманіемъ. Что было бы съ «прекрасной Франціей» безъ этого союза? Да и мы бы, пожалуй, не странствовали въ качествѣ бездомныхъ бродягъ по чужимъ землямъ, — а сидѣли бы у себя дома.

Весь вечеръ я провелъ въ буфетной комнатѣ, гдѣ приготовлялись къ ужину пароходные лакеи. Они, узнавъ, что я русскій, стали угощать меня всѣмъ, что было въ ихъ распоряженіи, и занимать разговорами. Ихъ семьи были въ Одессѣ, и понятно, что мы все время невольно возвращались къ вопросу о томъ, когда же намъ удастся возвратиться домой. Такъ незамѣтно среди земляковъ про-

мелькнулъ день. На слѣдующій день, часамъ къ четыремъ, показались берега Болгаріи, и затѣмъ мы вошли въ портъ Варны. Приставъ къ стоянкѣ, начали выгрузку. Ночь должны были провести еще на пароходѣ, а на утро — занимать отведенныя для насъ помѣщенія.

Когда прошла первая суматоха и на пароходѣ все успокоилось, старшій механикъ и другіе офицеры позвали меня на берегъ погулять и вмѣстѣ гдѣ-нибудь посидѣть въ ресторанѣ.

— Сегодня послѣдній вечеръ мы съ вами, — говорили они, — проведемъ вмѣстѣ, а завтра разстанемся, и Богъ знаетъ, когда увидимся въ Одессѣ.

Сойдя на берегъ, мы двинулись въ городъ. Дорога изъ порта и подъемъ въ городъ напоминаютъ немного Одессу. Скоро мы были въ самомъ городѣ, который производилъ довольно пріятное впечатлѣніе; особенно пріятно было видѣть вывѣски магазиновъ, написанныя нашими буквами, смыслъ ихъ всѣхъ легко было понять, иногда-же онѣ поражали насъ своею загадочностью, такъ какъ очевидно наши русскія слова употребляются въ совершенно другомъ значеніи. «Обществено то влагалище» съ изумленіемъ прочиталъ я написанную огромными буквами и украшающую собою многоэтажное зданіе вывѣску; оказалось, что это ничто другое, какъ сберегательная касса. На встрѣчу намъ попадались мѣстные жители. — Вотъ они каковы «братушки», — думалъ я. Среди нихъ мелькали русскаго образца формы офицеровъ, юнкеровъ; особенно много было морскихъ офицеровъ, одѣтыхъ совершенно въ нашу форму; лишь на погонахъ у нихъ красовался вензель Фердинанда. Скоро мы пришли въ городской садъ, расположенный на самомъ берегу моря. Тамъ игралъ оркестръ музыки и двигалась по аллеямъ большая толпа гуляющихъ. Паркъ напомнилъ мнѣ городской садъ въ Орлѣ, гдѣ также когда то въ доброе старое время гуляла публика, играла музыка и люди жили тихо и мирно. По своему виду толпа сильно напоминала нашу губернскую публику. Бѣлые кителя и фуражки офицеровъ, отъ которыхъ мы уже совершенно отвыкли, а главное — полицейскіе стражники, какъ двѣ капли воды похожіе на нашихъ уѣздныхъ стражниковъ съ «селедками» на боку, переносили меня въ невозвратное время. Скоро мы усѣлись за столикъ и незамѣтно, въ пріятныхъ разговорахъ, провели весь вечеръ.

Возвратившись на пароходъ, я опять попалъ въ буфетную, куда меня позвали читать только что полученную болгарскую газету, въ которой сообщалось о блестящей побѣдѣ генерала Врангеля надъ большевиками и о взятіи многихъ тысячъ плѣнныхъ. Такія радостныя извѣстія пробудили у всѣхъ насъ надежды на скорое возвращеніе домой. Съ такими мыслями я отправился въ свою кабинку спать и на утро, распрощавшись со всѣми новыми знакомыми, сталъ собираться на берегъ.

— Смотрите-же, не забывайте насъ и, когда мы прійдемъ опять въ Варну, приходите къ намъ, — приглашали меня пароходные служащіе.

Съ прислугой я также трогательно распрощался, несмотря на то, что они были очень заняты и встревожены тѣмъ, что изъ каютъ пропали подушки, и они пересчитывали ихъ наличность и прятали подъ замокъ.

— Каждый разъ такъ пропадаетъ, когда веземъ ихъ, — говорили они, — а то еще пухъ выберутъ и набьютъ ватой. А мы потомъ отвѣчай, — плати изъ своего кармана. Тоже народъ французы, благородные люди — а хуже нашихъ, — ворчали они. Я ушелъ.

Для штаба нашего полка было отведено зданіе школы рядомъ съ армянской церковью. Тамъ собрались всѣ наши офицеры и ожидали, когда ихъ разведутъ по квартирамъ. Полковникъ устроился въ квартирѣ какихъ-то французскихъ

швейцарцевъ. Тамъ-же должны были помѣстить и нашъ «попотъ», мы же еще комнатъ не имѣли и въ такомъ непріятномъ ожиданіи находились дня два. Наконецъ намъ отвели квартиры, и мы расположились.

Въ Варнѣ наше времяпровожденіе ничѣмъ не отличалось отъ того, какъ мы проводили его въ Аккерманѣ и Галацѣ. Одинъ день былъ похожъ на другой: тѣ же обѣды и ужины и безконечныя прогулки въ паркѣ и по окрестностямъ.

Съ мѣстными жителями сталкиваться приходилось довольно мало, въ особенности въ началѣ. Болгаре были на сторожѣ и немного сторонились отъ французовъ. Но затѣмъ это прошло и при всякомъ удобномъ случаѣ они старались вступать съ нами въ разговоры. Когда же узнавали, что я русскій, то выражали свою неподдѣльную радость. Русскихъ въ Варнѣ, кромѣ военноплѣнныхъ, тогда еще не было. Ко мнѣ часто подходили на улицѣ и старались узнать отъ меня, какъ теперь относится къ болгарамъ русскій народъ, проститъ-ли онъ имъ когда нибудь ихъ измѣну.

– Что про насъ говорятъ русскіе? – спросилъ меня какъ-то одинъ батюшка, окончившій казанскую духовную академію.

– Говорятъ, что сволочи братушки, измѣнили и подвели насъ, – отвѣчалъ я ему.

– Ну, да ничего. Авось, скоро забудутъ, – утѣшалъ я его, – нашъ русскій народъ добръ и не злопамятенъ.

Въ Варнѣ вообще было очень много людей, которые окончили русскія учебныя заведенія или просто жили въ Россіи, поэтому ихъ очень интересовало все, что тамъ теперь происходитъ, при чемъ во время разговора они себя чувствовали сконфуженно и всячески старались убѣдить, что въ измѣнѣ Болгаріи виноватъ Фердинандъ, а не болгарскій народъ. Изъ личныхъ наблюденій я вывелъ заключеніе, что старики, помнящіе Русско-Турецкую войну, всѣ искренно расположены къ Россіи, а молодое поколѣніе, наоборотъ, не только не чувствуетъ никакой признательности и благодарности, а какъ-бы даже старается подчеркнуть, что и безъ нашей помощи они бы достигли всего, да можетъ быть – еще и лучше. Коммунистическія идеи и интернаціоналъ находили себѣ среди нихъ большихъ приверженцевъ. Свои взгляды они старались высказать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, умышленно афишируя свои убѣжденія. При мнѣ, помню, какъ-то не выдержалъ одинъ старый болгаринъ и, постучавъ по головѣ желторотаго оратора, утверждавшаго, что Болгаріи Россію благодарить совершенно не за что, спросилъ его:

– А шта, бре, имашъ на глава та?

– Шапку, – отвѣчалъ съ недоумѣніемъ спрошенный.

– Да, – а если-бы не Россія, то до сихъ поръ носилъ-бы фесъ, – съ возмущеніемъ замѣтилъ старикъ къ общему удовольствію слушателей.

Какъ-то при случаѣ мнѣ пришлось познакомиться съ служившимъ при Русскомъ Консулѣ кавасѣ, – это былъ старый человѣкъ, чуть-ли не семидесяти пяти лѣтъ. Отъ него я услышалъ много интереснаго про болгаръ, такъ какъ онъ, попавъ въ Болгарію въ 1878 году и продѣлавъ всю Русско-Турецкую войну, остался въ Болгаріи, поступивъ на болгарскую службу, а затѣмъ, выслуживъ уже полный срокъ, уже старикомъ, опредѣлился въ Русское Консульство въ Варнѣ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, послѣ объявленія выступленія Болгаріи, онъ былъ интернированъ и перетерпѣлъ съ другими русскими массу лишеній отъ тѣхъ – за кого онъ въ 1878–79 г. г. проливалъ кровь.

— Больше всего обидно было, — говорилъ онъ, — то, что лица, которыя лично были облагодѣтельствованы Россіей, проявили къ намъ столько злобы, сколько не могъ проявить человѣкъ чѣмъ либо обиженный, или пострадавшій отъ Россіи.

Онъ показывалъ мнѣ на улицѣ небольшого роста коренастаго, черномазаго братушку, который сбилъ у него съ головы форменную русскую фуражку и, сорвавъ съ нея русскую кокарду, растопталъ ее ногами.

Также не лестно отзывался о болгарахъ мой случайный знакомый П......ъ, братъ одного извѣстнаго общественнаго дѣятеля и будущаго градоначальника въ Софіи. Ихъ отецъ, русскій по происхожденію, также послѣ войны остался въ Болгаріи и женился на болгаркѣ, его сыновья были уже болгарскіе подданные и кончили гимназіи въ Болгаріи. Мой знакомый послѣ окончанія гимназіи уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и кончилъ политехникумъ и въ качествѣ инженера остался служить въ Россіи, а братъ его, сдѣлавшійся морскимъ капитаномъ, плавалъ на болгарскомъ пароходѣ и такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность наблюдать поведеніе болгаръ все время. По разсказамъ моего знакомаго инженера, братъ его, какъ и всякій болгарскій подданный, принималъ горячее участіе въ политической жизни и передъ выступленіемъ Болгаріи, на какомъ-то собраніи своей партіи, голосовавшей за объявленіе войны Россіи, спросилъ лидера этой партіи:

— А что-же Вы будете дѣлать съ могилами 200.000 русскихъ, пожертвовавшихъ свою жизнь за освобожденіе Болгаріи?

— Будемъ с... ходить на нихъ, — былъ отвѣтъ на его вопросъ. Тутъ-же П. влѣпилъ пощечину потерявшему всякій стыдъ и совѣсть политику и послѣ этого вскорѣ былъ посаженъ въ тюрьму, какъ руссофилъ, и былъ освобожденъ изъ нея лишь по приходѣ французскихъ войскъ. Кстати сказать, издающаяся въ Софіи газета Echo de Boulgarie цитировала выдержки изъ солидныхъ французскихъ газетъ о нападеніи на французскія войска болгаръ и о числѣ убитыхъ и раненыхъ и съ недоумѣніемъ спрашивала — кому нужно было измышлять такія легенды.

Дѣйствительно, пребываніе наше носило совершенно мирный характеръ. Лишь одинъ разъ, когда у болгаръ происходили выборы въ народное собраніе, обыкновенно сопровождающіеся всякими дебатами и стычками, французское командованіе приняло мѣры предосторожности — запретило солдатамъ выходить на улицу, а офицеры получили приказаніе надѣть сабли и револьверы. При чемъ въ этотъ день, какъ и вообще, никакихъ выступленій не было, и мы жили тихо и мирно, проводя наше время въ прогулкахъ и купаніи въ морѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашего прибытія въ Варну опять пришелъ «Александръ III». Я пошелъ навѣстить своихъ знакомыхъ и узналъ отъ нихъ, что дѣла добровольцевъ идутъ все лучше и лучше и что есть надежда на скорое взятіе ими Одессы.

Неожиданно въ Варну пришла рота русскихъ войскъ. Оказывается, это были солдаты частей, посланныхъ на помощь Франціи. Въ ротѣ было нѣсколько человѣкъ офицеровъ, одѣтыхъ въ русскую форму съ погонами и кокардами. Отъ нихъ я узналъ, что они присланы въ Варну на работы, по окончаніи которыхъ будутъ отправлены въ Россію. Эти офицеры разсказывали мнѣ много интереснаго о своихъ мытарствахъ въ чужихъ земляхъ. Революція ихъ застала на Салоникскомъ фронтѣ, гдѣ они были уже довольно долго.

Нѣкоторое довольно продолжительное время русскія части послѣ революціи совершенно не разлагались и только подъ вліяніемъ прибывшихъ изъ Россіи агитаторовъ и получаемыхъ распоряженій, началась извѣстная всѣмъ картина

развала войскъ. Къ сожалѣнію, большое участіе приняли въ этомъ и французы, возбуждавшіе солдатъ противъ офицеровъ. Скоро-же они и сами не рады были, такъ какъ солдатская масса настолько распустилась, что сами французы не знали, что съ ними дѣлать. Когда же они увидѣли, что ихъ поведеніе угрожаетъ и ихъ арміи, то моментально бросили всякія церемоніи и приняли самыя рѣшительныя мѣры.

Они включили всѣхъ, кто желаетъ служить по прежнему и продолжать войну, въ первую категорію; затѣмъ тѣхъ, кто не желаетъ сражаться, но согласенъ выполнять всякую работу, записали во вторую категорію и наконецъ изъ тѣхъ, кто не желали ничего дѣлать и выставили требованіе о немедленномъ мирѣ «безъ анексій и контрибуцій», составили третью категорію. Первая категорія была принята на полное содержаніе на одинаковыхъ съ французами условіяхъ, вторая была подвергнута всевозможнымъ ограниченіямъ, главномъ образомъ въ пищѣ, а къ третьей примѣнены самыя суровыя мѣры, — имъ прекратили всякаго рода отпускъ продуктовъ и посадили за колючую проволоку. Менѣе упорные быстро стали переходить во вторую категорію, а нѣкоторые, стоя на своемъ, отказывались выполнять какія либо требованія. Французы такихъ подвергали самымъ жестокимъ наказаніямъ, напримѣръ, закапывали по шею въ землю на солнечномъ припекѣ и оставляли такъ на долгое время. Такими мѣрами они скоро заставили взбунтовавшуюся солдатскую массу подчиниться дисциплинѣ. Солдаты прибывшей роты тоже разсказывали мнѣ, какъ они пробыли нѣсколько дней въ третьей категоріи и, считая французовъ неправыми въ примѣненіи къ нимъ такихъ жестокихъ мѣръ воздѣйствія, отзывались о нихъ со злобою и ненавистью, хотя при встрѣчѣ весьма почтительно козыряли французскимъ офицерамъ. Они ждали съ нетерпѣніемъ отправки домой и только высказывали сожалѣніе, что попадутъ къ добровольцамъ, а не къ большевикамъ.

Тогда-же въ Варну пришелъ небольшой русскій пароходъ, который стоялъ тамъ долгое время. Оказывается, на него французы начали грузить винтовки и снаряды для отправленія въ добровольческую армію. Пріемомъ этихъ грузовъ завѣдывало два знакомыхъ по Одессѣ офицера, и я сталъ подумывать о томъ, какъ-бы присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ отправиться въ Россію.

Въ Варнѣ я познакомился съ содержателемъ мастерской фуражекъ русскаго образца, которыя приняты въ болгарскія войска. Это былъ молодой человѣкъ, еврей изъ Одессы; попалъ онъ въ Болгарію военно-плѣннымъ и устроился въ концѣ концовъ въ Варнѣ. Здѣсь у него было много знакомыхъ въ средѣ мѣстныхъ жителей, отъ нихъ онъ слышалъ, что Одесса наканунѣ взятія ея добровольцами: такъ говорятъ ѣздящіе туда на лодкахъ болгары. Дѣйствительно, въ Варнѣ стали появляться первыя ласточки. Французскія власти арестовали прибывшихъ изъ Одессы двухъ лицъ — одного еврея и другого латыша, которые почему-то рѣшили бѣжать изъ Одесcы передъ занятіемъ ея добровольцами. Очевидно, это были комиссары.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я зашелъ въ мастерскую къ шапочнику, и онъ радостно поздравилъ меня съ занятіемъ Одессы «кадетами». — Утромъ прибыла лодка — разсказывалъ онъ, — на которой болгарскіе коммунисты выѣхали въ Одессу, но по случаю занятія ея добровольцами вернулись обратно. — Я разсказалъ объ этомъ своимъ французамъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ этому вѣрить. Дня черезъ два они получили офиціальное сообщеніе объ оставленіи Одессы большевиками.

Съ этого времени всѣ мои мысли устремились на то, какъ-бы мнѣ уѣхать домой. Я заявилъ объ этомъ полковнику; онъ выразилъ свое сожалѣніе и сказалъ

мнѣ, что можетъ меня отправить черезъ Константинополь, при чемъ сообщилъ, что полкъ на дняхъ переходитъ на сербскую границу въ Царибродъ и что онъ проситъ меня проводить ихъ туда, а затѣмъ онъ снабдитъ меня билетомъ до Константинополя и такимъ образомъ я смогу посмотрѣть Балканскій полуостровъ. Я не счелъ возможнымъ отказаться отъ такого предложенія, и черезъ нѣсколько дней мы двинулись въ Царибродъ. По дорогѣ мы остановились въ Софіи, которую осмотрѣли довольно основательно. Особенно понравился намъ памятникъ Александру-Освободителю, про который у насъ писали, что послѣ объявленія войны болгары его уничтожили, и отлично содержимые парки. Самъ городъ немного напоминаетъ нашъ Кіевъ. Оставаться долго мы тамъ не могли и двинулись въ Царибродъ. Это оказался маленькій городъ, среди красивой, горной мѣстности, по своему виду похожій на какое нибудь небольшое мѣстечко на Кавказѣ. Здѣсь мнѣ пришлось задержаться нѣсколько дольше, чѣмъ предполагалъ.

За это время изъ Сербіи по направленію на Константинополь стали проѣзжать русскіе офицеры, направляющіеся въ добровольческую армію. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣла арміи пошли въ гору, французы стали опять оказывать ей нѣкоторую поддержку и въ томъ числѣ оказывать содѣйствіе нашимъ офицерамъ, отправляя ихъ въ армію.

На прощаніе полковникъ наговорилъ мнѣ массу пріятныхъ словъ и обѣщалъ писать и просилъ не забывать его. Передъ отъѣздомъ меня снабдили предписаніемъ, предоставляющимъ мнѣ право ѣхать безплатно на одинаковыхъ основаніяхъ съ французскими офицерами до Одессы черезъ Константинополь, и я, простившись со всѣми, отправился въ Софію. Мнѣ хотѣлось получше посмотрѣть городъ, и поэтому я рѣшилъ остаться тамъ на сутки. За это время я осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности болгарской столицы и вечеромъ отправился ужинать въ французское офицерское собраніе. Когда я сидѣлъ въ одиночествѣ за столикомъ, ко мнѣ подошелъ французскій офицеръ и, представившись на чистомъ русскомъ языкѣ, просилъ разрѣшенія присѣсть и побесѣдовать. Оказалось, что онъ, будучи сыномъ французовъ родителей, имѣвшихъ въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту книжный магазинъ, получилъ русское образованіе и въ одинъ годъ со мною окончилъ Московскій универститеръ по юридическому факультету. Мы разговорились, и скоро нашъ разговоръ принялъ искренній и непринужденный характеръ.

Мой новый знакомый оказался продуктомъ франко-русскаго союза; онъ, оставаясь по внѣшности и подданству французомъ, впиталъ въ себя русскую культуру. Скоро зашелъ разговоръ о франко-русскихъ отношеніяхъ вообще и о помощи французовъ Россіи — Добровольческой Арміи.

— Вы знаете, — говорилъ онъ — я не могу понять, что теперь происходитъ. Вѣдь, мы всѣ отлично понимаемъ, что Франція не только не погибла, но и вышла съ честью изъ войны, благодаря безконечнымъ жертвамъ Россіи, и что въ будущемъ Франція безъ союза съ Россіей не мыслима, но въ то же время дѣлается все, чтобы исключить въ будущемъ возможность такого союза. Послѣ оставленія нами Одессы русскіе люди имѣютъ полное право не считать насъ больше своими союзниками.

— Меня очень интересуетъ, что говорятъ про оставленіе Одессы русскіе? Кого въ этомъ обвиняютъ?

Я сказалъ ему, что на югѣ Россіи теперь о французахъ послѣ ихъ предательства нѣтъ двухъ мнѣній. Всѣ единодушно ненавидятъ ихъ и не скоро простятъ имъ ихъ дѣла. Обвиняютъ главнымъ образомъ въ этомъ полковника Фрей-

денберга и геверала Д'Ансельма, будто-бы подкупленныхъ большевиками. Говорятъ про еврейское и большевистское вліяніе на французское командованіе вообще.

Мой собесѣдникъ задумался и затѣмъ началъ говорить.

— Вы знаете, еврейское вліяніе во Франціи гораздо больше, чѣмъ знаютъ объ этомъ въ Россіи, — у насъ все въ рукахъ евреевъ. Личный секретарь Клемансо еврей, незаконный сынъ Ротшильда, — въ министерствахъ и вообще у власти ихъ больше, чѣмъ надо. Понятно, что черезъ своихъ они дѣлаютъ, что хотятъ, поэтому имъ было очень легко принять мѣры къ оставленію французскими войсками Одессы.

— Вѣдь занятіе юга Россіи произошло такъ: Одесса и вообще Украина, оккупированная нѣмцами, считалась частью фронта. Ближайшими французскими войсками командовалъ генералъ Франше Д'Есперэ, командиръ Салоникскаго фронта. Онъ, когда нѣмцы очистили Константинополь, занялъ его своими войсками. По настоянію русскихъ общественныхъ дѣятелей на Ясскомъ совѣщаніи онъ сдѣлалъ распоряженіе и о занятіи Одессы и предполагалъ продѣлать то же со всею Украиной. Но исполнителями его распоряженій оказались полковникъ Фрейденбергъ и гевералъ Д'Ансельмъ, которые очевидно и продѣлали всю эту операцію, такъ что у главнаго французскаго командованія явилось опасеніе всевозможныхъ осложненій въ парламентѣ. Конечно, безъ большевиковъ и евреевъ тутъ не обошлось. Объ этомъ подробно узнаемъ впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ распоряженіе объ оставленіи юга Россіи было сдѣлано какъ-бы въ цѣляхъ перемѣщенія войскъ съ одного участка фронта на другой, и войска для большей безопасности были отведены лишь за Днѣстръ, а уже потомъ, когда еврействующая партія добилась прекращенія интервенціи въ Россіи, ихъ увели совсѣмъ изъ Россіи, оставивъ Бессарабію въ полное распоряженіе Румынъ.

— Теперь добровольцы обходятся безъ насъ и вотъ опять взяли Одессу. У насъ получены свѣдѣнія, что имъ помогаютъ англичане, это очень тревожитъ васъ, сторонниковъ союза съ Россіей.

- Во всякомъ случаѣ, я всѣмъ тѣмъ, что происходитъ во Франко-Русскихъ отношеніяхъ, огорченъ больше, чѣмъ кто либо, и отлично понимаю негодованіе и презрѣніе, которымъ теперь дарятъ насъ русскіе. Но если бы они узнали, что подавляющее большинство офицеровъ истинные друзья Россіи, но и они ничего не могутъ сдѣлать: вся власть — въ рукахъ опредѣленной группы политиковъ, на которыхъ мы вліять не можемъ. Вотъ, напримѣръ, въ вопросѣ о Бессарабіи была произведена анкета, спрашивали всѣхъ солдатъ и офицеровъ, бывшихъ въ Бессарабіи, по поводу того, насколько она является русской по населенію, культурѣ и т. д., и отвѣтъ получился самый благопріятный для Россіи, — всѣ высказались конечно за то, что это такая же часть Россіи, какъ и другія губерніи. Конечно, въ настоящее время, когда дѣла добровольцевъ идутъ хорошо и нѣтъ основаній предполагать, что большевики возьмутъ верхъ, относительно Бессарабіи наши будутъ молчать. Ну, а если, не дай Богъ, у добровольцевъ ничего не выйдетъ, то я совсѣмъ не буду удивленъ, если у насъ возьмутъ на себя смѣлость распорядиться чужимъ добромъ и преподнести Бессарабію Румыніи, которая принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы заручиться на это согласіемъ Франціи.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и вопросовъ моего собесѣдника видно было, что онъ всей душой расположенъ къ Россіи и огорченъ всѣмъ тѣмъ, что ему приходится видѣть и наблюдать, поэтому я не могъ не удержаться отъ того, чтобы не разсказать ему подробно, какъ мы съ нетерпѣніемъ ждали французовъ въ Одессѣ, какъ снисходительно смотрѣли на разнузданное поведеніе ихъ солдатъ,

какъ ждали отъ нихъ помощи противъ большевиковъ, какъ въ этомъ всѣ горько ошиблись, и какъ многіе отъ этого сильно пострадали, заплативъ за довѣріе имъ, какъ союзникамъ, своею жизнью.

Разсказалъ я ему и то, что было подъ Березовкой, откуда французы позорно бѣжали, побросавъ все, вмѣсто того, чтобы гнать большевиковъ, какъ это дѣлали нѣмцы — легко и свободно, почти не встрѣчая сопротивленія.

Разсказалъ про ненужный формализмъ и отсутствіе желанія у отдѣльныхъ лицъ въ частныхъ случаяхъ помогать намъ въ бѣдѣ, указывая въ то-же время, какъ греки были внимательны и отзывчивы къ русскимъ бѣженцамъ, какъ старались французы отобрать у добровольцевъ броневики и какія мѣры не постѣснялись принять для этого, какъ реквизировали у бѣженцевъ лошадей и автомобили и какъ они все время старались набрать какъ можно больше охотниковъ для поступленія въ иностранный легіонъ, не стѣсняясь ни обстоятельствами, ни мѣстомъ.

Мой новый знакомый только вздыхалъ и молча кивалъ головою.

— Да, истинные друзья познаются только въ бѣдѣ, какъ мы читали въ латинской хрестоматіи, — наконецъ сказалъ мой случайный знакомый. — А мы сдѣлали все, чтобы Вы имѣли право насъ не считать своими друзьями.

— Да, недаромъ про насъ говорятъ на нашемъ-же языкѣ французскіе швейцарцы:

Rouge, blanc, bleu —
Les français sont de mauvais gueux!

Пожелавъ другъ другу всякаго благополучія, мы разстались. На слѣдующій день я выѣхалъ въ Константинополь, а оттуда домой въ Одессу.

Сента 13. V. 1922 года.
С. Х. С.

Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ.

Ген. И. Данилова*).

VIII.

20-го ноября мы погрузились въ эшелонъ и отправились въ Симферополь, куда прибыли 1-го декабря. Цѣлые десять дней понадобились для того, чтобы пройти разстояніе отъ Павлограда до Симферополя, пробѣгаемое ранѣе курьерскимъ поѣздомъ обыкновенно въ 8—10 часовъ. По пути приходилось стоять по нѣсколько сутокъ на маленькихъ станціяхъ, такъ какъ не было топлива для паровозовъ. Желѣзныя дороги юга снабжались ранѣе каменнымъ углемъ Донецкаго бассейна, который въ настоящее время почти не работалъ, а тѣ немногочисленные вагоны съ углемъ, которые присылались теперь оттуда, сейчасъ же растаскивались, какъ служащими жел. дор., такъ и пассажирами эшелоновъ для отапливанія теплушекъ, ввиду наступившихъ холодовъ. Машинисты, обыкновенно, израсходовавъ уголь, бросали составъ поѣзда на какомъ-нибудь разъѣздѣ и торопились на оставшемся пару дойти до ближайшаго депо, чтобы не заморозить паровозъ и тѣмъ его не подвергнуть порчѣ. Еще ранѣе на большихъ станціяхъ, какъ Полтава, Лозовая, Александровскъ, всюду виднѣлись громадныя, тянувшіяся на нѣсколько верстъ, кладбища паровозовъ, которые стояли вытянувшись въ одну линію на запасныхъ путяхъ; съ нихъ было все расхищено, мѣдныя части отвинчены и унесены, и надежды на какой-нибудь ремонтъ не было.

По дорогѣ мы узнали, что союзъ между Махно и большевиками, о которомъ такъ восторженно кричали совѣтскія газеты, лопнулъ. Махно снова измѣнилъ имъ или, вѣрнѣе, большевики его обманули. Дѣло въ томъ, что на основаніи договора съ нимъ передъ общимъ наступленіемъ на генерала Врангеля, ему было разрѣшено произвести мобилизацію для пополненія его арміи на территоріи Украины. Теперь, когда большевики использовали его и онъ имъ оказался болѣе не нужнымъ, они воспретили Махно эту мобилизацію. Въ это время армія его достигла значительныхъ размѣровъ. У него уже были правильно организованные штабы даже съ офицерами генеральнаго штаба, дивизіи и полки, преимущественно конные и пулеметные, свое интендантство и правильно функціонировавшие госпитали, персоналъ коихъ пополнялся обыкновенно захваченными въ плѣнъ у генерала Врангеля и большевиковъ врачами, санитарами и сестрами милосердія. Резиденція Махно была въ г. Гуляй-Поле, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, который въ шутку назывался Махноградъ. Вся его организація представляла довольно серьезную силу, а съ проведеніемъ мобили-

*) Продолженіе, см. «Архивъ Русск. Рев.», т. XIV.

заціи большевикамъ пришлось бы очень считаться съ нею, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшіе замыслы его имъ были неизвѣстны.

Въ составъ войскъ, оперировавшихъ противъ генерала Врангеля, входили, между прочимъ, первая и вторая конныя арміи Буденнаго; одна изъ нихъ была перекинута съ польскаго фронта, другая же пришла сюда съ Дона и Кубани. Это была вольница, которая мало мирилась даже и съ той тѣнью дисциплины, которая существовала тогда въ красныхъ арміяхъ. Родственная по духу грабежа съ войсками Махно, она быстро оцѣнила преимущество службы у Махно, и когда входила въ соприкосновеніе съ его войсками, то будучи тайно подбиваема на переходъ на службу къ нему, массами поступала въ махновцы. Были случаи перехода цѣлыхъ полковъ вмѣстѣ съ коммандымъ составомъ; переходили къ нему также и пѣхотныя части. Все это не на шутку встревожило совѣтскую власть и она потребовала отъ Махно отдать распоряженіе, не принимать къ себѣ на службу перебѣжчиковъ изъ красной арміи, а также прекратить агитацію среди нея для перехода къ нему. Махно, взбѣшенный запрещеніемъ произвести мобилизацію согласно договора, отказался исполнить это требованіе большевиковъ, и вотъ, въ отвѣтъ на это, большевистское командованіе отдало приказъ объ арестѣ, какъ Махно, такъ и его главныхъ помощниковъ, рѣшивъ на этотъ разъ покончить съ нимъ окончательно. Махно удалось ускользнуть скрытнымъ образомъ, и онъ объявился въ Гуляй-Полѣ, а части его, разсыпанныя по Тавріи и Екатеринославской губерніи, по его зову спѣшили къ нему.

Въ Крыму, въ частности, въ Симферополѣ, гдѣ былъ расположенъ штабъ его отряда, при занятіи Крыма дѣйствовавшій совмѣстно съ большевиками, послѣдній былъ захваченъ большевиками, при чемъ начальникъ штаба и адъютантъ были разстрѣляны. Тогда весь отрядъ, численностью около 5 000 человѣкъ, бросился отдѣльными партіями вонъ изъ Крыма черезъ Перекопъ и, несмотря на то, что здѣсь была выставлена большевистская преграда, они опрокинули ее и выскочили въ Мелитопольскій уѣздъ, гдѣ поддерживаемые населеніемъ и силами, присланными изъ Гуляй-Поле, подъ общимъ руководствомъ Махно, начали операціи противъ красной арміи.

Во время слѣдованія нашего эшелона въ Симферополь мы были брошены на одномъ изъ разъѣздовъ паровозомъ, у котораго кончалось топливо. Просидѣвъ на этомъ разъѣздѣ два дня, мы увидѣли пришедшій сюда бронепоѣздъ съ инспекторомъ броневыхъ поѣздовъ во главѣ. Увидѣвъ наше бѣдственное положеніе, такъ какъ мы уже въ то время голодали за исходомъ провіанта, инспекторъ броневого поѣзда предложилъ намъ довезти насъ, прицѣпивъ къ своему поѣзду, нѣсколько станцій впередъ, гдѣ, быть можетъ, мы и достанемъ паровозъ, который бы насъ повезъ дальше. Везти насъ самъ въ Симферополь онъ не могъ, такъ какъ имѣлъ оперативное заданіе отъ штаба арміи охранять линію жел. дор. отъ бандъ Махно, прорвавшихся изъ Крыма. Мы, конечно, съ радостью на это согласились и отправились въ путь. Подъѣзжая къ станціи «Плодородіе», мы замѣтили окруженную всадниками, двигающуюся по степи колонну повозокъ, растянувшуюся болѣе версты. Командиръ бронепоѣзда остановилъ его, навелъ на эту колонну пушки и пулеметы, но открыть огонь не рѣшался, такъ какъ не было извѣстно, махновцы ли это, или же свои обозы. Для выясненія этого рѣшено было послать къ этой колоннѣ всадника. Пока выгружали лошадь изъ вагона и всадникъ ѣздилъ туда и обратно, колонна проходила параллельно жел. дор. и скрылась изъ глазъ наблюденія въ ближайшую балку. Вернувшійся всадникъ доложилъ, что онъ настигъ лишь хвостъ колонны, отъ которой къ нему поскакали навстрѣчу четыре всадника, что мы и видѣли, и на его вопросъ — «кто они такіе?» — отвѣтили, что это обозъ 5-ой дивизіи, между тѣмъ какъ находящіеся здѣсь инспекторы пѣхотной и кавалерійской инспекціи заявили, что въ 4-ой арміи, какъ кавалерійской, такъ и пѣхотной 5-ой дивизіи нѣтъ. Пока все это происходило, вся колонна скрылась въ балку и не по кому было уже открывать огонь. Впослѣдствіи оказалось, что это была одна изъ бандъ Махно, прорвав-

шаяся изъ Крыма, которая попутно со своимъ слѣдованіемъ произвела налетъ на станцію сосѣднюю съ «Плодородіемъ» и сожгла ее.

Подъѣзжая къ Чангарскому мосту, мы увидѣли множество воронокъ отъ снарядовъ и массу лошадиныхъ труповъ, валявшихся по обѣимъ сторонамъ полотна жел. дор. Это были остатки красной кавалеріи, пытавшейся атаковать Чангарскія позиціи. Далѣе сиротливо стояли морскія орудія на позиціяхъ Чангара, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше стали попадаться по дорогѣ воронки отъ снарядовъ, брошенныя повозки и орудія. Такая картина продолжалась вплоть до Симферополя. Въ Джанкоѣ, гдѣ намъ пришлось стоять два дня, мы видѣли партію человѣкъ въ триста арестованныхъ Врангелевскихъ офицеровъ, которыхъ вели въ мѣстную Чека. Сердце замерло отъ жалости при видѣ этихъ несчастныхъ, такъ какъ я зналъ по своему примѣру, что ихъ ожидаетъ, и сознавалъ, что помочь имъ ничѣмъ нельзя.

Въ 18-ти верстахъ отъ Симферополя на ст. «Сарабузъ» мы простояли два дня. Въ верстѣ отъ нея расположена громадная и богатая нѣмецкая колонія, того же наименованія. Здѣсь работали вальцевыя мельницы и можно было купить отличную крупчатку по 7 000 рублей за пудъ. Мы вступали въ обѣтованный по продовольствію край послѣ хроническаго недоѣданія на западномъ фронтѣ, но когда я, четыре мѣсяца спустя, былъ здѣсь, то этотъ обѣтованный край уже былъ обобранъ. Ничего нельзя было купить и за деньги, во-первыхъ, потому, что онѣ потеряли всякую цѣнность, а во-вторыхъ, все было реквизировано и вывезено въ Москву. Населеніе само уже голодало и, если можно было достать что-нибудь, то только въ обмѣнъ на платье или бѣлье.

Гуляя по нѣмецкой колоніи, мы видѣли брошенныя посреди улицы пушки; а населеніе, уже испытавшее режимъ большевиковъ, пряталось по домамъ. Мы разговорились съ однимъ пожилымъ нѣмцемъ, хозяиномъ хорошо оборудованной усадьбы, теперь разоренной, на дворѣ которой стояли изломанные локомобиль и вѣялки, и другія земледѣльческія орудія. Хозяинъ, почуявъ въ насъ бѣлыхъ, горько жаловался на грабежъ и разрушеніе колоніи, который произвели Буденовскія части, проходя мимо, и говорилъ, что у него, помимо съѣстныхъ припасовъ, пшеницы, ячменя и овса, они забрали всѣхъ его 16 лошадей, не оставивъ ему ни одной, благодаря чему онъ, какъ и другіе жители, не будетъ въ состояніи обрабатывать весною землю и посему нечего и думать заготовить хлѣбъ не только для нуждъ государства, но и для себя. Слова его теперь оправдываются, когда слышимъ о томъ голодѣ, который существуетъ въ настоящее время на югѣ Россіи. Впослѣдствіи мнѣ неоднократно приходилось видѣть подобные случаи и слышать такія жалобы; зато кавалерія Буденнаго, послѣ Крыма, сидѣла на великолѣпныхъ лошадяхъ нѣмецкой породы, такъ тщательно культивируемой и разводимой колонистами.

1-го декабря нашъ эшелонъ пришелъ въ Симферополь. Штабъ 4-ой арміи размѣстился въ помѣщеніи громадной «Европейской гостиницы» на Салгирной улицѣ, гдѣ во время генерала Врангеля было Алексѣевское военное училище. Черезъ нѣсколько времени полевой штабъ выѣхалъ обратно въ Мелитополь, вмѣстѣ съ командующимъ арміей Лазаревичемъ, для операціи противъ бандъ Махно, дававшихъ себя знать большевистской власти.

Веселый и шумный когда-то Симферополь, извѣстный своими стильными постройками, начиналъ переживать всѣ ужасы террора большевиковъ. Здѣсь былъ помимо мѣстнаго Ревкома, Областной Крымскій Ревкомъ, предсѣдателемъ котораго былъ знаменитый звѣрь и палачъ Бѣла-Кунъ. Слухи объ наводимомъ имъ ужасѣ смутили даже центральную власть въ Москвѣ, и она была принуждена черезъ нѣсколько времени его отозвать. То, что дѣлалось въ Симферополѣ и въ Крыму, не поддается описанію. Органами Чека и Особыми Отдѣлами армій и дивизій совершенно произвольно, безъ предъявленія какого-либо обвиненія, арестовывались и сейчасъ же разстрѣливались не только бывшіе Врангелевскіе офицеры, но и ихъ жены и дѣти, юристы, бывшіе служащіе гражданскихъ учрежде-

ній, кооператоры, банковскіе служащіе. Достаточно было быть прилично одѣтымъ на улицѣ, чтобы быть арестованнымъ встрѣчнымъ чекистомъ и отведеннымъ въ тюрьму или застѣнокъ Особаго Отдѣла, изъ котораго уже выхода не было. Конечно, главнымъ образомъ, какъ и вездѣ пострадали здѣсь офицеры.

Обманутые радіо-телеграммой большевиковъ, въ которой обѣщалась жизнь и свобода всѣмъ тѣмъ, кто добровольно останется въ Крыму, офицеры эти, имѣя семьи, которыхъ нельзя было взять съ собою по тѣмъ или инымъ причинамъ, остались въ Крыму и явились на регистрацію, откуда имъ былъ уже одинъ выходъ — въ тюрьму, а дальше — на разстрѣлъ. Спаслись тѣ немногіе, которые, узнавъ о послѣдствіяхъ явки на регистрацію, немедленно бѣжали въ горы на Чатырдагъ, что, впрочемъ, было сдѣлать довольно трудно. Однако, нѣкоторымъ это удавалось благодаря сочувствію мѣстныхъ татаръ, которые изъ чувства человѣколюбія, совершенно безвозмездно скрывали и проводили этихъ несчастныхъ въ горы. Мнѣ лично была извѣстна такая организація, главнымъ дѣятелемъ которой былъ проводникъ татаринъ, доставлявшій въ горы даже и пропитаніе для бѣглецовъ. Впослѣдствіи на Чатырдагѣ въ мартѣ мѣсяцѣ собралось довольно много такихъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ городовъ Крыма. Туда же ушли вооруженныя воинскія части, даже, какъ говорили, съ пушками, не успѣвшіе прибыть въ Севастополь для погрузки на пароходы, для эвакуаціи изъ Крыма вмѣстѣ съ генераломъ Врангелемъ. Слухи, ходившіе по городу, опредѣляли это количество въ 20 000 человѣкъ. Можетъ быть, ихъ на самомъ дѣлѣ было и меньше, но во всякомъ случаѣ, они приносили и приносятъ еще и теперь большія хлопоты совѣтской власти. Скрываясь въ неприступныхъ пещерахъ Чатырдага, они имѣютъ тамъ правильную организацію и оружіе, доставленное населеніемъ или отнятое отъ красноармейцевъ. Они спускаются съ горъ и нападаютъ на обозы, а иногда и на мѣстечки Крыма, грабятъ склады интендантства красной арміи, захватываютъ оружіе и уходятъ со всѣмъ этимъ обратно въ горы. Обыкновенно они расправляются только съ коммунистами, а красноармейцевъ отпускаютъ на всѣ четыре стороны, поэтому красноармейцы, зная этотъ пріемъ, не оказываютъ имъ никакого сопротивленія при нападеніи на нихъ.

Еще въ бытность мою въ Крыму, въ началѣ апрѣля, такое нападеніе было произведено на городъ Карасубазаръ. «Зеленые», какъ ихъ теперь называютъ, держали этотъ городъ въ своихъ рукахъ въ продолженіе 6 часовъ, разграбили и захватили съ собой провіантъ изъ складовъ и ушли въ горы; и при этомъ батальонъ 46-ой дивизіи сидѣлъ въ казармахъ, не оказавъ никакого сопротивленія. За это былъ отданъ подъ судъ командиръ бригады.

Позднѣе уже въ маѣ мѣсяцѣ, о чемъ мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи встрѣтившійся въ Гомелѣ сослуживецъ по инспекціи пѣхоты, машинистъ Притулецкій, — Ялта была захвачена этими зелеными, которые хозяйничали въ ней три дня, вырѣзавъ всѣхъ коммунистовъ во всевозможныхъ исполкомахъ и т. п. большевистскихъ учрежденіяхъ, а также и лѣчившихся въ санаторіяхъ и пріѣхавшихъ сюда изъ Москвы и Петрограда, по образцу прежней бюрократіи, на отдыхъ отъ переутомленія чекистовъ.

Путь между Симферополемъ, Севастополемъ и Ялтой для отдѣльно слѣдующихъ автомобилей и подводъ былъ очень опасенъ. Обыкновенно засада останавливала автомобиль или подводу, производила осмотръ и повѣрку документовъ и, если между пассажирами находились коммунисты, то таковые разстрѣливались, а остальные пассажиры пропускались далѣе съ извиненіемъ за безпокойство. Тотъ же Притулецкій разсказывалъ, что 1-го мая, въ ознаменованіе пролетарскаго праздника, была объявлена общая амнистія этимъ зеленымъ съ приглашеніемъ спуститься съ горъ и вернуться къ мирному труду. Передать эту амнистію были посланы въ преддверье горъ коммунисты, которыхъ зеленые, не причинивъ ничего дурного, вернули обратно, сказавъ: «Въ скоромъ времени мы сами будемъ давать вамъ амнистію». Эти зеленые заняли мѣсто и положеніе по отношенію къ краснымъ, аналогичное съ зелеными во время пребыванія въ Кры-

му генерала Врангеля. Тогда они были объединены подъ командою капитана Орлова и, насколько мнѣ извѣстно, причиняли много заботъ бѣлому командованію. Въ настоящее время то же положеніе повторилось по отношенію къ большевикамъ, съ тою только разницей, что въ число «новыхъ зеленыхъ» влились и «старые зеленые». Съ занятіемъ Крыма большевиками, старые зеленые спустились съ горъ и вошли въ Симферополь вмѣстѣ съ капитаномъ Орловымъ. Дня черезъ три послѣ этого капитанъ Орловъ вмѣстѣ со своими помощниками былъ арестованъ Особымъ Отдѣломъ и разстрѣлянъ, а его рядовые сотрудники бѣжали обратно на прежнія мѣста, гдѣ и были приняты новыми зелеными. Одно время ходилъ слухъ, что между зелеными въ горахъ находятся два генерала Врангелевскихъ войскъ. На этихъ зеленыхъ измученное большевиками населеніе Крыма возлагало большія надежды. Оправдаются ли эти надежды, покажетъ будущее, но пока по тѣмъ отрывистымъ сообщеніямъ, которыя изрѣдка проскальзываютъ въ совѣтскихъ газетахъ о частыхъ нападеніяхъ «зеленыхъ» на селенія Крыма и той расправѣ, которой они подвергаютъ представителей совѣтской власти, можно судить, что организація эта засѣла крѣпко въ горахъ и ликвидировать ее большевистская власть не можетъ, какъ не могла и бѣлая власть ликвидировать «своихъ зеленыхъ». Я знаю по службѣ въ инспекціи пѣхоты, что въ то еще время, когда я былъ въ Симферополѣ, на Чатырдагъ посылались цѣлыя бригады для ликвидаціи ихъ, но безрезультатно, такъ какъ неприступность горъ, съ одной стороны, и отсутствіе знанія именно тѣхъ пещеръ, въ которыхъ укрываются «зеленые», а также и путей къ нимъ, дѣлали это предпріятіе невыполнимымъ, тѣмъ болѣе, что въ ущельяхъ горъ есть такія позиціи, на которыхъ хорошо скрытый пулеметъ можетъ остановить наступленіе цѣлой бригады.

Въ Крыму еще съ 1918 года собралось много интеллигенціи и буржуазіи со всей Россіи, въ послѣдующіе годы она пополнилась еще тѣми, которые пришли вмѣстѣ съ отступающими войсками генерала Деникина и Врангеля. Часть изъ нихъ, у кого были еще средства, при генералѣ Врангелѣ выѣхали за границу, несмотря на всѣ трудности получить визу, большая же часть, не имѣя средствъ для проживанія за границей, осѣла въ Крыму, гдѣ подъ прикрытіемъ бѣлыхъ войскъ жила довольно спокойно. Быстрая эвакуація войскъ генерала Врангеля изъ Крыма поставила передъ ними дилемму: или бросить все то немногое, что они имѣли, и ѣхать неизвѣстно куда безъ всякой надежды на будущее, безъ копѣйки денегъ, или же остаться въ Крыму на милость большевиковъ. Большая часть избрала второе рѣшеніе, за что она жестоко поплатилась. Это было еще счастье, когда нѣкоторые изъ нихъ были сосланы на принудительныя работы въ Архангельскую губернію, гдѣ они, впрочемъ, по всей вѣроятности, тоже погибли; большая же часть изъ нихъ была разстрѣляна.

Окраины города Симферополя были полны зловонія отъ разлагавшихся труповъ разстрѣлянныхъ, которыхъ даже не закапывали въ землю. Ямы за Воронцовскимъ садомъ и въ имѣніи Крымтаева оранжереи были полны трупами разстрѣлянныхъ, слегка присыпанныхъ землей, а курсанты кавалерійской школы (будущіе красные командиры) ѣздили за полторы версты отъ своихъ казармъ (бывшаго Крымскаго Коннаго полка) выбивать камнями золотые зубы изо рта казненныхъ, при чемъ эта охота давала всегда большую добычу. Общая цифра разстрѣлянныхъ въ одномъ Симферополѣ со дня вступленія красныхъ въ Крымъ до 1-го апрѣля 1921 года доходила до 20 000, а все число разстрѣлянныхъ во всемъ Крыму — до чудовищныхъ размѣровъ: 80 000 человѣкъ. Правда ли это или нѣтъ, сказать не могу, такъ какъ, ужасаясь такой цифрѣ, самъ не хочешь въ нее вѣрить, но ее называли коммунисты, причастные къ этимъ разстрѣламъ, и хвастались ею въ разговорахъ между собой, ставя это въ заслугу дѣятельности Чека и Особаго Отдѣла.

Въ городѣ, конечно, по общему большевистскому шаблону была закрыта свободная торговля, а на мѣстномъ огромномъ базарѣ не повинующихся этому гра-

били въ свою пользу агенты Чека и Особаго Отдѣла, устраивая облавы на торговцевъ. По базару вообще проходить было не безопасно. Все тихо и мирно, слышится гортанная, зазывающая рѣчь торговцевъ татаръ, привезшихъ свои продукты на базаръ, вдругъ раздаются выстрѣлы, свистъ пуль, и испуганная толпа шарахается въ разныя стороны. Летятъ лотки, корзины, появляются вооруженные красноармейцы съ площадной бранью, — оказывается, это производится облава для прекращенія торговли. Счастье, если самъ не попадешь въ середину облавы, какъ рыба въ неводъ, а то въ противномъ случаѣ придется посидѣть сутокъ двое гдѣ-нибудь въ Особомъ Отдѣлѣ. Пока докажешь на основаніи своего удостовѣренія личности, что служишь въ штабѣ арміи и шелъ на службу случайно черезъ базаръ. Или же другой примѣръ: идешь по улицѣ на службу или со службы, вдругъ на перекресткѣ улицъ преграждаетъ путь цѣпь красноармейцевъ, не пропускающая далѣе и указывающая другой путь слѣдованія. Уже наученный горькимъ опытомъ знаешь, что тамъ значитъ тоже арестовываютъ всѣхъ, кто туда приходитъ, и поэтому, желая избѣгнуть ареста, бросаешься въ другую улицу, но тамъ натыкаешься на то же самое. Оказывается, что оцѣпленъ цѣлый кварталъ въ нѣсколько улицъ, для провѣрки документовъ, съ цѣлью изловить скрывающихся врангелевцевъ. Для этой цѣли всѣхъ отправляютъ окруженныхъ густымъ конвоемъ въ бывшія казармы Литовскаго полка. Тамъ съ провѣркой не торопятся, а приводятъ лишь новыя и новыя партіи. Въ концѣ концовъ, дня черезъ два, если у кого были документы вѣрны, выпускаютъ, при чемъ, если попробуешь протестовать за незаконное задержаніе, то рискуешь остаться тамъ на болѣе продолжительное время. Конечно, выходишь оттуда вшивый, такъ какъ приходится спать на голомъ каменномъ полу, въ тѣснотѣ, вповалку, всѣмъ вмѣстѣ. И кого только тамъ не увидишь? И обывателя, и красноармейца, и женщинъ, и мужчинъ, и дѣтей, и штабного служащаго, и даже чекиста. Всѣ въ общей кучѣ до выясненія. Служащіе штаба арміи пробовали просить свое начальство объ огражденіи ихъ отъ задержанія въ такихъ случаяхъ, мотивируя тѣмъ, что служба ихъ въ штабѣ страдаетъ отъ этого, что, въ дѣйствительности, и было; начальство соглашалось съ этимъ, но что оно могло подѣлать противъ всесильной Чека и Особаго Отдѣла?

Въ Симферополѣ, какъ и въ другихъ городахъ Крыма, была объявлена націонализація всѣхъ предпріятій и реквизиція всего имущества у буржуевъ и выселеніе ихъ изъ квартиръ, въ которыя долженъ былъ поселиться рабочій пролетаріатъ. Это проводилось съ безпримѣрной послѣдовательностью и жестокостью. Тайнымъ приказомъ Ревкома, который былъ опубликованъ въ мѣстныхъ газетахъ въ день самаго изъятія, былъ назначенъ «день изъятія излишковъ у буржуазіи». Для этого, въ одинъ день къ вечеру были собраны всѣ коммунисты, находящіеся въ Симферополѣ, на митингъ въ кинематографъ по Дворянской улицѣ. Здѣсь имъ были объяснены пріемы изъятія цѣнностей и что подъ этимъ изъятіемъ нужно подразумѣвать. Затѣмъ они были оставлены на ночь въ этомъ кинематографѣ, съ приставленіемъ часовыхъ, чтобы кто-нибудь не разболталъ объ этомъ населенію, такъ какъ день изъятія держался въ секретѣ, дабы населеніе не узнало о немъ и не успѣло бы приготовиться къ нему. На утро всѣ улицы города были оцѣплены вооруженными красноармейцами, а коммунисты, прямо изъ кинематографа, были направлены въ заранѣе распредѣленные имъ районы и дома въ сопровожденіи красноармейцевъ и подводъ. Изъ домовъ на улицы никто не выпускался, даже занятія въ штабѣ и во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ въ тотъ день не производились. Городъ словно вымеръ. Въ назначенный домъ или квартиру входилъ коммунистъ и производилъ осмотръ всѣхъ вещей, представляющихъ извѣстную цѣнность, причемъ эти вещи сортировались и подлежащія «изъятію» укладывались въ корзины и выносились красноармейцами на подводу. Изъятію подлежало почти все, такъ напримѣръ, у моихъ хозяевъ были забраны слѣдующія вещи: всѣ ковры, подушки, одѣяла, одежда, бѣлье, посуда, золотыя вещи, ложки, ножи, книги,

зеркала, картины, деньги, продукты и все, что представляло маломальскую цѣнность. Оставляли только по одной парѣ бѣлья и по одному костюму. Конечно, при изъятіи много прилипло къ рукамъ коммунистовъ, да куда дѣвалось и остальное, тоже неизвѣстно. Протестовъ и сопротивленія при изъятіи, конечно, не было, такъ какъ населеніе было до такой степени напугано, что не посмѣло этого сдѣлать, да и это было бы безполезно. Такимъ образомъ, въ одинъ день все населеніе Симферополя было ограблено по заранѣе составленному плану.

Комиссаръ Инспекціи пѣхоты арміи Петровъ, какъ коммунистъ, бывшій въ числѣ этихъ грабителей, съ злобной радостью разсказывалъ намъ о подробностяхъ изъятія. «Пріятно было», — говорилъ онъ, — «войти въ квартиру въ сознаніи своей силы и раскрыть какой нибудь ящикъ буржуйки съ драгоцѣнностями, аккуратно сложенными, потомъ все это свалить въ одну кучу и рыться въ нихъ, видя блѣдное лицо хозяйки, которая трясущимися руками открываетъ слѣдующіе ящики, не смѣя сказать слова протеста. Я бы, собственно говоря, не оставилъ имъ и одной пары бѣлья и пустилъ бы ихъ ходить голыми, пусть бы прикрывались фиговымъ листкомъ».

Привожу это заявленіе для того, чтобы читатель могъ судить о томъ, что творилось при этихъ изъятіяхъ тамъ, гдѣ дѣйствовалъ болѣе невѣжественный коммунистъ, разъ такъ дѣйствовалъ бывшій учитель. Конечно, вездѣ при этомъ сыпалась площадная брань, какъ коммунистовъ, такъ и красноармейцевъ, насмѣшки и издѣвательства надъ беззащитнымъ «буржуемъ».

Вскорѣ послѣ этого, приказомъ Ревкома, жилищному отдѣлу Симферополя было предписано произвести выселеніе изъ домовъ и квартиръ буржуазіи, съ реквизиціей обстановки, и вселить вмѣсто нея рабочихъ. По этому приказу агенты жилищнаго отдѣла являлись на квартиру и предъявляли требованіе очистить квартиру въ 12-ти часовой срокъ, причемъ не исполнявшіе этого выбрасывались, въ полномъ смыслѣ этого слова, на улицу, а мебель отбиралась и свозилась въ жилищный отдѣлъ, откуда она грузилась въ вагоны и вывозилась въ Москву. Такимъ образомъ населеніе было ограблено и выброшено на улицу. До чего доходила при этомъ наглость и издѣвательство большевиковъ, указываетъ слѣдующее сообщеніе «Херсонскихъ Извѣстій»: «Мебельныя фабрики Крыма стали производить при совѣтской власти такое огромное количество мебели, что явилась возможность вывозить ее въ центральныя губерніи». Одновременно съ этимъ въ томъ же номерѣ газеты былъ помѣщенъ приказъ Харьковскаго исполкома, въ которомъ объявляется «день Крымскаго рабочаго, ограбленнаго бѣлогвардейцами», для сбора якобы въ его пользу, т. е. въ Харьковѣ повторялась та же самая исторія, что была въ Симферополѣ и другихъ городахъ Крыма.

Особенную наглость, издѣвательство надъ жителями и жестокость при выселеніи проявили начальникъ жилищнаго отдѣла г. Симферополя, нѣкто Жоржъ, одинъ изъ завѣдующихъ райономъ, и Фельдманъ, — оба евреи, подпольные коммунисты при власти генерала Врангеля, хорошо извѣстные населенію Симферополя. Для этой операціи городъ былъ раздѣленъ на 5 районовъ, при чемъ Фельдманъ такъ отличился въ глазахъ коммунистическаго начальства энергичнымъ выселеніемъ «буржуевъ», что ему поручались послѣдовательно всѣ пять районовъ. Эти «товарищи» явились и къ хозяйкѣ квартиры, въ которой жилъ я со своими сослуживцами по инспекціи пѣхоты. На предъявленное требованіе очистить квартиру и сдать мебель, дочь владѣльца дома - особняка, вдова съ груднымъ ребенкомъ, спросила ихъ, куда же она дѣнется съ груднымъ ребенкомъ, у котораго въ настоящее время воспаленіе легкихъ, на что есть удостовѣреніе врача, Фельдманъ отвѣчалъ: «Пусть дохнутъ буржуйскія дѣти». Только благодаря нашему энергичному вмѣшательству, за что мы получили отъ нихъ обвиненіе въ симпатіи къ буржуямъ, семья эта въ составѣ старухи 96 лѣтъ, ея дочери и двухъ внучекъ — обѣ вдовы съ тремя малолѣтними дѣтьми, получили разрѣшеніе занять двѣ комнаты и кухню съ кладовой въ отдѣльномъ флигелѣ во дворѣ дома, гдѣ жила раньше ихъ прислуга, но при томъ только условіи,

если и мы, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, будемъ занимать вмѣстѣ съ ними это помѣщеніе, какъ по отводу для военнослужащихъ. Конечно, чтобы не допустить несчастныхъ владѣльцевъ быть выброшенными на улицу, мы тотчасъ же на это согласились, за что хозяева были намъ безконечно благодарны. Бабушка и прабабушка помѣстились въ кладовой, а остальные размѣстились въ кухнѣ и двухъ комнатахъ. У вдовъ была корова для питанія дѣтей молокомъ. Фельдманъ реквизировалъ ее, и на заявленіе, что она необходима для питанія дѣтей, отвѣтилъ: «Пусть она питаетъ дѣтей рабочихъ, а не буржуевъ». Между тѣмъ эта корова была отправлена къ нему на домъ и, какъ всѣмъ было извѣстно, все время находилась у него.

Въ освободившуюся квартиру безъ мебели, были вселены бѣженцы германской войны изъ Польши, такъ какъ рабочіе Симферополя въ большинствѣ случаевъ не хотѣли занимать помѣщеній выселенныхъ «буржуевъ». Жоржъ и Фельдманъ были евреи, но тѣмъ не менѣе они были такъ же жестоки по отношенію къ зажиточному еврейскому населенію города Симферополя, а особенно къ караимамъ, и мнѣ неоднократно приходилось выслушивать жалобы, какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Симферополѣ было устроено торжественное погребеніе жертвъ «бѣлаго террора». Это были десять человѣкъ подпольниковъ коммунистовъ, осужденныхъ полевымъ судомъ и повѣшенныхъ по приказанію генерала Слащева на трамвайныхъ столбахъ города Симферополя. Несмотря на всѣ старанія отыскать еще такія же жертвы, большевицкой власти не удалось это сдѣлать, и она взяла еще первыхъ попавшихся покойниковъ изъ госпиталей, и такимъ образомъ всего набралось вмѣстѣ съ повѣшенными 52 гроба, которые на пышныхъ погребальныхъ дрогахъ, сопровождаемые оркестромъ музыки, полкомъ пѣхоты, кавалеріей и двумя батареями, между разставленными по улицамъ шпалерами войскъ, были торжественно перевезены въ скверъ около зданія духовной семинаріи и здѣсь, послѣ торжественныхъ рѣчей и проклятій «палачамъ» бѣлымъ, были погребены въ общей могилѣ. Какими же палачами можно назвать большевиковъ, если при всѣхъ усиліяхъ они не могли собрать болѣе 52-хъ труповъ, въ то время, какъ разстрѣлы ими бѣлыхъ, подходили уже къ 20-ой тысячѣ, и разстрѣливались совершенно не причастные къ бѣлому движенію, напримѣръ, за работу при бѣлыхъ въ кооперативѣ, какъ Баркъ, причемъ вся его семья была безжалостно выброшена на улицу, или управляющій пивнымъ заводомъ, Даманскій, за принадлежность къ польской національности. Даманскій не принималъ никакого участія въ бѣломъ движеніи.

Въ Симферополѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе архіепископъ Симферопольскій и Таврическій Діонисій — семидесятилѣтній старецъ. Къ нему въ его помѣщеніе былъ поставленъ автомобильный дивизіонъ, и ему была оставлена одна только комната. Большевики хотѣли его арестовать по обвиненію въ контръреволюціи и увезти въ Севастополь для допроса Ревтрибуналомъ, но населеніе, окруживъ домъ плотной толпой, не выдало его, заявивъ большевикамъ, что если необходимо его допрашивать, то Ревтрибуналъ можетъ для этого пріѣхать сюда изъ Севастополя, и большевики отступились, оставивъ архіепископа въ покоѣ.

Рабочее населеніе г. Симферополя, а также и всего Крыма еще и при генералѣ Врангелѣ, какъ я слышалъ, въ своей массѣ было довольно режимомъ бѣлыхъ и особыхъ симпатій къ большевикамъ не проявляло за исключеніемъ, конечно, подпольниковъ - коммунистовъ, оставленныхъ большевиками при первомъ ихъ уходѣ изъ Крыма или присланныхъ черезъ фронтъ, которые работали между этой массой, стараясь возстановить ихъ противъ власти бѣлыхъ, но большого успѣха не имѣли. Бѣлая власть въ Крыму, вѣроятно, наученная прежними ошибками, удѣляла много вниманія рабочему классу и обезпечила ему приличное существованіе. Мнѣ разсказывали, что вообще при томъ общемъ паденіи цѣнности рубля, которое было въ Крыму, а отсюда и колоссальной дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, рабочіе все - таки не терпѣли той острой нужды,

которую они встрѣтили съ приходомъ въ Крымъ большевиковъ. При генералѣ Врангелѣ трудъ былъ все-таки урегулированъ и оплачивался довольно хорошо, во всякомъ случаѣ настолько, что за тѣ деньги, которыя получалъ рабочій, онъ могъ пріобрѣсти все необходимое. Такъ, напримѣръ, рабочій зарабатывалъ въ день 250 000 рублей, хлѣбъ же стоилъ 15—20 тыс. фунтъ, а фунтъ сала 50 тыс. рублей. Слѣдовательно, на дневной заработокъ можно было обезпечить себя и свою семью пропитаніемъ. Теперь же, съ приходомъ большевиковъ, Врангелевскія деньги были аннулированы, что создало сразу же недовольство среди рабочихъ, такъ какъ у нихъ собралась уже значительная сумма ихъ, кромѣ того, хотя фунтъ хлѣба вначалѣ стоилъ 100 рублей совѣтскими деньгами (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ уже стоилъ 6 000 руб.), но за то жалованья чернорабочій получалъ 4—5 000 руб., а квалифицированный — максимумъ 9 000 руб. Конечно, сразу же сказалась разница между жизнью рабочаго при бѣлой власти и совѣтской. Это не замедлило отразиться на настроеніи рабочихъ; къ этому надо прибавить, что въ то время, согласно совѣтскихъ декретовъ, рабочій не имѣлъ права распоряжаться самъ собой, т. е. примѣнять свой трудъ тамъ, гдѣ онъ хочетъ, ибо всѣ рабочіе считались государственными служащими и должны были служить въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ они были необходимы совѣтской власти, не считавшейся ни съ мѣстомъ службы, ни съ желаніемъ рабочаго служить въ данномъ предпріятіи. Такъ, напримѣръ, былъ объявленъ декретъ, по которому рабочіе металлургическихъ предпріятій могли быть переводимы, въ случаѣ надобности, изъ одной мѣстности въ другую, до Сибири и Урала включительно, причемъ согласія на такой переводъ у рабочихъ не спрашивалось, такъ какъ они были мобилизованы, какъ работники трудовой арміи. Для рабочихъ все это было дико и непонятно; не то они видѣли у Врангеля и не того они ожидали отъ совѣтской власти. Получалось уже рабство, противъ котораго они ничего не могли подѣлать. Профессіональные союзы, прежде защищавшіе интересы рабочихъ противъ капитала, реформированные большевиками, стали государственными учрежденіями, принимающими ближе къ сердцу интересы государственнаго капитала, чѣмъ рабочаго. Все это оттолкнуло крымскихъ рабочихъ отъ большевицкой власти и создало непримиримое отношеніе къ ней. Но, такъ какъ вылить эту непримиримость тѣми способами, которыми они пользовались прежде, т. е. забастовками и бунтомъ, было невозможно, ибо за этимъ слѣдовали немедленныя жестокія расправы, до разстрѣловъ включительно, то пришлось покорно нести свою лямку, вздыхая о счастливомъ времени при бѣлой власти, и слать проклятія большевикамъ, оглядываясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ.

То же самое происходило съ татарскимъ и крестьянскимъ населеніемъ. Здѣсь кляли большевиковъ за ихъ продразверстку, за реквизицію лошадей, за наряды подводъ и за расквартированіе красноармейцевъ по ихъ саклямъ и хатамъ. Особенно, за послѣднее, такъ какъ они обязаны были этихъ красноармейцевъ и кормить. Какъ на примѣръ перемѣны настроенія крестьянскаго населенія къ большевикамъ, можно указать на слѣдующее. По Ялтинскому шоссе въ 20 верстахъ отъ Симферополя находилось большое село, населенное преимущественно выходцами изъ Великороссіи — кацапами. Жители его при бѣлой власти пользовались репутаціей самыхъ отъявленныхъ большевиковъ. Какъ говорили въ Симферополѣ, они доставляли массу хлопотъ бѣлымъ, давая убѣжище подпольникамъ и выдѣляя изъ своей среды коммунистовъ; высказывали явно, не скрываясь, свои симпатіи къ большевикамъ и радостно ожидали ихъ прибытія въ Крымъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ прихода совѣтской власти, это село первое подверглось продразверсткѣ и тотчасъ оно начало служить убѣжищемъ для всѣхъ скрывающихся офицеровъ-врангелевцевъ, которыхъ оттуда препровождали въ горы и которымъ доставляли безвозмездно туда же провіантъ. Это говорилъ мнѣ проводникъ-татаринъ, вывозившій тайно офицеровъ изъ Симферополя.

На южномъ берегу Крыма имѣнія и виллы, представлявшія цѣнность по своему мѣстоположенію, красотѣ и роскоши, были заняты подъ пролетарскія сана-

торіи, которыя заполнились паціентами со всей Россіи. Сюда направлены были подъ видомъ пролетаріевъ преимущественно коммунисты, дѣятели Чека и Особыхъ отдѣловъ, жаждущіе отдохнуть отъ понесенныхъ ими трудовъ. Жажда побывать въ этихъ санаторіяхъ была между ними такъ сильна, что я, ѣдучи по желѣзной дорогѣ изъ Александровска въ Симферополь, разговорился съ однимъ субъектомъ, который оказался коммунистомъ изъ Семипалатинска, ѣхавшимъ въ отдѣлъ Народнаго Здравоохраненія Крыма, чтобы получить мѣсто въ Ялтинской санаторіи. Крымъ былъ объявленъ совѣтскимъ декретомъ Всероссійской Здравницей, а г. Ялта былъ переименованъ въ Красноармейскъ. Но все это продолжалось недолго: черезъ два мѣсяца въ Крыму уже начался голодъ и въ санаторіяхъ кормить было нечѣмъ. Всѣ эти паціенты потянулись обратно, не испытавъ той буржуазной жизни, которая имъ мерещилась.

Съ приходомъ большевиковъ въ Крымъ, Врангелевскія деньги были аннулированы и населеніе, оставшееся безъ денежныхъ знаковъ, усиленно понесло на базары свои продукты, которые, несмотря на запрещеніе свободной торговли, въ первое время поражали насъ своей дешевизной по сравненію съ Совдепіей. Такъ, напримѣръ, фунтъ табаку фабрики Стамболи стоилъ 800 руб., натуральный чай, о которомъ въ Совдепіи забыли тогда и думать, стоилъ 1 200 руб. фунтъ и т. д. Но все это было только въ первое время. Черезъ два мѣсяца базары уже были пусты, а если что и было на нихъ, то цѣны были даже выше, чѣмъ въ Совдепіи, Все было скуплено спекулянтами и, если у нихъ по дорогѣ не было отобрано заградительными отрядами, то вывезено въ Москву.

Въ Симферополѣ трамвай не работалъ, электричество отпускалось только въ тѣ квартиры, гдѣ жили коммунисты или совѣтскіе служащіе, населеніе, не имѣя керосина, сидѣло впотьмахъ. Вскорѣ послѣ этого пришла другая напасть: выгребныя ямы переполнились и вывозить ихъ было некому. Содержимое стало переливаться черезъ край по дворамъ. Совѣтская власть вышла изъ этого затрудненія. Въ зданіи бывшей губернской земской управы, въ одномъ изъ этажей котораго былъ расположенъ Совнархозъ Крыма, нечистоты залили весь дворъ. Обитатели дома обратились къ предсѣдателю Совнарохоза, какъ компетентному лицу, съ просьбой принять мѣры для очистки выгребныхъ ямъ. Онъ, за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ, приказалъ содержимое выпускать на улицу. Этимъ приказомъ стали руководиться и въ другихъ домахъ, такъ какъ иныхъ средствъ освободиться отъ нечистотъ не было, и они заполнили улицы, заражая зловоніемъ воздухъ.

Отсутствіе топлива сильно сказывалось на жителяхъ. Раньше дома отапливались или углемъ, доставляемымъ изъ Крымскихъ копей, или же дровами, заготовленными на Яйлѣ. Теперь же ни того, ни другого не было. Правда, для заготовки этого топлива отправлялись туда, на принудительныя работы, уцѣлѣвшіе отъ разстрѣла контръ-революціонеры, но заготовки эти были ничтожны и кромѣ того имъ препятствовали зеленые, а поэтому весь запасъ заготовленнаго топлива хваталъ лишь на отопленіе квартиръ лицъ высшаго коммунистическаго міра, остальное же населеніе принуждено было мерзнуть, спиливая лишь деревья съ улицъ для варки пищи. Мнѣ самому приходилось при наступившихъ холодахъ сидѣть въ комнатѣ при 4—5 градусахъ Реомюра. То же самое было и на службѣ во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Впрочемъ это явленіе было ново только для Крыма, такъ какъ въ Совдепіи давно уже привыкли къ этому; въ Московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ шли занятія даже при — 12-ти градусахъ Реомюра.

Большое лишеніе несли жители изъ-за отсутствія бань; имѣвшіяся въ городѣ бани были національзированы и предоставлены въ распоряженіе красной арміи, но вслѣдъ за этимъ онѣ отъ неумѣлаго обращенія были приведены въ негодность, такъ какъ были испорчены водопроводныя трубы и отсутствіе воды заставило закрыть бани. Жители были предоставлены въ этомъ отношеніи самимъ себѣ. Развитіе сильной эпидеміи тифа всѣхъ видовъ и вшивость, какъ

результатъ отсутствія бань, все это увеличивало смертность среди населенія и красноармейцевъ, трупы которыхъ вереницами везли на кладбище, сваливали въ общую яму; но большевицкая власть на все это мало обращала вниманія. Она была занята искорененіемъ контръ-революціи и вывозомъ награбленнаго имущества въ Совденію.

IX.

Съ переходомъ инспекціи пѣхоты въ Симферополь въ ней произошли перемѣны. Былъ объявленъ новый штатъ, увеличивающій число помощниковъ инспектора съ одного до трехъ, и инструкторовъ — съ четырехъ до двѣнадцати. Инспекторомъ пѣхоты былъ назначенъ бывшій подполковникъ Симоновъ, совершенно безцвѣтная личность, боявшійся большевиковъ и все время думавшій, что его арестуютъ, хотя его ревностная служба не давала никакого повода къ этому, да и прошлое по отношенію его къ большевикамъ было совершенно безупречно, такъ какъ, будучи при большевистскомъ переворотѣ въ Москвѣ, онъ былъ ими тамъ мобилизованъ и зачисленъ на службу въ штабъ Московскаго Военнаго Округа. Будучи трусомъ по природѣ, онъ, конечно, не могъ принимать участія въ какомъ-либо заговорѣ противъ большевиковъ. Въ число трехъ помощниковъ инспектора пѣхоты былъ назначенъ и я.

Еще будучи на западномъ фронтѣ и состоя въ должности инструктора инспекціи, я одно время рисковалъ быть назначеннымъ инспекторомъ пѣхоты арміи, такъ какъ, какъ я уже выше писалъ, эту должность занималъ бывшій зауряд-военный чиновникъ, на что обратилъ вниманіе инспекторъ пѣхоты западнаго фронта, бывшій командиръ гвардейскаго корпуса Императорской арміи Чернавинъ, которому были подчинены инспектора армій. Чернавинъ представляетъ собою яркій примѣръ бывшаго гвардейскаго генерала, который, не будучи коммунистомъ, добросовѣстно служитъ совѣтской власти, получая за это всѣ блага жизни въ Совдепіи. Генерала Чернавина я еще прежде зналъ, до войны, по совмѣстной службѣ въ Финляндіи. Это Императорскій стрѣлокъ, впослѣдствіи командиръ 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, наивѣрноподданнѣйшій Императора, при всѣхъ случаяхъ во время командованія склонявшій кстати и не кстати «Царь батюшка» и «Царица матушка». Будучи, какъ офицеръ 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка, лично извѣстенъ Императору, онъ продѣлалъ быструю карьеру, именно на рекламированіи своей преданности Монарху и даже состоялъ преподавателемъ и воспитателемъ Великихъ Князей Кирилла и Бориса Владиміровичей. Впослѣдствіи онъ командовалъ 3-й гвардейской дивизіей, а на войнѣ и гвардейскимъ корпусомъ. Больно и обидно мнѣ было читать его приказы въ качествѣ инспектора пѣхоты западнаго фронта, въ которыхъ онъ громилъ подчиненныхъ за саботажъ, нежеланіе искренне служить совѣтской власти и призывалъ всѣхъ бывшихъ офицеровъ сплотиться вокругъ нея и своимъ опытомъ и знаніемъ принести ей пользу, угрожая въ противномъ случаѣ репрессіями. Своимъ личнымъ примѣромъ въ этомъ дѣлѣ, знаніями воспитанія и подготовки къ бою солдата, которыя несомнѣнно у него были, онъ отдался весь службѣ совѣтской власти и требовалъ этого и отъ инспекціи пѣхоты армій. Если бы это былъ не Чернавинъ,то съ этимъ можно было бы какъ-нибудь и помириться, но это былъ именно тотъ Чернавинъ, котораго я зналъ по его прежнимъ монархическимъ убѣжденіямъ. Какъ можетъ низко пасть человѣкъ! Такъ вотъ этотъ Чернавинъ обратилъ вниманіе на то, что на должности инспектора 4-й арміи состоитъ бывшій зауряд-военный чиновникъ, а на должности инструктора инспекціи — бывшій генералъ-маіоръ, и потребовалъ назначенія на эту должность меня. На мое счастье въ это время появился присланный изъ Москвы бывшій подполковникъ Пуркъ, котораго и назначили инспекторомъ пѣхоты 4-й арміи, ибо мнѣ удалось доказать члену Реввоенсовѣта 4-й арміи Меж-

лауку, что я на эту отвѣтственную должность не гожусь. Теперь уже отъ должности помощника инспектора пѣхоты мнѣ уклониться не пришлось, да впрочемъ, она мало чѣмъ и отличалась отъ инструктора пѣхоты. Обязанности были тѣ же самыя.

Изъ штаба арміи было приказано инспектору пѣхоты отправить кого-либо отъ инспекціи въ городъ Джанкой для наблюденія за формированіемъ тамъ запаснаго полка изъ солдатъ-врангелевцевъ. Симоновъ, зная, что до сихъ поръ еще я никуда не ѣздилъ въ командировку, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать мнѣ непріятность, такъ какъ зналъ мое нежеланіе работать вообще на совѣтскую власть, назначилъ въ эту командировку меня. Меня же эта командировка устраивала, такъ какъ я, уѣзжая изъ Симферополя въ маленькій городокъ-деревню, перестану видѣть терроръ въ Симферополѣ и въ глуши нѣсколько отдохну отъ него.

17-го декабря я выѣхалъ въ Джанкой, при чемъ мнѣ повезло — я ѣхалъ до него всего только сутки, такъ какъ попалъ въ поѣздъ какого-то сильнаго въ коммунистическомъ мірѣ лица, ѣхавшаго въ Москву, для котораго были устранены всѣ задержки въ пути. Попасть же въ этотъ поѣздъ мнѣ было сравнительно легко, такъ какъ я имѣлъ мандатъ штаба арміи и къ тому же послѣ того, какъ я прибылъ въ Вильно, гдѣ я могъ, по мнѣнію даже коммунистовъ, совершенно свободно остаться, о чемъ говорилъ мнѣ комиссаръ инспекціи пѣхоты, за мной прекратилась слѣжка чекистовъ, и я пріобрѣлъ довѣріе у коммунистовъ. Благодаря этому меня свободно пустили въ поѣздъ этого «высокопоставленнаго лица», иначе мнѣ бы пришлось разстояніе въ 80 верстъ ѣхать около четырехъ сутокъ.

Пріѣхавъ въ Джанкой, я засталъ тамъ командира полка бывшаго прапорщика Остапчука, который формировалъ тамъ штабъ полка, но размѣстить полкъ онъ тамъ не могъ за неимѣніемъ мѣста. Джанкой — небольшой поселокъ, только что переименованный большевиками въ городъ, былъ переполненъ госпиталями и всевозможными совѣтскими учрежденіями, и о размѣщеніи еще кого-либо нечего было и думать, ибо въ городѣ были только мазанки, а всѣ деревянныя зданія уже были разобраны на дрова для паровозовъ. Я далъ телеграмму инспектору объ этомъ и въ ожиданіи отвѣта прожилъ спокойно 10 дней, дѣйствительно отдохнувъ душою въ семьѣ нѣмца-колониста. 27-го декабря пришелъ отвѣтъ, что формированіе запаснаго полка въ Джанкоѣ отмѣняется и чтобы я ѣхалъ инспектировать 42-ю дивизію, а для полученія инструкцій по этому поводу заѣхалъ бы по пути въ полевой штабъ арміи, стоявшій въ это время въ вагонахъ на станціи Мелитополь.

Въ это время на желѣзной дорогѣ творилось что-то невѣроятное. При занятіи Крыма желѣзнодорожники, служившіе при генералѣ Врангелѣ, были сняты со своихъ мѣстъ, какъ не заслуживающіе довѣрія у большевиковъ, и эксплоатація была передана военной власти въ лицѣ «Начвосо». И чего только она здѣсь ни надѣлала. При продвиженіи впередъ большевиковъ, посылались безъ всякаго порядка, очереди и расписанія поѣзда, которые забили собой всѣ станціи отъ Александровска до Севастополя такъ, что остановилось почти совсѣмъ движеніе поѣздовъ. Видя всю эту неразбериху, призвали опять обратно на прежнія мѣста старыхъ желѣзнодорожниковъ, но и они уже ничего не могли подѣлать. Тогда была назначена «тройка» изъ коммунистовъ съ диктаторскими полномочіями, которая выѣхала на мѣста стоянки застрявшихъ поѣздовъ. Она обнаружила, что на нѣкоторыхъ станціяхъ стояли пустые составы, такъ какъ изъ нихъ войска выгрузились и отправились пѣшимъ порядкомъ къ мѣсту назначенія, или же стояли до сихъ поръ погруженные имуществомъ и продовольствіемъ перевозимымъ вслѣдъ за арміей, но какой части это принадлежало теперь, этого нельзя было выяснить, такъ какъ конвоиры отъ холода и голода разбѣжались. Приказано было этотъ грузъ выгрузить и отправить въ армейскіе склады путемъ перевозки на крестьянскихъ лошадяхъ, согнанныхъ для этого принудительнымъ порядкомъ, отъ чего поднялся, конечно, ропотъ среди крестьянъ. Пустые ва-

гоны, въ виду невозможности ихъ вытащить изъ образовавшихся тупиковъ и неимѣнія топлива для паровозовъ, приказано было просто сбросить съ рельсъ. Но эта рѣшительная мѣра мало помогла дѣлу: во главѣ желѣзнодорожнаго хозяйства стояли круглые невѣжды комиссары, вчерашніе приказчики мелочныхъ лавокъ и продавцы сельдей, а низшій составъ служащихъ думалъ только о томъ, чтобы при поѣздкѣ «спекульнуть», съ цѣлью обезпечить себѣ и своей семьѣ существованіе, и желѣзнодорожной службой не дорожилъ, готовый всегда ее покинуть, чего однако не могъ сдѣлать, такъ какъ былъ мобилизованъ. Другая причина остановки желѣзнодорожнаго движенія, которая достигла своей кульминаціонной точки въ декабрѣ—февралѣ мѣсяцахъ 1920—1921 года, это отсутствіе здоровыхъ паровозовъ и топлива для нихъ. Я уже упомянулъ выше, что на всѣхъ значительныхъ узловыхъ станціяхъ образовались громадныя кладбища паровозовъ; кромѣ того, при случайной, даже и не значительной поломкѣ частей паровоза онъ чинится въ мѣстномъ депо, крайне медленно, такъ какъ нѣтъ матеріала и инструмента, да нѣтъ и времени мастерамъ, которые изъ казеннаго матеріала дѣлаютъ сковороды, лемехи къ плугамъ, гвозди, зажигалки и т. п. для обмѣна на хлѣбъ, сало и колбасу у крестьянъ, такъ какъ послѣдніе продуктовъ на деньги не продавали. Если же паровозъ и выходилъ изъ депо, то въ пути онъ вскорѣ опять ломался.

Топливо для паровозовъ добывалось тоже оригинальнымъ способомъ. Обыкновенно машинистъ заявлялъ пассажирамъ поѣзда, что, если хотятъ ѣхать дальше, то для этого надо добыть дрова на паровозъ, иначе онъ уйдетъ съ паровозомъ на оставшихся парахъ до ближайшаго депо, такъ какъ боится его заморозить. На югѣ Россіи нѣтъ лѣса, и потому пассажирами дружно разбирались деревянныя постройки сначала на станціяхъ, гдѣ были раньше громадные ссыпные пункты зерна, а когда онѣ были уже прикончены, то и частные дома, причемъ, конечно, никакого протеста со стороны владѣльца не могло быть, такъ какъ, во-первыхъ, частная собственность въ Совдепіи была отмѣнена, а во-вторыхъ, это были не пассажирскіе поѣзда, а воинскіе эшелоны, двигающіеся по государственнымъ соображеніямъ, и поэтому эти разборки дѣлались по приказанію комиссара поѣзда именемъ совѣтской власти. Конечно, разборка такихъ домовъ тоже скоро кончилась, такъ какъ на югѣ въ деревняхъ большей частью мазанки изъ глины или дома изъ мѣстнаго пиленаго камня, и тогда уже топлива совершенно не стало, а отсюда, какъ результатъ этого, прекратилось движеніе поѣздовъ.

Согласно телеграммы, о которой я упомянулъ выше, мнѣ надо было ѣхать въ Мелитополь. На станціи стояла масса застрявшихъ поѣздовъ и, который изъ нихъ отойдетъ первымъ, никто, по обыкновенію, на станціи не зналъ. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ я, при посредствѣ начальника О. Р. Т. Ч. К. (Отдѣленіе районной транспортной чрезвычайной комиссіи), получилъ мѣсто въ теплушкѣ перваго отходящаго поѣзда, который въ тотъ день вечеромъ отходилъ отъ Джанкоя, простоявъ тамъ три недѣли. Это, оказывается, былъ эшелонъ въ 82 вагона, переполненный солдатами, изголодавшимися на станціи и мерзнувшими отъ холода въ вагонахъ. Въ головѣ этого поѣзда было 17 вагоновъ какой-то «технической связи юга», перевозимой въ Москву, во главѣ съ ея начальникомъ. Для наблюденія за этой перевозкой былъ назначенъ комиссаръ изъ Москвы. Начальникъ связи былъ такъ любезенъ, что помѣстилъ меня у себя въ теплушкѣ, и мы тронулись. Шли довольно хорошо, но, не доѣхавъ трехъ станцій до Мелитополя, машинистъ заявилъ, что у него кончается топливо и онъ уходитъ въ Мелитополь на оставшихся парахъ и бросаетъ составъ, такъ какъ на этой станціи всѣ дома были уже разобраны и достать дровъ было негдѣ, за исключеніемъ самой станціи, которую разбирать было уже нельзя. Тогда начальникъ связи и комиссаръ изъ Москвы стали просить машиниста, чтобы онъ захватилъ съ собою хотя ихъ 17 вагоновъ и довезъ бы до Мелитополя, конечно, для этого между ними была собрана порядочная сумма и вручена машинисту вмѣстѣ съ

просьбой, такъ какъ иначе мы рисковали сидѣть на этой станціи, пожалуй, еще три недѣли. Интереснѣе всего то, что въ сборѣ этой суммы принималъ участіе и московскій комиссаръ. Машинистъ согласился, но красноармейцы узнали, что ихъ вагоны остаются, и потребовали, чтобы или ихъ всѣхъ посадили бы въ эти 17 вагоновъ, или же поѣздъ слѣдовалъ дальше въ полномъ составѣ. Машиниста же одного не отпускали. Тогда московскій комиссаръ попробовалъ ихъ застращать разстрѣлами, но они схватили его, избили и положили на рельсы подъ паровозъ связаннымъ, заявивъ машинисту, что онъ можетъ тронуться, но только переѣхавъ комиссара. Я при этомъ не былъ, такъ какъ сидѣлъ въ теплушкѣ, но мнѣ все это разсказывалъ вернувшійся отъ паровоза, дрожащій отъ страха начальникъ связи. Было три часа ночи, толпа красноармейцевъ шумѣла и выкрикивала уже угрозы по адресу всего состава связи, предлагая вышвырнуть ее изъ вагоновъ, а самимъ погрузиться въ нихъ. Это были демобилизованные красноармейцы, распускаемые по домамъ послѣ ликвидаціи бѣлыхъ въ Крыму. Положеніе спасъ машинистъ. Онъ объявилъ, что если снимутъ съ рельсъ комиссара и посадятъ обратно въ теплушку, то онъ пойдетъ дальше со всѣмъ составомъ поѣзда, но не ранѣе, какъ часа черезъ два, такъ какъ ему надо поднять паръ. Комиссара возвратили на мѣсто, толпа разошлась, и мы дѣйствительно черезъ два часа тронулись. На слѣдующей станціи мы узнали, что въ нашемъ поѣздѣ не 82, а 20 вагоновъ, изъ нихъ 17 вагоновъ связи и 3 вагона съ красноармейцами, которыхъ пришлось взять съ собой, такъ какъ отцѣпить только первые 17 вагоновъ незамѣтно для красноармейцевъ не было возможности, и машинистъ, обманувъ ихъ, долженъ былъ сдѣлать расцѣпку на 20-мъ вагонѣ.

Въ Мелитополѣ полевой штабъ 4-й арміи стоялъ въ поѣздѣ на станціи и велъ операціи противъ бандъ Махно, которыя дѣйствовали въ Маріупольскомъ, Мелитопольскомъ, Бердянскомъ и Александровскомъ уѣздахъ. Екатеринославская губернія и Полтавская тоже были наводнены бандами другихъ наименованій. По линіи желѣзной дороги шли постоянныя нападенія на поѣзда, при чемъ, какъ правило, рубились головы командному составу и коммунистамъ, а красноармейцы раздѣвались и въ одномъ бѣльѣ отпускались на всѣ четыре стороны, за исключеніемъ тѣхъ, которые добровольно поступали въ банды. Жители селъ и деревень относились сочувственно къ бандитамъ, укрывали ихъ и снабжали продовольствіемъ, а сами пополняли ряды бандъ, мстя красной власти за тѣ насилія, которыя она имъ чинила. Бандиты были совершенно неуловимыми для красной арміи, имѣя прекрасный конскій составъ, какъ у конницы, такъ и у повозокъ — «тачанокъ», прекрасныхъ рессорныхъ телѣжекъ, отобранныхъ у колонистовъ, на которыхъ перевозились пулеметы и пѣхота. Они, появившись въ одномъ мѣстѣ, производили налетъ и, не принимая боя, быстро разсѣивались при появленіи силъ красныхъ, дѣлая переходы въ сутки иногда отъ 200 до 300 верстъ, мѣняя въ пути загнанныхъ лошадей у крестьянъ, на что послѣдніе никогда не претендовали. Самая подвижная и остроумная организація у Махно были пулеметные полки. Это были 300—400 тачанокъ, запряженныхъ прекрасными лошадьми, причемъ на одной помѣщался пулеметъ и четыре номера, а на другой тачанкѣ патроны къ нимъ. Стрѣльба производилась прямо съ тачанки. Легкость экипажа позволяла скакать по степи безъ дороги, появляясь неожиданно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершенно не ждали. Бандиты Махно были одѣты также, какъ мѣстное населеніе, и поэтому, распознать въ крестьянинѣ махновца краснымъ было очень трудно. Мнѣ разсказывали впослѣдствіи, когда я инспектировалъ 42-ю дивизію, слѣдующіе случаи: идетъ погоня за бандой махновцевъ, которые разсѣялись, но нѣсколько тачанокъ не выпускаются изъ вида и ихъ уже настигаютъ. Тачанки влетаютъ въ деревню, красные за ними. Южныя деревни имѣютъ нѣсколько улицъ и вотъ на одномъ изъ поворотовъ за угломъ никого не видно. Тачанки словно провалились сквозь землю. Красные ѣдутъ по улицамъ, заглядывая во дворы: никого нѣтъ. На дворѣ старый дѣдъ вѣетъ рожь,

а молодой парень молотитъ хлѣбъ, понукая лошадей. — «Эй, дѣдъ, не видѣлъ ли, куда поѣхали тачанки?» — «А якъ же бачивъ, ось погнали до степу, тажъ тильки пыль виднѣется». — «А кто жъ у тебя хлѣбъ молотитъ?« — «А то мий сынъ Апонасъ, та жъ такій дурный, скаженный, ни слова не кажетъ». Красные бросятся догонять тачанки по указанному направленію, а «скаженный хлопецъ» вытаскиваетъ изъ скирды хлѣба винтовку, отпрягаетъ лошадей отъ привода, на подмогу къ нему выходятъ еще трое «скаженныхъ хлопцевъ», впрягаютъ лошадей въ тачанку, спрятанную подъ соломой, и ѣдутъ въ другомъ направленіи изъ деревни.

Махно былъ неуловимъ. 6-го декабря онъ былъ подъ Бердянскомъ окруженъ кольцомъ изъ трехъ дивизій, въ томъ числѣ и 42-й, которой командовалъ пресловутый Розенъ, находившійся, впрочемъ, въ то время въ отпуску. Штабъ 4-й арміи ежечасно получалъ телеграммы, что Махно не вырвется и на этотъ разъ попадетъ въ руки красныхъ войскъ. Однако, на разсвѣтѣ 6-го декабря Махно, собравъ всѣ свои силы, обрушился на 42-ю дивизію, которую буквально разбросалъ, и вырвался изъ окружающаго его кольца. О преслѣдованіи нечего было и думать; онъ благополучно прошелъ въ громадное село Большой Токмакъ, гдѣ расположился на отдыхъ. Завладѣвъ Бердянскомъ, онъ произвелъ страшную рѣзню коммунистовъ и командного состава красноармейскихъ частей. Всѣ только что сформированныя здѣсь совѣтскія учрежденія были поголовно вырѣзаны. Дивизіи вновь окружили его въ Большомъ Токмакѣ, опять заранѣе праздную надъ нимъ побѣду. Махно повторилъ тотъ же маневръ, вновь разорвалъ окружавшее его кольцо и съ отрядомъ, численность котораго доходила до 5 000 человѣкъ, бросился къ Никополю. Здѣсь онъ перешелъ по льду на правую сторону Днѣпра и, несмотря на то, что на перерѣзъ ему была брошена 1-я конная армія изъ Екатеринослава, не могшая впрочемъ его догнать на своихъ заморенныхъ лошадяхъ, онъ прошелъ сѣвернѣе Екатеринослава снова по льду черезъ Днѣпръ, направился въ южную часть Полтавской губерніи, минуя Константиноградъ, Зміевъ, и дошелъ до гор. Бирюча, Воронежской губерніи, откуда черезъ Купянскъ, Лиманъ, Бахмутъ къ 15 января вновь вернулся въ свою резиденцію Гуляй-Поле. Это былъ, дѣйствительно, изумительный по быстротѣ рейдъ. Дѣлая по 250—300 верстъ въ сутки, мѣняя загнанныхъ лошадей на привалахъ у крестьянъ, онъ далеко оставилъ преслѣдовавшія его конныя красныя части, которыя не могли войти съ нимъ даже въ соприкосновеніе. Кромѣ того, во время этого рейда по всему югу Украины оперировали шайки бандитовъ, можетъ быть, и не состоявшія подъ командованіемъ Махно, но, во всякомъ случаѣ, преслѣдовавшія одну и ту же цѣль — борьбу съ большевиками. Эти банды отвлекали вниманіе красныхъ отъ преслѣдованія Махно, сбивая ихъ съ пути и увлекая ихъ въ другую сторону. Все это создало Махно громадную популярность среди населенія юга Украины, и оно возлагало на него свои надежды, что онъ избавитъ ихъ отъ большевиковъ. Мелкія шайки другихъ наименованій тревожили окрестности Александровска, Бердянска, Мелитополя, угрожая даже Крыму. Съ цѣлью борьбы, какъ съ Махно, такъ и съ другими шайками, командующій арміей Лазаревичъ выѣхалъ съ полевымъ штабомъ въ Мелитополь.

Въ штабѣ арміи я засталъ крайне нервное настроеніе. Шайки бандитовъ оперировали уже подъ самымъ Мелитополемъ, дѣйствуя на пути сообщенія между разбросанными по уѣзду отдѣльными частями красныхъ; вырѣзывали агентовъ продразверстки и комнезаможей (комитеты бѣдноты), а также и всѣхъ совѣтскихъ учрежденій, только что здѣсь насажденныхъ, останавливали поѣзда, при чемъ красноармейцы отпускались раздѣтыми, а комсоставу и коммунистамъ рубились головы. Все это было и далѣе за Мелитополемъ по всему югу Украйны. Въ штабѣ задумывалась новая операція противъ Махно, для чего изъ Екатеринослава въ Александровскъ перебрасывался 3-й конный корпусъ, подъ командой Каширина, бывшаго подъесаула Уральскаго казачьяго войска — коммуниста.

Для разбора дѣла и выясненія виновныхъ лицъ въ прорывѣ Махно черезъ окружавшее его кольцо красныхъ, 6-го и 12-го декабря выѣхали на мѣсто и дѣйствовали уже цѣлыхъ три комиссіи: одна отъ Ревтрибунала 4-ой арміи, другая отъ Особаго отдѣла 4-ой арміи и третья отъ В. Ч. К. изъ Москвы. Когда я былъ у Лазаревича, то послѣдній просилъ меня вмѣстѣ съ инспектированіемъ 42-ой дивизіи выяснить лично для него степень виновности въ прорывѣ Махно ея Начдива Розена, такъ какъ онъ въ разговорѣ со мной отозвался отрицательно о Розенѣ, какъ начальникѣ дивизіи. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ хотѣлъ свести съ Розеномъ личные счеты еще за то время, когда Розенъ былъ въ числѣ слушателей Академіи Генеральнаго Штаба, а Лазаревичъ завѣдывающимъ курсомъ, при чемъ Розенъ постоянно агитировалъ противъ него. На счастье Розена, онъ въ окруженіи Махно подъ Бердянскомъ не участвовалъ, такъ какъ былъ въ отпуску.

Въ штабѣ я узналъ, что 42-ая дивизія въ данное время стояла въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ и вела операціи противъ бандитовъ, прикрывая вмѣстѣ съ тѣмъ и Александровскъ. На время инспекціи мною 42-ой дивизіи мнѣ были присвоены права командующаго арміей, при чемъ я имѣлъ право смѣщать начальниковъ частей до Начдивовъ включительно, но частнымъ образомъ начальникъ штаба Рошковскій просилъ меня этого не дѣлать, такъ какъ ихъ замѣнить было некѣмъ. Пользоваться же этимъ правомъ не входило въ мои цѣли. Тутъ же я видѣлъ и командира 3-го коннаго корпуса Каширина, который, только что вернувшись отъ Лазаревича, показывалъ всѣмъ драгоцѣнную, всю усыпанную бриліантами шашку, украденную изъ сокровищницъ Эмира Бухарскаго, пожалованную ему Реввоенсовѣтомъ Совѣтской Республики. Это была драгоцѣнная и рѣдкая вещь, какъ по своему качеству, такъ и по массѣ бриліантовъ, насаженныхъ на золотомъ эфесѣ, ножнахъ и чистаго золота портупеѣ. Присутствующіе здѣсь коммунисты разсказывали, что при занятіи Бухары совѣтской властью, изъ хранилищъ Эмира Бухарскаго было привезено 7 вагоновъ золота и драгоцѣнностей, при чемъ и упомянутая шашка была въ этомъ числѣ.

При второй конной арміи была интернаціональная бригада, состоявшая поэскадронно изъ всевозможныхъ національностей, коммунистовъ; тутъ были и венгры, и поляки, и персы, и кавказскіе горцы, и китайцы и проч. Бригада эта участвовала въ насажденіи совѣтской власти въ Бухарѣ и, конечно, въ грабежѣ, какъ имущества Эмира, такъ и его «буржуевъ». Почти у каждаго всадника этой бригады, помимо массы драгоцѣнностей, были шашки, подобныя этой. Немудрено, что до сихъ поръ существуетъ Туркестанскій фронтъ и тамъ идетъ борьба съ басмачами. Неблагодарные азіаты до сихъ поръ не могутъ понять прелести коммунизма и забыть способы его насажденія.

Между прочимъ, эта бригада весною 1921 года была расформирована за неповиновеніе совѣтской власти. Въ ней были слишкомъ явныя тенденціи къ переходу на сторону Махно, такъ какъ всѣ попытки дисциплины, которую хотѣли въ нихъ внѣдрить, казались ея чинамъ непріемлемыми, послѣ той распущенности, къ которой они поощрялись самой совѣтской властью въ Бухарѣ.

Въ тотъ же день я выѣхалъ въ Александровскъ вмѣстѣ съ Каширинымъ въ его поѣздѣ и 1-го января 1921 г. былъ уже тамъ.

X.

Въ Александровскѣ стоялъ штабъ 42-ой дивизіи и штабъ 3-ей бригады этой дивизіи, части которой были разбросаны по окружающимъ городъ селамъ и деревнямъ, для непосредственной защиты города отъ бандитовъ. Въ штабѣ дивизіи я засталъ начдива Розена, который въ виду своей командировки въ академію генеральнаго штаба, сдавалъ дивизію вновь назначенному начдиву, Калмыкову, кавалеру ордена краснаго знамени, бывшему кадровому фельдфебелю 22-го сапер-

наго батальона, стоявшаго до войны въ Гельсингфорсѣ. Съ Розеномъ въ академію уѣзжалъ и начальникъ штаба дивизіи. Преемника ему не было назначено, и онъ сдавалъ временно должность начальнику административнаго управленія дивизіи.

Мнѣ впервые пришлось встрѣтиться со штабомъ дивизіи красныхъ, и я нашелъ здѣсь полный сумбуръ. Во главѣ штаба дивизіи стояли бывшіе офицеры, большей частью бывшіе подпоручики и поручики, а такъ какъ въ Совѣтской Россіи писарей нѣтъ, а вмѣсто нихъ есть письмоводители, т. е. тѣ же самые прежніе писаря, только какъ бы повышенные рангомъ, то дѣлопроизводство въ общемъ кое-какъ шло, но оно поражало, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ, громадной перепиской, при полномъ отсутствіи бумаги, чернилъ и проч. письменныхъ принадлежностей. Писали всѣмъ: въ перепискѣ между собой состояли даже отдѣленія штаба. Впрочемъ, для переписки было нѣкоторое оправданіе: въ Совѣтской Россіи на слово никому не вѣрятъ. Писали и пишутъ на чемъ угодно: на оберточной и почтовой бумагѣ, на старыхъ дѣлахъ, реквизированныхъ изъ архивовъ церковныхъ, судебныхъ учрежденій, банковъ, земскихъ управъ, полицейскихъ управленій. Получаешь иной разъ бумагу совѣтскаго учрежденія, а на другой сторонѣ ея оказывается метрическое свидѣтельство какой-нибудь церкви.

Штабъ дивизіи я рѣшилъ инспектировать послѣ осмотра частей ея, но въ концѣ концовъ мнѣ не пришлось сдѣлать этого, такъ какъ я заболѣлъ тифомъ. Въ дивизіи меня приняли очень любезно и съ нѣкоторымъ страхомъ. Какъ никакъ, я для нихъ въ данную минуту представлялъ особу, облеченную властью командующаго арміей, и при усердіи могъ въ строевомъ отношеніи подложить имъ всѣмъ, до комиссара включительно, свинью. Вѣроятно, поэтому, мнѣ была отведена комендантомъ штаба дивизіи у частныхъ жителей отличная комната, конечно, принудительно, а также и предложенъ столъ въ штабѣ дивизіи. Такимъ же вниманіемъ и гостепріимствомъ и, вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, я пользовался, какъ въ штабахъ бригадъ, такъ и въ полкахъ этой дивизіи.

Переночевавъ въ отведенной мнѣ комнатѣ, я выѣхалъ рано утромъ 2-го января для инспектированія 3-й бригады. Хозяйка квартиры горько жаловалась мнѣ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1920 года она потеряла мужа, а въ ноябрѣ того же года сына, которые были убиты въ уѣздѣ неизвѣстно кѣмъ, по всей вѣроятности, крестьянами, за то, что они служили агентами по продовольственной разверсткѣ. При этомъ добавила, что они не были коммунистами, а принуждены были служить по мобилизаціи продовольственныхъ работниковъ (была и такая мобилизація въ Совдепіи); убиты были звѣрскимъ образомъ: тѣла ихъ нашли за деревней со вспоротыми животами, наполненными пшеницей, съ прикрѣпленной запиской, на которой значилось: «разверстка выполнена». Тогда это былъ общій удѣлъ агентовъ продразверстки, а теперь — агентовъ продналога, если они отлучатся куда-нибудь безъ конвоя.

Въ штабѣ бригады дали мнѣ экипажъ, и я отправился въ ея полки. Всѣ три полка стояли на небольшомъ разстояніи отъ города и вокругъ него. Они заняты были несеніемъ сторожевой службы, выставленіемъ постовъ и заставъ въ предполагаемомъ направленіи мѣстонахожденія бандитовъ и карательными экспедиціями противъ тѣхъ деревень, а въ частности, и домовъ, гдѣ имѣли пріютъ эти бандиты. Экспедиціями этими завѣдывалъ комиссаръ, съ приданными къ нему агентами отъ Особаго Отдѣла дивизіи, при чемъ никакого судебнаго разбирательства и установленія факта виновности судебнымъ слѣдствіемъ не было. Достаточно было, если комиссаръ или агенты Особаго Отдѣла подозрѣвали крестьянина не только въ томъ, что онъ, или кто-либо изъ его членовъ семьи, былъ бандитомъ, но что у него, по слухамъ, переночевали бандиты, чтобы таковой былъ разстрѣлянъ тутъ же комиссаромъ или агентами. Все это, конечно, сильно волновало крестьянъ, вызывало странную ненависть къ красной арміи, но подѣлать они ничего не могли: слишкомъ они были уже запуганы.

Общее впечатлѣніе отъ полковъ составилось очень неважное. Въ это время шла демобилизація красной арміи — увольняли старшіе сроки службы — и, поэтому, число штыковъ въ полкахъ колебалось отъ семидесяти до ста пятидесяти. Пулеметныхъ командъ въ полкахъ было отъ одной до трехъ, а численность пулеметовъ въ командѣ — отъ двухъ до восьми (штатъ—восемь), такъ какъ въ недавнихъ бояхъ съ Махно пулеметы были имъ отняты. Пулеметы были на тачанкахъ. Оружіе было въ совершенно негодномъ видѣ: заржавленное, съ поломанными прицѣлами и мушками и, какъ общее правило, безъ штыковъ; красноармейцы ихъ не любятъ носить и, какъ лишнюю тяжесть, обыкновенно бросаютъ. Оружіе было старой Императорской арміи еще Германской войны, но между ними попадались винтовки Тульскаго завода, изготовленія 1920 года. На эти винтовки особенно жаловался командный составъ, такъ какъ онѣ были крайне грубо и небрежно изготовлены, и послѣ 20—30 выстрѣловъ затворъ давалъ отказъ, такъ какъ соединительныя планки затвора, вслѣдствіе отсутствія стали, дѣлались изъ желѣза и отъ выстрѣловъ гнулись. Винтовки, очевидно, никогда не осматривались и не протирались. Конечно, этому находили оправданія — отсутствіе смазочнаго полусала, котораго, дѣйствительно, не было и въ поминѣ, но, тѣмъ не менѣе, не было и никакого ухода за винтовкой. При осмотрѣ полка, выведеннаго на инспекторскій смотръ, въ строю попадались сплошь и рядомъ красноармейцы, у которыхъ были заряжены винтовки, въ оправданіе чего они говорили, что вчера смѣнились съ караула. Значитъ, требуемаго уставомъ осмотра винтовокъ, послѣ караула, не производилось, а уставы въ красной арміи остались прежніе. Люди, несмотря на команду «смирно, равненіе на право», когда въ то же время командиръ подходилъ ко мнѣ съ рапортомъ, разговаривали между собой, подпрыгивая на мѣстѣ отъ холода, а по мѣрѣ прохожденія мною ротъ, слышны были возгласы пожеланія роспуска по домамъ. Конечно, люди были не стриженные, съ громадными волосами, о недопустимости чего неоднократно отдавались приказы по арміи и фронту, въ оборванной одеждѣ и въ рваныхъ сапогахъ или лаптяхъ. Понятія объ установкѣ прицѣла не имѣлъ никто, но разсыпаніе въ цѣпь и перебѣжку при наступленіи знали.

Командный составъ представлялъ совершенно невѣжественный, въ военномъ дѣлѣ, элементъ, по сравненію съ тѣмъ, къ чему я привыкъ въ старой арміи. За исключеніемъ командировъ полковъ, между которыми только одинъ былъ изъ фельдфебелей, командный составъ отъ батальоновъ до ротныхъ командировъ былъ преимущественно изъ бывшихъ унтеръ - офицеровъ старой арміи. Командиры полковъ говорили мнѣ, что и это уже очень хорошо, такъ какъ теперь появляются новые красные командиры, которые ровно никуда не годятся. Недостатокъ на этихъ должностяхъ прежнихъ офицеровъ они объясняли громадной убылью, понесенной въ лѣтнихъ бояхъ съ арміей генерала Врангеля и тифозными эпидеміями. Интереснѣе всего, что съ ними предписывалось вести тактическія занятія по образцу и примѣрамъ старой арміи; но какимъ же могъ быть руководителемъ этихъ занятій командиръ полка, въ большинствѣ случаевъ, прапорщикъ производства временъ Керенскаго.

Конскій составъ былъ малочисленъ: на полкъ—отъ 80 до 120 лошадей, въ томъ числѣ обозныя, команды конныхъ развѣдчиковъ и пулеметныя. Обоза, въ полномъ смыслѣ этого слова, не было, а все имущество перевозилось, какъ я выше говорилъ, на принудительно согнанныхъ для этого крестьянскихъ подводахъ; въ случаѣ же внезапнаго отступленія или, вѣрнѣе говоря, бѣгства, все бросалось и попадало въ руки бандитовъ, вслѣдствіе чего, никакого имущества въ полкахъ и не было. Конскій составъ былъ крайне изнуренъ, вслѣдствіе безкормицы и плохого ухода. Лошади были покрыты сплошной чесоткой, которую лѣчить было нечѣмъ, некому и негдѣ, такъ какъ лѣченіе этой болѣзни требуетъ медикаментовъ и теплыхъ конюшенъ.

Въ Совдепіи распространено мнѣніе, что чесотку занесли въ Россію нѣмцы при оккупаціи Украйны, такъ какъ у нихъ въ то время были сильно истощенныя

отъ безкормицы лошади. Можетъ быть, это и такъ, но я думаю, что главную роль здѣсь сыграло отсутствіе ухода за лошадью, который сразу же прекратился еще въ старой арміи, вмѣстѣ съ возвѣщенной Керенскимъ декларацiей правъ «самаго свободнаго въ мірѣ» солдата. Во всякомъ случаѣ это — въ настоящее время громадное бѣдствіе для Россіи, такъ какъ, вызвавъ сильный падежъ конскаго состава въ арміи, чему я лично былъ свидѣтелемъ, зараза эта быстро распространяется и между крестьянскими лошадьми, а лѣчить ихъ печѣмъ, и конскій составъ государства идетъ на убыль даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ онъ сравнительно обезпеченъ фуражемъ, какъ, напримѣръ, въ Западномъ краѣ.

Учебныхъ занятій съ людьми, конечно, не производилось, но за то ежедневно они собирались принудительно на такъ называемые «митинги», на которыхъ коммунисты полкового культпросвѣта настойчиво вбивали въ головы красноармейцамъ прелести коммунистическаго строя и разжигали ненависть къ буржуазіи. Обыкновенно вначалѣ, пробывъ на этихъ митингахъ около получаса, красноармейцы понемногу расходились, и ораторы оставались одинокими, но впослѣдствіи комиссары полка приказывали ставить часовыхъ къ выходу изъ помѣщенія, и такимъ образомъ, аудиторія оставалась полна до самаго конца.

Покончивъ съ осмотромъ полковъ 3-й бригады, я направился въ расположеніе 2-й бригады, полки которой были расположены по лѣвому берегу рѣки Днѣпра, вверхъ по теченію отъ г. Александровска до порога «Ненаситецъ».

Здѣсь также полки заняты были несеніемъ сторожевой службы противъ бандъ, выставляя сторожевое охраненіе по берегу рѣки Днѣпра. Численность полковъ была та же самая, что и въ третьей бригадѣ, и въ томъ же состояніи было и вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе людей. Полки были расположены въ когда-то богатыхъ селахъ, конечно, на полномъ иждивеніи крестьянъ. Видно было, что это не особенно имъ нравилось, такъ какъ приходилось тратить запасы, приходившіе къ концу, но развѣ на ихъ неудовольствіе обращалъ кто-нибудь вниманіе?

Здѣсь вездѣ были видны слѣды только что минувшей гражданской войны: разоренныя и сожженныя усадьбы, а у громаднаго села Павло-Кичкасъ, гдѣ желѣзнодорожный путь пересѣкалъ рѣку Днѣпръ, висѣлъ обоими концами въ воду желѣзнодорожный мостъ, взорванный большевиками при отступленіи ихъ изъ города Александровска лѣтомъ 1920 года подъ натискомъ войскъ генерала Врангеля. Мостъ этотъ, по разсказамъ жителей, представлялъ міровую достопримѣчательность мостовой архитектуры, такъ какъ онъ былъ построенъ безъ быковъ. Здѣсь Днѣпръ, прорывая каменную гряду, идетъ между громадной высоты отвѣсными скалами; и вотъ черезъ эти скалы былъ переброшенъ ажурной работы желѣзный мостъ, казавшійся висящимъ на воздухѣ. Подъ нимъ совершенно свободно проходили громадные пароходы, такъ какъ высота обоихъ скалистыхъ береговъ допускала возможность выстроить мостъ безъ разводной части.

Все это представляло печальную картину разрушенія и не давало никакой надежды возстановить этотъ мостъ средствами Совѣтской Республики.

Въ этотъ годъ была довольно суровая зима, и знаменитый порогъ «Ненаситецъ» замерзъ. Все было тихо кругомъ, тогда какъ даже въ теплыя зимы ревъ «Ненаситеца» былъ слышенъ за десятки верстъ, какъ говорили жители.

Окончивъ въ четыре дня осмотръ 2-ой бригады, я возвратился въ городъ Александровскъ, откуда на другой день выѣхалъ въ городъ Орѣховъ, гдѣ былъ расположенъ штабъ 1-ой бригады 42-ой дивизіи, а полки ея разбросаны по окружнымъ селамъ и деревнямъ.

Орѣховъ находился въ 60 верстахъ отъ г. Александровска; къ нему ведетъ большая шоссейная дорога. Это было центральное мѣсто недавнихъ боевъ съ войсками генерала Врангеля. Вездѣ валялись лошадиные трупы, видны были наскоро сдѣланные окопы и воронки отъ снарядовъ. Въ 10 верстахъ отъ г. Орѣ-

хова находится громадное село Жеребецъ, 15 верстъ длиною; въ немъ уже находился штабъ 42-ой дивизіи, перешедшій сюда изъ города Александровска.

Пріѣхавъ 3-го января 1921 года въ г. Орѣховъ, я на другой день выѣхалъ въ село Малую Токмачку, расположенное въ 7 верстахъ къ югу отъ Орѣхова, для осмотра расположеннаго тамъ полка первой бригады. Это — огромное село въ 8 верстъ длины, съ нѣсколькими улицами и тремя каменными церквами. Осмотрѣвъ расположенный здѣсь полкъ, который не отличался ничѣмъ отъ другихъ полковъ дивизіи, я остался здѣсь встрѣтить Рождество, помѣстившись у командира полка, который былъ произведенъ въ офицеры во время Германской войны изъ старыхъ фельдфебелей и въ настоящее время былъ — коммунистомъ. Однако, коммунизмъ не мѣшалъ ему долго молиться утромъ и вечеромъ передъ иконами въ красномъ углу хаты и итти вмѣстѣ со мной въ день праздника Рождества къ обѣднѣ въ церковь. Церковь была настолько переполнена народомъ, что мы съ большимъ трудомъ попали лишь въ притворъ ея. Между богомольцами виднѣлись и красноармейцы. Насколько я могъ замѣтить, крестьяне этого села относились къ красноармейцамъ и ихъ начальникамъ, если не враждебно, то во всякомъ случаѣ сдержанно и никакихъ симпатій не проявляли. Причиной этому были, повидимому, слухи о подвигахъ бандъ Махно, которымъ сочувствовало крестьянство, и, кромѣ того, недовольство большевистскими войсками за постой, реквизиціи хлѣба и фуража и подводную повинность, на которую особенно крестьянство жаловалось.

На третій день праздника, 8-го января, я выѣхалъ обратно, рано утромъ въ г. Орѣховъ, осмотрѣлъ тамъ другой полкъ этой бригады и утромъ 9-го января выѣхалъ въ село «Новониколаевское», расположенное въ 60 верстахъ отъ г. Орѣхова и въ 12 верстахъ не доѣзжая до г. Гуляй-Поле, гдѣ въ это время находилась резиденція Махно. Когда я вечеромъ наканунѣ отъѣзда прощался съ командиромъ полка, у котораго я просилъ лошадей для переѣзда, онъ мнѣ сказалъ, что мы завтра еще увидимся, такъ какъ онъ будетъ лично провожать меня. Я поспѣшилъ отклонить эти проводы, находя это лишнимъ, но онъ категорически мнѣ заявилъ, что онъ сдѣлаетъ это, такъ какъ ему лично нужно осмотрѣть тотъ конвой, который будетъ меня сопровождать. Упоминаніе о конвоѣ меня удивило, и я поспѣшилъ отъ него отказаться, но командиръ полка заявилъ мнѣ, что отпустить безъ конвоя онъ меня ни въ коемъ случаѣ не можетъ, такъ какъ получилъ на это приказаніе отъ начальника дивизіи, и что вообще ѣхать одному небезопасно, такъ какъ дорога идетъ глухой степью по разореннымъ еще въ 1918 г. до основанія хуторамъ и нѣмецкимъ колоніямъ, въ которыхъ теперь устраиваютъ засады бандиты Махно, и что ежедневно приходятъ донесенія о нападеніяхъ на одиночно слѣдующихъ людей, принадлежащихъ къ составу красной арміи.

Въ семь часовъ утра 9-го января я тронулся на рессорной тачанкѣ въ Новониколаевку, сопровождаемый другой тачанкой, на которой находился пулеметъ и 4 номера, и, кромѣ того, окруженный 20 всадниками съ винтовками за плечами. Переѣздъ былъ совершенъ благополучно, никакихъ бандитовъ я не видѣлъ, но за то меня поразила разоренность этой мѣстности. Пришлось проѣхать много хуторовъ и нѣсколько нѣмецкихъ колоній, въ которыхъ не видно было ни одной живой души; вездѣ были только однѣ развалины, слѣды пожарищъ и валялись обломанныя части земледѣльческихъ машинъ и локомобилей для паровыхъ молотилокъ и вѣялокъ. Степь лежала кругомъ заброшеная, не вспаханная, заросшая бурьяномъ и ковылемъ. А вѣдь еще недавно это были житницы, поставлявшія пшеницу за границу. Немудрено, что теперь въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ распространено людоѣдство.

Пріѣхавъ въ село Новониколаевское въ тотъ же день поздно вечеромъ, я помѣстился въ отведенной мнѣ командиромъ полка комнатѣ въ семействѣ бывшаго сельскаго торговца, жившаго когда-то зажиточно, а теперь зачисленнаго въ разрядъ буржуевъ и поэтому обобраннаго Совѣтской властью. Семья эта со-

стояла изъ самого хозяина, старика 70 лѣтъ, его жены, больной старухи и четырехъ взрослыхъ молодцовъ-сыновей, старшій изъ которыхъ былъ уже вдовъ, а двое его дѣтей были на попеченіи больной старухи. Всѣ они видимо перебивались съ хлѣба на квасъ и встрѣтили меня, хотя и любезно, но сдержанно.

На другой день 10-го января я произвелъ смотръ полку. Полкъ ничѣмъ не отличался отъ предыдущихъ, численность въ немъ была 147 штыковъ, и командиръ полка, а также и комиссаръ мнѣ жаловались на оторванность его отъ остальныхъ частей дивизіи, указывая, что въ случаѣ серьезныхъ дѣйствій со стороны Махно, который находится отсюда въ 12 верстахъ, въ г. Гуляй-Полѣ, имъ придется всѣмъ погибнуть, такъ какъ они не могутъ оказать серьезнаго сопротивленія по своей малочисленности, тѣмъ болѣе, что и путь отступленія на Орѣховъ кишитъ бандами. Красноармейцы полка, прекрасно зная это положеніе и не ожидая себѣ пощады отъ Махно, были настроены панически.

Это былъ послѣдній полкъ 42-ой дивизіи, который я осмотрѣлъ, и мнѣ оставалось ѣхать въ село Жеребецъ инспектировать штабъ дивизіи и этимъ закончить свою командировку. На другой день утромъ 11-го января я предполагалъ выѣхать въ обратный путь, но всю ночь мнѣ нездоровилось, лихорадило. Утромъ я почувствовалъ, что въ этотъ день выѣхать не могу, и послалъ за полковымъ врачомъ, который вскорѣ прибылъ и опредѣлилъ у меня возвратный тифъ. Этого, собственно говоря, я и долженъ былъ ожидать, такъ какъ за все время моего путешествія я былъ покрытъ вшами, между которыми вѣроятно оказались и тифозныя. Однако, заболѣть здѣсь въ Новониколаевскомъ, гдѣ нѣтъ никакого лѣчебнаго заведенія, лежать въ тифу въ 12-ти верстномъ разстояніи отъ резиденціи Махно, было крайне рисковано. Перевезти-же меня обратно въ ближайшій госпиталь въ г. Орѣховъ на разстояніи 60 верстъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ у меня была высокая температура, а на дворѣ стояли 15-ти градусные морозы, при сильномъ степномъ вѣтрѣ. Ко всему этому — полное отсутствіе медикаментовъ, что дѣлало мое положеніе крайне незавиднымъ. Тѣмъ не менѣе, пришлось покориться судьбѣ и плыть по теченію. На мое счастье полковой врачъ оказался очень внимательнымъ и знающимъ свое дѣло. Онъ ежедневно посѣщалъ меня утромъ и вечеромъ, а въ часы возврата тифа все время сидѣлъ около моей постели. Командиръ полка и комиссаръ проявили также ко мнѣ большое участіе и немедленно въ день моего заболѣванія послали нарочныхъ въ г. Александровскъ за камфорой, впрыскиваніе которой было необходимо для поддержанія дѣятельности сердца при 40 градусной температурѣ. Къ моему счастью камфора тамъ оказалась, и она спасла меня отъ смерти. Большимъ вниманіемъ я пользовался также и со стороны моихъ хозяевъ, которые, узнавъ во мнѣ бывшаго бѣлаго офицера, всячески старались высказать свое расположеніе, а сыновья по ночамъ по очереди дежурили у моей постели. Бывали и довольно непріятныя минуты, когда командиръ полка мнѣ осторожно сообщалъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, ожидается нападеніе бандитовъ на полкъ и что въ такомъ случаѣ, въ виду малочисленности полка, придется отступать, или вѣрнѣе говоря, бѣжать, при чемъ для этого случая дежурила на дворѣ у меня запряженная парой лошадей тачанка съ одѣялами, въ которую, въ случаѣ внезапнаго бѣгства, предполагалось меня бросить и мчать вмѣстѣ съ полкомъ. Однако, къ счастью, до этого дѣло не дошло.

Перенеся три приступа тифа, я къ 15 февраля лежалъ въ постели, хотя и съ нормальной температурой, но сильно ослабленный приступами, и не могъ подняться. 16 февраля, рано утромъ, ко мнѣ пришелъ крайне взволнованный полковой врачъ и сказалъ, что получены крайне тревожныя вѣсти о предстоящемъ нападеніи на Новониколаевку бандитовъ и что, поэтому, онъ рѣшилъ меня отправить для дальнѣйшаго лѣченія въ бригадный госпиталь въ г. Орѣховъ, такъ какъ температура у меня теперь нормальная, и, если я буду тепло одѣтъ, то смогу перенести этотъ переѣздъ, тѣмъ болѣе, что у него при околоткѣ имѣются реквизированная гдѣ-то у нѣмецкихъ колонистовъ карета, и онъ мнѣ дастъ до-

статочное количество одѣялъ для теплоты. Оставаться же при полку онъ считаетъ настолько опаснымъ, что если бы онъ самъ имѣлъ возможность уѣхать отсюда, то немедленно бы это сдѣлалъ. Мнѣ, конечно, осталось только поблагодарить его за любезное ко мнѣ отношеніе и исполнить его совѣтъ. Тотчасъ же я простился со своими милыми хозяевами, горячо поблагодаривъ ихъ за любовное ко мнѣ отношеніе и питаніе, такъ какъ они все время меня и кормили, главнымъ образомъ, молокомъ, которое мнѣ такъ было необходимо; сѣлъ въ карету, запряженную четверкой крестьянскихъ лошадей и отправился съ санитаромъ въ путь-дорогу. Ко мнѣ въ карету докторъ посадилъ еще одного красноармейца, у котораго былъ возвратный тифъ, направляя его въ тотъ же госпиталь, куда ѣхалъ и я. Конвоя на этотъ разъ со мной уже никакого не было, за малочисленностью людей въ полку.

Переѣздъ былъ совершенъ относительно благополучно, въ смыслѣ встрѣчи съ бандитами, но не доѣзжая 8 верстъ до Орѣхова, сломалась задняя ось кареты, и мы очутились въ совершенно безпомощномъ состояніи среди голой степи. Не было ни деревца, ни топора, ни веревокъ, которыми можно было бы кое-какъ исправить ось и дотащиться до Орѣхова. Наступала ночь, мы были совершенно безпомощны, дулъ сильный морозный вѣтеръ, а у моего компаньона красноармейца начался приступъ тифа. Онъ былъ весь въ поту, и я, опасаясь, что онъ простудится, укрылъ его всѣми имѣющимися одѣялами, оставшись самъ въ одной шинели. Становилось холодно, темно и помощи ждать откуда нибудь не приходилось. Проходившій встрѣчный обозъ красноармейцевъ продовольственнаго транспорта, на наши просьбы довезти насъ въ Орѣховъ, отказался это сдѣлать. Надо было выходить изъ создавшагося положенія. Кромѣ насъ, двухъ больныхъ, съ нами находился санитаръ и два хохла-крестьянина, владѣльцы лошадей. Я приказалъ отпречь двухъ лошадей и ѣхать въ г. Орѣховъ санитару и возницѣ крестьянину, гдѣ обратиться въ Исполкомъ съ требованіемъ дать подводу для перевозки насъ, а также добыть топоръ, веревки и жердь для исправленія оси кареты. Санитаръ и хохолъ взгромоздились верхомъ на лошадей и скрылись въ темнотѣ. Мы остались съ другимъ хохломъ, который отъ холода забрался къ намъ внутрь кареты.

Холодный степной вѣтеръ сильно знобилъ насъ, а красноармеецъ бился въ припадкѣ тифа. Хохолъ послѣ долгаго молчанія проговорилъ:

«Да, вотъ гдѣ сидятъ у насъ большевики», указывая на шею. «Вотъ вы приходите къ намъ въ деревню, становитесь къ намъ на квартиры, берете у насъ послѣдній хлѣбъ, овесъ, сѣно, гоняете насъ въ подводы, и мы ничего на это сказать не въ силахъ. Вы уходите, завтра приходятъ банды Махно, дѣлаютъ то же самое, и мы и имъ ничего не можемъ сказать. Они уходятъ, приходите опять вы и говорите, что мы даемъ пріютъ бандитамъ, и начинается за это расправа. Мѣсяцъ тому назадъ у насъ въ деревнѣ ваша Чека разстрѣляла за такое гостепріимство 34 человѣка, въ томъ числѣ моего отца, которому было 70 лѣтъ. Скажите, пожалуйста, можемъ ли мы любить и уважать совѣтскую власть?»

Все это было сказано съ такой злобой и ненавистью къ намъ, такъ какъ въ глазахъ его мы были тѣ же большевики, что я ожидалъ, что онъ возьметъ шкворень, который тутъ же валялся, прикончитъ меня и красноармейца и, пользуясь темнотой, уѣдетъ въ степь. Къ счастью нашому, онъ или не догадался, или не хотѣлъ этого сдѣлать. Я не пытался его убѣждать въ томъ, что я не причастенъ къ этому дѣлу, что я не принадлежу къ большевикамъ, такъ какъ считалъ это излишнимъ, ибо не надѣялся, что онъ мнѣ повѣритъ. Становилось все холоднѣе и холоднѣе; у тифознаго красноармейца припадокъ кончился, и я обращалъ все свое вниманіе на то, чтобы онъ не простудился, стараясь закутать его одѣялами отъ вѣтра. Наконецъ, часа черезъ четыре, послѣ того, какъ посланные въ Орѣховъ скрылись изъ нашихъ глазъ, послышался шумъ колесъ телѣги и топотъ лошадей. Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхала къ намъ телѣга въ сопровожденіи верховыхъ: санитара и хохла-возницы. Привезли веревки и жердь. Санитаръ

разсказалъ, что онъ просилъ долго въ Исполкомѣ подводу, въ которой ему тамъ отказали, и наконецъ послѣ того, какъ пригрозилъ отправиться съ жалобой на него къ коменданту, получилъ просимое. Я, видя, что тифозному красноармейцу немыслимо было ѣхать въ открытой телѣгѣ по степи при холодномъ вѣтрѣ, приказалъ перенести себя въ телѣгу, а подъ ось кареты подвести жердь, впрячь лошадей въ карету и, оставивъ въ каретѣ красноармейца, везти его въ Орѣховъ.

Такимъ образомъ въ первомъ часу ночи мы прибыли въ Орѣховъ, гдѣ послѣ долгихъ поисковъ госпиталя нашли его помѣщеннымъ въ зданіи бывшаго земельнаго банка. Однако, въ госпиталь насъ не хотѣли впустить, говоря, что нѣтъ мѣстъ, и предлагали намъ ѣхать туда, откуда мы прибыли. Пришлось поднять шумъ, на который сбѣжались дежурная сестра, фельдшера и, наконецъ, главный врачъ госпиталя. На его вопросъ, почему здѣсь такой шумъ, я объяснилъ, что потому, что насъ тифозныхъ больныхъ не впускаютъ въ госпиталь. Главный врачъ тоже было заявилъ, что мѣстъ нѣтъ, но когда я на это предъявилъ свой мандатъ помощника инспектора пѣхоты 4-й арміи, которому поручено произвести инспекторскій смотръ 42-й дивизіи и всѣмъ ея учрежденіямъ, въ томъ числѣ и санитарнымъ, то получился большой конфузъ: мѣсто для меня и красноармейца моментально нашлось и даже, несмотря на поздній часъ времени, намъ былъ предложенъ ужинъ. Помѣщенъ я былъ, конечно, вмѣстѣ со всѣми красноармейцами, такъ какъ у большевиковъ для командного состава отдѣльныхъ помѣщеній нѣтъ. Мой красноармеецъ такъ ко мнѣ привязался за то, что я позаботился о немъ, когда съ нимъ былъ припадокъ въ степи, что непремѣнно требовалъ, чтобы его койка стояла рядомъ съ моей, чего онъ и добился, и всѣмъ разсказывалъ о моемъ уходѣ за нимъ.

Здѣсь, въ госпиталѣ, мнѣ пришлось близко познакомиться съ состояніемъ санитарной части большевицкой арміи и лично испытать всѣ лишенія и невзгоды, которыя переносили красноармейцы, имѣвшіе несчастье попасть въ лѣчебное заведеніе. Могу съ увѣренностью сказать, что мнѣ посчастливилось, когда я, заболѣвъ тифомъ въ Новониколаевскѣ, не былъ отправленъ въ госпиталь за дальностью разстоянія и остался лежать на частной квартирѣ, гдѣ я имѣлъ хорошій уходъ и лѣченіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ я, по всей вѣроятности, отправился бы уже къ праотцамъ.

Госпиталь былъ расположенъ въ помѣщеніи земельнаго банка и комплектовался исключительно тифозными больными. Въ небольшой залѣ помѣщались больные возвратнымъ тифомъ, число которыхъ доходило въ этой палатѣ до 50, при чемъ уплотненіе было таково, что на двухъ сдвинутыхъ койкахъ помѣщались трое. Рядомъ съ этой палатой находилась другая, ходъ въ которую шелъ черезъ нашу, при чемъ дверей даже не было. Въ этой палатѣ лежало около 25 больныхъ сыпнымъ тифомъ. Помимо переноса заразы сыпного тифа къ больнымъ возвратнымъ тифомъ и обратно сидѣлками и санитарками, которыя были общими, была громадная опасность заразиться переползающими вшами, такъ какъ больные были ими буквально покрыты, и избавиться отъ нихъ не было никакой возможности, да и персоналомъ госпиталя къ этому даже никакихъ попытокъ и не дѣлалось. Впрочемъ, едва ли они что-либо и могли бы сдѣлать. Какъ на примѣръ, укажу, что больнымъ никакой ванны не дѣлалось за отсутствіемъ горячей воды, ибо топлива въ г. Орѣховѣ не было, и температура палаты не превышала 10 градусовъ Реомюра. Пріѣхавъ въ госпиталь, я, не будучи еще въ ваннѣ или банѣ, попросилъ на другой день сдѣлать мнѣ ванну и, конечно, получилъ отказъ за отсутствіемъ горячей воды, хотя и былъ въ госпиталѣ больной персоной. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мнѣ принесли казенное больничное бѣлье и, такъ какъ свое у меня было очень грязное, то я обрадовался случаю и хотѣлъ переодѣться, но былъ остановленъ своимъ сосѣдомъ по койкѣ, который сказалъ мнѣ:

«Товарищъ инспекторъ, что вы дѣлаете? Посмотрите, вѣдь на бѣльѣ ползаютъ вши; лучше уже оставайтесь въ своемъ, а то снова заболѣете уже сыпнымъ тифомъ».

И дѣйствительно, когда я разсмотрѣлъ бѣлье болѣе внимательно, то на немъ оказалась такая масса вшей, что я отъ смѣны отказался. Оказывается, за неимѣніемъ горячей воды и мыла, бѣлье, снятое съ больныхъ, стирали только въ холодной водѣ, сушили и вновь выдавали въ носку. Немудрено, что въ госпиталѣ были одновременно больные сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ.

Въ госпиталѣ былъ главный врачъ, который, какъ и полагается вообще главному врачу, былъ занятъ канцеляріей госпиталя и отчетностью, предсѣдательствомъ въ комиссіяхъ по освидѣтельствованію выздоравливающихъ и т. п. и поэтому появлялся одинъ разъ въ день въ палатѣ, проходя ее, какъ можно скорѣй. Кромѣ него, были два врача - ординатора — двѣ еврейки, мобилизованныя совѣтской властью; одна постарше, окончившая курсъ медицинскаго факультета еще до Германской войны, знающая свое дѣло и пользовавшаяся поэтому довѣріемъ и уваженіемъ среди больныхъ. Она завѣдывала отдѣленіемъ сыпного тифа. Другая только что кончила медицинскій факультетъ Кіевскаго университета и поэтому не пользовалась никакимъ довѣріемъ у больныхъ и фельдшеровъ старой школы. Послѣдніе называли ее «совѣтскимъ выкидышемъ». Обѣ онѣ были очень милыя, заботливыя и внимательныя по отношенію къ больнымъ, но что онѣ могли подѣлать, когда не было лѣкарствъ, медикаментовъ, ни сносныхъ условій для ухода за больными, а главнымъ образомъ камфоры для впрыскиванія при приступахъ тифа, для поддержанія дѣятельности сердца. Кормили въ госпиталѣ довольно хорошо. Дѣло въ томъ, что по окрестнымъ селамъ и деревнямъ въ это время производилась продовольственная разверстка и, благодаря этому, больныхъ кормили куринымъ супомъ, яйцами и бѣлымъ хлѣбомъ. Не было только чаю, а давали вмѣсто него суррогатъ: жженую морковь и 8 золотниковъ сахарнаго песку, чего, конечно, было очень мало.

Очень плохо обстояло въ Орѣховѣ дѣло съ топливомъ, что сильно отражалось на госпиталѣ. Орѣховъ городъ степной, и лѣса въ окрестностяхъ нигдѣ нѣтъ. Въ прежнее время весь этотъ край снабжался каменнымъ углемъ Донецкаго бассейна. Теперь объ углѣ нечего было и думать. Крестьяне еще коекакъ вышли изъ положенія, отапливая свои хаты соломой и кизякомъ, но положеніе горожанъ было ужасно. Всѣ деревянныя постройки и заборы въ городѣ были уже сожжены. Городской садъ около собора и громадная тополевая аллея, по которой я въ началѣ января этого года ѣхалъ, теперь была вырублена, и отъ нея, равно какъ и отъ сада, остались только маленькіе пни. Все это сдѣлала военная власть для своихъ нуждъ, жителямъ же было предоставлено право замерзать въ своихъ квартирахъ. Въ 20-хъ числахъ февраля здѣсь выпалъ снѣгъ и продержался при 15 градусахъ мороза съ сильнымъ холоднымъ вѣтромъ до 1-го марта. Это были ужасные дни для здѣшняго населенія и красноармейцевъ. Въ это же время окончательно истощилось всякое топливо въ г. Орѣховѣ. Городская водокачка прекратила свою дѣятельность за отсутствіемъ топлива. Бросились къ частнымъ колодцамъ, ихъ въ городѣ было немного и они скоро были вычерпаны. Благодаря этому мы, больные, три дня сидѣли совершенно безъ воды, не только горячей, но и холодной. Наконецъ «въ порядкѣ боевого заданія» волостнымъ исполкомамъ приказано было за свой страхъ и рискъ путемъ реквизицій у крестьянъ доставить въ городъ для нуждъ водокачки солому и кизякъ, и она стала вновь функціонировать.

Лежа въ госпиталѣ, мы, больные, два раза подвергались опасности попасть въ руки Махно, такъ какъ его банды въ это время находились въ 4-хъ верстахъ всего отъ города и произвели смѣлый налетъ на штабъ 2-й бригады 42-й дивизіи, расположенный въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ они разгромили весь штабъ, убивъ въ немъ 19 человѣкъ командного состава и комиссаровъ, при чемъ

спасся только командиръ бригады Гринбергъ, бывшій штабсъ-капитанъ, латышъ-коммунистъ.

Въ г. Орѣховѣ былъ расположенъ только штабъ 1-й бригады со своими учрежденіями, но безъ всякихъ прикрытій. Когда сюда дошелъ слухъ о разгромѣ штаба 2-й бригады, то здѣсь поднялась невѣроятная паника: всѣ, кто могъ, запрягали лошадей и готовились къ бѣгству; намъ же, больнымъ, было объявлено, что за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ насъ оставляютъ въ госпиталѣ, а служебный персоналъ долженъ былъ итти пѣшкомъ. Надо правду сказать, что мы пережили въ эту ночь очень непріятныя минуты, такъ какъ по бывшимъ уже примѣрамъ мы знали, что отъ Махно намъ пощады ждать не приходится. Къ нашему счастью банда ограничилась вышеописаннымъ разгромомъ и куда-то исчезла. Жертвы этого погрома были торжественно похоронены на серединѣ площади въ селѣ Жеребецъ; могилы ихъ я впослѣдствіи видѣлъ, проѣзжая черезъ это село.

Пріѣхавъ въ Орѣховъ въ госпиталь, я уже сталъ поправляться отъ тифа; прошелъ инкубаціонный періодъ въ 14 дней, и возвраты тифа болѣе не повторялись, но я былъ очень слабъ и не могъ встать съ постели безъ посторонней помощи. Въ это время у меня начались осложненія послѣ тифа, при чемъ сначала я оглохъ на оба уха. Наши ординаторы отправили меня въ сосѣдній госпиталь къ врачу-спеціалисту по ушнымъ болѣзнямъ, который нашелъ, что у меня это произошло отъ сильнаго малокровія и что это должно со временемъ пройти. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени ко мнѣ вернулся слухъ. Но за то пришла другая бѣда: какъ послѣдствіе возвратнаго тифа, у меня образовалось воспаленіе радужной оболочки лѣваго глаза, а затѣмъ и праваго. Помимо того, что я ослѣпъ, воспаленіе это причиняло сильную боль обоихъ глазъ, особенно по ночамъ. Наши ординаторы не могли опредѣлить эту болѣзнь, а также и лѣчить ее: врача окулиста въ г. Орѣховѣ не было, и они чистосердечно мнѣ признавались, что болѣзни глазъ они не лѣчатъ и что для этого мнѣ надо спѣшить въ городъ Александровскъ, гдѣ по всей вѣроятности есть спеціалистъ по глазнымъ болѣзнямъ; иначе болѣзнь можетъ осложниться.

Переѣздъ въ городъ Александровскъ меня нѣсколько страшилъ: выпалъ снѣгъ, установился санный путь, морозы доходили до 15 градусовъ съ холоднымъ вѣтромъ, я еще былъ очень слабъ, и вдобавокъ ко всему, у меня, кромѣ шинели, никакой верхней одежды больше не было. Путь до г. Александровска былъ около 70 верстъ и лежалъ черезъ село Жеребецъ, въ которомъ стоялъ штабъ 12-й дивизіи. Кромѣ того, меня еще заботилъ вопросъ о передвиженіи. До штаба дивизіи мнѣ обѣщали дать лошадь изъ госпиталя, а дальнѣйшее путешествіе отъ села Жеребца до г. Александровска надо было совершить уже перевозочными средствами штаба дивизіи. 26 февраля я выѣхалъ въ с. Жеребецъ. Въ штабѣ дивизіи меня встрѣтили очень радушно и сообщили, что изъ Симферополя изъ управленія инспекціи пѣхоты справлялись обо мнѣ и что имъ отвѣтили, что я боленъ. Видя мое безпомощное состояніе, мнѣ дали солдата изъ комендантской команды, для сопровожденія меня въ г. Александровскъ и далѣе, такъ какъ меня надо было водить подъ руку, а на другой день дали пару лошадей, запряженныхъ въ сани, одѣяла, и я въ сопровожденіи красноармейца Тишкова отправился въ г. Александровскъ. На половинѣ пути мы заѣхали обогрѣться и покормить лошадей въ нѣмецкую колонію. Здѣсь меня поразила бѣдность колонистовъ, которые еще въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ были такъ богаты. Въ настоящее время у нихъ были съѣдены всѣ запасы, такъ какъ совѣтская власть обязывала ихъ кормить всѣ проходящія большевицкія части и одиночныхъ красноармейцевъ.

Меня поразила удивительная покорность судьбѣ и отсутствіе всякаго ропота со стороны этихъ нѣмцевъ-колонистовъ на такое распоряженіе. Обыкновенно нарядъ о постоѣ и кормленіи проходящихъ людей давалъ мѣстный колонистскій Волисполкомъ, и каждому колонисту приходилось ежедневно кор-

мить отъ 10 до 30 человѣкъ, при чемъ, конечно, пища состояла изъ ветчины, колбасъ и сала, которыми всегда были такъ богаты колонисты, заготавливая ихъ осенью въ прокъ на цѣлый годъ. Теперь, конечно, всѣ запасы были съѣдены, хлѣбъ и картофель также, и колонисты обрекались на голодное существованіе. Чудныя лошади колонистовъ были забраны конницей Буденнаго, а скотъ зарѣзанъ на мясо. На дворѣ стояли сломанные локомобили, паровыя молотилки и вѣялки, и настежь были раскрыты пустые конюшни и хлѣва. Колонисты, какъ бы окаменѣли отъ горя, и отъ нихъ не было слышно ни жалобъ, ни сожалѣнія о быломъ богатствѣ. Жутко было смотрѣть на нихъ, думая, что эти люди обречены на голодную смерть, а теперь, когда я читаю сообщенія о голодѣ въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ, то мнѣ всегда приходятъ въ голову эти несчастные страдальцы.

XI.

Въ городѣ Александровскѣ еще находился штабъ 3-й бригады 42-й дивизіи, куда я и явился. Здѣсь мнѣ распоряженіемъ штаба отвели комнату въ семьѣ рабочаго металлургическаго завода, бывшаго Бодянскаго, а на другой день я съ помощью моего новаго вѣстового Тишкова разыскалъ врача-окулиста, который опредѣлилъ родъ болѣзни моихъ глазъ и сказалъ, что слѣпота моя носитъ затяжной характеръ, но тѣмъ не менѣе есть надежда, что зрѣніе у меня возстановится, на что у него уже есть прецедентъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ году особенно много случаевъ осложненій послѣ возвратнаго тифа, именно въ болѣзняхъ глазъ, но до сихъ поръ почти всѣ его паціенты выздоравливали. Утѣшилъ онъ меня еще и тѣмъ, что я долженъ быть благодаренъ судьбѣ за то, что осложненіе вылилось у меня именно въ воспаленіи радужной оболочки глазъ, а не гангренѣ ногъ или рукъ, какъ это имѣло мѣсто при эпидеміи прошлаго года. Для лѣченія мнѣ надо было приходить къ нему ежедневно два раза въ 10 утра и въ 5 часовъ вечера, когда онъ мнѣ всыпалъ дозы атропина въ глаза, чтобы не заросъ зрачокъ, и кромѣ того, прописалъ пріемъ ежедневно по три порошка аспирина. Въ случаѣ же сильной боли-рѣзи, надо было дѣлать горячіе компрессы на глаза, что дѣйствительно черезъ полчаса успокаивало боль. Но все-таки я терпѣлъ сильныя мученія, такъ какъ эта страшная боль, о которой меня предупредилъ врачъ, начиналась обыкновенно часа въ три ночи и, такъ какъ въ это время нельзя было достать кипятку, ибо не будить же было изъ-за этого моихъ хозяевъ, чтобы ставить самоваръ, тѣмъ болѣе, что вопросъ съ углями стоялъ очень остро, то мнѣ приходилось переносить невѣроятныя мученія до 7 часовъ утра, когда подымались мои хозяева. Такъ какъ я ровно ничего не видѣлъ, то къ врачу меня водилъ подъ руку Тишковъ, при чемъ и здѣсь не обошлось безъ приключенія: въ то время, когда мы переходили улицу, на насъ налетѣлъ неожиданно выскочившій изъ-за угла парный извозчикъ и, несмотря на крики Тишкова, чтобы онъ ѣхалъ тише, наскочилъ на насъ, и я попалъ подъ лошадей. Мнѣ посчастливилось какъ-то ухватиться рукой за дышло; я повисъ на немъ; лошади остановились, и меня сбѣжавшійся народъ снялъ съ дышла. Извозчикъ, хотя и былъ самъ во всемъ виноватъ, началъ ругать меня и Тишкова, тогда возмущенная этимъ публика, видѣвшая все это происшествіе, уговорила меня ѣхать на этомъ же извозчикѣ въ милицію и подать заявленіе о неосторожной ѣздѣ извозчика, при чемъ вызвались ѣхать со мной въ качествѣ свидѣтелей. Пришлось исполнить ихъ желаніе, и вотъ я, Тишковъ и три свидѣтеля, усѣвшись въ экипажъ, отправились въ милицію. Извозчикъ все время насъ ругательски поносилъ и увѣрялъ, что намъ придется отсидѣть въ холодной. Въ милиціи насъ встрѣтили довольно холодно и не хотѣли принять моего заявленія, но когда я потребовалъ свиданія съ начальникомъ милиціи и разсказалъ ему о происшедшемъ, предъявивъ свой мандатъ,

помощника инспекціи пѣхоты 4-й арміи, то извозчикъ былъ къ большому удовольствію свидѣтелей тотчасъ же арестованъ и тутъ же приговоренъ начальникомъ милиціи къ вывозу навоза съ городской площади въ теченіе мѣсяца безъ права ѣзды для промысла. Свидѣтели мои были очень довольны этимъ рѣшеніемъ, доволенъ былъ и начальникъ милиціи, который сказалъ: «Некому возить накопившійся за зиму навозъ съ улицъ».

Въ г. Александровскѣ, такимъ образомъ, мнѣ пришлось пробыть съ 28-го февраля по 30 марта, при чемъ это время я жилъ исключительно въ рабочей средѣ. Къ моему хозяину, который прежде работалъ литейщикомъ на заводѣ Бодянскаго, ходило по вечерамъ много его товарищей по заводу, и вотъ здѣсь я много наслышался тѣхъ проклятій, которыя сыпались отъ нихъ большевикамъ.

Въ Александровскѣ масса металлургическихъ заводовъ. Въ настоящее время большая часть изъ нихъ разрушена или сожжена, а остальные стояли закрытыми, такъ какъ были расхищены и испорчены машины, растащенъ ручной инструментъ, не было сырья. По словамъ рабочихъ, въ мирное, до-революціонное время число ихъ было до 60 тысячъ, въ настоящее же время ихъ было всего 4 тысячи; остальная масса распылилась по деревнямъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Остались въ городѣ только тѣ, кто имѣлъ недвижимую собственность, т. е. домикъ, построенный въ болѣе счастливое время, какъ напримѣръ, мой хозяинъ. Я жилъ на первой Московской улицѣ, домохозяева которой были сплошь рабочіе бывшихъ заводовъ и фабрикъ г. Александровска. Судя по жизни моего хозяина, это была раньше зажиточная семья, состоящая изъ старухи матери и трехъ женатыхъ сыновей, въ числѣ которыхъ былъ мой хозяинъ. Сыновья жили отдѣльными семьями въ двухъ собственныхъ домахъ, около которыхъ были разбиты фруктовый садъ и огородъ. Все это они наслѣдовали отъ своего отца, который точно также работалъ на заводѣ. Жили они, по ихъ словамъ, зажиточно, сытно и не стѣснялись въ средствахъ, какъ впрочемъ и остальные рабочіе-домовладѣльцы этой улицы. Съ какимъ восторгомъ они вспоминали доброе старое время, когда могли ни въ чемъ себѣ не отказывать. Разсказывали о своемъ путешествіи на выставки въ Екатеринославъ и Кіевъ, о той дешевизнѣ, которая тогда была. По ихъ словамъ, въ то время они, какъ и большая часть рабочихъ, принадлежали къ соціалъ-демократической партіи, отъ идей которой у нихъ теперь не осталось и слѣда, и они сами пребываніе въ этой партіи въ настоящее время называли утопіей. Разсказывали про 1905 годъ, про движеніе, которое было между рабочими въ г. Александровскѣ и которое выразилось въ открытомъ возстаніи, про ихъ борьбу съ войсками, когда, по ихъ словамъ, на улицахъ Александровска «цѣлые эскадроны взлетали на воздухъ». Всю эту борьбу они теперь вспоминали съ горечью и раскаяніемъ, такъ какъ результатъ этого привелъ ихъ къ большевизму и его послѣдствіямъ, т. е. обнищанію, лишенію свободнаго слова и выраженія мысли и тѣмъ болѣе какого-либо протеста противъ коммунистовъ, которые плотно засѣли въ ихъ профессіональный союзъ и заставляютъ ихъ итти тѣмъ путемъ, которымъ они не хотятъ. Вспоминали они очень тепло своего хозяина Бодянскаго, германскаго подданнаго, находящагося въ настоящее время въ Германіи, на заводахъ котораго работало до 20 000 рабочихъ и который, по ихъ словамъ, проявлялъ большую заботу и справедливость къ нимъ, что, однако, въ свое время не мѣшало рабочимъ предъявлять къ нему еще большія требованія, о чемъ они теперь вспоминаютъ съ глубокой ироніей. Вспоминали они, какъ говорилъ имъ Бодянскій: «Эхъ, русскій рабочій, будешь ты ѣсть кислое молоко». «Тогда мы смѣялись надъ этимъ», говорили они, «а теперь у насъ и этого нѣтъ». И дѣйствительно заводъ Бодянскаго лежалъ въ развалинахъ, работы никакой не было, и поэтому мой хозяинъ служилъ секретаремъ въ Уличкомѣ, за что получалъ на себя паекъ, который и одного его не обезпечивалъ, а у него на рукахъ еще была семья. Особенно мнѣ было жалко его жену, которая выбивалась буквально изъ силъ, чтобы какъ-нибудь добыть средства къ существованію. Мужъ не

могъ никуда отлучиться, такъ какъ былъ мобилизованъ на совѣтскую службу, поэтому жена, продавъ какія-нибудь вещи домашняго обихода на базарѣ, покупала на эти деньги тамъ же гвозди, куски желѣза, оконное стекло и т. п. — предметы необходимые крестьянину, и съ ними отправлялась за 30 верстъ въ деревню, чтобы тамъ обмѣнять эти вещи на сало и масло и, вернувшись съ ними, продать ихъ въ городѣ на базарѣ, чтобы опять въ свою очередь купить тѣ же самые предметы для обмѣна вновь въ деревнѣ, а на полученную прибыль купить въ городѣ для себя хлѣба, ибо хотя хлѣбъ можно было бы купить и дешевле въ деревнѣ, но оттуда ей его было не донести.

Все это она продѣлывала, буквально безъ передышки по весенней распутицѣ, переходя по льду черезъ Днѣпръ. Помню, мы всѣ провели очень тревожную ночь изъ-за нея. Днѣпръ уже, къ югу отъ Александровска, тронулся, съ минуты на минуту ждали сдвига льда и у Александровска. Около Хортицы образовались уже большія полыньи, а наша хозяйка была на той сторонѣ и къ вечеру ждали ея возвращенія. Маленькій грудной ребенокъ, котораго она оставляла па попеченіе старшей 9-тилѣтней дочери, въ помощь которой была ея семилѣтняя сестра, соскучившись по матери, оралъ немилосердно. Хозяинъ, вернувшись вечеромъ и не заставъ жены, нѣсколько разъ бѣгалъ къ переправѣ на Днѣпръ, но жены не встрѣчалъ. Наконецъ, ночью ледъ тронулся и пошелъ густой массой и только на другой день къ вечеру она пришла домой вся измученная, промокшая и голодная. Оказалось, что на противоположномъ берегу, въ виду плохого состоянія льда, ее не пустили по льду черезъ Днѣпръ перевозчики, и только къ вечеру, когда поплыли уже отдѣльныя льдины, перевозчики, тронутые ея мольбой, перевезли ее на лодкѣ къ нашему берегу, рискуя каждую минуту перевернуться при встрѣчѣ со льдиной. На другой день она съ принесеннымъ добромъ отправилась на базаръ, но къ несчастью наткнулась тамъ на агентовъ Чека, которые отобрали у нея весь ея товаръ, какъ у спекулянтки.

Надо было видѣть слезы и горе всей семьи, когда эта несчастная вернулась домой. Сколько проклятій она сыпала на голову большевиковъ, вспоминая какая она была «дура», когда въ 16-мъ году ругала Императора Николая за то, что ея мужа мобилизовали и отправили на фронтъ.

«Теперь — говорила она, — я записала имя его въ поминаніе и каждый разъ, когда бываю въ церкви у обѣдни, то подаю за упокой его души. Тогда я не понимала, что дѣлала и что говорила, такъ какъ осталась одинока съ двумя маленькими дѣтьми безъ копейки денегъ, ибо мужу пришлось отдать послѣдніе три рубля. Между тѣмъ на другой день — продолжала она, — я отправилась къ своимъ знакомымъ господамъ, которые дали мнѣ работу по стиркѣ бѣлья, рекомендовали меня и другимъ. Всѣ они вмѣстѣ, узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, присылали дѣтямъ молоко, булки, масло. Кромѣ того, я получала отъ воинскаго начальника солдатское пособіе; работу мнѣ давали, и я настолько оправилась, что черезъ полтора мѣсяца послала мужу 10 рублей. Теперь же, когда явились проклятые большевики со своей свободой, то мы сидимъ голодные и холодные, работы нѣтъ никакой, а если на митингѣ рабочихъ мужья наши начнутъ говорить объ этомъ, то ихъ арестовываютъ и отправляютъ въ концентраціонный лагерь».

Помню еще — разыгралась и такая сцена. Въ Александровскъ пришелъ конный артиллерійскій дивизіонъ, штабъ котораго расположился недалеко отъ насъ на Московской улицѣ. Входитъ въ комнату ко мнѣ хозяйка и заявляетъ, что такъ какъ по домамъ ходятъ красноармейцы и отбираютъ мебель, то она ставитъ ко мнѣ въ комнату, кромѣ имѣющихся въ ней двухъ стульевъ, еще четыре изъ своей комнаты, которые она и проситъ красноармейцамъ не отдавать, такъ какъ я могу сказать, что комната эта отведена мнѣ, какъ должностному лицу, и стулья мнѣ нужны самому. Я, конечно, на это охотно согласился, выразивъ однако сомнѣніе въ успѣшности защиты этихъ стульевъ отъ грабежа.

Хозяинъ въ это время былъ на службѣ въ Уличкомѣ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени явились ко мнѣ три коммуниста, заявившіе, что они члены культпросвѣта, и спросили, кто я такой. Я предъявилъ свое удостовѣреніе помощника инспекціи 4-й арміи. Они мнѣ заявили, что берутъ отъ меня четыре стула и столъ, такъ какъ имъ необходима мебель для красноармейскаго клуба. На это я имъ отвѣтилъ, что мебель мнѣ необходима самому и что я ее не дамъ. Красноармейцы сказали, что съ меня довольно и двухъ стульевъ и что четыре остальные они возьмутъ. На это я имъ сказалъ, что стыдно отбирать послѣднюю мебель у рабочихъ и посовѣтовалъ взять нужную мебель у «буржуевъ». «Буржуи всѣ уже обобраны», отвѣчали они мнѣ. Въ это время хозяйка не выдержала и, истерически закричавъ на коммунистовъ: «А, такъ вы ограбили всѣхъ буржуевъ и принимаетесь грабить теперь насъ, рабочихъ», легла поперекъ порога, говоря, что она никого изъ комнаты не выпуститъ, иначе какъ черезъ себя. Дѣти, увидѣвъ эту сцену, разревѣлись. Я тогда обратился съ просьбой притти за мебелью нѣсколько позже, когда придетъ домой хозяинъ со службы, и ее теперь не брать насильно. Судя по ихъ голосу, они, вѣроятно, были смущены такимъ рѣшительнымъ отпоромъ моей хозяйки, — къ сожалѣнію, я не могъ видѣть выраженія ихъ лицъ, — и они сказали, что зайдутъ послѣ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ хозяинъ, который, услыхавъ отъ насъ о происшедшемъ, снесъ злополучные четыре стула въ канцелярію Уличкома, гдѣ по его словамъ не было тоже мебели и, встрѣтивъ на другой день на улицѣ коммунистовъ культпросвѣта, заявилъ имъ, что стульевъ у него на квартирѣ болѣе нѣтъ, такъ какъ они пошли на меблировку Уличкома. Такимъ образомъ, онъ спасъ свою мебель отъ разграбленія.

Какъ я уже писалъ раньше, рабочіе говорили, что въ настоящее время въ г. Александровскѣ 4 000 рабочихъ. Всѣ они были зарегистрированы въ профсоюзѣ и мобилизованы на государственную промышленность, а слѣдовательно вполнѣ зависѣли отъ совѣтской власти, которая въ любой моментъ могла перебросить ихъ съ одного предпріятія на другое, не стѣсняясь съ осѣдлостью даннаго лица и не справляясь о его желаніи. Такъ, уже были примѣры отправки рабочихъ партій на Уралъ, при чемъ сопротивлявшихся этому объявляли контръ-революціонерами и отправляли въ концентраціонный лагерь, который находился на окраинѣ города по дорогѣ на Кичкасъ и въ которомъ въ то время число заключенныхъ достигало до 1 200 человѣкъ. Все это были преимущественно рабочіе, такъ какъ принадлежащихъ къ другимъ классамъ населенія просто разстрѣливали въ мѣстной Чека.

Рабочіе обслуживали, главнымъ образомъ, бывшую автомобильную мастерскую южнаго фронта Германской войны, кое-какъ влачившую свое существованіе. Сюда сыпались, какъ изъ рога изобилія заказы на починку автомобилей большевицкой арміи и сборку изъ нѣсколькихъ испорченныхъ автомобилей одного цѣлаго; поступали заказы отъ мѣстнаго земотдѣла на плуги, бороны, косилки и вѣялки и т. п. сельско-хозяйственныя машины, которыми предполагалось снабжать весною Совхозы. Какъ курьезъ, можно указать, что изъ центра, т. е. Москвы, приказывалось дѣлать даже тракторы, при чемъ всѣ эти заказы сопровождались громадной шумихой о томъ, какъ идетъ по пути прогресса и возстановленія народнаго хозяйства рабоче-крестьянская власть, о чемъ коммунисты кричали на митингахъ, въ мастерскихъ и заводахъ. Но дѣло дальше этихъ заказовъ и не шло, такъ какъ не было матеріала, инструмента и угля. «Все это такъ намъ надоѣло. Вѣдь всѣ мы прекрасно знаемъ, что мастерскія не въ силахъ выполнить эти заказы и что все это ложь», говорили рабочіе. «Мы только у Бога дни крадемъ», говорилъ другой рабочій. «На заводѣ или въ мастерской никто ничего не дѣлаетъ: или слоняется безъ дѣла, или же дѣлаетъ для себя зажигалки, гвозди, топоры, для того, чтобы обмѣнять въ деревнѣ на хлѣбъ и сало».

Другая часть рабочихъ занималась тѣмъ же дѣломъ на уцѣлѣвшихъ кое-какъ двухъ мелкихъ заводахъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Рабочимъ выдавался паекъ примѣнительно къ красноармейскому только на себя, по крайне неисправно, при чемъ задолженность того или другого вида довольствія доходила до двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Квалифицированные рабочіе въ то время жалованье получали отъ 4 000 до 9 000 въ мѣсяцъ.

Въ серединѣ марта на ст. Александровскъ прибыло шесть эшелоновъ съ матросами, вывезенными экстренно изъ Петрограда по случаю Кронштадскаго возстанія, слухи о которомъ дошли и до Александровска. Эшелоны эти совѣтской властью предназначались въ Севастополь, но она не рѣшалась ввезти этотъ ненадежный элементъ туда, такъ какъ агенты Чека раскрывали или провоцировали тамъ одинъ за другимъ контръ-революціонные заговоры. Эшелоны стояли около недѣли въ Александровскѣ, матросы съ нихъ бродили по городу, рѣзко и громко высказывая осужденіе совѣтской власти, проникали въ оппозиціонно настроенную массу рабочихъ, въ результатѣ чего на заводскихъ митингахъ все болѣе и болѣе рѣзко говорили противъ совѣтской власти. Мѣстная Чека насторожилась, и начались массовые аресты между рабочимъ населеніемъ, а эшелоны съ матросами отправили въ Мелитополь. Тамъ повторилась та же самая исторія. Тогда эти эшелоны вновь появились въ Александровскѣ, слѣдуя на ст. Лозовую, откуда они уже въ 10-хъ числахъ апрѣля по ликвидаціи Кронштадскаго возстанія были отправлены въ Севастополь.

Въ числѣ арестованныхъ рабочихъ были два ихъ лидера, соціалъ-демократы, къ сожалѣнію фамилій я ихъ не помню. Мѣстная Чека въ слѣдующую-же ночь послѣ ареста ихъ разстрѣляла. Это сильно взволновало рабочую массу, и она пригрозила совѣтской власти общей забастовкой. Власть испугалась этого тѣмъ болѣе, что разстрѣлъ произошелъ безъ вѣдома центра, и ей пришлось уступить. Рабочіе потребовали производства слѣдствія особой комиссіей, какъ о самомъ фактѣ разстрѣла безъ суда, такъ и о степени виновности арестованныхъ лицъ. Власти пришлось па это согласиться, но, къ сожалѣнію, я не знаю, чѣмъ кончилось это дѣло, такъ какъ я въ это время выѣхалъ въ Симферополь. Судя по разсказамъ тѣхъ рабочихъ, которые собирались по вечерамъ у насъ, они не склонны были къ уступкамъ, да и время то было такое, что они надѣялись на свою побѣду, такъ какъ Кронштадтское возстаніе было въ полномъ разгарѣ и между рабочими ходили самые фантастическіе слухи, которые они принимали съ дѣтской вѣрой, какъ напримѣръ, о возстаніи въ Москвѣ, Орлѣ и Тулѣ. Конечно, это все оказалось пуфомъ и надежды рабочихъ рухнули.

Между прочимъ, на собраніяхъ у насъ на квартирѣ я много наслышался отъ рабочихъ похвалъ Врангелю. Лѣтомъ 1920 года Александровскъ былъ занятъ бѣлыми, и рабочіе теперь съ восторгомъ вспоминали это время. Они говорили, что они за это время отдохнули отъ тираніи большевиковъ и даже, къ моему удивленію, съ большимъ удовольствіемъ разсказывали о тѣхъ приставахъ и околоточныхъ, которые вновь появились въ Александровскѣ при бѣлыхъ. Говорили о той свободѣ, которая въ то время существовала въ Александровскѣ, объ отсутствіи безпричинныхъ арестовъ и объ общемъ довольствѣ всѣхъ гражданъ бѣлой властью. Особенно восторженно они отзывались о генералѣ Врангелѣ, который, по ихъ словамъ, являлся ихъ избавителемъ отъ коммунистовъ, и высказывали недовольство Польшею, которая, заключивъ миръ съ большевиками, по ихъ словамъ, подвела генерала Врангеля, допустивъ этимъ большевиковъ обрушиться всѣми силами на него.

Я особенно обращаю вниманіе читателя на эти строки, такъ какъ только что прочелъ книгу Григорія Раковскаго «Конецъ бѣлыхъ», гдѣ онъ такъ опредѣленно говоритъ объ общемъ недовольствѣ всего населенія, а главнымъ образомъ рабочихъ и крестьянъ, какъ генераломъ Врангелемъ, такъ и его режимомъ, тогда какъ я слышалъ совершенно обратное, какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ, и не только въ Александровскѣ, но и въ Крыму. Можетъ быть такіе отзывы

были результатомъ большевистскаго произвола, котораго они не ожидали, но во всякомъ случаѣ должны были быть какіе-то особые побудительныя причины, заставлявшія рабочую массу вспоминать съ умиленіемъ не только генерала Врангеля, но даже приставовъ и околоточныхъ. И вотъ теперь я не знаю, кому-же вѣрить — г-ну Раковскому или-же тому, что я самъ видѣлъ и слышалъ отъ тѣхъ, кто перенесъ режимъ бѣлыхъ и не мирился съ режимомъ красныхъ?

Городъ Александровскъ имѣлъ очень печальный видъ. Все было расхищено, разграблено, вездѣ была грязь. Когда-то красивые стильные дома пустынно смотрѣли своими окнами безъ рамъ; дверей не было, полы разобраны, потолки провалились: все пошло на топливо помѣщеній, занимаемыхъ красноармейцами. За чертой города валялись трупы лошадей, заражая воздухъ зловоніемъ съ наступленіемъ тепла. Городской водопроводъ за отсутствіемъ топлива прекратилъ свою работу, и жители принуждены были съ ведрами ходить за водой на Днѣпръ, что для многихъ было очень тяжело, такъ какъ приходилось дѣлать для этого нѣсколько верстъ. Вода въ Днѣпрѣ была мутная, грязная, такъ какъ только что кончился ледоходъ, да и кромѣ того по Днѣпру перѣдко плыли трупы людей и лошадей, погибшихъ въ осеннихъ бояхъ между бѣлыми и красными выше по теченію Днѣпра. Все это обѣщало вспышку новой эпидеміи тифа всѣхъ трехъ видовъ, которая подъ вліяніемъ весенняго солнца начинала было затихать. Правда, власть принимала мѣры къ очисткѣ улицъ и дворовъ отъ нечистотъ, накопившихся за зиму, и къ вывозкѣ ихъ за черту города, но мѣры эти еще болѣе озлобляли населеніе. Дѣлалось это обыкновенно такъ: несмотря на то, что частная торговля была запрещена, тѣмъ не менѣе на мѣсто бывшаго городского базара пріѣзжали окрестные крестьяне съ кое-какими продуктами, для того, чтобы, продавъ ихъ голодающему населенію, на вырученныя деньги купить вещи, необходимыя въ крестьянскомъ обиходѣ. Нечего и говорить, что и населеніе города тянулось на базаръ, неся что-либо изъ дома для обмѣна на продукты. Такимъ образомъ городскіе базары не пустовали, а таковыхъ въ городѣ было три. Милиція и комендантъ города по взаимному соглашенію наряжали роту красноармейцевъ, руководимыхъ агентами мѣстной Чека, внезапно оцѣпляли одинъ изъ базаровъ и объявляли всѣхъ находившихся на немъ «спекулянтами», послѣ чего продукты отбирались, якобы въ отдѣлъ распредѣленія общественнаго питанія, а на самомъ дѣлѣ просто возились въ мѣстную Чека для распредѣленія между коммунистами, а крестьяне съ подводами и городское населеніе, бывшее на базарѣ, подъ густымъ конвоемъ стонялось на какую-либо улицу собирать и вывозить навозъ за городъ. На слѣдующій день повторялась та же самая исторія уже на другомъ базарѣ. Продуктивность работъ по очисткѣ улицъ отъ этого получалась очень небольшая, такъ какъ масса времени уходило на оцѣпленіе базара, отбираніе продуктовъ и пререканія съ публикой, и къ самой работѣ по очисткѣ улицы приступали далеко за полдень, при чемъ у рабочихъ не было ни метелъ, ни лопатъ. Все это вызывало громкое недовольство населенія и большое удовольствіе коммунистовъ, такъ какъ они получали безплатно «реквизированные у спекулянтовъ» продукты. Но никто ничего не могъ сказать или сдѣлать, такъ какъ наиболѣе рьяныхъ протестантовъ отправляли въ концентраціонный лагерь по дорогѣ Павло-Кичкасъ, какъ контръ-революціонеровъ. Думаю, что это уже одно заставляло населеніе города вспоминать Врангелевскихъ городовыхъ и околоточныхъ съ большой любовью.

Какъ я упоминалъ выше, въ Александровскѣ стоялъ штабъ бригады 42-ой дивизіи. Въ десятыхъ числахъ марта командиръ бригады получилъ приказъ по арміи, которымъ 42-ая дивизія переформировывалась въ бригаду, въ виду малочисленности людей, полки въ батальоны и, слѣдовательно, командиръ бригады переходилъ уже на должность командира полка. Все это, конечно, очень не нравилось старшему командному составу. Для переформированія бригадѣ было

приказано итти къ штабу дивизіи въ с. Жеребецъ. Она выступила, но по дорогѣ получила приказаніе слѣдовать походнымъ порядкомъ въ Крымъ, куда двинулись и другія бригады. Мѣсто назначенія было г. Керчь, откуда вся дивизія, переформированная въ бригаду, должна была быть переброшена на Кубань для слѣдованія во Владикавказъ. Этой бригадѣ не повезло: подходя къ Мелитополю, она была окружена бандами Махно, которымъ не могла оказать серьезнаго сопротивленія по малочисленности штыковъ въ полкахъ, при чемъ погибло много командпаго состава и коммунистовъ, которые были изрублены бандитами; красноармейцевъ же, по обыкновенію, раздѣли и отпустили на всѣ четыре стороны. Изъ командного состава лишь немногимъ удалось выскочить, въ томъ числѣ и полковому адъютанту одного изъ полковъ, котораго я впослѣдствіи встрѣтилъ въ г. Гомелѣ и отъ котораго я и слышалъ вышеописанное.

Съ уходомъ этой бригады изъ Александровска вопросъ о довольствіи моемъ и моего вѣстового Тишкова повисъ въ воздухѣ. Пайка получать было неоткуда, денегъ-же у меня не было. Въ это время въ освободившемся помѣщеніи штаба бригады помѣстился штабъ артиллерійскаго дивизіона. Тишковъ повелъ меня туда, и я попросилъ завхоза дивизіона принять насъ на довольствіе, тѣмъ болѣе, что у насъ были аттестаты. Завхозомъ оказался офицеръ старой арміи, который очень любезно исполнилъ мою просьбу. Но паекъ оказался еще хуже, чѣмъ въ бригадѣ.

Въ 20-хъ числахъ марта у меня понемногу стало возвращаться зрѣніе, прекратились рѣжущія боли глазъ, но все-таки я видѣлъ очень плохо, и Тишковъ все еще водилъ меня подъ руку. Тѣмъ не менѣе я торопился съ отъѣздомъ въ Симферополь, откуда я не получалъ никакихъ свѣдѣній, что меня нѣсколько безпокоило. Ходили слухи о расформированіи арміи и надо было куда-нибудь устраиваться. Между тѣмъ докторъ не отпускалъ меня, такъ какъ боялся рецидива; я же задумывался надъ тѣмъ, какъ попасть въ вагонъ и сколько времени мы будемъ тянуться до мѣста. Наконецъ, 31-го марта я получилъ согласіе доктора на поѣздку въ Симферополь, при чемъ докторъ снабдилъ меня на дорогу лѣкарствами, и я, поблагодаривъ его за доброе ко мнѣ отношеніе и распростившись съ моими милыми хозяевами, отправился съ Тишковымъ на вокзалъ. Здѣсь по обыкновенію не отъ кого было узнать, когда и гдѣ отходитъ поѣздъ на югъ. Долго меня водилъ Тишковъ по рельсовымъ путямъ, наконецъ, мы случайно попали, очень далеко отъ станціи, на поѣздъ, который готовился къ отходу. Но надо было еще попасть въ вагонъ, между тѣмъ они были всѣ переполнены и насъ ни въ одинъ не пускали. Особенно наглы были въ этомъ отношеніи матросы, которые, занявъ въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ вагонъ, никого туда не пускали, не слушая никакихъ просьбъ. Наконецъ, мы набрели на вагонъ, въ которомъ ѣхали инвалиды. Должно быть, видя во мнѣ товарища по несчастью, старшій вагона разрѣшилъ мнѣ взобраться въ него, но не соглашался впустить моего вѣстового Тишкова. Пришлось доказывать, что мы съ нимъ неразлучная пара, такъ какъ я ѣхать безъ него не могу. Пока шли переговоры, поѣздъ тронулся и Тишковъ уже на ходу вскочилъ въ вагонъ и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ себѣ право на мѣсто. Вагонъ, какъ и всѣ въ этомъ поѣздѣ, былъ товарный, безъ наръ, поэтому пришлось размѣститься на полу. Поѣздъ на этотъ разъ шелъ довольно хорошо, и мы въ три часа ночи на 2-ое апрѣля были уже въ Симферополѣ.

По дорогѣ въ вагонѣ пришлось много наслушаться сѣтованій на большевиковъ; и на этотъ разъ главными застрѣльщиками выступали матросы, сѣвшіе въ вагонъ въ Мелитополѣ. Съ нами въ вагонѣ ѣхали два коммуниста, отвѣтственные работники изъ Иркутска; оба они были въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Ѣхали они въ санаторію, въ Ялту, нынѣ переименованную въ Красноармейскъ. Вообще на южный берегъ Крыма въ это время была сильная тяга коммунистовъ, которые слыхали, что когда-то туда ѣздили буржуи. Теперь

для новой совѣтской буржуазіи была открыта масса санаторій въ національзированныхъ дачахъ прежнихъ богачей, куда широкимъ потокомъ и стремились полѣчиться и отдохнуть вѣрноподданые слуги совѣтскаго режима. Между ними были дѣйствительно больные, но въ большинствѣ были чекисты, которые хотѣли отдохнуть отъ своихъ трудовъ по сыску и разстрѣлу, и главнымъ образомъ, имъ хотѣлось отвѣдать той жизни, которой пользовался прежде зажиточный классъ населенія Россіи. Конечно, тѣхъ удобствъ и комфорта, которые были раньше въ санаторіяхъ, въ настоящее время ожидать было нельзя, такъ какъ всѣ эти дачи и санаторіи были разграблены, да и питаніе въ нихъ было неважное по причинѣ начинавшагося уже отсутствія продовольствія въ Крыму, тѣмъ не менѣе наплывъ былъ туда очень большой. Кстати надо замѣтить, что недѣли черезъ двѣ, послѣ моего пріѣзда въ Симферополь, я встрѣтилъ одного изъ этихъ коммунистовъ на улицѣ этого города, который шелъ изъ главнаго Санитарнаго Управленія Крыма. На мой вопросъ, почему-же онъ не въ Ялтѣ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что уже былъ тамъ, но возвращается назадъ и заходилъ въ Санитарное Управленіе, чтобы выправить себѣ обратный проѣздъ домой, такъ какъ въ санаторіяхъ нечего ѣсть и, кромѣ того, отсутствуютъ самыя примитивныя удобства. «Тамъ скорѣй умрешь, чѣмъ дома», закончилъ онъ свою рѣчь.

Такъ вотъ по дорогѣ, въ нашемъ вагонѣ эти два коммуниста начали расхваливать прелести совѣтскаго строя и говорить о томъ, какъ гладко идетъ жизнь въ Сибири при большевикахъ послѣ Колчака, но матросы тотчасъ-же вступили съ ними въ споръ и настолько энергично и настойчиво стали имъ доказывать обратное, что коммунистамъ пришлось замолчать. Меня крайне удивило это новое настроеніе у матросовъ, тѣмъ болѣе, что, когда, всего три мѣсяца тому назадъ, я ѣхалъ въ командировку въ городъ Александровскъ, то въ вагонѣ были тоже матросы, которые вели между собой разговоры, дѣлились воспоминаніями и съ какой-то особенной радостью разсказывали другъ другу, какъ они разрывали на части, за руки и ноги, попавшихъ въ плѣнъ Врангелевскихъ офицеровъ, а также о тѣхъ грабежахъ и насиліяхъ, которые производили они у буржуевъ въ занятой области послѣ ухода бѣлыхъ.

Со мной сидѣлъ рядомъ молодой матросъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, заданныхъ мнѣ по поводу настоящаго положенія, и получивъ отъ меня сочувственные отвѣты, а именно подтвержденіе его мнѣнія, что эти коммунисты лгутъ, онъ мнѣ разсказалъ, что онъ и другіе матросы Балтійскаго флота во время Кронштадтскаго возстанія были вывезены вмѣстѣ съ другими изъ Петрограда въ Севастополь, такъ какъ большевики опасались, что они поддержатъ кронштадтцевъ. Онъ мнѣ говорилъ, что всѣ они сочувствуютъ кронштадтцамъ, держатъ ихъ сторону и что совѣтская власть, зная мятежный духъ матросовъ, въ настоящее время увольняетъ старшіе возрасты въ безсрочный отпускъ, оставляя на службѣ лишь послѣдніе два призывные года, что дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ. Это, конечно, сильно подрывало сплоченность матросовъ и развязывало руки большевикамъ, но тѣмъ не менѣе матросъ этотъ меня увѣрялъ, что духъ сопротивленія коммунистамъ у нихъ не погашенъ и что они намѣрены съ ними упорно бороться, на платформѣ безпартійныхъ совѣтовъ, и что онъ является однимъ изъ секретныхъ агентовъ комитета борьбы противъ большевиковъ и теперь ѣздитъ по Крыму для освѣдомленія о настроеніи Крымскихъ частей и агитаціи, а по окончаніи своей поѣздки долженъ вернуться въ Петроградъ для доклада центральному комитету о результатахъ. Предлагалъ мнѣ дать еще большее освѣдомленіе по этому дѣлу впослѣдствіи, для чего хотѣлъ зайти ко мнѣ на квартиру въ Симферополѣ и спросилъ мой адресъ, но я адреса своего не далъ, сказавъ, что самъ ѣду въ Симферополь первый разъ и не знаю, гдѣ буду жить, потому что, сказать по правдѣ, несмотря на то, что по наружному виду онъ былъ крайне искрененъ, равно какъ и его товарищи, въ спорѣ съ коммунистами, я, тѣмъ не менѣе, боялся, не секретный-ли

онъ агентъ-провокаторъ Чека. Тѣмъ не менѣе въ Симферополѣ мы расстались очень дружественно, я вышелъ изъ вагона, а матросы поѣхали дальше въ Севастополь.

XII.

Было три часа ночи. Мнѣ было извѣстно, что въ Симферополѣ осадное положеніе и ходить по городу послѣ 9-ти часовъ вечера нельзя до 6-ти часовъ утра. Шелъ дождь, ожидать разсвѣта на перронѣ не хотѣлось, залы вокзала были такъ сильно набиты спавшими вповалку на полу красноармейцами, что тамъ не только сидѣть, но стоять было негдѣ, да кромѣ того былъ опять сильный рискъ заразиться вшами, и я поэтому рѣшилъ пойти въ Управленіе коменданта станціи узнать пропускъ. Тамъ, когда я предъявилъ свое удостовѣреніе, мнѣ его сказали, и мы отправились на ту квартиру, изъ которой я уѣхалъ въ командировку. По дорогѣ на улицѣ мы были остановлены на большомъ разстояніи тремя красноармейцами, которые, взявъ на-изготовку, довольно испуганнымъ голосомъ закричали: «Стой, что пропускъ?» Видно, что повстанцы (бандиты) работали и здѣсь, иначе бы у дозора не было такого испуганнаго вида. Я, сообразивъ все это, отвѣтилъ имъ, что пропускъ слово секретное и кричать на всю улицу я его не могу, а что пусть старшій подойдетъ ко мнѣ, и я скажу ему пропускъ. Послѣ нѣкотораго колебанія одинъ изъ нихъ отдѣлился и нерѣшительными шагами подошелъ къ намъ, а остальные продолжали держать винтовки на-изготовкѣ. Когда я сказалъ пропускъ, то онъ крикнулъ своимъ товарищамъ, они опустили винтовки и подошли къ намъ. Началась дружеская бесѣда. Красноармейцы стали спрашивать насъ, кто мы такіе, откуда пріѣхали, каковъ тамъ паекъ, выдаютъ-ли обмундированіе и не слыхать-ли тамъ, скоро ли отпустятъ красноармейцевъ въ безсрочный отпускъ. Жаловались на плохой кормъ здѣсь, на большіе наряды, на караульную службу, на невыдачу обмундированія и на опасность ходить въ дозоры по ночамъ. Бесѣдуя такимъ образомъ, мы дошли до дома, гдѣ я жилъ.

Здѣсь я засталъ всѣхъ дома, но жилось уже много хуже. На другой день утромъ я отправился въ Управленіе Инспекціи явиться по начальству. Встрѣтили меня довольно равнодушно и, если бы я пропалъ безъ вѣсти, то едва-ли кто-либо сталъ меня разыскивать. Отчетъ о результатѣ инспектированія 42 дивизіи уже не понадобился, такъ какъ она вышла изъ состава 4-ой арміи въ Кавказскую, да кромѣ того я и не могъ его составить, такъ какъ плохо еще видѣлъ, черновыя же замѣтки по инспектированію я бросилъ въ печку.

Въ это время былъ полученъ приказъ изъ центра о расформированіи 4-ой арміи къ 1-му мая. Командующій арміей генеральнаго штаба Лазаревичъ получилъ назначеніе командующимъ Туркестанскимъ фронтомъ, куда и уѣхалъ. За него командовалъ арміей бывшій генеральнаго штаба подполковникъ Бѣлый, на котораго было возложено расформированіе арміи. Согласно плану расформированія, 3-я дивизія оставалась въ Крыму и должна была изъ г. Ѳеодосіи перейти въ Симферополь, 46-ая — занимать Севастополь и Евпаторію, а 30-ая дивизія — раіонъ Мелитополя. Вмѣсто штаба 4-ой арміи создавался штабъ Укрѣпленнаго Крымскаго Раіона, которому подчинялись названные дивизіи. Кромѣ того, въ Крымъ были передвинуты части 3-го коннаго корпуса, которыя, впрочемъ, были вскорѣ вызваны въ Екатеринославъ, гдѣ и сосредоточились для борьбы съ бандами Махно. Конечно, въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ Крыма уже находились командные красные курсы, а изъ Москвы были переведены въ Симферополь красные кавалерійскіе курсанты, которые заняли казармы бывшаго Крымскаго Коннаго полка. Расположены также были вездѣ и отдѣльные батальоны В. Ч. К. Всѣ эти войска были поставлены въ лучшія зданія города, какъ-то въ Епархіальномъ училищѣ, Ду-

ховной семинаріи и въ зданіяхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Казармы бывшаго 51-го Литовскаго пѣхотнаго полка были обращены въ тюрьму-лагерь, такъ какъ прежняя губернская тюрьма не могла вмѣстить всѣхъ арестованныхъ, несмотря на усиленные разстрѣлы.

Часть служащихъ штаба 4-ой арміи поступила на укомплектованіе штаба Укрѣпленнаго района, остальные, которыхъ было больше, зачислялись въ резервъ штаба войскъ Украйны и должны были отправиться въ Харьковъ. Туда же должны были слѣдовать чины инспекціи пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, каждая входя въ резервъ инспекцій войскъ Украйны. Такимъ образомъ, наша инспекція должна была поступить въ непосредственное вѣдѣніе инспектора войскъ Украйны, бывшаго генералъ-маіора генеральнаго штаба Ольдерогге, который пріѣхалъ въ Крымъ и набиралъ себѣ служащихъ изъ нашей инспекціи, говоря, что у него нѣтъ опытныхъ работниковъ. Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Харьковъ, да кромѣ того, мнѣ необходимо было какъ-нибудь «затеряться», скрыть свой слѣдъ, такъ какъ я зналъ, что большевики выпустили меня изъ тюрьмы и отправили на польскій фронтъ только потому, что имъ нужны были военспецы, теперь же, когда у нихъ идетъ демобилизація арміи, они болѣе во мнѣ не нуждаются и, слѣдовательно, нужно ожидать новыхъ репрессій. Если Архангельская Чека узнаетъ о моемъ мѣстопребываніи, то немедленно потребуетъ моего ареста и отправленія въ ея распоряженіе въ городъ Архангельскъ, чему уже были прецеденты съ бывшими бѣлыми офицерами, несмотря на то, что при выпускѣ насъ на свободу въ 1920 году, въ Москвѣ, агенты большевистской власти гордо намъ говорили о ея великодушіи и о томъ, что, если совѣтская власть предастъ забвенію наше прежнее прошлое и опредѣлитъ насъ къ себѣ на службу, то она никогда не унизится до того, чтобы вновь карать насъ за старые противъ нея грѣхи. Какъ всегда и вездѣ, большевики лгали и въ данномъ случаѣ.

Зрѣніе мое туго поправлялось, хотя я каждый день ходилъ на пріемъ къ врачу спеціалисту. Меня все еще водили подъ руку. Мои сотоварищи по службѣ посовѣтовали мнѣ подать рапортъ о назначеніи меня на комиссію выздоравливающихъ для полученія отпуска по болѣзни, какъ перенесшаго тифъ и его послѣдствія. И дѣйствительно, въ комиссіи мнѣ дали отпускъ по болѣзни на одинъ мѣсяцъ, и я могъ ѣхать въ любой городъ Россіи совершенно безпрепятственно. Это уже много для меня значило: я имѣлъ возможность уѣхать изъ Крыма, не являясь въ инспекцію войскъ Украйны, а по прошествіи мѣсяца, долженъ былъ вновь подвергнуться медицинскому освидѣтельствованію въ комиссіи и могъ получить еще одинъ мѣсяцъ отпуска, какъ не вполнѣ еще оправившійся послѣ болѣзни. Пробывъ такимъ образомъ два мѣсяца въ отпуску по болѣзни, я согласно положенія о военнослужащихъ въ красной арміи, автоматически исключался изъ списковъ по мѣсту моей прежней службы и передавался въ вѣдѣніе мѣстнаго уѣзднаго военнаго комиссара, откуда назначался на пополненіе какой-либо воинской части. Въ старой арміи такое положеніе существовало только для нижнихъ чиновъ, въ красной-же арміи оно распространилось на всѣхъ военнослужащихъ. Конечно, это положеніе меня очень устраивало, ибо, будучи зачисленъ въ резервъ мѣстнаго военнаго комиссаріата, я заметалъ свой слѣдъ, такъ какъ я былъ увѣренъ, что, при существующемъ хаосѣ въ красной арміи, штабу войскъ Украйны не будетъ извѣстно о моемъ увольненіи въ отпускъ. Этотъ планъ мнѣ понравился, и я рѣшилъ ѣхать въ какой-нибудь городъ западнаго края, ближе къ польской границѣ, чтобы при удобномъ случаѣ перейти ее впослѣдствіи. Такимъ городомъ могъ быть Гомель, гдѣ я былъ въ прошломъ 1920-мъ году и путь изъ котораго за границу до Пинска мнѣ былъ извѣстенъ. Я окончательно остановился на этой мысли и сталъ собираться въ путь-дорогу. Путешествіе это представляло большія затрудненія, въ виду моего слабаго зрѣнія и трудности попасть на поѣздъ, хотя у меня и былъ сопровождающій красноармеецъ Тишковъ, котораго я рѣ-

шилъ не отправлять обратно въ дивизію, мѣстонахожденіе которой въ настоящее время не было извѣстно, да кромѣ того онъ и самъ былъ родомъ изъ Могилевской губерніи и не прочь былъ побывать дома.

Врачъ-окулистъ, у котораго я лѣчился, меня задерживалъ, чтобы настолько подлѣчить глаза, чтобы они у меня не разболѣлись дорогою. Тѣмъ не менѣе, съ отъѣздомъ надо было спѣшить: штабъ спѣшно расформировывался, наша инспекція собиралась переѣзжать въ Харьковъ, и я могъ повиснуть въ воздухѣ. Кромѣ того, въ Симферополѣ и жить уже какъ-то было жутко: вездѣ шли разговоры объ арестахъ и разстрѣлахъ, цѣны на продукты вздулись уже неимовѣрно, а жалованія я получалъ всего восемь тысячъ въ мѣсяцъ.

Вскорѣ я случайно встрѣтилъ знакомаго бывшаго офицера, служившаго преподавателемъ на красныхъ кавалерійскихъ курсахъ, которые были переведены въ январѣ мѣсяцѣ изъ Москвы въ Симферополь. Онъ разсказывалъ, что они ѣхали эшелономъ до Крыма 49 дней. Не было топлива для паровозовъ, и имъ приходилось сидѣть на станціяхъ по цѣлымъ недѣлямъ. Сначала отъ Москвы движеніе ихъ шло довольно сносно, такъ какъ при выѣздѣ имъ былъ отпущенъ авансомъ провіантъ и фуражъ. Въ провіантъ входили замороженныя бараньи туши. И вотъ на тѣхъ станціяхъ, гдѣ приходилось стоять за недостаткомъ паровоза, стоило лишь дать по бараньей тушѣ коменданту станціи и начальнику ОРТЧК и паровозъ тотчасъ прицѣплялся, но гдѣ-то, не то въ Курскѣ, не то въ Харьковѣ, ихъ эшелонъ нагналъ комиссаръ курсовъ и запретилъ это дѣлать, въ результатѣ чего пошли безконечныя стоянки на станціяхъ. Впослѣдствіи комиссаръ этотъ поплатился за свое необдуманное распоряженіе. Въ Александровскѣ эшелону пришлось стоять три недѣли. Въ это время тамъ накопилось до 30 эшелоновъ, слѣдующихъ въ различныхъ направленіяхъ. Съ юга шли эшелоны съ демобилизованными красноармейцами, съ сѣвера перебрасывались новыя красноармейскія части. Былъ конецъ января, стояли сильные холода, топливо совершенно отсутствовало. Эшелоны демобилизованныхъ красноармейцевъ голодали, мерзли и разбрелись по окрестностямъ, занимаясь мародерствомъ. Красные курсы, какъ болѣе дисциплинированная часть, состоящая наполовину изъ коммунистовъ, не могли самостоятельно разбрестись на всѣ четыре стороны, но мерзнуть не хотѣли, и поэтому, въ поискахъ топлива и обратили свое вниманіе на пустующіе вагоны разбѣжавшихся красноармейцевъ и начали ихъ ломать на дрова. Конечно, начальство курсовъ вмѣстѣ съ комиссаромъ ничего подѣлать не могло, такъ какъ былъ одинъ выборъ — или жечь вагоны, или мерзнуть отъ холода, да къ тому-же и слабыя попытки воспретить это не имѣли никакого успѣха. Въ результатѣ красными курсами только въ одномъ Александровскѣ было сожжено триста вагоновъ. Нечего и говорить, что ихъ примѣру послѣдовали и другіе эшелоны, и въ результатѣ рельсовые пути этой станціи были надолго загромождены одними только вагонными телѣжками. Не обошлось, конечно, и безъ трагическихъ сценъ. «Отворятъ, бывало, вагонъ» — разсказывалъ мой знакомый — «а въ немъ валяются трупы замерзшихъ красноармейцевъ; трупы тутъ-же выбросятъ на полотно, а вагонъ быстро разберутъ на топливо». Такая система отопленія эшелона понравилась краснымъ курсантамъ, и они ее примѣнили въ Мелитополѣ и въ Джанкоѣ, а когда мѣстная ОРТЧК попробовала было воспрепятствовать этому и, какъ водится въ Совдепіи, арестовать за попустительство начальство и комиссара, то курсанты выставили противъ нея пулеметы. Нечего и говорить, что окрестныя села и колоніи по пути стоянокъ были начисто обобраны въ порядкѣ «реквизицій». Такимъ образомъ, въ 49 дней доѣхали изъ Москвы въ Симферополь. Вскорѣ послѣ пріѣзда пришло донесеніе о сожженіи вагоновъ, въ результатѣ чего были отданы подъ судъ Ревтрибунала начальникъ школы, комиссаръ и командиры эскадроновъ.

Однако, даже судьи «съ революціонной совѣстью», принимая во вниманіе безвыходность положенія, въ которомъ находились обвиняемые во время путе-

шествія, отнеслись къ нимъ болѣе, чѣмъ снисходительно. Приговоромъ Ревтрибунала они всѣ были присуждены къ пяти годамъ принудительныхъ работъ, но въ виду декрета объ амнистіи въ память 3-ей годовщины октябрьской революціи отъ наказанія освобождены. Такимъ образомъ остались и овцы цѣлы и волки сыты. Совѣтское правосудіе не пострадало, а все начальство красныхъ курсовъ и комиссаръ остались на прежнихъ мѣстахъ.

Мой знакомый сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ на дняхъ въ Москву въ командировку съ нѣсколькими курсантами и поэтому будетъ имѣть отдѣльный товарный вагонъ прямо до Москвы. Онъ предложилъ довезти меня до Харькова въ своемъ вагонѣ, откуда я могъ свернуть на Ворожбу и Гомель. Конечно, я съ радостью ухватился за это предложеніе и началъ собираться въ дорогу.

20-го апрѣля въ 12 часовъ ночи мы тронулись изъ Симферополя. Поѣздъ былъ неимовѣрно длинный — около 85 вагоновъ. По дорогѣ на станціяхъ онъ буквально осаждался народомъ, который взбирался на крыши вагоновъ, садился на буфера и тормазныя площадки. Въ составѣ поѣзда, кромѣ товарныхъ вагоновъ, было нѣсколько пульмановскихъ, въ которыхъ ѣхала совѣтская аристократія. Конечно, впутрь вагоновъ никто не допускался, при чемъ у дверей вагоновъ стояли съ винтовками часовые, но за то я видѣлъ, какъ люди сидѣли между рессорами этихъ вагоновъ и даже въ ящикѣ, который подвѣшенъ подъ поломъ середины вагона. Крыши вагоновъ, не выдерживая тяжести, проваливались, и это заставляло пассажировъ отъ себя выставлять часовыхъ къ вагонамъ, чтобы не пускать на крышу. То же сдѣлали и мы въ своемъ вагонѣ.

Въ это время въ Крыму и Тавріи скопилось громадное количество мѣшочниковъ. Мѣсяца два до этого центральной властью, въ виду голода, было разрѣшено ѣздить на югъ за хлѣбомъ, при чемъ въ то время платы за проѣздъ по желѣзной дорогѣ не требовалось. И вотъ, благодаря этому, а также и голоду въ центральныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, на югѣ собралось около полумилліона мѣшочниковъ, которые не могли выѣхать обратно домой. Всѣ немногіе поѣзда, отходившіе съ мѣста отправленія одинъ-два раза въ недѣлю, были уже переполнены съ пункта отправленія, и на слѣдующихъ станціяхъ для новыхъ пассажировъ мѣста, кромѣ какъ на крышѣ, буферахъ и рессорахъ пульмановскихъ вагоновъ, не было. Между скученной на вокзалахъ массой мѣшочниковъ развилась эпидемія тифа. Залы вокзаловъ были полны валяющихся на полу человѣческихъ тѣлъ, по которымъ ходили тучи паразитовъ, передавая тифозную заразу. Кромѣ того, многіе изъ мѣшочниковъ, не попавъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль на поѣздъ, проѣлись, или сами съѣли тѣ запасы, которые думали привезти домой, или же изъ-за нужды продали ихъ тутъ же спекулянтамъ. Наиболѣе энергичные изъ нихъ, пренебрегая всѣми опасностями ѣзды на крышахъ и буферахъ, бросались занимать эти мѣста, но послѣднихъ было очень мало по сравненію съ желающими ихъ захватить, да къ тому-же у каждаго изъ мѣшочниковъ былъ грузъ отъ 10 до 15 пудовъ, который надо было куда-нибудь помѣстить. Пассажиры, слѣдовавшіе такъ сказать на законномъ основаніи, вродѣ насъ, опасались перегруженности поѣзда, а тѣмъ болѣе устройства деревянныхъ площадокъ мѣшочниками на буферахъ вагоновъ, куда они грузили свой грузъ и садились сами, такъ какъ отъ этого могло произойти крушеніе поѣзда или разрывъ между вагонами при подъемахъ, и поэтому протестовали противъ перегрузки поѣзда, помогая агентамъ ОРТЧК на станціяхъ сгонять съ этихъ мѣстъ мѣшочниковъ. Но мольбы, слезы и плачъ, которыми встрѣчали мѣшочники требованія пассажировъ, заставляли послѣднихъ отказаться отъ нихъ, а если въ данномъ случаѣ агенты ОРТЧК и были болѣе настойчивы и безжалостны, то во всякомъ случаѣ и это приносило мало пользы дѣлу. Обыкновенно на станціи агенты ОРТЧК обходили поѣздъ и требовали, чтобы слѣзали съ крышъ и буферовъ, угрожая при этомъ стрѣльбой по ослушникамъ и не разрѣшая отправлять поѣздъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено ихъ требованіе. Въ концѣ концовъ, послѣ долгаго стоянія

поѣзда на станціи, мѣшочники сходили со своихъ мѣстъ, но когда раздавался свистокъ и поѣздъ трогался, то въ ту же минуту мѣшочники на ходу поѣзда моментально карабкались на свои мѣста. Я поражался той акробатической ловкости и быстротѣ, съ которой взбирались на крышу вагона или буферъ не только мужчины, но и женщины, да не однѣ, а съ грузомъ. Видна была и привычка, и организованность, и помощь другъ другу. Конечно, не обходилось безъ массы несчастныхъ случаевъ. Повсюду были слышны разговоры о раздавленныхъ и замерзшихъ мѣшочникахъ, но на это мало кто обращалъ вниманіе.

Троцкій издалъ приказъ о вывозѣ всѣхъ мѣшочниковъ съ юга къ 1-му мая, для чего должны были быть назначены особые поѣзда, но дальше этого приказа дѣло такъ и не пошло, ибо не было подвижного состава и мѣшочники были предоставлены собственной участи.

Въ Крыму, на ст. Таганашъ находились огромные запасы соли, заготовленные еще въ мирное время. Соль эту, проѣзжающіе пассажиры, пользуясь остановкой, набирали, кто сколько могъ, и грузили съ собою въ вагоны. Каждому было извѣстно, что дальше соли нѣтъ и ее можно обмѣнять на рынкахъ на продукты и очень выгодно. Такъ, напримѣръ, за четыре фунта соли можно было получить фунтъ коровьяго масла. Запаслись солью и мы, и она намъ дѣйствительно впослѣдствіи пригодилась.

Когда проѣхали Мелитополь, въ поѣздѣ стали слышаться разговоры, что далѣе къ Александровску будетъ ѣхать не безопасно, ибо въ томъ мѣстѣ, гдѣ Днѣпръ приближается къ желѣзной дорогѣ, въ такъ называемыхъ плавняхъ, скрываются бандиты Махно, которые совершаютъ нападенія на поѣзда. Эти разговоры особенно взволновали коммунистовъ, да и лицамъ, принадлежащимъ къ командному составу, грозила та же самая участь, что и коммунистамъ; у нѣкоторыхъ были подложные документы, въ которыхъ они именовались красноармейцами, но едва-ли это могло принести какую-нибудь пользу. Стали готовиться къ самооборонѣ. Объявился комендантъ поѣзда, который сталъ обходить вагоны, опрашивая, у кого имѣется какое-либо оружіе, но таковаго оказалось очень мало, да къ тому-же между красноармейцами пошли разговоры, что въ случаѣ нападенія оказывать сопротивленія не слѣдуетъ, ибо они знали, что красноармейцамъ бандиты ничего не сдѣлаютъ, развѣ только оставятъ въ одномъ бѣльѣ. Особенно сильно стали нервничать пассажиры, когда поѣздъ пришелъ на станцію «Васильевка». Въ это время у вагоновъ появились два всадника, которые стали разспрашивать, много-ли ѣдетъ въ поѣздѣ народу, есть-ли между ними вооруженные красноармейцы и т. п. Люди бывалые говорили, что это обычный маневръ бандитовъ. Обыкновенно они на станціи произведутъ развѣдку состава поѣзда, а затѣмъ развѣдчики удаляются, сообщаютъ все, что они узнали, спрятавшимся въ плавняхъ бандитамъ и тѣ производятъ налетъ на поѣздъ. Въ данномъ случаѣ, когда поѣздъ тронулся далѣе, эти два всадника долго ѣхали рядомъ съ поѣздомъ и, наконецъ, отстали, когда онъ пошелъ быстрѣе подъ уклонъ. Во всякомъ случаѣ, опасное мѣсто мы проѣхали благополучно, и у многихъ вырвался вздохъ облегченія, въ томъ числѣ и у меня, такъ какъ, принадлежа къ командному составу большевистской арміи, я не могъ разсчитывать на доброжелательное къ себѣ отношеніе бандитовъ, и никакія мои увѣренія, что я состою на службѣ у большевиковъ принудительно, не подѣйствовали бы: меня зарубили бы шашками вмѣстѣ съ другими.

Мнѣ пришлось ѣхать на Харьковъ и Ворожбу, хотя другой путь — Лозовая—Полтава—Ромны—Бахмачъ былъ короче, но по этой линіи не было движенія, какъ за отсутствіемъ топлива, такъ и вслѣдствіе постоянныхъ нападеній бандитовъ на поѣзда. Эта мѣстность была въ состояніи полнаго возстанія, но только никто не называлъ тогда вещи ихъ именами, какъ, впрочемъ, не называютъ ихъ въ Совдепіи и теперь.

Поѣздъ нашъ двигался довольно скоро, и мы на четвертыя сутки въ 10 час. утра пріѣхали въ Харьковъ. Распростившись съ любезными хозяевами вагона,

мы вышли на платформу и отправились узнавать, какъ ѣхать дальше на Ворожбу. Оказалось, что мы находимся въ столицѣ Совѣтской Украинской Республики, входящей въ составъ Россіи — Р. С. Ф. С. Р., и, поэтому, намъ надо выправить пропускъ на право выѣзда изъ этой республики въ мѣстной Чека, а для того, чтобы получить пропускъ, надо было простоять въ очереди не менѣе трехъ сутокъ, что, конечно, насъ не устраивало, такъ какъ жить было негдѣ, а на вокзалѣ всѣ залы были переполнены валявшимся на полу народомъ. Мы оказались въ большомъ затрудненіи, но насъ случайно выручилъ изъ бѣды дежурный по станціи агентъ, который посовѣтовалъ намъ ѣхать съ мѣстнымъ поѣздомъ на станцію Люботинъ, отстоящую отъ Харькова верстахъ въ 30, гдѣ, по его словамъ, можно сѣсть безъ всякихъ пропусковъ въ первый попавшійся отходящій поѣздъ на Ворожбу. Мы этимъ совѣтомъ тотчасъ же воспользовались и съ большимъ трудомъ погрузились въ мѣстный поѣздъ. Давка была страшная, но все-таки мы кое-какъ попали въ товарный вагонъ. Въ Люботинѣ намъ посчастливилось: часа черезъ два, по пріѣздѣ нашемъ туда, отошелъ поѣздъ на Ворожбу, въ которомъ мы довольно удобно размѣстились. Удобство заключалось въ томъ, что мы завладѣли отдѣльнымъ товарнымъ вагономъ, который, правда, былъ безъ всякихъ приспособленій, и намъ пришлось расположиться на полу. Но это было неважно, а важно было то, что этотъ вагонъ мы получили въ собственное распоряженіе на время нашего путешествія, т. е. сдѣлались его хозяевами и могли впускать или не впускать по своему желанію въ него публику на промежуточныхъ станціяхъ. Дѣло въ томъ, что на станціи Люботинъ скопилось очень много народу; здѣсь были демобилизованные красноармейцы, уволенные по болѣзни въ отпускъ послѣ тифа, командированные по службѣ и т. п. Всѣ эти люди объединялись между собой въ отдѣльныя группы и занимали для себя вагоны. Объединились и мы въ группу уволенныхъ по болѣзни въ отпускъ и заняли тоже вагонъ, куда набралось насъ человѣкъ около двадцати, и, поэтому, въ немъ особенно тѣсно не было. Далѣе же, при остановкахъ на станціяхъ, мы къ себѣ пускали публику съ большимъ разборомъ и, въ зависимости отъ мѣста въ вагонѣ, такъ какъ онъ получилъ уже названіе вагона особаго назначенія. Слѣдовалъ онъ безъ отцѣпки до станціи Ворожба, но по прибытіи туда, намъ удалось уговорить начальника станціи не выключать вагона изъ состава поѣзда и отправить его до Гомеля. Правда, на станціяхъ приходилось иногда выставлять къ своему вагону часового, чтобы не допустить нахлынувшую публику, но намъ, все-таки, удалось отстоять свое право на вагонъ и, поэтому, можно сказать, мы ѣхали съ комфортомъ.

Была ранняя южная весна, и ѣхать было тепло, но не такъ спокойно, какъ мы думали, когда выбрались изъ Харькова. Здѣсь опять-таки стали ходить разговоры о нападеніи бандитовъ на поѣзда и станціи. Въ подтвержденіе этихъ разговоровъ, когда мы пришли на ст. Богодухово, мы услыхали, что два дня тому назадъ городъ Богодуховъ покинула банда повстанцевъ, владѣвшая имъ три дня. Она вырѣзала болѣе двухсотъ коммунистовъ и разгромила мѣстный исполкомъ и другія совѣтскія учрежденія. Прислушиваясь къ разговорамъ въ вагонѣ, можно было всегда съ точностью опредѣлить симпатіи большинства къ бандитамъ, именно за ихъ расправу съ коммунистами.

Въ нашемъ вагонѣ ѣхали двое коммунистовъ, но они очень осторожно вступали въ споры съ красноармейцами и, видимо, чувствовали себя одинокими, не встрѣчая сочувствія въ массѣ. А обвиненія были страстны и горячи, и имъ пришлось много чего наслушаться. По обыкновенію, красноармейская масса жаловалась на отсутствіе пищи, обмундированія, обуви, дѣлая не лестныя для совѣтской власти сравненія съ порядками въ старой арміи, высказывала осужденіе за обращеніе съ ними комиссаровъ и начальства, говорила, что кормятъ только митингами, а не хлѣбомъ, и указывала на то разочарованіе и обманъ, которые имъ дала совѣтская власть. Это были все землеробы, ѣхавшіе домой по демобилизаціи съ разныхъ концовъ юга Россіи: съ Кавказа, изъ Новороссійска, Маріуполя и

другихъ южныхъ городовъ. Они уже видѣли, какъ было разорено тамъ населеніе, да и сами принимали непосредственное участіе въ этомъ разореніи, участвуя въ карательныхъ экспедиціяхъ совѣтской власти противъ непокорнаго крестьянства, не желавшаго выполнять разверстку, а теперь, приближаясь къ роднымъ деревнямъ, они предполагали встрѣтить дома то же самое, что они видѣли на чужбинѣ, и это сильно ихъ волновало и заставляло рѣзко высказываться о совѣтской власти. Наиболѣе горячіе говорили, что если по пріѣздѣ домой найдутъ тамъ все разореннымъ, то пойдутъ въ бандиты, такъ какъ иного исхода нѣтъ. «Дрался я три года, а за что дрался, совершенно не знаю, и теперь только, когда кончилъ драться, вижу, что дрался въ пустую. Никакого облегченія совѣтская власть не принесла намъ, а только окончательно разорила. Остается взять дубину и пойти на большую дорогу».

Въ началѣ нашего пути моего спутника между станціями Люботинъ и Богодуховъ обокрали, при чемъ воромъ оказался курсантъ красныхъ кремлевскихъ кавалерійскихъ курсовъ. Онъ ѣхалъ изъ Москвы и помѣстился въ нашемъ вагонѣ. Тутъ же ѣхалъ, какъ онъ самъ себя отрекомендовалъ, начальникъ штаба Харьковскаго Военнаго Округа со своимъ адъютантомъ, личность мало внушавшая довѣрія, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по манерѣ говорить. Всѣ они втроемъ вышли изъ вагона, не доѣзжая до Богодухова, при чемъ, взявъ свои вещи, кавалеристъ-курсантъ прихватилъ мѣшокъ моего спутника. Было темно, огня въ вагонѣ не было и вышедшіе скрылись въ темнотѣ. Когда поѣздъ тронулся, мой спутникъ хватился своихъ вещей, ихъ не оказалось на мѣстѣ. Пошли разспросы, какія именно вещи украдены; нашлись люди, которые видѣли, какъ курсантъ несъ описываемый мѣшокъ; сталъ вспоминать этотъ фактъ и самъ потерпѣвшій, который хотя и замѣтилъ свой мѣшокъ въ рукахъ курсанта, но былъ настолько полонъ довѣрія къ кавалеристу-юнкеру, будущему красному офицеру, что никакъ не могъ предположить, что послѣдній способенъ на воровство. Какъ на грѣхъ, незадолго до этого, мой спутникъ раскрывалъ свой мѣшокъ, а въ немъ было порядочное количество табаку, который онъ везъ изъ Крыма домой, и этимъ табакомъ сильно заинтересовался курсантъ. Этимъ происшествіемъ были очень смущены оба наши коммуниста и дали обѣщаніе это дѣло такъ не оставить, а когда они будутъ въ Москвѣ, куда они должны были пріѣхать впослѣдствіи, то зайти на курсы и заявить о кражѣ. Красноармейцамъ же это дало лишній поводъ, чтобы поднять на смѣхъ коммунистовъ и будущихъ красныхъ офицеровъ, и я думаю, что, если бы эта продѣлка была во время замѣчена, то курсанту жестоко досталось бы за это отъ нихъ.

Красноармейцы узнали во мнѣ бывшаго офицера и очень почтительно относились ко мнѣ, такъ что, несмотря на долгое путешествіе — ѣхали мы отъ Харькова до Гомеля пять сутокъ —, я и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю эту поѣздку, которая мнѣ дала очень богатый матеріалъ по наблюденію эволюціи мысли красноармейца и крестьянина вправо, а также еще лишній разъ убѣдила меня, что коммунизмъ непріемлемъ для широкой массы населенія Россіи.

XIII.

30-го апрѣля, въ 4 часа ночи, мы пріѣхали въ Гомель, затративъ, такимъ образомъ, на переѣздъ изъ Симферополя девять сутокъ, что по тому времени надо было считать малымъ срокомъ, такъ какъ поѣздка наша складывалась довольно удачнымъ образомъ, и мы, сравнительно легко, часто совершенно случайно, попадали на поѣзда и даже ѣхали въ собственныхъ отдѣльныхъ вагонахъ. Можно прямо сказать, что намъ повезло. Тишковъ отправился дальше къ себѣ домой въ Мстиславскій уѣздъ; мы сердечно распростились, оставшись довольны другъ другомъ.

Просидѣвъ до утра на вокзалѣ, я отправился въ городъ искать себѣ квартиру и по счастливой случайности нашелъ себѣ уголъ у порядочныхъ людей, которые не знали о моемъ прошломъ, т. е. службѣ у бѣлыхъ. Въ Гомелѣ меня никто не зналъ и, конечно, не въ моихъ интересахъ было самому разсказывать о себѣ, ибо впослѣдствіи свѣдѣнія о моемъ прошломъ могли дойти до мѣстной Чека и за мной началась бы слѣжка, а теперь я былъ только военнослужащій инспекціи пѣхоты 4-ой арміи, уволенный по болѣзни въ отпускъ. Такимъ я и явился въ Уѣздвоенкоматъ (Уѣздный военный комиссаріатъ, отправляющій функціи Уѣзднаго воинскаго начальника), предъявивъ свой отпускной билетъ. Здѣсь меня зачислили за собой, выдавъ мнѣ удостовѣреніе на право жительства въ Гомелѣ съ правомъ поѣздки на ст. Житковичи, куда я былъ уволенъ также въ отпускъ инспекціей пѣхоты.

Ст. Житковичи находилась въ 30 верстахъ отъ рѣки Случъ, которая служила границей между Польшей и Совдепіей. Эта мѣстность была мнѣ относительно знакома съ прошлаго года, когда я ѣздилъ въ Пинскъ и обратно и, кромѣ того, у меня осталась съ прошлаго же года топографическая карта этой мѣстности въ масштабѣ двухъ дюймовъ. Изучивъ подробно эту карту, я рѣшилъ въ этомъ направленіи перейти границу и слѣдовать далѣе на Вильно, гдѣ у меня были знакомые, которые помогли бы мнѣ матеріально, а также благодаря своимъ связямъ, избавили бы меня отъ польскаго концентраціоннаго лагеря.

Кромѣ того, путемъ осторожныхъ вопросовъ, не выдавая своего желанія бѣжать, мнѣ нужно было выяснить, насколько строго охраняется граница, гдѣ находится пограничный Особый Отдѣлъ и въ какомъ мѣстѣ безопаснѣе всего перейти рѣку. На это у меня ушло времени болѣе двухъ недѣль. Что касается моей поѣздки на ст. Житковичи, т. е. въ районъ пограничной полосы, которая, какъ оказалось, вся была наводнена агентами-шпіонами Чека, то у меня на случай, если бы при повѣркѣ документовъ спросили, почему я оказался въ этой мѣстности, былъ приготовленъ отвѣтъ: «Ѣду за своими вещами, которыя я оставилъ на хуторѣ за Житковичами въ прошломъ году при поспѣшномъ отправленіи изъ Пинска вмѣстѣ съ отступающимъ штабомъ 4-ой арміи». Это въ дѣйствительности такъ и было, но только не со мной, а съ нѣкоторыми сослуживцами по штабу 4-ой арміи.

Наконецъ, 17-го мая я тронулся въ путь-дорогу, сказавъ дома, что ѣду за своими вещами въ Житковичи и что на это имѣю разрѣшеніе отъ Уѣздвоенкомата. Въ то время, какъ я уже выше упомянулъ, не существовало правильнаго пассажирскаго движенія и билетовъ на проѣздъ покупать не надо было: все было безплатно, въ томъ числѣ и ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Ѣхать мнѣ надо было въ направленіи Рѣчица-Калинковичи (Мозырь). Изъ окрестностей этихъ мѣстечекъ большевики вывозили въ Гомель дрова, заготовленныя прошлой зимой лѣсозаготовительными дружинами для желѣзной дороги. Отсюда обратно ежедневно отходилъ опорожненный составъ товарныхъ вагоновъ вновь за дровами, и вотъ въ такомъ поѣздѣ мнѣ удалось устроиться вмѣстѣ съ другими, ѣдущими до Мозыря по своимъ дѣламъ, и доѣхать до ст. Калинковичи. Здѣсь посчастливилось пересѣсть на подобный же поѣздъ и доѣхать до ст. Житковичи. По дорогѣ была провѣрка документовъ, я предъявилъ свое удостовѣреніе и, какъ не внушающій никакого подозрѣнія, былъ оставленъ въ поѣздѣ. Доѣхавъ въ двое сутокъ до ст. Житковичи, я вышелъ на этой станціи и отправился по знакомой мнѣ дорогѣ къ селу Люденевичи. Пройдя версты четыре, я свернулъ съ дороги въ лѣсъ и пошелъ уже по компасу и картѣ, тщательно избѣгая встрѣчи съ кѣмъ-либо, а также обходя встрѣчающіеся хутора, которыхъ здѣсь было особенно много, такъ какъ изъ раньше произведенныхъ мною разспросовъ мнѣ было извѣстно, что жители пограничной полосы и особенно пастухи находятся на службѣ у мѣстной Чека и доносятъ ей о всякомъ видѣнномъ ими человѣкѣ, особенно въ настоящее время, когда шла усиленная тяга бѣглецовъ за рубежъ. Дѣло въ томъ, что, какъ я уже говорилъ выше, производилась демобилизація арміи и изъ различныхъ

воинскихъ частей были уволены въ безсрочный отпускъ красноармейцы, родина которыхъ была въ окрестностяхъ Лунинца и Пинска. Мѣстности эти отошли по Рижскому договору съ Польшей къ послѣдней, а въ штабахъ воинскихъ частей, благодаря невѣжеству и безграмотности начальства, а также и секретности Рижскаго договора (долой тайные договоры), который большевики весь не опубликовали, никто не зналъ, гдѣ проходитъ настоящая граница между Польшей и Совдепіей, и увольняли въ означенные пункты безсрочноотпущенныхъ красноармейцевъ, которые, пріѣхавъ въ Калинковичи и Житковичи, узнавали, что они теперь уже подданные Польши, а черезъ границу ихъ не пропускала мѣстная Чека.

Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ пунктахъ скопилось нѣсколько тысячъ такихъ красноармейцевъ, которые сидѣли на весьма скудномъ пайкѣ, томились отъ бездѣлья и неизвѣстности и рвались домой. Размѣщены они были отвратительно въ нетопленыхъ домахъ съ выбитыми окнами и дверьми. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли уже давно, съ января мѣсяца сего года. Наиболѣе ярые протестовали противъ задержки ихъ отправки на родину, но были мѣстной Чека арестованы и въ назиданіе остальной публики разстрѣляны. Послѣ этого вся эта масса притихла, но за то началось усиленное бѣгство за-границу и именно въ этомъ направленіи, которое и я избралъ для себя. Обо всемъ этомъ я раньше ничего не зналъ и услышалъ только въ вагонѣ отъ ѣхавшихъ со мной красноармейцевъ, случайныхъ попутчиковъ. Нѣкоторымъ счастливчикамъ удавалось проскользнуть черезъ границу, но большинство арестовывалось агентами Чека и отправлялось въ Житковичи, гдѣ для нихъ была устроена тюрьма въ помѣщеніи двухъ еврейскихъ синагогъ и сельской школы, окруженная высокимъ заборомъ и окутанная колючей проволокой. Кромѣ того, черезъ границу перевозилась въ большомъ количествѣ контрабанда, которую большевики преслѣдовали, и пойманные контрабандисты отправлялись тоже въ эту тюрьму. Конечно, по большевистскому обычаю шла жестокая расправа съ обитателями этой тюрьмы, по ночамъ постоянно были слышны разстрѣлы и, хотя все это было извѣстно красноармейской демобилизованной массѣ, тоска по родинѣ и ужасныя условія жизни у большевиковъ гнали ихъ къ границѣ.

Въ этомъ году было большое половодье, а я не принялъ этого во вниманіе при своемъ выступленіи въ путешествіе. Мѣстность, по которой мнѣ пришлось итти, находится въ бассейнѣ рѣки Припяти, перерѣзана массою мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Припять, которыя лѣтомъ пересыхаютъ отъ жары, а въ настоящее время были полны водой. Кромѣ того, эта мѣстность была преддверіемъ знаменитыхъ Пинскихъ болотъ, и мнѣ было очень трудно итти безъ дороги, только по компасу глухими Полѣсскими лѣсами. Приходилось дѣлать большіе обходы трясинъ, попадая иногда въ совершенно безвыходное положеніе, сбиваясь съ пути и опять выправляя направленіе по компасу. Это не былъ обыкновенный сосновый лѣсъ, а сплошная трясина, поросшая вязомъ, осиной и березой. Если прибавить къ этому огромное количество комаровъ, которые тучами меня окружали, то легко представить себѣ, какъ мнѣ было трудно итти этимъ путемъ. По картѣ разстояніе отъ Житковичей до границы выходило въ 30 верстахъ, но я думаю, что прошелъ больше въ два раза, блуждая по болотамъ. Переночевавъ въ лѣсу на болотной кочкѣ и не сомкнувъ ни на минуту глазъ, несмотря на усталость, такъ какъ утчи комаровъ не давали мнѣ покоя, я, какъ только разсвѣло, тронулся дальше и, въ концѣ концовъ, черезъ двое сутокъ своего лѣсного путешествія пришелъ къ завѣтной цѣли: къ рѣкѣ Случъ, въ назначенное мною по картѣ мѣсто, опредѣливъ точку стоянія компасомъ. Но къ моему большому горю р. Случъ въ данный моментъ была шириною болѣе 30-ти саженъ, благодаря большому половодью, въ то время какъ въ іюльскія жары она пересыхала настолько, что ее можно было перейти свободно въ бродъ. Берега были сильно болотисты и лѣсисты; кругомъ не было ни живой души, и, будь у меня топоръ, я могъ бы смастерить плотъ, на который бы сложилъ свою одежду, и вплавь перебрался бы на тотъ берегъ, толкая плотъ передъ собой; плыть же въ одеждѣ я не рискнулъ —

могъ бы утонуть, явиться же въ Польшу въ костюмѣ Адама тоже было немыслимо. Зная, что вправо и влѣво отъ точки моего стоянія, верстахъ въ 3—4, есть переправы, я, осторожно пробираясь лѣсомъ, отправился осмотрѣть ихъ, разсчитывая, если онѣ не заняты, перейти по нимъ границу, но и здѣсь меня постигло разочарованіе: на обѣихъ переправахъ стояли красноармейскіе караулы. Осторожно попятившись назадъ, я скрылся въ чащѣ лѣса, не замѣченный карауломъ, и рѣшилъ возвращаться обратно въ Гомель, отложивъ попытку бѣгства до болѣе удобнаго времени. Теперь мнѣ нужно было выйти на какую нибудь дорогу и итти смѣло по ней на ж. д. разъѣздъ «Дѣдовка», который по картѣ находился отъ меня верстахъ въ 10. Мнѣ только нужно было незамѣтно отойти отъ самой границы, далѣе же я рѣшилъ перейти на легальное положеніе и въ случаѣ, если-бы кто-нибудь изъ агентовъ Чека меня остановилъ, то я рѣшилъ, предъявивъ выданное мнѣ Уѣздвоенкоматомъ удостовѣреніе на право поѣздки въ Житковичи, заявить, что я возвращаюсь съ хутора, гдѣ взялъ свои оставленныя въ прошломъ году вещи, которыя могъ предъявить въ доказательство этого: у меня былъ съ собою мѣшокъ съ бѣльемъ и запасной одеждой.

Благодаря компасу и картѣ я скоро вышелъ на дорогу, ведшую на Дѣдовку, и вскорѣ былъ на ней. Меня никто по дорогѣ не встрѣтилъ. На разъѣздѣ было тихо и пустынно, сидѣлъ только дежурный красноармеецъ отъ желѣзнодорожнаго батальона, который объяснилъ мнѣ, что поѣздъ ушелъ въ Житковичи вчера и снова пойдетъ только черезъ два дня. Дѣло въ томъ, что отъ ст. Житковичи и до границы — до моста черезъ рѣку Случъ — эксплоатація желѣзной дороги была въ рукахъ военныхъ властей, и здѣсь ходили, такъ называемыя, «минутки» — поѣзда, состоящіе изъ 2—3 товарныхъ вагоновъ, обслуживаемые желѣзнодорожнымъ батальономъ. Кромѣ того, здѣсь, равно какъ и въ Житковичахъ, стоялъ броневой поѣздъ: по ту сторону границы на ст. Лохва, по свѣдѣніямъ большевиковъ стоялъ съ двумя полками Булакъ-Балаховичъ, и они сильно побаивались его.

Я очень усталъ, меня клонило ко сну, вѣдь я не спалъ четыре ночи, ибо въ вагонѣ, ѣдучи еще до ст. Житковичи, спать не представлялось возможности, кромѣ того нервы, напряженно работая все время, теперь совершенно ослабѣли, и я чуть не валился съ ногъ. Войдя въ комнату телеграфиста-красноармейца я объяснилъ ему, что я военнослужащій, возвращаюсь обратно въ Гомель, показалъ ему свое удостовѣреніе и сказалъ, что очень усталъ, пройдя большой путь съ хутора, куда ходилъ за своими вещами. Красноармеецъ любезно предложилъ мнѣ лечь на его нары, и я заснулъ мертвымъ сномъ. Проснувшись уже поздно вечеромъ, я рѣшилъ, несмотря на усталость, итти пѣшкомъ въ Житковичи, но въ это время пріѣхалъ на дрезинѣ начальникъ участка желѣзной дороги, который черезъ нѣкоторое время долженъ былъ возвращаться обратно въ Житковичи, я попросилъ его подвезти меня, что онъ охотно и исполнилъ.

Пріѣхавъ въ Житковичи, я узналъ, что поѣздъ пойдетъ въ Калинковичи только черезъ три дня; такъ какъ разстояніе отъ Житковичей до ст. Калинковичи пѣшкомъ не пройдешь, то пришлось ждать эти три дня. Недалеко отъ станціи находился заѣзжій дворъ, который содержалъ еврей, пользуясь тѣмъ, что у него жили два агента пограничной Чека, такъ какъ въ то время еще никакія торговыя предпріятія Совѣтской властью не разрѣшались. Вотъ эти три дня я и провелъ на заѣзжемъ дворѣ. На второй день моего пребыванія, около 11 часовъ вечера, пришли во дворъ агенты Чека съ обыскомъ и предложили предъявить всѣмъ намъ документы. Я предъявилъ свое удостовѣреніе, и они имъ удовлетворились.

Разговаривая съ евреемъ, содержателемъ гостиницы, а также съ его тестемъ, евреемъ почтенныхъ лѣтъ, пріѣхавшимъ изъ мѣстечка Турова погостить къ дочери, я вынесъ для себя очень много интересныхъ наблюденій. Обыкновенно днемъ, когда въ домѣ никого не было изъ агентовъ Чека, старикъ еврей, который позондировалъ вначалѣ мои политическія убѣжденія и убѣдился въ томъ, что я не красный, начиналъ горько жаловаться на Совѣтскую власть, при чемъ

къ нему присоединялся и его зять. Конечно, его жалобы на нынѣшнее положеніе всегда сопровождались сравненіемъ съ прежнимъ режимомъ и выходило такъ, что тогда было золотое время. «Вотъ, что вы скажете, господинъ. Тогда у насъ была черта осѣдлости, и мы не имѣли права никуда выѣзжать. Жилъ я въ Туровѣ, понадобилось мнѣ ѣхать въ Кіевъ по дѣламъ. Сѣлъ на пароходъ и черезъ сутки былъ въ Кіевѣ. Выхожу на пристань, смотрю: стоитъ городовой и манитъ къ себѣ пальцемъ. Ну, я понялъ уже въ чемъ дѣло; подошелъ къ нему и положилъ ему въ руку рубль. Онъ только сказалъ: «Ступай себѣ». Прожилъ я въ Кіевѣ пять дней, сдѣлалъ всѣ свои дѣла и вернулся обратно. А вотъ теперь черту осѣдлости отмѣнили, а выѣхать никто не можетъ, такъ какъ безъ удостовѣренія на право выѣзда никуда не пускаютъ, а удостовѣренія не даютъ; положимъ, удостовѣреніе получить можно, но для этого надо дать въ Чека 200 000 рублей (въ то время порядочная сумма), а откуда я ихъ возьму, да и это бы еще ничего, а дѣло въ томъ, что чѣмъ дальше поѣдешь, тѣмъ больше надо давать: и Чека, и милиціи, и кондукторамъ, и всѣмъ, кто на бѣдномъ еврейчикѣ нажиться хочетъ. Нѣтъ, господинъ, прежде съ городовымъ лучше было».

Жаловались они и на запретъ торговли, на постоянныя реквизиціи и аресты — однимъ словомъ на все, отъ чего вездѣ стоналъ обыватель. Когда же я возразилъ имъ, что евреи, казалось бы, теперь должны лучше жить, такъ какъ вездѣ у Совѣтской власти фигурируютъ евреи, и указалъ при этомъ на Троцкаго, Зиновьева и другихъ видныхъ представителей центральной власти, то на это получилъ отвѣтъ:

«— Ой, господинъ, что вы говорите. Какіе же это евреи, холера имъ въ животъ! Развѣ это евреи? Когда наши еврейчики ходили къ Троцкому депутаціей просить, чтобы онъ оставилъ всякія безчинства и ушелъ бы изъ комиссаровъ, потому за это евреямъ не поздоровится и имъ будутъ устраивать погромы; такъ таки, что, вы думаете, онъ сказалъ? Онъ сказалъ, идите отъ меня прочь, я не еврей, а интернаціоналистъ, и мнѣ до васъ, буржуевъ, никакого дѣла нѣтъ. Правда, за это его предали хериму въ синагогѣ. Ну, такъ, господинъ, отъ этого ему хуже не стало, онъ себѣ живетъ въ Москвѣ, а бѣдныхъ евреевъ рѣжутъ Балаховскіе бандиты. Правда, и здѣсь, въ Гомелѣ, есть много молодыхъ евреевъ. которые служатъ въ Чека, ну, такъ вѣдь это все «шруцимъ» — никуда негодные люди, про которыхъ въ Талмудѣ сказано, что они будутъ у власти на вредъ людямъ, только ненадолго. Они и въ синагогу не ходятъ, и въ Бога не вѣруютъ. Нѣтъ, господинъ, мы ихъ за своихъ не считаемъ и они насъ тоже».

«Ну, а какъ вамъ жилось здѣсь, въ Житковичахъ въ прошломъ году, когда былъ Булакъ-Балаховичъ? Мнѣ много говорили, что онъ сильно притѣснялъ евреевъ?»

«Нѣтъ, господинъ, неправда это, жилось не хуже другихъ; никого онъ изъ нашихъ не трогалъ, если только не служилъ у большевиковъ или не былъ коммунистомъ. Правда обыски были, мы сами знаемъ, что безъ нихъ не обойтись, но жаловаться на эти обыски нельзя. Я самъ видѣлъ Балаховича. Его поѣздъ стоялъ на станціи, такъ мы ходили туда смотрѣть, и насъ никто не прогналъ и никакой обиды не причинилъ. Все было чинно. А вотъ, когда пришли обратно большевики, такъ опять пошли опросы: «почему васъ Балаховичъ не разстрѣлялъ? Значитъ, вы ему служили?» У Балаховича было все равно: что русскій, что еврей. что полякъ; коммунистовъ онъ всегда ставилъ къ стѣнкѣ, а другихъ людей не трогалъ».

Гуляя отъ нечего дѣлать по мѣстечку и станціи, я наткнулся на группу «американцевъ». Это были русскіе эмигранты изъ Америки, пробывшіе тамъ по пяти и десяти лѣтъ и въ настоящее время, соблазненные тамъ коммунистической пропагандой о жизни въ Совѣтскомъ раю, вернувшіеся обратно на свою родину. Какъ они разсказывали, мѣсяца два тому назадъ пріѣхали прямо въ Петроградъ. согласно маршруту Совѣтскихъ властей, «чтобы протянуть дружественную руку американскаго рабочаго русскому пролетаріату». И вотъ съ той поры начались

ихъ мытарства. Конечно, никакой работы на Петроградскихъ заводахъ и фабрикахъ они не получили, а между тѣмъ надо было ѣсть и пить. Безплатныхъ государственныхъ столовыхъ и общежитій, о которыхъ такъ много писалось въ коммунистическихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Америкѣ, они не нашли. Хорошо, что еще ихъ оставили жить на станціи въ тѣхъ вагонахъ, въ которыхъ они пріѣхали. Доллары, которые они привезли съ собой, совѣтская власть у нихъ отобрала, выдавъ вмѣсто нихъ по своему курсу совѣтскіе рубли, да кстати, попутно и реквизировала у нихъ тѣ лишніе костюмы, которые они привезли съ собой. Совѣтскія деньги при той дороговизнѣ, которая въ то время была въ Петроградѣ, быстро были израсходованы на пропитаніе; дальше жить было не на что. Пришлось продавать съ себя одежду. Между тѣмъ волокита по отправкѣ на родину была невѣроятная. Нѣсколько разъ опрашивали агенты Чека: Зачѣмъ пріѣхали? Что дѣлали въ Америкѣ? Написали массу анкетъ. Нѣкоторые хотѣли ѣхать обратно въ Америку: совѣтская власть не выпускаетъ, да и Америка не принимаетъ. Наконецъ, послѣ долгаго сидѣнія въ Петроградѣ, разрѣшили ѣхать домой, но когда пріѣхали сюда въ Житковичи, то оказалось, что ихъ деревни отошли подъ Польшу, о чемъ въ Петроградѣ имъ не сказали. Здѣсь пограничная Чека задержала ихъ и не пропускаетъ за границу домой. Уже нѣсколько недѣль сидятъ они въ товарныхъ вагонахъ на станціи и ждутъ у моря погоды. Окончательно промѣняли всю свою одежду, привезенную изъ Америки на хлѣбъ и сало мѣстнымъ крестьянамъ, сильно завшивѣли, о чемъ въ Америкѣ забыли и думать, появилась эпидемія тифа. Хотѣли они написать письма въ Америку, чтобы предупредить оставшихся тамъ русскихъ, мечтающихъ о совѣтскомъ раѣ, чтобы они не ѣхали сюда, но большевистская цензура не пропускаетъ этихъ писемъ. Надо было только послушать тѣ проклятія, которыя они сыпали на голову большевиковъ и тѣхъ, кто соблазнилъ ихъ прелестями коммунистической свободы. И свободѣ этой тоже порядкомъ доставалось. Конечно, тутъ же дѣлались сравненія съ американской жизнью и ея свободой. Говорили они, что какъ только пріѣдутъ домой въ Польшу, то сейчасъ же напишутъ обо всемъ въ Америку. Сколько времени эти «американцы» пробыли въ Житковичахъ въ ожиданіи пропуска на родину— не знаю. Но недѣли черезъ четыре послѣ этого я встрѣтилъ въ Гомелѣ одного знакомаго, который былъ на ст. Житковичи, и онъ говорилъ мнѣ, что эти «американцы» все еще сидѣли въ Житковичахъ.

Наконецъ, отошелъ поѣздъ на Гомель, куда я снова въ товарномъ вагонѣ добрался. Неудача первой попытки бѣжать изъ совѣтскаго рая въ этомъ направленіи не разочаровала меня, и я рѣшилъ ее повторить, какъ только представится къ тому удобный случай.

Между тѣмъ срокъ моего мѣсячнаго отпуска истекъ, и я былъ назначенъ Уѣздвоенкоматомъ на комиссію врачей для опредѣленія степени моего здоровья. Здѣсь я заявилъ, что зрѣніе мое еще не возстановилось и, поэтому, я просилъ дать мнѣ еще одинъ мѣсяцъ отпуска. Комиссія врачей отправила меня на испытаніе къ врачу-окулисту, который послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣйствительно нашелъ, что зрѣніе у меня еще не возстановлено, въ чемъ и выдалъ мнѣ удостовѣреніе, согласно котораго комиссія продлила мнѣ отпускъ еще на одинъ мѣсяцъ. Такимъ образомъ я списывался съ учета по мѣсту моей прежней службы и зачислялся на учетъ въ мѣстный Уѣздвоенкоматъ, откуда, какъ я упоминалъ выше, по окончаніи отпуска долженъ былъ получить новое назначеніе.

* * *

Когда я еще былъ въ Крыму, въ сѣверной Тавріи и на Украйнѣ постоянно приходилось слышать разговоры о бандитахъ, о чемъ я писалъ раньше. При разобщенности мѣстности, а также при правительственной совѣтской печати, которая пишетъ только то, что выгодно коммунистамъ, намъ ничего не было извѣстно о бандитизмѣ въ Западномъ Краѣ, тѣмъ болѣе что, будучи здѣсь въ прошломъ

году, мы ничего про него не слыхали, такъ какъ дѣйствительно въ прошломъ году его здѣсь не было. Отдѣльные слухи доходили до насъ о постоянныхъ возстаніяхъ и о работѣ бандъ на Дону, Кубани и Сѣверномъ Кавказѣ, но про Западный Край ничего не было слышно, и я предполагалъ, что здѣсь въ этомъ отношеніи спокойно. Каково же было мое удивленіе, когда, еще подъѣзжая къ Бахмачу, мы услыхали въ поѣздѣ, что не только здѣсь мы можемъ подвергнуться нападенію бандитовъ, которые скрываются недалеко отъ станціи въ лѣсу, но и далѣе у Гомеля оперируютъ банды знаменитаго здѣсь Галаха. Это имя въ Гомельской губерніи было у всѣхъ на устахъ и окружено ореоломъ таинственности и святостью идеи борьбы съ коммунистами и, увы, съ евреями. Дѣйствительно, проживъ въ Гомелѣ мѣсяцъ я почти ежедневно слышалъ о его лихихъ налетахъ на мѣстечки, поѣзда и пароходы, ходившіе по рѣкѣ Сожу, при чемъ послѣдніе обыкновенно останавливались имъ у мѣстечка Лоева, при впаденіи Сожа въ Днѣпръ. гдѣ Галахъ, повидимому, имѣлъ свою постоянную резиденцію.

Какъ разсказывали, Галахъ былъ крестьянинъ Гомельскаго уѣзда, участникъ Великой войны, произведенный за храбрость изъ солдатъ въ офицеры. Вернувшись по демобилизаціи старой арміи къ себѣ на родину, въ родную деревню, Галахъ увидѣлъ ту массу зла, которую причинили крестьянамъ комунисты и выступилъ съ протестомъ противъ нихъ, а когда послѣдніе хотѣли его арестовать, онъ своевременно скрылся, набралъ себѣ банду около 60 человѣкъ, отъ которой пошли развѣтвленія по всей Гомельской губерніи и которыя въ свою очередь образовали новыя банды, и имя Галаха сдѣлалось грознымъ, какъ для коммунистовъ, такъ и для евреевъ, которыхъ онъ отождествлялъ съ коммунистами, играя въ этомъ отношеніи на непріязни бѣлорусса къ евреямъ вообще. Дѣйствительно бѣлоруссы, видя во всѣхъ совѣтскихъ органахъ и въ мѣстныхъ коммунистическихъ организаціяхъ еврейскую молодежь на отвѣтственныхъ постахъ, которая отличалась своей жестокостью, переносили ненависть и на еврейскую массу, которая сплошь и рядомъ страдала точно такъ же, какъ и другіе, отъ коммунистическаго произвола. Это, конечно, было большое зло, но никто не могъ убѣдить или доказать, что еврейская масса здѣсь не при чемъ. Обыкновенно по городу съ особымъ удовольствіемъ передавали слухъ, что нѣсколько дней тому назадъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстечкѣ, Галахъ со своими молодцами вырѣзалъ мѣстный совѣтъ, состоящій изъ коммунистовъ, и заодно съ ними всѣхъ евреевъ мѣстечка, не щадя ни пола, ни возраста. Въ подтвержденіе этихъ слуховъ въ Гомель начали прибывать изъ окрестныхъ мѣстечекъ бѣженцы - евреи, которыхъ совѣтская власть стала вселять въ квартиры, уплотняя населеніе, и мнѣ пришлось самому слышать разсказъ еврея, прибывшаго изъ Городни - Гомельской о томъ, какъ бандиты, ворвавшись къ нимъ въ домъ, убили его мать и брата, онъ же избѣгъ той - же участи только потому, что въ это время не былъ дома. Обыкновенно послѣ такого налета изъ города посылался отрядъ милиціи, но когда онъ прибывалъ на мѣсто, то тамъ уже никого не было.

Въ концѣ іюня мѣсяца былъ случай, что въ Лоевѣ были остановлены въ одинъ день два парохода — одинъ изъ нихъ «Восходъ», названія другого не помню. Это были два лучшихъ парохода воднаго транспорта, образованнаго изъ націонализированныхъ судовъ частныхъ владѣльцевъ. Одинъ изъ этихъ пароходовъ отошелъ изъ Гомеля на Кіевъ, наполненный публикой, а другой подымался вверхъ изъ Кіева къ Гомелю. Мѣстомъ встрѣчи ихъ была мѣстность около Лоева. Первымъ былъ остановленъ пароходъ шедшій изъ Гомеля, на который были наведены съ берега пулеметы, и капитанъ, видя послѣдніе, исполнилъ требованіе бандитовъ и присталъ къ берегу, тѣмъ болѣе, что находившаяся на пароходѣ команда красноармейцевъ для охраны его, зная, что бандиты красноармейцамъ, не оказавшимъ сопротивленія, ничего не дѣлаютъ, требовали у капитана исполненія приказанія бандитовъ. Бандиты вошли на пароходъ вооруженные до зубовъ, прекрасно обмундированные, оставивъ на берегу съ коноводами отличныхъ верховыхъ лошадей. Какъ передавали впослѣдствіи очевидцы, у нихъ была строгая дисциплина

и безпрекословное исполненіе приказаній начальника. Пассажирамъ было приказано сойти на берегъ, при чемъ коммунистамъ и евреямъ — стать въ одну сторону, а остальной публикѣ въ другую. Послѣ этого была произведена повѣрка документовъ и вновь обнаруженные коммунисты извлекались изъ общей толпы. Въ это время показался пароходъ шедшій снизу. Съ нимъ и съ его пассажирами было поступлено точно такъ - же. Послѣ сортировки пассажировъ коммунисты и евреи были перебиты и сброшены въ воду, а остальной публикѣ было предложено итти, кто куда хочетъ, при чемъ никакого насилія надъ ними не было сдѣлано, равно какъ и надъ красноармейцами. Пароходы же были сожжены. Всего погибло при этомъ 72 человѣка. Этого происшествія въ Гомелѣ скрыть уже было нельзя, такъ какъ туда явились очевидцы и разсказывали обо всѣхъ этихъ ужасахъ. Гомельскій Губисполкомъ выпустилъ по этому поводу оффиціальное сообщеніе, появившееся на страницахъ «Полѣсской Правды» и расклеенное отдѣльными экземплярами на стѣнахъ домовъ, въ которомъ говорилось о происшедшемъ и въ заключеніе было помѣщено предупрежденіе всему населенію, что въ случаѣ, если кто - либо изъ пассажировъ, при слѣдующемъ налетѣ бандитовъ на пароходъ или поѣздъ, будетъ себя держать пассивно и не окажетъ сопротивленія, а также и не предприметъ ничего къ защитѣ коммунистовъ и евреевъ, то будетъ преданъ суду, какъ соучастникъ бандитовъ. Это нелѣпое распоряженіе только сократило число пассажировъ на пароходахъ.

На Сожѣ появились канонерки. Это были товарные пароходы, съ поставленными на нихъ орудіями и пулеметами, но пользы дѣлу онѣ не принесли, такъ какъ, конечно, банды съ ними въ открытый бой не вступали, а нападенія на пароходы продолжались въ теченіе всего лѣта, ибо канонерки не конвоировали суда, а только занимались патрулированіемъ по рѣкѣ, и банды, всегда прекрасно освѣдомленныя о мѣстѣ нахожденія канонерокъ, дѣлали нападенія на пароходы тамъ, гдѣ канонерокъ не было.

Сожженіе этихъ двухъ пароходовъ нанесло большой ущербъ водному транспорту Гомельскаго узла, такъ какъ, несмотря на то, что въ дореволюціонное время по рѣкамъ Сожу и Днѣпру существовали большія пароходныя общества, водный транспортъ влачилъ жалкое существованіе, ибо почти всѣ пароходы прежняго торговаго флота стояли теперь у пристани или были вынесены половодьемъ на берегъ: машины у нихъ были испорчены, а сами пароходы не отремонтированы. Все, что болѣе или менѣе представляло цѣнность, какъ - то мѣдныя части, трубки и т. п., неизвѣстно кѣмъ, было похищено. Жалко было смотрѣть на тѣ пароходы, которые кое - какъ ходили по рѣкѣ. Они были совершенно не отремонтированы, не выкрашены, съ плохо обученной командой, лишенные какого - либо удобства. Зимой ремонта пароходамъ не производилось, и они были пущены въ ходъ въ томъ - же состояніи, въ которомъ окончили прошлогоднюю кампанію. О правильномъ освѣщеніи береговъ и лоцманахъ говорить не приходилось, а также и объ очисткѣ рѣки дноуглубительными машинами. Пароходы постоянно терпѣли аваріи и садились на мель.

Случай съ нападеніемъ на пароходы былъ далеко не единственный. Въ теченіе лѣта были донесенія о нападеніи на баржи съ сѣномъ, собраннымъ на заливныхъ лугахъ подъ Лоевымъ. Эти баржи были сожжены во время слѣдованія въ адресъ Гомельскаго Упродгуба, а также были сожжены стоявшія въ затонахъ съ прошлаго года судна разныхъ наименованій, принадлежавшія къ водному транспорту.

Нападенія бандъ Галаха имѣли мѣсто ежедневно; но совѣтской печатью обыкновенно это замалчивалось, и только какой - либо особенный случай расправы съ коммунистами и евреями устно доходилъ до Гомеля, волнуя еврейское населеніе, и тогда уже, когда нельзя было утаить шила въ мѣшкѣ, на страницахъ «Полѣсской Правды» появлялось объ этомъ оффиціальное сообщеніе Губисполкома.

Въ началѣ сентября въ Гомель пришла вѣсть о налетѣ банды на станцію Абрамовскую, находящуюся на вѣткѣ желѣзной дороги Василевичи - Хойники По-

лѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ. Это была особенно звѣрская расправа, жертвами которой стали вновь коммунисты и евреи. Какъ мнѣ разсказывали очевидцы этого нападенія, когда поѣздъ подошелъ къ ст. Абрамовской, на платформѣ находились прекрасно вооруженные и одѣтые бандиты, числомъ около 30 человѣкъ. Станція оказалась изолированной отъ другихъ станцій выключеніемъ телеграфа и телефона. Интересно отмѣтить, что слѣдующая станція была «Хойники», въ которой стоялъ совѣтскій кавалерійскій полкъ XI-ой дивизіи, узнавшій о происшедшемъ уже послѣ того, какъ бандиты скрылись. Бандиты окружили поѣздъ и приказали всѣмъ пассажирамъ выйти изъ вагоновъ, произвели повѣрку документовъ, причемъ коммунистовъ и евреевъ заперли въ помѣщеніи станціи, а прочихъ пассажировъ въ вагонахъ. Грабежа или какого-либо насилія къ послѣднимъ примѣнено не было. Коммунистовъ и евреевъ выводили по очереди изъ помѣщенія станціи и тутъ же ломомъ разбивали имъ головы. Всего при этомъ погибло 32 человѣка. Картина этой звѣрской расправы была настолько ужасна, что нѣкоторые изъ очевидцевъ заболѣли нервнымъ разстройствомъ. Стѣны станціи были забрызганы кровью и мозгами убитыхъ. Сдѣлавъ свое дѣло, бандиты сѣли на коней и скрылись. Присланныя впослѣдствіи сюда конныя части XI-ой дивизіи, несмотря на тщательные поиски, бандитовъ не нашли.

До чего дошло огрубѣніе нравовъ у народа во время гражданской войны, можно судить по тому, что разсказы объ этихъ ужасахъ не вызывали сожалѣнія къ несчастнымъ, попавшимъ въ руки бандитовъ, а наоборотъ человѣкъ, который не могъ смотрѣть, какъ рѣжутъ курицу, въ данномъ случаѣ говорилъ, что потерпѣвшіе достойны понесенной ими кары и хорошо было-бы, если бы было возможно вырѣзать всѣхъ остальныхъ коммунистовъ и евреевъ въ одинъ разъ. Сколько надо было вынести страданій такому человѣку, а также и наглядѣться на чужія страданія, чинимыя коммунистами, чтобы дойти до такого рѣшенія?

Въ концѣ концовъ, Галахъ былъ все-таки убитъ, о чемъ осенью было выпущено оффиціальное сообщеніе Губисполкома. Губчека, отчаявшись изловить его воинскими командами, подослала къ нему трехъ коммунистовъ, которые должны были войти къ нему въ довѣріе и при случаѣ его убить. Двое изъ нихъ были изобличены Галахомъ и разстрѣляны, третій же успѣшно выполнилъ свою миссію. Галахъ сдѣлалъ его своимъ ординарцемъ, и тотъ какъ-то вечеромъ, слѣдуя съ нимъ вдвоемъ, выстрѣломъ изъ револьвера сзади убилъ его. Галаха не стало, но дѣло его не пропало. Тотчасъ-же появились его замѣстители различныхъ наименованій и стали жестоко мстить за смерть своего начальника, вымѣщая злобу преимущественно на несчастныхъ евреяхъ, которые въ паникѣ потянулись въ Гомель, бросая свои насиженныя мѣста.

XIV.

Кончился іюнь мѣсяцъ и вмѣстѣ съ нимъ мой отпускъ; я опять явился въ Уѣздвоенкоматъ, который направилъ меня снова въ комиссію по освидѣтельствованію здоровья. Я попросилъ врачей дать мнѣ удостовѣреніе въ томъ, что я по состоянію своего здоровья негоденъ къ строевой службѣ. Врачи исполнили мою просьбу, признавъ меня годнымъ къ службѣ на административныхъ или хозяйственныхъ должностяхъ, и я былъ зачисленъ въ резервъ чиновъ, въ ожиданіи открытія таковой должности, при чемъ этимъ я списывался съ мѣста своей прежней службы, что мнѣ только и надо было. При томъ хаосѣ въ дѣлопроизводствѣ, который, какъ я замѣтилъ, царилъ въ Уѣздвоенкоматѣ, я былъ увѣренъ, что послѣднимъ штабъ войскъ Украйны не былъ извѣщенъ о случившейся перемѣнѣ въ моемъ послужномъ спискѣ, а также и о мѣстѣ моего нахожденія и, слѣдовательно, я теперь уже «затерялся». Черезъ недѣлю послѣ этого вышелъ приказъ по войскамъ Р.С.Ф.С.Р. о демобилизаціи офицеровъ свыше 35-лѣтняго возраста, при чемъ все-таки были сохранены градаціи и дожность помощника инспектора

пѣхоты арміи была приравнена къ должности командира бригады, а таковой могъ быть уволенъ отъ службы только въ томъ случаѣ, если къ 1-му января 1921 года ему исполнилось 50 лѣтъ и если къ тому - же онъ не состоялъ въ чинѣ генерала, что обязывало служить до 60 лѣтъ. Какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по чину я не подходилъ къ этой категоріи, но тѣмъ не менѣе я въ Уѣздвоенкоматѣ, гдѣ мнѣ было предложено написать самому себѣ послужной списокъ, отмѣтилъ себя полковникомъ и заявилъ, что мнѣ 53 года и поэтому я прошу меня уволить отъ службы. У меня спросили метрическое свидѣтельство, котораго, конечно, у меня не оказалось, тогда меня отправили опять въ комиссію врачей, которая должна была опредѣлить мой возрастъ по наружному виду. Врачи согласились съ моимъ заявленіемъ и лишь одинъ комиссаръ комиссіи соглашался только на 52 года, но это мнѣ было рѣшительно все - равно. Съ рѣшеніемъ комиссіи относительно моего возраста я отправился въ Уѣздвоенкоматъ, который и уволилъ меня въ безсрочный отпускъ. Такимъ образомъ я покончилъ съ большевистской военной службой и получилъ изъ Гомельской городской милиціи совѣтскій паспортъ срокомъ на шесть мѣсяцевъ, въ которомъ я именовался просто уже гражданиномъ. Это меня уже окончательно устраивало, но 10-го іюля послѣдовалъ опять приказъ, согласно котораго всѣ бывшіе офицеры должны были явиться вновь въ Уѣздвоенкоматъ и заполнять анкеты, въ которыхъ, въ числѣ другихъ вопросовъ, стояли: 1) Вашъ бывшій чинъ? и 2) Не служили - ли Вы въ бѣлыхъ арміяхъ: Деникина, Колчака, Врангеля и Миллера? На первый вопросъ я написалъ: «полковникъ», а на второй: «никогда въ бѣлыхъ арміяхъ не служилъ»; и очень хорошо сдѣлалъ, ибо впослѣдствіи всѣ офицеры, служившіе въ бѣлыхъ арміяхъ, были высланы въ концентраціонный лагерь въ г. Череповецъ. Такимъ образомъ большевики поблагодарили тѣхъ, кто, хотя и принудительно, служилъ имъ во время польской войны.

Такимъ образомъ, я сдѣлался относительно свободнымъ человѣкомъ, если таковые могли быть въ Совдепіи, но я былъ безъ всякихъ средствъ, и мнѣ нужно было ѣсть и пить. Приходилось надъ этимъ вопросомъ задумываться, такъ какъ въ то время еще «Нэпа» не существовало и, слѣдовательно, служить гдѣ - либо въ частномъ учрежденіи не представлялось возможнымъ, за неимѣніемъ таковыхъ. Поэтому пришлось искать мѣста снова въ какомъ нибудь совѣтскомъ учрежденіи, чтобы обезпечить себя пайкомъ. На мое счастье я встрѣтилъ въ Гомелѣ своего знакомаго, съ которымъ служилъ въ инспекціи пѣхоты 4-ой арміи, когда она была въ прошломъ году въ Гомелѣ. Знакомый этотъ при переброскѣ штаба 4-ой арміи въ Крымъ не поѣхалъ туда и, какъ имѣвшій связи съ совѣтской администраціей, устроился на службѣ въ Гомелѣ. Узнавъ отъ меня, что я теперь нахожусь безъ мѣста, а слѣдовательно мнѣ грозитъ голодное существованіе, онъ предложилъ мнѣ поступить въ агрономическое отдѣленіе Гомупродгуба въ качествѣ инструктора, говоря ,что хотя жалованіе тамъ и не большое, но за то я буду обезпеченъ тамъ красноармейскимъ пайкомъ, и хотя это учрежденіе и военное, но я тамъ буду служить по вольному найму и, слѣдовательно, если мнѣ эта служба не понравится, то я могу уйти оттуда, когда захочу. На выраженное мною сомнѣніе въ пригодности моемъ къ агрономической службѣ онъ заявилъ, что это не такъ важно, лишь бы я выразилъ желаніе, а онъ уже все устроитъ, такъ какъ въ Упродгубѣ у него есть знакомства. Мнѣ не приходилось выбирать, и я поспѣшилъ поблагодарить его за предложеніе и согласиться. Мы условились на другой день итти въ Упродгубъ.

Гомупродгубъ — это управленіе по снабженію красной арміи по Гомельской губерніи. Функціи его — приблизительно окружного интендантства старой арміи, конечно со многими измѣненіями и дополненіями. Такъ, напримѣръ, ввиду отсутствія средствъ у центра кормить воинскія части, было рѣшено, что послѣднія должны прокармливать себя сами, для чего Упродгубъ долженъ былъ получать изъ Губернскаго Земскаго Отдѣла (Губземотдѣла) въ пользованіе имѣнія, отобранныя у помѣщиковъ, за исключеніемъ лѣсныхъ угодій, и эксплоатировать ихъ

самъ, для чего въ его распоряженіи былъ рабочій батальонъ, или же сдавать, главнымъ образомъ, огороды и сѣнокосные луга воинскимъ частямъ, расположеннымъ въ губерніи, оставляя надзоръ и руководство по эксплоатаціи этихъ участковъ за собой. Упродгубъ дѣлился на нѣсколько отдѣленій, въ числѣ которыхъ было и агрономическое, которое завѣдывало всѣмъ вышеизложеннымъ; въ качествѣ агронома-инструктора въ это отдѣленіе и выставлялась моя кандидатура. Начальникомъ агрономическаго отдѣленія былъ нѣкто Михайловъ, какъ говорили, бывшій штабсъ-капитанъ артиллеріи, человѣкъ очень ловкій и умѣющій устраивать свои дѣла при какомъ угодно режимѣ, но въ агрономическомъ отношеніи человѣкъ совершенно ничего не смыслившій, такъ какъ никакого агрономическаго образованія не имѣлъ, да это, впрочемъ, какъ я увидѣлъ впослѣдствіи, на совѣтской службѣ и не особенно было нужно. Когда на другой день я со своимъ знакомымъ явился къ нему, онъ меня принялъ очень любезно и, на мою просьбу дать мнѣ мѣсто, предложилъ подать заявленіе. Когда же я, рѣшивъ быть откровеннымъ, сказалъ ему, что, собственно говоря, я не имѣю никакихъ агрономическихъ познаній и что это меня сильно смущаетъ, онъ мнѣ возразилъ: «Ну, полно, развѣ вы до сихъ поръ еще не знаете, что въ совѣтской республикѣ, если вамъ прикажутъ быть акушеркой, то и это придется исполнить; напишите только въ заявленіи, что вы прежде жили въ деревнѣ и видѣли сельское хозяйство». Услыхавъ этотъ отвѣтъ, я пересталъ сомнѣваться и написалъ указанное мнѣ заявленіе, и сдѣлался инструкторомъ-агрономомъ Упродгуба. Эта служба обезпечила мнѣ полуголодное существованіе, такъ какъ я сталъ получать тыловой красноармейскій паекъ и 4500 рублей жалованія въ мѣсяцъ.

Начальникомъ Упродгуба былъ нѣкто Куделько, бывшій волостной писарь Игуменскаго уѣзда, а въ настоящее время коммунистъ и очень большая персона. Правой рукой его былъ начальникъ административнаго управленія нѣкто Бучинскій, бывшій подполковникъ, окончившій старую интендантскую академію, человѣкъ очень ловкій съ растяжимой совѣстью и знающій канцелярское дѣло; онъ держалъ весь Упродгубъ въ своихъ рукахъ. Какъ я впослѣдствіи узналъ, они съ Куделько обдѣлывали свои личныя дѣла, обкрадывая совѣтскую казну, но такъ ловко, что прямыхъ уликъ никто не могъ представить, а съ начальниками Губчека и Особаго Отдѣла они были свои люди, такъ какъ дѣлились съ ними прибылями.

Штаты Упродгуба въ то время были чрезвычайно обширны, съ массой служащихъ, главнымъ образомъ, изъ еврейской молодежи обоего пола. Коммунисты занимали должности комиссаровъ въ отдѣленіяхъ и въ военныхъ совѣтскихъ имѣніяхъ (Военсовхозы). Вся эта масса ни на грошъ не приносила пользы дѣлу: во-первыхъ, потому, что никто, какъ и я, не зналъ своего дѣла, а во-вторыхъ, каждый былъ занятъ мыслью использовать службу лично для себя, стараясь урвать все, что только можно было, чтобы обезпечить себѣ существованіе, и если это удавалось, то и отложить на черный день. Моя послѣдующая служба въ Упродгубѣ дала мнѣ возможность хорошо познакомиться съ совѣтскими учрежденіями и видѣть, какой вредъ приносятъ государству эти учрежденія, гдѣ дѣла никакого не дѣлаютъ, а только расхищаютъ государственное имущество. Не мудрено, что всякое предпріятіе и учрежденіе давало убытокъ не только потому, что въ немъ сидѣли не знающіе дѣла люди, но и потому, что тамъ шло безконечное воровство. Воровали всѣ: и отвѣтственные начальники-коммунисты, и рядовые служащіе; разница была только въ томъ, что первые хватали большіе куши, а вторые оставались мелкими взяточниками и воришками. Впрочемъ, послѣднимъ нельзя поставить это въ вину, такъ какъ дѣлать это заставляла ихъ нужда, а существовавшій взглядъ, что «все-равно вѣдь это совѣтское и тоже украдено у другихъ», дѣлалъ совѣсть болѣе покладистой и спокойной.

Я поступилъ въ Упродгубъ 15 іюля въ самый разгаръ сельской работы. У Упродгуба были въ распоряженіи огромные заливные луга по рѣкѣ Сожу, въ окрестностяхъ Лоева. Въ прежнее время эти луга давали огромный доходъ управленію имѣніями княгини Паскевичъ; тамъ были прежде сѣнопрессовальные заво-

ды, откуда сѣно развозилось на баржахъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Сожу и Днѣпру и поставлялось въ интендантство. Около этого дѣла кормились тысячи людей. Сѣнокосъ производился машинами ввиду огромной площади луговъ. Въ настоящее время объ этомъ и говорить не приходилось: сѣнопрессовальные заводы были сожжены, а машины сломаны и растащены и Упродгубъ уже по одному этому не могъ справиться со своей задачей. Рѣшено было сѣно косить ручнымъ способомъ, пользуясь въ качествѣ рабочей силы, красноармейцами рабочаго батальона, а также и изъ воинскихъ частей. Строевое начальство не давало людей на эти работы, такъ какъ у него было слишкомъ мало штыковъ въ ротахъ и люди находились постоянно во всевозможныхъ карательныхъ экспедиціяхъ противъ бандитовъ. Красноармейцы рабочаго батальона были распредѣлены по воснсовхозамъ губерніи, и ихъ было далеко не достаточно. Отдавались распоряженія: снять рабочихъ съ такого то имѣнія и отправить на сѣнокосъ въ Лоевъ, но этому противились управляющіе совхозами, отписываясь, что у нихъ самихъ работы по горло. Шла безконечная канцелярская волокита, уходило время, а трава сохла на корню. Часть красноармейцевъ, прибывшая все-таки въ Лоевъ, работала крайне неохотно, такъ какъ они были всѣ мобилизованные солдаты прежней арміи и всѣ ихъ мысли сводились къ тому, когда придетъ ихъ очередь уволиться домой. Съ грѣхомъ пополамъ къ работѣ приступили, но оказалось, что есть манташки, бруски для точки косъ, но нѣтъ молотковъ для отбиванія ихъ. Работа опять остановилась, пока разыскали молотки. Ѣздили за ними въ Москву, а время шло. Въ военсовхозахъ въ это время поспѣла рожь. Управляющіе стали требовать возвращенія рабочихъ домой. Получилась полная неразбериха, а изъ Упродзапфронта (Управленіе продовольствіемъ западнаго фронта), изъ Смоленска шли грозные запросы: въ какомъ положеніи находится сѣнокосъ. Между тѣмъ завѣдующій сѣнокосомъ, посланный туда Упродгубомъ, доносилъ, что рабочіе красноармейцы требуютъ увеличенія пайка, такъ какъ изнуряются на работѣ, не получая достаточнаго питанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на крайне лѣнивую работу послѣднихъ. Увеличили хлѣбный паекъ съ полутора фунта до двухъ, но это мало помогло дѣлу. Ко всему этому стали получаться тревожныя донесенія, что завѣдующій сѣнокосомъ получаетъ предупрежденія отъ крестьянъ, что бандиты собираются произвести на него нападеніе и, когда сѣно будетъ смётано въ стоги, подожечь ихъ.

Вообще крестьянство въ этой мѣстности относилось крайне враждебно къ работѣ Упродгуба, такъ какъ думало, что оно одно является наслѣдникомъ земель княгини Паскевичъ, и поэтому хотѣло воспользоваться сѣнокосомъ, но мечтамъ ихъ былъ положенъ предѣлъ декретомъ о національзаціи земли государствомъ. Въ деревнѣ ставился вопросъ: «Для чего мы дѣлали революцію, если земли намъ не даютъ?» А отсюда появилась симпатія къ бандитамъ, борющимся съ коммунистами. Предвидя, что травы останется много на корню, крестьяне прислали ходоковъ въ Упродгубъ съ предложеніемъ убрать сѣно съ половины; такія же предложенія пришли изъ другихъ совхозовъ. Запросили разрѣшеніе Упродзапа, но онъ категорически отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на то, что зимой понадобится масса фуража.

Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Упродгубъ завѣдующій сѣнокосомъ и заявилъ, что на него произвели нападеніе бандиты, увели двухъ лошадей, поломали косы, забрали веревки, его одежду и 200 000 казенныхъ денегъ. Къ этому заявленію въ Упродгубѣ отнеслись подозрительно, такъ какъ дѣйствительно это былъ типъ готовый на все, но тѣмъ не менѣе ему было приказано вернуться обратно, чтобы скосить сколько возможно травы и доставить ее на баржѣ въ Гомель. Конечно, въ Упродгубѣ онъ говорилъ, что у него, несмотря на всѣ помѣхи, заготовлено сѣна порядочно. Вернувшись обратно, въ концѣ лѣта, онъ вызвалъ въ Лоевъ баржу, на которую погрузилъ сѣно и отправилъ въ Гомель, выѣхавъ самъ впередъ туда-же, чтобы для хлопотъ о предоставленіи большого количества тоннажа для перевозки сѣна, но когда онъ прибылъ въ Упродгубъ, то одновременно полу-

чились два донесенія: одно говорило, что баржа по пути слѣдованія подверглась нападенію бандитовъ и была сожжена, что подтверждали и отпущенные бандитами конвоиры, красноармейцы, а другое донесеніе гласило, что на лугахъ Лоева сѣно, сложенное въ стоги, сожжено бандитами. Въ Упродгубѣ пошли разговоры, что тутъ дѣло не чисто и что завѣдующимъ сѣнокосомъ большая часть собраннаго сѣна была продана, а мелочь сожжена бандитами для отвода глазъ не безъ его вѣдома. Въ теченіе лѣта никто изъ агентовъ Упродгуба не соглашался ѣхать для повѣрки сѣнокоса въ Лоевъ, такъ какъ эта мѣстность кишѣла бандитами, и завѣдующій сѣнокосомъ былъ внѣ контроля. Въ концѣ концовъ, завѣдующій сѣнокосомъ былъ арестованъ Особымъ Отдѣломъ въ началѣ сентября, посаженъ въ тюрьму, и по дѣлу о сѣнокосѣ на лугахъ Лоева началось слѣдствіе. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1922 года неожиданно я встрѣтилъ его уже на свободѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что его только что выпустили изъ тюрьмы, такъ какъ при слѣдствіи не нашли основаній предать суду Ревтрибунала, ибо онъ представилъ доказательства своей невинности, и въ настоящее время онъ увольняется по демобилизаціи отъ службы. Самый фактъ освобожденія его для всѣхъ насъ былъ крайне загадоченъ, такъ какъ между служащими Упродгуба ходили настойчивые слухи, что собранное имъ сѣно дѣйствительно было продано, а часть для отвода глазъ была дѣйствительно сожжена бандитами по уговору съ нимъ. Очевидно, въ этомъ «коммерческомъ дѣлѣ» были замѣшаны воротилы Упродгуба, или же онъ далъ большую взятку слѣдователю Особаго Отдѣла.

Такъ кончилось дѣло съ сѣнокосомъ на заливныхъ лугахъ Лоева, гдѣ большая часть сѣна осталась на корню, благодаря веденію хозяйства коммунистами. Не лучше обстояло дѣло и въ другихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Упродгубу, какъ, напримѣръ, Голы, Острогляды, Térебовша и т. д. Вездѣ было собрано сѣно, котораго еле хватило для прокормленія въ теченіе зимы немногочисленнаго количества лошадей и рогатаго скота, бывшаго въ этихъ имѣніяхъ, а для нуждъ расположенной въ Гомелѣ и его окрестностяхъ XI кавалерійской дивизіи и артиллерійскихъ частей сѣна не оказалось и съ прекращеніемъ подножнаго корма въ этихъ частяхъ начался сильный падежъ лошадей отъ безкормицы.

Какъ я упомянулъ выше, въ распоряженіи Упродгуба находились реквизированныя у помѣщиковъ имѣнія, общее число которыхъ доходило до 16, разбросанныя по всей Могилевской губерніи. Въ виду отдаленности нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ мѣсторасположенія Упродгуба - Гомеля, были созданы районные управляющіе, которымъ подчинялись три - четыре имѣнія въ данномъ уѣздѣ, съ обширными служебными штатами; эти послѣдніе подчинялись Упродгубу, а послѣдній Упродзапфронту. Благодаря такой системѣ, создавалась колоссальная волокита и переписка, что приносило громадный ущербъ дѣлу въ тѣхъ случаяхъ, когда управляющій военсовхозомъ, будучи человѣкомъ честнымъ, (что случалось, впрочемъ, очень рѣдко), хотѣлъ проявленіемъ собственной иниціативы принести пользу дѣлу. Безъ разрѣшенія онъ не могъ ни купить что - либо, ни нанять рабочихъ, такъ какъ, во - первыхъ, это ему вообще не разрѣшалось, а во-вторыхъ, не было денегъ. И вотъ, о всякомъ вопросѣ онъ писалъ районному управляющему, тотъ отправлялъ рапортъ въ Упродгубъ, а послѣдній по вопросамъ денежнаго характера въ Упродзапъ. Когда приходилъ отвѣтъ, то уже время оказывалось упущеннымъ, и всѣ немногія, добрыя начинанія сводились къ нулю. Кромѣ того, имѣнія были совершенно разорены и даже при честномъ отношеніи къ дѣлу ничего не могли дать. Мнѣ по своей должности инструктора - агронома приходилось бывать, главнымъ образомъ, въ двухъ имѣніяхъ, лежащихъ недалеко отъ Гомеля. Первое было Голы, принадлежавшее прежде графу Меньжинскому. До революціи это было правильно поставленная экономія, приносившая большой доходъ ея бывшему владѣльцу. Здѣсь были сѣнокосные луга, пашни и фруктовый садъ въ 75 десятинъ. Въ настоящее время все было разорено. Имѣніе, переживъ разгромы 1917—18—19 годовъ, результатомъ которыхъ было расхищеніе земледѣльческихъ орудій и рабочаго скота,

а также и сожженіе усадебныхъ построекъ, въ 1920 году было отдано во владѣніе коммунѣ, которая хищнической эксплоатаціей испугала даже Губисполкомъ. Послѣдній отобралъ отъ нея это имѣніе обратно, передалъ его въ Уземотдѣлъ, отъ котораго въ 1921 году Упродгубъ получилъ его для эксплоатаціи.

Фруктовый садъ, дававшій въ прежнее время громадные доходы, въ настоящее время былъ въ безотрадномъ состояніи. Ухода за деревьями не было уже въ теченіе трехъ лѣтъ, и они поросли дичками, появилась масса червей, которые съѣдали весь плодъ; объ обмазкѣ и окопкѣ деревьевъ нечего было и думать, и они стали сохнуть. Если же прибавить къ тому, что сборка плодовъ производилась самымъ варварскимъ способомъ, при чемъ ломались сучья, то ожидать какого-нибудь урожая въ этомъ саду, а слѣдовательно и прибыли, нечего было и думать, и на него новые владѣльцы махнули рукой. Заборъ, окружавшій раньше садъ, былъ растащенъ на дрова, и по саду бродило крестьянское стадо.

Не въ лучшемъ состояніи были и поля этого имѣнія. Почва въ Западномъ Краѣ требуетъ постояннаго удобренія, для чего, помимо искусственнаго удобренія, помѣщики держали массу скота, откармливая его на мясо для Петроградскихъ и Московскихъ рынковъ, для чего пользовались тѣми огромными лугами, которые прилегали къ имѣнію. Въ настоящее время въ имѣніи не было ни одной головы скота, а для полевыхъ работъ имѣлись три чесоточныя лошади, выбракованныя по неизлѣчимости изъ XI-й кавалерійской дивизіи, и двѣнадцать человѣкъ красноармейцевъ рабочаго батальона. Вотъ съ этими-то силами коммунистическая власть и хотѣла поднять это имѣніе до такой степени, чтобы оно могло служить источникомъ прокормленія красныхъ войсковыхъ частей. Конечно, ничего изъ этой затѣи не вышло. Съ сѣнокосомъ вышла та же исторія, какъ и въ Лоевѣ, а съ овсомъ, рожью, картофелемъ еще хуже. Дѣло въ томъ, что благодаря канцелярской волокитѣ, на которую я указывалъ выше, сѣмена опоздали съ прибытіемъ къ посѣвной кампаніи и были получены въ концѣ мая. Сѣменной картофель, который, какъ и прочія сѣмена, въ 1920 году собирался съ крестьянъ путемъ продразверстки, будучи свалепъ въ холодные сараи, зимой замерзъ. Но такъ какъ надо было исполнить номеръ предписанія, то его, хотя онъ и сгнилъ и хотя и было поздно, все-таки кое-какъ доставили на мѣсто. Управляющій своевременно донесъ о негодности его, а также и о поздней доставкѣ остальныхъ сѣмянъ и спрашивалъ указаній, стоитъ ли приступать къ посѣву, въ виду поздняго времени. Получился приказъ — посадить и засѣять. Управляющій рѣшилъ, что дѣло «совѣтское», и исполнилъ приказъ. Результаты получились плачевные: на той небольшой площади земли, которую успѣли разъ вспахать 12 красноармейцевъ и три лошади, картофоль совсѣмъ не взошелъ, и поле къ концу лѣта заросло лебедой, а овесъ, ячмень и рожь, дали поздніе и очень рѣдкіе всходы, благодаря истощенности земли. Кромѣ того, рожь оказалась не яровая, а озимая, такъ какъ въ пути сѣмена перепутали, а на мѣстѣ управляющіе оказались настолько невѣжественными, что не могли отличить одну отъ другой, и въ этомъ году, конечно, снять ее не пришлось.

Остальная земля огромнаго имѣнія осталась неиспользованною и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда крестьяне окрестныхъ деревень пытались запахивать для своихъ нуждъ землю имѣнія, то они немедленно изгонялись съ нея, при чемъ управляющій имѣніемъ, по приказанію Упродгуба, привлекалъ этихъ захватчиковъ въ народный судъ. Осенью я неоднократно бывалъ командированъ изъ Упродгуба въ это имѣніе въ качествѣ предсѣдателя комиссій для опредѣленія количества урожая и составленія актовъ, что на такой-то площади земли было посѣяно столько-то пудовъ картофеля или овса, ячменя и ржи и что вслѣдствіе плохого качества сѣмянъ, а также истощенности земли родилось столько-то, при чемъ, конечно, комиссіи приходилось констатировать, что урожай въ нѣкоторыхъ случаяхъ не возвратилъ даже и сѣмянъ, какъ, напримѣръ, и было дѣло съ картофелемъ. Конечно, не обошлось и безъ пополненія управляющимъ своего

кармана за счетъ совѣтскаго хозяйства. Комиссія, въ составъ которой, кромѣ меня, входилъ представитель РКИ — рабоче-крестьянской инспекціи и РКП — Россійской коммунистической партіи, — взвѣшивала снятый урожай, но управляющій, стакнувшись съ красноармейцами до пріѣзда комиссіи, обыкновенно большую часть и безъ того скуднаго урожая пряталъ. Впослѣдствіи одинъ изъ красноармейцевъ, обойденный въ дѣлежѣ краденаго, донесъ на управляющаго, но послѣдняго только отчислили отъ занимаемой имъ должности, прикомандировавъ къ Упродгубу, даже не привлекая къ отвѣтственности. Да, впрочемъ, и къ чему привлекать? Это была сравнительно маленькая кража и, если бы всѣхъ такихъ дѣятелей отдавать подъ судъ, то суду пришлось бы разбирать эти дѣла лѣтъ черезъ 20—30, настолько онъ былъ бы ими перегруженъ.

Другое имѣніе, въ которомъ мнѣ приходилось часто бывать по дѣламъ службы, было Теребовша, отстоявшее отъ Гомеля въ 38 верстахъ и принадлежавшее раньше члену Государственнаго Совѣта Герарду, бывшему когда-то Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. До революціи это имѣніе, руководимое опытнымъ агрономомъ-управляющимъ, было широко и образцово поставлено. Здѣсь также былъ фруктовый садъ, но только въ 10 десятинъ; былъ винокуренный заводъ и сохранились еще огромныя помѣщенія для четырехсотъ головъ воловъ, которые откармливались на мясо и для прокормленія которыхъ были заливные луга по рѣкѣ Бѣсяда. Такимъ образомъ здѣсь шелъ кругооборотъ. Земля удобрялась навозомъ отъ скота, росла рожь, поступавшая на винокуренный заводъ, послѣдній давалъ спиртъ, остатками обработки котораго выкармливался скотъ, который, помимо своей прибыльности и рабочей силы, давалъ навозъ и т. д. Въ настоящее время здѣсь была мерзость запустѣнія, винокуренный заводъ стоялъ закрытымъ, части машинъ неизвѣстно кѣмъ были расхищены, въ огромныхъ хлѣвахъ стояли восемь коровъ, принадлежащія управляющему, и шесть лошадей, а рабочими состояли пятнадцать красноармейцевъ рабочаго батальона. Управляющій съ семьей и рабоче-красноармейцы ютились въ домѣ, въ которомъ когда-то жилъ управляющій Герарда. Имѣніе это пострадало отъ погромовъ 1918 года, но въ 1920 году было отдано въ пользованіе 88-мъ Минскимъ пѣхотнымъ команднымъ курсамъ, а въ 1921 году перешло къ Упродгубу. Результаты хозяйничанія курсовъ здѣсь были на лицо: фруктовый садъ поломанъ и запущенъ, а домъ управляющаго — безъ оконъ и дверей. Такъ какъ другого помѣщенія не было, а оконнаго стекла въ то время негдѣ было достать, то вмѣсто стеколъ была вставлена уже нынѣшнимъ управляющимъ фанера и сдѣланы кое-какъ двери. Условія жизни самыя примитивныя и убогія.

Съ посѣвомъ и сборомъ урожая здѣсь повторилась та же самая исторія, что и въ Голахъ, такъ какъ сѣмена пришли поздно, а почва была не удобрена за отсутствіемъ навоза. Осенью мнѣ приходилось сюда ѣздить и составлять акты объ отсутствіи урожая вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя помѣшали урожаю и въ Голахъ. Въ такомъ же положеніи были и всѣ остальныя имѣнія, отданныя Гомельскому Упродгубу. Эта затѣя принесла огромный дефицитъ, но тѣмъ не менѣе она не была оставлена, а въ теченіе зимы 1921—22 года Упродгубомъ разрабатывался планъ весенней кампаніи использованія этихъ имѣній. Несмотря на то, что они не вернули сѣмянъ, продолжали тратиться деньги на содержаніе громадной администраціи, на выдачу каждому служащему пайка, и упорно твердили, что коммунистическая власть докажетъ всѣмъ свое превосходство надъ прежней системой частной собственности, и несмотря на неудачу нынѣшняго года, слѣдующій годъ принесетъ уже прибыль. Конечно, этому никто не вѣрилъ, и даже отдѣльные коммунисты иронически на это улыбались. Дѣло въ томъ, что всѣ прекрасно понимали, что разграбленное имѣніе, при отсутствіи капитала и спеціалистовъ, казенными руками никогда не довести до той степени культуры, въ какой оно находилось, будучи въ рукахъ собственника, который былъ лично заинтересованъ въ доходахъ, получаемыхъ съ имѣнія, что заставляло его бережно относиться къ самому имѣнію и всѣми силами ста-

раться поднять его культуру. Теперь же были только одни чиновники, правда отличающіеся отъ прежней формаціи тѣмъ, что они носили на головномъ уборѣ красную звѣзду и наганы на поясѣ, но въ сущности оставались тѣми же людьми 20-го числа, до коммунистовъ включительно, не говоря уже о безпартійныхъ. Было бы лишь только сдѣлано, а какъ — это уже вопросъ другой, на это всегда можно было отписаться.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать отвѣты, когда я задавалъ вопросъ: Почему то или другое сдѣлано плохо? — «Да вѣдь это совѣтское». И въ этомъ отвѣтѣ слышалось столько презрительнаго къ совѣтскому строю, что дальнѣйшихъ поясненій и не требовалось. Если же ко всему этому прибавить, что большая часть руководителей и исполнителей были совершенно не на своемъ мѣстѣ, а знаніемъ дѣла, пожалуй, стояли ниже меня, то нечего и говорить о томъ, чтобы надежды на прибыль отъ эксплоатаціи имѣній въ будущемъ году могли оправдаться. Отсутствіе скота и земледѣльческихъ машинъ, а также сама работа руками мобилизованныхъ красноармейцевъ, которые, не питая пріязни къ совѣтской власти, думали только о томъ, какъ бы уклониться отъ работы, не позволяли привести въ исполненіе даже самые скромные проекты, которыхъ было такое множество въ Упродгубѣ, т. е. поднятія производительности отобранныхъ имѣній до прежняго ихъ благосостоянія. И это было вездѣ и на каждомъ шагу.

Подъ самымъ городомъ Гомелемъ въ пользованіи Упродгуба была площадь земли около 40 десятинъ, выдѣленныхъ изъ общей земли культурнаго имѣнія княгини Паскевичъ подъ названіемъ «Прудокъ». Само это имѣніе находилось въ 3-хъ верстахъ отъ Гомеля и представляло раньше большую статью дохода для владѣльца. Здѣсь была культура всѣхъ злаковъ, растущихъ въ Западномъ Краѣ: огромный питомникъ фруктовыхъ деревьевъ, благодаря которому получили такую громкую извѣстность фруктовые сады Гомеля на рынкахъ Петрограда и Москвы, огромный скотный дворъ, оранжереи и огороды. Теперь это имѣніе, послѣ разгрома въ 1918—19 годахъ, отъ котораго остались только поля и огороды, совѣтская власть націонализировала и Уземотдѣломъ, въ распоряженіе котораго оно перешло, оно было раздроблено на нѣсколько участковъ и роздано въ пользованіе различнымъ коммунистическимъ организаціямъ, а часть площади въ 10 десятинъ земли, прилегавшей непосредственно къ городу, получилъ для эксплоатаціи Упродгубъ. Бывшій волостной писарь Игуменскаго уѣзда, а нынѣ интендантскій генералъ, товарищъ Куделько, рѣшилъ эту площадь земли обратить въ огородъ для питанія зеленью и овощами собственной заготовки, безъ большихъ затратъ, больныхъ и раненыхъ красноармейцевъ въ госпиталяхъ Гомеля и войсковыхъ частяхъ, тѣмъ болѣе, что зелень и овощи были необходимы при цынгѣ, которая въ то время такъ себя давала знать вслѣдствіе плохого питанія. Со свойственнымъ имъ апломбомъ и нахальствомъ люди, бывшіе раньше или волостными писарями, или приказчиками въ сельдяной лавкѣ, теперь принялись за огородное дѣло, ничего въ немъ не понимая. Былъ составленъ проектъ о коренной реформѣ краснаго интендантства въ заготовкѣ соленыхъ огурцовъ, капусты, свеклы и картофеля еще весною 1921 года и отправленъ на утвержденіе въ Упродкомфронтъ въ Смоленскъ, а также расчетъ денежной смѣты на потребное количество необходимыхъ сѣмянъ, которыя должны были быть откуда-то высланы. Въ Смоленскѣ Куделько былъ отмѣченъ открывшимъ Америку и поставленъ въ примѣръ прочимъ начальникамъ Упродгубовъ и, конечно, денежныя средства были отпущены, а сѣмена тоже обѣщали выслать.

Упродгубскіе агрономы, со стажемъ приказчиковъ кожевенной лавки, принялись за дѣло, какъ только сошелъ снѣгъ съ полей, и результаты этого дѣла я увидѣлъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда поступилъ въ Упродгубъ, какъ «инструкторъ агрономъ». Прежде всего надо сказать, что отпущенныя деньги, вѣроятно, пошли не по прямому назначенію, такъ какъ вспашка поли и посадка огородныхъ растеній была произведена «безъ расходовъ отъ казны», а именно, лошадьми

стоявшаго въ Гомелѣ полка, командиру котораго отдавались приказанія о нарядѣ лошадей «въ порядкѣ боевого заданія», а что это значитъ, всѣ чины комсостава красной арміи знаютъ—ибо неисполненіе его влечетъ за собою знакомство съ Особымъ Отдѣломъ В. Ч. К. Посадка же огородныхъ сѣмянъ была произведена красноармейцами рабочаго батальона. Куделько и его агрономы упустили изъ виду въ своемъ проектѣ созданія гомельскаго военнаго огорода то обстоятельство, что земля, отведенная въ ихъ распоряженіе, никогда раньше подъ огородами не была, а засѣвалась овсомъ, рожью, пшеницею и т. п., и, слѣдовательно, почва была не такъ воздѣлана, какъ огородная земля; что же касается удобренія, которое требуется для огорода въ усиленномъ количествѣ, то его уже нѣсколько лѣтъ на этой почвѣ не было, такъ какъ скотъ княгини Паскевичъ былъ расхищенъ еще въ 1918 году. Одно изъ главныхъ условій огорода — близость воды для поливки всходовъ сѣмянъ — также отсутствовало; но все это не остановило новыхъ агрономовъ. Земля была вспахана одинъ разъ, за отсутствіемъ лошадей, ибо командиръ полка, хотя и исполнялъ «боевое заданіе», но все же ему надо было обслуживать и нужды полка. Съ сѣменами опоздали; они пришли въ концѣ мая, при чемъ все было перепутано. Устроили субботникъ, на который всѣ должны были придти, включительно до машинистокъ Упродгуба, и поработали на славу **Р. С. Ф. С. Р.**

Было посѣяно всего во множествѣ. Посадили гнилой картофель, посѣяли бураки, кормовые и столовые, огурцы, капусту, брюкву, морковь, рѣдьку и редисъ. Передъ началомъ посѣва участвующимъ въ субботникѣ былъ устроенъ митингъ, на которомъ ораторы-коммунисты разъяснили красноармейцамъ и «тупоголовой» служащей интеллигенціи Упродгуба превосходство коммунистическаго государства надъ капиталистическимъ строемъ Европы, чему яркій примѣръ налицо: посѣвъ общими силами совершенно безплатно на пользу государства, который дастъ большіе результаты для питанія красной арміи. По этому случаю была послана телеграмма въ Упродзапъ, откуда пришла благодарность Куделько. Но результатовъ не оказалось: земля, вспаханная одинъ разъ, безъ удобренія, дала очень рѣдкіе всходы, которые поливать было некому и нечѣмъ; сѣмена гнилого картофеля тоже всходовъ не дали, и въ концѣ лѣта вся площадь огорода, за очень малымъ исключеніемъ, поросла лебедой и бурьяномъ, а мнѣ осенью приходилось составлять акты о неурожаѣ, обвиняя въ этомъ сѣмена. А число цынготныхъ въ госпиталяхъ и частяхъ войскъ по прежнему продолжало увеличиваться. Такъ кончилась и эта коммунистическая затѣя.

Не лучше дѣло обстояло и съ фруктовыми садами. Въ Западномъ Краѣ вообще, а въ окрестностяхъ Гомеля, въ частности, — громадное количество фруктовыхъ садовъ, завоевавшихъ себѣ рынки въ столицахъ и славившихся своими фруктами, главнымъ образомъ яблоками и грушами. Здѣсь, благодаря климату и почвѣ, а также раціонально поставленному веденію садоводства, произрастаютъ всевозможные сорта яблокъ, отличающіеся, какъ хорошимъ нѣжнымъ вкусомъ, такъ и выносливостью къ перевозкѣ. Какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ вездѣ были частные фруктовые сады, образцово поставленные, приносившіе въ прежнее время громадный доходъ владѣльцамъ. Особенно большое количество ихъ было въ окрестностяхъ деревни Брилево. Въ настоящее время всѣ эти сады были отняты отъ прежнихъ владѣльцевъ и числились за Гомельскимъ Уземотдѣломъ, который раздавалъ ихъ въ пользованіе различнымъ Коммунистическимъ организаціямъ для эксплоатаціи. Получилъ въ этомъ году и Упродгубъ одинъ садъ въ самомъ городѣ, такъ называемый «Лисовскаго», и садъ у деревни Брилево, бывшій Мельникова. И что это была за эксплоатація!

Въ 1921 году былъ сравнительно небольшой урожай, такъ какъ ему предшествовалъ урожай 1920 года, и деревья въ этомъ году отдыхали, но тѣмъ не менѣе все-таки яблокъ было такое количество, что ихъ дѣвать было некуда. Прежде, когда эти сады были въ опытныхъ рукахъ хозяина, то онъ, предвидя урожай, заранѣе нанималъ рабочихъ, которые подъ его наблюденіемъ осторожно снимали

фрукты, сортировали, укладывали въ ящики и отправляли на желѣзную дорогу, для транспортированія на столичные рынки. Теперь-же урожай засталъ врасплохъ коммунистическую власть. Продавать ихъ было нельзя, такъ какъ въ то время продажи по коммунистическимъ декретамъ не могло быть, а дѣвать ихъ было некуда. И вотъ приказано было ихъ сушить съ тѣмъ, чтобы потомъ выдавать ихъ въ пайкѣ, какъ суррогатъ чая, но сушилокъ въ городѣ, приспособленныхъ къ этой цѣли, оказалось очень мало, и масса яблокъ сгнила. Самый сборъ фруктовъ производился крайне варварскимъ способомъ. Обыкновенно для этого красноармеецъ влѣзалъ на дерево и принимался усиленно его трясти: яблоки сыпались, какъ горохъ, и бились о землю и, конечно, впрокъ уже не годились. Это еще и не такъ важно, но крайне жалко было смотрѣть, какъ ломались при этомъ деревья.

Красноармейцы мало заботились о сохраненіи дерева и, на замѣчанія быть осторожными въ обращеніи съ ними, отвѣчали: «все равно вѣдь совѣтское». Конечно, масса фруктовъ расходилась по рукамъ, потому что завѣдывающему садомъ, чтобы соблюсти свои личные интересы, нужно было дать кое-что и служащимъ Упродгуба, тѣмъ болѣе, что начальникомъ Упродгуба приказано было отправить нѣсколько вагоновъ фруктовъ въ Москву въ подарокъ членамъ Реввоенсовѣта Республики, а также и въ штабъ фронта въ Смоленскъ. Въ концѣ концовъ, высушено яблокъ было очень мало, и кому они выдавались зимой — неизвѣстно, такъ какъ въ красноармейскій паекъ входила попрежнему вмѣсто чая жженая морковь.

Результаты же такой эксплоатаціи сказались на садѣ: осенью завѣдующій садомъ подалъ рапортъ о томъ, что необходимо вычистить садъ, вырубивъ въ немъ болѣе трехъ тысячъ яблонь, засохшихъ на корню. Осенью же понадобилась окопка деревьевъ, для чего былъ назначенъ нѣсколько разъ «субботникъ», но лучше бы его и не дѣлали: люди, совершенно не заинтересованные въ этой работѣ и согнанные на этотъ субботникъ противъ своего желанія и воли, окапывая деревья, только портили корни, и я думаю, что въ сезонъ 1922 года въ этомъ саду оказалось еще болѣе засохшихъ деревьевъ. Къ этому надо прибавить, что въ распоряженіи завѣдывающаго садомъ не было ни садоваго инструмента, ни опрыскивателей для уничтоженія вредителей деревьевъ, ни извести для обмазки ихъ. Тщетно онъ подавалъ объ этомъ рапорты въ теченіе осени и, наконецъ, зимой, готовясь къ веснѣ, но ничего не могъ добиться, такъ какъ денегъ на пріобрѣтеніе всего этого не отпускалось, да и купить-то не было гдѣ. Подобное безобразіе происходило также и во всѣхъ садахъ военсовхозовъ Упродгуба по губерніи, а также и въ другихъ огромныхъ садахъ Гомеля, принадлежащихъ Уземотдѣлу. Вездѣ имѣло мѣсто крайне хищническое веденіе хозяйства, которое вело къ полной разрухѣ и истребленію всего того, что съ такимъ упорнымъ трудомъ создавалось въ продолженіе десятковъ лѣтъ людьми, относившимися съ любовью къ этому дѣлу. Теперь же стояли у этого дѣла люди, ничего не понимающіе, ничѣмъ не заинтересованные и, слѣдовательно, смотрѣвшіе на него, какъ на «совѣтское». Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ специалистовъ, бывшихъ садовниковъ въ этихъ садахъ, что, если будотъ вестись такъ садовое хозяйство и впредь, то не больше какъ года черезъ два-три надо ожидать полной гибели фруктоваго садоводства въ губерніи.

Такъ велось хозяйство въ имѣніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Упродгуба. Моя служба инструктора-агронома заключалась, собственно говоря, въ томъ, чтобы ѣздить по имѣніямъ и составлять акты о неурожаѣ того или другого вида с. х. производства. Въ этихъ поѣздкахъ мнѣ приходилось сталкиваться съ работой въ имѣніяхъ или совхозахъ Уземотдѣла, и вездѣ была общая картина развала и расхищенія всего того, что еще хоть немного сохранилось отъ прежняго владѣльца. Вездѣ у дѣла стояли люди, совершенно съ нимъ незнакомые, невѣжественные, съ крайне растяжимой совѣстью, заботившіеся, главнымъ образомъ, о своемъ

карманѣ. Въ учрежденіяхъ сидѣло нѣсколько прежнихъ спеціалистовъ, мобилизованныхъ на эти должности совѣтской властью, но они были только пѣшками въ рукахъ комиссара учрежденія, по большей части молодого еврея, бывшаго при старомъ режимѣ мальчикомъ на побѣгушкахъ въ какой нибудь лавкѣ; теперь это была важная персона съ «наганомъ» на боку, говорившая много о контръ-революціи, саботажѣ буржуазіи, къ которой причислялись и эти голодные и нуждающіеся спецы, и рѣшенія котораго должны были приводиться безапелляціонно въ исполненіе. Конечно, эти спецы, хотя бы только для того, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, исполняли явно абсурдныя распоряженія комиссаровъ, и результатомъ этого являлась крайняя неразбериха. Надо замѣтить, что съ демобилизаціей арміи и сокращеніемъ ея, за штатомъ осталось много коммунистовъ, которымъ надо было дать мѣста. Люди эти были совершенно невѣжественны, едва грамотные, но у нихъ была заслуга передъ Совѣтской властью въ томъ, что каждый изъ нихъ въ свое время разстрѣлялъ или выдалъ въ руки Особаго Отдѣла В. Ч. К. нѣсколькихъ бѣлогвардейцевъ, офицеровъ или бандитовъ, и поэтому Совѣтская власть не могла оставить подобнаго человѣка безъ пайка и приличнаго содержанія тѣмъ болѣе, что коммунистическая партія требовала, чтобы во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ не положено было быть комиссарамъ, во главѣ стояли коммунисты, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что ея члены будутъ глазами и ушами Совѣтской власти и не допустятъ контръ-революціи. Такимъ образомъ, чтобы быть начальникомъ какого-либо совѣтскаго учрежденія, не надо быть спеціалистомъ какого-либо дѣла, надо быть только коммунистомъ, которому подчинены уже спецы. При такомъ порядкѣ положеніе спецовъ крайне не завидное; они должны унижаться передъ коммунистами, заискивать ихъ расположеніе и не расходиться съ ними во мнѣніяхъ, хотя бы это и противорѣчило ихъ знанію, опыту и совѣсти. Въ противномъ случаѣ, какъ бы ни былъ правъ спецъ, мнѣніе и желаніе начальника-коммуниста всегда восторжествуетъ, а спецъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть перемѣщенъ на худшее мѣсто, если не познакомится съ Чека, благодаря личной мести коммуниста. Даже если спецу и удастся доказать свою невиновность, то перспектива отсидѣть въ тюрьмѣ и въ застѣнкахъ Чека отъ 4—6 мѣсяцевъ, пока ведется о немъ слѣдствіе, голодая и рискуя получить тифъ, который тамъ не переводится, едва-ли это заставитъ такого спеца быть стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не поступиться ими въ состязаніи съ начальникомъ-коммунистомъ. Принимая-же во вниманіе, что всѣ, въ томъ числѣ и спецы, издерганы нервами и душой, что всѣ они, какъ и другіе, перенесли и переносятъ жестокую нужду, обременены семьями и въ поискахъ средствъ къ жизни должны прибѣгать къ взяткамъ, спекуляціи и даже хищенію казеннаго имущества, чѣмъ занимается теперь въ Совдепіи 99 процентовъ служащаго элемента, и что возможно для нихъ дѣлать сравнительно безнаказанно лишь только тогда, когда они живутъ въ согласіи съ коммунистами, то всякому понятно, что заставляетъ ихъ быть покорными исполнителями коммунистической воли и не противорѣчить, хотя бы самому абсурдному распоряженію. И вотъ получается картина, что съ одной стороны дѣло идетъ къ развалу потому, что оно ведется вопреки всякому здравому смыслу, а съ другой стороны — въ силу грандіозныхъ хищеній, взятокъ и спекуляціи.

Въ Совдепіи всѣ такъ къ этому привыкли, всѣ такъ нравственно опустились, что никто въ этомъ не видитъ ничего предосудительнаго и, обыкновенно, общественное мнѣніе попавшемуся въ этомъ высказываетъ не осужденіе, а сожалѣніе въ томъ, что данный субъектъ не умѣлъ спрятать концы въ воду.

Совѣтская власть борется съ этимъ явленіемъ жестокими мѣрами до разстрѣла включительно и, надо правду сказать, разстрѣливаются и коммунисты, но тѣмъ не менѣе побѣдить это зло она безсильна: вмѣсто одного разстрѣляннаго, появляются десятки новыхъ взяточниковъ, воровъ и спекулянтовъ, которыхъ плодится такъ много, которые такъ стараются преуспѣть, которые такъ торопятся сдѣлать это сегодня, что начинаетъ казаться, какъ будто сегодня по-

слѣдній день и завтра произойдетъ что-то такое, когда они это сдѣлать уже будутъ не въ состояніи. Однимъ словомъ, всѣ живутъ только сегодняшнимъ днемъ, а завтра — хоть потопъ.

XV.

Городъ Гомель, переименованный Совѣтской властью въ губернскій, былъ переполненъ всевозможными совѣтскими учрежденіями. Учрежденія эти были расположены въ національзированныхъ домахъ прежнихъ богачей, которые были или безжалостно выброшены на улицу, или въ свое время разстрѣляны, или же скрылись за границу. Однако, отъ этихъ особняковъ въ настоящее время остались однѣ только стѣны, такъ какъ все, что можно было только вытащить оттуда, своевременно было кѣмъ-то украдено и увезено въ разные города Россіи, до Москвы включительно. Совѣтскимъ учрежденіямъ въ настоящее время приходилось самимъ обзаводиться обстановкой, ибо реквизировать какую-либо мебель не было уже возможности: обыватель былъ ограбленъ до нитки. Поэтому въ учрежденіяхъ были кое-какіе самодѣльные столы и табуретки, которыхъ обыкновенно не хватало для служащихъ, и обыкновенно служебный день начинался съ того, что каждый служащій прежде всего принимался за розыски себѣ мѣста у стола и табуретки, на что шло довольно много времени, а потомъ уже за работу. Лучшіе дома-особняки прежнихъ владѣльцевъ въ городѣ, какъ-то: барона Нолькена, Лисовскаго, предводителя дворянства Стожа, гостиница «Савоя» Шаповича, домъ Маянца, домъ Виленскаго Банка и городской Думы были взяты аристократическими совѣтскими учрежденіями, какъ-то: Губревтрибуналомъ, Губчекой, Партійной школой, Исполкомомъ и Коммунистическимъ клубомъ, Губсовнархозомъ, Штабомъ дивизіи, Губкомомъ, Особымъ Отдѣломъ и т. д. Для меблировки этихъ учрежденій было собрано все, что еще не было отобрано у обывателя, причемъ указаніе и доставка мебели, отъ письменнаго стола, стула, постели и до граммофона включительно, была возложена на предсѣдателей Уличкомовъ, въ порядкѣ «боевого заданія». Послѣдніе, будучи выбранными изъ рядовой обывательской среды, должны были обходить дома и квартиры и описывать всю ту рухлядь, которая осталась отъ былого уюта, и просить, а иногда и требовать, чтобы обыватель отдалъ данную вещь, иначе будетъ непріятность имъ, а также и обывателю за неисполненіе боевого заданія.

Остальныя большія зданія города, какъ-то: бывшая мужская и женская гимназіи, коммерческое училище, семинарія, епархіальное училище, были отведены подъ казармы для войскъ, такъ какъ имѣющіяся въ городѣ казармы 160-го Абхазскаго полка стояли безъ оконъ, дверей и половъ, а другія зданія были обращены въ тюрьму Губчека, желѣзнодорожной Чека и Особаго Отдѣла. Въ огромномъ и спеціально выстроенномъ при прежнемъ режимѣ зданіи для мужской гимназіи помѣщалось Управленіе Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, а въ помѣщеніи семинаріи находился госпиталь, несмотря на то, что въ Ново-Бѣлицѣ, предмѣстьи Гомеля, находилось множество бараковъ, спеціально выстроенныхъ для этой цѣли прежней властью во время Великой войны. Помѣщеній же для учебныхъ заведеній, въ полномъ смыслѣ этого слова, не было, и они ютились въ тѣхъ реквизированныхъ домахъ, которые неудобны для совѣтскихъ учрежденій, т. е. иначе говоря, это были такіе дома, въ которыхъ жить было нельзя. Уже по одному этому можно себѣ представить, какъ шло обученіе дѣтей при такихъ условіяхъ.

Краса и гордость города Гомеля, знаменитый замокъ графа Паскевича Эриванскаго, стоявшій на высокомъ берегу рѣки Сожа, окруженный громаднымъ тѣнистымъ паркомъ, который по своей чистотѣ, планировкѣ и разновидности деревьевъ, а также и аллей, украшенныхъ мраморными статуями, могъ бы въ прежнее время смѣло конкурировать съ любымъ паркомъ Императорскихъ и

Великокняжескихъ дворцовъ въ окрестностяхъ Петрограда, въ настоящее время лежалъ въ развалинахъ. Отъ него сохранилась только башня и галлерея, соединявшая послѣднюю съ главнымъ зданіемъ. Историческій замокъ, принадлежавшій еще когда-то графу Румянцеву, вмѣщалъ въ себѣ массу художественныхъ картинъ, античныхъ вещей и стильной мебели. Все это накопилось въ теченіе долгихъ лѣтъ его прежними владѣльцами и представляло громадную художественную цѣнность. Замокъ, начиная съ 1917 года, много перенесъ: во времена Керенскаго въ немъ, конечно, поселился совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, пребываніе котораго нанесло неисправимый вредъ художественнымъ цѣнностямъ. Много вещей пропало, а помѣщеніе и мебель были загажены. Послѣ этого во времена Гетмана на Украинѣ, Гомель былъ отнесенъ къ послѣдней, и въ замкѣ помѣстился штабъ оккупаціонныхъ германскихъ войскъ. Нѣмцы художественныхъ цѣнностей не тронули, навели порядокъ, разставили вездѣ часовыхъ, доступъ въ замокъ «товарищамъ» былъ прекращенъ, и отъ нѣмцевъ пострадалъ только знаменитый погребъ винъ замка, который былъ ими распитъ.

Престарѣлая 86-лѣтняя владѣлица замка свѣтлѣйшая княгиня Паскевичъ, урожденная графиня Воронцова-Дашкова, проживала по смерти мужа зимой въ своемъ особнякѣ въ Петроградѣ на Галлерной улицѣ, а лѣтомъ въ Гомельскомъ замкѣ. Революція застала ее въ Петроградѣ. Незадолго до оккупаціи нѣмцами Гомеля она перебралась изъ Петрограда въ свою вотчину и здѣсь благополучно жила при нѣмцахъ. Съ уходомъ нѣмцевъ и съ паденіемъ власти гетмана она бѣжала въ Кіевъ и, въ настоящее время, всѣми оставленная, безъ средствъ вела жалкое существованіе. Княгиня, благодаря своей добротѣ и щедрой благотворительности, оставила добрую память по себѣ въ Гомелѣ и, находясь въ настоящее время въ Кіевѣ со своей камеристкой, которая одна ее не бросила, ютилась гдѣ-то въ комнатѣ, живя подъ чужой фамиліей и питаясь въ польской столовой. Помня ея доброту и отзывчивость къ бѣднымъ, вліятельные люди изъ еврейскихъ круговъ собирали въ еврейской общинѣ деньги и высылали ихъ камеристкѣ княгини, какъ бы въ видѣ дохода съ имѣнія, прибѣгая къ этой уловкѣ, чтобы не обидѣть самолюбія бѣдной старухи. Это было единственное пособіе, на которое кое-какъ жила въ Кіевѣ княгиня.

Съ уходомъ нѣмцевъ замокъ вновь перешелъ въ руки большевиковъ, и въ немъ помѣстился штабъ красныхъ войскъ. Въ 1919 году 25-го марта въ большевицкихъ частяхъ, расположенныхъ въ Гомелѣ, вспыхнуло извѣстное Стрыкопытовское возстаніе. Въ это время Совдепія была въ состояніи войны съ Польшей, хотя обѣ стороны къ активнымъ дѣйствіямъ не приступали. Поляки ограничились занятіемъ праваго берега Днѣпра и г. Рѣчицы, въ 40 верстахъ отъ Гомеля; построили тамъ позицію, изрѣдка обстрѣливая артиллерійскимъ огнемъ большевицкія части, расположенныя на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ Рѣчицы. Мостъ черезъ Днѣпръ былъ взорванъ. Большевики, не имѣя достаточнаго количества войскъ въ своемъ распоряженіи, не могли сбить поляковъ, да кромѣ того ихъ дальнѣйшему продвиженію впередъ препятствовало отсутствіе переправъ черезъ Днѣпръ, что не мѣшало, однако, полякамъ высылать свои разъѣзды и на лѣвый берегъ Днѣпра въ тылъ большевикамъ, какъ напримѣръ, до разъѣзда «Приборъ», лежавшаго въ 15 верстахъ отъ Гомеля. Въ большевицкихъ частяхъ тогда еще не было плотной спайки, дисциплина совершенно отсутствовала. Резервныя части, стоявшія въ Гомелѣ, большевицкимъ властямъ приходилось отправлять на позицію послѣ митинговъ, на которыхъ ораторы лѣзли вонъ изъ кожи, чтобы убѣдить красноармейцевъ защищать рабоче-крестьянскую власть отъ нападенія буржуевъ-поляковъ. Для усиленія количества войскъ подъ Рѣчицей, изъ Москвы перебрасывался въ мартѣ мѣсяцѣ 1919 года полкъ, почему-то прозванный впослѣдствіи обывателями Гомеля «интеллигентнымъ». Вѣроятно названіе это было присвоено ему потому, что этотъ полкъ былъ укомплектованъ преимущественно студентами и воспитанниками старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній г. Москвы по мобилизаціи и, слѣдовательно, былъ доста-

точно ненадеженъ въ смыслѣ вѣрности Р.С.Ф.С.Р. Этотъ полкъ, остановившись на ст. Гомель, по пути слѣдованія къ Рѣчицѣ, отказался ѣхать на позицію. Когда власть попробовала принять строгія мѣры, дабы привести его къ повиновенію, то въ полку вспыхнулъ уже настоящій бунтъ, при чемъ къ этому полку присоединилась большая часть войскъ Гомельскаго гарнизона, среди которыхъ велъ дѣятельную пропаганду нѣкто капитанъ Стрыкопытовъ, служившій въ одной изъ частей. Получилось уже настоящее Гомельское возстаніе, которое впослѣдствіи получило названіе «Стрыкопытовщины». Капитанъ Стрыкопытовъ сталъ во главѣ возставшихъ частей и объединилъ общее командованіе. Небольшая часть войскъ, остававшаяся вѣрной большевикамъ, ушла изъ города за рѣку Сожъ въ предмѣстье Ново-Бѣлицу. Въ гостиницѣ «Савоя», на Румянцевской улицѣ собрались всѣ большевицкіе дѣятели, захваченные врасплохъ возстаніемъ, и рѣшили обороняться при помощи батальона китайцевъ. Возставшіе съ вокзала «Гомель-Полѣсскій» открыли артиллерійскій огонь по гостиницѣ, причемъ сразу же оказались меткія попаданія. Послѣ небольшой артиллерійской подготовки, возставшіе штурмомъ взяли гостиницу «Савоя», перебили китайцевъ и комиссаровъ, и Стрыкопытовъ сдѣлался хозяиномъ положенія въ Гомелѣ.

Несмотря на кажущійся успѣхъ, это вспыхнувшее стихійно возстаніе, какъ и другія, ему подобныя, не имѣло въ концѣ концовъ почвы подъ ногами и было подавлено большевиками. Стрыкопытовъ, не имѣя ни съ кѣмъ связи, не могъ разсчитывать на подкрѣпленіе. Военныя силы у него таяли, ибо возставшіе красноармейцы стали расходиться по домамъ, а большевики стянули къ Ново-Бѣлицѣ порядочныя силы изъ Брянска и начали артиллерійскій обстрѣлъ города. Нѣсколько снарядовъ попало въ главное зданіе замка и произвело въ немъ пожаръ, отъ котораго онъ и сгорѣлъ. Стрыкопытовъ держался въ Гомелѣ около недѣли, но по мѣрѣ того, какъ большевики стали проявлять болѣе энергичныя мѣры къ наступленію на Гомель, все болѣе и болѣе терялъ своихъ единомышленниковъ, которые, какъ я уже выше сказалъ, или расходились по домамъ, или же просто перебѣгали къ большевикамъ, чуя конецъ возстанія. Наконецъ Стрыкопытовъ, оставшись съ небольшой горстью идейныхъ защитниковъ бѣлаго движенія, видя, что его дѣло прогораетъ, вышелъ изъ города и отошелъ благополучно къ Рѣчицѣ, гдѣ и перешелъ къ полякамъ. Характерно при этомъ то обстоятельство, что этому не воспрепятствовали тѣ большевицкія части, которыя были расположены на позиціи противъ поляковъ и черезъ которыхъ Стрыкопытовъ, казалось бы, долженъ былъ пробиваться. Большевики вошли въ Гомель и устроили пышныя похороны «жертвамъ революціи». Двадцать четыре комиссара, найденные убитыми въ гостиницѣ «Савоя», съ большой помпой были похоронены въ центрѣ города въ Гоголевскомъ скверѣ, который съ этого времени носитъ названіе уже не Гоголевскаго, а «скверъ 25 марта». На могилахъ погребенныхъ были поставлены гипсовые памятники съ обозначеніемъ фамиліи и званія погребеннаго. Я былъ въ этомъ скверѣ и читалъ надписи — все еврейскія фамиліи. Памятники развалились, могилы затоптаны и покрыты шелухой сѣмячекъ; не видно ни ухода, ни заботы о нихъ. Прошло всего два года, и совѣтская власть забыла тѣхъ, кто погибъ за нее.

Какъ я уже выше сказалъ, главное зданіе замка погибло отъ пожара, погибли въ немъ и вся обстановка и художественныя цѣнности. Во время пожара мало кто заботился о выносѣ ихъ изъ огня, и лишь случайно уцѣлѣвшія вещи были перенесены въ зданіе башни, которая уцѣлѣла отъ пожара, такъ какъ была соединена съ главнымъ зданіемъ только стеклянной галлереей. Уцѣлѣло точно также отъ пожара и противоположное башнѣ зданіе съ домовой церковью. Въ описываемое время въ немъ была расположена «Гомельская консерваторія», а въ лѣвомъ зданіи съ башней были расположены, въ покояхъ князя, художественныя и историческія вещи, бывшія тамъ ранѣе и случайно спасенныя отъ пожара, и все это получило названіе: «Художественно-историческаго музея имени Луначарскаго», что и спасло всѣ художественныя и историческія цѣнности отъ

дальнѣйшаго разграбленія. Это большая заслуга завѣдующаго музеемъ нѣкоего Маневича, еврея по національности, образованнаго человѣка, который своей энергіей отстоялъ художественныя цѣнности отъ разграбленія большевиками и сумѣлъ заинтересовать этимъ музеемъ во время центральную власть въ Москвѣ, которая, признавъ правильность доводовъ Маневича, назначила его завѣдующимъ музеемъ, выдавъ ему мандаты на неприкосновенность музея отъ посягательства какой-либо Гомельской мѣстной совѣтской власти и объявивъ этотъ музей государственной собственностью.

Для осмотра музея были назначены два дня въ недѣлю въ извѣстное время, причемъ поясненіе посѣщающимъ давалъ самъ Маневичъ. Публика очень охотно его посѣщаетъ, а особенно школы, причемъ, надо сказать правду, очень бережно относится къ вещамъ, расположеннымъ въ комнатахъ музея. Много, конечно, импонируетъ той части публики, у которой остались еще грабительскія наклонности, и заставляетъ ее сдерживать свои аппетиты названіе музея — «имени Луначарскаго». Я также побывалъ въ немъ. Это обширное зданіе, состоящее изъ башни въ четыре этажа, горделиво возвышающейся на высокомъ берегу р. Сожа. Первый этажъ, имѣющій нѣсколько большихъ комнатъ, былъ прежде личнымъ покоемъ князя и уставленъ весь предметами, относящимися къ жизни свѣтлѣйшаго князя фельдмаршала Паскевича-Эриванскаго. Здѣсь находятся два громадные хрустальные канделябра — подарокъ фельдмаршалу Императора Николая I, масса батальныхъ картинъ изъ его походовъ, портреты, какъ его самого въ различныхъ формахъ до мундира австрійскаго фельдмаршала включительно, такъ и Императоровъ и Императрицъ, начиная съ Петра Великаго; шатеръ персидскаго Шаха Абассъ-Мирзы, регаліи, коллекція монетъ, мундиры фельдмаршала, ордена и т. д. Здѣсь же стоитъ старая мебель работы извѣстныхъ мастеровъ Парижа, въ свое время выписанная оттуда фельдмаршаломъ. Между прочимъ, интересно отмѣтить отношеніе къ такимъ вещамъ Гомельскаго исполкома. Какъ я уже выше упомянулъ, совѣтскія учрежденія Гомеля въ послѣднее время были озабочены меблировкой своихъ помѣщеній, и вотъ Исполкомъ, обративъ вниманіе на мебель музея, постановилъ реквизировать ее для своихъ нуждъ. Не знаю, чѣмъ кончилась эта исторія, но Маневичъ всталъ на дыбы и заявилъ, что мебели этой онъ ни въ коемъ случаѣ не выдастъ и будетъ искать поддержки у центральной власти.

Второй и третій этажъ башни занятъ огромной библіотекой французскихъ книгъ, доходящей до 20 000 томовъ, между которыми есть очень рѣдкіе экземпляры; кромѣ того, здѣсь висятъ также батальныя картины походовъ фельдмаршала, а въ четвертомъ этажѣ находится довольно большая коллекція костей ископаемыхъ животныхъ, начиная отъ мамонта, найденныхъ въ свое время по берегамъ рѣки Сожа, чуть ли ни противъ замка. Все это содержится въ полномъ порядкѣ, регистрируется и охраняется благодаря Маневичу, который положительно влюбленъ въ свой музей, и надо отдать ему справедливость, что не будь его, все бы исчезло въ свое время безъ возврата.

Вокругъ замка расположенъ огромный паркъ, который въ прежнее время содержался съ исключительной заботливостью. Теперь же онъ находится въ полной запущенности. Гомельская публика, преимущественно совѣтскаго типа, избрала его своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ и, конечно, загадила его до неузнаваемости. Мраморныя статуи разбиты, дорожки завалены шелухой отъ сѣмячекъ, а лужайки истоптаны, несмотря на запрещеніе, оставшееся въ силѣ и при совѣтской власти, ходить по травѣ. Прудъ занесенъ пескомъ, и затянулся уже въ болото; отъ бывшихъ здѣсь лебедей остался только ихъ домикъ. Громадныя оранжереи, въ которыхъ культивировались персики, абрикосы и виноградъ, зіяютъ разбитыми стеклянными крышами, и все, что раньше въ нихъ росло, погибло зимой отъ морозовъ. Въ противоположномъ концѣ парка находится усыпальница князей Паскевичъ. Она представляетъ собой большую часовню, построенную изъ отшлифованнаго финляндскаго гранита въ русско-

византійскомъ стилѣ. Подъ часовней находится обширный склепъ, въ которомъ находится прахъ фельдмаршала, его жены и дѣтей, и между ними лежитъ и послѣдній усопшій князь, владѣлецъ замка.

Лѣтомъ 1921 года въ Гомелѣ ходилъ слухъ, возмущавшій жителей, о томъ, что чекисты открыли склепъ и сняли съ труповъ всѣ вещи, представлявшія цѣнность и между прочимъ у послѣдняго князя отрѣзали голову для того, чтобы легче было снять какой-то шейный орденъ, съ которымъ онъ былъ погребенъ.

Около башни замка противъ окна кабинета князя стоитъ громадная конная статуя польскаго короля Понятовскаго, работы Торвалдсена, вывезенная какъ трофей изъ Варшавы фельдмаршаломъ. Въ городѣ говорили, что въ связи съ Рижскимъ договоромъ большевикамъ придется возвратить полякамъ этотъ памятникъ. И дѣйствительно передъ моимъ отъѣздомъ изъ Гомеля въ февралѣ мѣсяцѣ 1922 года въ Гомель прибыла депутація изъ Польши за памятникомъ въ составѣ двухъ ксендзовъ и двухъ гражданскихъ лицъ.

Паркъ еще былъ замѣчателенъ обиліемъ соловьевъ, которые наполняли своимъ пѣніемъ всѣ аллеи, но думаю, что въ недалекомъ будущемъ и они тоже исчезнутъ, такъ какъ ихъ перетаскиваютъ на кормъ своихъ птенцовъ грачи, которыхъ въ паркѣ поселилось уже громадное количество. Въ Гомелѣ и его окрестностяхъ вообще много грачей, но прежде садовники строго слѣдили за тѣмъ, чтобы грачи не селились въ паркѣ, разоряя ихъ гнѣзда и даже стрѣляя по нимъ. Отсутствіемъ грачей и объясняется такое количество соловьевъ въ паркѣ. Въ настоящее время никакихъ садовниковъ нѣтъ, и всѣ аллеи парка унизаны гнѣздами грачей, которые, къ тому же, приносятъ вредъ деревьямъ, ломая сучья, отъ чего деревья сохнутъ и, если такъ пойдетъ дальше, то и парку грозитъ уничтоженіе, неизбѣжное при большевицкой власти. Одна надежда на Маневича, который, какъ говорятъ, предполагалъ съ наступленіемъ весны 1922 года забрать паркъ въ свои руки, повѣсить замки на ворота, привести паркъ въ порядокъ и впускать туда публику только за плату съ благотворительной цѣлью, въ извѣстные дни, какъ это было прежде при владѣльцѣ.

Огромное имѣніе княгини Паскевичъ, доходившее до 80 000 десятинъ земли, большей частью покрытое лѣсомъ, лежало втунѣ, такъ какъ хозяйство въ экономіяхъ велось тѣмъ же варварскимъ способомъ, о которомъ я упоминалъ выше. Извѣстная бумажная фабрика въ Добрушѣ, дававшая въ прежнее время милліонные доходы, въ настоящее время еле влачила существованіе, такъ какъ не было, ни спеціалистовъ, ни сырья, а рабочіе, хотя и находились теперь уже на совѣтской службѣ въ государственномъ предпріятіи, но постоянно бастовали, своевременно не получая жалованія.

Лѣсничества, которыхъ было пять, тоже находились въ полномъ упадкѣ, такъ какъ крестьяне за 1918—19 года, вырубившіе массу лѣса, самовольно и, конечно, безъ соблюденія лѣсоохранительныхъ законовъ, въ настоящее время продолжали эти порубки, валя строевой лѣсъ на дрова, цѣна на которыя зимой въ городѣ поднялась до необычайныхъ размѣровъ. Хотя совѣтская власть мобилизовала всѣхъ прежнихъ лѣсничихъ, а также и лѣсниковъ, и вернула ихъ на прежнія мѣста, приказавъ имъ препятствовать самовольнымъ порубкамъ, но это мало помогало теперь дѣлу. Сторожа, боясь краснаго пѣтуха, а то и убійства, которое такъ возможно въ настоящее время, дѣлали лишь робкія попытки къ составленію протоколовъ на порубленный лѣсъ. Съ другой стороны губернскій лѣсоотдѣлъ, во главѣ котораго стояли безграмотные въ этомъ дѣлѣ коммунисты, давая наряды на заготовку лѣса для шпалъ и дровъ, для нуждъ желѣзной дороги и отопленія совѣтскихъ учрежденій въ Гомелѣ, не считался съ планомъ рубки лѣса, который составляется на десятилѣтія и, такъ какъ въ настоящее время уже всѣ участки, подлежащіе вырубкѣ въ этомъ году, были использованы, отдалъ приказаніе рубить тотъ лѣсъ, который, собственно говоря, можно было бы рубить только черезъ 10—20 лѣтъ. Въ 1919—20 г.г. были сформированы лѣсозаготовительныя дружины изъ мобилизованныхъ солдатъ старшихъ

возрастовъ. Эти дружины въ свое время вырубили много лѣса, но онъ остался почти не использованнымъ по своему назначенію, такъ какъ, во-первыхъ, вывезти его было не на чемъ, а во-вторыхъ, смѣтливые люди перепродали его спекулянтамъ, и отъ него въ настоящее время не осталось и слѣдовъ. Нужда же въ топливѣ на желѣзныхъ дорогахъ была огромная, и поэтому совѣтская власть отдавала приказанія рубить какой ни есть лѣсъ, лишь бы поближе къ желѣзной дорогѣ.

Лѣсная дичь, водившаяся въ большомъ количествѣ въ лѣсахъ княгини Паскевичъ, въ настоящее время исчезла почти вся. Погибли дикія козы, лоси, кабаны, а также и бережно охраняемый въ прежнее время бобръ, для котораго былъ созданъ заповѣдный участокъ въ лѣсничествѣ около дер. Терешковичи по р. Сожу. Въ періодъ 1918—19 г.г. все это безпощадно истреблялось крестьянами. За то въ настоящее время развелось необыкновенное количество волковъ, которые сдѣлались бичомъ для крестьянскаго населенія. Въ ноябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ постоянно приходилось слышать разсказы о нападеніи волковъ не только на скотъ, но и на людей. Даже подъ самымъ Гомелемъ на окраинахъ города были случаи, когда волки подходили къ самымъ окнамъ. Мнѣ самому пришлось видѣть волка въ полуверстѣ отъ городской черты, который грызъ трупъ павшей лошади. Въ это время въ воинскихъ частяхъ былъ большой надежъ отъ безкормицы, и трупы ихъ по небрежности не закапывались, а просто вывозились за черту города и тамъ бросались. Это, конечно, привлекало голодныхъ волковъ, тѣмъ болѣе, что стрѣлять ихъ было некому и нечѣмъ. Къ этому времени винтовки у населенія были уже отобраны, а у солдатъ хотя и были, но за то не было патроновъ.

На окраинѣ города, по Могилевскому шоссе, были расположены огромныя помѣщенія Земско-городского союза, выстроенныя во время Великой войны. Здѣсь были мастерскія, фабрики и заводы, работавшіе на западный фронтъ. Въ настоящее время все это было закрыто, и на огромной территоріи Земско-городского городка не видно было ни одной живой души. Все это рушилось и растаскивалось на дрова окрестными жителями, а также и воинскими частями, расположенными въ городѣ, которыя зимой мерзли отъ холода. За Полѣсскимъ вокзаломъ былъ расположенъ интендантскій городокъ, построенный также во время Великой войны. Здѣсь также были когда-то громадные сараи, вмѣщавшіе въ себѣ интендантское имущество — базы западнаго фронта. Въ настоящее время не только отъ имущества, но и отъ сараевъ не осталось и слѣда.

Еще осенью 1920 года, когда я былъ первый разъ въ Гомелѣ, была назначена совѣтской властью ревизія интендантскаго городка. За день до ревизіи главные склады, въ которые въ свое время было перенесено имущество изъ другихъ сараевъ, сгорѣли, и этимъ дѣло кончилось, хотя въ городѣ усиленно ходили слухи о поджогѣ, чтобы скрыть слѣды расхищенія. Оставшіеся пустые сараи были разобраны воинскими частями частью на дрова, частью на оборудованіе тѣхъ домовъ подъ казармы для войскъ, которые были отведены воинскимъ частямъ за ненадобностью ихъ для привилегированныхъ совѣтскихъ учрежденій. Такимъ образомъ, пропало большой цѣнности имущество — и зданія Земско-городского союза и интендантства, которыя при другой власти могли быть использованы съ большой пользой для нуждъ государства.

XVI.

Я пріѣхалъ вторично въ Гомель весною 1921 года, въ то время, когда о Нэпѣ еще ничего не было слышно. Тогда еще оставалось въ силѣ ученіе коммунистовъ о вредѣ свободной торговли, о безплатномъ пользованіи государственными предпріятіями, какъ-то: желѣзными дорогами, трамваями, пароходами, водопроводомъ и т. д.. На митингахъ все еще продолжали болтать о томъ.

что въ соціалистическомъ государствѣ деньги не нужны и скоро ихъ совсѣмъ отмѣнятъ, — какъ бы утѣшая этимъ слушателей, которые жаловались на паденіе рубля, — и что каждый трудящійся человѣкъ будетъ получать все, что хочетъ, изъ государственныхъ складовъ по трудовой книжкѣ, въ которую будетъ записано, сколько часовъ онъ проработалъ въ день, и, соотвѣтственно съ этимъ, ему будетъ выдано столько товару, сколько онъ заработалъ. При этомъ обыкновенно добавлялось, что рабочихъ часовъ въ день будетъ очень мало, а выдача за рабочій часъ будетъ очень большая. На агитпунктахъ, которые были устроены повсюду, приходилось слушать и еще болѣе глупыя вещи, но обыкновенно эти глупости большого успѣха не имѣли. Аудиторія только недовѣрчиво покачивала головой, но оппонентовъ не находилось, такъ какъ это было рискованно: можно было по окончаніи митинга познакомиться съ Чека.

Въ то время въ Гомелѣ все было безплатно. Были безплатныя столовыя, въ которыхъ ѣсть не давали, объясняя невыдачей продуктовъ; были безплатныя парикмахерскія, гдѣ нельзя было ни стричься, ни бриться, хотя парикмахеры и были на жалованіи у городской коммуны, но жалованіе это было такъ ничтожно, что парикмахеры даромъ не стригли и не брили, объясняя свой отказъ отсутствіемъ «общественнаго» инструмента, «а ежели съ нашимъ инструментомъ, то пожалуйте денежки». Былъ государственный оркестръ, собранный изъ всѣхъ музыкантовъ города Гомеля, обязанныхъ играть по приказу исполкома, но онъ впослѣдствіи распался. Очень плохо обстоялъ вопросъ съ банями, которыя тоже были объявлены безплатными, но фактически для населенія не существовали. Обѣ бани на Милліонной и на Фельдмаршальской улицѣ были въ свое время реквизированы у владѣльцевъ для нуждъ войсковыхъ частей. Отъ этой реквизиціи бани сильно пострадали: печи, трубы, водопроводъ были испорчены, такъ какъ обращеніе было самое варварское и, хотя въ настоящее время бани были переведены въ коммунальное хозяйство, но ремонтировать ихъ было некому и нечѣмъ, и они стояли закрытыя. Населеніе вшивѣло, такъ какъ мало было счастливцевъ, которые могли попасть въ баню, сохранившуюся гдѣ-нибудь въ усадьбѣ на окраинѣ города, построенную владѣльцемъ для себя. Базары все еще разгонялись, а самое мѣсто базара я при второмъ прибытіи въ Гомель не узналъ: всѣ постройки на немъ были снесены, и онъ представлялъ пустую площадь, тогда какъ въ прошломъ году здѣсь еще стояли лавки и постройки для торговли.

Впервые попытки къ свободной торговлѣ въ Гомелѣ были сдѣланы въ Троицынъ день, въ 20-хъ числахъ іюня. Въ это время уже въ Москвѣ было рѣшено перейти къ Нэпу, но открыто объ этомъ еще не высказывалось. И вотъ въ Троицынъ день въ Гомелѣ прежде всегда была ярмарка, продолжавшаяся 3 дня, на которую съѣзжалась масса окрестныхъ крестьянъ. Къ этому времени начали строить на площади базара балаганъ, въ которомъ на полкахъ стали раскладывать мануфактуру и скобяной товаръ союзы кооперативовъ. Крестьяне, по обычаю, въ этотъ день пріѣхали на базаръ и, увидѣвъ съ удивленіемъ въ балаганѣ такіе рѣдкіе въ настоящее время предметы, осторожно и робко, опасаясь какого-либо подвоха, стали узнавать, въ чемъ тутъ дѣло. Оказалось, что здѣсь можно вымѣнять мануфактуру, гвозди, желѣзо на рожь, пшеницу, ячмень, овесъ и сало, а если этихъ предметовъ и нѣтъ, то можно купить и за деньги. Дѣло пошло ходко и коопсоюзъ торговалъ на славу. Потомъ замѣтили, что болѣе недѣли не разгоняли базаръ. Далѣе нѣсколько смѣлыхъ евреевъ открыли лавченки, торгуя всякой дрянью. Вскорѣ пришло извѣстіе, что безплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ прекращенъ и что теперь надо становиться въ очередь у кассы и покупать билеты. Нѣсколько одурачонныхъ на митингахъ чудаковъ, слѣпо вѣрившихъ ораторамъ, попробовали заикнуться, «что, молъ, какъ же это такъ, вѣдь говорили, что все безплатно», но имъ Чека заткнула глотку. Такимъ образомъ «Нэпъ» появился въ Гомелѣ, и все пошло по новому: открылись магазины, конечно, не прежніе, а нищенски-спекулянтскіе, рестораны,

въ которыхъ появились евреи-музыканты, разбѣжавшіеся изъ «государственнаго оркестра»; безплатныя столовыя закрылись; открылись бани, сданныя въ аренду городской коммуной, и за 15 000 рублей можно было уже постричься и побриться въ парикмахерской, не встрѣчая отказа. На улицахъ поражало глазъ обиліе такъ называемыхъ «парфюмерокъ». Это были, собственно говоря, аптекарскіе магазины, но, конечно, въ мизерномъ видѣ; товаръ въ нихъ былъ контрабандный изъ Польши, но за то въ нихъ можно было достать все изъ парфюмеріи, а главное, что было очень цѣнно, здѣсь можно было достать, конечно, тихонько и лѣкарства, тогда какъ ихъ въ аптекахъ, со времени національизаціи и перехода въ совѣтскія руки, достать не было никакой возможности, и въ то тяжелое время, до «Нэпа», больному обыкновенно приходилось слышать отъ врача, что «рецептъ-то я вамъ пропишу, но лѣкарство въ аптекѣ вы все равно не достанете». Съ «Нэпомъ» національизированныя аптеки вели жалкое существованіе, и уже ходили слухи, что ихъ исполкомъ тоже будетъ сдавать въ аренду прежнимъ владѣльцамъ, между тѣмъ въ то же время еще не разрѣшали открывать аптекарскіе магазины; но изъ этого положенія смѣтливые гомельскіе евреи легко вышли: они открыли «парфюмерки».

Базары стали торговать открыто; на нихъ среди всякаго хлама появились и предметы, необходимые населенію. Почти все это была контрабанда изъ Польши, перекупаемая спекулянтами въ Минскѣ, который благодаря близости къ границѣ пріобрѣлъ громадное значеніе въ торговлѣ Бѣлоруссіи. Такъ продолжалась «нэповская» торговля въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ, но въ сентябрѣ мѣсяцѣ уже для «свободной торговли» начались стѣсненія, которыя тотчасъ же отразились на повышеніи цѣнъ. Для того, чтобы имѣть право торговать, хотя бы весь товаръ находился на рукахъ, нужно было купить въ исполкомѣ билетъ на право торговли, причемъ цѣна этого билета была очень большая, а самъ билетъ былъ дѣйствителенъ только на одинъ мѣсяцъ; въ слѣдующій же мѣсяцъ цѣна возрастала въ нѣсколько разъ болѣе предыдущаго. Помимо этого такъ называемаго «государственнаго сбора», торговцевъ облагали всякими сборами всѣ, кому было только не лѣнь изъ представителей совѣтской власти.

Въ это время у совѣтской власти были особенно въ модѣ «недѣли». Такъ напримѣръ, была объявлена «недѣля помощи голодающимъ Поволжья», которая продолжалась четыре недѣли; вслѣдъ за тѣмъ была объявлена «недѣля улучшенія матеріальнаго положенія красноармейцевъ», «недѣля школы» и т. п. Всѣ эти «недѣли» обыкновенно ознаменовывались вымогательствомъ, соединеннымъ съ угрозами, у населенія денегъ, вещей, носильнаго бѣлья, обязательствомъ купить лотерейные билеты на устраиваемыхъ большевиками гуляніяхъ, при этомъ послѣдніе не стѣснялись въ средствахъ. Такъ какъ эти гулянія посѣщались праздношатающимися красноармейцами и коммунистической молодежью изъ молодыхъ евреевъ, а у этой публики не было ни желанія, ни средствъ покупать билеты лотереи, то большевики прибѣгали къ слѣдующему средству: вызывали предсѣдателей уличкомовъ, раздавали имъ лотерейные билеты и обязывали ихъ въ трехдневный срокъ внести деньги за нихъ. Предсѣдателямъ разговаривать много не приходилось, и они обходили всѣ дома въ своемъ районѣ и предлагали по разверсткѣ на каждую семью купить у нихъ извѣстное число билетовъ, предупреждая, что въ случаѣ отказа данное лицо будетъ объявлено контръ-революціонеромъ и будетъ имѣть дѣло съ Губчекой. Конечно, при такомъ заявленіи ничего не оставалось дѣлать, какъ купить эти билеты, часто даже занимая для этого деньги. Мнѣ пришлось также заплатить тысячу рублей за такой билетъ. Кромѣ того, на все время этихъ «недѣль» Гомельскій губисполкомъ устанавливалъ принудительный сборъ въ размѣрѣ отъ 25 до 50% стоимости проѣздныхъ билетовъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, а также за перевозку багажа и товара въ предѣлахъ Гомельской губерніи. Болѣе всего при этомъ облагались торговцы, которые, не успѣвъ внести одинъ налогъ, получали повѣстку на другой. Ко всему этому служащіе со своего скуднаго со-

держанія должны были, согласно постановленію исполкома, вносить 10% отъ своего жалованія въ пользу «недѣль». У въѣзда въ городъ были устроены заставы, на которыхъ надо было купить билетъ на право въѣзда въ городъ, при чемъ не дѣлалось различія между крестьяниномъ, который ѣхалъ туда продавать или покупать что-либо. Всѣ эти поборы страшно взвинтили цѣны на предметы первой необходимости, и измученное и обнищавшее населеніе не имѣло возможности пріобрѣтать что-либо для себя.

Въ началѣ 1922 года аппетиты совѣтскихъ властей по наложенію всякихъ сборовъ на торговцевъ разыгрались настолько, что послѣдніе не могли дальше вести свое дѣло и начали закрывать свои предпріятія. Въ послѣднихъ числахъ февраля передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Гомеля на Румянцевской улицѣ передъ зданіемъ финотдѣла, помѣщавшемся въ зданіи бывшаго Сѣвернаго банка, я видѣлъ толпу болѣе 2 000 человѣкъ, которая состояла изъ торговцевъ всевозможныхъ видовъ, принесшихъ свои торговыя свидѣтельства съ отказомъ отъ торговли на будущее время, въ виду невозможности ее вести, вслѣдствіе сильныхъ поборовъ. Толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ евреевъ, была нервно настроена, жестикулировала, шумѣла и волновалась, оцѣпленная конными красноармейцами стоящей въ Гомелѣ XI-й кавдивизіи, со стороны которыхъ шла отборная площадная ругань по адресу толпы. Сновали милицейскіе и красовался гордо на конѣ начальникъ губернской милиціи Фернебокъ. Недоставало только конныхъ жандармовъ и казаковъ, да красноармейцы были рваные, а то была бы полная картина прежняго «произвола полиціи», а не свободнаго митинга при рабоче-крестьянской власти. Я поспѣшилъ благоразумно удалиться и не знаю, чѣмъ кончилось дѣло, такъ какъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ Гомеля, но въ Петроградѣ читалъ въ «Петроградской Правдѣ» телеграмму о томъ, что въ Гомелѣ забастовали торговцы.

Не могу не вспомнить горячихъ жалобъ извѣстнаго въ Гомелѣ булочника, который горько жаловался на то, что онъ повѣрилъ совѣтской власти и съ появленіемъ «Нэпа» открылъ свое прежнее дѣло.

«Вы подумайте только, какъ я попалъ впросакъ, какъ я оказался глупъ, повѣривъ совѣтской власти. Я повѣрилъ совѣтской власти, я, котораго въ нашей еврейской средѣ считаютъ настолько умнымъ, что даже со мной совѣтуются раввины! Пришелъ «Нэпъ», надо какъ-нибудь жить. У меня большая семья, которую надо содержать, раньше были деньги, имущество, все это у меня отобрали, какъ у буржуя, и вотъ я рѣшилъ снова работать. Для открытія дѣла мнѣ нужно было 20 000 000 рублей, и я, доставъ ихъ подъ громадные проценты, такъ какъ вы сами знаете, какіе теперь берутъ, началъ дѣло. Вы сами знаете, съ какими трудностями теперь можно достать муку въ такомъ количествѣ, чтобы открыть булочную. Сколько надо заплатить за провозъ, сколько денегъ затратить на взятки, но все это я продѣлалъ, дѣло вѣрное, нужда въ моемъ товарѣ у населенія большая, и мнѣ казалось, что я наживу деньги. При самомъ открытіи пекарни я уже наткнулся на затрудненія: оказалось, что рабочихъ я могу нанять только черезъ профсоюзъ, который на мое заявленіе, послѣ нѣкоторой волокиты, прислалъ ихъ мнѣ, но не тѣхъ, которыхъ мнѣ нужно было. Такъ, напримѣръ, вмѣсто булочниковъ и кондитеровъ прибыли хлѣбопеки чернаго хлѣба. Когда же я заявилъ, что они мнѣ не нужны, профсоюзъ отвѣтилъ, что я долженъ держать тѣхъ мастеровъ, которые состоятъ въ профсоюзѣ и что другихъ я не получу, а этимъ долженъ платить жалованіе, хотя бы я въ нихъ и не нуждался. Со стороны же, помимо профсоюза, взять кого-либо я не имѣю права. Пришлось самому стать на работу, чтобы кое-какъ на скорую руку обучить этихъ мастеровъ печь булки и дѣлать пирожныя. Все это, конечно, отрывало меня отъ организаціи дѣла и хлопотъ по пріобрѣтенію кліентовъ. Открылъ я дѣло въ октябрѣ мѣсяцѣ, заплатилъ за право торговли три милліона за одинъ мѣсяцъ, больше не принимали, такъ какъ было заявлено, что неизвѣстно, какая цѣна будетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Въ ноябрѣ заплатилъ

шесть милліоновъ, въ декабрѣ десять, въ январѣ пятнадцать, а вотъ теперь въ февралѣ получилъ увѣдомленіе, что долженъ внести тридцать милліоновъ. Помимо этихъ государственныхъ сборовъ, сколько я внесъ милліоновъ по приказу Губисполкома, когда были разныя «недѣли». Теперь у меня нѣтъ тридцати милліоновъ, но тѣмъ не менѣе я могъ бы ихъ достать и внести, если бы у меня была увѣренность въ томъ, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ цѣна за право торговли опять не повысится, а уже тогда я не буду въ состояніи внести эту новую сумму, и поэтому мнѣ приходится закрывать свою торговлю, неся убытки, такъ какъ кромѣ вымогательствъ отъ совѣтской власти я ничего не вижу, и мнѣ грозитъ разореніе. Нѣтъ, при совѣтской власти нельзя торговать, можно только спекулировать, и я на этомъ попался».

Съ «Нэпомъ» въ Гомелѣ появилась масса ресторановъ, въ которыхъ можно было получить открыто 20% вино, разрѣшенное къ продажѣ совѣтской властью, а изъ подъ полы сколько угодно спирту. Конечно, все это за баснословно дорогую цѣну; тѣмъ не менѣе рестораны, особенно къ вечеру, были всегда переполнены. Здѣсь кутила новая совѣтская аристократія: нэпманы, чекисты, коммунисты воинскихъ частей и разныхъ совѣтскихъ учрежденій; играла музыка, лилось вино рѣкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же происходили аресты агентами Чека, — часто даже по собственной инниціативѣ, — а иногда бывала револьверная перестрѣлка между пьяными. Чтобы не закрыли ресторанъ, содержателю приходилось платить громадныя деньги, помимо тѣхъ колоссальныхъ поборовъ, которыми облагались рестораны за право торговли и на всевозможныя пожертвованія въ пользу голодающихъ въ Поволжьи, на улучшеніе быта красноармейца и т. п. Тѣмъ не менѣе число ресторановъ въ Гомелѣ быстро увеличивалось. Главная приманка для посѣтителей, конечно, былъ спиртъ и самогонъ.

Спиртъ добывался, главнымъ образомъ, съ ректификаціоннаго завода, находящагося въ предмѣстьи Гомеля Ново - Бѣлицѣ. Этотъ заводъ функціонировалъ и въ прежнее время, принадлежа нѣкоему Гуревичу, Гомельскому милліонеру. Въ періодъ захвата власти большевиками, Гуревичъ, какъ и остальные буржуи, былъ основательно пощипанъ, сидѣлъ въ тюрьмахъ Чека, но какимъ - то образомъ остался живъ. Заводъ его уцѣлѣлъ отъ разграбленія, и большевики въ началѣ 19-го года, еще до введенія «Нэпа», рѣшили его открыть, такъ какъ имъ былъ нуженъ спиртъ «для техническихъ и медицинскихъ цѣлей». Гуревича выпустили изъ тюрьмы, мобилизовали и назначили управляющимъ его собственнымъ заводомъ, какъ спеца. Дѣло пошло хорошо, добывался чистый спиртъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добывали этотъ спиртъ съ завода нелегальнымъ путемъ спекулянты, которые поставляли его въ рестораны, а также и продавали частнымъ лицамъ въ Гомелѣ. Дѣло было доходное, такъ какъ спекулянты брали большія деньги за спиртъ, но и хищенія на заводѣ были тоже большія. Тамъ спиртъ воровали всѣ, кто хотѣлъ, изъ служащихъ и рабочихъ. Занимался, если не воровствомъ, то во всякомъ случаѣ попустительствомъ къ этому и самъ Гуревичъ, такъ какъ это было куда прибыльнѣе и доходнѣе, чѣмъ одно нищенское жалованье управляющаго завода. Въ концѣ концовъ, онъ по доносу въ Чека, очевидно, не подѣлившись съ кѣмъ - то доходами, въ октябрѣ 1921 года былъ арестованъ и посаженъ въ Гомельскую тюрьму. Слѣдствіе по его дѣлу шло что - то очень долго, говорили, что съ него спрашивали взятку въ восемьдесятъ милліоновъ, чтобы потушить его дѣло, но онъ не давалъ, и въ февралѣ 1922 года, когда я уже уѣхалъ изъ Гомеля, онъ еще все сидѣлъ въ тюрьмѣ. Однако, съ арестомъ Гуревича и съ назначеніемъ на его мѣсто коммуниста «добыча» спирта съ завода спекулянтами по прежней системѣ не прекратилась. Только спиртъ поднялся въ цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1921 года бутылка очищеннаго спирта стоила 50—60 тысячъ, а въ февралѣ 1922 года она дошла до 800 000 рублей.

Кромѣ спирта у тѣхъ же спекулянтовъ всегда можно было достать и самогонъ, который они пріобрѣтали у окрестныхъ крестьянъ, цѣна котораго поднялась съ трехъ тысячъ до ста за бутылку. Самогонъ гнался крестьянами

первобытнымъ способомъ, но въ огромномъ количествѣ по всей Гомельской губерніи и особенно на хуторахъ, гдѣ вырабатывать его было сравнительно безопаснѣе, чѣмъ въ деревнѣ, за отсутствіемъ сосѣдей, а слѣдовательно и доноса властямъ. Почти въ каждой деревнѣ Гомельскаго уѣзда стояли конныя части XI-ой кавдивизіи, и присутствіе ихъ обыкновенно стѣсняло самогонщиковъ, на хуторахъ же, которые, въ виду своей разбросанности, были свободны отъ постоя войскъ, гнать самогонъ было удобнѣе. Но все-таки и деревня не особенно отставала въ этомъ дѣлѣ, хотя самогонщикамъ и приходилось тратиться на взятки коммунистамъ ячеекъ эскадроновъ для избѣжанія доноса. Самогонъ дѣло прибыльное для крестьянина, а если принять во вниманіе, что въ прежнее время въ деревнѣ было сильно развито шинкарство, то теперь люди опытные въ этомъ дѣлѣ зарабатывали большія деньги.

Съ окончаніемъ полевыхъ работъ, а особенно къ Рождественскимъ праздникамъ въ каждой деревнѣ и хуторѣ была приготовлена масса самогона, какъ для продажи, такъ и для собственнаго потребленія. Мнѣ приходилось, при разъѣздахъ по имѣніямъ въ качествѣ агронома-инструктора, часто заночевывать въ пути на хуторахъ. Сначала встрѣчали въ первый разъ обыкновенно недружелюбно, какъ совѣтскаго служащаго, но когда послѣ разговора хозяинъ выносилъ заключеніе, что не сочувствуешь большевикамъ, да еще узнавали, что я бывшій офицеръ, тонъ обыкновенно мѣнялся, и хозяинъ просилъ поужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Появлялось на столѣ жареное сало, картофель, борщъ, самогонъ, и дружеская бесѣда затягивалась далеко за полночь. При слѣдующемъ же посѣщеніи, принимали уже какъ своего человѣка и обязательно угощали самогономъ. Въ деревнѣ пьютъ теперь такъ, какъ не пили въ прежнее время, когда существовали казенки; пьютъ всѣ: и старый, и малый. Пьянство тяжелое, нездоровое: отъ самогона болитъ голова и разстраивается желудокъ, но тѣмъ не менѣе это теперь единственная утѣха для мужика. На Рождествѣ 1921 года въ Гомелѣ ходили разсказы о гомерическихъ попойкахъ въ деревняхъ.

ДОКУМЕНТЫ

ОЧЕРКЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЙ ВООРУЖЕННЫХЪ СИЛЪ ЮГА РОССІИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКАГО КОМАНДОВАНІЯ*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Добровольческая Армія, непосредственная преемница нѣкогда грозной Русской вооруженной силы, выдержавшей долгую и упорную борьбу съ сильнымъ врагомъ, отвергла всякую мысль о соглашеніи съ прежнимъ противникомъ, оставаясь вѣрной до конца всѣмъ договорамъ съ Союзными Державами.

Въ серединѣ апрѣля 1918 года, послѣ окончанія перваго Кубанскаго похода, когда германцы заняли Ростовъ и другіе пункты Донской области, а Добровольческая Армія сосредоточилась въ раіонѣ юго-восточнѣе Ростова, вопросъ объ отношеніи къ нѣмцамъ, находившимся въ столь близкомъ сосѣдствѣ, сталъ особенно острымъ. Всѣ попытки германцевъ войти въ переговоры съ Командованіемъ Добровольческой Арміи были категорически отвергнуты, несмотря на то, что этими отказами Армія закрывала себѣ пути къ полученію до нельзя необходимыхъ ей боевыхъ припасовъ.

Позднѣе, высшее германское командованіе въ лицѣ своего представителя при Донскомъ Атаманѣ — Маіора Кохенгаузенъ, тоже неоднократно пыталось завязать сношенія. Не находя отклика со стороны Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, Маіоръ Кохенгаузенъ по одному изъ вопросовъ обратился уже съ ультимативнымъ требованіемъ къ Командованію Добровольческой Арміи, которое также было оставлено безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ занятіемъ Грузіи и Сочинскаго округа, и съ этой стороны началось давленіе на Добровольческую Армію. Дружественныя отношенія, установившіяся между Добровольческой Арміей и грузинскими частями, боровшимися съ большевиками въ Сочинскомъ округѣ, рѣзко измѣнились. Грузины начали подготовлять оборонительную позицію въ Сочинскомъ округѣ, при чемъ осматривать и руководить работами пріѣзжали германскіе офицеры. Сзади грузинскихъ войскъ появились германскія войска.

Таковы были отношенія Добровольческой Арміи къ врагамъ Россіи и Союзникамъ ко времени побѣды Державъ Согласія.

---

*) Приводимая ниже сводка документовъ, характеризующихъ взаимоотношенія Добровольческой Арміи и представителей французскаго командованія, является перепечаткой оффиціальной сводки, изданной въ 1919 г. въ Екатеринодарѣ въ ограниченномъ количествѣ нумерованныхъ экземпляровъ. Форматъ этой сводки 22½ × 29 см. Въ ней 43 стр. На обложкѣ и на титульномъ листѣ отпечатанъ слѣдующій текстъ: «Очеркъ взаимоотношеній Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи и Французскаго Командованія. Издано Управленіемъ Генералъ-Квартирмейстера Штаба Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи. Май 1919 г. г. Екатеринодаръ. Типографія Канц. Главн. Нач. Снабж. Воор. с. на Югѣ Россіи. 1919.» Въ правомъ верхнемъ углу — надпись: «совершенно секретно». Подъ этими словами №. На оборотѣ титульной страницы отпечатано: «Всѣ даты приведены по старому стилю».

10 ноября въ Новороссійскъ прибыла Союзная эскадра, а 14 ноября пріѣхали въ Екатеринодаръ представители Англіи и Франціи.

На оффиціальномъ пріемѣ, въ цѣломъ рядѣ рѣчей, представители Франціи подчеркнули, что всѣ дѣянія, направленныя къ созданію Единой Великой Россіи, встрѣчаютъ полное сочувствіе Союзниковъ, признающихъ лишь Единую Россію, единый русскій фронтъ, единое русское командованіе; что всѣ борющіеся открыто или путемъ интригъ противъ этой идеи являются не только врагами Россіи, но и врагами Союзниковъ, что русскимъ Главнокомандующимъ является Генералъ Деникинъ и что нынѣ, когда Дарданеллы открыты, Союзники всѣмъ, чѣмъ могутъ, придутъ на помощь братской и союзнической Добровольческой Арміи.

Генералъ Щербачевъ, командированный Главнокомандующимъ въ качествѣ представителя Добровольческой Арміи къ Главнокомандующему Союзными арміями въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи — Генералу Бертело, въ письмѣ своемъ отъ 3 ноября изъ Бухареста писалъ: «Я посѣтилъ Генерала Бертело въ его Главной Квартирѣ въ Бухарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ проѣздѣ въ Главную Квартиру Генерала Франше д'Эспере и далѣе въ Парижъ, съ цѣлью ускорить прибытіе союзныхъ войскъ и средствъ войны — въ Россію.

Въ Бухарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли мои предположенія. Путемъ непосредственнаго общенія и обмѣна мнѣній съ Генераломъ Бертело, съ коимъ насъ связывала и прежняя общность идей и дѣйствій, нынѣ удалось придать переговорамъ въ Бухарестѣ форму исчерпывающе-рѣшительную настолько, что временно отпала надобность проѣзда въ Парижъ и къ Генералу Франше д'Эспере.

Генералъ Бертело, имѣющій личную идейную сильную поддержку Г. Клемансо, Предсѣдателя Союзныхъ Версальскихъ Совѣщаній, облеченъ полною мощью «Главнокомандующаго арміями Союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи» и въ качествѣ таковаго лица имѣетъ возможность проектировать и осуществлять всѣ вопросы политическіе и военные, касающіеся Юга Россіи и спасенія его отъ анархіи. Мнѣ удалось подвинуть этотъ вопросъ настолько, что нынѣ уже едва ли остается желать въ этомъ отношеніи чего-либо сверхъ предположеннаго на совѣщаніи моемъ съ Генераломъ Бертело.

Рѣшено же нижеслѣдующее:

1. Для оккупаціи Юга Россіи будетъ двинуто, настолько быстро, насколько только это возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на этихъ же дняхъ.
2. Дивизіи будутъ французскія и греческія.
3. Я буду состоять, по предложенію Союзниковъ и Генерала Бертело, при послѣднемъ и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.
4. База Союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ также быстро.
5. Союзными войсками Юга Россіи первое время будетъ командовать Генералъ д'Ансельмъ съ Главной Квартирой въ Одессѣ, гдѣ буду находиться и я, съ состоящими при мнѣ, Вамъ извѣстными лицами.
6. Генералъ Бертело, до времени, со своей Главной Квартирой остается въ Бухарестѣ.
7. По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ несомнѣнно заняты ко времени полученія Вами этого письма, Союзники займутъ быстро Кіевъ и Харьковъ съ Криворожскимъ и Донецкимъ бассейнами, Донъ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской арміямъ прочнѣе сорганизоваться и быть свободными для болѣе широкихъ активныхъ операцій.
8. Подъ прикрытіемъ союзной оккупаціи, необходимо немедленное формированіе русскихъ армій на Югѣ Россіи, во имя возрожденія Великой единой Россіи. Съ этой цѣлью теперь же долженъ быть рѣшенъ и разработанъ вопросъ о способахъ и раіонахъ формированія этихъ армій по мѣрѣ продвиженія Союзниковъ. Только при такомъ условіи будетъ обезпечено скорѣйшее наступленіе всѣхъ русскихъ южныхъ армій подъ единымъ командованіемъ на Москву.

9. Въ Одессу, какъ главную базу Союзниковъ, прибудетъ огромное количество всякаго рода военныхъ средствъ, оружія, боевыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, одежды, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, аэронавтики, продовольствія и проч.
10. Богатые запасы бывшаго Румынскаго фронта, Бессарабіи и Малороссіи, равно какъ и таковые Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось сдѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ коихъ обезпеченъ, такъ какъ онъ опирается на всемогущество Союзниковъ.
11. Относительно финансовой поддержки намъ, у Союзниковъ вырабатывается особый, спеціальный планъ».

29 октября Главнокомандующій Союзными силами на Востокѣ Генералъ Франше д'Эспере, въ письмѣ на имя Генерала Эрдели, представителя Добровольческой Арміи, командированнаго къ нему Главнокомандующимъ, писалъ:

«Г-нъ Генералъ. Я былъ особенно счастливъ сегодня Васъ принять и познакомиться, такимъ образомъ, со столь выдающимся представителемъ русской арміи Генерала Деникина.

Будьте увѣрены, что Франція, которая была всегда вѣрна и лойяльна Союзникамъ, достойнымъ этого имени, не забудетъ истинно русскихъ и не оставитъ Добровольческую Армію.

Тотчасъ же, какъ это будетъ возможно, я прикажу направить въ Новороссійскъ военное судно и прислать боевые припасы и матеріалы, въ коихъ Вы нуждаетесь и о которыхъ Вы мнѣ говорили.

Я прикажу, кромѣ того, доставить Вамъ, немного погодя, всѣ полезныя указанія по этому поводу, первый очеркъ коихъ Полковники Энкель и Песоцкій передали Генералу Деникину.

Прошу принять, Г-нъ Генералъ, увѣреніе, въ моемъ отличномъ уваженіи. Франше д'Эспере».

Такимъ образомъ, все, казалось, указывало на то, что Союзники будутъ всемѣрно оказывать помощь Добровольческой Арміи.

Съ цѣлью наиболѣе полнаго оріентированія Союзнаго Командованія, въ серединѣ ноября 1918 года, Штабомъ Главнокомандующаго былъ составленъ подробный докладъ о политическомъ, стратегическомъ положеніи на Югѣ Россіи и объ основномъ планѣ развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ для наступленія вглубь страны.

Въ докладѣ были указаны:

а) Общая задача армій — разбить совѣтскія войска и овладѣть центромъ Россіи — Москвой, съ одновременнымъ ударомъ на Петроградъ и вдоль праваго берега Волги.

б) Ближайшія задачи:

1. Не допустить противника занять Украину и Западныя губерніи и, прикрывъ ихъ на протяженіи прежней демаркаціонной линіи, Совдепіи и Австро-Германцевъ, создать плацдармъ для будущихъ формированій и для наступленія вглубь Россіи, съ цѣлью ликвидаціи большевизма.
2. Использовать фронтъ, занимаемый Донской и Добровольческой арміями, для наступленія въ Россію и для окончательнаго очищенія отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа.

Въ виду того, что части Россіи, оккупирванныя нѣмцами и лежащія къ западу отъ бывшей демаркаціонной линіи, уцѣлѣли отъ разгрома большевиками, онѣ пріобрѣли особо важное значеніе, являясь:

1. Плацдармомъ для нашего наступленія внутрь Россіи.
2. Источникомъ комплектованія формируемыхъ здѣсь частей Добровольческой Арміи.
3. Раіономъ, обезпечивающимъ возможность выполненія этихъ формированій и снабженія ихъ.

Для выполненія общей задачи предположено было вести наступленіе по 8-ми операціоннымъ направленіямъ съ фронта Псковъ — Царицынъ на линію Пе-

троградъ — Казань, при чемъ было высказано пожеланіе о необходимости, съ цѣлью обезпеченія развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ, занять строго минимальнымъ количествомъ союзныхъ войскъ районы, прикрывавшіе главнѣйшія направленія и важнѣйшіе въ мобилизаціонномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Силы эти исчислялись въ 18 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ дивизій, при чемъ было указано, что онѣ ни въ какихъ активныхъ дѣйствіяхъ участвовать не будутъ и лишь обезпечатъ операціи русскихъ армій.

Одновременно былъ представленъ подробный перечень всего необходимаго снабженія для существующихъ (Добровольческая и Донская) и формирующихся армій.

20 ноября, докладъ этотъ, со всѣми приложеніями, былъ посланъ Командующему союзными войсками въ Румыніи, Генералу Бертело, и офицеру для связи съ Французскимъ Командованіемъ, Генеральнаго Штаба Капитану Фуке, для передачи Генералу Франше д'Эспере.

Отвѣта на этотъ докладъ не послѣдовало.

Событія, разыгравшіяся къ этому времени на Югѣ Россіи, въ связи съ очищеніемъ германцами занятыхъ ими областей и началомъ движенія Петлюры, диктовали необходимость приступить къ проведенію намѣченнаго плана въ жизнь, хотя бы только въ своихъ основныхъ чертахъ, — безотлагательно. Поэтому, когда въ серединѣ ноября, вновь образовавшееся Крымское Правительство, въ лицѣ своего Предсѣдателя, обратилось съ просьбой къ Главнокомандующему Добровольческой Арміей, о присылкѣ на Крымскій полуостровъ небольшихъ отрядовъ, достаточныхъ для обезпеченія спокойствія и безопасности въ краѣ, оставляемомъ германцами, по приказанію Главнокомандующаго, Крымъ былъ занятъ Добровольческими войсками.

Въ связи съ эвакуаціей германскихъ войскъ изъ Украины и начавшимися тамъ волненіями, становилось крайне важнымъ оградить отъ большевизма Малороссію, какъ районъ, гдѣ въ будущемъ должно было быть произведено развертываніе Добровольческихъ Армій; поэтому, 24 ноября Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Чтобы сохранить Югъ Россіи, богатый продовольствіемъ и военными запасами, необходимо какъ можно скорѣе двинуть хотя бы двѣ дивизіи союзныхъ войскъ въ районъ Харькова и Екатеринослава», а 1 декабря обратился съ просьбой къ Французскому Командованію объ отдачѣ надлежащихъ распоряженій, для оставленія германскихъ войскъ въ Харьковѣ, съ цѣлью сохраненія порядка.

Въ отвѣтъ на это, офицеръ для связи съ Генераломъ Франше д'Эспере, Генеральнаго Штаба Капитанъ Фуке, вручилъ Главнокомандующему копію телеграммы Генерала Франше д'Эспере, въ которой указывалось, что одна французская дивизія 5 декабря начнетъ высаживаться въ Одессѣ.

Ко времени прибытія французскихъ войскъ, въ Одессѣ обстановка складывалась такъ: весь городъ былъ занятъ «петлюровцами», за исключеніемъ небольшой зоны, прилегавшей къ порту, которая была подъ охраной французскаго флага. Германскія войска, частью перешли къ петлюровцамъ, частью распылились въ городѣ. Сосредоточившееся въ Одессѣ русское офицерство еще не успѣло пріобрѣсти нужной оріентаціи, поэтому, находившійся тамъ Генералъ Гришинъ-Алмазовъ принялъ на себя командованіе Добровольческими частями и началъ приводить ихъ въ порядокъ. Полномочный представитель Державъ Согласія въ г. Одессѣ, французскій Консулъ Энно занималъ въ отношеніи украинскаго вопроса позицію опредѣленную и твердую: украинцы всѣхъ направленій признавались имъ элементомъ вреднымъ, для созданія Единой Россіи, а Добровольческая Армія считалась единственнымъ здоровымъ государственнымъ началомъ на Югѣ Россіи.

1 декабря, въ Одессѣ высадился первый эшелонъ французскихъ войскъ, состоявшій изъ четырехъ ротъ 156 дивизіи, подъ командой Генерала Боріуса. Генералъ Боріусъ вызвалъ къ себѣ Генерала Гришина-Алмазова и передалъ ему, что онъ намѣренъ завтра вступить со своими войсками въ городъ съ музыкой. На это Генералъ Гришинъ-Алмазовъ возразилъ, что въ виду враждебнаго настроенія петлюровцевъ, эта операція невозможна, и что сперва слѣдуетъ очистить городъ отъ петлюровскихъ бандъ. Генералъ Боріусъ согласился съ этимъ дово-

домъ и рѣшилъ совмѣстно съ Генераломъ Гришинымъ - Алмазовымъ на слѣдующій день занять весь городъ французскими и Добровольческими войсками.

5 декабря, съ утра, началась операція по овладѣнію городомъ. Петлюровцы встрѣтили Добровольческіе отряды ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ; стоявшіе на рейдѣ французскія военныя суда и транспорты были обстрѣляны изъ города артиллеріей.

Цѣлый день и всю ночь шелъ ожесточенный бой между Добровольцами и петлюровцами, закончившійся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ. Наши потери исчислялись въ 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

Такимъ образомъ, выполняя въ точности предложенныя Французскому Командованію условія о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, Добровольческая Армія грудью своею проложила путь для союзныхъ войскъ, которыя вступили въ Одессу и заняли городъ — безъ потерь.

7 декабря, Г. Шульгинъ, сообщая, что Генералъ Боріусъ, съ согласія Генерала Эрдели и его, Шульгина, возложилъ на Генерала Гришина - Алмазова обязанности Военнаго губернатора Одессы, просилъ объ утвержденіи этого назначенія. Главнокомандующій назначеніе утвердилъ.

Генералъ Боріусъ получилъ приказаніе отъ своего Высшаго Командованія занять лишь одну Одессу и, несмотря на всѣ увѣренія Генерала Гришина - Алмазова о необходимости немедленнаго выдвиженія впередъ, съ цѣлью занятія важнѣйшихъ тактическихъ пунктовъ, обезпечивающихъ оборону города, и для захвата въ сферу своего вліянія нѣсколько близлежащихъ селеній, питающихъ Одессу, Генералъ Боріусъ не только самъ не продвигался впередъ, но категорически запретилъ это дѣлать и Добровольческимъ частямъ. Результатомъ этого было немедленное вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ въ Одессѣ и почти полное исчезновеніе ихъ съ рынка.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ наши Союзники, съ которыми впервые вошли въ соприкосновеніе части Добровольческой Арміи, не только не оказали имъ помощи, но и затормозили необходимое развитіе ихъ боевого успѣха, вызывая тѣмъ самымъ осложненіе въ тылу и справедливое недовольство населенія.

Обо всемъ изложенномъ Генералъ Гришинъ - Алмазовъ своевременно доносилъ Главнокомандующему, а 13 декабря вновь поднялъ этотъ вопросъ передъ Французскимъ Командованіемъ, передавая Генералу Боріусу и Консулу Энно памятную записку за № 230, гдѣ указывалъ на необходимость: 1) расширенія занимаемой союзными войсками зоны до линіи Бѣляевка — Сѣвериновка — Антоно - Кодинцово и 2) дальнѣйшаго продвиженія, къ серединѣ января, на линію Тирасполь — Раздѣльная — Николаевъ, къ каковому времени предполагалось закончить формированіе дивизіи военнаго состава Добровольческой Арміи.

Съ пріѣздомъ новаго Командующаго, Генерала д'Ансельма, Генералъ Гришинъ - Алмазовъ 1 января вторично подалъ Французскому Командованію памятную записку за № 393, о необходимости расширенія зоны до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, указывая, что занятіемъ этой линіи достигается связь съ Бессарабіей и ликвидируется наступившій въ Одессѣ продовольственный кризисъ.

Выполненіе указанной операціи предлагалось произвести наличными силами, занявъ Тирасполь, Раздѣльную и Березовку союзными войсками и возложивъ обезпеченіе Херсоно - Николаевскаго раіона на 15 германскую ландверную дивизію.

Однако, Французское Командованіе, склоняясь къ предложенію представителей партіи Петлюры, къ «системѣ мирнаго ввода французовъ на украинскую территорію», и предпочитая, въ вопросѣ расширенія зоны, дѣйствовать дипломатическимъ путемъ, попрежнему тормозило выполненіе этого мѣропріятія.

Лишь 3 января Генералъ Гришинъ - Алмазовъ донесъ Главнокомандующему о полученіи отъ Генерала д'Ансельма отвѣта, въ томъ смыслѣ, что Атаману Грекову предложено очистить зону до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, при чемъ было заявлено, что, въ случаѣ неисполненія указаннаго требованія, французы заставятъ петлюровцевъ подчиниться силой.

5 января Главнокомандующій вооруженными силами на Югѣ Россіи телеграфировалъ Генералу Бертело:

«Общее положеніе на Украйнѣ съ каждымъ днемъ начинаетъ ухудшаться. Вслѣдъ за выступленіемъ Петлюры, въ разныхъ мѣстахъ Украйны начали орга-

низовываться шайки грабителей, руководимыя своими главарями. Дѣйствія этихъ шаекъ пока носили чисто мѣстный характеръ, но теперь онѣ начинаютъ объединяться, и ихъ дѣятельность принимаетъ угрожающій характеръ. Петлюровское движеніе выливается постепенно въ форму опредѣленнаго большевизма, въ результатѣ чего передъ нами можетъ возникнуть новый большевистскій фронтъ, борьба противъ котораго будетъ уже сложнѣе. Для подавленія этого движенія необходима возможно скорѣйшая присылка союзныхъ войскъ на Украйну, что дастъ намъ возможность перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и прекратить дальнѣйшее развитіе событій, явно вредныхъ для общаго дѣла и грозящихъ обратить въ пустыню богатѣйшій край».

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало.

Въ то время какъ въ раіонѣ Одессы, съ такимъ трудомъ, встрѣчая цѣлый рядъ препятствій со стороны Французскаго Командованія, осуществлялись ближайшія задачи Добровольческой Арміи, въ Крыму происходило слѣдующее:

Части Добровольческой Арміи, занявъ въ серединѣ ноября Крымскій полуостровъ, выдвинулись въ раіонѣ сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи, съ цѣлью прикрытія отъ большевиковъ побережій Чернаго и Азовскаго морей, поддержанія связи съ войсками, занимающими Донецкій каменноугольный бассейнъ и образованія плацдарма для дѣйствій вновь формирующихся частей.

28 декабря въ Севастополѣ высадился полкъ французской пѣхоты и былъ оставленъ въ этомъ городѣ.

Къ серединѣ января регулярныя совѣтскія войска выдвинулись на фронтъ Луганскъ — Бахмутъ — Гришино — Гуляй-Поле. Становилась ясной полная вѣроятность ихъ дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій, въ направленіи Крымскаго полуострова, и отсюда — крайняя необходимость: а) срочно использовать призывы сѣверныхъ уѣздовъ Таврін и занятой части Екатеринославской губерніи; б) немедленно сосредоточить въ сѣверной Таврін, для усиленія фронта, всѣ части арміи, выведя нѣкоторыя изъ Крыма, гдѣ онѣ занимали гарнизонами главнѣйшіе пункты. Въ Крыму велась усиленная большевистская агитація; настроеніе всюду было крайне неспокойное, и оставить Крымскій полуостровъ — тылъ арміи, безъ войскъ, было невозможно.

Учитывая все это, Главнокомандующій 19 января послалъ телеграмму Генералу Бертело:

«Регулярныя совѣтскія войска сосредоточены на фронтѣ Луганскъ, Бахмутъ, Гришино, Гуляй-Поле и скоро можно ожидать активныхъ дѣйствій со стороны противника. Чтобы дать отпоръ большевикамъ и использовать призывъ сѣверныхъ уѣздовъ Таврін и занятую часть Екатеринославской губерніи, необходимо вывести Добровольческія части изъ Крыма и сосредоточить ихъ на сѣверѣ Таврін. Для обезпеченія порядка въ Крыму, послѣ ухода Добровольческихъ частей, прошу срочно занять, хотя бы маленькими союзными гарнизонами, Мелитополь, станцію Сивашъ, Перекопъ, Джанкой, Евпаторію, Симферополь, Феодосію и Керчъ. О Вашемъ рѣшеніи прошу поставить меня въ извѣстность».

Генералъ Бертело 4 февраля отвѣтилъ, что въ данное время, въ виду малочисленности частей, находившихся въ его распоряженіи, онъ не можетъ исполнить эту просьбу, но, съ прибытіемъ подкрѣпленій, обязательно это сдѣлаетъ.

Одновременно Генералъ Бертело указалъ, что большимъ тормазомъ въ дѣлѣ переброски войскъ является отсутствіе въ его распоряженіи транспортовъ, и что, сознавая серьезность положенія, онъ отдалъ приказъ пріостановить распоряженіе Генерала Деникина, относительно запрещенія фрахтовки русскихъ пароходовъ, и просилъ передать таковые ему для перевозки войскъ.

Три русскихъ парохода: «Императоръ Александръ III», «Николай I» и «Петръ Великій» были переданы въ Одессѣ въ распоряженіе Французскаго Командованія.

2 февраля Главнокомандующій въ телеграммѣ Генералу Бертело вновь указалъ на крайнюю желательность скорѣйшаго занятія союзными гарнизонами указанныхъ выше пунктовъ, за исключеніемъ Мелитополя, въ раіонѣ котораго мобилизація прошла успѣшно.

Просьбы эти до послѣднихъ дней исполнены не были, и лишь 15 марта въ Симферополь прибылъ баталіонъ грековъ.

Такимъ образомъ, значительная часть Крымско-Азовской арміи, вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ активныхъ операціяхъ противъ большевиковъ, вынуждена была занимать гарнизонами главнѣйшіе пункты Крыма, гдѣ большевист-

ская пропаганда все время усиливалась, и настроеніе населенія продолжало быть крайне неспокойнымъ.

При такихъ совершенно неожиданныхъ и мало благопріятныхъ условіяхъ, Добровольческая Армія распространяла свое вліяніе на Югѣ Россіи по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, стремясь къ выполненію ближайшей задачи, намѣченной основнымъ планомъ.

А между тѣмъ, большевистскія войска, постепенно проникая въ Украйну, занимали уже Харьковъ, Кіевъ и продвигались все глубже. Петлюровское движеніе, почти полностью, выливалось въ форму опредѣленнаго большевизма и тяготѣло къ власти совѣтовъ.

И если, вскорѣ же послѣ эвакуаціи германцами Украйны и Западнаго Края, всѣ эти громадныя области могли быть свободно, безъ выстрѣла, заняты ничтожнымъ количествомъ побѣдоносныхъ войскъ Державъ Согласія, то съ теченіемъ времени, эта задача осложнялась все болѣе и болѣе.

Долгое отсутствіе на Югѣ Россіи союзныхъ войскъ, начинало расцѣниваться большевиками, какъ побѣда ихъ лозунговъ, какъ начало ихъ вліянія на «всемірную революцію», и тѣмъ самымъ, стремясь привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, они становились все смѣлѣе и упорнѣе.

* * *

Неприбытіе ожидаемой помощи отъ союзныхъ войскъ, невыгодно отразилось, прежде всего, на Донскомъ фронтѣ, гдѣ казаки, утомленные двѣнадцати-мѣсячной безпрерывной борьбой, напрягая послѣднія усилія, больше всего ее ожидали. Но когда помощь эта не пришла, сила казаковъ, растлѣваемая большевистской пропагандой, надломилась. Донская армія начала отступать, быстро рѣдѣя въ своемъ составѣ.

Уже 9 декабря, чтобы парализовать начавшуюся большевистскую агитацію на Дону, Главнокомандующій Добровольческой Арміей послалъ Генералу Франше д'Эспере и Генералу Бертело телеграмму: «Всѣ части Добровольческой Арміи находятся въ бояхъ и не могутъ приступить къ правильной организаціи. Поэтому, изъ числа дивизій, которыя были испрошены ранѣе въ посланной Вамъ 20 ноября (3 декабря) за № 03955 запискѣ, а также, чтобы показать казакамъ, что они борятся за правое дѣло вмѣстѣ съ Союзниками, прошу прислать по одной пѣхотной дивизіи для Донского и Кубанского фронтовъ. Въ случаѣ согласія Вашего, дивизіи эти могутъ быть высажены въ Новороссійскомъ порту».

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало, но 26 декабря была получена телеграмма, подписанная Генераломъ Бертело и скрѣпленная Французскимъ Консуломъ въ Кіевѣ Г. Энно, адресованная всѣмъ войсковымъ частямъ, всѣмъ учрежденіямъ, газетамъ и всѣмъ жителямъ Юга Россіи.

«Генералъ Бертело, Главнокомандующій войсками Согласія въ Румыніи и Южной Россіи, сообщилъ мнѣ, для опубликованія во всѣхъ газетахъ и распространенія въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ, нижеслѣдующее: Жители Южной Россіи! Вотъ уже почти два года, какъ ваша богатая страна, раздирается нескончаемыми гражданскими войнами; истинные злоумышленники захватили мѣстами власть, угрожая жизни и имуществу всѣхъ мирныхъ жителей и друзей порядка, создавая, такимъ образомъ, въ вашей странѣ подлинную анархію, ведущую къ полному разоренію. Ваши Союзники, никогда не забывавшіе усилій, которыя вы приложили во имя общаго дѣла, и желающіе вновь увидѣть вашу страну умиротворенной, процвѣтающей и великой, рѣшили, что наши войска высадятся въ Южной Россіи, чтобы дать возможность благонамѣреннымъ жителямъ возстановить порядокъ. Окажите добрый пріемъ войскамъ Союзниковъ. Они приходятъ къ вамъ, какъ друзья. Всѣ Державы Согласія идутъ вамъ навстрѣчу, чтобы снабдить васъ всѣмъ, въ чемъ вы нуждаетесь и чтобы дать вамъ, наконецъ, возможность свободно, а не подъ угрозами злоумышленниковъ, рѣшить, какую форму правленія вы желаете имѣть. Итакъ, войска Союзниковъ направляются къ вамъ для того, чтобы дать вамъ порядокъ, свободу и безопасность. Они покинутъ Россію послѣ того, какъ спокойствіе будетъ возстановлено. Дайте рѣшительный отпоръ дурнымъ совѣтникамъ, имѣющимъ интересъ вызвать смуту въ странѣ, и встрѣчайте Державы Согласія съ довѣріемъ. Генералъ Бертело. Съ подлиннымъ вѣрно, Консулъ Франціи въ Кіевѣ, съ особыми полномочіями, Энно».

Это сообщеніе быстро облетѣло всѣ части Донцовъ, но казаки отнеслись къ нему съ подозрѣніемъ, сомнѣваясь въ его подлинности: они уже не вѣрили въ то, что Союзники имъ помогутъ...

4 января, въ виду серьезнаго положенія на Дону и необходимости немедленной моральной поддержки Донской арміи, Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи, обратился къ Союзному Командованію, съ просьбой спѣшно перебросить на Донъ бригаду или полкъ съ артиллеріей, такъ какъ иначе положеніе Донской арміи и ея моральное состояніе могутъ стать непоправимыми, что осложнитъ наше и Союзниковъ общее дѣло.

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало.

15 января, не получивъ отвѣта на всѣ вышеприведенныя телеграммы, Главнокомандующій обратился непосредственно къ Маршалу Фошу, передавая свою телеграмму въ копіи Генераламъ Франше д'Эспере, Бертело и послу Сазонову: «Пока надъ еле живымъ тѣломъ Россіи идутъ споры и дебаты дипломатовъ, рушатся постепенно наши надежды. Въ грозной опасности Донъ, палъ Оренбургъ и Уральскъ, наканунѣ анархіи Малороссія, а Центральная Россія умираетъ. Я обращаюсь къ Вашему солдатскому сердцу. Скажите Союзнымъ Правительствамъ, что время разговоровъ миновало, что мы истекаемъ кровью, что необходима немедленная реальная помощь, которой мы не видимъ. Мы не сложимъ оружія и ни минуты не сомнѣваемся въ конечной побѣдѣ. Но эта побѣда можетъ прійти послѣ гибели русской культуры и послѣ того, какъ волна кровавой анархіи захлестнетъ не только побѣжденныхъ, но и побѣдителей».

На эту телеграмму отвѣта не послѣдовало.

29 января Главнокомандующій вновь телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Цѣлымъ рядомъ телеграммъ я просилъ оказать содѣйствіе союзными войсками на Донскомъ фронтѣ. Значеніе этого фронта въ борьбѣ съ большевиками громадно, какъ прикрывающаго Донецкій каменноугольный раіонъ и пути къ богатому Сѣверному Кавказу и портамъ Азовскаго и Чернаго морей. Донскіе казаки въ теченіе года героически сражались и сопротивлялись превосходнымъ силамъ врага, но теперь, усталые, начинаютъ терять вѣру въ поддержку Союзниковъ, такъ какъ помощь дѣйствительно не прибываетъ, а со стороны большевиковъ идетъ пропаганда, что этой помощи и не будетъ. Если Союзнымъ Командованіемъ рѣшено помочь намъ въ борьбѣ съ большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поднять духъ казаковъ и сохранить Донскую область».

Такъ, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, послѣ установленія связи Добровольческой Арміи съ Союзными войсками, протекла борьба Вооруженныхъ силъ Юга Россіи противъ большевиковъ и при такихъ условіяхъ началось выполненіе предложеннаго Союзному Командованію плана для наступленія вглубь страны.

Уже въ февралѣ Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Югъ Россіи ждалъ реальной помощи Союзниковъ. Вооруженныя силы Союзниковъ за это время заняли нѣкоторые пункты территоріи Россіи, гдѣ ихъ присутствіе или вовсе не вызывалось русскими интересами, или силы эти могли быть значительно меньше. Въ частности, я нѣсколько разъ просилъ хоть небольшой отрядъ для Дона, гдѣ помощь именно Союзниковъ была психологически необходима. Отказъ въ этомъ привелъ къ разложенію Дона, къ потерѣ имъ почти половины его территоріи, къ возможности потери всей области, что отбрасываетъ всю нашу работу на полгода назадъ. Прошу Васъ оріентировать Ваше Правительство, что эти обстоятельства вызвали полное недоумѣніе и поворотъ русскаго общественнаго мнѣнія не въ пользу Союзниковъ. 2 февраля № 182/Н».

Не получивъ на эту телеграмму отвѣта, Главнокомандующій 10 февраля телеграфировалъ Маршалу Фошу и въ копіи Генералу Бертело: «28 января новаго стиля я обращался къ Вашему Превосходительству съ просьбой немедленно помощи. До сихъ поръ таковая прибывала только на второстепенные театры. На главномъ направленіи на Дону мы не получили ни одного солдата. Истощеніе продолжительной одиннадцатимѣсячной борьбой надломило нравственныя силы Донскихъ казаковъ, они безсильны удержать напоръ врага, занявшаго уже большую часть Донской области и приближающагося къ столицѣ Новочеркасску. Создается крайне тяжелое положеніе и для Добровольческой Арміи, занимающей До-

нецкій бассейнъ. Если мы не будемъ въ состояніи удержать угольный раіонъ въ своихъ рукахъ, то скоро весь Югъ Россіи и флотъ останутся безъ топлива. Посему, вновь обращаюсь къ Вамъ съ просьбой, ускорить присылку войскъ для Дона. Если помощь запоздаетъ, то скоро мы окажемся въ томъ же положеніи, въ какомъ были годъ тому назадъ, и всѣ героическія усилія, ознаменовавшія эту титаническую борьбу за право и цивилизацію — пропадутъ даромъ. Промедленіе въ подачѣ помощи отразится, прежде всего, на интересахъ союзныхъ войскъ, которымъ придется начинать свои операціи съ расширенія раіопа будущей базы, отвоевывая территоріи отъ большевиковъ, вмѣсто того, чтобы закрѣпить за собою территорію, добытую нами цѣною безпримѣрныхъ двѣнадцати-мѣсячныхъ усилій. 19 февраля (4 марта) № 275/II».

Отвѣта не послѣдовало.

Когда обнаружилось наступленіе большевиковъ на Крымскій полуостровъ, и, для болѣе прочнаго удержанія его, Главнокомандующій рѣшилъ перебросить туда часть Добровольческихъ войскъ, расположенныхъ въ Одессѣ, чтобы усилить слабыя численно части Крымско-Азовской Арміи, то въ отвѣтъ на отданное распоряженіе Гришинъ-Алмазовъ донесъ: «Херсонъ послѣ боевъ очищенъ Союзниками. Николаевъ эвакуируется ими. Генералъ д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ мнѣ, что Генералъ Бертело приказалъ не выпускать Добровольческую Армію изъ раіона Одессы. Ожидаю Вашихъ указаній».

1 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Бертело: «Въ ноябрѣ прошлаго года, моимъ штабомъ была составлена записка, съ планомъ формированія, стратегическаго развертыванія и дальнѣйшаго наступленія войскъ Юга Россіи. Записка была послана Вамъ и Генералу Франше д'Эспере. Планъ, изложенный въ запискѣ, былъ разсчитанъ на помощь союзныхъ войскъ. Просимая помощь осуществлена не была, и мнѣ не были сообщены и какія либо предположенія Французскаго Командованія, почему я вынужденъ былъ начать операціи, разсчитывая только на свои силы. Къ сожалѣнію, здѣсь я встрѣтилъ затрудненія со стороны Генерала д'Ансельма. Въ виду создавшагося труднаго положенія въ сѣверной Тавріи и въ Крыму и считая раіонъ Одессы достаточно обезпеченнымъ имѣющимися тамъ союзными войсками, я отдалъ распоряженіе о спѣшной переброскѣ моремъ въ Крымъ части войскъ Добровольческой Арміи изъ Одессы. На это приказаніе Генералъ Гришинъ-Алмазовъ мнѣ донесъ объ оставленіи союзными войсками Херсона и Николаева, и что Генералъ д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ, что Вы приказали не выпускать частей Добровольческой Арміи изъ Одессы. Настаивая на выполненіи моего приказа, прошу Вашего распоряженія о разъясненіи недоразумѣній, тормозящихъ переброску войскъ и мѣшающихъ выполненію намѣченныхъ мною операцій».

Генералъ Бертело па эту телеграмму не отвѣтилъ.

Таковы были отношенія Французскаго Главнаго Командованія къ операціямъ русскихъ Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи. Въ результатѣ не только не была оказана помощь для осуществленія намѣченнаго Главнокомандующимъ и предложеннаго Союзному Командованію плана борьбы съ большевиками, но во многихъ случаяхъ проведеніе этого плана въ жизнь встрѣчало препятствія.

* * *

Относясь такъ къ операціямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, Французское Командованіе на мѣстахъ пыталось разрѣшить рядъ принципіальныхъ вопросовъ, касающихся организаціи и системы комплектованія русскихъ вооруженныхъ силъ.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, затрагивающихъ условія русской жизни, представителями Иностранныхъ Державъ помимо Главнокомандующаго, влекло за собой разрушеніе единой власти и самой Добровольческой Арміи.

Французское Командованіе въ Одессѣ упорно противилось объявленію въ Одесскомъ раіонѣ мобилизаціи. Мотивомъ этого, повидимому, была боязнь безпорядковъ, которые, яко-бы, должны были возникнуть изъ за непопулярности, какъ казалось Союзникамъ, Добровольческой Арміи въ населеніи. Несомнѣнно, что впечатлѣніе это создалось подъ большимъ вліяніемъ партіи петлюровцевъ, преслѣдовавшей свои опредѣленныя цѣли.

Основываясь на такихъ соображеніяхъ, но въ то же время признавая необходимость увеличенія количества вооруженныхъ силъ для борьбы съ большевиками, французы, въ день пріѣзда въ Одессу Генерала Бертело, подняли вопросъ о формированіи смѣшанныхъ бригадъ (бригадъ - микстъ) на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Офицерскій составъ этихъ бригадъ назначается властью Добровольческой Арміи, но комплектуется только изъ уроженцевъ Украины.

2. Солдаты пополняются путемъ добровольнаго найма съ жалованіемъ 200—250 руб. въ мѣсяцъ при казенномъ довольствіи.

3. Въ каждый полкъ, въ качествѣ инструкторовъ, придается небольшое количество французскихъ офицеровъ и унтеръ - офицеровъ.

4. Въ командномъ отношеніи эти части Добровольческой Арміи не подчиняются.

5. Форма одежды примѣнительно къ французской — безъ погонъ.

Такъ какъ въ такомъ видѣ эта мѣра пріобрѣтала характеръ формированія какой - то другой, не Добровольческой и не Русской арміи, то Главнокомандующій 8 февраля телеграфировалъ Командующему войсками Юго - Западнаго края Генералу Санникову: «Категорически воспрещаю Вамъ дѣлать эксперименты съ русскими войсками по чужой указкѣ. Передайте, что я, Главнокомандующій, не допущу ничьего вмѣшательства въ вопросы формированія русской арміи. Еслибы кто либо позволилъ себѣ сдѣлать это, объявите, что исполнившій незаконное распоряженіе будетъ преданъ суду».

Позже, Главнокомандующій писалъ Генералу Бертело: «Идея формированія бригадъ изъ русскихъ людей съ иностранными офицерами и подчиненныхъ исключительно Французскому Командованію, не можетъ быть популярна, такъ какъ она идетъ въ разрѣзъ съ идеей возсозданія Русской Арміи, во имя чего борется лучшее офицерство и наиболѣе здоровые элементы страны.

Возможно лишь оперативное подчиненіе Французскому Командованію русскихъ формированій, возникающихъ или имѣющихся въ мѣстахъ преобладающаго развертыванія союзныхъ войскъ, въ случаѣ если создавшаяся боевая обстановка того требуетъ.

Опасеніе шовинизма со стороны Русскаго Командованія по отношенію къ населенію Украины и намѣреніе укомплектовать формируемыя части мѣстными украинскими уроженцами лишній разъ подчеркиваетъ насколько недостаточно Французское Командованіе въ Одессѣ оріентировано въ обстановкѣ. Русское офицерство, ясно отдавая себѣ отчетъ въ происходящемъ, не можетъ иначе относиться къ населенію Украины, чѣмъ ко всему Русскому народу, съ которымъ она составляетъ одно цѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ самостійныхъ кругахъ, находящихъ поддержку въ многочисленныхъ австрійскихъ и германскихъ агентахъ, естественно стремленіе созданія особыхъ украинскихъ войскъ и, какъ ни странно, этотъ планъ, противный идеѣ возсозданія Единой могущественной Россіи, что казалось бы наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ Французскаго народа, находитъ сочувствіе и поддержку у Французскаго Командованія.

Отказъ въ Юго - Западномъ раіонѣ отъ принудительной мобилизаціи разрушитъ совершенно созданную съ такимъ трудомъ Добровольческую Армію, уже перешедшую къ принципу обязательной воинской повинности. Изъ областей, въ коихъ формируются части путемъ призыва, лица, желающія уклониться отъ службы, начнутъ уходить въ мѣста, гдѣ отъ этого принципа отказались.

Разовьется дезертирство и начнется развалъ частей, ибо на смежныхъ русскихъ территоріяхъ не можетъ быть двухъ различныхъ рѣшеній по одному и тому же вопросу. Практика же показываетъ, что при успѣхѣ и силѣ на нашей сторонѣ, мобилизаціи вездѣ проходитъ успѣшно».

Не меньшія затрудненія для Добровольческой Арміи вызвало отношеніе Французскаго Командованія въ Крыму къ вопросу о введеніи военнаго положенія.

Въ портовыхъ городахъ Крыма, въ особенности въ Севастополѣ, мѣстные большевики, видя, что Краевое Правительство и Союзное Командованіе не принимаютъ противъ нихъ репрессивныхъ мѣръ, начали постепенно подымать голову и открыто агитировать за совѣтскую власть, выводъ Добровольческой Арміи изъ Крыма и т. д.

Дабы въ корнѣ пресѣчь подобное безобразіе, Главнокомандующій призналъ желательнымъ ввести въ Крыму военное положеніе, предварительно запросивъ по

этому вопросу Командующаго Крымско - Азовской Арміей. На это послѣдній донесъ, что Французское Командованіе, считаясь главнымъ образомъ съ мѣстнымъ правительствомъ, указываетъ, что Добровольческая Армія находится въ Крыму исключительно для поддержанія порядка и спокойствія и что оно противъ введенія военнаго положенія, считая однако вполнѣ возможнымъ, чтобы Министру Внутреннихъ Дѣлъ были предоставлены чрезвычайныя полномочія по принятію различныхъ мѣръ, равносильныхъ введенію военнаго положенія.

Такъ Французское Командованіе, съ трудомъ оріентируясь въ создавшейся сложной обстановкѣ на Югѣ Россіи, но пытаясь итти самостоятельнымъ путемъ, не считалось съ предложеніями Главнаго Командованія Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи и, гипнотизируемое различными узко партійными заявленіями, тормозило организаціонныя мѣропріятія русскихъ вооруженныхъ силъ, энергичное и быстрое проведеніе которыхъ въ жизнь являлось крайне необходимымъ, какъ обезпечивающее возможность дальнѣйшаго выполненія основного плана.

* * *

Еще менѣе понятнымъ было отношеніе Французскаго Командованія къ вопросу матеріальнаго снабженія Добровольческой Арміи тѣми запасами, которые послѣ демобилизаціи Русской арміи, оказались сосредоточенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Какъ прямая преемница Русской арміи, Добровольческая Армія несомнѣнно имѣла на нихъ всѣ права, не говоря уже о томъ, что нужда въ предметахъ снабженія всякаго рода, особенно въ снарядахъ и патронахъ, была большая. Отношеніе это становится тѣмъ болѣе досаднымъ, что послѣ отступленія союзныхъ войскъ изъ раіона Одессы, всѣ огромные матеріальные запасы, не будучи использованы, достались большевикамъ.

Наиболѣе крупные склады военнаго имущества, собранные при демобилизаціи Русской арміи находились въ Тирасполѣ, Николаевѣ и на островѣ Березань — близъ Очакова. На первую просьбу Генерала Санникова оказать содѣйствіе вывозу имущества изъ Тирасполя, Французское Командованіе письменно увѣдомило его, что Тирасполь не находится въ зонѣ Добровольческой Арміи и что имущество впослѣдствіи будетъ правильно распредѣлено. Такая постановка вопроса вызывала недоумѣніе, такъ какъ это имущество, какъ уже указывалось, цѣликомъ составляло собственность Русской арміи и о какомъ бы то ни было распредѣленіи его, казалось бы, не должно было быть и рѣчи.

Когда съ подобной же просьбой Генералъ Санниковъ обратился къ Французскому Командованію въ отношеніи Николаева, то въ отвѣтъ послѣдовало извѣщеніе, что имущество это, какъ не находящееся въ зонѣ Добровольческой Арміи, принадлежитъ Директоріи.

Такой отвѣтъ былъ полученъ за недѣлю до эвакуаціи Союзниками Николаева и все цѣнное и многочисленное имущество складовъ попало въ руки большевиковъ. Впослѣдствіи, при отступленіи изъ раіона Одессы, попали въ руки большевиковъ и склады на островѣ Березани.

Ко всему изложенному надо добавить, что въ Одессѣ Союзники захватили въ свои руки оставшіеся тамъ германскіе авіаціонные ангары, о передачѣ которыхъ въ Добровольческую Армію было уже условлено съ германскимъ командованіемъ.

Точно также Французское Командованіе поступило и съ остатками Русскаго военнаго флота. Прибывъ въ Севастополь, французскій Адмиралъ Леже заявилъ, что ни одинъ способный плавать корабль Черноморскаго флота, даже самый незначительный, не будетъ переданъ русскимъ, пока въ Россіи не установится окончательный порядокъ, такъ какъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что суда эти не попадутъ въ руки большевиковъ и не нанесутъ вреда сообщеніямъ Союзниковъ.

Въ серединѣ декабря всѣ годныя суда Черноморскаго флота были уведены Союзниками въ Константинополь.

Такъ, въ стремленіи обезпечить свои морскія сообщенія, Французское Командованіе неизбѣжно наносило ущербъ Добровольческой Арміи, потому что впослѣдствіи, когда этой Арміи пришлось защищать Крымскій полуостровъ, отсутствіе военныхъ судовъ, могущихъ содѣйствовать этой защитѣ ощущалось въ сильной мѣрѣ.

Кромѣ того, когда подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника слабыя части Добровольческой Арміи начали очищеніе большей части Крыма, Француз-

ское Командованіе не допустило разрушить желѣзнодорожную линію Симферополь-Севастополь и оставило неповрежденнымъ весь подвижной составъ, который въ большомъ количествѣ и достался большевикамъ.

При всемъ этомъ, французы, раздѣливъ сферы вліянія и снабженія между собой и англичанами, за всѣ эти четыре мѣсяца не только не доставили Русской арміи на одного пуда груза, но даже заставили Русское Командованіе снабжать изъ Новороссійска части Добровольческой Арміи, находившіяся въ Одессѣ и въ оперативномъ отношеніи бывшія въ подчиненіи Французскаго Командованія.

* * *

Политика французовъ на Югѣ Россіи и отношеніе ихъ къ вопросамъ русской государственности поражали своей запутанностью и неправильнымъ пониманіемъ обстановки.

Выше было указано, что всѣ представители Французскаго Главнаго Командованія подтвердили стремленіе Франціи возстановить Единую и Недѣлимую Россію, но ихъ ближайшія мѣропріятія сплошь и рядомъ расходились съ этой основной идеей, влекли за собой непоправимыя ошибки и волновали русское общество, тревожно задававшее себѣ вопросъ: — «съ чѣмъ пришли къ намъ Союзники, на помощь ли истекающей кровью Россіи или съ цѣлью оккупаціи со всѣми проистекающими изъ нея тягчайшими для насъ послѣдствіями».

Представитель Французскаго Командованія въ Екатеринодарѣ Капитанъ Фуке велъ довольно своеобразную политику въ отношеніи Дона, политику обѣщаній и намековъ. Сначала вопросъ о присылкѣ союзныхъ войскъ въ Донскую область онъ ставилъ въ зависимость отъ признанія Донскимъ Атаманомъ единаго командованія въ лицѣ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей. Единое командованіе было окончательно признано Донскимъ Атаманомъ 26 декабря и тогда же объ этомъ былъ поставленъ въ извѣстность Генералъ Бертелло. Между тѣмъ 27 января, то-есть ровно черезъ мѣсяцъ, Капитанъ Фуке, по какимъ то причинамъ, предложилъ въ письменной формѣ Донскому Атаману подтвердить достигнутое соглашеніе и признать въ лицѣ Генерала Франше д'Эспере «высшее командованіе и власть по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго характера». Тогда же Капитанъ Фуке обусловливалъ присылку союзныхъ войскъ на Донъ согласіемъ Донского Атамана на удовлетвореніе изъ Донской Казны лицъ и общества французскихъ и союзныхъ подданныхъ Донецкаго бассейна, какъ на территоріи въ предѣлахъ Донского войска, такъ и въ сосѣднихъ районахъ, за погибшія человѣческія жизни и за всѣ понесенные убытки, происшедшіе отъ занятія района большевиками. При чемъ, все это было подтверждено слѣдующей телеграммой 28 января № 717 на имя Донского Атамана «... Исполненіе военной программы начнется не ранѣе того, какъ я буду имѣть документы въ рукахъ. Капитанъ Фуке».

Это заявленіе, облеченное въ столь категорическую форму, было предъявлено Атаману въ ту минуту, когда на Донскомъ фронтѣ создавалось чрезвычайно тяжелое положеніе: половина области была уже въ рукахъ большевиковъ, а Донскіе казаки, истомленные боями и постепенно терявшіе надежду на помощь Союзниковъ, продолжали отступать.

Всѣ эти документы, которые Капитаномъ Фуке были составлены заблаговременно, Генералъ Красновъ подписать отказался и, оставивъ ихъ у себя, увѣдомилъ объ этомъ Главнокомандующаго, который всецѣло раздѣлилъ точку зрѣнія Донского Атамана.

Въ Крыму, вскорѣ послѣ высадки французскихъ войскъ въ Севастополѣ, представители Французскаго Командованія, повидимому, не будучи вполнѣ оріентированы, что Крымское Правительство является лишь мѣстнымъ, областнымъ, не имѣющимъ общегосударственнаго значенія, сплошь и рядомъ обсуждало съ членами указаннаго правительства вопросы чисто военные.

Начальникъ Штаба Главнокомандующаго, въ сношеніи отъ 19 декабря на имя Генеральнаго Штаба Капитана Фуке, поставилъ объ этомъ послѣдняго въ извѣстность, дабы онъ оповѣстилъ представителей Союзниковъ въ Крыму и далъ имъ возможность вполнѣ правильно оріентироваться въ современномъ политическомъ положеніи Крыма.

Въ Одессѣ, до начала 1919 года, политика Французскаго Командованія не оставляла желать лучшаго.

Позиція, занятая полномочнымъ Представителемъ Державъ Согласія на Югѣ Россіи Французскимъ Консуломъ Энно, хорошо знакомымъ съ Россіей, вѣрно оцѣнившимъ украинское движеніе какъ наносное, субсидированное австрійскими и германскими деньгами, отличалась твердымъ стремленіемъ проводить чисто русскую національную политику и вести борьбу съ украинскимъ вліяніемъ. Отношенія его къ Добровольческой Арміи были самыми благожелательными, въ ея лицѣ онъ признавалъ единственное здоровое начало на Югѣ Россіи.

Генералъ Боріусъ и его штабъ совершенно не вмѣшивались во внутреннюю жизнь Одесскаго раіона и въ гражданское управленіе города.

Съ пріѣздомъ въ Одессу Генерала д'Ансельма и его Начальника Штаба Полковника Фрейденберга, Консулъ Энно былъ устраненъ отъ должности и политика французовъ рѣзко измѣнилась.

Душою новаго политическаго курса сталъ Полковникъ Фрейденбергъ, дѣятельность котораго поразительно совпадала съ работой нѣмецкихъ и большевистскихъ агентовъ.

Высадивъ въ Одессѣ сравнительно небольшое количество войскъ, Французское Командованіе не считало ихъ положеніе достаточно прочнымъ и потому стремилось усилить обороноспособность Одесской зоны путемъ использованія мѣстныхъ силъ. Несмотря на то, что вопросъ этотъ, казалось бы, наиболѣе естественно разрѣшался совмѣстной работой съ Добровольческой Арміей, особенно въ случаѣ оказанія послѣдней энергичной помощи въ дѣлѣ формированія и организаціи, Французское Командованіе, плохо освѣдомленное и недостаточно понимающее сущность украинскаго движенія, стало на путь переговоровъ съ Директоріей, не имѣвшей ни силы, ни власти, ни даже, подъ конецъ, территоріи, въ надеждѣ при посредствѣ ея осуществить желаемую цѣль.

Однако, Одесса являлась городомъ, который за все время украинскаго движенія былъ къ нему наиболѣе оппозиціонно настроенъ, поэтому Французское Командованіе, вступая въ тѣсное общеніе съ Директоріей, сразу же отшатнуло отъ себя наиболѣе здоровые элементы населенія.

Убѣжденнымъ сторонникомъ этой политики былъ Полковникъ Фрейденбергъ, сильно вліявшій на Главное Французское Командованіе и отрицавшій главенствующую роль Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, которыя въ его глазахъ казались непопулярными среди населенія и не разсматривались имъ, какъ имѣющія право преемства во всѣхъ отношеніяхъ отъ старой Русской арміи.

Несомнѣнно, что Французское Командованіе въ Одессѣ отрицало и право Вооруженныхъ силъ Юга Россіи на объединеніе занятой территоріи въ гражданскомъ управленіи, и своей политикой разбивало только что создавшееся съ такимъ трудомъ объединеніе власти въ лицѣ Главнокомандующаго Вооруженными силами.

Такая политика французовъ проводилась въ Одессѣ и Крыму тогда, когда въ Екатеринодарѣ, въ Ставкѣ Главнокомандующаго, Представители Франціи и Англіи, сознавая необходимость концентраціи всѣхъ силъ для борьбы съ большевиками и видя въ этомъ одинъ изъ главныхъ залоговъ успѣха, напрягали всѣ усилія, чтобы содѣйствовать Вооруженнымъ силамъ Юга Россіи въ достиженіи этого объединенія возможно быстрѣе и въ наиболѣе полной мѣрѣ. Получалось необъяснимое и загадочное противорѣчіе между заявленіями и работой Представителей Франціи, находившихся въ Екатеринодарѣ, и отношеніемъ къ Вооруженнымъ силамъ Главнаго Союзнаго Командованія, противорѣчіе, которое явилось несомнѣнной и главной причиной потери Николаева, Херсона, Березовки и которое, въ концѣ концовъ, закончилось катастрофой въ Одессѣ и Крыму.

Полковникъ Фрейденбергъ и все Французское Командованіе разсчитывали опереться на Украинскую Директорію. Однако, именно украинцы менѣе всего были жизненны и, конечно, не могли служить опорой въ рѣшеніи вопросовъ большого государственнаго масштаба. Несомнѣнно должно было настать время, когда эта убогая опора должна была надломиться и вся постройка рухнуть.

Это тѣмъ болѣе должно было быть яснымъ, что всѣ болѣе или менѣе значительныя политическія партіи въ Одессѣ, въ большинствѣ, сознавали безпочвенность петлюровцевъ и безплодность политики Фрейденберга, поэтому, если послѣдняго и поддерживали единичныя лица, то они менѣе всего были заинтересованы въ благѣ Россіи, а преслѣдовали свои эгоистическія цѣли, часто близкія къ авантюризму. Къ сожалѣнію, Полковникъ Фрейденбергъ сознательно велъ политику разрушенія и, когда его ставленникъ Андро, личность весьма сомнительная,

сдѣлался главою новаго правительства въ Одессѣ, онъ оказался одинъ — ни одна политическая партія его не поддержала, а Генералъ д'Ансельмъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, оказался безсильнымъ провести въ жизнь намѣченные планы и реформы, касающіяся, главнымъ образомъ, формированія новой арміи.

Уже съ первыхъ дней пребыванія въ Одессѣ Генерала д'Ансельма, Французское Командованіе начало постепенно забирать въ свои руки гражданское управленіе района. Началомъ этого послужило запрещеніе ввести русскую администрацію въ расширенной Одесской зонѣ и оставленіе въ ней управленія Директоріи. Результаты не замедлили сказаться. Такъ, въ Николаевѣ началась полная анархія, потому что власть одновременно принадлежала демократической полубольшевистской думѣ, комиссару Украинской Директоріи, Совѣту рабочихъ депутатовъ, Совѣту депутатовъ германскаго гарнизона и наконецъ Французскому коменданту. Очевидно, что при подобной обстановкѣ и во всемъ Одесскомъ районѣ, трудно было разсчитывать на возможность проведенія въ жизнь какихъ-бы то ни было мѣропріятій, связанныхъ съ вопросами обороны. Указанія на это Русскаго Командованія — успѣха не имѣли.

Постепенно обстановка усложнялась и потребовала пріѣзда въ Одессу Генерала Бертело. Къ этому времени Командующимъ войсками Юго-Западнаго края былъ назначенъ Генералъ Санниковъ. 2 февраля 1919 года Генералъ Бертело назначилъ Генерала д'Ансельма Командующимъ Союзными войсками въ Южной Россіи. На Генерала д'Ансельма возлагалось руководство всѣми вопросами военной политики и администраціи. Генерала Санникова въ дѣлахъ политическихъ и административныхъ Французское Командованіе подчиняло Генералу д'Ансельму, который, однако, не имѣлъ права вмѣшиваться въ подробности предпринимаемыхъ мѣръ, а долженъ былъ всецѣло согласовать ихъ съ вопросами военнаго характера.

Генералъ Санниковъ признавался Командующимъ Русскими войсками, но поскольку дѣло касалось примѣненія этихъ войскъ, Генералъ Санниковъ былъ всецѣло подчиненъ Генералу д'Ансельму.

Въ связи съ введеніемъ этой новой системы подчиненности въ Одесскомъ округѣ, Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Санникову:

«1. Во всѣхъ отношеніяхъ: военномъ, политическомъ, гражданскомъ Вы подчинены мнѣ и только отъ меня можете получать приказанія. 2. Предлагаю Вамъ всемѣрно координировать свои дѣйствія съ Французскимъ Командованіемъ. 3. Въ виду численнаго преобладанія союзническихъ войскъ, русскія части Одесскаго района только въ оперативномъ отношеніи подчиняются Французскому Командованію. 4. Детально взаимоотношенія наши будутъ установлены при свиданіи моемъ съ Генераломъ Бертело, который сдѣлалъ это предложеніе. 8 февраля № 219 Деникинъ».

Вскорѣ послѣ полученія донесенія изъ Одессы о неразрѣшеніи организаціи гражданской власти на мѣстахъ, Главнокомандующій писалъ Генералу Бертело: «Несогласованныя дѣйствія въ области гражданскаго управленія приводятъ къ нежелательнымъ результатамъ. Гражданская власть должна быть въ рукахъ лица назначеннаго мною, которое дастъ всѣ гарантіи нормальной жизни Союзнымъ войскамъ и будетъ координировать свои дѣйствія съ Союзнымъ Командованіемъ. Вынужденный къ сожалѣнію отложить мое личное съ Вами свиданіе, считаю необходимымъ предупредить Ваше Превосходительство о тѣхъ непоправимыхъ и грозныхъ послѣдствіяхъ, которыя повлекутъ за собой мѣропріятія, намѣченныя Французскимъ Командованіемъ, и надѣюсь, что они не получатъ осуществленія до выясненія всего вопроса при личномъ нашемъ свиданіи».

* * *

Уже въ концѣ февраля 1919 года начали сказываться плоды своеобразной политики французовъ. Союзныя войска понесли пораженіе подъ Херсономъ.

Къ этому времени гарнизонъ Херсона состоялъ изъ 1 баталіона грековъ и роты французовъ при двухъ горныхъ орудіяхъ. Изъ этихъ войскъ одна рота грековъ занимала станцію, отдѣленную отъ города двухверстнымъ открытымъ полемъ. Большевики повели наступленіе на станцію съ фронта и праваго фланга со стороны Б. Сиваприваи. Греки, утомленные безсонницей и томимые жаждой, долго держались, но обойденные справа, подъ мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ противника устоять не могли, и, чувствуя недостатокъ въ патронахъ, начали от-

ходить къ городу. Видя успѣхъ совѣтскихъ войскъ, мѣстное населеніе, большею частью рабочіе, выступили съ оружіемъ въ рукахъ. Прибывшая на поддержку Херсона рота 176 французскаго полка сперва не хотѣла высадиться, а потомъ, вступивъ въ городъ, отказалась итти въ бой и только послѣ угрозы командира и мѣткихъ разрывовъ непріятельскихъ снарядовъ двинулась впередъ. Съ крейсера былъ открытъ огонь по предмѣстьямъ, въ которыхъ начался пожаръ.

Союзному Командованію стало ясно, что при такомъ положеніи наличными силами удержать городъ не удастся и войскамъ было приказано отходить къ кораблямъ для посадки.

Большевики, видя это, старались отрѣзать Союзниковъ отъ рѣки. Положеніе ихъ было спасено ротой грековъ, успѣвшей высадиться съ подошедшаго изъ Одессы транспорта. Тогда большевики открыли ураганный огонь по всей площади передъ судами и Союзникамъ приходилось подъ этимъ огнемъ грузиться.

Утромъ 25 февраля (10 марта) послѣднее судно подъ огнемъ отошло въ Одессу.

Неудача эта произвела тягостное впечатлѣніе на французовъ. Въ этомъ бою Союзники потеряли около 400 человѣкъ, изъ нихъ 14 офицеровъ.

Потерпѣвъ неудачу подъ Херсономъ, Союзники по совершенно непонятнымъ причинамъ рѣшили эвакуировать и Николаевъ, и вывезли оттуда всѣ свои войска на судахъ непосредственно въ Одессу, отдавъ безъ всякаго сопротивленія весь богатѣйшій раіонъ Херсонской губ. между Днѣпровскимъ и Телигульскимъ лиманами. Въ этотъ раіонъ входила крѣпость Очаковъ и островъ Березань, на которомъ находился громадный складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Лишь энергичнымъ выдвиженіемъ Добровольческихъ частей въ сторону Херсона удалось временно закрѣпить за собой Очаковъ и сохранить Березань.

Положеніе въ Одессѣ становилось все болѣе тревожнымъ, но Французское Командованіе, не сознавая своихъ ошибокъ, продолжало проводить въ жизнь свою политику сеператизма въ отношеніи Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

5 марта Начальникъ Французской Военной Миссіи въ Екатеринодарѣ Полковникъ Корбель сообщилъ Главнокомандующему: «Телеграммой переданной Севастопольской радіо - телеграфной станціей 17/3 - 19, Генералъ д'Ансельмъ поручаетъ мнѣ увѣдомить Васъ, что въ виду серьезности положенія и трудности сношеній съ Вами, онъ долженъ былъ объявить осадное положеніе и принять командованіе, назначивъ себѣ помощникомъ по гражданской части Его Превосходительство г. Андро Ланжерона. Онъ проситъ меня Васъ увѣдомить, что это, разумѣется, лишь временныя мѣропріятія. Примите, Генералъ, увѣренія моего глубокаго почтенія и преданности. Начальникъ Французской Военной Миссіи Полковникъ Корбель».

Такимъ образомъ совершился «переворотъ» и Французское Командованіе, вдохновляемое Полковникомъ Фрейденбергомъ, окончательно вышло на самостоятельный путь рѣшенія задачъ борьбы съ большевиками, оккупируя Одесскій раіонъ. Несомнѣнно, что «переворотъ» этотъ подготовлялся уже давно и исходилъ, повидимому, изъ стремленія французовъ достичь единства командованія и созданія энергичной и всецѣло подчиненной военному командованію гражданской власти. Къ представителямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ этомъ отношеніи они относились критически.

Желая подчеркнуть настоятельную необходимость этого «переворота» и естественность его происхожденія, Французское Командованіе, и въ частности Полковникъ Фрейденбергъ, искусно воспользовалось интригами мѣстныхъ политическихъ партій и нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ. Въ этомъ отношеніи въ лицѣ Г. Андро Полковникъ Фрейденбергъ нашелъ себѣ подходящаго помощника.

Крайнія правыя и лѣвыя политическія партіи Одессы не вполнѣ доброжелательно относились къ Добровольческой Арміи. Первыя (хлѣборобы) мечтали о возвращеніи своихъ земель, а вторыя (соціалисты) находили Добровольческую Армію реакціонной.

Настроеніе этихъ партій и должно было явиться главнымъ козыремъ въ рукахъ Фрейденберга и Андро, которые, стремясь использовать ихъ интриги противъ Добровольческой Арміи, мечтали объ образованіи «кабинета» коалиціоннаго характера, долженствующаго, какъ имъ казалось, удовлетворить широкіе русскіе общественные круги.

Однако, какъ уже говорилось, когда Андро вступилъ въ фактическое исполненіе своихъ обязанностей Помощника Генерала д'Ансельма по гражданскимъ дѣ-

ламъ, его не поддержалъ никто. Сразу же обнаружилось, насколько широкіе общественные круги были чужды его политики, а крайнія правыя и лѣвыя партіи, тоже вышедшія изъ «кабинета», не усматривали въ ней залога своего будущаго благополучія.

Получивъ донесеніе о введеніи осаднаго положенія, Главнокомандующій 5 марта телеграфировалъ Генералу Бертело: «Сообщаю Вамъ для свѣдѣнія телеграмму, посланную мною Генералу Санникову по поводу полученной мною депеши Генерала д'Ансельма: «Одесса Генералу Санникову Передайте Генералу д'Ансельмъ слѣдующее: я совершенно не допускаю установленія никакой гражданской власти, кромѣ назначенной мною. Поэтому приказываю: 1. Ни въ какія сношенія съ Андро не вступать, никакихъ распоряженій его не выполнять ни Вамъ, ни гражданскимъ властямъ. Какого бы то ни было участія въ управленіи краемъ Андро, какъ лица незаслужившаго довѣрія, не допускаю. 2. Вамъ, сохраняя полную гражданскую власть, надлежитъ всемѣрно согласовать свои дѣйствія съ Французскимъ Командованіемъ въ интересахъ соблюденія порядка и обезпеченія союзныхъ армій. 3. Въ интересахъ борьбы съ большевиками Вы, какъ Командующій войсками, исполняете оперативныя указанія Французскаго Командованія, но помимо Васъ ни одно распоряженіе не можетъ быть отдано русскимъ войскамъ. 4. Въ случаѣ полнаго перерыва связи предоставляю Вамъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ отъ моего имени съ соблюденіемъ достоинства Россіи, интересовъ Добровольческихъ Армій и края. 5. По поводу дѣйствій Генерала д'Ансельма дѣлается сношеніе съ Французскимъ Правительствомъ».

Если Генералъ д'Ансельмъ и Полковникъ Фрейденбергъ вели свою кампанію противъ Добровольческой Арміи, все же ощупью и осторожно, то пріѣхавшій въ Одессу Генералъ Франше д'Эспере пошелъ противъ Добровольческой Арміи открыто, рѣзко и рѣшительно. Прибылъ онъ, повидимому, уже съ предвзятыми мнѣніями и готовыми рѣшеніями и прежде всего имѣлъ бесѣду съ Андро, совершенно не интересуясь мнѣніями представителей тѣхъ круговъ, которые стояли на позиціи поддержки Добровольческой Арміи и считали ее единственной основой спасенія и возрожденія Россіи.

Вскорѣ Генераламъ Санникову и Гришину-Алмазову было предложено уѣхать въ Екатеринодаръ, а военнымъ губернаторомъ Одессы былъ назначенъ Генералъ Шварцъ, ничего общаго съ Добровольческой Арміей не имѣвшій и служившій ранѣе у большевиковъ. Однако, и Генералъ Шварцъ, повидимому, учитывая шаткость своего положенія, обратился съ просьбой къ Главнокомандующему объ утвержденіи своего назначенія.

11 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Генералъ Шварцъ донесъ мнѣ, что онъ назначенъ Генералъ-Губернаторомъ и Командующимъ войсками Одесской зоны. Устраненіе назначенныхъ мною властей повергло меня въ полное недоумѣніе. Я убѣжденъ, что и Вы признаете необходимость нашей совмѣстной согласованной работы. Полагаю, что въ этомъ дѣлѣ кроется недоразумѣніе, которое можетъ вызвать серьезныя послѣдствія. Поэтому считаю особенно желательнымъ скорѣйшее свиданіе. Положеніе на фронтѣ лишаетъ меня возможности, къ крайнему моему сожалѣнію, отлучиться изъ моей Главной Квартиры хотя бы на сколько нибудь продолжительный срокъ. Вотъ почему я предлагаю Вамъ назначить свиданіе въ одномъ изъ портовъ, не очень отдаленномъ отъ Новороссійска, если возможно не далѣе Севастополя. Если Вы раздѣляете мое мнѣніе, я прошу Васъ назначить мѣсто и день свиданія».

Въ то же время Начальникъ Штаба Главнокомандующаго телеграфировалъ Командующему Добровольческими войсками въ Одессѣ Генералу Мельгунову: «Главнокомандующій въ виду происшедшихъ событій приказалъ Вамъ оставаться на мѣстѣ, занимая выжидательное положеніе и донося обстановку сюда. Въ оперативномъ отношеніи подчиниться Французскому Командованію, оберегая Добровольческія части».

Одновременно Главнокомандующій приказалъ Генералу Драгомирову: «Прошу сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ оффиціальныя сношенія съ Одессой дѣлались не съ самозванцами, а съ лицами, назначенными ранѣе Командованіемъ, или черезъ Бернацкаго. Въ частности по военнымъ вопросамъ — съ Генералами Мельгуновымъ и Тимановскимъ».

Такая, совершенно не отвѣчающая обстановкѣ и подрывающая престижъ Добровольческой Арміи, политика французовъ, несмотря на цѣлый рядъ преду-

прежденій и указаній со стороны Главнокомандующаго Вооруженными силами на Югѣ Россіи, незамедлила повлечь за собой неизбѣжныя послѣдствія.

Уже 6 марта произошло неудачное для Союзниковъ столкновеніе съ большевиками подъ Березовкой.

Въ этомъ бою участвовали 2-й и 3-й эскадроны Сводного кавалерійскаго полка Добровольческой Арміи. По донесеніемъ командировъ эскадроновъ, у Союзниковъ было три баталіона грековъ, одинъ баталіонъ зуавовъ, 6 орудій и 5 танковъ. Большевики, обстрѣлявъ Союзныя войска изъ 2-хъ орудій — одного легкаго и одного тяжелаго, развернули жидкую цѣпь и повели наступленіе на центръ расположенія французовъ. Въ это время въ мѣст. Березовкѣ, въ тылу позиціи, раздалась безпорядочная стрѣльба. Французы и греки дрогнули. Начальникъ отряда Капитанъ Жэ пытался остановить бѣгущихъ, но тщетно. При отступленіи Союзники бросили весь обозъ, оружіе, снаряженіе и даже шинели. Незначительная часть отступающихъ Союзниковъ была остановлена подошедшимъ изъ резерва греческимъ баталіономъ у ст. Славяносербскъ, остальные отошли прямо на Одессу. Особенно сильна была паника на мосту черезъ р. Березовку, гдѣ были оставлены всѣ орудія и всѣ танки.

Вскорѣ послѣ этого большевики сосредоточили свои войска для наступленія на Одессу.

Политика Французскаго Командованія въ Одессѣ, такъ настойчиво стремившаяся въ своемъ конечномъ результатѣ къ увеличенію обороноспособности Одессы и ради этого не брезговавшаго никакими путями, въ концѣ концовъ въ этомъ отношеніи ничего не достигла.

Всѣ распоряженія Французскаго Командованія вносили лишь путаницу и подрывали престижъ какъ Франціи, такъ и Добровольческой Арміи.

Въ результатѣ подобной политики, Генералъ д'Ансельмъ по приказанію Генерала Франше д'Эспере, которое, яко-бы,. послѣдовало изъ Парижа, 23 марта 1919 года очистилъ Одессу, эвакуируя французскія войска частью моремъ, частью сухимъ путемъ въ Румынію. Въ Румынію же отошли и Добровольческія части..

Оставленіе Одессы произошло внезапно и должно было быть совершено въ теченіе 48 часовъ, при чемъ Главнокомандующій Вооруженными силами Юга Россіи не былъ объ этомъ предупрежденъ вовсе.

Вскорѣ Одесса съ ея многолюднымъ населеніемъ и огромными запасами, принадлежащими какъ французскимъ, такъ и русскимъ войскамъ, была занята большевиками.

26 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Только вчера 26 марта я узналъ, что французскія войска оставляютъ Одессу, давъ невыполнимый срокъ на ея эвакуацію, а Добровольческая бригада направлена на Аккерманъ. Французское Командованіе не нашло даже нужнымъ предупредить меня объ этомъ. Теперь трудно предугадать даже огромныя историческія послѣдствія этого шага. Во всякомъ случаѣ полагаю, что Добровольческая бригада имѣетъ нравственное право на всякую помощь и прежде всего на немедленную отправку ея моремъ въ полномъ составѣ съ артиллеріей и обозами на присоединеніе къ русской арміи въ Новороссійскъ».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Эвакуація Одессы.

Къ 22 марта въ Одесскомъ районѣ находились:

а) Части вооруженныхъ силъ Юга Россіи: Бригада Генерала Тимановскаго — 3 350 штыковъ, 1 600 сабель, 18 легкихъ орудій, 8 гаубицъ, изъ нихъ половина шестидюймовыхъ и 6 броневыхъ машинъ. Бригада находилась на фронтѣ въ 30—40 верстахъ отъ Одессы и лишь небольшой отрядъ, около 400 штыковъ, былъ расположенъ въ самомъ городѣ.

б) Союзныя войска: двѣ французскихъ, двѣ греческихъ и часть румынской дивизіи, — всего до 30—35 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Этихъ силъ, какъ показывалъ опытъ Добровольческой Арміи, было совершенно достаточно не только для удержанія Одесскаго раіона, но и для овладѣнія всѣмъ Юго-Западнымъ краемъ съ Кіевомъ. Но по заявленію самихъ французовъ

войска ихъ были не надежны, и у Французскаго Командованія не было полной увѣренности, что боевые приказы будутъ ими выполняться.

Что же касается грековъ, то настроены они были отлично, но не имѣли своей артиллеріи, средствъ связи, находились въ подчиненіи Французскаго Командованія и были въ общемъ совершенно не самостоятельны.

Противъ этихъ войскъ со стороны большевиковъ дѣйствовали лишь 2 совѣтскихъ полка мѣстнаго формированія и рядъ многочисленныхъ, наскоро организованныхъ отрядовъ, — всего не болѣе 15 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Благодаря крайней инертности Французскаго Командованія, — большевики одержали рядъ частныхъ успѣховъ, несмотря на численное превосходство Союзниковъ.

Страшась потерь и неустойчивости своихъ войскъ, Французское Командованіе рѣшило по опыту Салоникскаго укрѣпленнаго района создать и въ Одессѣ «укрѣпленный лагерь».

Немедленно послѣ этого было приступлено къ инженернымъ работамъ.

Такимъ образомъ до 20 марта не было абсолютно никакихъ признаковъ, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ Одесскаго района.

Вечеромъ 20 марта Французское Командованіе въ Одессѣ получило директивы изъ Парижа.

На слѣдующій день Начальнику Штаба Юго-Западнаго Края Генералу Мельгунову, Французское Командованіе сообщило о перемѣнѣ политики Франціи въ русскомъ вопросѣ, указавъ на то, что Министерство Клемансо пало, вслѣдствіе отказа Парламента въ кредитахъ на восточныя операціи и что отъ Пишона получена телеграмма о выводѣ всѣхъ войскъ изъ предѣловъ Россіи въ трехдневный срокъ.

Въ исполненіе этого распоряженія Генералъ д'Ансельмъ, Командующій союзными войсками въ Южной Россіи, приказалъ закончить эвакуацію Одессы въ 48 часовъ, каковой срокъ былъ также данъ для эвакуаціи расположенныхъ въ городѣ Одессѣ Русскихъ войсковыхъ частей и тыловыхъ учрежденій.

Бывшая на фронтѣ бригада Генерала Тимановскаго находилась въ подчиненіи Начальника 30 французской дивизіи Генерала Нерель. Согласно инструкціи Главной Квартиры № 2 отъ 20 марта за № 7 486 § 3, — войска Генерала Нерель должны были отходить къ Румынской границѣ, по путямъ сѣвернѣе Одессы, минуя самый городъ. Въ § 5 той же инструкціи было указано, что, въ случаѣ отступленія къ Днѣстру, задача возложенная на Русскую Добровольческую Армію будетъ дана дополнительно.

Русскимъ частямъ и учрежденіямъ, расположеннымъ въ городѣ Одессѣ, Французскимъ Командованіемъ были назначены три направленія: на Новороссійскъ, Константинополь и Констанцу, причемъ оба послѣднихъ пункта должны были явиться лишь этапомъ для дальнѣйшаго направленія ихъ въ Сибирь къ Адмиралу Колчаку, что, повидимому, совпадало съ желаніемъ Генерала Шварца и нѣкоторыхъ политическихъ партій, интриговавшихъ противъ Добровольческой Арміи.

Для каждаго направленія было предоставлено по нѣсколько транспортовъ.

Желая подготовить общественное мнѣніе къ факту оставленія Одессы союзными войсками, — Генералъ д'Ансельмъ издалъ приказъ, въ которомъ доводилъ до свѣдѣнія населенія, что въ виду невозможности подвезти въ ближайшее время достаточнаго количества продовольствія, имъ принято рѣшеніе уменьшить въ Одессѣ число жителей путемъ ея частичной эвакуаціи. Этотъ приказъ появился въ газетахъ 21 марта. Одновременно, всѣ служащіе въ различныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ по требованію Французскаго Командованія, были опрошены о томъ, куда бы они хотѣли выѣхать изъ Одессы, при чемъ было предложено на выборъ упомянутыя три направленія.

Есть данныя предполагать, что приказъ этотъ не являлся полной неожиданностью для Французскаго Командованія, такъ напримѣръ: Полковникъ Фрейденбергъ, получивъ за недѣлю до эвакуаціи мѣсячный отпускъ, во Францію не уѣхалъ, дѣлъ своему замѣстителю Полковнику Жермонъ не сдалъ и, по полученіи приказа объ эвакуаціи, фактически взялъ все дѣло эвакуаціи въ свои руки.

Въ первый же день эвакуація города приняла до нельзя безпорядочныя формы; произошла полнѣйшая сумятица, прежде всего потому, что французы захватили себѣ нѣсколько русскихъ транспортовъ, ранѣе ими же самими предназначен-

ныхъ для эвакуаціи русскихъ. Лица, которымъ были отведены мѣста на захваченныхъ транспортахъ, оказались за бортомъ и устремились на пароходы, оставшіеся еще въ распоряженіи Русскихъ властей. А въ то же время, Управленіе Андро, не будучи въ этомъ освѣдомлено, продолжало выдавать билеты на тѣ именно транспорты, которые уже были захвачены французами.

Въ первый же день, 21 марта, началась эвакуація и французскихъ войскъ, носившая сумбурный и паническій характеръ.

Состояніе Французскихъ войскъ, близкое къ полной деморализаціи, тотчасъ же подняло духъ мѣстныхъ большевиковъ. Немедленно проявилъ кипучую дѣятельность, до тѣхъ поръ существовавшій лишь нелегально, мѣстный совдепъ, который выпустилъ воззваніе къ населенію, посадилъ во всѣ банки комиссаровъ, наложившихъ запретъ на хранящіяся тамъ суммы и развилъ широкую агитацію среди рабочихъ.

Психика обывателя, благодаря происшедшимъ внезапнымъ перемѣнамъ была настолько потрясена, что ко всѣмъ распоряженіямъ большевиковъ, какъ будущей власти, невольно относились внимательно. Судовыя команды, подчинившись распоряженію большевистскаго штаба, забастовали и сошли на берегъ, предварительно испортивъ на большинствѣ судовъ машины. Это окончательно осложнило эвакуацію.

Въ городѣ начались отдѣльные случаи убійствъ большевиками добровольцевъ и разоруженія греческихъ солдатъ. Изъ тюрьмы были выпущены всѣ, какъ политическіе, такъ и уголовные преступники.

Съ утра 22 марта весь городъ былъ запруженъ бѣженцами. Всѣ старались попасть на какой-нибудь пароходъ, безразлично куда бы онъ ни шелъ, лишь бы только у него была исправна машина и имѣлся уголь, чтобы хотя выбраться изъ порта. Однако такихъ пароходовъ было мало, приходилось занимать и совершенно безнадежныя суда. Въ теченіе всего 23 марта французы выводили такія суда на внѣшній рейдъ, гдѣ они усиліями самихъ же пассажировъ и при весьма слабой помощи союзниковъ, кое-какъ чинились и уходили каждый въ своемъ направленіи. Вывести всѣ суда изъ порта все-таки не удалось.

Въ полдень 23 марта власть въ городѣ перешла въ руки совѣта рабочихъ депутатовъ.

Французское Командованіе и городская дума оффиціально признали его; съ этого момента большевики стали полными хозяевами положенія. Для того, чтобы побудить французовъ оставить въ Одессѣ русскую торговую флотилію, совдепъ командировалъ на французскій линейный корабль «Жюстисъ» депутацію, вступившую въ переговоры съ французскимъ морскимъ командованіемъ.

Судя по большевистской радіотелеграммѣ, переговоры продолжались около 2 часовъ и съ обѣихъ сторонъ носили самый вѣжливый характеръ. Впрочемъ, эти переговоры никакихъ послѣдствій не имѣли, такъ какъ почти всѣ суда, стоявшія въ Одесскомъ порту (болѣе 20), французы предназначили для перевозки своихъ войскъ, военныхъ припасовъ, и мѣстныхъ французскихъ и греческихъ колоній, а тѣ немногія, не успѣвшія въ этотъ день выбраться на внѣшній рейдъ суда, были уже окончательно испорчены самими же большевиками.

Впослѣдствіи, для предотвращенія помѣхи эвакуаціи со стороны большевиковъ, въ городѣ недалеко отъ порта была установлена линія зоны, въ предѣлахъ которой французы оставались до послѣдней минуты полными хозяевами положенія. Прочая часть Одессы, въ которой находились всѣ банки, общественныя и государственныя учрежденія, продолжала оставаться въ рукахъ большевиковъ.

При такой обстановкѣ, эвакуація города съ милліоннымъ населеніемъ, громадными запасами военнаго имущества, матеріаловъ и массою различныхъ учрежденій, конечно, не могла быть закончена въ 48 часовой срокъ: это оказалось фактически не выполнимымъ и послѣднія французскія суда покинули рейдъ Одессы только 26 марта, т. е. спустя болѣе чѣмъ 72 часа по истеченіи двухдневнаго срока.

Такимъ образомъ назначенный чрезмѣрно короткій срокъ эвакуаціи отнюдь не вызывался обстановкой ни военной, ни политической, и могъ быть смѣло увеличенъ до недѣли, въ теченіе которой при спокойныхъ и надлежащихъ распоряженіяхъ Русскихъ властей можно было бы упорядочить эвакуацію, вывезти бѣженцевъ и наиболѣе цѣнное имущество. А между тѣмъ, всѣми предшествующими своими распоряженіями Французское Командованіе лишь дезорганизовало Русское управленіе, лишило власти представителей Командованія вооруженныхъ силъ

Юга Россіи и привело къ тому, что предполагаемая планомѣрная эвакуація вылилась въ паническое и постыдное бѣгство.

При этомъ тяжко пострадали лойяльное населеніе города и въ особенности семьи чиновъ Добровольческой Арміи. Брошенные на произволъ судьбы, потерявъ послѣднее свое достояніе, они въ небольшомъ лишь числѣ, голодные и нищіе, спаслись на транспортахъ. Большая же часть ихъ была брошена и обречена на всѣ ужасы большевистскаго насилія, а, можетъ быть, и на гибель въ Одессѣ...

Бывшая на фронтѣ и состоявшая въ подчиненіи Генералу Нерель, бригада Генерала Тимановскаго, послѣ очищенія греками линіи желѣзной дороги, 23 марта начала отходить изъ района деревни Малый Буялыкъ къ Одессѣ. У станціи Одесса - Сортировочная Вр. Командующій бригадой Генеральнаго Штаба Полковникъ Ерофѣевъ получилъ отъ французскаго командованія приказаніе, — не заходя въ городъ, въ виду захвата его рабочими, слѣдовать черезъ большой Куяльникъ, Усатово въ деревню Дальникъ, гдѣ и расположиться на ночлегъ. 24 марта Вр. Командующій бригадой, не получивъ ни отъ кого никакихъ указаній, направилъ бригаду въ деревню Бѣляеву, куда прибылъ днемъ 26 марта и приступилъ совмѣстно съ находившимися тамъ польскими войсками, къ постройкѣ моста черезъ рѣку Днѣстръ, предполагая здѣсь переправиться въ Бессарабію.

Начальникъ бригады Генералъ Тимановскій находился въ это время въ Одессѣ. 21 марта ему было сообщено объ эвакуаціи. Генералъ д'Ансельмъ письменно заявилъ Генералу Тимановскому, что не допуститъ никакихъ безпорядковъ въ городѣ, открывъ въ случаѣ возникновенія ихъ артиллерійскій огонь со стоящей на рейдѣ эскадры. Однако, какъ уже говорилось, 22-го марта на улицахъ города появились вооруженные рабочіе и еврейскія организаціи, которые разстрѣливали чиновъ Добровольческой Арміи, чему, какъ это не странно, Генералъ д'Ансельмъ совершенно не препятствовалъ.

Одновременно Генералъ д'Ансельмъ сообщилъ о томъ, что всѣ чины Добровольческой Арміи должны получить шестимѣсячный новый окладъ содержанія 22 марта Генералу Тимановскому съ большимъ трудомъ удалось добиться у Генерала Шварца разрѣшенія на выдачу аванса изъ Одесской конторы Государственнаго банка въ размѣрѣ 75 милліоновъ рублей. Посланныя въ этотъ день лица въ банкъ по формальнымъ причинамъ денегъ получить не могли, при чемъ ни вновь образованная русская администрація во главѣ съ Андро, ни Французское Командованіе не оказали въ этомъ случаѣ никакой поддержки. Кромѣ указанной суммы Генераломъ Шварцъ было обѣщано выдать не менѣе 800 000 кронъ для жизни бригады въ первые дни ея перехода за границу.

23 марта, когда мѣстные большевики при полномъ непротивленіи французскихъ войскъ заняли улицы и учрежденія Одессы, Генералъ Тимановскій въ сопровожденіи броневого автомобиля проѣхалъ къ Генералу д'Ансельмъ и изложилъ тяжелое матеріальное положеніе бригады. Генералъ д'Ансельмъ своимъ честнымъ словомъ обѣщалъ Генералу Тимановскому вечеромъ того же дня выдать около 10 милліоновъ иностранной валютой, которые должны были быть получены отъ бывшаго Начальника Штаба Полковника Фрейденберга. Несмотря на безпорядки въ городѣ, Генералъ Тимановскій, не желая терять времени, послалъ вооруженный отрядъ въ Государственный банкъ за полученіемъ денегъ по ассигновкѣ полученной отъ Генерала Шварца. Отрядъ встрѣтилъ сопротивленіе и не достигнувъ банка едва смогъ пробиться обратно. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего около 400 штыковъ, бывшихъ въ городѣ, Генералъ Тимановскій не могъ ввязаться въ бой на улицахъ города, чтобы добиться полученія денегъ.

Положеніе этого небольшого отряда, постепенно становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ, поэтому послѣ разрѣшенія полученнаго отъ Генерала д'Ансельма, Генералъ Тимановскій, вечеромъ 23 марта съ боемъ, неся потери, вывелъ отрядъ изъ казармъ за городъ.

Въ тотъ же день къ Генералу д'Ансельму, были командированы два броневыхъ автомобиля за полученіемъ обѣщанныхъ денегъ. Въ одномъ изъ нихъ отправился Вр. и. д. Начальника Штаба бригады Генеральнаго Штаба Капитанъ Капнинъ съ соотвѣтствующей довѣренностью, который съ боемъ прошелъ черезъ городъ и явился Генералу д'Ансельму.

Однако, несмотря на данное послѣднимъ честное слово, Капитанъ Капнинъ денегъ не получилъ. Генералъ д'Ансельмъ отвѣтилъ такъ: «Деньги не могутъ быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцію, что

возьметъ два или три дня. Вся Добровольческая бригада должна немедленно отправиться на Фонтаны, — первый пунктъ назначенія, какъ сегодня утромъ просилъ Генералъ Тимановскій, и далѣе въ Овидіополь, гдѣ она получитъ распоряженіе относительно погрузки. Крайне важно, чтобы дороги на Аккерманъ были бы свободны сегодня ночью. Суда, находящіяся въ Одесскомъ порту или рейдѣ ни одного военнаго для погрузки не примутъ. Условія погрузки Русскихъ Добровольцевъ изъ Овидіополя будутъ указаны въ ближайшемъ будущемъ.

800 000 кронъ, обѣщанныхъ Генералу Тимановскому Генераломъ Шварцемъ, тоже получить не удалось, такъ какъ послѣдній находился уже на пароходѣ и проникнуть къ нему безъ боя было невозможно. Вскорѣ Генералъ Шварцъ, выдавъ заблаговременно шестимѣсячный окладъ содержанія себѣ, всѣмъ чинамъ своего Штаба и не позаботившись совершенно о Добровольцахъ, дравшихся на фронтѣ, оставивъ ихъ и ихъ семьи совершенно безъ средствъ, отплылъ благополучно изъ Одессы.

Вечеромъ 23 марта Генералъ Тимановскій получилъ приказаніе Генерала д'Ансельма, переданное ему черезъ Генерала Боріуса. «Генералъ д'Ансельмъ поручилъ мнѣ передать Вамъ категорическій приказъ сегодня же вечеромъ покинуть Одессу и направиться на Аккерманъ черезъ Бол. Фонтанъ со всѣми русскими войсками еще находящимися въ Одессѣ».

Въ тотъ же день части бригады, находящіяся въ окрестностяхъ Одессы, перешли въ Овидіополь. Вся же бригада Генерала Тимановскаго, сосредоточившаяся къ 24-му марта въ деревнѣ Бѣляевка, переправиться черезъ построенный мостъ въ Бессарабію не смогла, такъ какъ отъ Генерала д'Ансельма было получено слѣдующее приказаніе: «Части Добровольческой Арміи, находящіяся теперь въ Аккерманѣ, будутъ 8 апрѣля въ теченіе одного дня на баржахъ отправлены въ Бугасъ и будутъ въ распоряженіи Адмирала Куве, находящагося на кораблѣ «Вальдекъ Руссо». Части, находящіяся въ данное время въ Овидіополѣ, немедленно отправятся на Бугасъ лѣвымъ берегомъ Днѣстра».

Для полученія подробныхъ указаній о погрузкѣ на транспорты Генералъ Тимановскій вмѣстѣ съ своимъ Начальникомъ Штаба и Начальникомъ французской 156 дивизіи Генераломъ Боріусомъ, на дрезинѣ прибылъ на станцію Бугасъ, гдѣ и получилъ личное приказаніе Генерала д'Ансельма. Выяснилось, что на транспорты будутъ погружены лишь люди съ винтовками и патронами, пулеметы, телефонное имущество и багажъ. Вся же матеріальная часть артиллеріи, автомобильныхъ частей, обозы и лошади должны были быть оставлены французамъ. При этомъ Генералъ д'Ансельмъ въ присутствіи многихъ французскихъ и русскихъ офицеровъ заявилъ, что за все оставляемое имущество и лошадей будетъ уплачено Генералу Деникину или Генералу Тимановскому. То же самое 26 марта было имъ подтверждено письменно на имя Генерала Тимановскаго: «Французское командованіе не уполномочено выдавать денежные авансы войскамъ Русской Добровольческой Арміи, но въ виду крайней необходимости и принимая во вниманіе численность этихъ войскъ, казалось бы, слѣдовало примѣнить слѣдующій способъ: Русская Добровольческая Армія увѣдомитъ о матеріалахъ и припасахъ всѣхъ родовъ, каковые она считаетъ лишнимъ перевозить моремъ, или которые невозможно будетъ погрузить (напримѣръ лошади). Будетъ составленъ списокъ этимъ матеріаламъ, который союзнымъ командованіемъ будетъ учтенъ при полученіи его отъ частей Русской Добровольческой Арміи. Генералъ Тимановскій благоволитъ увѣдомить, соглашается ли онъ на такое рѣшеніе вопроса и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, сообщить какъ можно скорѣе свѣдѣнія объ оставляемомъ имъ матеріалѣ».

Одновременно Командиру 21 отрѣлковаго полка 156 французской дивизіи Генераломъ Боріусомъ было отдано распоряженіе: «Командиру баталіона Сенъ-Жюльенъ 21 стрѣлковаго полка, поручается составленіе описи и охрана матеріала, оставляемаго Русской Добровольческой Арміей у восточнаго входа перваго моста въ Бугасъ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ этотъ матеріалъ надлежитъ, либо перевезти на правый берегъ Днѣстра, либо на мѣстѣ уничтожить. Полковнику, Командиру А. Д. 156 надлежитъ назначить достаточное количество людей для пріема и временнаго размѣщенія на островѣ Бугасъ лошадей Русской Добровольческой Арміи. Ему же надлежитъ одновременно съ пріемкой лошадей получить отъ Русской Добровльческой Арміи, весь имѣющійся еще у нихъ фуражъ и зерно».

Въ теченіе 27 и 28 марта шло сосредоточеніе бригады на островѣ у станціи Бугасъ. Движеніе совершалось по сыпучимъ пескамъ, на протяженіи 7 верстъ, при чемъ по пути приходилось преодолѣвать желѣзнодорожный мостъ съ рѣшетчатымъ настиломъ, который французы не приспособили къ движенію повозокъ сами, и не позволили сдѣлать это русскимъ. Мостъ былъ занятъ французскимъ карауломъ, который по своему произволу, а иногда и по приказу Генерала Боріуса, прекращалъ движеніе русскихъ повозокъ, людей и лошадей. Поведеніе французскихъ начальниковъ въ этихъ случаяхъ было пренебрежительнымъ и вызывающимъ. Французы думали лишь о спасеніи своего имущества, которое перевозилось по желѣзной дорогѣ, а русскихъ заставляли бросать и то немногое, что ими было взято съ собой и съ такимъ трудомъ тащилось по пескамъ.

Къ полудню 28 марта вся бригада сосредоточилась на островѣ. Въ ожиданіи погрузки, болѣе двухъ сутокъ бригада находилась въ самыхъ печальныхъ условіяхъ: безъ крыши, безъ продовольствія и фуража, въ состояніи полной неопредѣленности и дерганія взадъ и впередъ.

Въ ночь съ 28 на 29 марта бригада была неожиданно передвинута на правый берегъ рѣки Днѣстра, въ районѣ непосредственно къ западу отъ станціи Бугасъ, при чемъ помѣщенія даже для раненыхъ и больныхъ предоставлено не было. Условія жизни были настолько тяжелы, что Генералъ Тимановскій 29 марта доносилъ Генералу д'Ансельму: «Докладываю: 1. Если сегодня не будетъ доставлено, хотя бы къ вечеру продовольствіе на 5 000 человѣкъ, то я уже завтра не могу отвѣчать за дѣйствія своихъ частей. 2. На мѣстѣ бивака всего два колодца. Къ лиману же за водой, черезъ желѣзную дорогу не пропускаютъ. Необходимо разрѣшеніе на пропускъ къ лиману. 3. Лошади начинаютъ падать отъ голода. Необходима немедленная присылка пріемной комиссіи для ихъ пріема. Съ другой стороны необходимо оставить для всѣхъ частей хотя бы 50 лошадей и доставить для нихъ фуражъ. Необходимо немедленное оказаніе помощи больнымъ и раненымъ, находящимся до сихъ поръ на открытомъ воздухѣ. Больныхъ теперь не менѣе ста человѣкъ. Есть случаи серьезныхъ заболѣваній. 5. Прошу письменнаго разрѣшенія на пропускъ въ Аккерманъ интендантской комиссіи въ составѣ 10 человѣкъ, подъ начальствомъ бригаднаго интенданта, для закупки продуктовъ за деньги. 6. Прошу письменнаго разрѣшенія на проѣздъ въ Бухарестъ трехъ моихъ офицеровъ, для личнаго доклада Генералу Геруа. 7. Прошу отвѣтить на каждый пунктъ, въ виду важности каждаго».

Не успѣли еще части перевезти на новый бивакъ свое имущество, какъ около 12 часовъ, послѣдовало новое приказаніе Генерала Боріуса, объ обратномъ переходѣ бригады на лѣвый берегъ рѣки для немедленной погрузки на транспорты, что и было выполнено.

Погрузка перваго транспорта была закончена вечеромъ 30 марта и транспорты начали отходить въ Тульчу.

Утромъ 30 марта къ Генералу Тимановскому, на транспортъ прибылъ французскій офицеръ, съ переводчикомъ Княземъ Гагаринымъ, и предложилъ 150 000 рублей за русскую матеріальную часть, оставленную на лѣвомъ берегу Днѣстра и принятую 156 пѣхотной французской дивизіей.

Такая ничтожная сумма, за то громадной цѣнности имущество, которое было оставлено французамъ, по ихъ же требованію, конечно, принята быть не могла. Отклоняя это унизительное предложеніе Генералъ Тимановскій донесъ Генералу д'Ансельму:

«Во время пребыванія въ Одессѣ, когда было уже рѣшено оставленіе ея, мнѣ для бригады въ предпослѣдній день передъ уходомъ, Генераломъ Шварцемъ было разрѣшено получить 7 500 000 рублей. Я ихъ не получилъ, такъ какъ при попустительствѣ французскаго караула, въ Государственный банкъ были допущены депутаты совѣта рабочихъ депутатовъ (большевики), а на слѣдующій день 23 марта даже ихъ караулы. Взять деньги съ боя у меня не было силъ.

Генераломъ Шварцемъ было обѣщано 800 000 кронъ. Я ихъ не получилъ, такъ какъ Генералъ Шварцъ съ Вашего разрѣшенія сѣлъ на пароходъ, куда пройти за деньгами я безъ боя также не могъ. Въ результатѣ деньги эти увезены Генераломъ Шварцемъ, увезены неизвѣстно куда.

23 марта утромъ, при свиданіи со мной у Васъ, Вы мнѣ обѣщали честнымъ словомъ выдать 10—20 милліоновъ иностранной валютой, на содержаніе Добровольцевъ. Деньги должны были быть получены въ тотъ же день вечеромъ у Полков-

ника Фрейденберга. Когда же вечеромъ мой Начальникъ Штаба Капитанъ Капнинъ съ боемъ на двухъ броневикахъ прибылъ къ Вамъ, то въ деньгахъ было отказано и въ письменной формѣ былъ данъ отвѣтъ: «Деньги не могутъ быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцію, что возьметъ два или три дня». Бумага эта за Вашей подписью и печатью имѣется у меня. Деньги же отъ Васъ такъ и не получены.

26 марта на мосту у ст. Бугасъ, когда выяснилось, что посадка на транспортъ будетъ произведена только людей, пулеметовъ и багажа, а вся матеріальная часть и лошади бросаются, — Вами было обѣщано, за все оставленное имущество, снаряженіе и лошадей уплатить мнѣ или Генералу Деникину. Во исполненіе этого приказа вся матеріальная часть артиллеріи, обозъ, лошади, броневики и легковые автомобили мною оставлены на берегу.

Сегодня 30 марта ко мнѣ на транспортъ прибылъ отъ Генерала Боріуса французскій офицеръ, въ сопровожденіи переводчика Князя Гагарина. Офицеръ привезъ 150 000 рублей русской валютой, не идущей за границей, за нашу матеріальную часть, принятую 156 пѣх. дивизіей, считая это совершенно недостаточнымъ, такую ничтожную сумму для 6 000 человѣкъ (имѣющихся у меня) принять не могу.

Остаюсь безъ денегъ, какъ на мѣстѣ, такъ и на будущемъ пунктѣ остановки.

Исполняя всѣ Ваши приказанія по приказу Генерала Деникина, я никогда не могъ предполагать тѣхъ незаслуженныхъ оскорбленій, униженій, которыя выпали на меня и на подчиненныя мнѣ части. Неужели только за то, что Добровольческая Армія одна осталась вѣрной Союзникамъ, когда весь фронтъ развалился... Ввѣренныя мнѣ части благодаря голодовки, мотаніямъ по постамъ взадъ и впередъ, лишенію матеріальной части, которую мы съ такимъ трудомъ пріобрѣтали, настолько были озлоблены, что мнѣ стоило большого труда и спокойствія, чтобы удержать ихъ въ рамкахъ подчиненія.

Разставаясь теперь съ Вами, Ваше Превосходительство, я по долгу совѣсти и чести доношу Вамъ, что такихъ униженій и скорбленій Высшаго Французскаго Командованія по моему адресу, по адресу русскаго Генерала, который работаетъ съ Франціей 5-й годъ, который погонъ своихъ не снималъ и лица своего не запачкалъ — я никогда не ожидалъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи Генералъ Тимановскій».

По прибытіи бригады въ Тульчу Французскимъ Командованіемъ было предложено, всему составу бригады сдать оружіе. Однако, когда Генералъ Тимановскій заявилъ, что онъ, считая себя Начальникомъ союзной части, можетъ это исполнить, не иначе какъ по приказанію Генерала Франше д'Эспере или Бертело, бригада была пропущена въ городъ съ оружіемъ въ рукахъ, и лишь во время стоянки въ городѣ по распоряженію Генерала Тимановскаго, чины бригады ходили безъ оружія.

Части бригады были размѣщены въ разрушенныхъ домахъ и казармахъ безъ оконъ и дверей.

* * *

Всѣ чины бригады получали лишь половину французскаго пайка и потому жили впроголодь. Купить было не на что. Украинскія деньги, которыя только и имѣлись въ бригадѣ, не имѣли опредѣленнаго курса и почти не принимались. Варка пищи была затруднена до крайности, такъ какъ походныя кухни, по приказанію французовъ были оставлены у Бугаса. Санитарная часть была поставлена очень плохо: городъ больныхъ и раненыхъ не принималъ, а имѣющіяся въ бригадѣ средства не позволяли оборудовать лазареты собственнымъ попеченіемъ.

По настоянію Французскаго Командованія, бригада лишилась всей своей матеріальной части и конскаго состава. Между Каролина Бугасъ и станціей Бугасъ, благодаря открытому противодѣйствію французскихъ начальниковъ, было оставлено: 18 легкихъ, 4—48 линейныхъ и 4 шестидюймовыхъ орудій, 6 бронированныхъ автомобилей, 10 грузовыхъ и 25 легковыхъ автомобилей, 40 походныхъ кухонь, 600 парныхъ повозокъ, 3 000 лошадей, не считая при этомъ цейхгаузовъ съ громаднымъ количествомъ продовольствія, обмундированія, снаряженія и бѣлья, брошенныхъ въ Одессѣ.

Части вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ Одесскомъ районѣ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ доблестно сражавшіяся бокъ о бокъ съ Союзниками противъ большевиковъ, въ тяжелое время оставленія Одессы и отхода въ Румынію не только

не получили никакой помощи со стороны Французскаго Командованія, но, вынеся цѣлый рядъ оскорбленій отъ французскихъ начальниковъ, исключительно вслѣдствіе распоряженій Французскаго Командованія, вынуждены были оставить почти всю матеріальную часть, лошадей и обозъ, т. е. все то, что составляло особенную цѣнность и было до крайности необходимо вооруженнымъ силамъ Юга Россіи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Эвакуація Севастополя.

Съ оставленіемъ союзными войсками Херсона и Николаева, положеніе частей Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, дѣйствующихъ въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Тавріи и защищающихъ Крымскій полуостровъ, становилось крайне тяжелымъ. На лѣвомъ берегу нижняго Днѣпра появились регулярныя совѣтскія войска; бывшія ранѣе въ этомъ районѣ многочисленныя, но разрозненныя грабительскія банды начали принимать правильную организацію; украинскія войска атамана Григорьева окончательно перешли на сторону большевиковъ.

Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, слабыя части Крымско-Азовской Добровольческой арміи принуждены были отходить на Крымскій полуостровъ. Удержаться продолжительное время на перешейкахъ не удалось. Подъ вліяніемъ прорыва фронта у Перекопа и десанта противника, произведеннаго на моторныхъ лодкахъ изъ Геническа, армія продолжала отходить вглубь полуострова въ направленіи на Керчь и удержалась лишь на Акманайской позиціи, поддержанная судовой артиллеріей русскихъ и англійскихъ кораблей.

Непрочность положенія на перешейкахъ сознавалась какъ Русскимъ Командованіемъ, такъ и прибывшимъ 13 марта въ Севастополь Генераломъ Франше д'Эспере. Генералъ Франше д'Эспере указалъ на необходимость продержаться на перешейкахъ еще двѣ недѣли, къ концу которыхъ обѣщалъ оказать помощь. Русскія войска простояли болѣе двухъ недѣль, но помощи отъ французовъ не видѣли...

Въ серединѣ марта гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ двухъ баталіоновъ 175 пѣхотнаго французскаго полка, одного баталіона грековъ, двухъ батарей 242-го артиллерійскаго французскаго полка, небольшого количества вспомогательныхъ французскихъ войскъ и высаженнаго на берегъ экипажа сѣвшаго на мель французскаго линейнаго корабля «Мирабо».

Второй баталіонъ грековъ находился въ Симферополѣ, выдвинувъ одну роту въ Таганашъ, а другую къ станціи Джанкой.

Всѣ упомянутыя войска подчинились Командующему союзными войсками въ Крыму — Полковнику Труссону.

На рейдѣ къ этому времени находилась союзная эскадра, въ составѣ трехъ французскихъ линейныхъ кораблей: «Жанъ-Баръ», «Верніо» и «Мирабо», нѣсколько французскихъ миноносцевъ, англійскаго крейсера «Калипсо» и двухъ греческихъ миноносцевъ. Вся эскадра была подчинена Командующему 2-й французской эскадрой Адмиралу Аметъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и политическимъ комиссаромъ Франціи на Черномъ морѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалось прибытіе колоніальныхъ французскихъ войскъ, которыя, однако, нѣсколько запоздали и высадились въ Севастополѣ лишь въ послѣднихъ числахъ марта.

Противникъ численностью до 8—10 тысячъ, войдя въ Крымъ, большею частью войскъ, продолжалъ наступленіе на Керчь, и тѣ ничтожныя силы, которыя докатились до Севастополя, несомнѣнно, могли быть уничтожены союзными войсками, уже находившимися въ крѣпости, а съ прибытіемъ колоніальныхъ войскъ положеніе Севастополя, казалось бы, должно было сдѣлаться совершенно прочнымъ.

Однако, высадившіеся 30 марта 2 000 алжирцевъ, а 1-го апрѣля столько же негальцевъ, изъ крѣпости никуда не выводились и никакой активности не проявили.

А между тѣмъ, крѣпость эта имѣла чрезвычайное значеніе для Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, продолжая оставаться морской базой Черноморскаго флота и вмѣщая въ себѣ громаднѣйшіе запасы военнаго снабженія всякаго рода.

Въ порту находились исправныя русскія суда, лишь частью нуждавшіяся въ незначительномъ ремонтѣ: 2 крейсера, 6 мнноносцевъ, 7 посыльныхъ судовъ, 3 подводныхъ лодки, 2 канонерскихъ лодки, 2 тральщика, 8 транспортовъ, 7 пароходовъ, 8 буксировъ, 9 катеровъ. Кромѣ нихъ были суда, нуждавшіяся въ капитальномъ ремонтѣ: 2 миноносца, 2 посыльныхъ судна, 6 подводныхъ лодокъ, 1 канонерская лодка, 2 тральщика и 3 парохода.

Уже въ двадцатыхъ числахъ марта положеніе Севастополя становилось тревожнымъ. 21-го марта Полковникъ Труссонъ пригласилъ Коменданта крѣпости Генерала Субботина, его Начальника Штаба и Начальниковъ Артиллеріи и Инженеровъ на совѣщаніе, на которомъ заявилъ, что на случай приближенія большевиковъ, линія обороны крѣпости имъ намѣчается по линіи историческихъ бастіоновъ, за исключеніемъ сѣверной стороны. На указаніе Генерала Субботина о чрезвычайной важности именно сѣверной стороны, питающей городъ водою, Полковникъ Труссонъ заявилъ, что онъ это понимаетъ, но по недостатку силъ сдѣлать ничего не можетъ и надѣется, что противникъ, появившійся на сѣверной сторонѣ, будетъ сметенъ судовой артиллеріей. Одновременно Полковникъ Труссонъ предложилъ Генералу Субботину и Генералу Рербергу войти въ совѣтъ обороны. Объ этомъ былъ отданъ приказъ, который однако остался мертвой буквой, такъ какъ совѣтъ обороны не собирался ни разу. Нѣсколько позже былъ выпущенъ второй приказъ, въ которомъ Полковникъ Труссонъ объявилъ себя Военнымъ Губернаторомъ, а Генерала Субботина — своимъ помощникомъ.

Неоднократныя увѣренія французовъ, что Севастополь ими оставленъ не будетъ, вызывали сомнѣніе. Впечатлѣнія Одессы, Николаева, Херсона были еще слишкомъ свѣжи въ памяти, а опредѣленное заявленіе Полковника Труссона о томъ, что несмотря на рѣшеніе французовъ защищать городъ, всѣ части и учрежденія Добровольческой Арміи должны будутъ покинуть Севастополь, вызвало полное недоумѣніе у всѣхъ. Настроеніе въ городѣ становилось паническимъ.

Тѣмъ не менѣе, тотчасъ-же была образована эвакуаціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ Коменданта крѣпости, которая должна была выяснить все подлежащее эвакуаціи и распредѣлить транспортныя средства. Къ работамъ было приступлено немедленно, однако комиссія засѣдала всего лишь три раза, такъ какъ въ виду объявленія французами осаднаго положенія, хожденіе по улицамъ позднѣе 8-ми часовъ вечера запрещалось и члены комиссіи вечерами собираться не могли, въ выдачѣ же пропусковъ французы отказали.

Вскорѣ по приказанію Полковника Труссона все дѣло эвакуаціи было передано въ вѣдѣніе Русскаго Морского Штаба. Это неизбѣжно сразу же внесло путаницу въ работу. А между тѣмъ съ началомъ эвакуаціи въ Севастополѣ скопилось много бѣженцевъ изъ Симферополя, Ялты, Евпаторіи, Балаклавы и другихъ городовъ. Съ цѣлью успокоенія взволнованнаго населенія и уменьшенія продовольственнаго кризиса представлялось крайне важнымъ скорѣе освободиться отъ этого пришлаго элемента. Однако французская морская база, выдававшая пропуски, производила это крайне медленно; пріемные часы были ограничены, а обращеніе чиновъ базы съ публикой было надменнымъ и оскорбительнымъ. Съ другой стороны, всевозможными повѣрками, Французское Командованіе тормозило какъ погрузку судовъ, такъ и выходъ ихъ въ море.

Для удовлетворенія нуждъ по эвакуаціи военныхъ учрежденій, а также для уплаты жалованія и выдачи пособія чинамъ Добровольческой Арміи, Комендантъ крѣпости потребовалъ изъ мѣстнаго банка, на основаніи имѣвшейся ассигновки, полмилліона рублей. Директоръ банка оплатить таковую отказался подъ предлогомъ неимѣнія денегъ, что на самомъ дѣлѣ было невѣрно, такъ какъ въ распоряженіи Правительства имѣлось до 11 милліоновъ рублей.

Объ этомъ обстоятельствѣ было сообщено Полковнику Труссонъ, который заявилъ, что въ это онъ не вмѣшивается и предоставляетъ Генералу Субботину полную свободу дѣйствій.

Вызвавъ по телефону Директора банка, Генералъ Субботинъ подъ угрозой ареста добился полученія милліона рублей.

Однако черезъ два дня Субботинъ получилъ отъ Полковника Труссонъ слѣдующее сношеніе: «До моего свѣдѣнія дошло:

1. Что Правительство увезло всѣ деньги, оставивъ городское самоуправленіе безъ денегъ.

2. Что пароходъ «Волга» груженный зерномъ ушелъ несмотря на отданный мною приказъ.

3. Что Добровольцы, уходя, грабятъ матеріалы.

Вслѣдствіе этого я приказываю:

1. Ни одному пароходу не будетъ дано разрѣшеніе на выходъ, пока все не будетъ возвращено.

2. Всѣ чины бывшаго Правительства и, главнымъ образомъ, министръ финансовъ будутъ немедленно задержаны, моимъ распоряженіемъ и препровождены ко мнѣ до полудня. Такая же мѣра по отношенію адъютанта Начальника Штаба Командующаго Добровольцами, по фамиліи Мурзинъ.

3. Добровольцы имѣютъ право увозить только ихъ личный багажъ, ружья, пушки, патроны и снаряды. Безусловно воспрещается вывозъ продовольствія городского или государственнаго какого-бы происхожденія оно ни было, въ частности муки, зерна, постельныхъ принадлежностей, мебели и госпитальныхъ матеріаловъ.

Вы непосредственно отвѣтственны въ исполненіи этихъ приказовъ».

Для разъясненія всѣхъ этихъ вопросовъ Генералъ Субботинъ въ тотъ же день лично посѣтилъ Полковника Труссона, который рѣзко заявилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, въ Севастопольскомъ Государственномъ банкѣ было около 11 милліоновъ рублей, деньги эти исчезли и онъ не можетъ допустить, чтобы народное хозяйство расхищалось. На это генералъ Субботинъ возразилъ, что за дѣятельность министровъ онъ не отвѣтственъ.

— «Почему до настоящаго времени они ко мнѣ не доставлены». — «Я понялъ изъ Вашего сношенія, что это будетъ сдѣлано Вашимъ распоряженіемъ». — «Нѣтъ, это должны сдѣлать Вы». — «Я требую, чтобы милліонъ, взятый Вами, былъ возвращенъ».

— «Это невозможно, такъ какъ деньги нужны для расходовъ по эвакуаціи, для оплаты жалованія и выдачи пособій. По закону я имѣю право это сдѣлать. Правительство выдало пособіе всѣмъ, я же выдаю только эвакуирующимся, такъ какъ выдачу пособій не эвакуирующимся считаю несправедливой и у меня не хватитъ денегъ для удовлетворенія претензій этихъ послѣднихъ. Денегъ отъ офицеровъ я отобрать не могу, такъ какъ многіе уже произвели необходимые расходы, а многіе уѣхали. Безъ денегъ я не могу продолжать эвакуацію».

— «Въ такомъ случаѣ я приказываю сдать пятьсотъ тысячъ. У офицеровъ отобрать все, что возможно. Всѣ вышедшія суда будутъ возвращены, обысканы моимъ распоряженіемъ и пока съ нихъ не будетъ снято все, кромѣ собственныхъ вещей, артиллерійскаго имущества и отысканы деньги, ни одно судно не уйдетъ. До тѣхъ поръ, пока я не получу пяти милліоновъ, всѣ министры будутъ арестованы, а также будете арестованы Вы и Начальникъ Штаба».

Давъ исчерпывающія объясненія по всѣмъ остальнымъ пунктамъ сношенія, Генералъ Субботинъ на слѣдующій день написалъ Полковнику Труссонъ:

«Имѣю честь просить Васъ не отказать прислать мнѣ письменное приказаніе возвратить сумму, полученную мною для уплаты содержанія офицерамъ Русской Арміи за прошлые мѣсяцы и добавокъ, который согласно Русскимъ законамъ долженъ быть уплоченъ въ случаѣ эвакуаціи.

Однако прошу имѣть въ виду, что я подчинился Вашимъ приказаніямъ только въ вопросахъ оперативныхъ, а въ вопросахъ снабженія Генералу Деникину, по приказанію котораго я имѣю честь быть Комендантомъ Севастопольской крѣпости. Взамѣнъ милліона, который былъ розданъ офицерамъ и ихъ семьямъ, находящимся нынѣ въ нуждѣ, безъ гроша и крова и для нуждъ самой эвакуаціи, — крѣпость располагаетъ запасами и матеріалами на нѣсколько сотъ милліоновъ.

Я хочу довести до Вашего свѣдѣнія, что свидѣтельство недостатка довѣрія ко мнѣ, какъ высшему представителю Арміи, можетъ быть истолковано, какъ оскорбленіе чести Русской Арміи, какъ бы ни была она мала здѣсь подъ моимъ командованіемъ».

Въ теченіе двухъ дней отвѣта на это письмо не послѣдовало, несмотря на вторичное письмо Генерала Субботина къ Полковнику Труссону, въ которомъ онъ, разъясняя положеніе офицеровъ и ихъ семей, просилъ, отмѣнить приказъ о возвратѣ денегъ, а также не задерживать эвакуаціи, отчего страдали неповинныя женщины и дѣти, и настаивалъ на разрѣшеніи судамъ выйти въ море съ грузами, потому что для разгрузки ихъ не было рабочихъ рукъ.

Наконецъ 1-го апрѣля было получено сношеніе Полковника Труссона: «Разрѣшаю офицерамъ и служащимъ уѣзжать съ деньгами, которыя они получили. Только деньги, которыя Вы смогли возвратить, будутъ сданы Вами въ банкъ подъ расписку. Во всякомъ случаѣ — законъ, который Вы примѣнили для уплаты содержанія впередъ, можетъ быть отнесенъ лишь къ людямъ, исполнявшимъ свой долгъ и уѣзжающимъ согласно приказанія. Между тѣмъ — многіе офицеры Добровольческой Арміи получили впередъ содержаніе несмотря на то, что постыдно бѣжали передъ непріятелемъ, покинувъ безъ боя товарищей, имущество, раненыхъ и являя передъ всѣми самое гнусное зрѣлище. Я не предполагаю, чтобы законъ могъ быть примѣненъ къ этимъ людямъ и противъ этого то злоупотребленія я и хотѣлъ возстать.

Что сдѣлано, то сдѣлано, пусть покидаютъ Севастополь немедленно, но способъ, примѣненный здѣсь для опустошенія Государственной казны передъ бѣгствомъ, будетъ доведенъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ».

Въ высокой степени наглое разсужденіе Полковника Труссона о бѣжавшихъ Добровольцахъ не отвѣчало дѣйствительности и приведено имъ, повидимому, лишь съ цѣлью оправданія своихъ поступковъ.

Полковнику Труссону докладывалось устно и письменно, что пособія выдавались только офицерамъ, живущимъ въ Севастополѣ и бросавшимъ свое имущество. Если въ періодъ эвакуаціи въ Севастополѣ и скопилось довольно значительное количество офицеровъ, то это были лица, прибывшія изъ различныхъ пунктовъ Крымскаго побережья съ предписаніями отправиться въ Новороссійскъ и, во всякомъ случаѣ, среди нихъ не было позорно бѣжавшихъ съ полей сраженія и бросавшихъ раненыхъ товарищей.

Это были тѣ самыя войска, которыя черезъ 2 мѣсяца, свободныя отъ чужого содѣйствія, въ 2 недѣли очистили Крымъ и лѣвый берегъ Днѣпра!..

Что касается заключительной приписки, то къ Генералу Субботину она тоже не могла имѣть отношенія, такъ какъ деньги были взяты съ вѣдома Полковника Труссона и уѣзжать изъ Севастополя онъ не собирался.

Относясь такъ къ обезпеченію эвакуирующихся русскихъ офицеровъ, французы 14-го апрѣля явились на крейсеръ «Кагулъ» и забрали съ собой хранившуюся тамъ часть цѣнностей Государственнаго Банка.

По поводу этого Адмиралъ Саблинъ писалъ Адмиралу Амету:

«Вчера 14-го апрѣля, на крейсеръ «Кагулъ», стоявшій подъ Русскимъ военнымъ флагомъ, прибыли французскій офицеръ и матросъ, взяли часть цѣнностей Государственнаго Банка, хранившихся тамъ, и увезли ихъ.

Все это было сдѣлано безъ моего вѣдома.

Цѣнности на крейсеръ «Кагулъ» были погружены на законномъ основаніи.

Никакого рода злоупотребленія съ моего вѣдома, не могутъ имѣть мѣста на судахъ и частяхъ флота находящихся подъ моимъ командованіемъ.

Для раскрытія какихъ-либо злоупотребленій я всегда пойду на встрѣчу, происшествіе же имѣвшее мѣсто вчера на крейсерѣ «Кагулъ» меня глубоко оскорбило.

Прошу Васъ принять увѣренія въ совершенномъ почтеніи и таковой же преданности. Саблинъ».

Одновременно съ работой по эвакуаціи войсковыхъ частей и учрежденій сухопутнаго вѣдомства, происходили подготовительныя работы по эвакуаціи судовъ. Задача эта являлась наиболѣе сложной, такъ какъ весь Севастополь эвакуировался моремъ и отъ правильнаго и планомѣрнаго распредѣленія транспортныхъ и буксирныхъ средствъ зависѣлъ ея успѣхъ.

Французскому Командованію было своевременно сообщено, что собственныхъ буксирныхъ средствъ для эвакуаціи всѣхъ судовъ не хватитъ. Французы опредѣленно обѣщали помощь и съ этой цѣлью почти всѣ суда были выведены на рейдъ.

Однако въ результатѣ Французское Командованіе не только не оказало помощи, но задерживая суда, пыталось отобрать наши послѣдніе буксиры, невзирая на то, что главныя буксирныя средства порта уже находились въ ихъ рукахъ и намъ не давались несмотря на цѣлый рядъ просьбъ.

Съ цѣлью упорядоченія эвакуаціи, Штабомъ Адмирала Саблина былъ выработанъ опредѣленный планъ, но провести его въ жизнь такъ и не удалось. Французское Командованіе, захватывая и распоряжаясь русскими транспортами и буксирами, нарушало всѣ расчеты и вносило путаницу. Своего же плана французы

не дали, а всѣ распоряженія ихъ были внѣ связи одного съ другимъ и нерѣдко приказанія Адмирала Амета не согласовались съ требованіями Полковника Труссона.

Всякое русское судно, уходившее изъ Севастополя, кромѣ предписанія Штаба флота должно было получить пропускъ отъ французской базы, что иногда задерживало его отходъ на двое и даже трое сутокъ (суда «Терецъ», «Бугъ» и др.).

Все это явилось главной причиной, тормазившей эвакуацію. Въ результатѣ изъ Севастополя ушли лишь суда первой группы, суда второй группы, которыя предполагалось тоже взять на буксиръ, изъ-за недостатка буксирныхъ средствъ, были оставлены въ Севастополѣ.

Что касается эвакуаціи воинскихъ грузовъ, то она происходила еще съ большими треніями. Благодаря инертности французовъ въ охранѣ города, въ Севастополѣ къ концу марта образовался большевистскій «военно-революціонный комитетъ», свободно выпускавшій свои «Извѣстія» и вліявшій на мѣстныхъ рабочихъ, которые отказывались грузить. Кромѣ того, на работавшихъ въ небольшомъ числѣ грузчиковъ происходили частыя нападенія большевиковъ, поэтому требовалась охрана, однако своихъ людей недоставало, такъ какъ они почти всѣ были заняты погрузкой, а французы въ охранѣ отказывали.

Въ результатѣ удалось погрузить лишь немногое, главнымъ образомъ, часть огнестрѣльныхъ припасовъ, на погрузкѣ которыхъ въ качествѣ грузчиковъ работали преимущественно офицеры. Всѣ же остальные огромные запасы почти полностью были брошены.

До 30 марта работы по укрѣпленію города производились вяло, сами французы, вѣроятно, не были увѣрены въ томъ, что смогутъ удержаться въ Севастополѣ долго. Съ нетерпѣніемъ ожидалось прибытіе подкрѣпленій. Отъ Генерала Субботина все тщательно скрывалось. Комендантъ крѣпости не зналъ ни обстановки, ни предположеній Полковника Труссона, не зналъ даже точнаго количества войскъ: все держалось въ секретѣ отъ него. Возможно, что положеніе французовъ было дѣйствительно тяжелымъ, у нихъ шелъ развалъ, но въ то же время не было замѣтно и мѣръ, принимаемыхъ ими противъ этого. Когда Французскому Командованію указывались факты неоспоримой пропаганды, оно выслушивало это съ видимымъ неудовольствіемъ и ихъ отрицало. Русская контръ-развѣдка неоднократно доносила, что нѣкоторые представители Французскаго Командованія сами находились въ оживленныхъ сношеніяхъ съ мѣстными большевистскими элементами. Былъ даже допущенъ пріѣздъ большевистской делегаціи изъ Симферополя, которая совѣщалась съ мѣстными большевиками въ Союзѣ-Союзовъ.

При всемъ этомъ, желая, повидимому, скрыть свое безсиліе, или свои некорректные поступки въ отношеніи русскихъ, какъ союзниковъ, Французское Командованіе упорно отказывалось входить въ положеніе Добровольцевъ и, зачастую, отношеніе его къ русскимъ носило характеръ болѣе чѣмъ презрительный. Съ одной стороны французы требовали скорѣйшей эвакуаціи офицеровъ, а съ другой, когда потребовалось назначеніе охраны на транспорты и таковую пришлось организовать изъ русскихъ офицеровъ, то бросались оскорбительныя обвиненія въ томъ, что офицеры хотятъ спастись въ первую очередь.

Вечеромъ 30 марта въ Севастополь прибыли 2000 алжирцевъ. Настроеніе французовъ измѣнилось. Видно было ихъ опредѣленное рѣшеніе защищать городъ. Суда эскадры получили боевыя задачи, а часть французскихъ моряковъ была высажена на берегъ для несенія гарнизонной службы. 1-го апрѣля начали прибывать транспорты съ сенегальскими войсками.

Въ тотъ же день Адмиралъ Аметъ въ категорической формѣ потребовалъ отъ Главнаго Командира Севастопольскаго порта Адмирала Саблина, немедленно эвакуировать изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Добровольческой Арміи, а также и Штабъ крѣпости. Адмиралъ Саблинъ сообщилъ объ этмъ Генералу Субботину: «Увѣдомляю Ваше Превосходительство, что Адмиралъ Аметъ требуетъ эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Доброарміи въ кратчайшій срокъ, включая въ то число и офицеровъ Штаба крѣпости.

Для означенной эвакуаціи могу предоставить въ первую очередь пароходъ «Морикъ», могущій поднять 600 человѣкъ.

Прошу Ваше Превосходительство не отказать увѣдомить меня, когда можетъ быть произведена посадка».

Генералъ Субботинъ не считалъ себя въ правѣ покинуть крѣпость безъ раз-

рѣшенія Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи и просилъ Полковника Труссона срочно отправить радіотелеграмму въ Екатеринодаръ Главнокомандующему: «Адмиралъ Аметъ черезъ Адмирала Саблина требуетъ немедленно эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ чиновъ Управленій и Штаба крѣпости, мотивируя тѣмъ, что отсутствіе въ Севастополѣ Добровольцевъ облегчитъ Союзникамъ задержать наступленіе и задержать входъ въ городъ совѣтскихъ войскъ. Много артиллерійскаго и телеграфно - телефоннаго имущества не вывезено. Прошу указаній. Безъ Вашего приказанія выѣхать отказываюсь 1/14 апрѣля № 2 891».

Въ тотъ же день, 1-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ письмо отъ Адмирала Амета: «Отъѣздъ войскъ Добровольческой Арміи дѣлаетъ присутствіе Русскаго Генеральнаго Штаба въ Севастополѣ не нужнымъ и я того мнѣнія, что слѣдуетъ также выслать его въ Керчь или на Кубань. Я нахожу, что было бы лучше, если бы Вы сами направились туда же, Ваше присутствіе въ Севастополѣ дастъ больше неудобствъ чѣмъ выгодъ для сохраненія города и арсенала.

Во имя русскихъ интересовъ, я считаю своимъ долгомъ Васъ просить, какъ бы ни было Вамъ тяжело, предоставить Полковнику Труссону одному заботу о защитѣ этого города и выѣхать на Кубань, на русскомъ или французскомъ пароходѣ, который туда направляется въ скоромъ времени.

Было бы хорошо оставить въ Севастополѣ офицера или служащаго крѣпости вполнѣ въ курсѣ военныхъ учрежденій, ихъ топографическаго положенія, ихъ содержимаго, ихъ запасовъ (казармы, склады и т. д.).

Было бы также необходимо передать Полковнику Труссону экземпляровъ 10 разныхъ картъ, которыя могутъ быть въ Русскомъ Генеральномъ Штабѣ, карты крупнаго масштаба самой крѣпости, карты окрестностей по обводу въ 15 километровъ.

Повѣрьте мнѣ, дорогой Генералъ, что я очень сочувствую Вашей горести въ эту минуту. Я шлю самыя горячія пожеланія для возрожденія Вашей прекрасной Родины. Будьте увѣрены, что приложу для этого всѣ свои усилія. Вашъ искренно преданный Аметъ.

P. S Чтобы оправдать Васъ передъ Командующимъ Добровольческой Арміей, я Вамъ пошлю офиціальное письмо, въ которомъ буду просить Васъ покинуть Севастополь со всѣми Добровольцами».

2-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ извѣщеніе отъ Полковника Труссона: «Честь имѣю увѣдомить Васъ, что за перерывомъ безпроволочнаго телеграфа между Севастополемъ и Екатеринодаромъ, я не могу сегодня же передать Ваше донесеніе за № 2 891.

Что касается разрѣшенія, которое Вы просите объ отъѣздѣ Вашемъ изъ крѣпости, я не вижу препятствій, съ тѣмъ условіемъ, все - же, что въ Севастополѣ останется чиновникъ вполнѣ знакомый съ крѣпостью, всѣми военными постройками, ихъ содержаніемъ и ихъ примѣненіемъ».

Въ 5 часовъ дня 2 апрѣля началось наступленіе большевиковъ силою около двухъ баталіоновъ на сѣверную сторону и на Инкерманскій водопроводъ. Французы открыли сильный артиллерійскій, ружейный и пулеметный огонь.

Греческій караулъ, занимавшій водопроводъ, былъ окруженъ большевиками и при помощи подоспѣвшихъ подкрѣпленій съ большими потерями едва смогъ пробиться въ городъ. Къ ночи Инкерманъ былъ взятъ и городъ остался безъ воды.

Съ наступленіемъ темноты на рейдѣ началась перестрѣлка. Адмиралъ Саблинъ тотчасъ же командировалъ на Французскій линейный корабль Жанъ Баръ къ Начальнику Штаба Командующаго Французскимъ флотомъ своего офицера съ приказаніемъ оріентироваться въ создавшемся положеніи. Начальникъ Штаба устно сообщилъ слѣдующее:

«Передайте Адмиралу, что происшедшій сейчасъ обстрѣлъ Сѣвернаго рейда въ части, прилегающей къ Черной рѣчкѣ и радіостанціи, произведенъ по ошибкѣ французской артиллеріей, а не большевиками, но большевики находятся вблизи Севастополя, главнымъ образомъ въ раіонѣ Инкермана. Произведенной нами воздушной развѣдкой выяснено, что силы ихъ, повидимому, незначительны. Что касается распоряженій по городу и флоту, то мною отданъ приказъ войскамъ и флоту быть въ боевой готовности. Генералу Субботину мною предложено немедленно оставить городъ и вывести изъ него русскія войска. Пароходамъ съ бѣженцами совѣтую покинуть Севастополь возможно скорѣе. Склады боевыхъ припасовъ и портовые магазины я постараюсь сберечь по мѣрѣ возможности, но воз-

можно ли это будетъ сдѣлать, сейчасъ сказать не могу, т. к. они мною еще не осмотрѣны. Что касается русскихъ военныхъ судовъ, то Адмиралъ можетъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, и уйти съ рейда когда пожелаетъ, я здѣсь никого не задерживаю. Про себя могу сказать, что я могу твердо держаться на рейдѣ пока того желаю, но не могу того же сказать про городъ. Сейчасъ я только что получилъ отъ большевиковъ просьбу принять ихъ делегацію для переговоровъ. При переговорахъ постараюсь сдѣлать все возможное, чтобы избавить городъ отъ боя въ его предѣлахъ и спасти городъ отъ бомбардировки».

Около 2 часовъ ночи Адмиралу Саблину было передано требованіе Адмирала Амета о немедленномъ выходѣ всѣхъ судовъ въ море.

«Въ интересахъ сохранности арсенала, которую я вполнѣ надѣюсь обезпечить, я Васъ прошу приказать «Кагулу» и остальнымъ кораблямъ, которые Вы хотите увезти отсюда, сняться въ теченіе текущей ночи и ближайшаго утра. Это равносильно тому, что и лично Вы вмѣстѣ съ морскими офицерами, за исключеніемъ командира порта и тѣхъ офицеровъ, безъ которыхъ нельзя обойтись въ дѣлѣ помощи намъ по сбереженію портовыхъ учрежденій, — уйдете отсюда.

Прошу Васъ сообщить списокъ остающихся офицеровъ, чтобы я могъ снабдить ихъ охранными свидѣтельствами, взявъ ихъ подъ свою защиту.

Я считаю также условленнымъ, что тральщики останутся здѣсь, чтобы очистить минныя поля, вмѣстѣ съ авіаторами, которые имъ помогутъ.

Выражая свое искреннее сожалѣніе, что мнѣ приходится писать Вамъ по этому поводу и присоединяя свои самыя горячія пожеланія о возсозданіи Русскаго Флота, я прошу Васъ, Дорогой Адмиралъ, принять увѣренія въ искренней преданности. Аметъ».

Въ отвѣтъ на это Адмиралъ Саблинъ сообщилъ:

«Я никакъ не предполагалъ, что съ момента появленія большевиковъ въ окрестностяхъ Севастополя и до входа ихъ въ Севастополь пройдетъ такъ мало времени. Я полагалъ, что получу предупрежденіе объ уходѣ заблаговременно. Меня ставитъ въ очень затруднительное положеніе еще то, что прдупрежденіе пришло вечеромъ и я теряю время съ 8 часовъ вечера до 4 часовъ утра для сбора офицеровъ, которые были при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей на берегу, ибо передвиженіе въ городѣ ночью воспрещено.

Оставляю Вамъ тральщики и гидроавіацію и полагаю, послѣ минованія въ нихъ надобности, Вы ихъ вышлете ко мнѣ въ Новороссійскъ.

Командиру порта капитану 1 ранга Никонову я приказалъ оставаться; что же касается офицеровъ для связи, то я ихъ теперь ночью не въ состояніи отыскать. Прошу принять всѣхъ оставшихся офицеровъ подъ свое покровительство.

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности М. Саблинъ».

Русскій офицеръ, отвозившій это письмо Адмиралу Амету, возвратившись съ линейнаго корабля Жанъ Баръ, донесъ Адмиралу Саблину:

«Доношу Вашему Превосходительству, что пока я ожидалъ на французскомъ кораблѣ Жанъ Баръ отвѣта на Ваше письмо, переданное мною по приказанію Вашему Адмиралу Амету, къ дежурному офицеру вошелъ сигнальщикъ съ вахты, доложилъ, что выходитъ въ море русскій миноносецъ на буксирѣ и получилъ отъ дежурнаго офицера приказаніе послать катеръ, чтобы задержать буксиръ, а миноносецъ выпустить или поставить на бочку, если онъ не можетъ идти самостоятельно. Объ изложенномъ считаю долгомъ донести Вашему Превосходительству, опасаясь, что такого рода распоряженіе Французскаго Командованія могутъ сдѣлать эвакуацію нашихъ кораблей фактически невозможной».

Немногія русскія суда, способныя къ самостоятельному ходу, и небольшая часть судовъ располагавшая остатками буксирныхъ средствъ — вышли въ море. Всѣ же остальныя суда, благодаря захвату французами нашихъ буксировъ, остались въ Севастополѣ.

Генералъ Субботинъ рѣшилъ, что дальнѣйшее его пробываніе въ Севастополѣ безцѣльно и приказалъ передать, что Штабъ крѣпости начнетъ грузиться въ 5 часа утра 3-го апрѣля. Утромъ и днемъ 3 апрѣля было тихо. Около 3-хъ часовъ дня пароходъ «Георгій» со Штабомъ крѣпости вышелъ въ море, взявъ курсъ на Новороссійскъ. Когда «Георгій» былъ на высотѣ Балаклавы, несмотря на встрѣчный вѣтеръ, со стороны Севастополя доносился гулъ канонады...

Вскорѣ стало извѣстно, что союзныя войска въ Севастополѣ, заключили съ большевиками перемиріе, а затѣмъ и совсѣмъ покинули городъ.

ВЫПИСКА*)

из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным, за время с 1-го января 1915 г. по 10-е февраля 1916 г.

1915 год.

1 января. Распутин послал телеграмму в Покровское[1]) сельскому старосте: «Лес выхлопотал даром, возить, когда разрешат рубить».

10 янв. Шаповаленкова[2]) принесла ему в подарок ковер. Послал телеграмму: «Царское, дворцовый госпиталь, Анне Александровне Вырубовой[3]). Хотя телом не был, радую духом, чувство мое, чувство божие. Посылаю ангела утешать и успокаивать, позови доктора».

12 янв. Распутин принял прошения от крестьянина Саратовской губернии Гавриила Пантелеева Шишкина на высочайшее имя с просьбой о помиловании (приговорен судом к заключению в крепости по делу о какой-то секте) и от крестьянина Тамбовской губернии Александра Осипова Слепцова тоже о помиловании, осужденного за подлоги каких-то векселей. За хлопоты с них взял 250 рублей.

17 янв. Распутин на 50 минут посетил бани в д. № 3 по 4-ой Рождественской ул., но был ли он там один или с кем-либо, наблюдение не видело.

18 янв. Распутину принес 1000 руб. и отдал ему под расписку в разносной книге артельщик статского советника (поставщика угля на флот) Гинсбурга[4]), крестьянин Август Корнилович.

26 янв. Симанович[5]) принес Распутину несколько бутылок вина. В этот вечер у Распутина был бал в честь каких-то освобожденных из тюрьмы. На

---

*) Настоящая выписка изъ данныхъ наружнаго наблюдеія за Григоріемъ Распутинымъ воспроизводится изъ тома 5-го выходящаго въ Москвѣ «Краснаго Архива». По словамъ редакціи «Краснаго Архива», эта сводка въ уже сокращенномъ видѣ получена при посредствѣ одного лица, имя котораго не указывается, отъ генерала Комиссарова. Въ виду значительнаго интереса, представляемаго этой сводкой, и не имѣя возможности свѣрить ее съ подлинникомъ, мы воспроизводимъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она отпечатана въ «Красномъ Архивѣ». Примѣчанія, составлены, повидимому, на основаніи табели, ведшейся относительно всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ и посѣщаемыхъ Распутинымъ.

[1]) Село Покровское, Тобольской губ., родина Распутина.

[2]) Шаповаленкова, Анастасья Николаевна, жена доктора, поклонница Распутина; адр.: Каменноостровск. просп., 24-а.

[3]) Вырубова, Анна Александровна, дочь сенатора Танеева, фрейлина и интимный друг царицы, поклонница Распутина; адр.: Царское Село, Церковная ул., 2.

[4]) Гинсбург, Моисей Акимович, 63 лет, действ. ст. сов. и коммер. сов., петр. 1-й гильдии купец, банковск. делец; адр.: Вас. Остр., 11-я лин., 18.

[5]) Симанович, Арон Симонович, 42 лет, петрогр. 1-й гильд. купец, из гор. Мозыря. Личный секретарь Распутина; адр.: Пушкинская, 9, затем Николаевская, 8.

балу были: супруги Волынские[1], Шаповаленкова, Мария Головина[2]) и еще по одиночке пришли неизвестные 4 мужчины и 6 женщин, у одного из мужчин была гитара. На вечеринке было очень шумно: пели песни, плясали и кому-то аплодировали; гулянье затянулось до позднего времени.

28 янв. Фон-Бок[3]) с неизвестным привез Распутину ящик вина.

12 февраля. Распутин с неизвестной женщиной проведен в д. № 15—17 по Троицкой улице к князю Андроникову[4]). Отсюда выхода его не видели, а в 4 с половиной часа утра пришел домой в компании 6 пьяных мужчин (с гитарой), которые пробыли до 6 часов утра, пели и плясали. Утром Распутин никого не принимал, так как спал.

18 февр. Распутин послал телеграмму: Царское Село, Вырубовой. «Скажи завтра Коровиной, чтобы была у тебя в трн».

19 февр. Распутин в 10 ч. 15 м. вечера вышел из д. № 1 по Спасской ул. от Соловьевых[5]) с двумя дамами и на таксомоторе уехал без наблюдения, а в 3 ч. ночи он вернулся домой один.

21 февр. К Распутину на моторе приехал Николай Алексеевич Глазов и привез с собою несколько бутылок вина. Захватив Распутина, уехали вместе в Большую Северную гостиницу к Тереховой-Миклашевской[6]). Распутин пробыл здесь 1 ч. 50 минут.

10 марта. К Распутину приходила Евгения Карловна Ежова[7]) просить его содействия по устройству ей подряда по поставке белья для войск, на 2 миллиона рублей. Около часу ночи к Распутину пришли человек 7—8 мужчин и женщин, во главе с прапорщиком Карпотиным[8]) и пробыли до 3 часов ночи. Вся компания кричала, пела песни, плясала, стучала и все пьяные вышли вместе с Распутиным и отправились неизвестно куда.

11 марта. В 10 ч. 15 м. утра Распутин встречен один на Гороховой улице и проведен в д. № 8 по Пушкинской ул., к проститутке Трегубовой[9]), а оттуда в баню.

12 марта. Распутину на квартиру Алексеев[10]) принес одну бутылку вина.

13. марта. Миллер[11]) купила Распутину шапку. В 6 ч. 50 м. вечера Распутин направился с двумя дамами в д. № 76 по Екатерининскому каналу, к Савельевым, где пробыл до 5 ч. утра и весь день лежал больной.

14 марта. Поган принес икону и кружку для постановки в передней в квартире Распутина для сбора пожертвований.

25 марта. Распутин выбыл в Москву.

26 марта. В отсутствие Распутина приходила просить Варвара Нищенко[12]) об освобождении ее дяди, полковника Жилецкого, призванного из запаса, за что обещала дать ему 2000 рублей.

---

[1]) Волынские, Михаил Давыдович, 54 лет, агроном, и жена его Софья Леонтьевна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Троицкая, 15—17.

[2]) Головина, Мария Евгеньевна, 26 лет, дочь действ. ст. сов., поклонница Распутина; адр.: Мойка, 104.

[3]) Фон-Бок, Лев Карлович, 52 л., колл. сов.; адр.: Соляной пер., 7—12.

[4]) Князь Андроников, Михаил Михайлович, 28 л., причисленный к министерству внутр. дел, чиновник; адр.: Троицкая, 15—17, затем: Фонтанка, 54.

[5]) Соловьевы, Николай Васильевич, 52 л., действ. ст. сов., крупный чиновник святейш. синода, и жена его Елизавета Петровна, 30 л., поклонница Распутина; адр.: Спасская, 1, затем Гороховая, 69.

[6]) Терехова, Евгения Георгиевна, 23 лет, урожд. Миклашевская, потомст. дворянка, куртизанка; адр.: Невский, 118, (Северн. гостин.).

[7]) Ежова, Евгения Карловна, 41 г., жена Клинского мещанина; адр.: Невский, 118 (гост. Северная), затем Морская, 39/12 (гост. Астория).

[8]) Карпотины, Николай Вас., 19 лет, прапорщ. учебн. автомобильн. роты и жена его Ольга Васильевна; адр.: Петрогр. Сторон. Больш. просп., 74.

[9]) Трегубова, Вера Иевлевна, 26 лет, Шлиссельбургск. мещанка, замужняя, выкрещенная еврейка, проститутка; адр.: Пушкинская, 8.

[10]) Алексеев, Борис Кириллович, 30 л., чиновн. особ. поруч. VII кл. при мин. торг. и пром., титулярн. сов., жена его Ольга Сергеевна, 30 л.; адр.: Фонтанка, 88.

[11]) Миллер, Малка-Лея-Бася, 41 г., жена Слонимск. мещанина Моисея Нисонова Миллера; адр.: Лиговка, 45.

[12]) Нищенко, Варвара Алексеевна, 35 л., вдова надворн. сов., Вознесенск. просп., 27.

30 марта. Распутин вернулся из Москвы. Послал телеграмму в Москву: 1. Большой Гнездниковский пер., д. 10, княгине Тенишевой. — «Радуюсь за откровение, обижен за ожидание, целую свою дорогую». 2. Козицкий пер., дом Бахрушина, Джанумовой [1]). — «Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобой целую».

3 апр. Распутин привел к себе на квартиру в 1 ч. ночи какую-то женщину, которая и ночевала у него.

9 апр. Распутин в 9 ч. 45 м. вечера проведен в д. № 18 по Садовой ул. к окончившему курс московского университета Алексею Фролову Филиппову, бывшему издателю газет «Деньги» и «Биржевой День», и оставлен здесь в 2 часа. Было замечено, что происходило какое-то собрание или пирушка. Распутин вернулся домой в 6 ч. 30 м. утра.

15 апр. Распутин с монахом Мартианом [2]) был в д. № 45 по Лиговке у потомственного почетного гражданина Василия Евгениевича Пестрикова. За отсутствием последнего они с сыном его и еще неизвестным студентом кутили. Играл какой-то музыкант. Пели песни и Распутин плясал с горничной Пестрикова.

25 апр. Распутин послал телеграмму тобольскому епископу Варнаве [3]): Был у Обера [4]) отклоняет по поводу войны, был ласков, но не по нашему делу».

26 апр. Около 10 ч. вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и женщины, человек 10—12, в том числе Алексеев, Лисенко, Рубинштейн [5]) с какой-то женщиной. В 11 ч. была слышна игра на гитаре и пляска; кому-то аплодировали. Это происходило до двух часов ночи.

27 апр. Было слышно, что Распутина вызывают в Царское Село, но так как он еще не проспался, то Волынский и баронесса Кусова [6]) не советовали ему в таком виде ехать и говорили: «испортит все дело». Между собой вели разговоры: «что-то наш старец избаловался». Посоветовали ему часа два спать и сказали, чтобы в квартиру к нему никого не пускали.

9 мая. Распутин посылал жену швейцара к массажистке, но та отказалась его принять. Тогда он сам пошел в том же доме к портнихе «Кате», 18 лет и говорит ей: «Почему ты не приходишь ко мне?». Она ответила, что «Нет костюма». «Ты приходи ко мне через неделю, я тебе дам 50 рублей».

11 мая. Распутин послал телеграмму Саблеру: «Милый, дорогой, вчера мы беседовали там с мамой, нашли, что не так просто беспокоить владыку нашего. Они надеются, что можно удержать дело».

Распутин привел к себе на квартиру проститутку и запер в комнате, но прислуга ее выпустила.

12 мая. Распутин послал телеграмму Тобольскому губернатору: «У меня в Покровском три недели живет подозрительный человек, то говорит из Москвы, то другого места. Ответ пошлите Царское Село Вырубовой».

14 мая. В 5 часов вечера направился в д. № 15 по Малой Дворянской улице к Бельковскому и Цезаревой. В 10 ч. в одной из комнат квартиры, занимаемой Бельковским, не было огня, но наблюдению удалось увидеть с улицы, как одна из присутствовавших там женщин перешла освещенный зал и заглянула в темную комнату, и вскоре побежала в ту комнату, где сидели мужчины. После этого было видно, как Распутин, услыхав, повидимому, тревогу, выбежал из темной комнаты, в передней схватил свою шляпу, пальто и, не одеваясь, выбежал на улицу, а в нескольких шагах бежали за ним двое мужчин. Последние только выбежали на улицу и один сказал: «Вот он бежит», и затем оба вернулись в дом. Распутин же на ходу вскочил на извозчика и стоя ехал до Литейного проспекта, все время озираясь, не гонятся ли за ним, а потом остановился среди улицы, пропустил мимо себя всех ехавших за ним и, успокоившись, возвратился домой.

---

[1]) Джанумова, Анна — Елена Францевна, 35 лет, жена моск. купца, поклонница Распутина; Петрогр. адрес: Мойка, 60 (гост. «Россия»).

[2]) Мартиан, игумен Тюменского монастыря, закадычный друг Распутина.

[3]) Варнава, епископ Тобольский, друг и ставленник Распутина.

[4]) Обер-прокурор свят. синода, Саблер.

[5]) Рубинштейн, Дмитрий Леонович, 39 лет, кандидат юридич. наук, банковский делец, крупный аферист; адр.: Царицынская ул., 5.

[6]) Баронесса Кусова, Вера Илларионовна, жена ротмистра, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская, 5.

18 мая. Распутина просил инженер Мендель Нейман [1]) устроить высочайшее помилование от 8-месячного сидения в крепости, осужденного за укрывательство или подкуп от воинской повинности. Посредником при передаче прошения Распутину был Поган.

19 мая. Распутин сказал Нейману, что прошение передано «самому». Длин [2]), она же Долина, просила Распутина устроить переход в русское подданство купца Мандль [3]).

26 мая. Распутин вместе с проституткой Трегубовой приехал на моторе купца Мануса [4]) домой пьяный. Страстно целовал Трегубову при прощании и трепал по щеке, а затем жену швейцара посылал за портнихой «Катей», в том же доме, квартира № 31, но ее не было дома.

1 июня. Распутин послал телеграммы: в Покровское, Новых [5]). «Скорблю, рвусь домой. У Аннушки [6]) горе, будет операция, пока не отпускают. Как у вас дела, целую», и туда-же Шестакову (начальнику почтово-телеграфной конторы), «Дай им две тысячи своих, через три недели привезу».

2 июня. Распутин в 10 часов вечера приехал домой пьяный с Манусом и Кузьминским [7]) и, не заходя в квартиру, послал жену швейцара за массажисткой Утиной, живущей там же, но дома ее не оказалось. Тогда он сам отправился в тот же дом в квартиру № 31 к портнихе Кате. Повидимому, его не пустили в квартиру, так как он вскоре вернулся и на лестнице стал приставать к жене швейцара, прося его поцеловать. Та, вырвавшись, позвонила к нему в квартиру и прислуга его, Дуня, увела Распутина домой.

14 июня. Добровольский [8]) привез Распутину корзину вина, а потом эту корзину с вином отвезли в д. № 18 по Садовой ул. к Филиппову.

15 июня. Распутин выехал в село Покровское.

19 июня. В Тюмени Распутин остановился на сутки в мужском монастыре у своего друга, настоятеля этого монастыря, Мартиана. В тот же день был дан Мартианом обед, на котором присутствовали и светские лица с женами. После обеда Распутин был заметно выпивши. По словам о. Мартиана, Распутин один выпил около 2-х четвертей монастырского вина.

20 июня. Распутин с Мартианом, Патушинской и Дуней, имея сверток со свежими огурцами и полведра вина, на монастырских лошадях поехали к проживающему в Тюмени Стряпчеву, где пробыли 40 минут.

24 июня. У Распутина в своем доме в селе Покровском были гости, и он, выпивши, заводил граммофон, плясал и несвязно подпевал. В тот же день рассказывал своим поклонникам, как он освободил от наказания триста человек баптистов и с каждого должен был получить по тысяче рублей, но получил всего лишь пять тысяч. А когда последний раз был у государя, то отстоял от призыва ратников ополчения 2-го разряда до осени, т.-е. до окончания уборки хлеба.

Через с. Покровское проезжал тобольский губернатор. Во время остановки парохода Распутин заходил и просил губернатора сложить штраф в размере 50 рублей, наложенный на крестьянина с. Покровского за постройку дома на неуказанном месте.

25 июня. Во время прогулки по селу Распутин рассказывал агентам, что его любят три министра: Горемыкин, князь Шаховской и третьего не договорил, и что

[1]) Нейман, Мендель-Эммануил Янкелевич инженер-технолог; адр.: Садовая, 9.

[2]) Длин, она же Долина, Ефросинья Михайловна, 27 л., Новгородская мещанка, крещ. еврейка; адр.: Лиговка, 44.

[3]) Мандль, крупный московск. купец, торг. готовым платьем, пострадавший при черносотенном антинемецком погроме в начале войны.

[4]) Манус, Игнатий Порфирьевич, Петрогр. 1-й гильдии купец, крупный банкир, делец и аферист; адр.: Таврическая, 3-6.

[5]) Новых — новая фамилия Распутина. Телеграмма адресована им жене.

[6]) Анна Вырубова отдавила на жел. дороге ногу. Часть ступни ей ампутировали.

[7]) Кузьминский, Василий Александрович, старш. лейтенант гвард. флотск. экипажа, его жена Надежда Дмитриевна, 28 лет, поклонница Распутина, адр.: Торговая 4, кв. 32.

[8]) Добровольский, Иван Иванович, 48 л. колл. сов., инспектор нар. училищ Царскосельского уезда, впоследствии уволенный. Жена его Мария Семеновна, 29 лет, поклонница Распутина, адр.: Пушкинская, 17, кв. 5.

великий князь Николай Николаевич ему хорошо знаком и что в 1905 году великий князь дал бы России конституцию, но еще было рано.

26 июня. В с. Покровское, к соседке Распутина, Наталье, пришла какая-то женщина и расспрашивала про него, а затем просила переночевать у нее, но та не позволила ей, а утром, придя, рассказала все это Распутину. Последний сейчас же послал десятского искать эту женщину по селу, но не нашел. Распутин очень струсил и долго припоминал Царицынских знакомых женщин.

27 июня. Распутин получил телеграмму из Царского Села от Вырубовой: «Чувствуется горе, скучаю, писала, благослови. Анна».

29 июня. Послал телеграмму Вырубовой. Содержание неизвестно.

30 июня. К Распутину приехали в экипаже из Тюмени епископ тобольский Варнава и настоятель мужского монастыря о. Мартиан. Последний привез два полуведерных боченка вина.

1 июля. К Распутину из Тюмени на пароходе приехал неизвестный еврей, повидимому, какой-то промышленник, проживающий в Перми. Пробыл 40 минут.

4 июля. К Распутину приехал опять о. Мартиан и в тот же день на пароходе с женою Распутина и Дуней уехал в Тюмень.

5 июля. Распутин выходил на пристань встречать какую-то прибывшую из Тюмени женщину и говорил с ней 20 минут. Женщина поехала за Тобольск. В тот же день к нему приехали еще две женщины, живущие в Тюмени, как видно, первый раз.

Послал две телеграммы: Царское Село, Вырубовой — «Как здорова, целую», и Петроград, Пушкинская, 17 Добровольскому — «Скажи, кто третьего выехал».

7 июля. Приходил из села Коврижки дьякон и целовал Распутину руку. В 8 часов 10 минут вечера из Петрограда приехала Елизавета Петровна Соловьева[1]) и с нею из Тюмени жена Распутина и Дуня.

9 июля. К Распутину пришел вновь назначенный в с. Покровское священник отец Сергей и целовал у Распутина руку. В 8 часов вечера Распутин вышел из дома с красным лицом, повидимому, выпивши, и с ним Соловьева. Сели в экипаж и вдвоем поехали далеко за деревни в лес. Через час вернулись, при чем он был очень бледный.

11 июля. К Распутину из Ялуторовска приехала Патушинская, жена офицера. Минут через 10 вышли из дома Соловьева и Патушинская, обхватив Распутина с обеих сторон, а он их, при чем Патушинскую взял рукою за нижнюю часть туловища. В продолжение дня играли на граммофоне, и он был очень весел, пил вино и пиво.

12 июля. Соловьеву вызвал муж телеграммой в Петроград. Распутин, обхватившись с Патушинской, гулял в своем дворе и был очень весел.

13 июля. Распутин после купанья пошел к жене псаломщика Ермолая, которая ожидала его у своего окна и пробыл у нее полчаса. Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями.

Патушинская уехала в Ялуторовск по вызову мужа, при чем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием.

14 июля. Распутин уехал в Тобольск к Варнаве. Агентов с собой не взял.

15 июля. К Распутину из Петрограда приехал Добровольский с Авчуховой (ныне его жена).

17 июля. Распутин вернулся из Тобольска. Добровольская после завтрака играла на пианино и пели песни все хором. Распутин много хлопал в ладоши и притаптывал ногами, а потом ходил, обнявшись с Добровольской, не стыдясь своих дочерей. Затем отправились в поле, пели песни, бегали и Распутин играл в мяч.

20 июля. Распутин и Добровольский с женой были в том же селе в гостях у Арапова. Вышел отсюда Распутин выпившим и зашел к жене псаломщика Ермолая. В 5 часов 40 минут дня Распутин, вернувшись домой, хотел опять итти на улицу, но Дуня просила не ходить. Послал ее «к чорту», пьяный ходил прямо, не разбирая грязи. Во время прогулки Распутин разговорился относительно войны. «Прошлый год, когда я лежал в больнице и слышно было, что скоро будет война, я просил государя не воевать и по этому случаю переслал ему штук 20 те-

---

[1]) Соловьева, Елизавета Петровна, 30 л., жена действ. ст. сов., крупн. чиновника свят. синода, поклонница Распутина.

леграмм, из коих одну послал очень серьезную, за которую, якобы, хотели меня предать суду. Доложили об этом государю, и он ответил, что это «наши домашние дела и суду не подлежат». Затем Распутин вел разговор относительно прибывшего в с. Покровское священника о. Сергея. Разговор возник из-за того, что в с. Покровском 20 июля был крестный ход, затем молебен с водосвятием, для каковой цели поставлены были четыре ведра с водой. Священник, увидев 4 ведра, заявил, что четыре раза молебен он служить не будет, порознь для каждого ведра. Тут нашлись смельчаки из молящихся и об'яснили ему, что достаточно и одного молебна на все четыре ведра сразу. По окончании молебна священник не хотел дать приложиться к кресту, а заявил, что это будет в церкви после обедни, на что молящиеся запротестовали, и священник вынужден был согласиться и дал им приложиться. Священник этот совсем не знает богослужения и есть слух, что он происходит из московских купцов и прислан сюда по рекомендации редактора журнала «Колокол», Скворцова. В заключение Распутин сказал, «не знаю, что делать с о. Сергием».

Распутин получает много писем и телеграмм и сам много отправляет, но агентам перестал давать относить их на почту.

21 июля. Распутин, Добровольский с женой, дьякон Ермолай с женой и две дочери Распутина на пароходе отправились до Тюмени, а оттуда в Ялуторовск к Патушинским. Во время пути Добровольская играла на пианино.

22 июля. В Ялуторовске на вокзал приехала встречать Патушинская на паре собственных лошадей, посадила с собой Распутина, а остальные расселись на извощиках и отправились на квартиру к Патушинским, где их встретил сам Патушинский. В 8 ч. вечера Патушинская, Добровольский с женой и дочери Распутина гуляли по улицам. Около 10 часов вечера (повидимому, это было условлено заранее) Распутин выпрыгнул в окно на двор на террасу, а Патушинская вышла в заднюю дверь и затем через окно на двор и в тот же момент подала рукой знак Распутину и вместе удалились в темноту.

23 июля. Добровольский с женой уехали в Петроград. В 12 часов дня Распутин с дочерьми и Патушинской пошли в лес за городом, но через полчаса вернулись. Дочери зашли в дом, а Распутин с Патушинской пошли в нежилой дом в саду и через 20 минут оттуда вернулись. По словам прислуги Патушинских, в том доме когда-то жили князья-декабристы.

24 июля. Распутин с дочерьми уехал от Патушинских в Тюмень и там, оставив дочерей на пристани, сам отправился к настоятелю Мартиану. Через два с половиной часа Распутин вышел вместе с Мартианом, неся корзину, повидимому, с вином и один отправился на пристань и уехал с дочерьми в с. Покровское.

27 июля. Распутин с сыном на лошадях отправились в Тюмень, а отсюда по железной дороге в Петроград. Во время пути на одной из станций обедал с одной тарелки с сыном и руками брал из этой тарелки капусту и клал себе в ложку.

31 июля. В 10 с половиной часов утра прибыл в Петроград. На вокзале встречал статский советник Николай Васильевич Соловьев, жена которого приезжала в с. Покровское. Сели на извощика и поехали к Соловьеву на Гороховую, 69.

2 авг. Распутин послал из Петрограда телеграммы: 1. в Ялуторовск, Патушинским, «Скоро увидимся, целуем», и 2. в Покровское, Тобольской губ. Новых, «Скоро будем, целуем».

5 авг. Распутин выехал обратно в Покровское. На вокзале провожали: Татьяна Шаховская[1]), баронесса Кусова, Миллер, Добровольский с женой, а Вырубова и фон-Пистолькорс[2]) на их моторе привезли его на вокзал, но из мотора не выходили.

В пути Распутин познакомился с тремя неизвестными дамами, которых и вышел провожать на ст. Камышлов. Тут же на платформе прощался с ними, а дам здесь встречали штаб- и обер-офицеры, которым дамы и показали Распутина. В разговоре между ними был слышан рассказ о покушении на жизнь Распутина Гусевой, а затем что-то такое про больницу. Выслушав рассказы дам, подполковник обратился к обер-офицеру: «Видите ли, если бы они проехали еще одну стан-

[1]) Княгиня Шаховская, Татьяна Федоровна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Моховая, 32, затем Лиговка, 44.

[2]) Фон-Пистолькорс, Александра Александровна, 25 лет, жена поручика запаса, состоящего при штабе гвардии, сестра А. А. Вырубовой, дочь сенатора Танеева, поклонница Распутина.

цию, то, наверное, потеряла бы мать дочку или же наоборот. По всему видно, что этот субъект имеет гипноз в глазах».

Не доезжая до станции Буй, Распутин перешел в вагон, где сидели агенты, его сопровождавшие, и начал с ними разговор с войны, что война идет у нас очень плохо и в Петрограде скоро будет большая перемена. «Соловьев получил большую неприятность от Самарина за то, что 31 июля он на вокзале в Петрограде встречал меня, но Самарин долго обер-прокурором синода не будет». А сам Распутин пристально смотрел на агентов и сказал: «Не вы ли донесли о встрече меня Соловьевым?». Агенты ему ответили: «Это не наше дело». «Кто же это мог донести? По поводу этого доноса меня спрашивал император и говорил, — может, сыщики донесли на Соловьева. На это я ответил царю. «Не знаю, может, и они. Вот я еду домой и сам не знаю, надолго ли, может, на одну неделю, а может, и на больше, как там дела». В заключение Распутин сказал, что был у царя два раза. Он ему предлагал отдельный вагон для поездки на родину, но «я от этого отказался». Однажды я возвращался из Царского Села в Петроград, около 12 часов ночи «видел, как прятался от меня за подъемную машину сыщик. Жаль мне его стало, а если бы узнал, кто он такой, то плохо бы ему было».

9 авг. В Тюмени Распутин, выйдя из монастыря от настоятеля Мартиана, отправился на пароходную пристань, где и занял отдельную каюту и в 11 часов утра отбыл в с. Покровское. Около часу дня Распутин вышел из каюты пьяный и пошел к солдатам, едущим на том же пароходе из Тюмени в Тобольск (солдаты были местной конвойной команды в числе 10 человек), и вступил с ними в разговор, а затем дал им на чай 25 рублей и заставил их петь песни. Прослушав несколько песен, удалился в свою каюту и, вернувшись через несколько минут обратно, дал солдатам еще сто рублей. Пенье песен усилилось и в хоре участвовал и сам Распутин. Пенье продолжалось около часу, после чего Распутин забрал всех солдат и повел во 2-й класс, разместил их за столами и был намерен угостить их обедом, но капитан парохода не разрешил присутствовать нижним чинам во втором классе и приказал им удалиться. Спустя некоторое время Распутин опять явился к солдатам, поставил их в кружок, сам стал посередине и все пели хором, при чем пеньем руководил Распутин и был в очень веселом настроении. Дав солдатам еще 25 рублей, заказал для них обед стоимостью в 15 рублей, а затем удалился в свою каюту. Через несколько минут было слышно, как он заявлял о пропаже у него трех тысяч рублей, после чего опять ушел в каюту и минут через 20 вышел из нее пьянее прежнего, зашел в третий класс и там поссорился с некиим Разумовским (из Тюмени). Последний хотел отколотить Распутина, но дело прошло миром. Затем там же Распутин поссорился тоже с тюменским купцом Михалевым. Ссора началась с разговора о вызывающих действиях тобольского епископа Варнавы, а затем Михалев плюнул и ушел. Распутин после этого встретил официанта парохода, обозвал его «жуликом» и сказал, что это он украл у него три тысячи рублей. Официант, попросив некоторых пассажиров быть свидетелями по данному делу, обратился с жалобой к капитану парохода. Капитан ответил, что «приедем в Тобольск и там составим полицейский протокол». После этого инцидента Распутин опять удалился в каюту и у открытого окна, положив голову на столик, что-то долго про себя бормотал, а публика им любовалась. Из публики было слышно: «Распутин, вечная память тебе, как святому человеку». Другие говорили: «Надо его обрить, или машинкой бороду снять». По просьбе агентов окно в каюте было закрыто. Часа за два до прибытия парохода в с. Покровское, Распутин со столика свалился на пол и лежал на полу пьяный до самого прихода парохода в с. Покровское.

В 8 час. вечера прибыли в с. Покровское. Агенты попросили капитана парохода дать им двух человек помочь вывезти Распутина с парохода на берег, и они вчетвером вытащили его, мертвецки пьяного. Встречать его приехали проживающие в с. Покровском Распопов, две дочери Распутина — Дуня и Катя. Взвалили его на телегу и повезли домой.

10 авг. В 10 часов утра Распутин вышел из дому на двор и спрашивал агентов относительно вчерашних происшествий, все время ахая и удивляясь, что скоро так напился, тогда как выпил всего три бутылки вина, и добавлял: «Ах, парень, как нехорошо вышло». В этом разговоре он между прочим сказал, что «Джунковского со службы уволили, а теперь он, быть может, будет думать, что уволили его через меня, а я его не знаю, кто он такой». Еще говорил, что «и ва-

шего губернатора скоро уволят». Агенты спросили: «Какого? графа Адлерберга?» «Нет, я не знаю, как его зовут», а затем начал говорить о чем-то другом.

11 авг. В Покровское приехал из Тобольска Варнава и в тот же день уехал в Тюмень.

15 авг. В Покровское приехал Мартиан.

18 авг. В с. Покровское из Тобольска приехал Августин[1]) и в тот же день уехал в Тюмень. Приехала к Распутину и Патушинская.

19 авг. Распутин отправился к дьякону Ермолаю, который по приходе Распутина тотчас же ушел в церковь, а Распутин пробыл у его жены целый час. Из села Покровского священник о. Николай ездил в Тобольск к Варнаве и привез оттуда Распутину новость, переданную ему Варнавой, что губернатор Распутина за пьянство и приставание хотел арестовать административным порядком на три месяца, но епископ Варнава защитил. Во время передачи всего этого отцом Николаем, Распутин плюнул и сказал: «Что мне губернатор-то?»

6 сент. Во время прогулки Распутин между разговором сказал сопровождавшим агентам: «Да, парень, душа очень скорбит, от скорби даже оглох. Бывает на душе два часа хорошо, а потом неладно». Агенты спросили его: «Почему это у вас так?» «Да потому, парень, неладно творится в стране, да проклятые газеты пишут обо мне, сильно меня раздражают, придется судиться».

9 сент. Когда Распутин находился в гостях у брата своего Николая Распутина и тут же было несколько других лиц, пришел туда же отец Распутина и начал ругать сына Григория самыми скверными словами. Распутин, как бешеный, вскочил из-за стола, вытолкнул отца во двор, свалил его на землю и давай его бить кулаками. Отец кричал: «Не бей, подлец!» Пришлось их силой расталкивать. После осмотра у отца оказался подбитый глаз с огромным кровоподтеком, так что закрыло весь глаз. Оправившись, старик стал еще пуще ругать сына, грозя ему рассказать всем, что он ничего не знает, а «только знает Дуню (прислугу) держать за мягкие части». После этого пришлось Распутина силой удерживать от вторичного нападения на отца. Оба они были пьяны.

В этот день Распутин послал две телеграммы, одну в Царское Село, а другую в царскую ставку.

Распутин сына своего Дмитрия, как ратника 2-го разряда, призванного на действительную службу, повез в Тюмень, куда в тот же день приехала из Ялуторовска и жена штабс-капитана Патушинская, которая и устроила сына Распутина в 7-ую роту местных войск. В Тюмени Распутин, его сын, жена Распутина и Патушинская остановились в мужском монастыре у настоятеля Мартиана. По городу Тюмени Распутин, как видно, боится ходить и в разговоре агенту Терохову сказал, что — «хотя в Тюмени у меня знакомства много, но ходить время нет», а между тем сидит целый день в монастырской ограде, ничего не делая.

Распутин ходит боком. Как видно, во время драки с отцом зашиб бок.

12 сент. Распутин говорил агенту, что хочется выехать в Петроград, но его не вызывает Вырубова.

19 сент. Распутин получил письмо, помеченное 16 сентября, писанное на машинке: «Григорий, наше отечество разрушается, хотят заключить позорный мир. Так как ты получаешь из царской ставки шифрованные телеграммы, значит, имеешь большое влияние. Потому мы, выборные, просим тебя сделать, чтобы министры были ответственными перед народом, чтобы Государственная Дума была собрана к 23 сентября сего года для спасения нашего отечества, и если ты этого не исполнишь, то тебя убьем, пощады не будет, — рука у нас не дрогнет, как у Гусевой. Где бы ты ни был, это будет выполнено. На нас, десять человек, пал жребий».

24 сент. Распутин выехал из села Покровского в Петроград, куда и прибыл 28 сентября.

11 окт. Распутин послал телеграмму Варнаве: «Убери шпиона, плати по 15 рублей душевную больницу Ивану Хлопову я заплачу нервн просят тебя извиниться, что надо, все сделано».

14 окт. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно пьяный, на лестнице кричал на швейцариху, что она, якобы, взяла в 25 рублей взятку с какого-то ми-

[1]) Архимандрит Августин.

нистра, и добавил: «Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронили».

22 окт. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: «Просит вас с ним поговорить, а то ему скучно». Дама сначала, смутясь, отказывалась вернуться, говоря, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Но потом согласилась и вернулась. До позднего времени выхода ее не было.

24 окт. Распутин послал телеграмму: «Екатеринбург, епископу Серафиму. Извиняюсь за беспокойство, успех мой не совершился, каждый своего тянет. Григорий».

28 окт. Распутин дал письмо Белянину к товарищу министра юстиции, Веревкину, но Веревкин письма этого не принял, сказав, что «дело не мое, а высшего начальства». Тогда Распутин обещал ему содействие через Вырубову. Белянин хлопотал о пересмотре своего дела относительно пожара в его магазине, во Владивостоке.

31 окт. Распутину на квартиру привезли на прокат пианино.

3 ноября. К Распутину пришла неизвестная женщина, которая хлопочет о своем муже прапорщике, лежащем в одном из лазаретов, чтобы его оставить в Петрограде. Выйдя от Распутина, начала рассказывать швейцарихе, что какой-то странный он человек, и описала, как он ее принимал. «Впустила меня в квартиру какая-то девочка и провела в комнату, потом вышел ко мне Распутин (первый раз его вижу) и сказал: раздевайся, пойдем сюда. Я разделась, пошла с ним в комнату, первую от дверей, налево. Он мало слушал мою просьбу, а стал хватать руками за лицо, потом за груди и говорит: «поцелуй меня, я тебя полюбил». А потом написал какую-то записку и снова стал приставать: «поцелуй, поцелуй, я тебя полюбил». Этой записки не дал, сказав, что — «я на тебя сердит, приди завтра». Агент Терехов спросил эту даму, намерена ли она зайти завтра, но последняя ответила: «Нет, потому что к нему итти, то надо дать задаток, какой он хочет, а я не могу этого сделать, потому и не пойду».

5—6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское Село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут утра на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора, Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала.

Распутин вместе с Боберманом[1]) уехали на моторе и вернулись через 5 часов, при чем Распутин был выпивши и при прощании очень целовался с Боберманом. Когда шел в квартиру, то спросил: «Кто у меня есть?» Ему сказали, что две дамы. «Красивы ли они?» Ему сказали: «Да, очень красивы». «Ну, хорошо, мне такие и нужны». Около 7 часов вечера вышел из дома, еще не проспавшись, дал швейцарихе 10 рублей и что-то бормотал непонятное, стуча палкой.

10 ноября. Распутин послал агента Свистунова с письмом к господину министру внутренних дел.

14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской очень пьяный и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный.

15 ноября. Секретарь Распутина, Симанович, принес корзину и сказал, что тут шесть бутылок мадеры, икра и сыр.

21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина.

22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра, после отсутствия со вчерашнего дня.

23 ноября. Уйдя вчера вечером, Распутин вернулся сегодня в 5 часов утра, совершенно пьяный.

24 ноября. Пришла неизвестная дама и спрашивала у швейцарихи, когда Распутин ездит в Царское Село, когда и куда он ходит в церковь. Когда швейцариха предложила ей зайти к нему, то она отказалась, сказав, что она увидит его в Царском Селе в церкви, и добавила, что ее дочь, якобы, училась с дочерьми Распутина. Увидев на лестнице агентов, неизвестная спросила швейцариху, кто это, и, получив ответ, что — агенты, просила об этом не говорить им.

[1]) Боберман, Абрам Моисевич, 49 л., Самарский 1-й гильдии купец; Петрогр. адрес: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

25 ноября. Распутин вернулся в 5 часов утра. В ночь с 25-го на 26-е у Распутина ночевала артистка Варварова [1]).

29 ноября. Распутин вернулся домой в 7 часов утра.

1 дек. Распутин послал телеграмму: «Москва, М. Дмитровка, 3, Миклашевской. Почему Корзинкина не едет по делу».

Распутин с Долгорукой [2]) приехал на моторе к ней в гостиницу «Астория» в три с половиной часов ночи и остался у нее до утра.

3 дек. Распутин ушел из квартиры с Филипповым и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла в первый раз Лейкарт [3]), урожденная Мордвинова, просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но та отказалась и ушла, а потом пришла содержанка сенатора Мамонтова — Воскобойникова [4]), которой Распутин предложил зайти к нему в час ночи.

5 дек. Распутин вернулся домой в три часа ночи пьяный.

7 дек. Распутин вернулся домой в пять часов утра, довольно пьян.

8 дек. К Распутину на моторе приехал Рубанович и вместе отправились в ресторан «Донон» (Мойка, 24), а отсюда послали шоффера в гостиницу «Россия» и тот привез оттуда в ресторан «Донон» Джанумову и Филиппову [5]). После обеда Распутин поехал с этими дамами в гостиницу «Россия», где они проживают.

12 дек. Распутин вернулся домой в 9 час. 50 мин. утра вместе с Варваровой, по словам извозчика, с Алексеевской улицы. Вероятно, ночевал у Варваровой.

14 дек. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштадтской ул., от Свечиной [6]), вместе с женой потомственного почетного гражданина, Марией Марковной Ясининской, 28 лет, проживающею в № 104 по Мойке, и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан «Вилла Родэ», куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоящему на посту городовому дал 5 рублей, чтобы не мешал ему буянить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне, в цыганский хор Масальского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру к Ясининской, где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село.

15 дек. Распутин с подполковником Езерским [7]), Варваровой и двумя неизвестными женщинами отправились на моторе в ресторан «Вилла Роде» и в 2 часа ночи наблюдением были там оставлены.

17 дек. Княгиня Долгорукая прислала мотор за Распутиным, который и привез его в гостиницу «Астория», где заняли отдельный кабинет. Туда же вскоре явился бывший Петроградский градоначальник генерал Клейгельс и вместе пробыли около 2 часов.

19 дек. Распутин с неизвестным чиновником и дамой вышли из квартиры около часу ночи, а вернулся Распутин домой один в 6 час. утра.

20 дек. Распутин вместе с секретарем митрополита Питирима, бывшим архиварпусом канцелярии экзарха Грузии, Иваном Зиновьевичем Осипенко, в моторе отправились в д. № 26-а, кв. 10, по Песочной ул., к потомственному почетному гражданину Андрею Ипполитовичу Клирше, 28 лет (с женой не живет). Сюда же были привезены из ресторана «Вилла Роде» 2 корзины вина и был приглашен хор цыган. Около 2 часов ночи видно было в окно, как Распутин танцовал. В эту ночь Распутин вернулся домой около 7 часов утра в сопровождении двух неизвестных мужчин, мертвецки пьяный.

[1]) Варварова, Вера Карловна, 26 л., мещанка гор. Николаева, артистка, содержанка подполковн. Н. С. Езерского; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

[2]) Княгиня Долгорукая, Стефания Семеновна, 38 лет, жена камер-юнкера высочайшего Двора; адр.: Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

[3]) Лейкарт, Ольга Алексеевна, 28 лет, урожденная Мордвинова, жена потомст. дворянина; адр.: Б. Пушкарская, 14.

[4]) Воскобойникова, Надежда Ивановна, 32 лет, вдова под-эсаула, содержанка сенатора В. Н. Мамонтова; адр.: Михайловская ул., 1—7 (Европ. гост.).

[5]) Филиппова, Галина Федоровна, 29 л., жена пот. поч. гражд., подруга Джанумовой, поклонница Распутина.

[6]) Свечина, Елизавета Евгеньевна, 30 лет, жена полковн. генер. штаба.

[7]) Езерский, Николай Семенович, подполк. 31 пеш. Смоленской дружины, содержатель Варваровой; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

24 дек. В 7 часов вечера к Распутину пришел секретарь митрополита Питирима, И. З. Осипенко, а спустя минут 50 на прокатном моторе к Распутину приехали: княгиня Татьяна Федоровна Шаховская, жена поручика Александра Александровна фон-Пистолькорс и неизвестный офицер, при чем из мотора вышла только одна Шаховская и минут через 10 вывела с собою из квартиры Распутина и Осипенко, которые сели в тот же мотор и все пятеро отправились, повидимому, в Александро-Невскую лавру. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру Распутина на собственном моторе приехала графиня Ольга Эрнковна Крейц, проживающая в д. № 29 по Адмиралтейскому каналу, и с нею вместе приехала и дочь действ. ст. сов., Марья Евгеньевна Головина. Последняя зашла в квартиру Распутина и вскоре вышла с крестьянкой Акулиной Никитишной Лаптинской [1]), сели в мотор и отправились в Александро-Невскую лавру, в собор, где уже находился Распутин, но ни офицера, ни приехавших с ним дам в соборе наблюдение не видело. После богослужения, в 10 часов вечера, Распутин вместе с Осипенко вышли из собора и направились в покои митрополита Питирима, откуда выхода их наблюдение не дождалось. Две же дамы (кто именно — наблюдение сказать не может, так как хорошо их не видело) направились к отдельному зданию с правой стороны собора, после чего их наблюдение не видело.

Вернулся Распутин домой 25 декабря в 9 часов утра.

1916 год.

1 янв. У Распутина были гости до 4 ч. ночи, пели песни.

2 янв. Распутин в час ночи пришел домой пьяный, а в 2 часа ночи к нему пришел неизвестный офицер с дамой и вскоре сюда же пришла Базилевская. Пробыли они до 4 часов ночи.

4 янв. Распутин вернулся домой с Осипенко около 12 час. ночи. Осипенко сейчас же ушел. В час ночи к Распутину пришла потомственная дворянка, содержательница частной женской гимназии, Елена Порфирьевна Турович [2]), и пробыла около часу.

5 янв. Распутин, Осипенко, Дуня и Миллер на извозчиках отправились на квартиру к Миллер (Лиговка, 45), и сюда же, было видно, привезли корзину вина. Домой Распутин вернулся в 2 часа 30 мин. ночи пьяный.

6 янв. Распутин дома напился пьяным принесенными ему неизвестным мужчиной двумя бутылками вина и пел песни. В 8 час. вечера вышел из дома уже проспавшись и вместе с Осипенко и Евгенией Шаховской [3]) на одном извозчике поехали в дом № 15 по Троицкой улице к князю Андроникову, откуда вернулся домой вместе с Осипенко в 3 часа ночи. Осипенко сейчас же ушел.

8 янв. Распутин посетил д. № 6 по Гагаринской ул. (Нордман) [4]), оттуда вернулся домой около трех часов ночи вместе с двумя дамами. Последние, побыв у него около двух часов, ушли.

9 янв. Распутину на именины Гинсбург прислал 10 бутылок шампанского, кто-то прислал диван, две дюжины стульев, много разных подарков и корзин с разными винами и закусками.

10 янв. Клионовский [5]) принес Распутину десять бутылок вина. Турович [6]) привез корзину вина. Гиль [7]) в ночь с 10 на 11 января ночевала у Распутина. В этот же день (именины Распутина) его посещали много лиц и приносили много

---

[1]) Акулина Лаптинская, кр. Могил. губ. Городецк. у. Светошинской вол., 29 лет, поклонница Распутина, проживала сначала по Каменоостр. пр., д. 24-а, а затем переехала на квартиру Распутина на Гороховую, 64.

[2]) Жена Станисл. Людвиг. Туровича, 29 л., чиновника, причисл. к канцелярии Упр. Земл. и Земл., потомств. дворянина; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

[3]) Княгиня Евгения Михайловна Шаховская, 25 лет, жена гражд.-инженера, поклонница Распутина; адр.: Басков пер., 18, затем Николаевская, 12.

[4]) Нордман, Федор Борисович, 56 л., ст. сов., старш. делопроизв. капитула императорских орденов; Евгения Оскаровна Н-ман, его жена, 41 года.

[5]) Клионовский, Даниил Корнилович, ст. сов.; адр.: Офицерская, 57.

[6]) Турович, Станислав Людвигович, 29 л., потомст. дворянин, чиновник канц. Упр З. и З.; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

[7]) Гиль, Мария Сергеевна, жена капитана 145 Новочеркасского полка, поклонница Распутина; адр.: Кронверкск. пр., 47/1.

подарков и несколько корзин с винами, играли на гармонике, гитаре, балалайке, танцевали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и «многие лета». Гости от Распутина разошлись в 2 часа ночи.

11 янв. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых. (Свой телефон был испорчен).

13 янв. Распутин, Иваницкая, неизвестный офицер и две дамы были в доме № 63 по Лиговской ул. у вдовы ст. сов. Александры Романовны Митинской, от 2 час. до 5 с половиной часов дня. Распутин с тем же офицером и Иваницкой вернулся к себе на квартиру, а затем Иваницкая вышла вместе с офицером, будучи навеселе и одетой в поддевку Распутина, и вместе уехали.

Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего содержания: «Сам Бог его исповедует в радости истинной, пусть правда на детях моих во-век, не пришло время видеть воочию».

На моторе, присланном Боберманом, Распутин уехал в «Европейскую гостиницу». Здесь была, повидимому, пирушка, на которой, кроме него, присутствовали: Боберман, Коварский [1]), директор международного банка граф Татищев, прапорщик Хвостов и две какие-то дамы. До двух часов ночи выхода его отсюда наблюдение не видело.

14 янв. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный в компании Осипенко и неизвестного мужчины; разбил большое стекло в воротах того дома, где живет, и заметна была опухоль около носа, повидимому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 мин. дня Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехал в Царское Село, а в 7 часов 41 минута вечера вернулся домой один, при чем во время пути обратно обратился к агентам со словами: «Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы я держал на коленах какую-то даму. Это нехорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое».

Нештейн, проживающий по той же лестнице, проходя мимо агентов, обратился к ним: «Вашего патрона скоро назначат в Царское Село управлять всеми лампадами».

16 янв. Распутин передал проститутке Трегубовой какое-то письмо. По полученным негласным сведениям, в один из дней посещения квартиры фон-Пистолькорс (Морская, 59), прислуга подсмотрела, как Распутин, поставив на колени супругов фон-Пистолькорс, что-то, стоя около них, бормотал.

17 янв. К Распутину в 12 час. ночи пришла неизвестная дама и пробыла до 3 часов ночи.

18 янв. Распутин вернулся домой в половине восьмого часа утра, в компании двух мужчин и дамы, совершенно пьяный и на улице у дома, где живет, пел песни. Неизвестные, проводив его до квартиры, вскоре ушли, а Распутин все утро в квартире кричал. Каравья [2]) и ее дочь Маймоскул [3]), выходя от Распутина, непринявшего их, ругали его, называя «паршивым мужиком» и рассказывали, что когда-то были в ресторане «Вилла Роде», где Распутин выбегал в зал в одной рубахе и наделал этим не мало шума, за что будто бы ресторан этот закрыт. При разговоре добавили, будто в Царском Селе появился какой-то молодой монах, который будет скоро слыть лучше, чем Распутин.

21 янв. Распутин вместе с Гаар [4]) отправился в д. № 26-а, по Песочной ул., к Киршe, а оттуда Распутин один — в д. № 36 по Бассейной улице к артистке Орловой [5]) (содержанке Мануйлова), где по собранным негласным путем верным сведениям были: Манасевич-Мануйлов [6]) и господин председ. совета министров Б. Штюрмер.

---

[1]) Коварский, Овсей Иоселевич, 36 л., канд. юридич. наук; адр.: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

[2]) Каравья, Софья Афанасьевна, греческая подданная; адр.: Мещанская, 4.

[3]) Маймоскул, Мария Николаевна, 19 л., дочь Каравья, личн. почетн. гражданка, проживала сначала с матерью, затем Пушкинская, 16.

[4]) Гаар, Мария Генриховна, пот. поч. гражданка, поклонница Распутина; адр.: Офицерская, 24.

[5]) Лерман (она же Орлова), Екатерина Федоровна, 25 л., дочь ст. сов., артистка, содержанка Манасевича-Мануйлова.

[6]) Манасевич-Мануйлов, Иван Федорович, отст. колл. асессор, сотрудник газ. «Новое Время», темный аферист, личный секретарь председателя совета министров Б. Штюрмера; адр.: ул. Жуковского, 47.

22 янв. Вернулся Распутин домой в 5 часов утра вместе с Осипенко, неизвестным мужчиной и двумя женщинами, при чем был пьян.

23 янв. Неизвестный священник привез Распутину рыбы. Вечером Распутин оставлен в д. № 6 по Гагаринской улице у стат. сов. Федора Борисовича Нордман (старший делопроизводитель в капитуле орденов).

24 янв. Распутин вернулся домой со вчерашнего дня в 5 час. утра. В 5 час. 20 мин. вечера Распутин на моторе с Головиной и Добровольской поехали в церковь Спаса, что в Колтовской на Б. Спасской улице, где было совершено митрополитом Питиримом всенощное заупокойное богослужение в память умершего протоиерея - настоятеля этого храма, основавшего духовно - нравственные беседы.

26 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с Осипенко и неизвестным мужчиной. В 11 часов 49 минут вечера на Царскосельский вокзал на моторе автомобильной роты приехал Осипенко и туда же вскоре пришел Добровольский, а отсюда, посадив в мотор приехавшего из Царского Села Распутина, уехали на квартиру Добровольского. Распутин вернулся домой на извозчике вместе с Добровольским в 5 час. утра.

29 янв. Посетительница Распутина, Татаринова [1]), выйдя от него рассказывала агентам, как Распутин обнимал и целовал какую - то молодую барышню, и говорила, что ей так было стыдно, что она из квартиры ушла и больше не пойдет. Распутин с Филипповым были в ресторане «Донон», а вечером вместе с Осипенко уехали в Александро - Невскую лавру.

30 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа 30 мин. ночи выпивши, в сопровождении какого - то мужчины. Приехал из Москвы священник с Лубянской церкви и с ним неизвестный, за кого священник хлопочет через Распутина по какому - то делу. Неизвестный намеревался дать Распутину задаток (повидимому, большой куш), но священник отсоветовал, сказав, что преждевременно. Священник просил Распутина самого с'ездить к г. товарищу министра внутренних дел, сенатору Белецкому, но он отказался, а написал письмо и передал им. После священник смеялся, как Распутин, писав письмо, выводил каракули. Вечером Распутин вместе с Гаар отправились к Книрше (Песочная ул., д. № 26-а), туда же приезжали еще несколько мужчин и женщин. Распутин в два часа ночи тут оставлен, а в 4 часа 30 мин. ночи приехал домой на моторе совершенно пьяный с неизвестным мужчиной и женщиной.

1 февр. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с мужчиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы священник в разговоре с агентом Тереховым сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии. Распутин жаловался агентам, что его кто - то ругает по телефону, а станция ему номера не говорит.

2 февр. Распутин со вчерашнего дня вернулся домой в 9 час. 30 мин. утра. Добровольская на квартире у него играла на пианино и пела песни. Приехав домой в час ночи, Распутин сейчас же опять вышел и уехал на Офицерскую и домой вернулся только в 3 часа ночи.

3 февр. Распутин вернулся домой из Царского Села около 11 часов вечера, а в 12 час. уехал, но куда — неизвестно. В два часа ночи приехал домой на моторе с двумя мужчинами, которые в квартиру не заходили.

5 февр. Со вчерашнего дня Распутин вернулся домой в 10 час. 10 мин. утра пьяным. Со слов извозчика, привез он его с угла Офицерской и Алексеевской улиц. Каравья, выходя из квартиры Распутина, в разговоре с агентами сказала: «Хотя Распутин и падает духом, но обделывает большие делишки, так, например, Рубинштейн устроил что - то на 300 000 руб. и за это получил от него 50 000 руб.»; при этом добавила, что ей Распутин сказал, что ее дела он устроит через министра Шаховского, который любит Распутина больше, чем Вырубова. В час ночи Распутин вышел пьяным от Езерского, где было несколько неизвестных и Осипенко. Распутин с двумя мужчинами и дамой на моторе уехали на 10-ую Рождественскую ул., д. № 15, кв. 24, к помощнику прис. поверен. Моисею Шмуйловичу Двинову (справлял день своего рождения). Пробыли 25 минут, куда уехали неизвестно, но вернулся Распутин домой в 3 часа 30 мин. ночи.

[1]) Татаринова, Анна Михайловна, 44 л., жена полковника; адр. неизвестен.

7 февр. Боберман при входе в квартиру Распутина спрашивал, что с ним случилось, а когда выходил, то сказал, что здоров. Проживающий по той же лестнице Нейштейн, выходя, спросил: «Правда ли, что вашего какой-то офицер у вокзала поколотил?» Симанович на придворном автомобиле, на котором приехала Вырубова, с ее разрешения куда-то ездил. Книрша пробыл у Распутина до часу ночи; при выходе встретил двух приехавших неизвестных мужчин и с ними вернулся обратно на квартиру Распутина, где пробыл еще час, т. е. до двух часов ночи.

8 февр. Распутин вместе с неизвестными чиновниками, на прокатном моторе, без наблюдения, был в Николаевском кавалерийском училище и на Торговой ул. в польском костеле. Книрша принес, как видно, несколько бутылок вина. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру к Распутину приехало пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы. Около 10 час. вечера были слышны игра на пианино, пляска и пенье. Все разошлись от Распутина в три часа ночи. В продолжение этого дня Распутин посетителей не принимал.

Начальник Петроградск. Охранного Отделения, генерал-майор *Глобачев.*

Заведывающий наружными наблюдениями *Корнилов.*

Подробная необработанная сводка наружного наблюдения за Распутиным за 8—10 февраля 1916 г.

8 февраля, 1916 г. Сведения.

«Темный»[1]), Гороховая улица, д. 64.

Вчера в час ночи вышел от Темного Книрша, в это время приехали на моторе два неизвестных господина, пошли к Темному, а также и Книрша вернулся с ними, а в два часа ночи ушли.

В 10 час. утра пришла Соловьева, вскоре ушла. В 10 час. 10 мин. утра пришла Мария Головина, через час ушла. В 11 час. 50 мин. утра пришла Татьяна Шаховская, через 50 мин. ушла. В 12 часов дня пришел Симанович, через 10 мин. ушел. В 12 час. 10 мин. дня пришла Сандецкая[2]), через 10 мин. вышла. В 12 час. 15 мин. дня пришел певчий Афонского подворья Деревенский, рассказав, что в прошлом году в сентябре месяце писец Александро-Невской лавры читал газету «Копейка», в которой было напечатано про Варнаву и Гришу, при чем чтение слушал паспортист лавры и будто бы паспортист сказал: «Когда же будет в России революция?» Деревенский спросил, на что революция? Тогда паспортист ответил: «Тогда бы дом Романовых не царствовал, а потом свергли бы эту гадость, Варнаву и Гришку». Фамилия паспортиста неизвестна, а писец теперь священником. В 12 час. 20 мин. дня ушла Лаптинская. В 12 час. 40 мин. дня приехал на моторе № 3 неизвестный чиновник в военной форме, а в 12 час. 50 мин. вышел вместе с Темным и тут же во дворе ожидали два вольноопределяющихся, которым Темный сказал, что придет после. Темный поехал с чиновником, и наблюдением были упущены, а со слов шоффера ездили в Николаевское кавалерийское училище и на Торговую улицу в польский костел. В 5 час. 50 мин. дня Темный вернулся домой с чиновником, который через 10 минут уехал. В 1 час 35 мин. дня пришел сенатор Мамонтов[3]), через 30 мин. ушел. В 1 час 40 мин. дня пришла Гаар с Базилевской[4]), через 1 час и 20 мин. ушли. В 2 часа дня приехал на моторе № 5064 военный вторично с Симановичем, через 20 мин. ушел. В 2 часа 15 мин. дня пришла дама, жена офицера Измайловского полка, живет на Измайловском проспекте в казенном доме, через 1 час 45 мин. ушла. В 3 часа 40 минут дня пришел в третий раз Симанович, который через 30 мин. ушел. В 4 часа 10 мин. дня пришел Книрша, принес, как видно, несколько бутылок вина, через 40 мин. ушел. В 5 часов вечера пришла Турович, пробыла два часа. В 5 часов пришла

---

[1]) «Темный» — условная кличка Распутина для агентов охранки.

[2]) Сандецкая, Клавдия Амвросиевна, 26 л., жена шт.-капитана, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская ул., 9.

[3]) Мамонтов, Василий Николаевич, 65 л., тайный советник, сенатор, содержатель Воскобойниковой, поклонницы Распутина, отец В. В. Заусайловой; адр.: Фурштадтская, 12.

[4]) Базилевская, Лидия Платоновна, 28 л., дочь ген.-лейт., бракоразведенная жена инженера Мальтиновского, поклонница Распутина; адр.: Адмир. Канал, 9, затем Екатерин. Канал.

Червинская[1]), пробыла 30 мин. В 5 час. 10 мин. пришла Соловьева. В 6 час. 20 мин. пришел четвертый раз Симанович, пробыл один час. В 6 час. 45 мин. пришел Решетников[2]), пробыл 35 мин. В 7 час. 20 мин. вечера пришла неизвестная дама. В 9 часов 20 мин. вечера пришла Турович вторично, через 20 минут ушла. В 9 час. 30 мин. вечера пришла Добровольская. В 10 час. пришла Берман[3]). В 10 час. 10 мин. приехала Турович с мужем. В 11 час. 10 мин. вечера пришел Книрша, пробыл 20 минут.

Примечание: В 8 час. 15 мин. вечера приехали пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы.

В 10 час. вечера пели песни, играли на пианино и плясали. Просителей было человек около 25-ти, но Темный их не принимал.

Терехов[4]). *Свистунов*[4]).

9-го февраля 1916 г. Сведения.

«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Гости, которые пришли вчера к Темному, разошлись в 3-ем часу ночи. В квартире Темного играли на музыке и пели. В 9 час. 45 мин. утра приехала Вырубова. В 10 час. 25 мин. пришла Добровольская, через 3 часа 10 мин. ушла. В 10 час. 50 мин. утра пришли Любовь[5]) и Мария Головины. В 11 час. утра пришла Гаар, которая ушла через 2 часа. В 11 час. 40 мин. утра приехали на военном автомобиле № 5064 Мануйлов и Осипенко с неизвестным чиновником, которые пробыли 30 минут, Мануйлов и Осипенко уехали. В 12 час. дня пришел Добровольский, который пробыл 1 час 35 мин. В 12 час. 30 мин. дня приехал на автомобиле № 127 Варнава с Августином, пробыли 40 мин. В 2 часа 40 мин. дня вышел из дома Темный, пошел в Казачий переулок, в баню, через 50 минут вернулся домой. По дороге Темный говорил: «Теперь беда, там наболтали и будут разбираться», и сказал, что «готовят на меня покушение. Вот если узнают, что письмо, написанное от Илиодора[6]), то, действительно, хотят убить». В 4 часа 45 мин. дня пришел фон-Бок, пробыл 25 мин. В 5 час. 20 мин. дня вторично пришла Мария Головина. В 5 час. 30 мин. дня пришла Москвина, пробыла 1 час 10 мин. В 5 час. 45 мин. приехала Турович. В 6 час. вечера пришел Клионовский, пробыл 15 мин. В 6 час. 45 мин. вечера уехали Турович с Головиной. В 8 час. 35 мин. вечера пришел Симанович с неизвестным евреем - инженером, пробыли 30 мин. Просителей Темный не принимал.

Терехов. Свистунов. Попов, Василий. Иванов, Григорий[7]).

10 февраля 1916 г. Сведения.

«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Вчера к Темному в 12 часов ночи пришел мужчина, по приметам Мануйлов, скоро ушел; и еще была Соловьева, тоже скоро ушла.

В 10 час. 30 мин. утра пришла генеральша Соколова, скоро ушла. В 11 час. утра пришла Позднякова[8]) с неизвестной дамой, но приняты не были. В 11 час. 10 мин. дня пришел Филиппов с неизвестной дамой. Дама ожидала у под'езда, а Филиппов пробыл у Темного 10 мин., вышел и передал даме карточку, после чего дама пошла к Темному, откуда через 5 минут вышла с письмом на имя товарища министра г. Белецкого. В 11 час. 40 мин. дня пришла Мария Головина. В 11 час. 45 мин. пришла Никитина[9]), пробыла 30 мин. В 12 час. 40 мин. дня пришла Гаар

---

[1]) Червинская, Наталия Илларионовна, 48 л., жена дворянина, приживалка у князя Андроникова.

[2]) Решетников, Николай Иванович, 57 л., пот. поч. гражд.; адр.: Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

[3]) Берман, Екатерина Ивановна, 36 л., жена петрогр. купца, пот. поч. гражд., поклонница Распутина; адр.: Фонтанка, 5.

[4]) Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

[5]) Любовь Валерьяновна Головина, 59 л., вдова дейст. ст. сов., мать Марии Головиной; адр.: Мойка, 104.

[6]) Илиодор, царицынский монах, авантюрист.

[7]) Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

[8]) Позднякова, Елизавета Захарьевна, крест. Витебск. г. Себежск. у. Непоротовской вол., поклонница Распутина; адр.: Ямская, 6.

[9]) Никитина, Лидия Владимировна, дочь генер. - от - артиллерии, фрейлина царицы, поклонница Распутина; адр.: Дворцовая набережная, 30.

с дамой Софьей Михайловной, пробыли 1 час 30 мин. В 1 час 20 мин. вторично пришла генеральша Соловьева[1]) с неизвестной дамой, пробыли 10 минут. В 2 часа дня был подан таксомотор № 224, и в 2 часа 10 мин. дня вышел Темный с Марией Головиной и уехали, а в 3 часа 45 мин. вернулись обратно на том же моторе. В 2 часа 15 мин. ушла Лаптинская, которая через час вернулась. В 3 часа 20 мин. дня пришла Добровольская. В 4 часа 40 мин. дня пришел Киселев[2]), но принят не был. В 5 час. 20 мин. вечера пришел Добровольский, пробыл 1 час. В 5 час. 30 мин. ушла Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 5 час. 50 мин. вечера пришла Берман, пробыла 30 мин. В 8 час. вечера Темный вышел из дому с Добровольским и на извозчике уехали, а через 45 мин. на том же извозчике вернулись. Со слов извозчика — катались и никуда не заезжали. В 8 час. 50 мин. вечера вернулись Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 10 час. вечера Мария Головина ушла, а в 10 час. 10 мин. ушла и Добровольская. Посетителей было человек 15.

Сегодня Нейштейн говорил, что «все мои знакомые спрашивают, здоров ли Темный. Говорят, что его поколотили, и поколотил будто бы какой-то Орлов-Денисов из-за бабы».

Терехов. Свистунов. Попов, Василий и Иванов, Григорий.

---

[1]) Повидимому, описка агентов. Следовало бы: Соколова.
[2]) Киселев, Милий Дмитриевич, 61 года, отст. корнет; адр.: Мойка, 12.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ*).

I.

Телеграммы Н. Н. Романова и М. В. Алексеева.

3 марта 15 час. 55 мин. (Получена была два раза: 3 марта 16 час. 55 мин. и 4 марта 1 час.)

Очень прошу ваше сиятельство держать меня в курсе положения дел в империи и в особенности в столицах. При этом условии могу, с божьей помощью, как верховный главнокомандующий, исполнить свой долг по руководству армиями и подведомственными мне губерниями тыла, ставя в то же время вас в известность относительно общих мероприятий, принятие коих правительством будет являться, по моему мнению, необходимым для обеспечения победоносного окончания войны. Я вполне уверен, что нас объединяет с вами та же любовь к родине и стремление отдать все свои силы для ее блага, почему в наших дѣйствиях, даст бог, будет полная во всем согласованность. № 3317.

Генерал-адъютант *Николай* [1]).

3 марта 18 час. 58 мин. (Получена 4/III 3 час. 25 мин.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Начальник штаба верховного главнокомандующего донес мне, что высочайшим указом от 2-го сего марта я назначен верховным главнокомандующим. Считаю необходимым поставить вас в известность о положении дел на Кавказе. С удовольствием я могу засвидетельствовать, что со дня назначения меня наместником нормальная жизнь Кавказа в общем протекала спокойно, и за это время я мог убедиться, что народности края относились ко мне с доверием. События чрезвычайной важности, происходящие в эти последние дни, принимаются пока спокойно населением, главным образом благодаря этому доверию, что дает надежду на сохранение и в дальнейшем в его среде порядка, столь необходимого для развивающихся успехов на фронте кавказской армии, в особенности на персидском фронте, и вообще для достижения нашей главнейшей задачи — довести великую войну до победоносного окончания. Назначение нового наместника при

---

*) Настоящіе документы отпечатаны въ т. 5 издаваемаго въ Москвѣ «Краснаго Архива». Не имѣя возможности свѣрить ихъ съ подлинникомъ, мы воспроизводимъ ихъ въ томъ видѣ, въ которомъ они появились въ «Красномъ Архивѣ».

[1]) На телеграмме пометки, — на первой (полученной 3 марта) дважды, черным и красным карандашами, «читал», на второй (полученной 4 марта) красным карандашом «читал» и черным «печатать» (вычеркнуто), «опубликовать». Под всеми пометками подпись — «к. Л.» (князь Львов). Телеграмма, несмотря на пометку Львова, опубликована, однако, не была.

настоящих трудных условиях неминуемо повлечет за собой новый режим, и потребует(ся) много времени, дабы наместник вошел в курс всех вопросов, волнующих край, но этим будет создана крайне опасная во время войны обстановка. Обращая внимание вашего сиятельства на серьезность для Кавказа вопроса о замене наместника, считаю необходимым высказать, что, будучи обязан, как верховный главнокомандующий, заботиться о сохранении полного порядка на Кавказе, являющегося одним из районов театра военных действий, я признавал бы крайне желательным для общего дела возбудить вопрос о сохранении за мной звания наместника, с предоставлением мне, по соглашению с вами, наметить лицо, которое, будучи знакомо с краем и оставаясь моим заместителем на время войны, продолжало бы проведение в жизнь необходимых для него начинаний. Оставаясь наместником Кавказа, я мог бы руководить в особо важных случаях делами края и давать директивы, согласные с общим направлением уже установившейся в отношении разноплеменных его народностей политики. Прошу не отказать в срочном мне ответе. № 975.

Генерал - адъютант *Николай* [1]).

3/III 21 час. 11 мин. (Получена 4/III 6 ч. 35 м.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Мне необходимо немедленно знать ваше мнение по вопросу о манифесте. Лично я опасаюсь, что отречение в пользу великого князя Михаила Александровича, как императора, с устранением от престола наследника цесаревича, неизбежно усилит смуту в умах народа. Опасение это усугубляется неясной редакцией манифеста и отсутствием указания в нем, кто является наследником престола. Вместе с тем я совершенно убежден, что промедление в этом чрезвычайной важности вопросе крайне опасно. Ожидая от вашего сиятельства срочного ответа, считаю еще необходимым уведомить вас, что мною сейчас получены сведения о якобы готовящемся соглашении между правительством и Советом Рабочих депутатов по вопросу о созыве через полгода Учредительного Собрания. По сему поводу я, как верховный главнокомандующий, отвечающий перед родиной за успех наших армий, считаю необходимым категорически высказать, что заключение подобного соглашения было бы великой ошибкой, грозящей гибелью России. Я ни одной минуты не сомневаюсь, что временное правительство, сильное авторитетом Государственной Думы и общественным доверием, объединяет вокруг себя всех патриотически мыслящих русских людей. Находя необходимым скорейшее разрешение вопроса о манифесте, я имею при этом в виду, что по обнародовании в ближайшее время должна последовать в торжественной обстановке присяга императора конституционному образу правления. Совершение этого акта, как полагающее конец колебаниям по вопросу о государственном строе России, несомненно, посодействует общему успокоению умов.

Генерал - адъютант *Николай* [2]).

4 марта 14 час. 50 мин. Получена 5/III 12 час.

Прошу ваше сиятельство быть уверенным, что я приложу все силы к тому, чтобы поддержать дисциплину и порядок во вверенных мне войсках и в тыловых районах армии, что явится залогом победы России над врагами. Уверен, что и вы, с своей стороны, сделаете все зависящее от правительства для обеспечения победы, восстановив полнейший повсеместно порядок и деятельность заводов и всех вообще учреждений, работающих для нужд армии и флота. № 978.

Верховный главнокомандующий [3]).

[1]) Пометки: «Срочно расшифровать, мне. Кн. Львов». «Читал Л.»
[2]) Пометки: «Срочно расшифровать, мне. Кн. Львов». «Читал Л.»
[3]) Напечатана в № 3 (8 марта) «Вестника временного правительства».

5 марта 13 час. 5 м. (подана).

Как верховный главнокомандующий, считаю своим долгом категорически заявить, что для победы безусловно необходима правильная организация командного состава и его взаимоотношений, исходящая от верховного главнокомандующего, как едино могущего преподать ее армии и флоту. Посему прошу вас передать правительству, которому не может быть не дорого благоденствие России и окончательная победа, что безусловно необходимо, чтобы все распоряжения и пожелания правительства, относящиеся до армии, флота и всех воинских чинов, находящихся в тылу, направлялись только в ставку. Я отдал категорическое распоряжение, чтобы на всем подчиненном мне театре войны принимались только распоряжения, относящиеся до армии, флота и военных учреждений тыла, исходящие от моего исключительно имени и притом из ставки, что вполне совпадает с требованиями и духом положения о полевом управлении войск, которым руководствуется армия.

Верховный главнокомандующий [1]).

6 марта 1 ч. 40 м. (Получена 6 марта 5 час. 30 м.)

Выезжаю ставку сегодня. Предполагаю прибыть 10 марта. Определить совсем точно день пока не могу, так как, ввиду неизвестности, насколько путь свободен, нельзя еще составить точного расписания. Как только будет выяснено, сейчас же вам телеграфирую. Очень буду рад вашему приезду в ставку [2]), ибо считаю вопросом чрезвычайной важности лично о многом с вами переговорить.

Верховный главнокомандующий [3]).

Председателю Государственной Думы М. В. Родзянко.

Получена 3 марта 1 час. 52 м.

По донесению коменданта Полоцка, с поездом из Петрограда прибыло 50 нижних чинов, вооруженных револьверами и шашками. Выйдя из поезда, они потребовали разоружения жандармов. На вопрос коменданта, по чьему приказанию они это требуют, они ответили, что по приказанию офицера, который остался в вагоне. На посланного в вагон для проверки жандарма солдаты напали и разоружили. В это время на станции показался взвод драгун из стоявшей близ вокзала части, все приехавшие солдаты разбежались, в вагоне же никакого офицера не оказалось. Убедительно прошу принять необходимые меры, чтобы из Петрограда на фронт не появлялись банды солдат и какие-либо странные и самозванные депутации. Оставить на железных дорогах охрану без вооружения недопустимо, а против лиц, своевольно принимающих на себя право распоряжаться в районе действующей армии, будут приниматься самые суровые меры по законам военного времени. Этого требует благо действующей армии и необходимость спасти ее для великой службы отечеству от того глубокого нравственного разложения, которое переживают все части петроградского гарнизона. 3 марта 1917 г. № 1906.

Генерал-адъютант *Алексеев* [4]).

---

[1]) На телеграмме пометка: «Гучкову. Доложить Совету. Кн. Л.»

[2]) Предполагавшееся свидание Львова с Николаем Николаевичем в ставке не состоялось.

[3]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

[4]) Пометки: «Совету министров. Предс. Гос. Думы Родзянко. 2 (?) марта 917. «Читал. Кн. Л.»

В связи с этой телеграммой стоит следующая циркулярная телеграмма.

Циркулярная телеграмма железнодорожным бригадам, командирам ополченских дружин, по станциям жел. дорог Северного фронта.

(Послана из Пскова 4 марта 15 час., получена [в Петрограде] 5 марта.)

Сообщаю для сведения и руководства копию депеши генерала Кварсева[1]) к № 1266/6 — «По приказанию Наштасева[2]) передаю копию телеграммы генерала Алексеева для соответствующего исполнения. — «Вследствие телеграммы Наштазап[3]) о том, что из Великих Лук на Полоцк едет депутация 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов, по означенному вопросу был запрошен председатель Гос. Думы, который сообщил, что никаких депутаций не посылалось. Таким образом, повидимому, начинают уже появляться из Петрограда чисто революционные разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, попытаются проникнуть и в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установив наблюдение на всех узловых станциях железных дорог в тылу и иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого приводить немедленно к исполнению. 3 марта 1917 г., 11 час. 25 мин. *Алексеев*». Псков 3 марта, 1266/6. *Болдырев.* № 10621[4]).

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия предс. Гос. Думы Родзянко.

Получена 3 марта 4 ч. 15 м.

Ввиду состоявшегося подписания его величеством акта об отречении от престола с передачей такового вел. князю Михаилу Александровичу, необходимо скорейшее объявление войскам манифеста вновь вступившего на престол государя для привода войск к присяге. Прошу ваше высокопревосходительство содействовать скорейшему сообщению мне текста означенного манифеста (ст. 54 осн. законов). № 1909.

Генерал-адъютант *Алексеев*[5]).

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Получена 3 марта 4 час. 20 мин.

Полагал бы необходимым телеграфное извещение глав союзных государств за подписью отрекшегося от престола государя о своем отречении в пользу вел. князя Михаила Александровича независимо от телеграфного уведомления их новым государем о своем восшествии на престол. В случае согласия вашего высокопревосходительства с этой точкой зрения, прошу о скорейшем сообщении в ставку текстов, которые могли бы быть представлены на подписание отказавшегося от престола государя. № 1911.

Генерал-адъютант *Алексеев*[6]).

[1]) Ген.-квартирмейстер Северного фронта.
[2]) Начальник штаба Северного фронта.
[3]) Начальник штаба Западного фронта.
[4]) Напечатана в № 4 газеты «Правда».
[5]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»
[6]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

Секретно. Председателю совета министров.

Получена 3 марта.

Получено сообщение от вел. князя Николая Николаевича, что инженер Козырев предложил начальнику Закавказских дорог снять жандармов с линии дорог. Вновь повторяю, что снимать охрану с линий железных дорог на театрах военных действий недопустимо. Она прежде всего нужна, дабы продолжать борьбу со шпионажем. Вообще же обращение отдельных агентов правительственной власти с какими-либо распоряжениями к исполнителям, а не через ставку или, в крайних, спешных случаях, чрез главнокомандующих безусловно недопустимо и может роковым образом отразиться на управлении на театре военных действий, внести много путаницы и подорвать авторитет военной власти. В настоящую страшную минуту для спасения России надо принять все меры для сохранения в армии дисциплины и уважения к власти. Если это будет нарушено, то неминуема катастрофа и гражданская война, а в настоящее время и порабощение России немцами. 3 марта 1917 г. № 1926.

Генерал-адъютант *Алексеев*[1]).

Председателю совета министров, копия военному министру.

Отправлена 4 марта 12 час. 20 мин.

Мною получена следующая телеграмма от начальника штаба Северного фронта: «Наштарм 5[2]) телеграммой Наштасеву донес: «Прибывшие сегодня днем Петрограда в Режицу вооруженные делегаты рабочей партии освободили везде всех арестованных, обезоружив частью караул, обезоружили полицию, начали обезоруживать офицеров, угрожая всем наведенным огнестрельным оружием, ходили даже для этого по квартирам. Примкнули нижние чины гарнизона. Сожгли в управлениях начальника гарнизона, коменданта и в полицейских участках судные и арестантские дела. Кровопролития и особых беспорядков не было. Командарм ходатайствует срочно войти в сношение с представителями власти, немедленно прекратить обезоруживание офицеров, врачей, чиновников. № 2078. *Вахрушев*». Главкосев, находя указанные действия преступными, вносящими разлагающее влияние среди войск и населения ближайшего тыла армий, приказал просить ваше высокопревосходительство о срочном сношении с представителями власти по принятию самых решительных мер к прекращению таких явлений, могущих деморализовать всю армию. Псков. 4 марта. № 1275/б *Данилов*». Прошу срочно принять все меры, чтобы не допускалось отправление на фронт каких-либо делегаций. Вместе с сим сообщаю главнокомандующим фронтами, чтобы, в случае появления таких шаек, они немедленно захватывались и предавались на месте же военнополевому суду. 4 марта 1917. № 1954.

Генерал-адъютант *Алексеев*[3]).

Председателю совета министров кн. Львову, копия военному министру.

Отправлена 4 марта 13 час. 40 мин.

Сообщаю для сведения, что мною разослана всем главнокомандующим фронтами следующая телеграмма: В ответ на мое донесение верховному главнокомандующему о моем указании главнокомандующим фронтами о необходимости незамедлительно объявить по армиям манифест государя императора об отречении от престола и второй манифест великого князя Михаила Александровича мною сей-

[1]) Пометка: «К сведению. Кн. Л.»
[2]) Начальник штаба 5 армии.
[3]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

час получена следующая телеграмма от вел. князя Николая Николаевича: «Ввиду обстоятельств подтверждаю принятое вами решение, вместе с тем повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли русского народа и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе. 4 марта 1917 г. № 4318. Генерал-адъютант *Николай*». Объявляя настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, предлагаю его именем немедленно опубликовать и разослать в армии как манифесты об отречении от престола государя императора и великого князя Михаила Александровича, так и настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, которую прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. 4 марта 1917. № 1949.

Генерал-адъютант *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, копии — председателю Государственной Думы, военному министру.

Получена 5 марта.

Главнокомандующий Северного фронта сообщает на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, проистекающую из стремления каких-то неуловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте. В Выборге власть над гарнизоном крепости в руках солдатских делегатов, и комендант крепости генерал Петров был арестован нижними чинами, теперь выпущен. Попытки стать хозяевами положения замечаются и в Пскове, при чем при столкновении с толпой пал начальник распределительного пункта полковник Самсонов. Дабы иметь возможность продолжать войну и не допустить позора России, необходимо новому правительству проявить свою власть и авторитет и устранить причины начинающейся разрухи. Правительству крайне необходимо срочно вполне определенно и твердо сказать, что армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны производиться через верховного главнокомандующего. Просил военного министра точно так же издать воззвание правительства к армии, что ее основной, как и прежде, долг — сражаться с врагом внешним, свято хранить лучшее достояние армии — ее прочную дисциплину, что все распоряжения будут исходить от правительства, высших начальствующих лиц, что никакие делегации, депутации не имеют права вводить какие-либо перемены в определенные законом нормы войсковой жизни до перемены закона. Убедительно прошу издать воззвание, ибо на него обопрется всякий начальник, всякому будет понятно, что прежде всего его обязанность — честно исполнить свое прямое дело. Нужно спасти войска от развала всеми силами, способами, ибо начало развала будет знаменовать конец борьбы с неприятелем. № 1973.

Генерал *Алексеев* [2]).

Председателю совета министров, копии — председателю Государственной Думы, военному министру.

Получена 5 марта 22 час. 6 мин.

Телеграммой от 5-го сего марта № 1964 я сообщил военному министру, что по заявлениям главнокомандующих фронтами указывается на недопустимость арестов в пределах района театра военных действий военных начальников лицами, именующими себя делегатами Совета Рабочих и Солдатских депутатов, а так-

[1]) Пометки «Читал. Кн. Л.» «Напечатать (зачеркнуто), «опубликовать» (зачеркнуто). Кн. Л.»

[2]) Пометка: «Кокошкину. Исполнено. Кн. Л.» (Кокошкину было поручено составление воззвания к армии).

же городскими общественными комитетами; а также на недопустимость обезоруживания на станциях и в городах находящихся в пределах районов, подчиненных главнокомандующим, чинов жандармской полиции, офицеров и караулов, выставленных для охраны станционных и железнодорожных сооружений. Вполне поддерживая заявление главнокомандующих, я обратился к военному министру за энергичным его содействием в проведении правительством решительных мер, дабы зараза и разложение, начавшиеся в тылу, не перекинулись в действующую армию и не привели ее к полной небоеспособности. Сегодня мною получено повеление от верховного главнокомандующего, что его высочество, вполне соглашаясь с главнокомандующими армиями, заявляет, что если безотлагательно не появится призыв правительства к порядку к войскам, подчиненным военному начальству, в самой категорической и убедительной форме, а также не будет потребовано прекращения всего того, что ныне происходит в тыловых районах армий, то как его высочество, так и главнокомандующие не ручаются за поддержание порядка и дисциплины, следствием чего явится неминуемый проигрыш войны. Каждая минута промедления, в буквальном смысле этого слова, грозит роковой катастрофой. Всякое изменение существующих уставов и военного распорядка в пределах армии помимо верховного главнокомандующего и без его согласия для пользы дела недопустимо. Необходимо правительственное объявление, что никаких делегаций и депутаций им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками и что появляющиеся в некоторых местах подобные люди подосланы врагами России с целью внести разруху, так как только при разрухе Россия будет побеждена и порабощена врагом. Что надо верить только тем, которые призывают к порядку и к напряжению всех сил для победы над внешним врагом. К этому я добавляю, что промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск поведет к катастрофе. Получаемые со всех сторон сведения указывают, что брожение начинает распространяться в войсках ближайших к тылу. Эти волнения можно объяснить исключительно тем, что для массы простонародья все же непонятно истинное отношение правительства к начальствующим лицам в армии и недоверие, что последние действуют согласно директив и решений нового правительства. Ради спасения армии, а вместе с ней и родины прошу не медлить ни одной минуты. 5 марта 1917 г. № 1977.

Генерал *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, председателю Государственной Думы, военному министру.

Отправлена и получена 6 марта.

Верховный главнокомандующий приказал мне сообщить вам, что считает необходимым, чтобы содержание телеграммы № 1977 было опубликовано, ибо это вразумительнее всего укажет на взгляд правительства, что армию нужно беречь, сохранить неприкосновенным прочно установившийся уклад службы и отношений в войсках до полного окончания войны, когда можно проводить те или иные реформы. Интересы высшие, по-моему, настоятельно подсказывают соответственность исполнить изложенный взгляд верховного главнокомандующего. № 1989.

Генерал *Алексеев* [2]).

Председателю Государственной Думы, председателю совета министров, военному министру.

Отправлена 6 марта 23 час. 50 м., получена 7 марта 0 ч. 45 м.

По приказанию главнокомандующего Северного фронта мне передан полученный главнокомандующим приказ № 2-й Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Я вынужден вновь просить, чтобы никакие распоря-

---

[1]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»
[2]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

жения общего характера не направлялись непосредственно на фронты, а обязательно через штаб верховного главнокомандующего, так как только верховный главнокомандующий может решать вопросы общего характера, подлежащие объявлению войскам. Я повторяю, что направление распоряжений непосредственно главнокомандующим является недопустимым, вносит дезорганизацию и разруху в дело управления армией. Для армии могут быть обязательны распоряжения лишь правительства, распоряжения же неизвестного, не входящего в состав правительственной власти, Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов не являются обязательными и объявляться войскам не будут. С грустью должен прибавить, что многочисленные мои представления правительству по аналогичным вопросам остаются без ответа, что деятельность учреждений, не имеющих отношения к армии, развивается, подобные приказы малоуловимыми способами проникают в части действующей армии, грозя разрушить ее нравственную силу и боевую ее пригодность, ставя начальников в невыразимо тяжелое положение ответствовать перед родиной за сохранение нравственной устойчивости вооруженной силы и не иметь способов бороться с потоком распоряжений, подобных приказу № 2. Или нам нужно оказать доверие или нас нужно заменить другими, которые будут способны вести армию даже при наличии факторов, в корень подтачивающих основы существования благоустроенного войска. № 2015.

Алексеев[1]).

II.

Записка ген. М. В. Алексеева временному правительству.

Секретно.

Вр. исп. должн. верховного главнокомандующего. 14 марта 1917 г. № 2237. Ставка. Председателю совета министров князю Г. Е. Львову.

Милостивый государь, князь Георгий Евгеньевич.

Препровождаю для сведения сводку сообщений главнокомандующих фронтами и командующих кавказской армией и флотами Балтийского и Черного морей по вопросу о том, какое впечатление на войска произвел переход к новому государственному строю и последние события.

На северном фронте происшедшая перемена и отречение государя от престола приняты сдержанно и спокойно.

Многие к отречению императора Николая II и к отказу от престола вел. кн. Михаила Александровича отнеслись с грустью и сожалением.

По некоторым данным можно судить, что многим солдатам манифесты были непонятны и они еще не успели разобраться в наступивших событиях.

Во 2-м Сибирском корпусе 12-й армии возбужден целый ряд вопросов относительно могущих произойти последствий. Были некоторые голоса, что без царя нельзя обойтись и надо скорее выбирать государя, что евреев нельзя иметь офицерами, что необходимо наделить крестьян землей при помощи Крестьянского поземельного банка.

В 5-й армии наступившие события некоторыми солдатами рассматривались, как конец войны, другими — как улучшение своего питания, а частью — безразлично.

Во всех армиях фронта многие солдаты искренно возмущались заявлениями Совета Рабочих и Солдатских депутатов о республике, как желании народа, и говорили: почему же нас об этом не спрашивают? То же высказывали и некоторые жители.

Среди офицеров выясняется недовольство, возмущение и опасение, что какая-то самозванная кучка политиканов, изображающая собой Совет Рабочих и Солдатских депутатов, не получившая никаких полномочий ни от народа, ни от армий,

[1]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

действует захватным порядком от имени страны, мешается в распоряжения временного правительства и даже действует и издает вопреки ему распоряжения.

Особенно волнуют попытки Совета вмешаться в отношения между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих неотмененных законов и законного войскового начальства.

Высказываются пожелания устранить Совет Рабочих и Солдатских депутатов от вмешательства в дело управления государством, так как это крайняя политическая партия, а не полномочные представители народа или армии, которую и нужно поставить на соответствующее место.

Также замечается недовольство выделением петроградского гарнизона в какую-то привилегированную часть армии и высказывается пожелание, чтобы войска этого гарнизона были отправлены также на фронт. В их стремлении остаться в Петрограде усматривается уклонение под благовидным предлогом от исполнения гражданского долга защиты России.

По мнению войск боевой линии, заслуга по образованию нового строя принадлежит не петроградскому гарнизону, а избранникам народа — членам Государственной Думы, народу и всей армии, которая весьма сочувственно отнеслась ко всему происшедшему.

От нового правительства ждут улучшения условий жизни и установления порядка.

На Западном фронте акт об отречении был принят спокойно, серьезно, многими с сожалением и огорчением.

На-ряду с этим перемена строя у многих связана с верой в восстановление порядка. Солдатами новый порядок приветствуется в уверенности, что продовольственная разруха будет устранена и оставшиеся семьи будут наделены пайком в мере действительной потребности.

Выражалась уверенность в прекращении немецкого засилия.

В 9, 10 и сводном корпусах 2-й армии манифест встречен отчасти с удивлением и с сожалением государя.

Многие, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящие события.

В сибирской казачьей дивизии сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление.

Некоторыми выражалась надежда, что государь не оставит своего народа и армии и вернется к ним.

Для части солдат это впечатление смягчалось тем, что император Николай II преемником себе назначил великого князя Михаила Александровича, и что в России еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно.

Однако самый переход к новой власти казаками сибирской казачьей дивизии принят с полной покорностью.

К допущенным в дни перелома эксцессам толпы к офицерам, имевшим место в Петрограде, Москве и других городах, отношение отрицательное и в офицерской среде толкуется, как пагубное для армии и России желание, клонящееся к разложению армии и вреду страны.

Настроение войск бодрое. Преобладает сознание необходимости довести войну до победоносного конца, для чего необходимы полное спокойствие на фронте и усиленная работа тыла.

На Юго-Западном фронте объявление манифеста встречено спокойно, с сознанием важности переживаемого момента и чувством удовлетворения и веры в новое правительство.

Местами в офицерской среде высказываются сомнения, что новой власти не удастся сдержать крайние революционные элементы.

На Румынском фронте происшедшие перемены войсками приняты спокойно.

Отречение императора Николая II на офицеров 9-й армии произвело тягостное впечатление.

В 4-й армии большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием государя, выразившимся в акте отречения. Здесь же манифест в. кн. Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления.

Более нервное отношение к событиям чувствуется в 3-м кавалерийском корпусе, где передачу престола великому князю Михаилу Александровичу склонны

понимать, как вручение регентства до совершеннолетия великого князя Алексея Николаевича, которого считают законным наследником.

В кавказской армии к перемене строя войска отнеслись спокойно.

В Балтийском флоте переход к новому строю принят восторженно.

В Черноморском флоте последние события встречены спокойно и с пониманием важности переживаемого момента. Работы не прекращались и не прекращаются.

Назначение великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим на всех фронтах было принято сочувственно и даже с радостью. У многих принятие им верховного командования связывалось с надеждой на более скорый и победоносный конец войны.

Лишь в 5-й армии Северного фронта ставились вопросы о том, по какому праву и чьим распоряжением вел. князь Николай Николаевич занял пост верховного главнокомандующего.

В заключение считаю необходимым указать, что население в тылу Северного фронта, особенно в местечках, опасается погрома, и к главнокомандующему этим фронтом уже начали поступать ходатайства о присылке войск для охраны безопасности жителей.

Примите уверение в совершенном уважении и полной преданности.

Мих. Алексеев.

Записка ген. М. В. Алексеева М. В. Родзянко[1]).

Смоленск, 25 июля 1917 г.

Милостивый Государь Михаил Владимирович!

Дела России, нашей родины, о которой (заботятся) вершители наших судеб, ответственные, а главным образом, безответственные, — с каждым днем становятся тяжелее и безотраднее. Нехорошо на фронте: стратегическая обстановка на нашем юге может подарить еще тяжкими для самолюбия и для коренных губерний сюрпризами. Плохо в войсковом тылу, где народ кормит не один миллион ничего не делающих и часто безобразничающих бездельников. Безотрадно в общегосударственном тылу, где нет власти, где нет ответственных работников, могущих подняться выше интересов своей партии и окинуть беспристрастным, беспартийным и талантливым взором нужды, желания, чаяния многострадальной России, народа русского в целом, а не одного излюбленного и притом развращенного класса.

16 июля состоялось совещание в Могилеве. Позвольте вам перечислить те меры, на немедленном осуществлении которых настаивали все военные представители совещания. Только эти меры позволят в течение месяцев трех оздоровить больной организм армии, вернее выразиться, — создать кое-какую армию, способную вести бой, так как в данную минуту у нас армии нет. Есть отдельные части, сохранившие верность долгу; есть офицеры и небольшое число солдат, готовых гибнуть и жертвовать собою, но нет массы, спаянной дисциплиною, верою в начальников, желанием боя и победы, способностью проявить мужество и упорство.

Вот эти меры:

1. Временное правительство должно признать свою вину и ошибку в оценке офицерского состава армии, униженного, оскорбленного, сознательно, умышленно лишенного власти и значения. Признать ошибку потому, что именно это главным образом сгубило армию.

2. Признать, что деятели Петрограда не знают армии, а потому должны прекратить военное законодательство и передать это дело в опытные руки верховного главнокомандующего.

[1]) Архив Окт. Революции. Ф. III. Опись № 2. Дело № 64. 1917 г.

3. Изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов, ибо вся армия обратилась в митингующую бесконечно толпу. В митингах утонули здравый смысл, честь, верность русского солдата.

4. Уничтожить декларацию прав солдата, с слишком легким сердцем принятую и подписанную Керенским.

5. Уничтожить войсковые комитеты и комиссаров, которых Керенский считает «глазами и ушами временного правительства». Эти два института смели бесследно власть войсковых начальников всех степеней и породили самое опасное для всякой армии многовластие, многоголовие.

6. Потому скорее восстановить единоличную власть и ответственность начальников. Вернуть то доверие свыше, без которого старший, ответственный начальник не может отдать все силы духа и ума на выполнение боевой задачи; нельзя допускать, чтобы начальника смущали торчащие сзади «глаза и уши» человека, часто не имеющего никакого понятия о военном деле, но желающего во все вмешиваться и, кроме «глаз и ушей», совать всюду и свой «нос».

7. Возродить настоящую дисциплину. Для этого учредить военно-полевые (почему-то и их потребовалось назвать военно-революционными) суды и смертную казнь не только на фронте, но и во всем тылу, ибо прибывающие укомплектования развращены и распущены в такой мере, что появление каждой новой партии укомплектования сразу уничтожает в полку всю работу, которую удалось провести начальникам, не взирая на убийственные условия для такой работы.

8. Создать теперь же отборные части для воздействия на массу в бою, имея их в качестве резерва, и для удержания порядка при демобилизации. (Лично считаю большой ошибкой генерала Брусилова и других начальников, что бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив ударные батальоны вперед; за ними никто не пошел. Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть).

Лично от себя я добавил: 9. Не менять, как капризная и богатая женщина бросает перчатки, начальников; гоните слабых, не оказавшихся на высоте своего назначения в бою, но не гоните по тайным, мутным аттестациям, как сделал это Гучков. Он надломил состав начальников, мечтая вызвать в армии взрыв энтузиазма массовым изгнанием. 10. Вернуть в армию тех честных, твердых служак, которые в последние месяцы были выжиты из частей развращенною солдатскою массою.

Требования Корнилова вам известны из газет. Когда на совещании после короткого перечня мер ген. Рузский предложил перейти к подробному рассмотрению и разработке каждой в отдельности, Керенский ответил, что это не входит в задачи совещания, которое должно лишь высказать свое мнение, а разработка мер принадлежит Петрограду, что при разработке не должны быть затронуты те начала, которые завоеваны для армии революцией (?!). При дальнейшем настоянии военных представителей Керенский выразился, что он готов оставить пост военного министра, подписав какой угодно приказ, но убежден, что если сегодня дойдет до массы приказ, утверждающий намеченные меры, то завтра же начнется резня офицеров и командного состава (?).

И вот сегодня, когда я пишу вам это письмо, миновало 10 суток со времени совещания, а никаких мер, даже самых мягких, для оздоровления армии не принято, не объявлено. Между тем потеря каждого дня невознаградима. 20 июля я отправил об этом письмо г. Керенскому; высказал там и убеждение, что не следует опасаться возможности насилия со стороны солдат. Во-первых, этих насилий и без того много, а во-вторых, «смелость сделает свое благотворное дело, и я не разделяю высказанных на совещании опасений. События в Петрограде 3—5 июля наглядно показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более труслива она и тем легче пасует перед решимостью и смелостью. Быть может, где-либо и произойдут эксцессы. Их можно и нужно задавить жестокою рукою. Это сохранит нам для последующего сотни и тысячи жизней и устранит возможность повторения бунтов».

Конечно, мой голос теперь не может иметь большого влияния, хотя я и счел долгом возвысить его не только на совещании, но и особым письмом.

Грустно то, что и голос генерала Корнилова, звучащий, казалось бы, тверже и настойчивее, потому что за ним уже разразившаяся катастрофа на фронте, которой я не имел еще перед уходом из Могилева, тоже пока не будит от сладкого

сна наших вершителей судеб. Чего же они ждут? Быть может, об этом спросит комитет Гос. Думы; быть может, начнет требовать отчета та часть русского народа, которая еще не погрязла в партийной борьбе, в социалистических бреднях, заслонивших собою «Россию и родину». Нужно установить определенно, что нервные об'езды и речи положительно никакой пользы не приносят. Вот отзыв одного строевого офицера полка, удостоенного речью Керенского. «Это опереточный пуф! Солдатская темная масса не знала и не знает Керенского». Прибавлю, как не будет знать каждого, кто придет к ней со словами и речами, но без власти, силы и кулака.

Еще одно дело. Припомните, сколько разврата внесли громкие проповеди, мерзкие дела Ленина, Зиновьева, Троцкого, Луначарского, Каменева, Коллонтай и пр. Эти негодяи были неприкосновенны. Призывы к бунту на словах и в печати, захват чужой собственности... не вменялись в вину. «Боритесь с ними словом»!.. пока те *не совершили* преступного деяния (как будто не совершали!). Вот что значит быть под покровительством «комитета преступления», т.-е. Совета Раб. и Солд. депутатов.

Зато с какой легкостью и с какой постыдною внешнею обстановкою арестуют генерала Гурко, всю жизнь свою отдавшего на служение родине. Дело не стало за ордером Керенского. Одного письма (!) оказалось достаточным для такого шага. А деятельность, а служба? Что за дело... было письмо.

Или мелкая трусость людей везде и во всем усматривающих грозный призрак «контр-революции», или, — извините, — мелкая месть человеку, который пришелся не по душе и которого безнаказанно, пользуясь властью, можно запятнать перед Россией. Я склонен думать, что личное нерасположение сыграло в этом деле бо́льшую роль, чем что-либо другое.

Не то ли же побуждение свергло Брусилова? В армии хорошо знали сильные и слабые его стороны; его способность теряться в тяжелые, критические минуты. Командный и офицерский составы без доверия встретили в мае его назначение. Быть может, прорыв на Тарнопольском направлении не без порядочного греха в смысле управления. Но для всех это была только нравственного порядка катастрофа, — безудержное бегство развращенной законами последних 4-х месяцев армии. За что же так неделикатно убрали ген. Брусилова? И мне казалось, что здесь обиженное самолюбие решило вопрос, а объяснения Брусилова в «Русском Слове» только подтвердили это.

Располагали мы министром, которому приписывают участие в событии Фонарного переулка. Теперь военное министерство обзавелось «управляющим», краткая автобиография которого, отпечатанная в штабе VII армии, говорит о великих заслугах настоящего главы и представителя армии: убийство Плеве, Мина, вел. кн. Сергея, организация других убийств. Неужели кровь убитого на большой дороге и кровь убитого но политическим побуждениям не одинаково марает руку убийцы? Впрочем, я сильно отстал и психологию деятелей нашей революции постичь не могу.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Мих. Алексеев.

P. S. На частном заседании комитета Государственной Думы было высказано мнение, что преступный приказ № 1 Совета Р. и С. Д. был издан скорее бессознательно, чем с намерением сделать вред. 4 мая на том заседании в Мариинском дворце, на начале которого вы присутствовали, на мое заявление, что приказ этот положил прочное начало разврату армии, на мое настояние работать по восстановлению армии тех, кто ее развратил, возражал Церетели. Он отверг вину Совета, ибо «приказ № 1 отвечал моменту». Следовательно, еще 4 мая деятели Совета убежденно считали, что развращение армии было им нужно для потребностей «момента». Это выражение станет впоследствии историческим, как равносильное другому изречению: «после нас хоть потоп». Как кажется, мысль, что приказ сознательно преследовал определенные цели, подтверждена громко и в Стокгольме.

М. Алексеев.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Милостивый Государь!

Я должна написать нѣсколько словъ истины, по поводу статьи г-на Бориса Соколова «Паденіе Сѣверной Области», помѣщенной въ IX томѣ Архива Русской Революціи.

Дѣлаю я это съ такимъ большимъ запозданіемъ потому, что поступивъ два года тому назадъ въ монастырь, я перестала читать свѣтскую литературу, и о статьѣ г-на Соколова я узнала только теперь отъ моихъ друзей.

* * *

Г-нъ Б. Соколовъ пишетъ: «Первымъ уѣхалъ изъ Сѣверной Области генералъ Клюевъ, получившій весьма загадочную командировку и весьма реальный чекъ на шведскія кроны».

Это — ложь. Первымъ уѣхалъ генералъ Бемъ. Я не знаю подробностей его командировки, знаю только, что поѣхалъ онъ въ Финляндію.

Вторымъ уѣхалъ главноуполномоченный Краснаго Креста Сѣверной Области К. П. Шабельскій въ Швецію.

Мой мужъ уѣхалъ третьимъ, въ серединѣ января, въ командировку въ Карелію, въ Ухту, чтобы установить дружескія сношенія съ карелами. Это было, конечно, слишкомъ поздно, такъ какъ вліяніе Финляндіи всецѣло господствовало въ Кареліи, но думали вѣрно, что лучше поздно, чѣмъ никогда. Командировка была не загадочная, хотя, конечно, широкимъ массамъ публики она и не была извѣстна, а реальный чекъ на шведскія кроны состоялъ изъ ящика со спиртомъ и табакомъ.

Когда уѣзжалъ мужъ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ; командировка должна была продолжиться 3—4 недѣли. Поѣздка была интересная: на лошадяхъ, гужемъ, по дремучимъ лѣсамъ Сѣвера, по замерзшимъ рѣкамъ и озерамъ, черезъ интересныя сѣверныя деревни, съ ихъ своеобразными старинными храмами.

Въ это время я была старшей сестрой лазарета Краснаго Креста въ Архангельскѣ; дѣла было много, и я сказала мужу, что это меня удерживаетъ отъ поѣздки. Но главная причина моего нежеланія ѣхать съ мужемъ была та, что неминуемо начались бы разговоры о томъ, что генералъ Клюевъ бѣжалъ изъ Сѣверной Области, (что говорили объ уѣхавшихъ до него!). А тотъ фактъ, что я оставалась въ Архангельскѣ, казалось мнѣ, дѣлалъ эти вымыслы неправдоподобными.

Въ началѣ февраля произошелъ бунтъ въ 3-мъ Стрѣлковомъ полку на фронтѣ, и тогда я поняла, что близокъ грозный призракъ неизбѣжнаго.

17-го февраля, когда я была въ лазаретѣ, меня по телефону просили притти въ Управленіе Краснаго Креста. Я нашла тамъ всѣхъ очень возбужденными. Уполномоченный И. И. Фидлеръ сразу сказалъ мнѣ, что дѣла наши плохи, ежечасно можно ожидать, что войска откроютъ фронтъ; что эвакуація неизбѣжна и просилъ меня, какъ старшую сестру лазарета, ѣхать съ ранеными лазарета на ледоколѣ. Я отвѣтила согласіемъ.

А вечеромъ уполномоченный мнѣ уже сказалъ, что лучше мнѣ ѣхать сухимъ путемъ на станцію Сороки, Мурманской желѣзной дороги; я отвѣтила, что подчиняюсь его рѣшенію. Во время разговора подошелъ г-нъ Соколовъ и, заикаясь еще болѣе сильно, чѣмъ всегда, сталъ говорить, что мнѣ гораздо лучше ѣхать сухимъ путемъ, что меня Красный Крестъ проситъ объ этомъ. Говорилъ о томъ, чтобы я, если возможно, открыла питательные пункты по направленію къ станціи Сороки. «Возьмите впередъ жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ и поѣзжайте» — говорилъ г-нъ Соколовъ.

«Я работаю безъ жалованья» — сухо отвѣтила я ему.

Я заѣхала въ лазаретъ проститься со всѣми сестрами. На другой день меня снабдили необходимыми бумагами и большой суммой Чайковокъ (деньги Сѣверной Области). Со мною ѣхали двѣ сестры, санитаръ съ продуктами и молодой неопытный офицеръ, назначенный въ помощь намъ изъ штаба. Въ сильнѣйшій морозъ и снѣжную вьюгу, мы выѣхали изъ Архангельска 18-го февраля. Уѣзжали мы изъ Управленія Краснаго Креста, простившись со всѣми служащими тамъ, въ томъ числѣ и съ г-номъ Соколовымъ.

Но все это онъ забылъ. И пишетъ, что въ числѣ бѣжавшихъ изъ Архангельска была жена генерала Клюева.

* * *

Переворотъ засталъ моего мужа въ Кеми, на обратномъ пути въ Архангельскъ, и онъ повернулъ снова въ Карелію, стараясь пробраться въ Финляндію, что ему и удалось, послѣ невѣроятныхъ мученій, когда онъ большую часть пути шелъ пѣшкомъ, съ язвами на ногахъ, въ страшный морозъ, пока группа офицеровъ, ѣхавшихъ тѣмъ же путемъ, не согласилась взять его въ свои сани.

Въ Финляндіи онъ былъ интернированъ въ лагерѣ, вмѣстѣ со всѣми офицерами Сѣверной Области; больной, измученный, въ самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ. Послѣ долгихъ усилій, удалось получить для мужа разрѣшеніе финскихъ властей жить внѣ лагеря, и онъ поселился въ Борго.

Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ на мѣсто генерала Бемъ (уѣхавшаго въ Парижъ) представителемъ генерала Миллера въ Финляндіи, для оказанія помощи и раздачи пособій офицерамъ и осиротѣвшимъ семьямъ офицеровъ Сѣверной Области. Эту должность онъ занималъ до своей смерти, въ декабрѣ 1921 года.

Меня и двухъ сестеръ, ѣхавшихъ со мною, арестовали въ маленькой деревушкѣ, не доѣзжая Сорокъ, и повезли на другой день съ часовымъ въ Сороки. На желѣзнодорожной станціи развѣвался красный флагъ, съ надписью: «нѣтъ больше голодныхъ», и желѣзнодорожные мастера, составившіе мѣстную совѣтскую власть, дѣлали намъ допросъ. Всѣ деньги отъ насъ отобрали, бумаги мы уничтожили сами раньше. Шесть кошмарныхъ дней мы провели въ баракѣ для арестованныхъ. Потомъ меня перевели въ желѣзнодорожную больницу, такъ какъ еще въ дорогѣ я заболѣла испанкой, перешедшей въ крупозное воспаленіе легкихъ. Помѣстивъ меня въ больницу, обо мнѣ забыли, и это было моимъ спасеніемъ. Я пролежала тамъ 8 мѣсяцевъ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Послѣ воспаленія легкихъ у меня совершенно отнялись ноги и руки. Лѣченія не было никакого, кромѣ горячей ванны, въ которую меня часто сажали, не смѣнивъ воду послѣ цынготныхъ больныхъ, съ открытыми язвами на тѣлѣ. Рядомъ съ женской палатой, гдѣ были больные и хирургическіе, и съ внутренними болѣзнями, и гдѣ лежали и роженицы со своими грудными младенцами — помѣщались больные красноармейцы. Больница была простой бревенчатый баракъ, въ которомъ были, конечно, и клопы, и вши. Для меня лично, все это было скрашено трогательнымъ отношеніемъ ко мнѣ сидѣлокъ, которыхъ всегда вспоминаю съ теплымъ чувствомъ благодарности въ своихъ молитвахъ. У меня не было ни гроша денегъ. Изъ вещей, кромѣ нѣсколькихъ смѣнъ бѣлья, все было брошено по дорогѣ; отблагодарить я ихъ ничѣмъ не могла, и онѣ, съ полнымъ безкорыстіемъ одѣвали, поили, кормили меня и ухаживали за мной. Когда наступила весна, онѣ по собственной иниціативѣ, выносили меня на носилкахъ во дворъ, гдѣ я все-таки радовалась солнцу, голубой дали и зеленѣющей травкѣ.

Осенью меня перевезли въ Петрозаводскъ, тоже въ желѣзнодорожную больницу, а оттуда друзьямъ моимъ удалось меня перевезти въ Петроградъ. И тогда только мужъ мой и я узнали другъ о другѣ.

Весной 1921 года мужъ устроилъ мое бѣгство въ Финляндію. Черезъ границу, черезъ рѣчку, меня несли на носилкахъ, въ туманной ночной мглѣ, невѣдомые мнѣ люди, и первые шаги я сдѣлала въ Финляндіи, послѣ усиленнаго лѣченія, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а ходить безъ палокъ я стала уже пріѣхавъ въ монастырь.

Вотъ истина! И это все, что я хотѣла написать.

Зинаида Клюева.

Сентябрь, 1924 г.

II.

Милостивый Государь!

Въ статьѣ Б. Б—скаго «Судъ надъ Мясоѣдовымъ (Архивъ Рус. Рев., т. XIV) имѣются слѣдующія строки:

«Сухомлиновъ далъ ему рекомендательное письмо къ командующему X арміей генералу Сиверсу. Послѣдній не могъ отказать лицу съ такой солидной рекомендаціей и взялъ Мясоѣдова въ штабъ арміи, поручивъ ему агентурную развѣдку, такъ какъ это дѣло ему, бывшему жандармскому офицеру, да еще служившему въ мирное время въ томъ же раіонѣ, гдѣ дѣйствовала X армія, было болѣе знакомо, чѣмъ какая - либо другая отрасль службы...»

Сообщая эти свѣдѣнія, полученныя несомнѣнно изъ недостовѣрныхъ источниковъ, Б. Б—скій былъ введенъ въ заблужденіе. Я не знаю, живъ ли въ настоящее время генералъ Сиверсъ, которому принадлежитъ право отвѣта на эти строки, и позволяю себѣ, какъ бывшему въ тѣ времена генералъ - квартирмейстеромъ штаба X арміи, внести въ статью Б. Б—скаго нижеслѣдующія поправки:

1. Подполковникъ Мясоѣдовъ попалъ въ штабъ X арміи съ согласіе тогдашняго начальника штаба арміи генерала Одишелидзе. Это согласіе было получено Мясоѣдовымъ во время совмѣстной поѣздки въ вагонѣ желѣзной дороги въ то время, когда Одишелидзе былъ только что назначенъ начальникомъ штаба арміи и ѣхалъ къ мѣсту расположенія послѣдняго въ Красностокскомъ монастырѣ, около крѣпости Гродно.

Насколько мнѣ извѣстно, генералъ Одишелидзе, служившій все время на Дальнемъ Востокѣ и въ Туркестанѣ, совершенно не зналъ, что такое представлялъ Мясоѣдовъ, и далъ свое согласіе, такъ какъ зналъ, что въ штабѣ много незанятыхъ вакансій и нужны офицеры со знаніемъ нѣмецкаго языка.

2. Генералъ Сиверсъ узналъ о назначеніи Мясоѣдова только тогда, когда объ этомъ состоялся приказъ. Онъ былъ крайне недоволенъ, раздраженъ, и не опротестовалъ приказа только ради сохраненія авторитета генерала Одишелидзе, но запретилъ держать Мясоѣдова при штабѣ даже въ теченіе однѣхъ сутокъ, приказавъ удалить его въ какой - нибудь маленькій штабъ, гдѣ и держать не у дѣлъ, употребляя только для переводовъ нѣмецкихъ газетъ.

Свое предубѣжденіе противъ Мясоѣдова, генералъ Сиверсъ объяснялъ тѣмъ, что «этотъ пакостникъ присланъ своимъ пакостнымъ покровителемъ Сухомлиновымъ для какихъ - либо гадкихъ дѣлъ по шпіонству за распоряженіями Ставки и Великаго Князя Главнокомандующаго, противъ котораго Сухомлиновская клика все время вела подкопы и интриги».

Въ силу приказа генерала Сиверса, Мясоѣдовъ, въ самый день своего прибытія къ штабу X арміи, былъ откомандированъ въ штабъ 57 дивизіи, гдѣ и находился все время, вплоть до начала секретнаго о немъ разслѣдованія и перевода его въ Ковну.

3. Генералъ Сиверсъ отличался рѣдкой самостоятельностью; для него были безразличны какія бы то ни было протекціи. Никакихъ рекомендацій о Мясоѣдовѣ онъ отъ Сухомлинова не получалъ, а если бы и получилъ когда - либо что-нибудь, происходящее отъ Сухомлинова, то это привело бы только къ отрицательнымъ послѣдствіямъ для рекомендуемаго, ибо генералъ Сиверсъ глубоко презиралъ Сухомлинова, говорилъ о немъ съ чувствомъ гадливости и считалъ его опереточнымъ министромъ и легкомысленнымъ погубителемъ русской вооруженной силы.

4. Мясоѣдовъ числился на должности переводчика; никакихъ порученій по развѣдкѣ на него не возлагалось, за исключеніемъ только полученія отъ него свѣдѣній о нашихъ зарубежныхъ сектантскихъ эмигрантахъ, жившихъ въ раіонѣ Мазурскихъ озеръ.

Первой и послѣдней командировкой Мясоѣдова по развѣдкѣ была его поѣздка въ Ковну, куда онъ былъ посланъ по приказанію слѣдившихъ за нимъ агентовъ Ставки и штаба X арміи, для приближенія его къ мѣстамъ работы нѣмецкихъ шпіонскихъ организацій и для выясненія всѣхъ участниковъ.

Генералъ - лейтенантъ баронъ *Будбергъ*.

19 іюля 1924 года.

Содержаніе

Стр.

Моя борьба съ епископомъ Гермогеномъ и Иліодоромъ — сен. П. П. Стремоухова 5

Революціонное общество по личнымъ воспоминаніямъ — В. А. Ауэрбаха 49

Съ французами — В. Майбородова 100

Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ — ген. Н. Данилова 162

Документы:

Очеркъ взаимоотношенія Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи и представителей Французскаго Командованія 233

Выписка изъ данныхъ наружнаго наблюденія за Григоріемъ Распутинымъ 263

Верховное Командованіе въ первые дни революціи 279

Письма въ редакцію 291

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ
АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I.

Задачи Архива. — В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ—Вятка въ 1919—1920 г.г. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма.

К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. — Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова). — Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки.

Послѣдніе дни Леонида Андреева. — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

ТОМЪ II.

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки Н. И. Вуича и кн. Н. Д. Оболенскаго). — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. — Р. Гуль, Кіевская эпопея. — Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. — I. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Черининъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и дневники.

Журналъ засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

ТОМЪ III.

С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. — М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. — А. Левинсонъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. — Л. Л—ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—1920 г.г. — Г. Игреневъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы.

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. — Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

ТОМЪ IV.

А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. — А. Демьяновъ, Моя служба при Временномъ Правительствѣ. — А. Синегубъ, Защита Зимняго Дворца. — Бар. М. Д. Врангель, Моя жизнь въ Совѣтскомъ Раю. — Р. Донской, Изъ Москвы до Берлина въ 1920 г. (Продолженіе).

Документы и дневники.

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. — А. В., Дневникъ обывателя.

ТОМЪ V.

А. А. Валентиновъ, Крымская эпопея. — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — П. Красновъ, Всевеликое Войско Донское. — Ген. Филимоновъ, Разгромъ Кубанской Рады.

Документы.

Письмо Вел. Кн. Александра Михайловича къ Николаю II. — Записка, составленная въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицынымъ 6 ноября 1916 г. — Показанія Н. А. Маклакова о письмѣ Николаю II. — Денежные документы генерала Алексѣева. — Документы къ воспоминаніямъ ген. Филимонова.

ТОМЪ VI.

М. В. Родзянко, Госуд. Дума и февральская революція. — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. А. Гольденвейзеръ, Изъ Кіевскихъ воспоминаній. — А. Гуровичъ, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

Документы.

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянки. — Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста.

ТОМЪ VII.

Бар. Б. Э. Нольде, В. Д. Набоковъ въ 1917 г. — С. А. Кореневъ, Чрезвычайная Комиссія по дѣламъ о бывшихъ министрахъ. — А. С. Демьяновъ, Записки о под-

польномъ Временномъ Правительствѣ. — Н. Вороновичъ, Межъ двухъ огней. — Б. Казановичъ, Поѣздка изъ Добровольческой Арміи въ «Красную Москву». — Г. Вилліамъ, Побѣжденные. — С. Кобяковъ, Красный судъ.

Документы.

Ставка 25—26 октября 1917 г. — Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича.

ТОМЪ VIII.

С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. — С. Ан—скій, Послѣ переворота 25 октября 1917 г. — Н. Мейеръ, Служба въ комиссаріатѣ юстиціи и народномъ судѣ. — В. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917—1920 г.г. — Герцогъ Г. Лейхтенбергскій, Какъ началась «Южная Армія». — Денежные знаки революціи и гражданской войны.

ТОМЪ IX.

Борисъ Соколовъ, Паденіе Сѣверной Области. — Б. Байковъ, Воспоминанія о революціи въ Закавказьи (1917—1920 г.г.). — Н. Плешко, Изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента.

Документы.

Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой Арміи въ Сибирь въ 1918 г.

ТОМЪ X.

А. Изгоевъ, Пять лѣтъ въ Совѣтской Россіи. — Лейтенантъ N. N., Записки бѣлогвардейца. — А. Гефтеръ, Воспоминанія курьера. — Н. Савичъ, Три встрѣчи.

Документы.

Протоколы допроса адмирала Колчака Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей въ Иркутскѣ въ январѣ—февралѣ 1920 г.

ТОМЪ XI.

С. В. Завадскій. На великомъ изломѣ. — Н. М. Могилянскій, Трагедія Украйны. — В. Б. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917—1920 г. г.

Документы.

Исповѣдь В. И. Кельсіева.

ТОМЪ XII.

С. П. Бѣлецкій, Воспоминанія. — І. В. Гессенъ, Бесѣда съ А. Н. Хвостовымъ. — З. Ю. Арбатовъ, Екатеринославъ 1917—1922 г.г. — Н. Каринскій, Эпизодъ изъ эвакуаціи Новороссійска. — Д. Лутохинъ, Совѣтская цензура. — А. А. Гольденвейзеръ, Бѣгство.

Документы и дневники.

Конституція Уфимской директоріи. — Документы къ статьѣ Н. Каринскаго. — Бар. А. Будбергъ, Дневникъ.

Varia.

В. П. Семеновъ Тянь-Шанскій, Главный земельный комитетъ. — Письма въ редакцію.

ТОМЪ XIII.

Борисъ Соколовъ, Защита Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. — Н. Кришевскій, Въ Крыму (1916—1918 г.г.). — Е. Постникова, 21-ый годъ.

Документы и дневники.

Послѣдній портретъ Императора Николая II. — Сводка матеріаловъ по исторіи Ревельскаго Укрѣпленнаго Района. — Бар. А. Будбергъ, Дневникъ (Продолженіе). — Письмо въ редакцію, А. Наумова.

ТОМЪ XIV.

Б. А. Ауэрбахъ, Революціонное общество по личнымъ воспоминаніямъ. — Н. Даниловъ, Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ. — Б. Б—аго, Судъ надъ Мясоѣдовымъ (Впечатлѣнія очевидца).

Документы и дневники.

Документы по исторіи черноморскаго флота (въ мартѣ—іюнѣ 1918 г.). — Бар. А. Будбергъ, Дневникъ (Продолженіе).

ТОМЪ XV.

В. І. Гурко, Изъ Петрограда черезъ Москву, Парижъ и Лондонъ въ Одессу. — Ген. А. И. Спиридовичъ. При царскомъ режимѣ.

Дневники.

Дневникъ и воспоминанія кіевской студентки (1919—20 г.г.). Бар. А. Будбергъ, Дневникъ (Окончаніе).

Druck: Pellchenfeld's Buchdruckerei A.-G., Berlin SW19, Beuthstraße 19.

